ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Игорь Михайлович ИЛЬИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в пяти томах

Совет по изданию:

Русский интеллектуальный клуб

Попечительский совет
литературной Бунинской премии

Международная академия наук
(Австрия, г. Инсбрук)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Игорь Михайлович
ИЛЬИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
том 4

ВОЙНА И МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКВА «ТЕРРА» 2016

УДК 30 + 82
ББК 6/8 + 84
И46

Ильинский И. М.

И46 Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4: Война и мир: история и современность / Послесл. А. И. Фурсова. — М.: Терра, 2016. — 680 с. — (Серия «Отечественная мысль новой и новейшей истории»)

ISBN 978-5-273-01710-8 (т. 4)
ISBN 978-5-273-01706-1

В четвертый том Собрания сочинений известного российского ученого и общественного деятеля И. М. Ильинского вошли его работы, объединенные темой «Война и мир: история и современность». Среди публикуемых произведений — монографии «Великая Отечественная: Правда против мифов», «О терроре и терроризме», вступительная статья к книге «Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1946–1950 гг.», выступления по вопросам войны и мира на заседаниях Русского интеллектуального клуба и др. В том также включена книга «Корни и Крылья», повествующая о родословной автора.

ISBN 978-5-273-01710-8 (т. 4) **УДК 30 + 82**
ISBN 978-5-273-01706-1 **ББК 6/8 + 84**

© И. М. Ильинский, 2016
© ООО «Терра» издательство», 2016

I

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПРАВДА ПРОТИВ МИФОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война ранила мою душу, когда мне едва исполнилось шесть лет.

323 дня, прожитые в блокадном Ленинграде в самые голодные месяцы, когда суточная пища составляла 125 граммов «хлеба», в котором ржаной муки было процентов двадцать, а все остальное — различные примеси... Когда зимние морозы при влажном от Балтийского залива и реки Невы ленинградском воздухе и постоянных ветрах достигали 30, а то и 40 градусов... Когда в домах не было тепла, электричества, воды и не работала канализация. Когда ежедневные артиллерийские обстрелы и бомбежки длились порой беспрерывно по 15–18 часов кряду, а мама, сестра Ирина и я все это время сидели, задыхаясь, в духоте и темноте пропахших мочой бомбоубежищ, набитых людьми, словно селедки в бочке... Когда соседи один за другим умирали семьями и лежали в своих промозглых квартирах неделями, пока не приезжали на грузовиках санитары и не укладывали в кузова, словно бревна, заледеневшие трупы... Когда...

Сколько было этих «когда», потрясших ужасом мою детскую душу за время войны, длившейся 1418 дней? Не знаю. Ведь и после того, как 23 июля 1942 года нашу семью эвакуировали из блокады в сибирскую глухомань-благодать — деревню Петуширa Новосибирской области, где мы прожили почти восемь лет, страх и ужас еще долго не исчезали. Едва ли не каждую неделю то в одной, то в другой избе вдруг начинали истошно голосить бабы, получившие похоронки об убитых на фронте мужиках, а за ними принималась лить слезы вся деревня, и мы с мамой и сестрой Ири-

ной заодно со всеми, будто предчувствуя собственную беду. Похоронка о погибшем на фронте отце... Умирающий на наших глазах от последствий блокады старший брат Олег... Решившая уйти из жизни мама, которую я вытащил из уже надетой на шею петли...

А первые послевоенные годы в Новосибирске, куда мы переехали из Петушихи? Полуголодная жизнь, не во что ни одеться, ни обуться?.. На улицах, у вокзала — «блатные», в трамваях — покалеченные на войне солдаты с протянутыми пилотками: «Подайте, кто сколько может...» Разгул воровства и бандитизма. С ранних лет я носил для защиты кастет, а потом финку, и все же получил два удара ножом...

Много лет прошло уже с тех пор, а война незримыми осколками сидит в моем сердце и памяти. Ненавижу войну, но почему-то — и сам не пойму! — с жадностью необыкновенной читаю книги, смотрю фильмы, слушаю и пою песни про войну. И каждый год с волнением жду 9 Мая — День нашей Победы в Великой Отечественной войне...

В 2015 году Россия празднует 70-летие Великой Победы. Радостный день! А в воздухе, снова как в 41-м, пахнет грозой.

Весной прошлого года Крым и Севастополь вернулись в родную «гавань» — вошли в состав Российской Федерации. Наши заклятые «союзники» по Великой Отечественной войне — Соединенные Штаты Америки и Великобритания, а вместе с ними и Евросоюз взбесились: «Аннексия!..» Начали давить на Россию экономическими и политическими санкциями.

А тут еще Донецкая и Луганская области Украины, некогда подаренные ей В. И. Лениным (так же как Харьков, Днепропетровск, Одесса и...) за счет урезания территории РСФСР, объявили себя независимыми от центральной украинской власти и назвались Новороссией. Вспыхнула гражданская война, которую украинские войска проигрывают повстанцам. Киевские власти, США и Евросоюз увидели за этим «руку Москвы». Санкции усилились.

4 декабря 2014 года конгресс США принял резолюцию № 758. В ней президенту США и Госдепартаменту рекомендовано усилить санкционное давление на Россию в связи с событиями на Украине: заморозить визы, активы и вводить санкции против России и ее руководства; принять меры по ограничению возможности

России оказывать экономическое и политическое воздействие путем энергетического экспорта и торговых барьеров; оказывать правительству Украины необходимую поддержку оборонными и разведывательными средствами; пересмотреть действующие соглашения в рамках НАТО; разработать стратегию распространения новостей и другой информации на русском языке в странах, имеющих существенную долю русскоязычного населения.

Кроме того, конгресс США призвал членов НАТО и его партнеров прекратить военное сотрудничество с Россией.

Президент США Обама уже принял эти рекомендации к исполнению. Выступая на круглом столе журнала Wall Street Journal, он заявил, что США вместе с Евросоюзом будут стремиться к тому, чтобы изолировать Россию на международной арене[1]. 20 декабря 2014 года Обама подписал законодательный Акт о поддержке свободы Украины – 2014, который расширяет санкции в отношении России и предусматривает возможность оказания Украине военной помощи. В этом законе содержится пункт о снабжении украинской армии противотанковым оружием, артиллерийскими радарами и боеприпасами на сумму в 350 млн долл. Позднее конгресс США принял решение о выделении 1 млрд долл. на вооружение Украины. 20 млн долл. будет выделено на поддержку «демократических институтов» в России и создание программ на русском языке в американских СМИ. Планируется также увеличение вещания «Голоса Америки» и радио «Свобода» в странах бывшего СССР для противодействия российской пропаганде.

Все вместе взятое означает, что США и ее союзники возобновили холодную войну с Россией. Пока холодную...

Это не шуточки: «холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира» — так говорилось еще в директиве Совета национальной безопасности США № 68 от 14 апреля 1950 года[2]. Америка вела

[1] Музалевский Д. США приняли резолюцию против России // Утро.ru. 04.12.2014. URL: http://mobile.utro.ru/articles/2014/12/04/1224504.shtml

[2] Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / пер. с англ. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 451.

эту войну нового типа по всем законам военной стратегии и тактики. И выиграла ее. Главным образом потому, что руководство СССР в течение 45 лет воспринимало холодную войну как пропагандистскую кампанию. Это была катастрофическая ошибка: в результате был уничтожен Советский Союз. К тому же США уже лет десять тому назад заявили о своем праве наносить превентивные удары (в том числе ядерные) по назначенным Америкой «странам-изгоям». Теперь в их небольшом списке «изгоев» Россия — враг № 1. Украинская Рада тут же объявила Россию «страной-агрессором».

25 декабря 2014 года Президент РФ В. В. Путин утвердил новую Военную доктрину РФ, в которой сказано: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу будет поставлено само существование государства»[1]. Доктрина фиксирует новые угрозы для России в связи с ситуацией на Украине и вокруг нее, а также в событиях на севере Африки, в Сирии, Ираке и Афганистане.

Впервые в Военную доктрину России включено положение о том, что одна из задач Вооруженных Сил РФ в мирное время — обеспечение национальных интересов в Арктике.

Впервые в Военной доктрине России появился тезис о том, что одним из видов внешних опасностей стал **информационный подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества**.

На экране телевизора едва ли не каждый день мелькают сюжеты об оснащении Российской армии новейшими видами оружия. Первый старт уникальной межконтинентальной ракеты «Ангара», которой нет равных в мире. Спуск на воду атомной подводной лодки «Владимир Мономах», оснащенной 16 ракетами с ядерными боеголовками на борту. Возобновлено производство БЖРК — боевых железнодорожных ракетных комплексов, которых в свое время США боялись больше всего. Произведен запуск

[1] Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. № 6570. 30 декабря.

межконтинентальной ракеты «Булава», способной нести от 6 до 10 ядерных боеголовок с мощностью каждой до 150 килотонн[1]. Третий год подряд в России проводится международный танковый биатлон, на котором наши танки выигрывают у всех иностранных участников. То в одном, то в другом регионе страны идут военные учения с выбросом десантов. Значительно увеличен военный бюджет. Россия ускоренно восстанавливает и модернизирует разрушенные при Горбачеве и Ельцине свои вооруженные силы.

Так и быть должно! Еще царь Александр II сказал: «У России есть только два верных союзника: армия и военно-морской флот». Верную внешнюю политику ведет Президент России В. В. Путин, правильно действует, укрепляя наши вооруженные силы. «Если хочешь мира — готовься к войне!» Этот древний принцип справедлив и сегодня. России необходимо иметь достаточный потенциал ядерного оружия, дабы лишить США даже соблазна строить планы поражения России ядерным ударом, какие они разрабатывали неоднократно начиная с 1945 по 1964 год для нападения на СССР, да так и не решились их осуществить. Причина одна: в бесконтактной ядерной войне ныне не достигаются никакие цели, которые ставились в войнах первого, второго, третьего и четвертого поколений: уничтожить или разгромить врага, завладеть его оружием, территорией, разрушить экономику противника и сменить политический строй.

Сегодня, в войне пятого поколения, сторона, применившая ядерное оружие первой, неизбежно погибает второй от ответного удара несколько позднее. Именно поэтому даже при самых критических обстоятельствах за все годы противостояния США и СССР никто из них не применил атомное оружие друг против друга. Именно поэтому и ныне США и Европейский союз вынуждены вести переговоры с Россией, даже когда их политические отношения по какой-то причине достигают предельной остроты. Хотя обычно в таких ситуациях Америка начинала традиционную войну с любой страной (Югославия, Ирак, Ливия), не имеющей

[1] Информация для понимания: мощность атомных бомб, сброшенных американцами в сентябре 1945 года на Хиросиму, — 13 килотонн, на Нагасаки — 20 килотонн.

атомного оружия, оставляя в запасе возможность применения ядерной бомбежки. С Россией так обходиться нельзя: Россия — мощная ядерная держава.

Абсолютным большинством людей в нашей стране, на постсоветском пространстве, в США и на Западе уничтожение СССР воспринималось как окончание холодной войны на веки вечные. Я же, как и многие мои коллеги — философы, политологи, социологи и просто люди, способные реально оценивать и понимать Происходящее в современном мире, никогда так не думал. По моему убеждению, разгром коммунистической системы, оплотом которой служил СССР, был для наших противников крайне важной, но промежуточной, а не конечной целью холодной войны, развязанной в 1946 году Америкой после речи У. Черчилля в Вестминстерском колледже города Фултон штата Миссури (США)[1]. Ненавистной для Великобритании и США издавна была Россия сама по себе, тем более — коммунистическая, но в главном и основном — как могучий геополитический противник. Не говоря уж о зависти, которая злой собакой гложет мозг западных политиков: самая большая территория — у России; больше, чем у США и всей Европы, сырьевых, энергетических, лесных и водных запасов — у России. К тому же, хоть и ослабленная «перестройкой» и «реформами», Россия в настоящее время имеет вторую (после США) по мощи армию, оснащенную ядерным оружием.

Как же, в конце концов, победить эту снова вставшую на ноги страну и «самый непокорный в мире народ» (директор ЦРУ США Аллен Даллес)? Лучше всего — все тем же способом, каким уничтожен был Советский Союз: войной без «горячей» войны, без ракет, самолетов и бомб — путем «холодной» войны.

В нынешних дискуссиях о ситуации на Украине, в США, Евросоюзе, Франции и по другим поводам, которые идут ежедневно по российским каналам Центрального телевидения, то и дело слышится фраза: «Дело идет к холодной войне». На самом деле холодная война, по моим убеждениям, и не кончалась, а лишь поутихла на некоторое время — и только. Надо же было «победите-

[1] Черчилль У. Мускулы мира/пер. с англ. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 462–491.

лям» малость отдохнуть, пограбить развалившийся на 15 частей единый Советский Союз, получить медали и бонусы за победу. Тем более все эти только что образованные «суверенные» государства стояли на коленях перед Международным валютным фондом с протянутыми руками: «Дайте-подайте кредит!..», заискивающе заглядывали в глаза президентам США: «Походатайствуйте! Помогите!..» Вот такие «независимые» государства американцам нравились. А стоявшая в их первом ряду ельцинская Россия — особенно...

И вдруг — все резко изменилось. Россия начала выстраивать свою, действительно независимую внешнюю политику, она объединяется с такими странами-гигантами, как Китай, Индия, Бразилия, создает БРИКС, Таможенный союз с Беларусью, Казахстаном, Арменией и Киргизией. Реальностью становится Евразийский союз.

Ответ США и Запада непокорной России — полномасштабная холодная война: информационная, психологическая, организационная, культурная, образовательная, лингвистическая, историческая, этническая, демографическая. Плюс политические, финансовые, экономические и технологические санкции... Надо еще добавить пока никому не ведомую кибервойну.

Далеко не все замечают и понимают это, поскольку холодная война по своей сути война скрытная, тайная. Видов этой войны — много. Цель — одна: обезобразить российское Прошлое и Настоящее, лишить страну благополучного Будущего, подчинить своей воле народ... Надо думать, что 284 института, «мозговых центра» и лабораторий США, работавших на холодную войну с СССР, продолжают действовать, придумали что-нибудь новенькое. Ибо в доктрине Совета национальной безопасности 20/1 от 18 августа 1948 года «Цели США в отношении России» было записано: «...нет никаких временных ограничений для достижения наших целей мирным путем. Нет какой-либо строгой периодичности между войной и миром, которая заставляла бы нас пытаться добиться поставленной цели к определенной дате, — в противном случае — война»[1]. Но то было 67 лет назад. Сейчас США форси-

[1] Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. С. 183.

руют все, что поддается ускорению: глобализацию, «демократизацию», военные операции...

Однако и старые теоретические заготовки, обогащенные опытом 45-летней холодной войны, вполне пригодны для нынешних целей и могут сработать еще эффективней, чем в свое время, что бы там ни говорили сегодня, в весьма сплоченном советском обществе.

Приведу всего лишь одну выдержку из широко известной речи (доклада или книги — точно сказать, увы, никто не может) директора Центрального разведывательного управления США Аллена Даллеса. Его слова цитируются многими отечественными авторами, и не зря: в 30 строчках изложены фактически все основные цели и задачи, все главные приемы холодной войны, которые в совокупности с ее другими видами, формами и методами привели к уничтожению Советского Союза.

А. Даллес говорил: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрокра-

тизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство... Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Знаю, что многие авторы хотели бы сослаться на первоисточник, но найти его никто пока не смог. Говорят, будто это фальшивка, написанная КГБ. Но это абсурд! Зачем организации, ответственной за безопасность государства, составлять, по сути дела, план духовного растления молодых поколений и уничтожения своей страны? Некоторые считают, что это слова одного из антигероев романа «Тени исчезают в полдень» писателя Анатолия Иванова. Это тоже не так. Когда-то Анатолий Иванов был главным редактором журнала «Молодая гвардия», а я — главным редактором журнала «Комсомольская жизнь». Наши кабинеты в здании издательства «Молодая гвардия» на улице Новослободской находились на расстоянии 15 метров один от другого. Мы часто встречались с Ивановым. Однажды я спросил его, не он ли автор этих злополучных слов. Иванов рассмеялся: «Я сам взял строк пять-семь из этого опуса и вложил их в уста героя-мерзавца моего романа».

Дело, однако, не в том, кто написал эти зловещие слова. Главное в том, что, начиная с хрущевских времен и особенно при горбачевщине и далее, все в нашей стране происходило по этому писаному тексту. Оболванивание, одурачивание и обман людей.

Хаос в обществе и человеческих мозгах, «новое мышление» и подмена истинно сущих ценностей (доброта, совесть, честь, чувство долга, любовь к Родине и т. п.) на фальшивые («каждый за себя, один Бог за всех», «бери от жизни все здесь и сейчас», «кто богат — тот и силен», «деньги — это власть», культ силы, культ секса и насилия и т. д.).

Сделав ставку на молодежь, наш враг разлагал поколение за поколением. А когда во главе страны оказался Горбачев, ему всего за два-три года с помощью «гласности» и подручных «мастеров» фальсификации и лжи в СМИ удалось так раскачать советское общество, что остановить эту качку было уже невозможно... Люди перестали верить в идеалы, не верили властям, не верили близким, а порой — и самим себе. Безбудущность и пустопорожние речи «архитекторов», «апостолов» и «прорабов» перестройки никого уже не увлекали, не вдохновляли.

Сегодня первые атаки нарастающей на наших глазах новой волны холодной войны нацелены, как и прежде, на главный объект — на молодежь, на то, чтобы испоганить в ее глазах святое — Победу СССР в Великой Отечественной войне. Ибо это событие было главным и самым значительным в советской истории. По этому поводу создано уже немало мифов, изменяющих (и уже изменивших) у значительной части молодежи картину этой великой драмы и трагедии советского народа в интересах нашего противника.

Недооценивать мифотворчество и мифологию о нашем Прошлом, Настоящем и Будущем нельзя. Миф — это оружие, такое же, как автомат или бомба. Другое дело, что это оружие, как принято сейчас говорить, «несмертельное». Но, взятые в совокупности, мифы изменяют сознание людей, позволяя управлять их поведением.

Прекрасный русский поэт Василий Фёдоров в своем стихотворении «Сердце» предупреждал нас:

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак,
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг.

Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых оставлять нельзя.

Если мы хотим победить на новом этапе холодной войны, то должны знать все виды оружия, которое использует наш противник, знать слабые места российской действительности, не важно, касается это Прошлого или Настоящего. А лучше, конечно, опережать мифотворцев, донося до сознания людей правду, даже если иногда эта правда горькая...

Часть I

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ ОБ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1933 году главой Германии стал лидер Национал-социалистической рабочей партии Адольф Гитлер, политические и расистские взгляды которого были хорошо известны руководству Советского Союза.

1 сентября 1939 года гитлеровские войска вторглись в Польшу. Грянула Вторая мировая война.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия внезапно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, продолжавшаяся 1418 дней.

Победа СССР в этой войне стала чрезвычайно важным историческим событием. После этой победы Советский Союз окончательно вышел из международной изоляции, стал второй сверхдержавой в мире, которую побаивались все государства, в том числе и новый главный противник — США. В то же время Советский Союз стал предметом восхищения и подражания для сотен миллионов граждан мира и целых государств.

Война с гитлеровской Германией принесла советскому народу чудовищные страдания, а народному хозяйству — немыслимые разрушения. Страна потеряла 26,6 млн человек убитыми

на фронте и мирных граждан. Если к этому добавить десятки миллионов раненых, искалеченных, лишившихся родственников, то получится, что война прямо или косвенно затронула подавляющее большинство советских семей. Материальные разрушения были не менее чудовищны. Уничтожено, разрушено или сожжено 1710 городов, более 70 тыс. сел и деревень, 6 млн зданий, из них 1670 церквей и храмов. Около 25 млн человек лишились крова. Урон за годы войны в 20 раз превысил национальный доход страны в 1940 году, т. е. СССР лишился около 30% своего национального богатства[1].

Великая Отечественная война навсегда врезалась в историческое сознание русской нации и других населяющих Россию народов. Празднованию Дня Победы в нашей стране придается особенно большое политическое, воспитательное и культурное значение.

Уничтожен и исчез с карты мира Советский Союз, а 9 Мая — День Победы — воспринимается ветеранами, «детьми войны», их детьми, внуками и родственниками, подавляющим большинством жителей России как близкое им событие — торжественное и грустное, как «радость со слезами на глазах».

Проходят годы, но сбалансированного взгляда на Великую Отечественную и Великую Победу как в обществе «новой» России, так и в мире достичь никак не удается. Насмерть бьются в ее оценке отечественные и зарубежные историки, писатели, журналисты, особенно — политики. Причин — множество, они различны по весомости. Но превыше всех — государственная политика, идеологическая борьба и пропаганда, берущие свое начало в истоках холодной войны.

Даже гитлеровские наследыши преподносят нацистский заговор, нападение фашистской Германии на СССР как жертвенную борьбу за «освобождение Европы» от «заразы большевизма».

Наши «союзники поневоле», США и Великобритания, затеяв холодную войну с СССР, начали дискредитировать Советский Союз, отождествляя социализм с фашизмом. Победа Советской

[1] Народное хозяйство в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 52–53.

армии в глазах жителей западных стран представляется их пропагандой «вымученной и неубедительной», а определяющая роль СССР во Второй мировой войне преуменьшается ими почти до нуля. Однако, кто знает, каким мог быть исход войны Германии и Японии с Великобританией и США, если бы не их союз с СССР, если бы Восточный фронт не оттянул на себя 86% сил вермахта?

Вдруг оказалось, что не Советский Союз, а Великобритания и США спасли человечество от «коричневой чумы». Причем роль США была якобы решающей[1]. И это притом что на территорию Америки не ступала нога гитлеровского солдата, не упала ни одна бомба, а все людские потери за шесть лет Второй мировой войны более чем в 100 раз меньше потерь СССР за 1418 дней Великой Отечественной. Своими ушами я не раз слышал в Америке и во Франции вопросы: «Разве Советский Союз участвовал во Второй мировой войне?» И утверждения: «Во Второй мировой войне победили США»; более того: «Советский Союз воевал на стороне Германии». Эти мысли с начала 50-х годов XX столетия вдалбливались в головы американцев и европейцев. Своими глазами в конце 60-х годов XX века я видел в ФРГ на прилавках магазинов книги и журналы, в которых рассказывалось о солдатах вермахта как о героях, якобы заслонивших своей грудью путь в Европу «красным ордам»...

Надо отдать должное некоторым западногерманским военным историкам и бывшим генералам вермахта: им хватило мужества и ответственности перед истиной и историей — в конце 70-х и в 80-е годы прошлого столетия они принялись за переоценку преступного прошлого гитлеровской Германии и в основном пришли к выводу, что именно Советская армия прежде всего, а не Америка и Англия помогла немцам избавиться от нацизма. Часть из таких публикаций я цитирую в данной книге.

[1] В своей фултоновской речи уже в начале марта 1946 года Черчилль, обращаясь к американской аудитории, говорил о «нашей полной победе в недавно окончившейся войне», но ни разу не упомянул в этом смысле СССР. Бóльшую часть в этой речи он посвятил Советской России как источнику угрозы новой войны и экспансии коммунистической идеологии. См.: Черчилль У. Мускулы мира. С. 480–491.

Разумеется, поиски правды о Великой Отечественной войне находились под сильным идеологическим и политическим прессом и в СССР. Основной официальный тезис заключался в том, что война доказала преимущество социалистического строя, огромную мобилизующую роль коммунистической партии и ее боевого помощника — комсомола. И в основном это чистая правда. Можно говорить о преувеличениях и перегибах в следовании букве этого тезиса в исторических исследованиях, художественных произведениях, кино и журналистике. И это тоже будет правдой. Можно утверждать, что военные историки, писатели, поэты, кинорежиссеры, постановщики театральных спектаклей и журналисты в своих произведениях — научных трудах, рассказах, повестях, романах, стихах и поэмах главный акцент делали на героику военных действий советских войск и поведения гражданского населения. И это тоже правда. Но были в нашей армии и нашем народе дезертиры, трусы, предатели. Были ошибки военного руководства в войсках и на самом «верху». Было долгое и труднообъяснимое (но объяснимое!) отступление, тяжелые и позорные поражения, огромные потери и пленение целых армий в первый период войны. Чего только не случилось за 1418 дней войны!..

Но была Победа над самым сильным и страшным врагом за всю человеческую историю войн. Самая тяжелая, самая кровавая, но — Победа!

Какими же надо быть идиотами чтобы, зная обо всем — безобразном, позорном, страшном в этой войне и в то же время о небывалом героизме, мужестве и стойкости миллионов человек, павших смертью храбрых в боях на фронте, многотерпении миллионов тыловиков, трудившихся изо всех сил, самоотверженно за заводскими станками и на колхозных полях, — обратиться к народу-победителю с упреками и укорами, вывести на первый план не героическое, а трагическое. В душах и сердцах тех, кто возвращался с войны живым, с трудом отходя от ужасов боевых будней, присутствовала жажда признания их мужества и геройства, ожидание сострадания. И вдруг вместо великой благодарности и любви к победителям взять да и окатить их ушатами холодных укоров, упреков, подозрений. Такое придет на ум только мерзавцу...

В предвоенные годы советский народ воспитывался в духе веры в героическое. И когда пришла война, ее встретил народ-герой, для которого героизм уже был образом жизни. Ведь не год и не два советские люди от мала до велика пели: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой!» Оказалось — не любой... А без орденов и медалей с фронта все же не вернулся никто. Из тех, кто вернулся. И те, кто ждал и дождался их, встречали родных слезами радости. А те, кто имел дар находить лучшие слова и складывать их в лучшем порядке, — восторженными стихами и поэмами.

Все, по моим понятиям, было так, как и должно было быть: сначала писатели и поэты воздали героям хвалу, а историки едва успевали описывать подвиги и славу советского человека-воина. «Коммунисты, вперед!» — так нередко поднимали в атаку командиры и комиссары своих бойцов под шквальным огнем врага. И коммунисты вставали первыми и первыми получали свои пули. А взвод, а рота шли на врага и побеждали. И комсомольцы, совсем еще мальчишки, приписав себе год-полтора, добровольно рвались на фронт — на смерть. Все это было, было.

Чтобы сказать всю правду о войне, познать в том числе и ее безобразную сторону, должно было пройти время. Немалое. Ведь не зря же говорят: «Война не закончилась, пока не похоронен последний солдат». А таких еще тысячи и тысячи лежат в российской и иностранных землях. 70 лет — немалый срок. Я думаю, о многом, если не обо всем, про войну уже сказано. О постыдном и позорном — тоже. Хотя еще есть архивы за семью печатями в тех же США. Кое-что остается тайной и в России. Однако надо понимать: никогда человечество не будет иметь абсолютной правды о Второй мировой и Великой Отечественной, ибо история — самая субъективная наука. Стремиться к Абсолюту необходимо, это верно. Но позволять противнику умалять заслуги советского народа мы не должны: перед памятью павших — это преступно.

А посмотришь, что происходит в действительности, и больно становится душе.

Вот образовались 14 независимых государств — бывших республик уничтоженного СССР. Распался Совет экономической

взаимопомощи, объединявший СССР и социалистические страны Восточной Европы. И тут началось! Новые лидеры некоторых «независимых» государств стали резко дистанцироваться от «порочных» связей с бывшим СССР. Все они вдруг заговорили о своей извечной тяге к европейской культуре, к которой их якобы не допускали Советский Союз, большевики, Сталин. И до беспамятства невзлюбили заодно и Россию — некогда главный скреп СССР. Вся правда о Великой Отечественной войне перевернута вверх дном, облита навозной жижей.

В Эстонии, Литве и Латвии бывшие солдаты вермахта и СС, полицаи, легионеры в один момент превратились в героев. В их честь воздвигают памятники, о них снимают фильмы, они маршируют в нацистской форме на парадах. О них заботятся государственные органы. А Красная армия — оккупант. Памятники советским солдатам снесены. Жители этих стран, особенно русские, воевавшие против Гитлера, теперь люди второго и третьего сорта.

Национализм поразил Грузию, Молдавию и, что самое удивительное и нелепое — Украину. В грубом националистическом духе переписана вся история Украины, в том числе история Великой Отечественной войны.

В современном учебнике для 10-го класса утверждается, что антифашистское подполье на Левобережной Украине (Днепропетровская, Запорожская, Сталинская и Ворошиловградская области) будто бы организовывалось группой бандеровцев, во главе которых стоял некий Евген Стахив. Украинская государственная телерадиокомпания разыскала этого старца за океаном, привезла его в Киев и провела с ним цикл из трех передач под названием «Правда о „Молодой гвардии“»[1]. Между тем всему миру известно, что Бандера возглавлял 150-тысячную «украинскую повстанческую армию», воевавшую на стороне Гитлера, что сам Бандера — фашист. Однако во времена, когда президентом Украины был ставленник США Ющенко, Бандеру провозгласили национальным героем, присвоили ему звание «Герой Украины», возвели памятник.

[1] «Молодая гвардия» (г. Краснодон) — художественный образ и историческая реальность: сб. документов и материалов. М., 2003. С. 314–315.

В другом учебнике, победителе специального конкурса, организованного **Министерством образования** Украины (!), утверждается: «...для нашей земли Вторая мировая война была наинесправедливейшей из всех войн. Так как ни Советский Союз, ни Германия не заботились об освобождении Украины и построении в ней независимой державы. Сознательные украинцы понимали, что ждать помощи неоткуда»[1].

В дни, когда я пишу эти строки, на Украине продолжается война центральной (киевской) власти с «террористами», как именует эта власть жителей Донецкой и Луганской республик, образовавшихся в результате проведения референдумов. Согласно договору между Донецкой и Луганской областями они приняли общее наименование «Новороссия». США, а под их давлением и Евросоюз считают, что Новороссия — это проект России и она (якобы) несет ответственность за все происходящее на юго-востоке Украины. Хотя на самом деле все наоборот: в июле 2014 года в Киеве был совершен государственный переворот. Законно избранный президент Украины Янукович был отстранен от власти лидерами «майдана», а за всеми этими событиями открыто для всего мира стоят США.

За 24 года «самостийности» на Украине воспитано поколение молодежи, ненавидящее Россию и русских. 22 января 2015 года по Российскому телевидению был показан сюжет: во время очередного обстрела Донецка киевскими войсками снаряд попал в троллейбус с пассажирами. Погибли 13 человек, ранены более 20. Повстанцы взяли в плен группу киевских солдат, привели их к месту трагедии, где находилось много плачущих женщин. Они говорили солдатам гневные слова, а когда пленные, опустив головы, встали на колени, одна из женщин спросила: «Зачем вы пришли сюда? Почему убиваете своих?» Один из пленников ответил: «Нам сказали, что мы едем на войну с русскими, с „москалями“...» Так их обучили и воспитали: «Кто главный враг Украины?» — «Россия, русские».

Я уже говорил: холодная война не за горизонтом, как думают многие, она уже идет, и ее размах нарастает. Россия, как в довоен-

[1] Власов В. С., Данилевская О. М. Введение в историю Украины. Киев, 2004.

ные, сталинские времена, снова в положении осажденной крепости. Только окружают эту «крепость» теперь некоторые из бывших «братских» республик СССР: Эстония, Латвия, Литва, Украина, Молдавия, Грузия, где либо уже стоят натовские базы, либо скоро появятся.

Как будут развиваться события дальше, сказать наверняка трудно, практически невозможно. Россия наконец-то со второго прихода на президентский срок В. В. Путина обретает чувство собственного достоинства. В частности, исправляет нелепые и преступные «ошибки», которых немало натворили за время «перестройки» Горбачев и Яковлев, а после них — «реформатор» Ельцин.

Когда искажают правду и откровенно лгут наши зарубежные противники, это легко объяснить: ложь и мифы — **их оружие** в борьбе с Россией и способ возвеличивания их народа в собственных глазах. Но когда фальсификацией истории и мифотворчеством занимаются отечественные представители творческой интеллигенции и примазывающаяся к ним политическая и окололитературная шпана, творцы «сенсаций» — это предательство.

Широчайший простор для этой категории «правдорубов» в свое время открыла горбачевская «гласность», которую, с одной стороны, нельзя было не приветствовать как некий аналог свободы слова, а с другой стороны, надо было бы вовремя понять: «архитекторы перестройки» прежде всего объявили о «гласности» потому, что именно она создавала для «карманных» СМИ «перестройщиков» условия для оболванивания советского общества, дискредитации идеи и истории социализма, в том числе Великой Отечественной войны, нашей Победы и, конечно же, личности И. В. Сталина.

Советскому народу и в голову не могла прийти мысль о том, что «революционная перестройка сверху» своей конечной целью имеет уничтожение СССР, социалистической системы и идеи социализма. Что против народа вместе с предателями Горбачевым и Яковлевым выступает команда их ставленников, возглавивших в то время всесоюзные газеты и журналы с многомиллионными тиражами, каналы радио и телевидения. Именно «гласность» позволила «перестройщикам» развернуть полномасштабную инфор-

мационно-психологическую и организационную войну со своим народом, задача которой состояла в том, чтобы подготовить его сознание к мысли о необходимости демонтажа «плохого» социализма ради перехода к «хорошему» капитализму. И они добились чего хотели.

За четыре с половиной года «перестройки» на граждан страны был обрушен такой немыслимый по объему и силе шквал разного рода разоблачительных книг и статей, радио- и телепередач, в частности и о Великой Отечественной войне, что общество в значительной своей части пришло в состояние шока, тихого и буйного умопомешательства, не говоря о депрессии и безверии всему и вся.

Обезверенное и обезволенное многолетними массированными бомбардировками ложью и мифами советское общество лишилось сил сопротивляться и было уничтожено... Дорвавшись до власти, Ельцин и его команда «младореформаторов», прошедших курсовую переподготовку в американских спеццентрах и университетах, начали крушить советскую систему и решительно насаждать капитализм ультралиберального толка. Социалистический строй, конечно же, имел свои изъяны и пороки. Отрицать это глупо. Но у него было немало несомненных достоинств и преимуществ, что, на мой взгляд, не требует доказательств.

Во всяком случае, с первых дней «хорошего» капитализма в России небывало увеличилось количество людей, живших (и живущих поныне) за чертой бедности, более того — в нищете. В Советском Союзе не было бомжей, массовой проституции, наркомании и разгула организованной преступности среди молодежи. Во многих отношениях сравнение «плохого» социализма с «хорошим» капитализмом не в пользу последнего. Кремлевским «небожителям» оставалось только одно: откопать в прошлом советского общества и, разумеется, в истории Великой Отечественной войны нечто такое ужасное, что было бы еще ужаснее того, что население страны и новые поколения узнали в годы «перестройки», пообещав при этом пришествие «светлого капиталистического будущего», как только заработают рынок и свободная конкуренция.

Иначе говоря, в «верхах» вызрел заказ на «новую национальную идею», для отыскания которой Правительством РФ был объявлен (!) всероссийский конкурс. Острейшей оказалась потребность в «новой истории» СССР и «новой истории» Великой Отечественной войны.

Однако такие дела требуют не только большого ума, но и много времени. Ни того ни другого у «реформаторов» не было, поэтому пропагандистские структуры ельцинского Кремля и СМИ стали использовать в обработке сознания российского народа те мифы, которые были состряпаны противниками СССР, социализма и Великой Отечественной войны еще в ходе холодной войны. Ничего, что оружие вражеское! Главное, чтобы стреляло и поражало.

С помощью учебников для школ, изготовленных российскими «агентами влияния» в союзе с зарубежными «партнерами» и «друзьями» на гранты ненавистника России — американского миллиардера Д. Сороса, история СССР и Великой Отечественной войны предстала перед новыми поколениями россиян в совсем ином виде, **лишенном героики, силы народного духа, патриотизма, самоотверженности и самопожертвования, ума, стратегической и тактической мудрости военного руководства, и прежде всего И. В. Сталина и Г. К. Жукова**.

Набор причин и характеристика событий Великой Отечественной войны были грубо искажены, вымышлены, гипертрофированы — «из мухи раздували слона». В прессе, теле- и радиопередачах стали говорить, будто Сталин и Гитлер уважали друг друга, хотели сотрудничать, особенно Сталин. Что СССР, подписав с Германией пакт о ненападении, развязал Гитлеру руки для начала Второй мировой войны. Что, сосредоточив на западных границах большую группировку войск, Сталин а) хотел напасть на Германию; б) спровоцировал упреждающее нападение Гитлера на СССР. Что мобилизованные в Красную армию многие молодые люди прятались по лесам и подвалам, а красноармейцы дезертировали из армии, не хотели воевать и массами сдавались в плен. Что солдаты шли в бой только потому, что в противном случае их могли пристрелить комиссары, а отступающих расстреливали заградительные отряды, созданные по сталинскому приказу № 227

«Ни шагу назад!». Что в тылу, на заводах и колхозных полях люди работали от темна до темна только потому, что иначе их ждали репрессии. И так далее и тому подобное.

Немало историков, писателей, журналистов и беглых предателей подхватили эти тезисы и стали ваять «новую правду о войне». Не хочу называть их имена, а тем более «произведения»...

Временами казалось, что здравый разум политиков все-таки берет верх, что наконец-то отношения между Россией и другими странами обретают естественный, дружественный характер.

9 мая 2010 года Россия как никогда торжественно за два предшествующих десятилетия отпраздновала 65-ю годовщину Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В параде на Красной площади впервые вместе с российскими войсками прошли военнослужащие Великобритании и США, стран — союзниц по антигитлеровской коалиции, а также Франции и Польши, бывших республик Советского Союза — Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии, Таджикистана. Этот факт нельзя не отметить, хотя и в те дни я не придавал этому событию слишком большого значения. Отгремят салюты, отзвучат речи, тосты, думал я, и все пойдет, как прежде, как задумано, спланировано и было совсем недавно... Вспомнилось: в 1995 году, когда в Вашингтоне праздновали 50-летие победы во Второй мировой войне, Россию на это торжество не пригласили.

Прошло 14 лет. 3 июля 2009 года Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе приняла в Брюсселе резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». В ней день 23 августа объявлен **Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма**. Смысл этой провокации в том, чтобы отвести вину западных стран за создание предпосылок начала Второй мировой войны и показать, что **Советский Союз наравне с Германией несет ответственность за развязывание Второй мировой войны**. При этом организаторы кампании подчеркивали, что это только начало.

Масштабы искажения прошлого России, особенно истории Великой Отечественной войны, к тому моменту достигли таких раз-

меров, что в мае 2009 года бывший тогда президентом России Д. А. Медведев издал специальный указ о создании комиссии «по противодействию попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны в ущерб интересам России».

Надо понимать, что с победой над Гитлером, который мечтал построить тысячелетний рейх и установить новый мировой порядок, борьба за восстановление этого порядка не прекратилась, а просто перешла в другие руки — в руки США и их союзников. Этот новый мировой порядок мыслится ими несколько иначе, борьба ведется иными, более современными методами. Но главное препятствие на пути к этому порядку, по сути дела, остается прежним. Раньше это был Советский Союз, сегодня это Россия.

Фальсифицируя российскую историю, главным образом советское прошлое, историю Великой Отечественной войны в частности, «ястребы» США и Европы с помощью некоторых отечественных лжецов и мифотворцев укрепляют теоретическую платформу передела мира, который производится на наших глазах.

О событиях 70-летней давности можно, конечно, сочинять любые сказки без особого риска быть пойманным за руку. Тем более что сказки эти адресованы прежде всего детям и молодежи — существам по определению доверчивым, в силу возраста — малознающим и неопытным.

Надо сказать, что работа мифотворцев и фальсификаторов дает свои результаты. У значительной части молодого поколения России уже во многом убито уважение к прошлому своей страны, особенно советского периода, опорочено чувство патриотизма, посеяны зерна безбудущности и преклонения перед Западом. Наши неприятели **уже во многом контролируют наше прошлое, а значит, и будущее России**.

Еще более неприглядная картина в бывших советских республиках, где ускоренно взращиваются **ростки русофобии**. В 2009 году в России были обнародованы результаты масштабного и уникального исследования. Оно называлось «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств». Творческий

коллектив проанализировал 187 учебников и учебных пособий из 12 бывших союзных республик, за исключением Таджикистана и Туркмении. Анализу подверглись наиболее массовые либо единственные учебники в каждом из новых независимых государств.

Результаты исследования повергли в шок. Во всех странах, кроме Белоруссии и Армении, преподавание общего с Россией периода истории строится на концепции **русской оккупации и многовековой национально-освободительной борьбы титульного этноса**. Например, в казахстанском школьном учебнике (Казахстан вроде бы у России в друзьях ходит) для 11-х классов говорится, что борьба казахского народа против российского колониализма длилась долго, охватив вторую половину XVIII века, до 90-х годов XX века. Но особо на ниве фальсификации истории отличились, как уже говорилось, страны Прибалтики, Украина, Грузия и Молдавия.

Главный вывод авторов исследования таков: если существующие тенденции продолжатся, то через 15–20 лет в сознании народов бывшего Советского Союза будет сформирован **образ России как зловещей империи**, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их.

Однако, на мой взгляд, битва за историю и молодежь все-таки еще не проиграна. Но коль скоро России снова предлагают войну, теперь уже на историческом поле, то мы должны сказать миру, что именно Россия — главная жертва общеевропейской военной экспансии XX века. И потому не какая-то другая страна, даже не Европа в целом, а именно Россия должна взять на себя инициативу по выявлению и осуждению истинных виновников мировой бойни.

Ключевой вопрос стоит так: **кто взрастил нацизм и Гитлера?** Кто обеспечил приход нацистов к власти? Кто направлял их на путь к мировой катастрофе? Уже обнаружен в этом вопросе совершенно ясный американский и английский след. Однако вернемся к этой теме чуть позже...

Давайте, наконец, скажем себе и молодым, как это было в критические годы Великой Отечественной войны: «Ни шагу назад! Отступать некуда — позади Россия!» Давайте защитим свою ис-

торию, развеем в прах черные мифы о Великой Отечественной и Второй мировой войнах!

Давайте поставим все события и факты военного прошлого на свои места и скажем громко то, о чем наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции вполне сознательно умалчивают, а наши истинные историки по непонятным причинам не сообщают миру. **Давайте перейдем в историческое наступление на историческом поле! Давайте перенесем бои за правду истории на территорию неприятеля!** Давайте составим для начала хотя бы список неясных еще ответов на фундаментальные и частные вопросы, от которых Запад уходит уже многие десятилетия, переведем его на иностранные языки и поместим в Интернете. Давайте подвигать общество — и наше, и зарубежное — к тому, чтобы открыть архивы, и прежде всего по тем документам, сроки секретности которых истекли. Надо публиковать архивные материалы, осмысливать их на научных конференциях вместе с западными учеными, издавать книги, популяризирующие достоверные факты в противовес мифам и откровенной лжи.

Убежден, что в научном плане главное о Великой Отечественной и Второй мировой войнах давно ясно и особо спорить просто не о чем. Занимаются фальсификацией истории политические провокаторы и пропагандисты, среди которых есть и ученые, журналисты, писатели, призванные искать истину, сообщать миру правду. Но они лгут и сочиняют мифы и легенды либо по идеологическим пристрастиям и русофобии, либо просто за деньги. Таких людей не урезонить, не устыдить, от них не защититься. Да и не они должны привлекать наше внимание, нас должны интересовать те, к кому обращены их ложь и мифы, — это новое поколение.

Обратите внимание на такой факт. В 2005 году 52% граждан России формировали свое представление о Великой Отечественной войне на основе **семейных преданий и воспоминаний**, а также контактов с участниками войны. В нынешнем году таковых уже не более 20%. Живых свидетелей войны все меньше, и, естественно, возрастает роль иных источников знаний — статей, книг, кинофильмов, лекций в школах и вузах и т. д. А это значит, что все, кто борется за правду истории, должны сменить прежнюю защитную тактику на наступательную.

Мы, русские, все-таки слишком скромны и снисходительны. Вообще, по своей природе. Мы все боимся, не дай бог, обидеть иностранца. Мы исторически привыкли прогибаться перед немцами, французами, американцами. Почему? Сейчас не об этом речь.

Но ведь есть же сюжеты, ясные как божий день, когда мы правы на все сто. Почему же, когда нас гнобят и унижают, не поднять гордо голову, не бросить прямо в лицо: «Умолкните! Не вам судить! Стыдитесь!..»

В высшей степени таинственна история с Рудольфом Гессом, заместителем Гитлера в нацистской партии. 10 мая 1941 года, одетый в форму капитана военно-воздушных сил Германии, Гесс на парашюте приземлился в Шотландии. Это стало известно советской стороне, которая дважды запрашивала от Министерства иностранных дел Великобритании объяснений случившегося. В ответ были направлены две памятные записки для передачи советскому руководству.

В первой излагалась история полета Гесса в Шотландию, его бесед с герцогом Гамильтоном, дипломатом И. Киркпатриком, лордом-канцлером Д. Саймоном и лордом У. Бивербруком. Отмечалось, что с Гессом обращались как с военнопленным с момента его прибытия в страну и будут продолжать так делать вплоть до окончания войны. Во второй записке речь шла об ответе А. Идена на парламентский запрос от 21 октября, согласно ли британское правительство с советским предложением о немедленном предании Гесса суду. На это министр иностранных дел ответил, что нет причин применять к Гессу иные формы обращения, чем те, которые установлены для военнопленных, кто бы они ни были. Официальная версия правительства Великобритании утверждала, что Гесс прилетел в Шотландию без ведома Гитлера.

Однако мэр Глазго Патрик Доллан в одном из интервью подчеркнул, что Гесс прибыл в Англию как официальный посланник гитлеровцев, чтобы проверить почву для заключения компромиссного мира[1].

Вот документ № 13 из книги «СССР и Нюрнбергский процесс»:

[1] СССР и Нюрнбергский процесс. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. Док. № 10, 11. С. 89–92.

«ИНФОРМАЦИЯ ИНОСТРАННОЙ СЛУЖБЫ ТАСС О ЗАЯВЛЕНИИ ЛОРДА-МЭРА ГЛАЗГО П. ДОЛЛАНА О Р. ГЕССЕ

4 ноября 1942 г. *Секретно*

4.XI.42 г.
ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ
СЛУЖЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ТАСС.
Лист 86-й

Лорд-мэр Глазго о Гессе

РН. 8104. ЛОНДОН. 4 ноября (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, лорд-мэр города Глазго Патрик Доллан в беседе с корреспондентом газеты „Дейли мейл“ заявил: „Рудольф Гесс прилетел в Англию как официальный посланник гитлеровцев с разрешения Гитлера для того, чтобы убедиться, какова здесь, в Англии, почва для заключения компромиссного мира. Он надеялся, что ему дадут пополнить запас горючего и разрешат вернуться через 48 часов. У него не было документальных инструкций, но в разговоре он указывал, что все прежние германские колонии должны быть возвращены Германии и что Англия должна отдать часть своих военных морских и воздушных сил. Кроме того, она должна уплатить убытки, за что ей была бы оставлена часть авиации для охраны Британских островов. Европа должна была быть онемечена с фюрером в качестве верховного властителя. Германия должна была получить Атлантическое побережье Западной Африки, а также Сирию, Палестину и другие территории. Контроль над Суэцким каналом должен был перейти к Италии и Германии. Муссолини должен был получить в качестве компенсации Корсику и Тунис, а Французское Марокко и Гибралтар должны были отойти к Испании. Гесс заявил, что он не хочет посетить премьер-министра или кого-либо из его коллег, но выразил желание устранить их из правительства и осуждал их как виновников войны. Фактически Англия должна была сделаться германской колонией с Гитлером в виде диктатора и Гессом в качестве протектората. Гесс был очень не-

доволен тем, что его держат как пленного и жаловался на плохое обращение".

Верно: [подписал] К. Азаров

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 26. Заверенная копия»[1].

На мой взгляд, правда скрыта именно в этом интервью. Гитлеру было важно перед нападением на СССР заключить сепаратный мир с Великобританией, чтобы не воевать на два фронта, перебросить дополнительные дивизии на Восточный фронт.

Еще в 1992 году англичане частично открыли архив Гесса, пообещав, что в 2002 года рассекретят эти документы полностью, но до сих пор не сделали этого.

В пользу этой точки зрения говорит и тот факт, что правительство Великобритании продержало Гесса в тюрьме, не допустив к нему ни дипломатов, ни журналистов; что архив Гесса до сих пор не рассекречен, хотя прошли уже все сроки секретности и было не раз обещано допустить общественность к этому таинственному событию. Приходится думать, что в этом архиве есть нечто более секретное, чем план Третьей мировой войны Великобритании и США против СССР под названием «Немыслимое».

Или, например, история с открытием Второго фронта — грязная и стыдная. Что это были за союзники, которые обещали открыть этот фронт в 1942 году, а затем перенесли срок на 1943 год и только в июне 1944 года выполнили свои обещания — и только потому, что Красная армия уже заняла пол-Европы, и стало очевидным, что Советский Союз через несколько месяцев займет ее целиком, в том числе Францию и Германию, без чьей-либо помощи.

Сын президента США Ф. Рузвельта Эллиот Рузвельт в книге «Его глазами» пишет, что президент США ясно видел интриги Черчилля и его единомышленников в Англии и США, направленные против СССР, что именно Черчилль был главным противником открытия второго фронта. Еще в августе 1941 года, т. е. через

[1] СССР и Нюрнбергский процесс. Документы. Док. № 13. С. 94.

месяц после того, как между правительствами СССР и Великобритании было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии, Черчилль заявлял Рузвельту, что Советский Союз будет разбит, и на этом основании требовал, чтобы предназначенные для СССР поставки по ленд-лизу направлялись Великобритании. Черчилль прилагал все усилия к тому, чтобы затянуть ход борьбы на советско-германском фронте. Он применял множество ухищрений, для того чтобы тормозить открытие второго фронта. Во имя своекорыстных интересов он сознательно шел на затяжку войны[1].

В ответ на тревожную информацию посла СССР в Великобритании И. М. Майского о том, что Черчилль ведет секретные переговоры с немцами, Сталин 19 октября 1942 года направил ответную телеграмму, в которой говорилось:

«У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны.

Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он, безусловно, мог это выполнить.

И. Сталин»[2].

Широко известно также, что сенатор Г. Трумэн, который в 1945 году стал президентом США после смерти Ф. Рузвельта, еще в 1941 году говорил: «Мы должны помогать русским, если они будут побеждать немцев, и помогать немцам, если они станут побеждать русских». Видя, как Советский Союз истекает кровью, со-

[1] Рузвельт Э. Его глазами / пер. с англ. А. Д. Гуревича и Д. Э. Куниной / под ред. И. Е. Овадиса; вступ. ст. С. К. Бушуева. М.: Иноиздат, 1947. Впервые опубликовано: Roosevelt E. As He Saw It. N. Y.: Duell, Sloan, & Pierce, 1946.

[2] СССР и Нюрнбергский процесс. Документы. Док. № 5. С. 80.

юзники вели подлую дипломатическую игру в надежде — а вдруг Гитлер все-таки очухается и одолеет коммунистов?

Да, союзники помогали СССР оружием, техникой, продуктами. Советский Союз нуждался в помощи. Не забудем об этом.

Но что представлял собой ленд-лиз — помощь или бизнес? В конце войны Рузвельт заявил Сталину, что СССР должен выплатить США около миллиарда долларов. По тем временам это была фантастическая сумма. Сталин ответил: «Мы оплатили вашу помощь кровью наших солдат». Рузвельт не принял этот аргумент.

Американцы вновь поставили этот вопрос, когда у власти оказался Ельцин. И обнищавшая Россия стала выплачивать «долги». Потом случай помог отрезвить «первого президента». Выплаты были остановлены. Но мы все еще «должники» Америки. Не забудем и этого...

Не забудем и о том, что еще в начале 1945 года Черчилль готовил план нападения на Советский Союз под названием «Немыслимое», как только будет побеждена Германия. Об этом долгие годы ходили слухи, но толком никто ничего не знал. В 1998 году правительство Великобритании под давлением общественности было вынуждено рассекретить и опубликовать план начала Третьей мировой войны Великобритании и США против СССР с участием 10 дивизий[1], укомплектованных из пленных немцев. Этот разработанный в деталях план был подготовлен по заданию Черчилля и представлен Трумэну, но тот не принял его. Никто не знает всех мотивов этого отказа.

Выводы главных разработчиков плана (офицеров Штаба объединенного планирования) выглядят таким образом:

«Согласно нашему заключению:

а) начиная войну с русскими, мы должны быть готовы к тотальной войне, длительной и дорогостоящей в одно и то же время;

б) численный перевес русских на суше делает крайне сомнительной возможность достижения ограниченного и быстрого (во-

[1] Операция «Немыслимое». Доклад Штаба объединенного планирования. Окончательный вариант 22 мая 1945 г. Совершенно секретно // Главный противник. Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. С. 445–494.

енного) успеха, даже если, сообразно политическим взглядам, это будет соответствовать достижению наших политических целей.

(Подписи) Дж. Грэнтхем,
Дж. С. Томпсон,
У Л. Доусон
22 мая 1945 г.»[1].

Главная причина заключалась в том, что США еще находились в состоянии войны с Японией, а согласно Ялтинским соглашениям после победы над Гитлером Советский Союз обязывался объявить войну Японии. Если бы США ввязались в войну с СССР, то, как прогнозировали американские военные, только на японском фронте США могли потерять около 2 млн солдат. Американцы не привыкли умирать за родину...

Начиная разработку этого плана, Черчилль исходил из того, что Советский Союз обескровлен, его военная мощь на исходе.

Эта оценка Черчилля и его план о начале войны против СССР стали известны Сталину. Как было ему ведомо и о том, что с 1942 года немцы тайно вели переговоры о сепаратном мире с Америкой и Великобританией; что после того, как 30 апреля застрелился Гитлер и 2 мая 1945 года к власти пришел адмирал Денниц, им было принято решение капитулировать перед англо-американскими войсками. Но продолжать войну против СССР. Эта капитуляция происходила по частям — сначала в Италии, потом в Голландии, Дании, Северо-Западной Германии. Денниц дал команду своим войскам как можно быстрее отходить на запад. Немцы практически не оказывали сопротивления англичанам и американцам, открывая им путь на Берлин. В то же самое время против советских войск яростно сражались еще около полутора миллионов немецких солдат и офицеров.

Сталин сообщил союзникам: «Берлин будем брать мы». И дал команду маршалу Жукову взять Берлин в кратчайшие сроки. Мощь, которую показали советские войска при штурме Берлина, ошеломила «союзников». И это была еще одна причина, по которой сами разработчики плана «Немыслимое» не рекомендовали Черчиллю начинать 1 июля 1945 года Третью мировую войну.

[1] Операция «Немыслимое». С. 463.

Часть II

МИФЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Миф, мифология (от *греч.* мифос — предание, сказание; логос — слово, понятие, учение) — это форма общественного сознания. Обычно миф трактуют как способ понимания природной и социальной действительности на ранних стадиях общественного развития, когда еще отсутствовали научные формы познания. Тогда мифы объясняли происхождение человека, работали на гармонизацию личности, общества и природы, и в этом заключается их великое значение в истории человечества.

Однако и на последующих этапах истории, уже с возникновением науки, даже сегодня миф не исчез. Более того, значение отдельных видов мифов, особенно идеологических и политических, возросло. В соединении с электронными средствами массовой информации они стали мощным оружием влияния на умы людей, формирования определенных стереотипов мышления.

Мифологические события, отдаленные от нынешнего дня значительным промежутком времени, изложенные с позиций идеологического пристрастия или политической заданности в школьных и вузовских учебниках, начинают восприниматься на веру. Прошлое, представленное в искаженном виде, в очерненном образе, не узнает самого себя.

Так происходило после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, когда в свете коммунистической идеологии история России предстала перед новыми поколениями в одном-единственном учебнике урезанной и обезличенной. На первый план вышли народные массы, их бунты, восстания, революции. Многие герои прошлого лишь потому, что они были княжеского рода или дворянского сословия, священнослужителями, были забыты.

Но вот во второй половине XX века случилась «перестройка», а с ней народу «верхами» была подарена «гласность» — свобода слова в духе неолиберальной идеологии. И что же?

Теперь в мутных волнах «разоблачений» советской эпохи утонули не только великие личности, но и великие достижения со-

ветского прошлого, а с ними и свершивший их советский народ. Оплевывается прежде всего Победа СССР в Великой Отечественной войне. Это не только нечестно и оскорбительно для всех, кто воевал и жил в ту пору, — это опасно для нынешних и будущих поколений России: у них отнимают Славу страны, их лишают возможности гордиться Прошлым, своим народом и Родиной. Между тем гордость — мать многих других добродетелей.

Мифов о Второй мировой и Великой Отечественной войнах десятки, больших и малых. Буду говорить лишь о нескольких, на мой взгляд, главных.

Миф первый

Сталин и Гитлер симпатизировали друг другу. Подписав 23 августа 1939 года пакт между СССР и Германией, Сталин тем самым развязал Гитлеру руки для начала Второй мировой войны. Поэтому Сталин виноват во всем так же, как Гитлер, или еще более

Сначала — о «симпатиях» между Сталиным и Гитлером. Говорить всерьез на эту тему невозможно: в военной исторической литературе, кроме цитат, надерганных из записей бесед Гитлера в «Волчьем логове»[1], мимолетных наблюдений и отрывочных фраз его генералов, никаких других материалов нет. Ну и конечно же, возведенных на этих осколках злонамеренных выводов «широкоизвестных» и столь же широконенавидимых в народе авторов «перестройки» — Горбачева и почившего в бозе Яковлева. Это и Коротич (журнал «Огонек»), и Лаптев (газета «Известия»), и Бурлацкий («Литературная газета»), и Е. Яковлев («Московские новости»), и «известный историк» Волкогонов, и беглый разведчик-предатель Резун (псевдоним — Суворов), и Е. Киселев с Митковой (НТВ), и прочая, и прочая, на чью долю выпала уникальная возможность хорошо подзаработать и обрести тогда еще всесоюзную известность.

[1] Так называлась ставка фюрера (от *нем.* die Wolfsschanze), располагавшаяся в Восточной Пруссии в районе Растенбурга.

В своих рассуждениях по поводу этого мифа я буду опираться в основном на мемуары ближайших соратников Гитлера, других непосредственных участников и свидетелей событий, в которых, хоть и заочно, присутствовали Сталин и Гитлер.

Вот Иоахим фон Риббентроп, имперский министр иностранных дел. В своих воспоминаниях «Альянс и разрыв со Сталиным» он пишет, что после переговоров 23 августа 1939 года со Сталиным и Молотовым в связи с подписанием пакта о ненападении в служебном кабинете Молотова был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. «В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнуто дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договора кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях»[1].

Как пишет в своих воспоминаниях советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер, 17 мая 1940 года Сталин передал через министра иностранных дел СССР Молотова германскому послу Шуленбургу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск во Франции»[2].

Он же, Густав Хильгер, рассказывает, как 13 апреля 1941 года Сталин появляется на московском вокзале якобы для того (небывалый случай! — *И. И.*), чтобы проводить отъезжавшего в Токио японского министра иностранных дел Мацуоку, «а в действительности, чтобы на глазах у всего дипломатического корпуса... положить руку на плечо германскому послу и попросить его позаботиться о том, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Затем он повернулся к заместителю германского военного атташе полковнику Кребсу и заверил и его тоже в том, что Советский Союз является и хочет оставаться и впредь другом Германии»[3]. Понятно, что это был особый дружественный сигнал Гитлеру.

---

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР / пер. с нем. Смоленск: Русич, 2000. С. 19.

[2] Там же. С. 80.

[3] Хильгер Г. Я присутствовал при этом // Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 86.

Можно привести еще два-три аналогичных примера (я располагаю ими), но в этом нет никакого смысла. Сталин опасался нападения Германии на СССР, рассчитывал выиграть время для подготовки к неизбежной войне. И он хитрил, дипломатничал, играл, демонстрировал свое якобы особое расположение к Гитлеру любыми способами, которые выдаются мифотворцами за «симпатии».

О каких «симпатиях» может идти речь на самом деле, если до подписания 23 августа 1939 года пакта о ненападении между СССР и Германией Сталин делал все, чтобы создать антигитлеровскую коалицию с Францией и Великобританией?

Как выразился Сталин 23 августа 1939 года в ходе обсуждения отношений СССР и Германии, «мы (т. е. СССР и Германия. — *И. И.*) многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи» [1].

Гитлер, безусловно, знал о переговорах, боялся союза СССР с Англией и Францией, говорил: «А если Англия и Франция объединятся с Россией? Тогда мне просто придет конец. Если мы не сможем победить, мы погибнем — но мы захватим с собой полмира, и никто не будет радоваться победе над Германией. 1918-й больше не повторится. Мы не капитулируем» [2].

Со своей стороны, фюрер через дипломатические каналы подталкивал Англию, Францию и США к нападению на Советский Союз.

Риббентроп пишет: «Как известно, Гитлер еще в 1938 году был убежден в том, что Англия и Америка вступят в войну против нас, как только в достаточной мере вооружатся. Он боялся, что обе державы заключат союз с СССР, и тогда Германия однажды подвергнется нападению одновременно и с Востока, и с Запада, как это уже произошло в 1914 году. В течение 1940 года эти прежние опасения снова овладели им.

Он считал возможным, что Россия на основе своих возобновленных переговоров с Англией нападет на нас одновременно с англо-американским наступлением. Одновременное исполь-

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 17.

[2] Раушнинг Г. Говорит Гитлер / пер. с нем. М., 1993. С. 96.

зование общего потенциала Америки и России казалось ему ужасной опасностью для Германии... Он решился на нападение в надежде в течение нескольких недель устранить Советский Союз. Ошибка его в оценке русского потенциала и американской помощи стала роковой. Вполне уверен он и сам не был, ибо сказал мне тогда: „Мы не знаем, какая сила действительно стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке“» [1].

Надо знать и помнить, что инициатором подписания пакта о ненападении был Гитлер, а не Сталин, ибо к войне долговременной, да еще на два фронта, Германия не была готова.

Ранним утром 15 августа посол Германии в СССР Шуленбург получил от Риббентропа срочную телеграмму с указанием немедленно посетить Молотова и сообщить ему, что он, Риббентроп, готов «прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы от имени фюрера изложить господину Сталину точку зрения фюрера» [2]. В той же телеграмме содержалось, в частности, и такое утверждение: «Не подлежит никакому сомнению, что германо-русские отношения достигли ныне своего исторического поворотного пункта. Политические решения, подлежащие в ближайшее время принятию в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для формирования отношений между немецким и русским народами на много поколений вперед. От них будет зависеть, скрестят ли оба народа вновь и без достаточных к тому оснований оружие, или же они опять придут к дружественным отношениям. Обоим народам в прошлом было всегда хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами» [3].

20 августа Гитлер направил Сталину телеграмму, в которой **настаивал на том, чтобы Риббентроп был принят в Москве 23 августа** [4].

Вот что пишет Риббентроп в своих воспоминаниях: «В самолете я, прежде всего, вместе с юридическим советником, послом

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 33.

[2] Там же. С. 64.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 65.

Гаусом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Москве это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста заранее не подготовили[1].

Со смешанным чувством ступил я первый раз на московскую землю. Многие годы мы враждебно противостояли Советскому Союзу (а Сталин при этом симпатизировал Гитлеру? — *И. И.*) и вели друг с другом крайне острую мировоззренческую борьбу. Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью.

Я хорошо осознавал особую ответственность возложенной на меня миссии, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще действительный компромисс взаимных интересов?

В то же самое время **английская и французская военные миссии еще вели в Москве переговоры с Кремлем о предполагаемом военном пакте**. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы договориться с Россией»[2].

Переговоры (Сталин, Молотов, Риббентроп, Шуленбург) начались 23 августа в 18 часов. Переводчиками с немецкой стороны был Хильгер, с советской — Павлов. После ознакомления с проектом пакта, написанным Риббентропом в самолете, Сталин сделал несколько поправок, после чего Риббентроп, имевший неограниченные полномочия для заключения договора, решил все-таки узнать мнение Гитлера и направил в Берлин свой проект и проект с правкой Сталина.

В своих воспоминаниях Густав Хильгер говорит: «Утверждение измененного текста последовало из Берлина незамедлительно. Позже я узнал, что оба текста были представлены Гитлеру для сравнения, и он тут же безоговорочно предпочел сталинский, сказав: „Конечно, этот! Разве вы не видите, что он намного лучше? Кто, собственно, его сформулировал?“»[3] Срок

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 16.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 68–69.

действия пакта с пяти лет был продлен до десяти лет. Пакт вступал в действие сразу после его подписания, а не после ратификации, как первоначально планировалось[1]. Переговоры продолжились в 22 часа и закончились за полночь. Тут же были парафированы и подписаны пакт о ненападении и секретный протокол к нему[2], согласно которому каждая из сторон признавала «сферы интересов» другой стороны, что означает, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности.

Риббентроп пишет: «Пакт с Россией, вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реальнополитической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа... О значении дружественной России для германской политики забывать было нельзя»[3].

А вот как видел причины и выгоды, которые получал СССР от подписания этого пакта, советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер. При этом он исходил из своих представлений о том, как оценивал тогда, на его взгляд, общемировую ситуацию Сталин (я думаю, Хильгер делал это очень точно. — *И. И.*). По мнению Хильгера, Сталин считал, что «заключение пакта о ненападении с Германией создаст желательную ситуацию» по следующим причинам:

«1. Заключение пакта ликвидировало бы непосредственную опасность **германского нападения на Советский Союз**.

---

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 68.

[2] Стремясь и в дальнейшем не допустить огласки, Сталин в 1945 году через Вышинского дал представителям советского обвинения на Нюрнбергском процессе категорическое указание ни в коем случае не допускать и незамедлительно пресекать любую попытку обвиняемых говорить о секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. Поэтому, когда Риббентроп на допросе 1 апреля 1946 года упомянул о нем в связи с Польшей, главный обвинитель от СССР генерал Руденко сразу оборвал его (см.: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 18).

[3] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 20.

2. Заверения, полученные от Риббентропа и соответственно от Гитлера, убедили его в том, что Гитлер нападет на Польшу, как только добьется советского прикрытия с тыла.

3. Сталин, в противоположность Гитлеру, не сомневался в том, что Англия и Франция выполнят свои обязательства в отношении Польши. Поэтому возникновение войны между великими державами и Германией он считал обеспеченным.

4. Таким образом, Сталин рассчитывал получить ценную отсрочку, которая позволит ему ускоренно вести дальнейшее вооружение Советского Союза. В остальном же он хотел выждать, как будет развиваться дальнейший ход событий, чтобы в надлежащий момент, когда воюющие державы будут в достаточной степени ослаблены, оказаться в состоянии бросить на всемирно-историческую чашу весов всю мощь Советского Союза.

5. Предусмотренное секретным дополнительным протоколом разграничение сфер интересов в Восточной Европе дало бы Советскому Союзу возможность овладеть важнейшими стратегическими позициями в Прибалтике. За эти позиции два с лишним века назад царь Петр Великий, которого Сталин взял себе за образец, вел войну 20 лет. Теперь же они без всякой борьбы падали ему с неба благодаря заключению пакта с Гитлером.

Итак, у него были все основания быть довольным этими соглашениями»[1].

Невольно проецируя взгляд Хильгера на современную политику «двойных стандартов» и попрание всяческих международных прав и соглашений, которую проводят США, Евросоюз и страны НАТО, я задаю себе вопрос: «А как бы поступил в той обстановке, скажем, нынешний президент США Обама или канцлерина Германии Меркель, окажись они на месте Сталина или Гитлера?» Уверен, они все сделали бы так же. А вероятно, что гораздо хуже...

Вторая мировая война была неизбежна. Может быть, она могла начаться чуть позже и по какому-то другому сценарию, но, как видно сегодня из многочисленных опубликованных книг, статей и архивных данных, все ведущие страны Европы, США и Япония

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 70–71.

лавировали в поисках более выгодного союза. Риббентроп в своих воспоминаниях пишет, что Черчилль еще летом 1940 года будто бы сказал: «Не пройдет и полутора лет, как Россия выступит против Германии»[1]. Происходило и такое сближение Соединенных Штатов с Россией, что Рузвельт «на основе новейшей информации смог намекнуть: вскоре произойдет вступление России в войну против Германии»[2]. Запад, как только мог, подталкивал Германию к войне с СССР.

Сейчас можно начать рассуждения о разного рода нравственных вопросах по поводу пакта о ненападении, особенно относительно секретных протоколов. Это особая тема.

По моему убеждению, заключение пакта о ненападении Сталину диктовала объективная необходимость — безопасность своей страны, отсрочка начала войны хотя бы на некоторое время. У Сталина и Гитлера были свои представления о ситуации в мире и раскладе сил. В то же время оба под воздействием той же необходимости вели игру так, как умели. Оба были прагматики и циники, как все политики вообще. Оба были людьми жестокими, безжалостными и беспощадными, каковым не может не быть первое лицо в государстве, тем более человек военный, тем более — Верховный главнокомандующий. И я не знаю, каким образом — чем и как определить меру этих дьявольских качеств. Но это другой вопрос.

Сталин, поначалу воспринявший идею Ленина «о возможности победы социализма первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране», через несколько лет провозгласил идею «**о необходимости** построения социализма в одной отдельно взятой стране». А социализм в его классическом понимании никак нельзя уравнять с национал-социализмом (нацизмом) и фашизмом. В моем понимании тут спорить не о чем.

Гитлер мыслил себя Мессией, призванным очистить все человечество от низших рас, а всю свою жизнь и деятельность строил на основе звериных расовых идей, хотя сам не ел мяса и не пил вина. Вегетарианцем был Адольф Гитлер. Взгляд на че-

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 70–71.

[2] Там же. С. 36.

ловека, общество, философию его развития, жизненные цели и задачи практической деятельности у этих людей были кардинально различные.

В своем выступлении на секретном совещании главнокомандующих родов войск вермахта 23 ноября 1939 года Гитлер сказал: «Я, при всей скромности моей собственной персоны, незаменим. Ни один военный и ни один гражданский деятель меня заменить не смог бы. Пусть покушения на меня повторяются. Я убежден в силе моего ума и в моей решительности. Войны всегда заканчиваются только уничтожением противника. Кто думает иначе — безответственен. Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться. При неблагоприятном для нас соотношении сил противник мира с нами не заключит. Никаких компромиссов! Быть суровыми к самим себе. Я буду нападать, а не капитулировать! Судьба рейха зависит от меня» [1].

«Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. Договора соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным. Так думал и Бисмарк. Вспомним его Договор перестраховки. Россия будет соблюдать его до тех пор, пока будет считать его за благо для себя. Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего укрепление своей позиции на Балтийском море. Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Западе» [2].

В выступлении на секретном совещании высшего генералитета вермахта в Оберзальцберге 22 августа 1939 года Гитлер заявил: «Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от меня, **от моего существования**. Ведь это факт, что никто, пожалуй, не пользуется таким доверием немецкого народа, как я. В будущем, верно, никогда не будет другого такого человека, который имел бы авторитет больший, чем имею я. Следовательно, мое существование есть фактор огромного значения» [3].

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 111.

[2] Там же. С. 110.

[3] Там же. С. 99.

О Сталине Гитлер говорил с почитанием. На уже упоминавшемся совещании высшего генералитета вермахта 22 августа 1939 года он заявил: «В сущности — только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини — слабейший. ...Сталин и я — единственные, кто видит будущее. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира.

<...> Генерал-полковник Браухич обещал мне закончить войну с Польшей за несколько недель. Если бы он доложил, что мне потребуется для этого два года или хотя бы только год, я не дал бы приказа о выступлении и на время заключил бы союз не с Россией, а с Англией. Ведь никакой длительной войны мы вести не можем»[1].

На секретном совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 года: «Сталин, властитель Европы — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в трудных для Германии ситуациях он во все возрастающей степени будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему тоже нужны успехи, его воодушевляет „дранг нах вестен“. Ему тоже совершенно ясно, что после полной победы Германии положение России станет очень трудным»[2].

В одном из «застольных разговоров» в «Волчьем логове» Гитлер сказал: «Если Черчилль — шакал, то Сталин — это тигр»[3].

Известны чрезвычайно лестные оценки Сталина его недругом У. Черчиллем. А недавно я встретил в книге сына президента Ф. Рузвельта Эллиота Рузвельта такие слова: «Встреча в Тегеране произвела на него (Ф. Рузвельта. — *И. И.*) неотразимое впечатление. „Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним — одно удовольствие. Никаких околичностей“»[4].

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 103.

[2] Там же. С. 125.

[3] Там же. С. 135.

[4] Рузвельт Э. Его глазами. С. 9.

Вальтер Шелленберг, группенфюрер СС, начальник VI управления (внешнеполитическая разведка) главного управления имперской безопасности (РСХА), по долгу службы встречался с Гитлером часто. Вот последние впечатления о Гитлере: «Вера Гитлера в собственное мессианское предназначение, судя по всему, что мне доводилось видеть, росла с каждым годом настолько, что все больше принимала форму болезненной одержимости. После убийства Гейдриха я имел возможность знакомиться с медицинскими заключениями личных врачей Гитлера д-ра Морелля, д-ра Брандта, а также д-ра Штумпфэггера и беседовать с профессором де Кринсом о все больше внушавшем опасения состоянии нервной системы фюрера. С 1943 года (после Сталинграда и поражения в Северной Африке. — *И. И.*) под воздействием нервных перегрузок у него все сильней прогрессировала болезнь Паркинсона; конечный итог — нервный паралич. В то время еще больше возросло стремление Гитлера уничтожить евреев. Чаще, чем раньше, он разражался руганью по адресу „мирового еврейства“, в лице которого видел главного виновника военной катастрофы Германии. На этом фоне он оценивал заявление Черчилля и Рузвельта в Касабланке (с их требованием безоговорочной капитуляции Германии), которые для него являлись не чем иным, как „подручными жидов“»[1].

О каких особых «симпатиях» между Сталиным и Гитлером можно говорить? Они ни разу не встречались лично и могли судить друг о друге только по политическим и государственным делам. Да, нечто схожее по целям и методам политических процессов в Германии и СССР видно невооруженным глазом: в обеих странах шла борьба с непримиримой оппозицией, и методы этой борьбы были одинаковыми — массовые репрессии.

Но столь же легко можно обнаружить и принципиальные различия: в СССР борьба шла на основе классовых противоречий, а в Германии, кроме уничтожения политических оппонентов и противников (коммунистов, социал-демократов и т. п.), реализовывалась идеология расизма и национализма, согласно которой уничтожению подлежали целые нации и народы, прежде всего

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 432.

евреи, славяне всех ветвей — русские, украинцы, белорусы, поляки, «прочие» нации и народности.

На мой взгляд, весьма точную оценку характеру взаимных «симпатий» Гитлера и Сталина дал советник посольства Германии СССР Густав Хильгер, который вместе с послом этой страны графом Шуленбургом[1] работал в Советском Союзе семь лет, до первого дня войны, присутствовал на некоторых мероприятиях, в которых участвовал Сталин. Вот что пишет он в своих воспоминаниях: «Во время встреч со Сталиным я неоднократно имел случаи делать выводы из того, что он говорит и делает, о его отношении к людям и делам. Явно чувствовалось, что на него произвели сильное впечатление определенные черты характера и действий Гитлера. При этом у меня уже тогда возникло гнетущее чувство, что ему, очевидно, импонировали именно те качества и те решения Гитлера, которые стали роковыми для Германии. Но и Гитлер никогда не скрывал, что он (разумеется, за исключением своей собственной персоны) считал Сталина самым значительным из всех современников.

Разница между обоими тут состояла только в том, что Гитлер сохранил свое восхищение Сталиным до самого конца, между тем как отношение Сталина к Гитлеру превратилось в жгучую ненависть, а затем в глубочайшее презрение»[2].

А вот как воспринимал личность Сталина и его деятельность имперский министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, повидавший за время работы на этом посту всех глав государств и правительств крупнейших стран мира: «Сталин с первого же момента нашей встречи (23 августа 1939 года. — *И. И.*) произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердость, но при этом великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров

[1] Шуленбург был сторонником дружественных отношений Германии с СССР. В 1944 году он стал одним из участников заговора против Гитлера и, в случае удачи, дал согласие стать министром иностранных дел Германии. Но заговор был раскрыт. Как и все заговорщики, Шуленбург был казнен.

[2] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 72.

и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, человека, который сумел сплотить двести миллионов человек своей империи сильнее, чем любой царь прежде»[1].

...Сейчас задену лишь несколько грязных и позорных сюжетов истории Второй мировой войны.

Коснусь вопроса, которым задается в мире множество людей: как «мюнхенский пивной ефрейтор» Адольф Гитлер вдруг стал главой Германии? В сознании мирового сообщества, российского в том числе, практически отсутствует знание о том, что Гитлер — это совместный политический проект США, Великобритании, промышленных и финансовых кругов Германии. Хотя об этом писали еще в канун Второй мировой войны, немало материалов можно встретить сегодня в Интернете. Однако не верится, что кто-то мог целенаправленно годами взращивать такое чудовище, создавать военную машину, которая едва не уничтожила человеческую цивилизацию.

Тема эта непростая, и представить картину вскармливания Гитлера и создания фашистского вермахта в полном объеме возможно лишь в объемистом исследовании. Однако есть публикации, к которым стоит отнестись с доверием. Вот передо мной монография Дмитрия Перетолчина «Мировые войны и мировые элиты»[2]. В ней тема появления Гитлера на вершине власти германского государства при участии англо-американского крупного капитала в союзе с немецкими банкирами рассмотрена весьма обстоятельно, со ссылками на множество немецких, американских и английских оригинальных источников.

В начале XX века была чрезвычайно популярна идея создания единого экономического пространства Западной и Восточной Европы при одновременном завоевании рынков Срединной Европы. Отсюда неудивителен интерес деятелей Панъевропейского союза

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 72.

[2] Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. М.: Книжный мир, 2014.

к Гитлеру, о котором крупный немецкий промышленник Ялмар Шахт говорил своим коллегам в Германии, Европе и США: «Через три месяца у власти будет Гитлер. Он создаст Пан-Европу... Только Гитлер может создать Пан-Европу»[1].

В то же самое время создавался проект «Лига реализации мира», основным автором устава которой был президент США Вудро Вильсон. Возможности Лиги Наций (такое название в конечном счете получил этот проект) в сочетании с положениями Версальского договора открывали для США европейские рынки и доминирование в мире. Россию в Лигу Наций не приняли.

«Зато американская делегация привезла на учредительную конференцию карту с новыми границами Российского государства, где за Москвой оставлялась Среднерусская возвышенность, отсекались Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток...»[2]

В начале лета 1929 года крупный американский финансист Джеймс Варбург «в рамках установления контроля над Германией стремился найти подходящего человека и вошел в контакт с Адольфом Гитлером»[3]. Надо полагать, что Гитлер понравился американцу. Вскоре в Швейцарии и Голландии были открыты личные банковские счета на имя будущего фюрера[4].

Политики и бизнесмены США довольно долго изучали Гитлера, хотя многое вроде бы было ясно сразу. «В ноябре 1922 года помощник американского военного атташе в Германии Трумэн Смит записал в отчете о мюнхенской встрече. „Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Только диктатура может поставить Германию на ноги. Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на немецкой земле, а не на американской или английской“, — именно таким образом на встрече высказался начинающий политик Адольф Гитлер»[5].

---

[1] Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. С. 169.

[2] Там же. С. 170.

[3] Там же. С. 175.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 184.

В конце 20-х — начале 30-х годов гитлеровская партия перестала нуждаться в финансах, они текли из разных мест.

В 1929 году Гитлер получает 10 млн долл. от Амстердамского отделения банка Mendelssohn & Co.

Сначала 30-х годов по линии Тиссена перечислялись средства на имя помощника фюрера Гесса — через счет голландского банка, связанного с Union Banking Corporation. В декабре 1931 года фигурирует сумма, определенная в некоторых источниках в 100 млн марок. В тот же год Роттердамский банковский консорциум добавит в копилку партии еще 15 млн долл.[1]

Атташе американского посольства в Берлине Д. Гордон сообщал госсекретарю Г. Стимсону: «Нет никакого сомнения, что Гитлер получил значительную финансовую поддержку от определенных кругов промышленников. Как раз сегодня до меня дошел слух из источника, обычно хорошо информированного, что представленные здесь различные американские финансовые круги весьма активно действуют в том же направлении»[2].

Окончательное доверие Гитлер заслужил, заявив в интервью американскому журналисту: «Американские капиталовложения в Германии будут при национал-социалистическом правительстве в гораздо более надежном состоянии, чем при любом другом».

10 октября 1931 года Гитлер встретился с Гинденбургом, предъявив свои претензии на власть. На следующий день в Бад-Гарцбурге на совещании видных германских промышленников и банкиров, где присутствовал и Гитлер, Я. Шахт сообщил о поддержке в США установления в Германии диктатуры нацистской партии. В тот же день последовал устрашающий марш частных армий, который принимал Адольф Гитлер, а в его ближайшем окружении на трибуне стоял глава «Рейхсбанка» Ялмар Шахт[3].

10 августа 1932 года Гитлер встретился с Гинденбургом и снова потребовал пост канцлера[4].

---

[1] Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. С. 188.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 193.

[4] Там же. С. 192.

По свидетельству канцлера Брюнинга, «группа крупных предпринимателей», продвигавших Гитлера, периодически наведывалась для совещаний к послу США в Берлине М. Секетту [1].

«„Я был последней надеждой Европы“, — скажет Гитлер незадолго до смерти. Его притязания поддержит американский публицист Джон Стейнберг: надеждой немецких Варбургов и кругов, которые представляли Ялмар Шахт и директор Банка Англии лорд Монтегю Норман. Монтегю Норман будет играть особую роль в истории Второй мировой войны...» [2]

«Сотрудник отделения информации и связи финансового отдела американской секции Союзного контрольного совета для Германии Ричард Сэсюли так описал общую ситуацию проталкивания Гитлера на вершину власти: „Гитлер получил такую поддержку, на которую он и не смог надеяться. Индустриальные и финансовые лидеры Германии, с I. G. Farben во главе, сомкнули ряды и сказали Гитлеру „да“... Опираясь на них, он быстро смог создать известное всем нам кровожадное фашистское государство“» [3].

Широко известный дипломат и ученый, доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л. Г. Ивашов, исследовавший вопрос о том, кто и когда начал Вторую мировую войну, кто и как возвел Гитлера во власть, пишет: «В США хранятся за семью замками документы, в которых зафиксированы финансовые потоки, в том числе взносы в нацистскую кассу на протяжении 20-х, 30-х и 40-х годов. Сомневаюсь, что эти тайны раскроют и к столетию формального окончания Второй мировой».

После прочтения книги Д. Перетолчина у меня невольно возникла мысль о том, что на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе рядом с нацистскими военными преступниками должны были сидеть еще многие из английских, немецких и американских промышленных и финансовых воротил. Тогда, быть может, сегодняшний мир был бы совсем иным, в нем не было бы страны-террориста, международного разбойника под названием «США».

[1] Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. С. 196.

[2] Там же. С. 194.

[3] Там же. С. 195.

Общий замысел Запада был в том, что Гитлер вскоре пойдет войной на Советский Союз. Но у фюрера имелись свои имперские амбиции. Для начала он решил подмять под себя Европу.

За всеми сегодняшними попытками поставить в центр проблемы начала Второй мировой войны пакт Молотова—Риббентропа и свалить вину на СССР лежит стремление увести внимание доверчивой общественности от той роли, которую сыграли США и Великобритания в политической карьере Гитлера. Западные демократии с самого начала видели в фюрере свое орудие, которому предстояло сокрушить СССР.

Воспользуюсь данными и оценками из статьи «Геополитическая предыстория Второй мировой войны»[1] генерал-полковника Л. Г. Ивашова.

Буквально накануне мюнхенского сговора министр иностранных дел Великобритании Чемберлен сделал следующее заявление: «Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма. И поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... (т. е. трудности между Германией и Великобританией. — *И. И.*). Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России». Как это понимать? Разве это не поощрение Гитлера к походу на Восток?..

Прилетев в Лондон с Мюнхенской конференции, проходившей 29–30 сентября 1938 года, Чемберлен, обращаясь к соотечественникам, торжественно заявил: «Я привез вам мир!» За этими пафосными словами скрывались два важнейших соображения: 1) вектор гитлеровской военной машины удалось направить на Восток, к границам СССР, 2) с Гитлером подписана декларация, в которой подчеркнуто желание немецкого и английского народов никогда более не воевать друг с другом. Замалчивание этих вещей — главный козырь, который дает нашим оппонентам возможность обвинить Россию в том, что Гитлер и Сталин пытались поделить мир, что шла война между двумя тоталитарными режимами. Запад всеми силами стремится скрыть тот факт, что мировая бойня была развязана при его попустительстве и тайной поддержке с целью уничтожения Советского Союза.

[1] URL: http://nvo.ng.ru/history/2009-09-04/1_ww2.html

Безусловно, Лондон и Париж тоже опасались нарастающей мощи Германии, но их политика сводилась к двум вариантам: как не подвергнуться удару Германии в одиночку, как подтолкнуть Гитлера к удару по Советскому Союзу.

Особенно стремились помочь Гитлеру осуществить «дранг нах остен» англичане. Британские консерваторы держали в голове политическое завещание Ллойда Джорджа, который, будучи премьером, в начале XX столетия заявил: «Традиции и жизненные интересы Англии требуют разрушения Российской империи, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и Передней Азии». Эти колебания между двумя вариантами действий, в конце концов, и привели к политике умиротворения Гитлера.

В сентябре 1938 года английские и французские «верхи» пошли на мюнхенский сговор с Гитлером: Мюнхенская конференция постановила, что после 1 октября Судетская область принадлежит Германии. И четвертое по экономической и военной мощи государство Европы — Чехословакия — было отдано Гитлеру на заклание[1].

Но как же действовали сами чехи? Ведь чешская армия по своей мощи была вполне сопоставима с германской. Немцы к осени 1938 года имели личного состава 2,2 млн человек, чехи — 2 млн танков соответственно — 720 и 469, боевых самолетов — 2500 и 1582. При этом чешская армия опиралась на мощные оборонительные сооружения и имела развитую военную промышленность. Но чехи отказались от сопротивления. Чешская элита вполне осознанно, без единого выстрела отдала Гитлеру не только Судетскую область, но и всю страну. Она отказалась от предложенной Советским Союзом помощи и фактически являлась союзницей Германии в войне против СССР. Сегодня об этом в Праге никто не вспоминает.

Фельдмаршал Кейтель на Нюрнбергском процессе показал: «Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения... С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию».

[1] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы / отв. ред. М. Ю. Мягков; сост. Ю. А. Никифоров; РАН, Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 2005. Док. № 11. С. 24–26.

Возникновение Второй мировой войны — длительный и сложный процесс. Роль США в этом процессе странным образом уже много десятилетий остается за кадром. В основном она сводится к рассказам о миротворческих акциях президента США Рузвельта. Но так ли это? Не кто иной, как Рузвельт, родил в те годы афоризм: «Если в политике что-нибудь случается, значит, это было спланировано». Идея мировой войны постоянно присутствовала в речах и планах президента США задолго до 1 сентября 1939 года. Положение внутри США было крайне тяжелым, и война была весьма кстати. Именно поэтому Рузвельт без труда получил в конгрессе двойной военный бюджет.

Существуют публикации, в которых говорится, что в распоряжении историков сегодня имеются материалы, позволяющие оспорить версию начала Второй мировой войны с нападения Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 года и обосновать совершенно иную концепцию. В этой концепции в качестве главного «героя» оказываются США, их деловая и политическая элита, и прежде всего президент Рузвельт. Этот поворот во взгляде на историю, безусловно, не снимет всей ответственности за происшедшее в XX веке и во Второй мировой войне с Гитлера, но перенесет значительную ее часть на США. Вот бы где поработать нашим историкам! Думаю, что и американцы были бы потрясены, узнай они о действительной роли США во Второй мировой. А сейчас американцы выглядят в собственных глазах (да и не только в собственных) истинными героями и спасителями человечества.

В последнее время об этом как-то не принято говорить, но американские военные поставки Германии продолжались даже тогда, когда немцы рвались к Москве. Американцы были заинтересованы в том, чтобы война длилась как можно дольше. Военная помощь Гитлеру прекратилась только 11 декабря 1941 года — и то после того, как Германия сама объявила войну Америке[1].

Я убежден, что в борьбе за правду отечественной истории нам, как всегда, не хватает чувства собственного достоинства. Мы легко сдаем свои, казалось бы, несокрушимые позиции, а иногда просто ведем себя предательски по отношению к тем, кому обязаны всем, и прежде всего своей жизнью.

[1] URL: http://fomm.mosmi.ru/showthread.php?t=55955

Миф второй

В развязывании Второй мировой войны виновата не фашистская Германия, якобы внезапно напавшая на СССР, а СССР, спровоцировавший Германию на вынужденный превентивный удар

В ходе холодной войны на Западе возник и все более раздувается миф о том, что Советский Союз готовился к нападению на Германию, сгруппировал на своих западных границах мощные вооруженные силы Красной армии, и это спровоцировало Гитлера на вынужденный превентивный удар 22 июня 1941 года. Тем самым, по мнению некоторых американских и европейских политиков и ученых, виновниками развязывания Второй мировой войны как минимум в равной мере являются как Германия, так и СССР, а некоторые в своих фантазиях заходят так далеко, что объявляют СССР главным виновником.

Авторов этого мифа не смущает даже тот факт, что, согласно общепринятой точке зрения, Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу, а в Советский Союз гитлеровский вермахт вторгся почти на 22 месяца позже. В древние века родился афоризм: «Даже Бог не может изменить прошлое, но историки могут». Тем более если это даже не историки, а крупнокалиберные политические сплетники типа нынешнего премьер-министра Украины фашиста Яценюка. Представьте себе, находясь в Германии с официальным визитом в первой половине января 2015 года, Яценюк выступил по радио и заявил: «Мы никогда не забудем, что в 1945 года Россия (советские войска! — *И. И.*) оккупировала Украину и Германию». И никто его не поправил — ни канцлерина Меркель, ни МИД ФРГ или Украины, несмотря на то что Министерство иностранных дел РФ направило обеим странам ноты в связи с этим абсурдным заявлением!

27 января 2015 года исполнилось 70 лет со дня освобождения советскими войсками концлагеря Освенцим на территории Польши. По этому поводу министр иностранных дел Польши заявил, что Освенцим освободили украинские войска. В связи с этим Президента РФ В. В. Путина на торжества не пригласили.

К нынешним дням Вторая мировая война и Великая Отечественная война скрупулезно исследованы во всех странах-участницах, но прежде всего в СССР и «новой» России, а также в Германии. Опубликована масса мемуаров и дневников крупных военачальников, данные разведок, рассекречено абсолютное большинство документов предвоенной и военной поры. Поле исторических исследований огромно, реальные события, факты и цифры, казалось бы, должны утихомирить выдумщиков и фальсификаторов. Увы! Погоня за сенсациями порождает все новых шарлатанов, побуждая их к выдумке новых фактов, перелицовке событий, вымыслу того, что никогда не происходило, и полному игнорированию сказанного и запечатленного в документах, научных трудах и воспоминаниях конкретных лиц в реальных сражениях, битвах, переговорах.

Тут особенно интересны и важны точки зрения, взгляды и высказывания главных персон вражеской стороны.

Начнем с Адольфа Гитлера — фашистского главаря, вдохновителя и организатора нападения на СССР. Начнем издалека, с тех времен, 1 апреля 1924 года, когда будущий фюрер германского народа по приговору Мюнхенского суда был заключен в крепость Ландоберг, где он засел за написание книги «Mein Kampf» («Моя борьба»), ставшей впоследствии «библией нацизма». В книге две части, пятнадцать глав, заключение. Изложенное в ней в целом можно назвать бредом маньяка, а на самом деле это была программа завоевания Германией мирового господства, установления «нового мирового порядка», основанная на расовой теории превосходства немецкой (арийской) нации над другими, низшими расами. Это была, по сути, программа новой мировой войны, которой Гитлер, став главой фашистской Германии, следовал неукоснительно, а за ним и абсолютное большинство оболваненной им немецкой нации. Напомню читателю: книга написана Гитлером в середине 20-х годов XX века.

Представив в 13 главах все свои «фундаментальные» взгляды на мировое устройство, человечество, государство, «новое мировоззрение», международную политику и т. п., в главе 14 Гитлер излагает свои безумные идеи по поводу «Восточной ориентации или восточной политики»...

Глава начинается словами: «Отношение Германии к России я считаю необходимым подвергнуть особому разбору. И это — по двум причинам.

1. Эта проблема имеет решающее значение для всей вообще иностранной политики Германии в целом.

2. Эта проблема является оселком, на котором прежде всего проверяются политические способности нашего молодого национал-социалистического движения; на этом оселке мы проверяем, насколько в самом деле мы способны ясно мыслить и правильно действовать»[1].

Привожу всего несколько цитат из главы 14, но они, несомненно, дают думающему человеку полное представление о тех основных идеях, которые родились в возбужденном сознании будущего фюрера и которые вели его по жизни до дня самоубийства. «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указует нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в ка-

[1] Гитлер А. Моя борьба. М.: ИТФ-ОКО, 1992. С. 556–563.

честве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. <...> Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе» [1].

А вот выдержки из протокольной записи допросов рейхс-маршала, главнокомандующего германскими военно-воздушными силами Генриха Геринга, которого Гитлер назначил своим преемником № 1: «Я всегда являлся противником войны с Россией (лжет! — *И. И.*). Когда я узнал о военных планах Гитлера против СССР, я просто пришел в ужас... Я неоднократно пытался отговорить фюрера от его намерений воевать с СССР, но фюрер носился с мыслью войны против России, и разубедить его я не мог» [2].

Вспоминая о своей встрече в 1937 году с послом Германии в Великобритании И. фон Риббентропом [3] по поводу перевооружения Германии в 1930-е годы, У. Черчилль [4] говорит: «Однажды в 1937 году я встретился с германским послом в Англии фон Риббентропом <...> Наша беседа продолжалась более двух часов... <...> Суть его речей сводилась к тому, что Германия хочет дружбы

[1] Гитлер А. Моя борьба. С. 556–563.

[2] Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных 1944–1951. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. С. 17–18.

[3] Риббентроп И. (1893–1946) —в 1933 году — советник Гитлера по внешнеполитическим вопросам; в 1934 году — уполномоченный по внешнеполитическим вопросам при штабе заместителя фюрера Р. Гесса; в 1936–1938 годах — германский посол в Лондоне; в 1938–1945 годах — министр иностранных дел Германии. Казнен по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

[4] Черчилль У. (1874–1965) — государственный, политический и военный деятель Великобритании. В 1940–1945 и 1951–1955 годах — премьер-министр Великобритании.

с Англией. Важнее всего, как говорил Риббентроп, было бы, чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсраум (*нем.* Lebensraum), или жизненное пространство для ее все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор.

Выслушав все это, я сразу же выразил свою уверенность в том, что английское правительство не согласится предоставить Германии свободу рук в Восточной Европе. Хотя мы и в самом деле находились в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидели коммунизм не меньше, чем его ненавидел Гитлер, но Риббентропу следует твердо знать, что, если бы даже Франция и была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой. Мы стояли перед картой, когда я сказал это. Риббентроп резко отвернулся от карты и потом сказал: „В таком случае война неизбежна. Иного выхода нет. Фюрер на это решился. Ничто его не остановит, и ничто не остановит нас“...»[1]

Крайне интересным представляется письмо посла США в Испании Клода Бауэрса бывшему послу США в Германии У. Э. Додду о результатах Мюнхенского соглашения, отправленное 3 ноября 1938 года. В своем откровенном послании К. Бауэр, в частности, писал: «...Я по горло сыт мифами о красной коммунистической угрозе. Могут ли даже дураки не видеть, что начиная с 1935 года мы находимся в гуще всемирного фашистского развития? Я внимательно следил за русскими в Лиге Наций и в Комитете по невмешательству и без колебаний скажу, что Литвинов[2] является единственным министром иностранных дел, который говорит на языке элементарной честности. Коммунистическая опасность наступает нам на пятки! Но ведь именно фашистская Япония пытается сокрушить Китай с помощью оружия; фашистская Германия изнасиловала Австрию — с помощью оружия; фашист-

[1] Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 90, 98, 99, 102.

[2] Литвинов М. М. (1876–1951) — государственный и партийный деятель, дипломат. С 1918 года на дипломатической работе. В 1930–1939 годах — нарком иностранных дел СССР, в 1941–1946 годах — зам. наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941–1943 годах посол СССР в США.

ская Италия похитила Абиссинию — с помощью оружия; фашистская Германия надругалась над чехами — с помощью оружия; фашисты Германии и Италии и профашистски настроенный Чемберлен сделали то же самое с Испанией, где они все еще выступают с оружием в руках! А что сделала Россия?

Вы совершенно правы относительно фашистской опасности у нас дома. Я вижу многих американцев, которые живут здесь и в Биарице на дивиденды и являются явными фашистами»[1].

Из воспоминаний бывшего министра финансов Германии Л. Шверин фон Крозига о подготовке Германии ко Второй мировой войне: «Военные расходы Германии с 1934 года до 31 августа 1939 года по всем трем видам вооруженных сил, в том числе и расходы, связанные с увеличением вооружений, составили 60 млрд марок. В этот же период общие бюджетные расходы Германии равнялись 101,5 млрд марок, то есть военные расходы составляли 59,1% этой суммы.

Налоговые сборы дали в общей сложности 62,2 млрд марок. Их вполне хватало для финансирования гражданского сектора (41,5 млрд), и, кроме того, оставалось еще 20 млрд марок на покрытие военных издержек. Еще одна треть военных расходов (20 млрд марок) покрывалась „прочими хозяйственными сборами“, то есть за счет прибылей железных дорог, почтовых сборов, доходов государственного банка и т. д., а также за счет кредитов, выдаваемых в первые годы в виде краткосрочных, а позднее — долгосрочных долговых обязательств...»[2]

Приведенные документы говорят о том, что нападение на СССР (Россию) было **не упреждающей акцией, а идеологически мотивированной, заранее спланированной и хорошо подготовленной войной**.

Серьезные немецкие ученые рассматривают сотворенную мифологию и фальсификацию событий начала и итогов Великой Отечественной войны с фашистской Германией как информационную войну за прошлое. Так, профессор Бианка Пиетров-Энкер считает, что миф о «превентивном ударе» Гитлера есть не что иное, как по-

[1] Цит. по: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 15–16.

[2] Там же. С. 16.

пытка нынешних нацистов оправдать действия Гитлера. «В документальных источниках нет никаких намеков на то, что это решение Гитлера (о нападении на СССР. — *И. И.*) следует рассматривать как якобы реакцию на советскую политику летом 1940 года»[1].

Даже сам Гитлер неоднократно проговаривался о том, что СССР не собирается нападать на Германию. На секретном совещании в узком кругу руководящего состава вермахта 14 августа 1939 года в Оберзальцбурге фюрер говорил: «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны»[2]. На совещании 22 июля 1940 года он опять сказал: «Русские не хотят войны»[3]. Хотя в это время у Гитлера уже был готов план вторжения в Россию летом 1940 года[4].

Наконец, необходимо обратиться к материалам Нюрнбергского процесса, где в Приговоре в конце подраздела «Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивалось: «Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня. <...> Это была явная агрессия». В подразделе «Убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним» указывалось: «Из представленных доказательств явствует, что, во всяком случае, на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами...» В подразделе Приговора «Преследование евреев» отмечалось: «Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы „окончательного решения“ еврейского вопроса в Европе. Это „окончательное решение“ означало уничтожение всех евреев, которое со-

[1] Вторая мировая война / пер. с нем. М., 1997. С. 455.

[2] Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т 1. С. 38.

[3] Там же. Т 2. С. 61.

[4] Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995. С. 116. См. также прил. 3. План «Барбаросса».

гласно угрозам Гитлера в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны»[1].

В Обвинительном заключении Международного военного трибунала (г. Нюрнберг) есть пункт 6-й «Вторжение Германии 22-го июня 1941 г. на территорию СССР в нарушение Пакта о ненападении от 23-го августа 1939 г.»:

«22 июня 1941 г. гитлеровские заговорщики, вероломно нарушив Пакт о ненападении между Германией и СССР, без объявления войны напали на советскую территорию, начав тем самым агрессивную войну против СССР.

С 1-го же дня вторжения на территорию СССР гитлеровские заговорщики, в соответствии с детально разработанным планом, начали осуществлять разрушение городов и сел, уничтожение фабрик и заводов, колхозов и совхозов, электростанций и железных дорог, ограбление и варварское разрушение национально-культурных учреждений народов СССР, разрушение музеев, школ, больниц, церквей, исторических памятников, массовый угон советских граждан на подневольную работу в Германию, а также физическое истребление взрослого населения, женщин, стариков и детей, особенно русских, белорусов, украинцев, и повсеместное истребление евреев.

Все эти преступные действия проводились германскими войсками по прямым приказам нацистского (гитлеровского) правительства и германского верховного командования»[2].

Как можно на таком фоне вести какие-либо дискуссии о том, кто начал войну, если об этом говорит сам Гитлер, его преемник рейхсфюрер Геринг, если в Приговоре Нюрнбергского процесса сказано: это была агрессия?

Вот, наконец, свидетельство посла Германии в СССР Хильгера из его разговора с послом Шуленбургом, который встречался с Гитлером 28 апреля 1941 года. «Посол увидел, что его памятная записка лежит у Гитлера на столе, но ни по одному слову Гитлера не смог судить, прочел тот ее или нет. Однако, прощаясь, Гитлер вдруг без всякой связи с предыдущей беседой бросил: „И еще одно, Шуленбург: вести войну против России я не собираюсь!“

[1] СССР и Нюрнбергский процесс. Документы. С. 61. См. также прил. 8.

[2] Там же. Док. № 98. С. 261.

Когда 30 апреля посол вернулся в Москву, он отвел меня на аэродроме в сторону и прошептал: „Жребий брошен, война — дело решенное!“ Только по дороге в посольство он сообщил мне о последней реплике Гитлера. На мой удивленный вопрос, как же это согласуется с его первыми словами, Шуленбург ответил: „Гитлер намеренно обманывал меня“.

А тем временем Сталин продолжал свою политику умиротворения. Но Гитлер на нее ни в малейшей степени не реагировал. Даже тот факт, что 6 мая 1941 года Сталин занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и, таким образом, встал во главе правительства и юридически, не привлек к себе внимания.

Гитлера, хотя тем самым Сталин хотел явно продемонстрировать, что полон решимости использовать весь свой личный авторитет, чтобы избежать столкновения между Германией и Советским Союзом. Не придал Гитлер никакого значения и донесениям посольства, хотя (или, возможно, именно поэтому) мы неустанно указывали на добросовестное соблюдение Советским Союзом экономического соглашения и подчеркивали, что он прилагает все усилия для избежания любого конфликта с Германией.

В мае в Москву после многонедельного отсутствия вернулся полковник Кребс. Когда он зашел в мой кабинет, я задал ему вопрос насчет курсирующих слухов о войне. Если в этом есть хоть доля истины, его долг, сказал я, разъяснить Гитлеру, что война против Советского Союза может означать конец Германии. Я напомнил Кребсу, что за свою долгую историю Россия часто бывала бита, но никогда — разбита»[1].

Миф третий

Советский Союз не был готов, более того — и не готовился к нападению Германии

Миф — это не всегда чистая выдумка. Чаще всего в основе мифа лежит та или иная, большая или меньшая доля правды, а во-

[1] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. С. 88.

круг нее неквалифицированный или злонамеренный историк, журналист или писатель накручивает свои фантазии и ложь. В результате создается впечатление правдоподобия, которое, как известно, хуже чистой лжи. Для молодого, незрелого ума, для плохо образованного человека подобия правды часто бывает более чем достаточно: он заглатывает «наживку» и помимо своей воли оказывается на крючке лжи.

Да, в полной мере к войне с Гитлером Советский Союз не был готов. Это правда. Но изо всех сил спешил подготовиться к неизбежной схватке с фашизмом. Это тоже правда. Однако эта правда мифотворцам не нужна. Поэтому давайте немного порассуждаем на тему «Почему СССР был не готов к войне?».

Еще при жизни больного Ленина, в марте 1922 года, Пленум ЦК ВКП(б) избирал И. В. Сталина генеральным секретарем ЦК. Вся власть в стране — и партийная, и государственная — оказалась фактически в его руках. Наблюдая за деятельностью Сталина более полугода, безнадежно больной Ленин понял это и написал «Письмо к съезду» («Политическое завещание»), в котором говорит: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно»[1].

Ленин не фантазировал и не пророчествовал: он точно знал, что Сталин и Троцкий уж давно — непримиримые враги, смертельно ненавидящие друг друга, и, стало быть, раскол в партии не «может» наступить, а наступит неизбежно и вскоре. «Наградив» Троцкого званиями «самого способного человека в ЦК» с «выдаю-

[1] Ленин В. И. Письмо к съезду. 23–26 декабря 1922 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т 45. С. 343–346.

щимися способностями», Ленин поднес огонь к тлевшим фитилям заряда вражды в сердцах обоих вождей.

Попробуем словно на «машине времени» перенестись в эту даль и стать (как бы) живыми свидетелями всего происходившего, увидеть явления и события тех лет не с десятилетних расстояний, а (как бы) изнутри, воочию, погрузиться в ситуацию понимания. Без глубокого погружения в сущность происходившего не может быть и ее глубокого понимания.

...Только что закончилась Гражданская война, а страны Атланты не ушли восвояси, еще не разгромлены основные политические противники внутри страны.

Не стану говорить о разных партиях, у которых были различные и, как правило, существенно иные, чем у большевиков, взгляды на пути развития России. Межпартийные схватки... А страна в разрухе, а власть и без того висит на волоске. Один за другим неурожаи. Голод 20-х годов... Голод 1931–1932 годов. Крестьянские восстания... Чтобы удержаться у власти, их приходилось подавлять силой. Коллективизация... Индустриализация... Политических противников устраняли с политического поля тоже насильно. Одним словом, шла классовая борьба и, что не менее опасно, внутрипартийная борьба. Не буду говорить о Бухарине, Зиновьеве, Каменеве и других большевистских вождях, которые после смерти Ленина стали не всегда открыто, но активно выступать против Сталина.

Троцкий откровенно претендовал на первую роль в партии и государстве, т. е. на место, которое занимал Сталин.

Разве Сталин не понимал этого? Отлично понимал. Отдать власть в руки Троцкого или какие-то другие руки? Зачем? Кто мог гарантировать, что новый вождь (а все до одного они были на виду и хорошо известны) сумел бы управлять страной в остро кризисной, критической ситуации лучше, чем он?

Сталина, в силу его внутренней замкнутости, никто из сотоварищей, оппонентов и откровенных врагов не знал по-настоящему. Немногословность Сталина объяснялась как нехватка образованности и большого ума.

В своем памфлете «Иосиф Сталин. Опыт характеристики», написанном в сентябре 1939 года уже в эмиграции, Троцкий пред-

ставлял Сталина «типичным средним провинциальным революционером царской эпохи» с «малоподвижным умом», не обладающим «ни теоретическим воображением, ни исторической дальнозоркостью, ни даром предвосхищения»; лишь по силе воли он поставил Сталина вровень с Лениным. По мнению Троцкого, Сталин «выдающийся тактик, но не стратег» [1]. В записках редактору журнала Life в октябре того же года он пишет: «Сталин мне враг» [2]. Из этих записок явствует, что Сталин и Троцкий враждовали уже давно, однако окончательное осознание непримиримой враждебности друг к другу пришло тогда, когда на съезде партии огласили «Политическое завещание» Ленина.

О том, что Сталин был человеком не только хитрым и коварным, но также умным, обладающим феноменальной памятью, скажут впоследствии премьер Великобритании Черчилль, президент США Рузвельт и многие другие. О том, что он — человек хорошо образованный, смелый, готовый пойти на риск ради успеха, о многих других положительных качествах (о плохих сейчас не говорим) знал только сам Сталин. Знал и молчал. Устойчивая высокая самооценка своих способностей справиться с любой ситуацией и высокий уровень притязаний не позволяли Сталину отступить от руля управления страной, не оставляли шансов на успех никому из потенциальных соперников. Эту истину его оппоненты хорошо понимали.

Некоторые говорили о том, что его надо освободить от должности генсека, а были и такие, кто выступал за то, чтобы устранить Сталина физически. Сталин понимал и это. Заговоры с целью убить Сталина строились внутри страны и за границей — в Японии, Германии. Это — не выдумки, а действительность, о которой говорить сейчас не к месту.

Думаю, именно в этом лежит главная причина начала чисток в партии и политических репрессий на основе подлинных, а частью придуманных фактов. Почему репрессии приняли затем такие гигантские масштабы, никто толком объяснить не может. Версии, версии... Сваливать все только на одного Сталина, на мой

[1] Троцкий Л. Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 624–636.

[2] Троцкий Л. Сверх-Борджиа в Кремле // Осмыслить культ Сталина. С. 636.

взгляд, нелепо. Да, процесс был запущен не без его воли. А затем, надо думать, вырвался из его рук. Одним словом, психологическая атмосфера, в которой жил и работал Сталин, не могла не влиять на его решения и поведение. Легче всего свалить все на «параноидальную подозрительность» Сталина, которой якобы он страдал.

В 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер с его сумасбродными идеями мирового господства, превосходства «арийской расы» над всеми другими народами, уничтожения славянских народов и всех евреев в Европе и прочими тому подобными. Надо учесть, что в тот момент в Европе уже в 20 государствах установились фашистские режимы. Гитлер не скрывал своей ненависти к СССР и большевикам. Можно ли подумать, будто Сталин не понимал, что нападение Германии на СССР неизбежно?

Сталин эту неизбежность сознавал. Это подтверждал, в частности, премьер-министр Великобритании У. Черчилль. В своих мемуарах он писал, что во время встречи в Москве в августе 1942 года Сталин сказал ему: «...Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около того» [1].

Сталин понимал, что Гитлер нападет также на Англию и Францию, поэтому, как уже говорилось, еще до начала Второй мировой войны пытался выстроить с ними политику коллективной безопасности, однако долгие переговоры ни к чему не привели.

23 августа 1939 года СССР был вынужден подписать с Германией пакт о ненападении, хотя, скажу снова, инициатором здесь был не он, а Гитлер. Надо было любыми способами оттянуть начало войны, чтобы лучше подготовиться к ней. В состав СССР в итоге «освободительного похода» были приняты Западная Украина и Западная Белоруссия, вошли Эстония, Литва и Латвия. Да, все это происходило согласно дополнительному (секретному) протоколу к пакту Молотова—Риббентропа. В глазах мирового сообщества, особенно сегодня, это выглядит, скажем так, некрасиво. Но тогда СССР был на пороге войны, и выиграть время, улучшить стратегическое положение страны надо было любой ценой. Добавкой названных территорий на западной границе оно было улучшено. Это надо рассматривать как подготовку к войне.

[1] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4: Поворот судьбы. М., 1955. С. 489.

30 ноября 1939 года Советский Союз начал кровопролитнейшую войну с Финляндией, которая продолжалась 3 месяца и 12 дней, закончилась 12 марта 1940 года. Для советской стороны война принесла новые территории, гарантировавшие безопасность Ленинграда, возможность создания военно-морской базы на острове Ханко, несколько удобных портов, дополнительные энергетические мощности для промышленности. Это улучшило стратегическое положение СССР на северо-западном участке. И это тоже была подготовка к войне.

Стоит заметить, что еще в 1935 году Сталин думал о подготовке к будущей войне. В письме Кагановичу и Молотову 4 октября 1935 года, поскольку урожай зерновых был хорошим, он говорил: «...Было бы лучше 60 мил. пудов из неп-фонда (неприкосновенного фонда. — *И. И.*) отложить для запада от Карелии до юга Украины, дислоцировав этот хлеб в прифронтовых районах по указанию военведа, другие 60 мил. пудов — для Дальнего Востока с дислокацией по указанию военведа, остальное же 260 мил. пудов сосредоточить в областях Московской, Калининской, Курской, Воронежской и Харьковской, откуда легче перебросить хлеб в прифронтовые районы в случае войны на Западе или снабжать хлебом промцентры Москвы, Ленинграда, Донбасса в случае большого недорода» [1].

14–17 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) проходило совещание начальствующего состава, где анализировались итоги боевых действий против Финляндии. В его работе принимал участие И. В. Сталин. Он выступил с заключительным словом в последний день совещания, 17 апреля. О чем он говорил? О том, что более успешным боевым действиям помешал культ традиций и опыта Гражданской войны. О необходимости механизации и моторизации армии. Об исключительно важной роли артиллерии, танков, авиации, производстве минометов, производстве автоматического стрелкового оружия. О необходимости жалеть солдат и не щадить бомб, снарядов и патронов. И это тоже был момент реальной подготовке к войне с Гитлером.

5 апреля 1941 года был подписан Договор о дружбе и ненападении между СССР и Королевством Югославия. 13 апреля

[1] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. Док. 711. С. 601.

1941 года — Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Это была подготовка к войне с Германией.

Или взять повышение уровня грамотности населения СССР... Оно связано с подготовкой к войне или нет? Еще как! Ведь Россия (что бы сейчас ни говорили о ее «бурном развитии» до революции) была страной в основном аграрной и малограмотной. Вскоре после окончания Гражданской войны, особенно с начала 1930-х годов, в Советском Союзе стала быстро расширяться сеть школьных и высших учебных заведений. Только за одну пятилетку (1926–1930 годы) ассигнования на развитие высших учебных заведений увеличились в девять раз! В целом же бюджетные расходы на образование перед войной держались на уровне 5,5–6,5%, тогда как в основных европейских странах они не превышали 2–3%. Не менее важным был и другой фактор — своего рода новый классицизм в образовании, снятие социальных ограничений на поступление в вуз, выдвижение на первый план личных способностей. В стране был создан настоящий культ знаний. За счет этой «прорывной» социальной технологии Советский Союз и оказался впоследствии способным противостоять более сильному противнику.

Скажем, выпуск дипломированных инженеров в Германии на протяжении 1920-х годов постепенно снижался, а в СССР возрастал[1].

В сентябре 1940 года И. Сталиным был утвержден доклад наркома обороны и начальника Генерального штаба «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.». Поступление новых разведывательных сведений о военных приготовлениях Германии вызвало необходимость доработки этого основополагающего для Красной армии документа, и в период с марта по апрель 1941 года в него вносились существенные уточнения.

Нарастание угрозы войны и учет сведений о характере предполагаемых действий противника потребовали внесения коррективов в планы прикрытия государственной границы на Западе. Наиболее значительным изменениям в мае 1941 года подверглись

[1] Педагогика. 2011. № 5.

планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах. С учетом последних данных военной разведки они стали носить однозначно оборонительный характер. В них формулировались требования «в основу обороны положить упорную оборону создаваемых укрепленных районов и полевых укреплений... особое внимание уделить противотанковой обороне», чтобы «не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа». На основе окружных планов были подготовлены и утверждены армейские планы прикрытия с указанием конкретных задач для каждого соединения.

Начиная с апреля 1941 года, после получения согласия Сталина, Генеральный штаб с учетом поступающих разведсведений приступил к организации масштабного скрытного отмобилизования войск и выдвижения армий Главного командования (второго стратегического эшелона) в районы оперативного предназначения на территории Западного и Киевского особых военных округов[1].

Подготовка к войне шла. Но по плану полное перевооружение и полное укомплектование Красной армии должно было завершиться к середине 1942 года. Начало Второй мировой войны стало сигналом: подготовку к войне с Гитлером надо резко ускорить. И это было сделано.

В конце июня 1940 года были введены **восьмичасовой рабочий день** и **семидневная рабочая неделя**. С октября 1940 года началось создание ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). В 1941 году их окончили почти 500 тыс. человек. Все они были направлены на оборонные предприятия.

В 1939 году расходы на военные нужды составили 25,6% от общего бюджета страны, в 1940 году они увеличились до 32,6%, а в 1941 году — до **43,4%**! Это еще один серьезнейший факт, говорящий о том, что **высшее руководство страны готовилось к войне**[2].

[1] Кондрашов В. В. Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (историческая хроника). М.: Издательский дом «Красная звезда», 2010. С. 90.

[2] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 22.

Сталин понимал, что успех в войне будет обеспечен в цехах заводов по производству всех видов вооружений, в том числе новых. В сентябре 1939 года было принято решение **о строительстве девяти новых и реконструкции еще девяти авиационных заводов** с вводом их в строй в 1940–1941 годы.

За 1939–1940 годы мощности военного судостроения **увеличились втрое**. Это ли не факты, свидетельствующие о том, что **страна готовилась к войне**?[1]

Расширились мощности артиллерийских и танковых заводов. Еще в январе 1937 года под руководством начальника КБ Кошкина на заводе № 183 в Харькове начались работы по созданию опытных образцов: командирского танка на базе танка БТ-7, танка БТ-7-Б-ИС с шестью ведущими опорными катками, танка БТ-7 с приводами управления движения машиной с места командира танка, танка БТ-7 с огнеметом, танка БТ-9 с синхронизированным ходом.

В декабре 1939 — январе 1940 года шло изготовление двух опытных образцов танка Т-34 (А-34) и подготовка их к заводским испытаниям.

1 марта 1937 года танковое конструкторское бюро КБ-190 танкового отдела «100» продолжало работы по серийному выпуску танков БТ-7 с конической башней, оснащению опытных танков БТ-5 и БТ-7 дизелями типа В-2, созданию танка БТ-7 с сервоуправлением, оборудованию танка БТ-7 накладной броней (экранирование корпуса).

В целях повышения пулестойкости башни танка БТ-7 КБ-190 завода № 183 в первом квартале 1937 года была разработана новая конструкция сварной конической башни с углом наклона бортов 15°. После испытаний коническая башня введена в серийное производство с 1 сентября 1937 года. Производство танков БТ-7 продолжалось до 1939 года. За это время выпущено 2596 танков и 2017 машин, оснащенных радиостанцией.

С мая 1939 года в стремительном темпе шла работа над двумя похожими и разными танками: А-20 — колесно-гусеничный и А-32 — гусеничный. Результат: **постановлением Комитета обо-**

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 22.

роны СССР № 443 от 19 декабря 1939 года на вооружение принят танк с присвоением ему названия «Т-34» [1].

7 июня 1940 года Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) под грифом «Сов. секретно. Особой важности» приняли постановление «О производстве танков Т-34 в 1940 году». В постановлении говорилось:

«Придавая особо важное значение оснащению Красной Армии танками Т-34, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Обязать народного комиссара среднего машиностроения тов. Лихачева И. А.:

а) изготовить в 1940 г. 600 танков Т-34, из них:

на заводе № 183 (им. Коминтерна) — 500 штук, на Сталинградском тракторном (СТЗ) — 100 штук со следующей разбивкой по месяцам:

Завод № 183: июнь — 10, июль — 20, август — 30, сентябрь — 80, октябрь — 115, ноябрь — 120, декабрь — 12;

Завод СТЗ: октябрь — 20, ноябрь — 30, декабрь — 50;

б) обеспечить полностью программу по выпуску танков Т-34 дизелями, для чего увеличить выпуск моторов В-2 на заводе № 75 и изготовить до конца 1940 г. 2000 шт., со следующей разбивкой по месяцам: июнь — 210, июль — 230, август — 260, сентябрь — 300, октябрь — 320, ноябрь — 330, декабрь — 350.

Председатель СНК Союза ССР — В. Молотов
Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин» [2].

Впоследствии средний танк Т-34 был признан лучшим средним танком всей Второй мировой войны. К осени 1941 года Красная армия имела 1066 штук Т-34.

В марте 1941 года был поставлен на вооружение самолет-штурмовик ИЛ-2, «летающая крепость». В серийное производство

[1] Васильева Л., Желтов И. Николай Кучеренко. Пятьдесят лет в битве за танки СССР. М.: РКПОО «Атлантида — XXI век»; ОАО «Московские учебники», 2009. С. 43, 44, 56.

[2] Мировые войны XX века. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. С. 166–167.

в феврале 1941 года поступили установки «Катюша», наводившие ужас на немцев.

В апреле–мае 1941 года было проведено скрытное усиление Красной армии: в армию и на флот из запаса были призваны 850 тыс. человек. Укрепляли прежде всего западные военные округа. Это была подготовка к войне.

Делалось очень многое, но до войны, как мы знаем теперь, оставались месяцы...

Между тем полностью отмобилизованные войска вермахта намного превосходили по уровню боевой готовности силы Красной армии. Немцы имели почти двухлетний опыт военных действий, были хорошо обучены, уверены в своем превосходстве.

Миф четвертый

Нападение Гитлера на СССР оказалось «внезапным», потому что Сталин не верил сообщениям разведчиков. Например, Рихард Зорге и многие другие разведчики задолго до нападения немцев сообщали точную дату начала войны, но Сталин игнорировал все сообщения. Сталин не знал точной даты нападения на СССР, потому что разведка якобы не выполнила своей роли

В газете «Комсомольская правда» (2011 г., 21 июня) на 12-й странице опубликована беседа с А. Б. Мартиросяном, бывшим разведчиком, известным военным историком, который много лет изучал эту проблему. Он утверждает, что информация о возможном нападении Германии на СССР стала поступать Сталину еще в 1935 году, и особенно часто в 1938–1939 годах. Там говорится, что будто бы Гитлер сам выболтал Сталину примерный срок нападения в своем майском (1941) письме, в котором прямо указал, что примерно 15–20 июня он начнет переброску своих войск с германо-советской границы на запад. Примерно за 10 дней до начала войны разведка «аж 47 раз», как считает Мартиросян, абсолютно точно или относительно точно называла дату фашистского нападения. Именно поэтому Сталин 18 июня 1941 года санкционировал объявление боевой тревоги в войсках. По архив-

ным данным, говорит А. Мартиросян, начиная с января 1941 года разведки направили минимум 22 сообщения с указанием примерной даты нападения, в том числе 45 сообщений в Первое управление НКВД—НКГБ СССР. Сигнализировали об этом пограничники, перебежчики; называли дату 22 июня захваченные диверсанты. 15 июня польские женщины на участке 93 Лисковского погранотряда через реку кричали, что через неделю начнется война... Обо всем этом сообщали Сталину. Если б он прислушался ко всему, что говорилось, не было бы ни «внезапности», ни таких громадных потерь, ни угрозы поражения... «Прислушиваться», да еще «ко всему» можно, но Верховный главнокомандующий должен приводить войска в полную боевую обстановку, когда имеет абсолютно достоверную, проверенную информацию из собственных источников.

Разведка в СССР была сильной, но не всемогущей. Во многих странах под кодовыми именами работали сотни разведчиков, которые передавали в «центр» информацию о возможной дате нападения Гитлера на Советский Союз. В книге «Знать все о противнике», изданной Союзом ветеранов госбезопасности РФ в 2010 году, содержатся сообщения (уже рассекреченные) нескольких десятков разведчиков по этому поводу. Надо думать, что добывались они с огромным трудом, с риском для жизни. Но, читая некоторые из этих сообщений сегодня, невольно удивляешься, насколько далеки, как оказалось, были они от действительной даты начала нападения Германии на СССР.

Вот одно из таких сообщений выдающегося разведчика, имя которого сегодня знают все, — Рихарда Зорге. Далеко не самое неточное из ему подобных, присланных другими агентами. 6 мая 1941 года Зорге, работавший в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио, сообщает начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии: «Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией»[1]. В мае — это близко к истине, хотя говорится не о том, что война начнется в мае, а что «решение о начале войны будет принято в мае». Когда же она начнется? Из этих слов

[1] Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 618.

не ясно. Тем более странно выглядит фраза «либо после войны с Англией». Кто мог сказать, когда закончится эта война?..

21 июня 1941 года от группы «Рамзай» (Зорге) начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии поступило сообщение: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна»[1]. «Неизбежна». И все. Между тем до ее начала оставалось несколько часов.

Информации такого рода поступало много, но ее анализ был поставлен плохо. Это вызывало у Сталина естественное недоверие: слишком противоречивыми были сведения «источников».

Не только Мартиросян, многие изучали вопрос о том, что знал Сталин о подготовке к нападению на СССР. Я тоже внимательно прочитал немало специальной литературы по этому вопросу. Вот, например, солидный сборник «Военная разведка информирует. Январь 1939 — июнь 1941 г. Документы», изданный международным фондом «Демократия».

В этой книге на страницах 701–713 приводится перечень донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь–июнь 1941 года)[2]. В перечне 59 донесений от «Макса», «Скорнякова ВАТ», «Альта», «Дожа», «Саввы», «Диксона ВАТ», «Софокла ВАТ», «Барта», «Арнольда», «Юрия», «Маро», «Марса», «Х» и других «источников». В графе «Начало наступления» «Макс» сообщает: «После победы над Англией»; «Скорняков ВАТ»: «Весной 1941 г.»; «Дож»: «Март 1941 г.»; «Софокл»: «Апрель-май»; «Ещенко»: «Май»; «Дож»: «Начало марта»; «Война Германии против СССР неизбежна» и т. п. Несколько источников называли началом войны май.

Еще в апреле Сталин объединил четыре разведывательных органа в один под командованием генерал-лейтенанта Голикова. Все разведданные поступали теперь к Сталину через созданную аналитическую группу, в обобщенном и осмысленном виде. Хотя с этого момента начал играть роль другой фактор — аппаратный: Голиков знал, что Сталин не хотел войны, не верил в то, что Гитлер решится напасть на СССР в силу ряда, как казалось вождю, объективных обстоятельств. Голиков стал подыгрывать Сталину...

[1] Военная разведка информирует. С. 694.

[2] Там же. С. 701–713.

Сложная материя — политика! Эти люди действовали в сверхчеловеческих условиях, и они должны были быть «сверхчеловеками», но они были просто «человеками». И поэтому иногда ошибались...

«Пограничники сигнализировали», «перебежчики сообщали», «польские женщины кричали», «Гитлер проболтался»... Что в этом случае должен делать человек, одно слово которого может привести в движение всю армию, всю страну? Нанести превентивный удар по более сильному противнику? Глупо: силы не равны, ты тут же становишься агрессором, к тому же тебе придется отступать... Сосредоточить войска на границе с Германией? Провокация. Гитлер только этого и ждет. Единственно правильное решение можно было принять на основе абсолютно точной информации.

На мой взгляд, Гитлер вовсе не «проболтался» насчет отвода своих войск от советско-германской границы на запад. Это, без сомнения, была ловушка — надо было посмотреть, как отреагирует на эту информацию Сталин. Не могли не доложить ему о том, что на немецкой стороне происходит активное передвижение войск. «С какой целью? — должен был подумать Сталин. — Готовятся к нападению на СССР? Даю команду: „Привести войска Красной Армии в полную боевую готовность для защиты границ своей страны!“ — „Ах, вот как? — вопит Гитлер. — Я тебе по секрету говорю об отводе войск, а ты хочешь использовать этот момент и напасть на Германию? Не выйдет!..“ Повод для агрессии наконец-то имеется. Вперед, дранг нах остен!»

Или наоборот: «Вы смотрите, — говорит Гитлер своим военным, — Сталин поверил! Да и неважно это — поверил или нет. Он не отдал никаких приказов о приготовлении к войне. Его войска стоят на месте, как и прежде. Значит, мы спокойно сосредоточиваемся для удара».

Сталин, думаю, не поверил. Но он не знал, как долго немцы будут готовиться к агрессии, когда нападут. Как уже говорилось, важно было выиграть время, дороги были каждый месяц, каждая неделя...

20 раз направлял информацию о возможной дате нападения Германии на СССР источник «Х». Его первое сообщение от 5 фев-

раля 1941 года: «После окончания войны с Англией». Затем приближающаяся к правде информация от 5 апреля 1941 года: «15 мая — 15 июня 1941 г.»; от 29 апреля 1941 года: «Через 6 недель»; от 29 апреля 1941 года: «15 мая 1941 г.»; от 7 мая 1941 года: «Июнь 1941 г.»; от 14 июня 1941 года: «Первая половина июня»; от 19 июня 1941 года: «Июнь 1941 г.»; от 19 июня 1941 года: «20 июня 1941 г.»; от 20 июня 1941 года: «23 июня 1941 г.» и, наконец, от 21 июня 1941 года: «В ближайшие 48 часов»; от 21 июня 1941 года, 19.00: «Немедленно». В графе перечня «Содержание донесения» в сообщении «Х» говорится: «Посольство утром получило указание уничтожить все секретные бумаги. Приказано всем сотрудникам посольства до утра 22 июня запаковать свои вещи и сдать их в посольство. Живущим вне посольства — переехать в посольство. Считают, что наступающей ночью будет решение. Это решение — война».

«Х» — это советский разведчик в посольстве Германии в Москве. Его последнее, абсолютно точное сообщение было получено в 19.00 21 июня. На основе этого сообщения по характеру происходящего в германском посольстве было не просто «можно», но совершенно необходимо приводить войска в полную боевую готовность. И Сталин это сделал. Увы, было поздно.

Конечно, Сталин заслуживает упреков по поводу, быть может, чрезмерной осторожности, опасливости, подозрительности и недоверия к своим подчиненным, чрезмерной самонадеянности, убежденности в том, что он лучше всех понимает сложившуюся в мире ситуацию (не без оснований). Но когда мы судим о его действиях сегодня, нелишне вспомнить: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», а также русскую пословицу: «Мы все сильны задним умом».

Автор книги «Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны» Вячеслав Кондрашов считает, что сложность и противоречивость обстановки того времени в мире и Советском Союзе «привели к стратегическому просчету И. Сталина в вопросе о сроках нападения Германии на СССР, самому существенному, а с позиции внешнеполитических интересов советского государства и, возможно, единственному за все время нахождения на посту

партийного и государственного лидера»[1]. Он также замечает, что этому обстоятельству «придается крайне фатальный характер, негативно повлиявший на ход всей войны»[2]. В. Кондрашов пишет: «В действительности же Красная армия в начальный период, несмотря на весьма значительные параметры, в силу ряда причин, была слабее вермахта. Поэтому даже в случае подписания соответствующей директивы (о приведении войск в боевую готовность. — *И. И.*) на несколько дней или даже недель раньше, советским войскам было бы трудно избежать неудач в начале войны»[3]. Стоит заметить, что такое же суждение по этому поводу высказывал в своих мемуарах маршал Жуков[4].

Да, Сталин ошибался. А его противник — Гитлер не делал ошибок? Разве фюрер не ошибся, замышляя и затеяв войну с СССР? Ошибся! И ошибся стратегически, глобально, а по ходу войны ошибался много раз чаще Сталина. Сталин ошибался, но СССР войну выиграл, а Гитлер проиграл ее и покончил с собой.

Миф пятый

Начало Великой Отечественной войны было очень трудным для Советского Союза, наши войска беспорядочно отступали, многие сотни тысяч солдат и офицеров оказались в плену, гитлеровцы разрушали наши села и города прежде всего потому, что внезапность нападения Гитлера привела Сталина в шоковое состояние. В первые дни войны Сталин растерялся, не отдавал никаких приказов, не руководил страной, просто-напросто спрятался на даче и никого не принимал

О внезапности нападения. Мог ли не знать Сталин, что Гитлер оккупировал Австрию, вторгся в Польшу, Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Люксембург без объявления им войны, т. е. вне-

[1] Кондрашов В. В. Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (историческая хроника). С. 93.

[2] Там же. С. 93–94.

[3] Там же.

[4] 1941 год: в 2 т. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Т. 2. С. 502.

запно? Знал. Трудно ли ему было понять, что если внезапность была использована всюду, то при нападении на СССР фюрер тем более использует этот же любимый им метод? Понять это было элементарно просто. Внезапность атаки или наступления в ходе войны как один из приемов известен в мире со стародавних времен. Внезапность в начале войны — дело довольно редкое. Однако Сталин был информирован, что война с СССР начнется именно так — внезапно. Вот факт, говорящий об этом.

В конце мая 1941 года на расширенном заседании Политбюро ВКП(б) с участием высшего военного командования Красной армии и оборонной промышленности Сталин в своем выступлении сказал, что обстановка обостряется с каждым днем и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии[1]. После доклада начальника Генерального штаба Жукова Сталин отметил, что «в деле подготовки страны к обороне имеют место существенные недостатки»[2].

Вот слова Г. К. Жукова по этому поводу из книги его воспоминаний: «Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»[3]. Там же Жуков пишет: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, т. е. характер удара во всем объеме, нами не был предусмотрен»[4].

Это была стратегическая ошибка Генштаба Красной армии, и ее никак нельзя возлагать на одного Сталина. Тут в ответе и военное начальство. Быть может, в первую очередь.

К 22 июня 1941 года в Красной армии и Военно-морском флоте числилось 4 млн 827 тыс. военнослужащих[5]. Это общая цифра. Если говорить о немецких войсках, сосредоточенных у западных

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 23.

[2] Там же.

[3] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 2-е изд. М., 1974. Т. 1. С. 283.

[4] Там же.

[5] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 24.

границ СССР, то они превосходили советские войска западных округов по числу личного состава в 1,9 раза, по тяжелым и средним танкам — в 1,5 раза, по самолетам нового типа — в 3,2 раза[1].

Как же так получилось, что, зная о возможности внезапного нападения Гитлера — за месяц до этого нападения, нападение это оказалось все-таки «внезапным»?

Сталин знал, что Красная армия и оборонная промышленность еще не готовы к войне в полной мере. Перевес во всех отношениях был на стороне противника. В этом случае война будет слишком тяжелой. Надо думать, что Сталин не исключал и ее проигрыша. Что же ему оставалось делать? Тянуть, выигрывать время, которое работало на СССР. Отсюда — решение пойти с фашистской Германией на договор о ненападении. Как уже говорилось в проекте, он был рассчитан на пять лет, но в окончательном, подписанном варианте — на 10 лет. Нашей стране надо было еще полтора года. Сталин, как человек огромной силы воли, с устойчивым представлением о своей правоте во всех делах и своих способностях разрешить любую ситуацию в свою пользу, был, вероятно, уверен, что если Гитлер и нарушит пакт о ненападении, то не так скоро. Поэтому он опасался дать ему повод разорвать этот договор. Кроме того, он считал, что фюрер не решится одновременно воевать на два фронта. Для долговременной войны с Советским Союзом экономический потенциал Германии был слаб, хотя под ее сапогом уже находилась почти вся Европа.

В то же время Гитлер понимал, что без разгрома СССР Германия не могла рассчитывать на мировое господство. Поэтому 18 декабря 1940 года, через 15 месяцев после подписания договора о ненападении, утвердил директиву № 21 — план «Барбаросса». Начало «восточного похода» — май 1941 года.

Ни о каком «вынужденном» вторжении Германии в СССР, поскольку (якобы) Красная армия сосредоточила на западной границе с Германией мощную группировку войск для нападения на Рейх, как пишут об этом фальсификаторы истории Великой Отечественной, не может быть и речи. Как уже упоминалось выше,

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 24.

сам Гитлер на секретном совещании узкого круга руководящего состава вермахта 14 августа 1939 года говорил: «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны»[1]. На совещании 22 июня 1940 года он снова заявил: «Русские не хотят войны»[2].

Теперь о «растерянном» и «испуганном» Сталине. Это чистая ложь.

В книге В. Ямпольского «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (это слова, сказанные Гитлером 31 июля 1940 года) напечатаны выдержки из тетради, находившейся в приемной Сталина в Кремле, в которой велся учет принятых им лиц[3]. В них, как правило, отмечались фамилии посетителей и время их пребывания в сталинском кабинете. С 1927 по 1953 год таких тетрадей накопилось много, но долгое время они были засекречены. В 1990 году их опубликовали в журнале «Известия ЦК КПСС» № 6. В моей библиотеке есть книга «Вестник Архива Президента РФ», в которой выдержки из этой тетради перепечатаны слово в слово[4].

Вот интересующая нас выписка из названной тетради за 21–22 июня 1941 года.

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

1. т. Молотов	18.27–23.00
2. т. Ворошилов	19.05–23.00
3. т. Берия	19.05–23.00
4. т. Вознесенский	19.05–20.15
5. т. Маленков	19.05–22.20
6. т. Кузнецов	19.05–20.15
7. т. Тимошенко	19.05–20.15
8. т. Сафонов	19.05–20.15
9. т. Тимошенко	20.50–22.20

[1] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 38.

[2] Там же.

[3] Ямпольский В. Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер, 31 июля 1940 г.): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. С. 517–527.

[4] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М.: ФГУ «Редакция журнала Родина», 2010. С. 23–27.

10. т. Жуков	20.50–22.20
11. т. Буденный	20.50–22.00
12. т. Мехлис	21.55–22.20
13. т. Берия	22.40–23.00

Последние вышли в 23.00

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

1. т. Молотов	вход в 5.45 м.	выход 12.05 м.
2. т. Берия	вход в 5.45 м.	выход 9.20 м.
3. т. Тимошенко	вход в 5.45 м.	выход 8.30 м.
4. т. Мехлис	вход в 5.45 м.	выход 8.30 м.
3. т. Жуков	вход в 5.45 м.	выход 8.30 м.
4. т. Маленков	вход в 7.30 м.	выход 9.20 м.
5. т. Микоян	вход в 7.55 м.	выход 9.30 м.
6. т. Каганович Л. М.	вход в 8.00 м.	выход 9.35 м.
7. т. Ворошилов	вход в 8.00 м.	выход 10.15 м.
8. т. Вышинский	вход в 7.30 м.	выход 10.40 м.
9. т. Кузнецов	вход в 8.15 м.	выход 8.30 м.
10. т. Димитров	вход в 8.40 м.	выход 10.40 м.
11. т. Мануильский	вход в 8.40 м.	выход 10.40 м.
12. т. Кузнецов	вход в 9.40 м.	выход 10.20 м.
13. т. Микоян	вход в 9.50 м.	выход 10.30 м.
14. т. Молотов	вход в 12.25 м.	выход 16.45 м.
15. т. Ворошилов	вход в 11.40 м.	выход 12.05 м.
16. т. Берия	вход в 11.30 м.	выход 12.00 м.
17. т. Маленков	вход в 11.30 м.	выход 12.00 м.
18. т. Ворошилов	вход в 12.30 м.	выход 16.45 м.
19. т. Микоян	вход в 12.30 м.	выход 14.30 м.
20. т. Вышинский	вход в 13.05 м.	выход 15.25 м.
21. т. Шапошников	вход в 13.15 м.	выход 16.00 м.
22. т. Тимошенко	вход в 14.00 м.	выход 16.00 м.
23. т. Жуков	вход в 14.00 м.	выход 16.00 м.
24. т. Ватутин	вход в 14.00 м.	выход 16.00 м.
25. т. Кузнецов	вход в 15.25 м.	выход 15.45 м.
26. т. Кулик	вход в 15.30 м.	выход 16.00 м.
27. т. Берия	вход в 16.25 м.	выход 16.45 м.

Последние вышли в 16.45 м.

Факты полностью опровергают слухи о том, что И. В. Сталин якобы был растерян и деморализован в первые часы войны. Уже с самого раннего утра 22 июня (с 5 часов 45 минут) состоялись его встречи с В. М. Молотовым, Л. П. Берией, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуковым, Л. З. Мехлисом, затем кабинет Сталина посетили Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. Л. Вышинский, адмирал Н. Г. Кузнецов, Г. М. Димитров, Д. З. Мануильский, маршалы Б. М. Шапошников, Г. И. Кулик, генерал Н. Ф. Ватутин и другие, а с трех часов утра 23 июня снова пришли В. М. Молотов, Н. Ф. Ватутин, Н. Г. Кузнецов, П. Ф. Жигарев, Н. А. Вознесенский, В. Н. Меркулов. Беседы с посетителями продолжались до половины второго ночи. В таком же напряженном ритме работал И. В. Сталин и в последующие дни, вплоть до 28 июня 1941 года.

Судя по записям, И. В. Сталина в течение восьми дней — с вечера 21 по 28 июня 1941 года (следующая запись сделана 1 июля 1941 года) посещали члены Политбюро ЦК ВКП(б), высшие военачальники Красной армии и Военно-морского флота СССР, государственные и политические деятели, в числе которых были В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов и многие другие известные в стране люди[1]. Документ этот публикуется без каких-либо правок и пространных комментариев. Он начисто опровергает устоявшийся миф о болезни, растерянности и панике Сталина в июньские дни 1941 года. Непредвзятый анализ списка посетителей доказывает, что уже с первых часов боевых действий Сталин активно руководил государством и участвовал в организации обороны страны.

Два дня (29 и 30 июня 1941 года) Сталин отсутствовал в своем рабочем кабинете в Кремле. Закончив рабочий день в ночь на 29 июня в 00 часов 50 минут, Сталин, естественно, должен был отдохнуть. Днем ему предстояла работа над текстами директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков (принята 29 июня

[1] Ямпольский В. Уничтожить Россию весной 1941 г. С. 517–527.

1941 года) и постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) об образовании ГКО (принято 30 июня 1941 года). Он также готовил текст своего выступления по радио 3 июля 1941 года. Содержание директивы от 29 июня, стиль текста выступления Сталина от 3 июля 1941 года свидетельствуют о том, что они написаны лично Сталиным.

О том, что Сталин находился в рабочем состоянии в это время, говорится в беседах поэта и писателя Ф. И. Чуева с В. М. Молотовым, которые Чуев зафиксировал в своем дневнике: «Пишут, что в первые дни войны он (Сталин) растерялся, дар речи потерял». В. М. Молотов, когда Чуев задал ему этот вопрос, ответил: «Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал никому. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять»[1].

По этому же поводу Ф. И. Чуев имел беседы и с Л. М. Кагановичем: «Спрашиваю о 22 июня 1941 года: „Был ли Сталин растерян? Говорят, никого не принимал?“ — „Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собрались у Сталина, когда Молотов принимал Шуленбурга. Сталин каждому из нас дал задание: мне — по транспорту, Микояну — по снабжению“»[2].

Итак, 22 июня, в первый день войны, у Сталина состоялось 29 встреч и бесед с политическими, военными и хозяйственными деятелями государства. 23 июня — 21, 24 июня — 20, 25 июня — 29, 26 июня — 28, 27 июня — 30, 28 июня — 21 встреча.

Считаю, что с этим вопросом все предельно ясно. И Хрущев, который первым запустил эту ложь на XX съезде КПСС, и историк Волкогонов, который несколько трансформировал ее, пустив в ход немало новых домыслов и вымыслов уже в 1992 году, — фальсификаторы, мифотворцы. Ради чего они возводили на Сталина клевету — это другой вопрос, рассуждать по этому поводу здесь не стану.

Были ли у Сталина ошибки и просчеты? Конечно, были, он сам об этом говорил после Великой Победы на приеме в Кремле

[1] Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. И. Чуева. М., 1991. С. 52–53.

[2] Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 88.

в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года. Тогда Сталин был в зените своей всенародной и мировой славы, он мог бы и промолчать: «Ошибки? Победа все списала! Победителей не судят!..» В своем последнем тосте на приеме в Кремле Сталин сказал: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа. Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящая сила Советского Союза и всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству, вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь. Мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу!»[1]

Это к вопросу о том, понимал ли Сталин, что и он лично, и руководство страны совершали ошибки. Понимал.

О каких ошибках говорил Сталин в своем тосте, мы не знаем. Сегодня известно, что их было немало. В основном мифы об этих ошибках основываются на том, что «страна совершенно не готовилась к войне». Если настаивать на том, что «совершенно не готовилась», то это чистая ложь, навет.

[1] Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб.: Питер, 2010. С. 180–181.

Готовилась. Возможно, медленнее, чем было надо. Однако кто из нас может всерьез судить об этом? Поэтому я и пишу о той конкретно-исторической обстановке, в которой находился Советский Союз, прежде всего высшее политическое и военное руководство, лично Сталин, в канун войны. Можно ли было действовать быстрее, а значит, тратить еще больше денег на армию и производство оружия? 46,5% — это был предел. Но тогда надо говорить, что готовились изо всех сил, какие только были. И как же выглядят в свете этого тезиса люди, утверждающие, будто «совершенно не готовились»?

Политические мифотворцы... В пользу какой страны, чьих интересов, чьей политики они заняты своим «творчеством»? Фальсификаторов истории следует казнить так же, как фальшивомонетчиков. Это не моя мысль, она живет в сознании человечества со стародавних времен.

«Ошибался в том, что не верил данным разведки, дипломатов». Было такое. Почему? И об этом тоже уже говорилось. Но надо принять во внимание и то, что с обеих сторон шла грандиозная по масштабам, изощренная игра по дезинформации противника.

Вот все тот же Рихард Зорге — гордость советской разведки, Герой Советского Союза. Но это сегодня. А в ту пору?

1 июня 1941 года Зорге («Рамзай») отправляет донесение о возможном начале войны около 15 июня 1941 года, начиная его словами: «Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе.

Отт (посол Германии в Токио. — *И. И.*) заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолла»[1].

На этом документе стоит помета генерал-лейтенанта Голикова: «НО-3. В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая. Голиков».

Вот начальник Разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий направляет в декабре 1936 года наркому обороны

[1] Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941. С. 658.

СССР маршалу К. Е. Ворошилову рапорт о награждении Зорге орденом Красной Звезды[1].

А вот выписка из «Справки на резидентуру», подготовленной в сентябре 1937 года:

«Зорге Ика Рихардович. Немец. Подданство немецкое. Родился в Баку в 1895 г. Жил и воспитывался с раннего детства в Германии. Член КПГ с 1919 г., член ВКП(б) с 1925 г. В Разведывательном управлении — с 1929 г.

С 1929 г. по 1933 г. — нелегальный резидент в Шанхае.

С 1933 г. — нелегальный резидент в Токио. В 1935 г. приезжал в СССР на один месяц.

Политически совершенно не проверен. Имел связь с троцкистами. Политического доверия не внушает.

Врио нач. 2-го отделения

(_____)»[2].

Проходили месяцы, а подозрительное отношение к Зорге, на которого работала самоотверженная группа «источников» в составе 10 человек, не проходило. Докладная записка — справка на Зорге, подготовленная по указанию начальника Разведуправления 11 августа 1941 года, начинается с заголовка «Истоки политического недоверия Инсону» (еще одна подпольная кличка Зорге. — *И. И.*). Записка объемистая, и в каждой фразе — сомнения, предвзятость. Ныне можно рассуждать на тему «отчего — почему?», но 56 лет назад дело обстояло именно таким образом. И после ареста Зорге 18 октября 1941 года в течение трех лет пребывания в тюрьме со стороны СССР не было сделано ни одного шага для его спасения. Героем Советского Союза он стал в годы «оттепели»...

Исключительно важная информация по другому поводу, которая, можно сказать, спасла Москву в октябре 1941 года, пришла от Зорге, когда он сообщил, что Япония не вступит в войну с СССР. Это позволило Сталину снять с Дальнего Востока и других фронтов несколько дивизий. В этот же момент в Сибири за-

[1] Военная разведка информирует. С. 723.

[2] Там же. С. 724.

кончилось формирование новых армейских соединений. Немцев разбили под Москвой, а с этого момента наступил перелом во всей войне.

У Сталина был изощренный ум, он многие годы работал в подполье, в условиях конспирации. Привычка не доверять практически никому въелась, надо полагать, у него в кровь. Можно ли сомневаться в том, что он знал цену каждого своего слова, каждой своей ошибки? Сталин осторожничал, опасаясь ошибиться в оценке ситуации на основе неточной разведывательной информации, начать перемещение войск на западную границу и тем самым дать Гитлеру повод для нападения.

Сталин пытался выиграть у Гитлера уж если не два, то полтора года, лишний месяц. Любое проявление активности советских войск на границе Гитлер мог выдать за провокацию, а за ней тут же следовала война.

Сталин прекрасно понимал, что любая война требует определенных экономических, материальных, людских и продовольственных ресурсов.

Германия воевала уже 19 месяцев. При всем том, что война для немцев была прогулкой по странам Европы, немцы понесли ощутимые потери в живой силе и технике.

По логике вещей Гитлер должен был задуматься о том, как пойдут его дела в войне с СССР — стране с огромным экономическим потенциалом, огромной территорией и 196-миллионным населением. В окружении фюрера были генералы, напоминавшие ему о печальном опыте Наполеона: да, вошел в Москву, увидел, как она пылает в огне, а потом с позором бежал. И русская армия оказалась в Париже... Однако большинство генералов выступало за «дранг нах остен», за блицкриг. Разведка убеждала фюрера: СССР — это «колосс на глиняных ногах», что якобы и показала его война с маленькой Финляндией. Пять-шесть месяцев — и СССР будет сокрушен. Гитлер истово верил в это.

Сталин, зная о планах Гитлера, видимо, не воспринимал их вполне серьезно. Он готовился к войне долговременной, полагая, что и Гитлер мыслит в этом же направлении. Начала войны в ближайшие месяцы и недели он, видимо, не ожидал. Это была ошибка Сталина. И это была страшная ошибка Гитлера. Ошибка Сталина

привела Советский Союз к излишним жертвам. Мы потерпели поражения во многих сражениях, но выиграли войну. Ошибки Гитлера стоили Германии почти равноценных военных потерь, полного проигрыша войны, позорной капитуляции, катастрофы национального сознания.

Миф шестой

Победа СССР над Германией — это «военное счастье», «чистая случайность», Советский Союз одержал ее благодаря непомерным жертвам. Роль Сталина в этой Победе ничтожна. Победу одержал народ, а Сталин тут ни при чем. На XX съезде партии Хрущев заявил, что «Сталин руководил войной по глобусу…»

Говорить, будто Сталин без армии и народа мог выиграть войну, смешно. Но мог ли народ победить без Сталина? Это вопрос. Почему Россия, имея превосходящие силы в 1905 году, проиграла войну японцам? Почему народ ее не выиграл? Почему народ не выиграл Первую мировую войну? Причин, конечно, много. Но это произошло и потому, что Николай II был слабым царем. Сейчас он канонизирован как великомученик. Но когда в августе 1915 года он взял на себя роль главнокомандующего и приехал на германский фронт, военачальники русской армии были в растерянности от его приказов и распоряжений.

Другое дело — Сталин...

Пора уже прекратить представлять Сталина человеком недалеким, неумным, необразованным и т. п. Не хочу приводить чрезвычайно лестные слова Черчилля и Рузвельта в адрес Сталина, которого они неплохо узнали во время союзнической деятельности, переговоров и встреч в ходе Второй мировой войны. Заподозрить в лести Черчилля — русофоба и ярого ненавистника СССР, но человека очень умного — невозможно никоим образом. В равной мере нельзя упрекнуть в восхвалении Сталина А. Н. Яковлева — «архитектора перестройки» СССР; он ненавидел социализм и Сталина, но в одной из своих статей писал: «Среди большевиков Сталин был хитрее всех, коварнее всех, рассчитывал

свои действия на годы вперед, обладал невероятной, фантастической памятью, натренировался фотографически читать тексты, в быту был скромен»[1].

По поводу сталинской «необразованности», о которой говорят многие... Вот для примера краткая выписка из аттестата «воспитанника Горийского духовного училища Джугашвили Иосифа»: «...при отличном поведении (5) показал успехи: По Священной истории Ветхого Завета — (5); По Священной истории Нового Завета — (5); по Православному Катехизису — (5); Изъяснению богослужения с церковным уставом — (5); русскому с церковнославянским — (5); Языкам греческому — (4); грузинскому — (5); Арифметике — (4); Географии — (5); Чистописанию — (5); Церковному пению русскому — (5) и грузинскому — (5)»[2].

А ведь после духовного училища были пять лет семинарии и «революционные университеты» не только с их обучением тактике террора. Сталин знал латынь, греческий и немецкий языки, писал стихи, изучал Маркса, прочитал уйму книг русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Достоевского, Некрасова, Чехова, Щедрина, Тургенева, Гончарова, Белинского, Чернышевского, а также классиков мировой литературы — Шекспира, Шиллера, Байрона, Гюго, Бебеля, Монтескьё.

Уже сказано: я — не сталинист. Но я — исследователь и могу сохранять это высокое звание лишь до тех пор, пока остаюсь объективным, т. е. вижу белое и черное, а также другие цвета и оттенки; положительное и отрицательное; вижу предмет со всех сторон: прекрасной, безобразной и т. д. и т. п.

Не собираюсь рассуждать о Сталине «вообще». Это разговор сложный и долгий. Выскажусь только (и то — коротко) по теме «Сталин в Великой Отечественной войне».

О том, как руководил Сталин страной, какова его роль в военных успехах и победе над фашистской Германией. Вот факты.

Через несколько дней после начала войны, 30 июня 1941 года был создан Государственный комитет обороны (ГКО), который возглавил Сталин.

---

[1] Черная книга коммунизма: пер. с фр. / С. Куртуа, Н. Верт [и др.]. М.: Три века истории, 2001. С. 7.

[2] Липартелиани Г. Л. Сталин Великий. М., 2001. С. 30.

23 июня была создана Ставка Главного командования, которую 8 августа преобразовали в Ставку Верховного главнокомандования. Верховным главнокомандующим стал Сталин.

Первое и главное, что надо понять: в течение почти пяти лет в руках Сталина была сосредоточена вся полнота власти — политической, государственной и военной. Эту предельную централизацию власти Сталин осуществил сам. И, на мой взгляд, сделал очень правильно. Хотя объем работы и ответственности, которые он взвалил на себя, был, кажется, выше всяких человеческих сил.

Не беру на себя смелость подробно характеризовать деятельность Сталина. Повторю лишь издревле известную истину: «Все великие люди — великие грешники». Как любой человек, главный в стране военачальник, Сталин в ходе войны совершал (и — как любой человек — не мог не совершать!) ошибки, в чем, как уже говорилось, признался в своей речи на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года.

Скажу о Сталине словами ярого врага России с начала XX века, а потом союзника по антигитлеровской коалиции, премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Существует текст речи Черчилля в палате лордов по случаю 80-летия со дня рождения Сталина 21 декабря 1959 года. Текст в высшей степени хвалебный, размещенный якобы в Британской энциклопедии, изданной в 1964 году.

Некоторые историки признаются, что эту речь в Британской энциклопедии 1964 года не читали, но убеждены в том, что так сильно сказать о Сталине Черчилль не мог.

Я с этой речью также не знаком, поэтому, как и сомневающийся, сошлюсь на источник, достоверность которого признают все, — на 6-й том собрания сочинений самого Черчилля, изданный в 1974 году, где приводится выступление Черчилля перед палатой общин. Свое первое впечатление от первой встречи со Сталиным Черчилль выразил так:

«Большой удачей для России в ее агонии было оказаться под началом этого великого, закаленного военачальника. Человек этот — внушительная, выдающаяся личность, соответствующая тем серьезным и бурным временам, в которых прошла его жизнь; человек неисчерпаемого мужества и силы воли и человек прямой и даже бесцеремонный в манере общения, что меня, выросшего

в Палате Общин, совсем не покоробило, особенно когда мне тоже было что сказать. Что наиболее важно, это человек с тем спасительным чувством юмора, которое так важно для всех людей и всех наций, но в особенности для великих людей и великих наций. Сталин также произвел на меня впечатление своей глубокой и хладнокровной мудростью и полным отсутствием любых иллюзий».

По-моему, сказано тоже сильно. При этом Черчилль знал, что о нем Сталин говорил очень плохо...

Можно ли говорить: «Победу одержал советский народ, а Сталин тут ни при чем?!» На мой взгляд, для начала это просто глупо. Как мог «народ» — Красная армия, ее фронты, армии, корпуса и дивизии — действовать без приказов — сам по себе, кто как захочет, и при этом выигрывать сражение за сражением у великолепно обученных и опытных немецких маршалов и генералов, да и у Гитлера, который покорил уже полмира, а значит, вовсе не был дураком, если бы не приказы (а за ними — знания, стратегический и тактический ум, выдержка и воля) Сталина? Да, конечно, был Генштаб, были маршалы, генералы, роль которых никак нельзя приуменьшать. Но точку во всех планах, но подпись под всеми главными приказами (Ленинград, Москва, Сталинград, Курск, форсирование Днепра, штурм Берлина и множеством других) ставил Сталин.

«У победы много отцов, и только поражение — сирота...» Если мыслить по схеме этого афоризма, то тогда получается именно то, чего хотят добиться стремящиеся свести роль Сталина в войне к нулю, более того, сделать его единственным и главным виновником всех неудач в той войне от ее первых дней (не верил разведке! не подготовил войска! впал в апатию! растерялся, два дня не мог прийти в себя! и т. п.) до штурма Берлина (слишком много людей положил!..) Но Берлин-то взяли! Но Победа-то наша! И Сталин тут ни при чем?..

Очень грубые, слишком прямые, примитивные объяснения сверхсложного. За таким подходом стоят либо злость и обида, либо амбиции и политические или идеологические пристрастия. Здесь нет ума и мудрости, нет истории, нет науки, нет объективности, а потому, вольно или невольно, таких «историков» надо отнести в разряд фальсификаторов, мифотворцев, откровенных лжецов, а то и врагов России.

Не объяснишь победу в Великой Отечественной также лишь талантом Жукова и других маршалов и генералов. В конечном счете они подчинялись любым приказам Сталина.

Надо понимать и то, что Сталин отвечал не только **за фронт**, который требовал все новых солдат, танков, самолетов, кораблей, пушек, винтовок и автоматов, снарядов и патронов, но и **за тыл**, который производил это вооружение, не говоря уж о продуктах питания, обмундировании. Тылом тоже командовал Сталин. А это — многие тысячи заводов и фабрик. Для Сталина это был еще один фронт, где ковалась Победа.

Время в конце концов все расставит по своим местам. Сталин займет свое место в истории нашей страны. Что касается Великой Отечественной войны, то это место и сегодня видится мне исключительным, выдающимся. Не сказать об этом было бы бесчестно.

Кстати, всю войну Сталин был маршалом и только после Победы стал генералиссимусом. По заслугам. На его груди всего одна Звезда Героя Советского Союза...

Но можно ли сказать, что Победу обеспечил Сталин, а народ ни при чем? Это тоже глупость, конечно. Без солдат, офицеров и генералов нет армии, а без армии нет победы. А народ?..

«Народ», вообще-то понятие хлипкое. Ведь были же те, кто ждал прихода немцев. Кому-то было вообще на все наплевать — какая власть: быть бы живым да сытым. Сотни тысяч людей, в том числе солдат и офицеров, поначалу впали в панику, драпали, бросая окопы и оружие. Были трусы и дезертиры. Были целые дивизии, а потом и армия генерала Власова, которые воевали на стороне врага. Но таких, конечно же, было ничтожно малое меньшинство, это были человеческие отбросы.

В абсолютно подавляющем большинстве народ встал на борьбу. Война была священной, ради войны народ не жалел ничего, даже самой жизни. Ничего похожего гитлеровцы не встречали ни в одной стране. Никакой полководец не смог бы осилить Гитлера, если бы не советский, если бы не русский народ.

Да, все народы СССР внесли свой вклад в Победу, но прежде всего — русский. Из 26,6 млн человек, погибших в ходе Великой Отечественной войны, как уже говорилось, 17 млн — русские; из 8 млн 600 тыс. погибших на фронте — 5 млн 756 тыс. человек — русские.

Вот почему грузин Сталин, хорошо разбирающийся в тонкостях межнациональных отношений, на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года произнес тост: «***За здоровье нашего советского народа**, и прежде всего русского народа...*»

Ныне живущие молодые люди должны особо задуматься и понять, быть может, самое главное в их жизни: они родились и живут в великой стране, у которой и раньше бывали трудные времена. Но страна эта по имени Русь — Россия всегда выходила из них с победой: хоть на озере Чудском против тевтонцев, хоть на поле Куликовом против татаро-монголов, хоть на поле Бородинском против французов, хоть против Антанты в 20-е годы XX столетия, хоть против фашистской Германии и всей объединенной Европы, если не сказать — всего мира, в грозные сороковые. Мы всегда побеждали!

Молодое поколение русских должно глубоко осознать и помнить: **российская нация, русский народ — это нация-гений, народ-победитель**.

Гений российской нации, русского народа состоит в том, что мы похожи на все другие народы и нации, а на нас не похож никто. Мы можем то, что могут все. Но мы можем и то, чего не может никто.

Гений российской нации, русского народа заключается в том, что он составляет огромную донкихотствующую расу, с неисчерпаемой талантливостью и невиданной способностью всемирного боления и ответственности за все происходящее в этом мире.

Гений нашего народа в том, что он, если хочет, может сделать то, о чем другие даже не смеют подумать и мечтать. Великая Победа — самый яркий тому пример. Советский народ, но прежде всего русские, смог то, чего не смогла ни одна страна в мире.

В силу своей необычности российская нация, и прежде всего русский народ, представляет для мира народ-загадку, которую, не будучи в силах разгадать, из века в век другие страны пытаются уничтожить. Вот почему прежде всего мы то и дело оказываемся то на вершине, то над бездной. Сегодня опять такая ситуация: Россия вновь балансирует на краю пропасти. Будем делать все, чтобы изменить эту ситуацию.

Все в России образуется и будет хорошо, если мы вновь поверим в себя, в свои силы, если поймем, кто мы и зачем мы в этом мире.

Все вместе — ветераны и молодые — мы должны поднять и возвеличить Россию. Но особые надежды, однако, на молодых, внуков и правнуков героев, наследников Великой Победы.

Невозможно рассказать обо всем, что делал Сталин для успеха на отдельных участках фронтов, армий и дивизий... Но вот несколько лет назад вышли девять новых томов сочинений Сталина (до этого, как известно, были изданы 13 томов). В начале 1950-х годов были набраны остальные девять томов, которые вышли только сейчас. Почему? Сталин умер, Хрущев приказал рассыпать набор. Не знаю, что происходило дальше, но Р. И. Косолапову удалось сделать новый набор этих томов и издать их. Все они есть у меня. Том 15 (часть I, II и III) — это более 2880 страниц. Все они про Великую Отечественную войну: приказы Сталина, его разговоры с командующими фронтами, армиями, дивизиями и даже полками. При чем тут «руководство по глобусу»? Карта военных действий находилась не только в Генштабе, но и в сталинском кабинете. Сталин знал пофамильно и поименно весь высший комсостав, каждый день встречался с военачальниками или разговаривал с ними по телефону; 12 раз выезжал на фронты.

А его дипломатическая деятельность в военные годы? Дважды — переговоры с Черчиллем и многократные — с представителями союзников (США, Великобритания) в Москве. А Тегеранская и Ялтинская встречи «тройки»? А его переписка с Рузвельтом и Черчиллем? Она отражена в этих томах и других книгах. Сталин был талантливейшим дипломатом и переговорщиком.

Конечно же (скажем еще и еще раз!), на протяжении 1418 дней Великой Отечественной войны в руководстве ею Сталин совершал ошибки. Но если Советская армия, советский народ победили, то, стало быть, количество правильных решений намного превосходило количество этих ошибок. Начнем считать? Победа перевешивает их груз, кто бы что ни сказал.

Говорят о выдающейся роли Г. К. Жукова, других маршалов и военачальников. Она, безусловно, велика. Но Жуков ничего не мог сделать без Сталина. Ничего. В начале войны Жуков был на-

чальником Генштаба Красной армии. Сталин снял его с этой должности. Жуков командовал разными фронтами. Потом Сталин вернул Жукова в сферу высшего командования, назначил его заместителем Главнокомандующего, т. е. своим заместителем.

Парадом Победы командовал маршал Рокоссовский, принимал парад маршал Жуков. А на трибуне Мавзолея В. И. Ленина стоял Генералиссимус Советского Союза Сталин.

Победа СССР над фашистской Германией не была ни «случайностью», ни «военным счастьем». Ей способствовали многие объективные и субъективные обстоятельства.

Основной причиной поражения Германии на Восточном фронте начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-инспектор Гудериан считает то роковое обстоятельство, что Гитлер не хотел считаться с печальными уроками, данными судьбой его предшественникам — Карлу XII и Наполеону I[1].

...Шведский король Карл XII, молодой и самоуверенный, в августе 1700 года за шесть недель шутя победил Данию, в ноябре — разбил со своим 8-тысячным войском 100-тысячную (!) армию Петра I под Нарвой; в мае 1708 года взял Варшаву и овладел почти всей Польшей. И тогда, поверив, будто ему возможно и доступно все, Карл решил идти войной на Россию. Ослепленный победами, он рассчитывал победить ее за один год. И выиграл поначалу у Петра I несколько сражений.

А потом, 8 июля 1709 года, была Полтавская битва и полный разгром шведов. Тяжело раненный, Карл бежал с поля боя.

С тех пор и поныне, вот уже более 300 лет, Швеция держит военный нейтралитет.

Через 100 лет, не знавший поражений Наполеон Бонапарт решил одним мощным ударом в течение каких-нибудь двух месяцев поставить Россию на колени. И 23 июня 1812 года «Великая армия» вторглась в ее пределы: 617 тыс. французов против 300 тыс. русских. Остались позади отчаянные возражения против войны с Россией министра иностранных дел Талейрана, французского посла в Москве Коленкура. Во главе «Великой армии» На-

[1] Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных: пер. с нем. / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан [и др.]. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. С. 17.

полеон уверенно шел к Москве, побеждая всякий раз, когда русские вступали в бой, — под Смоленском, Бородино. И вот он — в пылающей Москве. И долгие недели ожидания, когда русский царь Александр I предложит ему мир. Не дождался. Постыдное отступление. Гибель почти всей «Великой армии». Жалкие попытки наскрести по закоулкам Франции новые полки. Молодое поколение Франции было под корень истреблено во имя честолюбия императора. Второе вторжение в Россию не состоялось. Русские пришли в Париж. Поражение Наполеона в той Отечественной для России войне стало бедой и позором Франции, живет, быть может, в сознании французов и до сих пор...

Обо всем этом, готовясь к войне с Советским Союзом, Гитлер прекрасно знал. Но что ему история прошлых веков, печальный опыт Карла и Наполеона?! Ему — Адольфу Гитлеру, у ног которого в тот момент лежала почти вся Европа, в армии — около 300 дивизий, а в руках солдат новейшая техника и оружие, которых у нет у Советов?

В те дни и месяцы, когда рождался план войны с СССР, Гитлер уже был на вершинах власти, увенчанный победами 1939–1940 годов, абсолютно уверенный в своем высочайшем предназначении и удаче во всем, что задумает. Он убедил в этом не только себя, но и множество других, если не сказать, весь германский народ. Геринг, Геббельс и Риббентроп внушили миру, что их верховный главнокомандующий — величайший стратег и полководец всех времен и народов.

За 28 сентябрьских дней 1939 года была разгромлена Польша. С 9 апреля по 10 июня 1940 года вооруженные силы нацистской Германии оккупировали Данию и Норвегию. 10 мая 1940 года началось наступление немцев в Бельгии, Голландии и Франции. 12 мая голландское правительство бежало в Англию, а 17 мая немцы заняли Брюссель, за 60 дней — Грецию. За считаные дни — Югославия. Все упомянутые страны были оккупированы за 200 дней. Подчеркнем: крупная европейская страна — Франция — пала за 45 суток.

И почему бы самому Гитлеру не поверить, что война с Россией будет молниеносной, а затем человечество склонит голову перед Великой Германией и жизнь для арийцев превратится в рай?..

Ошеломляющий успех войны с западными странами отодвинул в его сознании логические аргументы на второй план, верх взяли соображения психологические.

Гитлер вдруг возомнил, что в войне с СССР его ждет столь же быстрый успех. «Следует ожидать,— заявил Гитлер в беседе с командующими армиями 5 декабря 1940 года,— что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем Франция в 1940 году»[1]. 9 января 1941 года он дополнил это заявление в разговоре с командующими армиями: «Русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, они плохо оснащены»[2].

На основе этих убеждений Гитлера и возникла директива № 21 от 18 декабря 1940 года, началась разработка стратегии войны с СССР. Поначалу ее производил всего-то подполковник генштаба вермахта, а затем продолжил генерал-лейтенант Фридрих Паулюс. Этот план имел несколько кодовых названий — «Франц», «Отто». Утвердив этот план 8 июня 1941 года, Гитлер дал ему окончательное наименование — план «Барбаросса». Это был план «быстротечной военной операции», рассчитанной на несколько недель, в крайнем случае — на пять-шесть месяцев.

Стоит заметить, что при всем молитвенном отношении к фюреру германский генштаб был настроен скептически. Теперь из рассекреченных документов тех предвоенных лет известно, что советские разведчики, информируя руководителей Красной армии и страны (тот же Р. Зорге после разговора с послом Германии в Японии Отто), в марте 1941 года сообщали, что «военные не одобряют такого плана, так как это приведет к кровопролитной войне, которая неизвестно чем кончится»[3]. Их было немало, кто возражал против войны с Россией почти открыто, и еще больше тех, кто так думал, но помалкивал. Гитлер не терпел возражений. Он считал Россию (СССР) «призрачной» восточной опасностью, непобедимость которой историки и его военные советники возвели в ранг мифа.

[1] Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. С. 73.

[2] Там же.

[3] Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. С. 706.

Каждый человек проживает свою жизнь по-своему. Тем более тот, кому кружат голову и умножают амбиции власть, успехи и победы, поклонение и лесть придворных. Гитлер был недоучкой — это верно. Но он не был слабоумным, как его представляли советским людям в годы войны, да и потом. Не слишком прилежно учился в школе? Не поступил в художественную академию Вены? Было. Но саморазвивался. Много читал, глотая книги по всемирной истории, искусству, философии и политике. Его однополчане по Первой мировой войне, на которую он, австриец, пошел добровольно, говорили о нем как о смелом солдате. С годами стал хорошим оратором. Вера в свое особое предназначение, доведенная до фанатизма, придавала его речам гипнотическое свойство, действовавшее завораживающе как на отдельного человека, так и на толпу[1].

Молниеносная война (блицкриг) не получилась ни у Карла XII, ни у Наполеона, ни у Гитлера во многом по одним и тем же объективным причинам, которые уже тогда были хорошо известны.

Во-первых, одной из основных причин можно назвать громадность территории России (СССР). Во-вторых, огромные сырьевые и продуктовые ресурсы страны. В-третьих, ее большие человеческие ресурсы. В-четвертых, особые климатические условия — осенняя и весенняя распутица, зимние морозы. В-пятых, особые качества прежде всего русского народа (неприхотливость в быту, много- и долготерпение). В-шестых, вытекающие из русского национального характера особые свойства русского солдата: неимоверное упорство в бою, находчивость, послушание, способность не терять духа даже в труднейших условиях, героизм. Советский солдат, что бы там ни говорили сегодня клеветники СССР, имел вдохновляющую идеологию, высочайший (особенно на втором этапе войны) боевой дух, шел в бой «За Родину! За Сталина!».

О выдающихся качествах характера русского солдата говорит история всех войн, в которых участвовали наши воины. Эти качества проявились и в 1941 году, когда Советский Союз еще не был готов к войне. По этому поводу генерал пехоты вермахта Курт фон Типпельскирх говорил: «...операции всех трех групп армий... не

[1] Грейгъ О. Тайная доктрина Третьего рейха, или Во что верил Адольф Гитлер. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. С. 28.

привели ни к быстрому уничтожению вооруженных сил противника, ни к подавлению морального духа и мужества войск Красной армии. Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении»[1].

Однако, на мой взгляд, поражение Германии кроется не только в названных мною стратегических причинах, но также во множестве военно-тактических и оперативных ошибок немецких военачальников, количество которых нарастало по мере растяжения войны во времени, а фронта — на тысячи километров. Нарастающая мощь Красной армии и мастерство военного командования сверху донизу, боевой настрой всей страны на победу не позволили Гитлеру реализовать идею блицкрига. Воины Красной армии и советский народ, а также многие солдаты, офицеры, генералы вермахта и жители Германии стали с каждым днем и месяцем все глубже понимать порочность и бесчеловечность идеологии национал-социализма в том виде, как формулировал и осуществлял ее на практике руководитель НСП Адольф Гитлер.

Как уже говорилось, Гитлер вовсе не был глупым человеком. Но это был интеллектуал среднего порядка. Сова Минервы не задела его своим крылом. Соединить и привести к органическому единству две жизненные противоположности — национализм и социализм — было не по силам его уму. Да и вообще это невозможно. Мастер публичной демагогии, он в своей книге «Майн кампф» и многочисленных речах истолковал сложнейшие проблемы о взаимоотношениях личности и общества, о взаимопроникновении и взаимослужении личности, государства и нации как откровенный и циничный национализм, расовое неравенство и расовую ненависть. Понятие «человек» утратило в сознании фюрера его истинный смысл. Уважение к человеку и другим народам отвергалось. Его заменила покорность грубой физической силе. В руководство партии и армии пришли люди его «мировоззрения» с примитивным мышлением. Страной стали властвовать демонические силы.

И это — в Германии: стране романтизма, гениев поэзии, музыки, философии и науки. Война и военные условия жизни ли-

[1] Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. С. 13.

шили народ всякого мыслительного и духовного развития. Зверские речи руководителей рейха, зверства на завоеванных территориях Советского Союза и в других странах рождали движение Сопротивления. Партизанские отряды в СССР, особенно в Белоруссии и на Украине, как и во времена 1812 года, стали кошмаром для завоевателей. Понятие «линия фронта» стало во многом условным. Фронт был всюду, где были гитлеровцы и их союзники. О такой войне не писал ни Клаузевиц, ни Мольтке. У этой войны не было привычных для немцев правил. Это была воистину Народная, Священная война. И призыв Ильи Эренбурга «Убей немца!» находил отклик в каждом сердце советского человека, ибо почти в каждой семье кто-то воевал, кто-то был убит или искалечен, кто-то угнан на работы в Германию. Директива Гитлера «стереть с лица земли Москву, Ленинград» была известна всем.

Миф седьмой

«Советские солдаты буквально своими телами загородили Москву, а затем выстлали дорогу до Берлина: девять падали мертвыми, но десятый убивал-таки вражеского солдата…» [1]

«…Оценки соотношения потерь Красной армии и вермахта на Восточном фронте, включая умерших в плену, — 10:1» [2].

«…Но если бы все, кто оказался в плену у немцев, пускали себе пулю в лоб, то насколько бы у нас увеличилось количество безвозвратных потерь, которых и без того более десятка приходится за каждого убитого немца?..» [3]

«…В конечном счете — и это скорбный факт — на одного погибшего немца приходится четырнадцать наших воинов» [4].

«Перестройка» для многих историков, журналистов и писателей стала умопомрачением. Соревнуясь друг с другом в своих

[1] Бестужев-Лада И. Россия накануне XXI века. М., 1997.

[2] Соколов Б. Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2001.

[3] Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М., 2004.

[4] Уткин А. Россия над бездной (1918 г. — декабрь 1941 г.). Смоленск: Русич, 2000.

гневно-слезливых публикациях, они вываливали на головы ошалевшего народа горы цифр о Великой Отечественной, делая их год за годом все страшнее. В 1990-е они дотянули соотношение советских и немецких военных потерь до 1:3, т. е., по их мнению, мы потеряли на фронте втрое больше солдат и офицеров. Уже эти цифры вызывали грустные мысли. А потом и вовсе словно с цепи сорвались! В 1993 году появились цифры 1:10, 1:14. Кто назовет больше? Ни совести у этих людей, ни чести! Главное, чтобы выщелукнуться, чтоб тебя позвали на телепередачу, тиснули твои откровения в тиражной газете...

Всех поражает, буквально убивает общая цифра людских потерь в ходе Великой Отечественной войны: 26,6 млн человек. Это — официальная цифра, которая несколько раз корректировалась в сторону увеличения. Но вот (и уже давно) вроде бы остановились... Однако некоторым политикам, «новым» историкам, журналистам, писателям (не стану перечислять их имена) и она кажется заниженной. В угаре политической ненависти к советской власти, и прежде всего к Сталину, берут с потолка цифры потерь в 30 и даже 40 млн человек. Сенсация! А смысл? Сказать все то же, только снова и громче: «Страной правили, армией командовали недоумки, не щадившие свой народ, своих солдат и офицеров, завалившие путь наступавшей победоносной немецкой армии трупами. Какая же это Победа, да еще — Великая? Как можно ежегодно праздновать такую „победу“?» И не празднуют, как в Прибалтике, или объявляют День Победы Днем поминовения павших... в борьбе с коммунизмом, как это сделали современные нацисты, наследники Бандеры, на Украине...

Ненависть — гнев слабых. Завидуя с годами все более самостоятельной и сильной России, эти люди, правители и политики ряда стран даже не заметили, как их зависть постепенно переросла в ненависть, туманит их ум и застит глаза. Ненависть вдохновляет их днем на страстные речи в парламентах, радах, перед толпой, но по ночам, я думаю, она превращается в кошмары.

Оставим в покое разного рода «бешеных», с их кипящими мозгами, займемся холодным анализом цифр и фактов, содержащихся в изобилии в тщательно выверенных таблицах и выводах добропорядочных и ответственных исследователей.

Вот фундаментальный труд трех генералов и двух полковников Министерства обороны РФ, в том числе двух активных участников Великой Отечественной войны, — В. Ф. Кривошеева, А. В. Кирилина, В. В. Гуркина, В. М. Андроникова, П. Д. Бурикова — «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь». Все названные авторы — специалисты в области военной истории нашего Отечества. Труд фундаментальный, достойный полного доверия.

Порассуждаем вкратце по поводу цифр, фактов и вопросов, содержащихся в этом уникальном справочном издании, не имеющем аналогов в современной военно-исторической литературе.

Авторы указывают, что общие безвозвратные потери военнослужащих и гражданского населения Советского Союза — 26,6 млн человек[1]. В сравнении с аналогичными потерями Германии и ее сателлитов — 11,9 млн человек, это в 2,2 раза больше. Теперь уже не только сама по себе огромная цифра потерь СССР вызывает вопрос: «Почему так много?» К этому вопросу добавляется другой, кажется, не менее уничижительный: «Почему наши потери в два с лишним раза больше?» Вот тут, если не вдаваться в детали, сам собой и напрашивается вывод: «Воевали плохо, брали не умением, а количеством». И выходит, будто «новые историки» и «свободные журналисты» все-таки правы. Цифра в 14,7 млн человек, составляющая разницу между потерями СССР и Германии, и становится базой для самых грозных обвинений военно-политического руководства страны и лично Сталина во всех смертных грехах, а из этих обвинений сам собой вытекает вопрос об их ответственности перед народом.

Однако статистика, как известно, вещь лукавая, если не знать, из каких элементов и как образовалась та или иная цифра. Анализ — это разложение целого на части, и чем глубже расчленение целого, тем точнее выводы.

Для начала цифру 26,6 млн человек необходимо разделить на две крупные части, из которых она складывается: потери вооруженных сил и потери гражданского населения.

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 43.

Кто как воевал (кто лучше, кто хуже), в конечном счете можно понять из сравнения прежде всего потерь вооруженных сил СССР и Германии на советско-германском фронте за весь период военных действий от начала войны до ее конца (с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года). И что же выясняется?

Безвозвратные боевые потери Германии (убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате несчастных случаев, расстреляны по приговорам военных трибуналов, не вернулось из плена) в войне с СССР за этот период составили 8 млн 876 тыс. военнослужащих, а вместе с ее союзниками — 10 млн 344,5 тыс. человек[1].

Безвозвратные людские потери СССР, учтенные в оперативном порядке по ежемесячным докладам из войск, составили 11 млн 444 тыс. человек, а вместе с потерями союзников (76,1 тыс. человек) — 11 млн 520 тыс. человек[2].

Таким образом, соотношение безвозвратных потерь военнослужащих Германии и СССР 1:1,1. Различие не столь разительное, но оно в пользу немцев.

В чем дело? И здесь также есть свои объяснения.

Во-первых, на данное соотношение в пользу фашистской Германии повлияло количество советских военнопленных, погибших и умерших в нацистских концлагерях из-за нечеловеческих условий содержания и питания, бесчеловечного, жестокого обращения, — 2 млн 722,4 тыс. человек[3]. Эта цифра в пять раз (!) выше количества военнослужащих противника, умерших в советском плену, — 579,9 тыс. человек[4], хотя количество попавших в плен советских и немецких военнослужащих почти одинаково: 4 млн 559 тыс. человек — советских и 4 млн 376,3 тыс. — немецких[5].

Скажут, при чем тут военнопленные, когда речь идет о безвозвратных потерях? А дело в том, что после войны пленные той и другой воюющих сторон вернулись на свою родину. Од-

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 376.

[2] Там же. С. 373.

[3] Там же. С. 273.

[4] Там же.

[5] Там же.

нако из 4 млн 559 тыс. советских военнопленных возвратились домой только 1 млн 836 тыс. человек[1], а у немцев — 3 млн 572,6 тыс. человек[2]. Количество безвозвратных потерь у каждой из воевавших стран, соответственно, уменьшилось на эти цифры. Вот если бы в Советском Союзе немецких пленных морили голодом и убивали так же, как это делали немцы с попавшими к ним в плен советскими военнослужащими, то общие цифры безвозвратных потерь не были бы столь разительны. Но советские власти не делали этого. Получается теперь, что во вред самим себе...

В итоге безвозвратные боевые потери СССР составили 8 млн 744,5 тыс. человек с союзными странами (США и Великобритания), а у Германии с ее союзниками — 6 млн 771,9 тыс. человек[3]. В любом случае, цифры огромные, и арифметикой тут заниматься вроде бы неловко, но все-таки...

Если бы в немецком плену не было убито и заморено голодом в пять раз больше советских военнопленных, чем немцев в советских лагерях, и на Родину в СССР возвратилось хотя бы на 2 млн человек больше (т. е. 3 млн 836 тыс. человек), то картина с безвозвратными потерями советских войск изменилась бы существенно и составила бы 7 млн 608 тыс. человек, а не 11 млн 444 тыс. человек.

Но история не имеет сослагательного наклонения. Человеконенавистническая философия, звериная жестокость стоит за цифрой убитых и замороенных советских военнопленных в нацистских концлагерях, а следовательно, и за соотношением цифр «1:1,1»...

Вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата», ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе, где звучали такие призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — аб-

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 376.

[2] Там же. С. 376.

[3] Там же.

солютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»[1]. В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило славян, и прежде всего русских.

Советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач в отношении немецкого населения или военнопленных. Мы можем говорить только о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем все эти явления были стихийными, а не организованными и со всей строгостью пресекались советским армейским командованием.

Кроме всего прочего, надо учесть (на это указывают авторы названного труда «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь»), что в немецких архивах и разного рода публикациях приводятся приближенные, а не точные и не обобщенные данные людских потерь вермахта[2]. Наиболее достоверны они лишь до января 1945 года. На последнем этапе войны, когда немцы терпели крупные поражения и несли тяжелые потери, при всей природной педантичности, им было не до статистики и учета убитых и раненых. Голова болела о пополнении войск.

Захватив страны Европы, Германия использовала их население для усиления мощи вермахта. В этих целях были мобилизованы свыше 1 млн 800 тыс. человек. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и батальонов[3]. На 1 июня 1944 года численность этих формирований составляла 486,6 тыс. человек, из которых 333,4 тыс. воевали на советско-германском фронте[4]. В войсках СС — 26 добровольческих дивизий, в которых служили албанцы, голландцы, датчане, венгры, бельгийцы, французы, латвийцы, литовцы, эстонцы, украинцы и др. Все эти соединения входили в состав вермахта, и их по-

[1] Война и общество в XX веке. М.: Наука, 2008. Кн. 3. С. 514.

[2] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 359–360.

[3] Там же. С. 367.

[4] Там же. С. 364.

тери учитывались, но в их точности авторы цитируемой мною книги сомневаются[1]. В целом же общие людские потери вооруженных сил Германии по состоянию на 31 января 1945 года, как считают авторы, занижены на 729 750 человек по сравнению с данными на 31 января 1944 года[2].

Ничего не известно о потерях гитлеровцев в таких чисто немецких формированиях, как военно-полевая полиция, СД (служба безопасности), гестапо (тайная полиция), общие силы СС, в каждом из которых числилось не менее 250 тыс. человек. В целом эта общая цифра может колебаться от 800 тыс. до 1 млн человек[3].

Не отмечены потери вермахта за последние месяцы войны в Европе, хотя только с 1 января по 30 апреля 1945 года, по данным немецкого командования, его безвозвратные потери составили 1 млн 277 тыс. человек[4].

В безвозвратных потерях Германии не отражены людские потери ее союзников — Италии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии, чьи войска воевали на стороне Германии на советско-германском фронте, но в состав ее вооруженных сил и войск СС не входили.

В состав вермахта также не были включены воевавшие на стороне фашистов Русская освободительная армия генерала-предателя Власова (РОА), Отдельный русский корпус генерала Скородумова, сформированный из бывших белогвардейцев, 15-й казачий корпус генерала фон Панвица, Русский пехотный корпус генерала Штейфона, объединения украинских националистов под руководством Бандеры[5]. Как ни парадоксально, но все эти предатели (500 тыс. человек) тоже входят в число безвозвратных потерь Красной армии[6].

Одним словом, **безвозвратные потери германской армии и других вооруженных сил в действительности значительно**

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 364.

[2] Там же. С. 361.

[3] Там же. С. 364.

[4] Там же. С. 362.

[5] Там же. С. 367.

[6] Там же. С. 373.

больше тех, о которых знает мир и которые приняты всеми в расчет.

Можно ли не обращать внимания на то обстоятельство, что практически с первых дней нападения на СССР Германия имела в составе своих войск десятки дивизий своих союзников, которые воевали на советско-германском фронте вместе с немцами, а Советский Союз все 1418 дней противостоял им в одиночку? Ни американцы, ни англичане на Восточном фронте не воевали. Неудивительно, что безвозвратные потери самих немецких войск на советско-германском фронте за весь период войны (8 млн 876,3 тыс. человек) составляют 85,8%, и 1 млн 468,2 тыс. человек (14,2%)[1] — это (хоть и не вполне точные) потери войск их союзников. Со стороны советских вооруженных сил безвозвратные потери (11 млн 444,1 тыс. человек) на 99,3% — наши, и только 76,1 тыс. человек (0,7%)[2] — потери войск союзников. О каких союзниках в данном случае идет речь, не ясно. Вероятнее всего, это потери морских караванов, доставлявших по ленд-лизу помощь Советскому Союзу в города Мурманск и Архангельск, порты на Дальнем Востоке. Второй фронт, открытый 6 июня 1944 года, в пределах Советского Союза не действовал, основные силы союзников находились в Европе и Северной Африке. Поэтому эти потери США и Великобритании нами не учтены.

Вот так выглядит картина военных действий советских и немецких войск, если измерять ее числом безвозвратных потерь и пытаться выстроить их некое соотношение, а через него (через это соотношение) судить о том, чьи войска воевали лучше — советские или немецкие. Если говорить всерьез, то, на мой взгляд, тут и спорить не о чем, коль победу над фашистской Германией (с запоздалой помощью союзников) с нашими потерями в 99,3% силами своих войск одержал Советский Союз.

Только с 1 января по 30 апреля 1945 года советские войска взяли в плен 20 генералов, 1014 офицеров, 59 870 унтер-офицеров и 1 млн 235 тыс. 440 солдат, а в целом — 1 млн 305 тыс. 344 человека. Только с 1 по 9 мая 1945 года советским войскам сдались

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 373.

[2] Там же. С. 369.

в плен 634 950 военнослужащих вермахта, в том числе 66 генералов и 10 424 офицера[1]. Уже после 9 мая 1945 года перед Красной армией сложили оружие почти 1 млн 600 тыс. немецких солдат и офицеров[2].

Хочется думать, что после этого анализа в умах тех, кто прочитает данный текст, произойдет некоторый поворот в сторону истины. К сожалению, общество всего этого не знает. В сознании людей живет цифра потерь СССР в 26,6 млн человек и цифра потерь Германии (якобы) в 7 млн с лишним, в крайнем случае 8 млн погибших немцев. Вот эти цифры и сравнивают. И получается, что наши потери в три-четыре раза больше. Что тут может подумать и сказать простой человек? Да, мы победили, и это прекрасно! Но какой ценой?! И что за военачальники, что за командиры были в СССР вместе с их главнокомандующим Сталиным?.. Вспоминают приказ Сталина № 227 1943 года «Ни шагу назад!», заградительные отряды, штрафные роты и батальоны. Вспоминают первые месяцы войны, когда Красная армия отступала вглубь своей территории от наседавших фашистов, блокаду Ленинграда, немецкие войска в 40 км от Москвы...

Теперь о самом трудном. В своих рассуждениях я умышленно упустил первый этап войны, чтобы создать положительный фон для разговора об этой сложной ситуации — периоде, когда СССР был на грани поражения. Во всяком случае, так принято считать. Готовился переезд правительства СССР в г. Куйбышев. Кстати, постановление об этом подписали все члены Политбюро ЦК КПСС, кроме Сталина. Сталин, Политбюро и Генеральный штаб не покидали Москву ни на один день.

Итак, первый этап войны... Как считают военные историки, он длился 515 дней из 1418 дней войны с Германией. Это летне-осенняя кампания (166 дней, с 22 июня по 4 декабря 1941 года), зимняя (147 дней, с 5 декабря 1941 по 30 апреля 1942 года) и летне-осенняя (202 дня, с 1 мая по 18 ноября 1942 года).

За 515 дней первого этапа войны безвозвратные потери Красной армии и Военно-морского флота составили 6 млн 155 тыс. че-

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 369.

[2] Там же. С. 373.

ловек, среди которых было огромное количество попавших в плен. Это 54,6% безвозвратных и 37,7% общих потерь за всю войну. Каждые 166 суток в летне-осенней кампании 1941 года, когда мы отступали, Красная армия теряла убитыми и пленными 24 тыс. человек. В 1943 году, когда советские войска стали наступать, среднесуточные потери возросли до 27,3 тыс. человек. Таков закон войны: наступающие теряют больше, чем обороняющиеся.

Конечно, превышение безвозвратных потерь советских войск по сравнению с такими же потерями вермахта, как видно из приведенных цифр, объясняется не только теми причинами, о которых я уже говорил (пятикратное превышение погибших и умерших советских военнопленных в нацистских концлагерях в сравнении с количеством умерших немецких солдат и офицеров в советском плену). Здесь сыграл свою роль фактор внезапности нападения фашистской Германии на СССР и, безусловно, просчеты и ошибки советского политического и военного руководства накануне и в начале войны. В чем они заключались и как я их трактую, уже говорилось.

В своем анализе я не касался темы так называемых санитарных потерь — количества раненых, контуженных, обмороженных, заболевших, т. е. выбывших из строя временно или навсегда (умерших в госпиталях и санчастях, демобилизованных в силу тяжести ранений и т. п.), а также на некоторое время. Их количество в целом за всю войну огромно и превышает безвозвратные потери. Подавляющее большинство этой категории потерь как в советских войсках, так и в немецких (до 76%), возвращалось в строй или было демобилизовано.

Анализ безвозвратных потерь военнослужащих Красной (потом — Советской) армии показал: утверждение о том, что соотношение безвозвратных потерь составляет 1:10 в пользу фашистской Германии, не выдерживает более или менее серьезной проверки. На мой взгляд, это соотношение безвозвратных потерь 1:1,1 в пользу немцев при объективном подходе и учете всех обстоятельств, о которых говорилось, стоило бы еще более тщательно исследовать, осмыслить и пересмотреть, и тогда картина может измениться со значительным положительным перевесом в сторону СССР.

Самая страшная для обычного человека цифра — это 26,6 млн советских военнослужащих и гражданского населения, погибших в Великой Отечественной войне. В это число демографических людских потерь входят убитые в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях военнопленные, подпольщики, а также не вернувшиеся в страну рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны[1].

Потери Германии и ее сателлитов — 11,9 млн человек. Наши потери в 2,2 раза больше. Без анализа и беспристрастных рассуждений цифры 26,6 млн и 2,2 раза вновь наводят на грустные размышления...

Наша страна никогда не сталкивалась с подобными военными жертвами. Даже за вместе взятый восьмилетний период Первой мировой (1914–1918) и Гражданской (1918–1922) войн с их смертоносными эпидемиями (тифозными, холерными, малярийными и пр.) было убито, умерло от ран и болезней почти в три раза меньше — 10,3 млн человек[2]. При этом убыль населения России в Первую мировую войну (демографические потери военнослужащих и гражданского населения) составила 4,5 млн человек, убыль населения в результате Гражданской войны — 8 млн человек.

Надо знать, как получается эта цифра безвозвратных потерь (подчеркну) — демографических.

Население СССР на 22 июня 1941 года составляло 196 млн 700 тыс. человек, а на 31 декабря 1945 года — уже 170 млн 500 тыс. человек, в том числе родившихся до 22 июня 1941 года — 150 млн 500 тыс. человек. Общая убыль населения такова: 196 млн 700 тыс. – 159 млн 500 тыс. = 37 млн 200 тыс. При этом учитывается количество умерших детей по причине повышенной смерт-

[1] Демографическое сокращение численности населения страны в результате воздействия войны // Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. URL: http://liewar.ru/dokumenty/231-velikaya-otechestvennaya-bez-grifa-sekretnosti-kniga-poter.html?start=3//

[2] Мировая война в цифрах. М.—Л., 1934. С. 21.

ности (из числа родившихся в годы войны) — 1 млн 300 тыс. человек. Принимается во внимание количество людей, которые умерли бы, исходя из среднего уровня смертности 1940 года, — 11 млн 900 тыс. человек. После этого и вычисляются общие людские потери в результате войны: 37,2 млн + 1,3 млн – 11,9 млн = 26,6 млн человек.

Таким образом, если сравнить общие безвозвратные демографические потери Германии и ее сателлитов с такими же потерями СССР, то, как уже указывалось, наши потери в 2,2 раза больше, чем немецкие[1]. Однако чисто арифметический подход и в данном случае недопустим, он опять вызывает все те же вопросы: «Почему такой огромный разрыв между потерями СССР и Германией?», «Кто виноват?». Существовал целый ряд обстоятельств, которые нельзя не учитывать, ибо корень зла кроется во многом именно в них.

Во-первых, это коренное различие в целях войны. Германия была агрессором, а Советский Союз — жертвой этой агрессии. Цели войны Германии вытекали из идеологии фашизма, в основе которой лежала идея расового превосходства германской нации над всеми другими нациями, которые объявлялись неполноценными и подлежали уничтожению. К их числу относились прежде всего славяне, евреи и другие народы, населявшие СССР.

Гитлер был единственным за всю историю нашей страны врагом, открыто поставившим задачу физического истребления русских. На карту в битве с каннибалом было поставлено само существование русских и Русского мира, их социального государства. В отношении русского народа в плане «Ост» («Восток») говорилось: «Или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы»[2].

В сентябре 1942 года, развивая идеи Гитлера относительно плана «Ост», Гиммлер говорил том, как следует обращаться с той частью русских, которая будет онемечена: «Принципиальная

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 45.

[2] Цит. по: Мельников Д., Черная Л. [статья] // Гитлер А. Моя борьба. М.: АСТ-Пресс, 1999. С. 590.

линия для нас абсолютно ясна — этому народу не надо давать культуру. Я хочу повторить здесь слово в слово то, что сказал мне фюрер. Вполне достаточно, во-первых, чтобы дети в школах запомнили дорожные знаки и не бросались под машины; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо».

Философия германского фашизма концентрированно изложена в следующих словах Гитлера: «Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развивать технику, истребляя население... Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви»[1].

Сущность фашизма состоит не только в зверствах нацистов, но и в их уверенности, что человечество состоит из «высшей» и «низших» рас. Согласно расовой теории одни народы биологически лучше, чем другие. «Худшие» должны быть истреблены, освобождая жизненное пространство «лучшим». Эта «философия» и была основой политики Гитлера на временно оккупированной советской территории.

Предполагалось, что в случае победы на территории Советского Союза в качестве рабов останутся в живых не более 10 млн русских, украинцев, белорусов, а остальная часть населения (150–160 млн человек) будет уничтожена.

Молодым людям мои слова могут показаться большим преувеличением. Но вот факт, относящийся к уничтожению евреев. 20 января 1942 года в Берлине состоялось совещание на тему «Окончательное решение еврейского вопроса», на котором присутствовали самые высокие чины НСДАП и подразделений СС[2]. Вел совещание Рейнхард Гейдрих. Он уточнил повестку дня, заявив, что имеет в виду уничтожение 11 млн евреев в Европе. Сюда включены около 330 тыс. жителей Великобритании и нейтральных стран, таких как Швеция. Он перечислил те меры, которые уже были приняты «с согласия фюрера», например переселение

[1] Адольф Гитлер / авт. проекта Жак Легран / пер. с фр. Т. Куниciной / предисл. Л. Черная. М.: АСТ-Пресс, 1999. С. 122–123. Серия: Судьбы XX века.

[2] Адольф Гитлер. Серия: Судьбы XX века. С. 122–123.

немецких евреев на Восток, где их будут использовать на принудительных работах по строительству дорог. Вскоре присутствующие перешли к обсуждению способов осуществления этого «окончательного решения».

На самом деле массовое уничтожение евреев уже началось. Части СС и группа «А» вермахта истребили, используя, в частности, ядовитые газы, более 136 тыс. евреев. Кроме того, было уничтожено еще около 200 тыс. евреев, и больше половины из них в Крыму. Гейдрих считал, что нужен более эффективный способ ликвидации. Слово «ликвидация» на совещании заменили на «окончательное решение» и «специальное обращение». В ходе обсуждения Гиммлер продемонстрировал сдержанность. Адольф Эйхман взял на себя обеспечение транспортом для депортации евреев.

30 января Гитлеру доложили об итогах совещания. Фюрер воздержался от письменных указаний по уничтожению евреев. Но нацистские лидеры передавали из уст в уста то, что они уже назвали «приказом фюрера по окончательному решению». В своей речи, произнесенной во Дворце спорта, где по случаю годовщины прихода к власти нацистов собрались его сторонники, Гитлер весьма недвусмысленно высказался в отношении своих намерений: «Наши действия приведут к уничтожению всех евреев».

Подготовка к «окончательному решению» ускорилась. В разных странах Европы Эйхман и его бригады захватывали целые еврейские общины. В до отказа набитых вагонах людей перевозили в лагеря, многие умирали еще по дороге. Многочисленные новые концлагеря сооружались в изолированных местах, главным образом вблизи германо-польской границы. Кремационные печи строились рядом с газовыми камерами. Палачи получили приказ вырывать золотые зубы у заключенных, снимать с них очки, собирать волосы и одежду, чтобы потом все это использовать. За этими страшными действиями наблюдал сам Гиммлер. Провозгласив, что «еврейское отродье будет стерто с лица земли», Гитлер открыл дорогу к уничтожению целого народа[1].

[1] Адольф Гитлер. Серия: Судьбы XX века. С. 122.

Руководство реализацией «окончательного решения» Гитлер возложил на Эйхмана.

Уничтожение гражданского населения проводилось нацистами самыми изощренными способами и средствами. Для этого заранее были отработаны методики массовых расстрелов, использования «душегубок», применения газа «циклон» и печей-крематориев в концентрационных лагерях смерти, налажена промышленная утилизация останков миллионов умерщвленных людей. Для исполнения преступных планов были подготовлены кадры профессиональных убийц. Злодейские правила поведения на оккупированной земле прививались и каждому солдату вермахта.

В конечном счете гитлеровцами было **преднамеренно истреблено 7 млн 420 тыс. 379 человек**. Погибли **на принудительных работах в Германии 2 млн 164 тыс. 313 человек**. От жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) **погибло 4 млн 100 тыс. человек**. А всего — **13 млн 684 тыс. 692 человека**[1].

Таким образом, из 26,6 млн общего числа жертв войны в Советском Союзе одну треть составила убыль военнослужащих, а две трети — 17,9 млн человек — это гражданское население[2]. Это значит, что еще около 4,3 млн мирных жителей стали жертвами военных действий со стороны Германии.

В отличие от нацистской коммунистическая идеология утверждала дружбу и равенство всех народов и рас, отвергала теорию национальной исключительности. Именно поэтому перед советскими войсками не стояла задача уничтожения немецкого народа, они боролись с армейскими соединениями Рейха, и когда вошли на территорию Германии, гибель мирных людей происходила в ходе боевых действий, но не была преднамеренной. За убийство мирных граждан, мародерство советских солдат и офицеров судили и сурово карали. Более того, вступив на территорию Германии победителями, наши солдаты кормили немцев из своих полевых кухонь, помогали им налаживать мирную жизнь.

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 48.

[2] Там же. С. 377.

Надо принять во внимание и следующее обстоятельство: к началу 1943 года фашисты оккупировали около 2 млн кв. км советской территории, на которой до войны проживало 88 млн человек[1]. Почти 15 млн человек были эвакуированы на восток СССР, часть призвана в армию. Под властью немцев, румын, венгров осталось не менее 73 млн человек (37% всего населения страны)[2]. По этой территории беспощадный каток войны прокатывался дважды: сначала с запада на восток, до Москвы, Ленинграда и Сталинграда, а потом в обратном направлении. Бомбежки и артобстрелы с обеих сторон... В битвах и боях неизбежно гибло гражданское население.

Заметим, что **военные действия на советской территории длились более трех лет, а на немецкой — менее пяти месяцев**. В целом за всю Вторую мировую войну (с 1 сентября 1939 года по 9 мая 1945 года) вооруженные силы Германии потеряли убитыми и ранеными (по неполным данным) **13 млн 448 тыс. человек, из которых 11,9 млн человек — на советско-германском фронте. Это 75,1% от числа мобилизованных в годы войны и 46% всего мужского населения Германии, включая Австрию**[3].

Да, дорого обошлась нам Победа. Очень. Но мы победили! А это — главное. И потому День Победы для нас — «это радость со слезами на глазах».

Но есть и такие, кто думает иначе. Послушаешь иных, почитаешь их «труды» и речи, и кажется мне, что это умалишенные люди. Хотя в других случаях они выглядят вполне нормальными. В чем же дело? Они не любят свою страну и наш народ. Это идеологически зашоренные люди. Они ненавидели Советский Союз, советскую власть, компартию, в которой не просто «состояли», а использовали ее для того, чтобы забраться на вершины власти, а потом, пользуясь властными полномочиями, разрушать ненавидимую ими систему. Я говорю сейчас об А. Н. Яковлеве, «архитекторе» так называемой перестройки. В одном из интервью он заявил журналисту: «Советский Союз проиграл войну». Журналист

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 47.

[2] Там же. С. 377.

[3] Там же.

только и смог вымолвить: «Как?!» Яковлев заявил: «30 млн погибших — разве это победа? Это поражение»[1].

Да, цена, которую наш народ заплатил за Победу, огромна. Но кто мне скажет: а какой она должна была бы быть? Всерьез этот вопрос не возьмется обсуждать ни один здравомыслящий человек. Я скажу так: как вышло, так и вышло. Главное, как мыслят простые люди (я один из них), мы одержали Победу, и Победу эту иначе как Великой назвать нельзя. Ибо речь шла и о том, быть или не быть советскому общественному строю, которому не дали вызреть и вполне развиться внутренние и внешние враги. Речь шла о еще более важном: быть или не быть русскому народу, России как таковой со всеми ее другими народами, нациями и народностями, которые, по определению Гитлера и его идеологических прихвостней, считались «человеческим мусором», место которому в «душегубках» и газовых печах.

В этом смысле рассуждать о «цене» победы перед памятью тех, кто отдал свои жизни за эту Великую Победу, аморально и грешно. Великая Победа в Великой Отечественной войне бесценна. Сегодня нет на карте мира великой державы Советский Союз, но есть Россия, есть еще мы, «дети войны», есть новые поколения, а значит, у России и ее народа есть будущее, если она не попадет однажды в руки какого-нибудь забулдыги или персоны, у которой в офшорах хранятся наворованные миллиарды, а значит, там же, в офшорах, его душа и сердце.

Но если все-таки рассуждать о цене победы не в абсолютных цифрах убыли населения, как привыкло делать большинство наших граждан, а в категориях безвозвратных демографических потерь СССР и Германии относительно количества общего населения до и после войны, то Германия и тут потерпела поражение, и тут ей надо капитулировать. Неслучайно, я думаю, правительство ФРГ до сих пор не сообщает цифры реальных потерь немецко-фашистских войск и общей убыли населения страны. Я привел достаточно много цифр, которые, как я считаю, до сих пор не вполне осмыслены в этом плане. Но когда это будет сде-

[1] Яковлев А. Избранные интервью: 1992–2005. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. С. 376–377.

лано, Германия, ее бывшие союзники и сателлиты испытают еще один и очень болезненный шок. А Россия отпразднует еще одну, теперь уже бескровную, моральную победу и избавится наконец от комплексов («воевать не умеем», «завалили немцев трупами», «берем не качеством, а количеством» и т. п.).

Как русские умеют воевать, когда их вынуждают учиться этому, когда они прошли школу войны, показал настоящий советский блицкриг на Дальнем Востоке в войне с Японией, в которую мы вступили согласно союзническим обязательствам перед США. Тогда, с 9 августа по 2 сентября 1945 года, советские войска менее чем за месяц (за 25 дней) разгромили миллионную Квантунскую армию. Потери японских войск 83 737 человек убитыми и 640 276 человек военнопленными[1]. Потери Советской армии 9780 человек убитыми, 911 пропавшими без вести, 1340 человек — небоевые потери. И это в наступательных боях, когда наступающие обычно теряют вдвое-втрое больше[2]. Последовавшая за разгромом Квантунской армии атомная бомбежка американцами японских городов Хиросимы и Нагасаки не имела никакого смысла. Это была демонстрация мощи нового оружия в целях устрашения СССР, против которого, как уже говорилось, Черчилль разрабатывал план Третьей мировой войны, которая должна была начаться 1 июля 1945 года.

Печаль по отдавшим свои жизни за наше право жить на белом свете, плодиться, растить детей и внуков, возвышать роль России в агрессивном мире теперь уже XXI века не может затмить нашу гордость за павших героев, за погибших за Родину, за их Великую Победу. А «побежденным, — как говорил когда-то канцлер Германии О. Бисмарк, — мы оставим только слезы, чтобы было чем плакать».

...Говорят, что Сталин был диктатором. Верно. Не сразу, не за год-два, а постепенно Сталин входил в роль диктатора и стал им. На его месте в ту пору, возможно, и всякий другой не избежал бы этой участи. Незадолго до своей смерти Каганович говорил о Сталине: «...его надо брать по временам, по периодам, разный он был. Послевоенный — другой Сталин. Довоенный — другой. Между

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 16.

[2] Там же. С. 11.

тридцать вторым и сороковым годами — другой. Он менялся. Я видел не менее пяти-шести Сталиных»[1]. Страницы книги «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.», которая цитируется в этом повествовании, убеждают в правоте этих слов. Даже на протяжении пятилетнего периода видно, как в письмах Сталина менялось обращение к своим ближайшим подчиненным и друзьям: появлялось все больше раздражительности, резкости, грубости в выражениях и оценках людей.

Говорят, что Сталин был тираном, кровавым тираном. На его счету миллионы загубленных жизней. Точнее, конечно, будет сказать «на счету Системы, возникшей при Сталине». Как и почему она возникла, эта Система? Только ли в силу особых личных качеств Сталина? Это серьезный вопрос. На эту тему написано столько, что добавить что-либо новое, кажется, невозможно. Готов без всяких оговорок согласиться с теми, кто утверждает: «Не надо ни обелять, ни очернять Сталина». Надо видеть в нашей советской истории и то великое, замечательное и прекрасное, что было сотворено народом под его руководством, и то ошибочное, страшное и позорное, что натворил он, его окружение и вся Система. Надо знать Правду и ничего, кроме Правды. Надо понимать, что у народа не бывает более жестоких тиранов, чем те, которые вышли из его же среды. И есть ли в мире хоть один большой, тем более великий народ, в истории которого не числились бы хотя один-два тирана, зовись они фараонами, князьями, царями, императорами или президентами.

Сегодня мы знаем уже названия целых государств-тиранов...

Миф восьмой

Во Второй мировой войне Германию победили США

Американский физик Марк Зальцберг в статье «Грядущая катастрофа человечества, о которой мало кто задумывается» рассказывает такой курьезный случай: «В беседе со мной весьма взрослая американка спросила: „Я слышала, будто русские выиграли

[1] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 10.

Вторую мировую войну. Это правда?“ — „Вы шутите“, — ответил я. „Ничуть, — сказала моя собеседница. — Войну выиграли мы“». «И это коренная американка с университетским дипломом!» — восклицает американский профессор[1]. В некоторых бывших социалистических странах Восточной Европы — Польше, Румынии, Венгрии, в бывших республиках СССР — Эстонии, Литве, Латвии и даже на Украине — та же картина: «войну выиграли США».

О том, как донести правду о роли СССР, вынесшего все основные тяготы войны с гитлеровскими войсками, — отдельная тема. Сейчас я скажу о том, как было все на самом деле.

Советские войска вошли в Восточную Европу 1 января 1945 года и воевали там 129 суток, вплоть до Дня Победы 9 мая 1945 года и после него, освобождая восточноевропейские страны, Польшу, Венгрию. За их свободу от фашизма СССР заплатил жизнями 800 тыс. солдат и офицеров, страданиями 2 млн 212 тыс. раненых и искалеченных. Это 10,2% всех разного рода потерь нашей армии за всю Великую Отечественную войну.

На советско-германском фронте, как уже говорилось, союзные войска США и Великобритании не воевали, если не считать караванов кораблей, доставлявших военно-техническую помощь нашей армии по ленд-лизу в Мурманск, Архангельск и порты Дальнего Востока. Сама эта помощь имела, безусловно, важное значение, особенно на первом этапе войны.

Всего за время войны начиная с ноября 1941 года от союзников было получено стрелкового оружия — 151,7 тыс. ед., орудий и минометов — 9,4 тыс., танков и САУ — 11,9 тыс., бронетранспортеров — 5 тыс., самолетов — 18,3 тыс., кораблей и судов — 520 ед. (в указанное число не вошли потери при перевозках, неисправные изделия, а также техника и вооружение, отправленные в другие ведомства). Доля ленд-лиза в общем количестве техники и вооружения, поступивших в армию и на флот с отечественных предприятий, составила: стрелкового оружия — 0,8%, орудий и минометов — 1,8%, танков и САУ — около 12,1%, самолетов — около 15%, автомобилей — 32%[2]. В России об этом не забывают. Что ка-

[1] Зиновьев: журнал. 2009. № 1. С. 16.

[2] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 373.

сается людских безвозвратных потерь союзников, то они составляют, как уже говорилось, 76,1 тыс. человек, или 0,7% к демографическим потерям СССР за всю войну, тогда как потери советских войск — 99,3%[1].

Давно еще, 22 июня 2005 года, встретилась мне статья А. Минкина в «Московском комсомольце» с названием «Чья победа?». На целую газетную полосу. Такой «чернухи» про Великую Отечественную войну мне еще не приходилось читать. Даже пересказывать не хочется. Главное: «Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? В 1945-м погибла не Германия. Погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм. Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б — в 1941-м! Не потеряли бы мы свои то ли 22, то ли 30 миллионов людей».

А ведь Минкин — еврей. Он что, не понимает, что его просто не было бы на белом свете?..

Впрочем, бог с ним (нет, черт с ним!), с этим Минкиным. Он таким образом на хлеб себе зарабатывает. Были и есть же на свете люди и умные, и куда более значительные...

На день раньше этой минковской «чернухи», 21 июня того же самого 2005 года, в «Комсомольской правде» впервые на русском языке опубликована речь президента США Франклина Рузвельта, произнесенная им в Вашингтоне 23 ноября 1942 года. Привожу выдержку из этой речи:

«Сегодня в мире произошли два великих события. Произошли на разных концах света. Но очень тесно связаны. 3-я армия Соединенных Штатов под командованием генерал-майора Джорджа Смита Паттона-младшего пересекла границу Марокко и Туниса...

Это первый боевой опыт США на новом театре войны. Я верю, что мы выполним этот опыт достойно. Достойно наших храбрых союзников.

И сегодня, 23 ноября 1942 года, на русской реке Волге у русского города Сталинграда встретились воины двух фронтов. Это великое событие. В кольцо попали 22 немецкие дивизии — силь-

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 335.

ные, мощные, страшные. Немцы рвались к Волге. Они хотели испить воду из великой русской реки. Советская армия превратила в кровавое месиво лицо врага. Русские мстят. Эта месть священна. Битва разгорается в тысячах километров от нас с вами. Но влияние скажется именно на нас с вами. История творится сейчас там. Русские, большие и малые, как один, встали, поднялись и сказали „нет!“ Германии, Гитлеру, его прихвостням в Европе. Русские осознавали, на что они шли. Они шли на войну, священную, бесчеловечную. Нам этого не понять, ибо нога врага не была на нашей земле полтора века.

Спасибо русскому народу, народу-герою. Он принял на себя всю тяжесть войны, не прогнулся, не струсил, выстоял.

Я призываю вас быть достойными наших великих союзников на Востоке, сражающихся отчаянно, бесстрашно.

Если б я только мог, я первым встал бы на колени перед этими людьми. **Я прошу вас, дорогие мои американцы, помогайте этим людям, молитесь за них, за этих людей.**

Помните, что они погибают и за нас с вами. Это великие люди».

А Минкин... Что — Минкин? Пусть себе живет, шкрябает... Умрет, кто вспомнит его «чернуху»?

Правда в том, что русский народ — народ-герой, «принял на себя всю тяжесть войны», что именно на советско-германском фронте, как сказал Рузвельт, «творилась история», что наши битвы и победы оказали влияние на весь мир, в том числе на Америку, что американцам и прежде, а ныне тем более не понять, какой ужас творился на советской земле. Они не могли понять этого, потому что полтора века по американской земле не ступала нога врага. И ни одна бомба на нее не упала в те годы.

Во Второй мировой войне, длившейся почти на два года дольше Великой Отечественной, Великобритания потеряла убитыми 386 тыс. человек. Стоимость разрушений в этой стране — 6,8 млрд долл.

США за шесть лет Второй мировой войны потеряли убитыми 259 тыс. человек, 800 тыс. ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести. И никаких потерь от разрушений в ходе войны. США оказались единственной страной, которая в результате войны укрепила свои экономические, политические и военные по-

зиции в мире. Индекс промышленного производства в 1944 году достиг 235 (в 1935–1939 годах — 100). В 1946 году США давали 62% всей промышленной продукции капиталистического мира против 36% в 1938 году. Прибыли американских корпораций в годы войны увеличились в 3,5 раза.

Советский Союз заплатил за Победу самую большую, страшную цену, никоим образом не сравнимую с утратами других стран — участниц антигитлеровской коалиции.

В той войне Советский Союз потерял 26,6 млн человек, из них 17 млн русских. Это численность населения таких стран, как Дания, Норвегия, Нидерланды, Швеция и Финляндия, вместе взятых. За годы войны надели шинели и служили в Красной армии и Военно-морском флоте 32,4 млн человек. Не вернулись с полей сражений 8 млн 668 тыс. 400 солдат, офицеров и генералов.

В СССР было разрушено 1710 городов, более 70 тыс. деревень, 32 тыс. заводов и фабрик, разграблено 98 тыс. колхозов и 2890 МТС. Стоимость разрушений в СССР составила почти половину от 260 млрд долл. — общей суммы разрушений во всех странах мира, на территории которых шла война.

6 июня 2014 года во Франции, в Нормандии, состоялось празднование высадки англо-американского десанта через Ла-Манш, где союзники СССР наконец-то изобразили Второй фронт.

Открывая это торжество, президент Франции Ф. Олланд сказал, что решающую роль в победе над Гитлером сыграл Советский Союз. А рядом с ним стояли президент США Б. Обама, премьер-министр Великобритании, глава правительства Германии. Президент Франции заявил: «В начале нападения на СССР на Восточном фронте было 150 дивизий. Но когда немцы поняли, что англичане и американцы не собираются открывать второй фронт, они перекинули на советско-германский фронт еще около 100 дивизий, оставив на Западном фронте 40–50 дивизий. Все остальное перемалывали советские войска».

Поэтому даже слово «решающую роль» — звучит бледно. Не нападай Гитлер на СССР, в войну вступила бы и Япония, и они захватили бы Великобританию и США. Спасибо союзникам, что они подмогнули нам, но это — наша Победа. Точка.

* * *

В заключение этой части книги хочу привести выдержки из записи показаний немецкой летчицы Ханны Райч 8 октября 1945 года. Х. Райч — летчик-капитан военно-воздушного флота. Этот почетный титул присваивался за достижения в авиации.

«24 апреля [1945 г.] Гитлер телеграфировал генерал-лейтенанту Риттеру фон Грайму в Мюносен, приказывая явиться в рейхсканцелярию по чрезвычайно срочному делу. Проблема попасть в Берлин была в то время очень сложной, так как город был уже практически окружен русскими. Однако Грайм решил, что с помощью Ханны Райч, как его личного пилота, в город можно проникнуть на жироплане, который сможет сделать посадку на улицах или садах рейхсканцелярии».

Но жироплан был поврежден. Поэтому фон Грайм полетел с другим летчиком под прикрытием 40 истребителей. Х. Райч как личный пилот и друг Грайма попросила взять ее с собой.

«Ее отчет о полете в Берлин для доклада Гитлеру и о ее пребывании в бункере фюрера самый точный из всех, какие можно получить об этих последних днях, хотя в отношении судьбы Гитлера — „умер он или не умер“ — этот отчет отвечает только в той мере, в какой описывает душевное состояние и безнадежность последних минут, откуда можно делать индивидуальные выводы. По ее собственному мнению, фактическое положение и физическое состояние самого Гитлера делали невозможной всякую мысль о бегстве».

«Похоже на то, что Райч была одной из последних или даже последней из вышедших из убежища живыми...»

По дороге завязался воздушный бой, у самолета фон Грайма оторвало дно, а сам Грайм был ранен в ногу. В бункере Гитлера ему сделали перевязку.

«По словам Райч, Гитлер вошел в комнату раненого с выражением глубокой благодарности фон Грайму за его прибытие. Он говорил что-то о том, что даже солдат имеет право не подчиниться приказу, если все говорит за то, что выполнение этого приказа бесполезно и безнадежно. После этого Грайм рапортовал о своем прибытии официальным порядком.

Г и т л е р: Знаете, почему я вас вызвал?

Г р а й м: Нет, мой фюрер.

Г и т л е р: Потому, что Герман Геринг изменил и покинул и меня, и родину. За моей спиной он установил связь с врагом. Его действия были признаком трусости. И вопреки моему приказанию он сбежал в Берхтесгаден. Оттуда он дал мне непочтительную телеграмму. Он сказал, что я когда-то назначил его своим преемником и что теперь, поскольку я не могу больше управлять из Берлина, он готов управлять вместо меня из Берхтесгадена. Он закончил телеграмму заявлением, что если он не получит от меня ответа сегодня до 9.30 телеграфом, то будет считать, что мой ответ положителен.

Эту сцену Райч описывает как „трогательно драматичную". Говорит, что, когда фюрер говорил об измене Геринга, в его глазах были слезы, что голова его опустилась, что лицо было смертельно бледным, и когда он передавал это послание Грайму, его руки тряслись и бумага сильно трепетала.

Когда Грайм читал, лицо фюрера оставалось смертельно мрачным. Потом каждый мускул в нем стал дергаться, и дыхание стало прерывистым. Только с усилием он достаточно овладел собой, чтобы крикнуть:

„Ультиматум! Резкий ультиматум!! Теперь не осталось больше ничего. Ничто меня не миновало. Никто не остался верным, никакая честь не устояла. Нет разочарований, какие бы не пришлись на мою долю; нет таких измен, каких бы я не пережил, а теперь еще сверх всего это. Не осталось ничего. Все зло мне уже сделано"» [1].

«Как объясняет Райч, происходившее было типичной сценой „*И ты, Брут*", полной упреков и жалости к себе. Он долго не мог достаточно овладеть собой, чтобы продолжать».

«Гитлер кончил свою жизнь как преступник перед всем миром, — говорит Райч, но быстро добавляет: — Начал он не так. Вначале он думал только о том, как бы снова поставить на ноги Германию, как дать своему народу жизнь без экономических трудностей и плохой социальной защиты. Для этого он много играл, козыряя тем, что никто не имеет права распоряжаться жизнью его

[1] В и н о г р а д о в В. К., П о г о н и й Я. Ф., Т е п ц о в Н. В. Агония и Смерть Адольфа Гитлера. М.: Звонница, 2000. С. 216–217.

народа. Это было первой крупной ошибкой, его первым большим промахом. Но после того как первый риск дал успех, он впал в ошибку любого игрока — рисковал все больше и, выигрывая, всякий раз легко шел на новую крупную ставку».

«Всякий раз успех увеличивал энтузиазм народа, и это давало ему поддержку для следующего шага. В результате, говорит Райч, Гитлер сам изменился, превратившись из идеалиста-благодетеля в жадного и коварного деспота, он стал жертвой мании величия».

«**Никогда**, — заключала она, — **нельзя больше в истории мира допускать, чтобы такую власть имел один человек**».

Гитлер поручил фон Грайму и Райч найти Гиммлера, не зная, что тот уже вел переговоры с американцами о капитуляции, чтобы с Граймом организовать поддержку авиацией армии генерала Венка, рвущегося к Берлину, не ведая того, что войска Венка уже разгромлены.

В бункере не было связи, не было радио. Имелась только наскоро налаженная связь с курьером и один телефон, по которому никто не звонил, и некуда было позвонить.

«Райч описывает это (поведение Гитлера. — *И. И.*) как патетическую картину полного крушения человека. Трагикомедия разочарования, бесплодности и бесполезности — видеть человека, бегающего как слепой от стены к стене своего последнего убежища, размахивая бумагами, болтающимися в его нервно дергающихся руках, или сидящего сгорбившись у стола, водя по пропитанной потом карте пуговицы, представляющие его несуществующие армии... **А то фюрер Германии беспомощно сидел в своем бункере, бессильно, как мальчик, играя в войну**»[1].

Миф девятый

Сталин отдал приказ сдать Ленинград

Авторы, осмысливающие историю Великой Отечественной войны, подразделяются на четыре основные группы: профессио-

[1] Виноградов В. К., Погоний Я. Ф., Тепцов Н. В. Агония и смерть Адольфа Гитлера. С. 236.

нальные историки, мемуаристы, писатели, журналисты. Более всего к мифотворчеству склонны обычно журналисты либерального умонастроения. Все советское прошлое, в том числе Великую Отечественную, они представляют в мрачных тонах, преимущественно в черном цвете. Кроме всего прочего (нехватка знаний, нежелание копаться в архивах и научной литературе и др.), за «чернуху» больше платят. У кого-то вывихи в эту сторону, мне кажется, случаются по нечаянности: «Хотели как лучше, а вышло...»

Вот одна из журналистских работ — «Ленинградский фронт» (авторы Лев Лурье и Леонид Маляров живут и работают в Санкт-Петербурге). Судя по профессиональным наградам, это способные люди. В предисловии к своей книге (сборнику воспоминаний блокадников) они пишут: «Трагедия Ленинграда — и страшная история, и культивируемый сверху миф. Сам термин „героическая оборона Ленинграда“ возник на исходе блокады непосредственно в Смольном. Ленинградское руководство, как и их шефы в Москве, „проспали“ наступление немцев, довели город до блокады. Сталин прямо приказывал командованию Ленинградского фронта сдавать Ленинград. Балтийский флот подлежал уничтожению. Все значимые городские объекты были заминированы. Однако Гитлер решил взять город измором. Так что героическая оборона была во многом вынужденной»[1].

Откуда они взяли такую информацию, авторы не указывают. На следующей странице они повествуют: «Мифом является и представление о том, что ленинградцы единодушно любой ценой стремились отстоять город. И наши материалы, и обстоятельное исследование Никиты Ломагина „Неизвестная блокада“ демонстрируют другую картину. Понимая, что всех ждет мучительная и неизбежная смерть, многие надеялись, что немецкая оккупация будет меньшим из зол. Вторая мировая война знала такие случаи: Париж был объявлен открытым городом. А старшее поколение помнило Брестский мир, когда, отдав территории, Ленин спас и Россию, и советскую власть. Пораженческие настроения, грозившие перерасти в бунт, пошли на убыль, только когда голод приту-

[1] Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. СПб.: БхВ-Петербург, 2012. С. 5.

пил все чувства и не оставил сил на борьбу. Были и те, кто пользовался блокадой для личного, порою неслыханного обогащения»[1].

И опять же — никаких доказательных фактов. По всей вероятности, написано со слов людей, с которыми авторы встречались при подготовке своей книги. А люди в Ленинграде были разные, в том числе паникеры, предатели. Только круглый идиот может говорить о полном «единодушии» среди умирающих от голода людей. Действительно, были и такие, кто использовал блокаду для личного обогащения. Об этих и прочих подобных фактах еще поговорим.

Видимо, поймав себя на мысли, что они искажают реальные события трагедии, а в основном лгут, авторы спохватываются и сообщают миру правду о блокаде в том виде, как это было на самом деле. «Однако очевидно: если бы большинство ленинградцев были такими, город неминуемо бы пал. Чувство собственного достоинства и патриотизм горожан стали решающим фактором в конечной победе Ленинграда.

Можно корить ленинградское партийное руководство за разные огрехи. Но все же оно не потеряло управление городом и главное — уже ранней осенью догадалось, какое значение может иметь Ладога для выживания Ленинграда. Впрочем, ледовая дорога поначалу использовалась не для спасения людей, а для вывоза оборудования ленинградских заводов и оружия. Если бы массовая эвакуация жителей началась в декабре, а не в феврале, можно было бы спасти жизни еще порядка 300 тыс. ленинградцев»[2]. Вот такая «позиция» у этих журналистов: и нашим, и вашим...

Однажды в самолете «Аэрофлота» мне попал в руки глянцевый журнал с забавным названием «Дилетант». Весь он посвящен Отечественной войне 1812 года с Наполеоном. Думал, обычное чтиво для находящихся в отпуске людей. Дошел до статейки когда-то узнаваемой на телеэкранах (ныне упокоившейся) мадам Новодворской. Боже, ну как же и в самом деле все так «дилетантно» в этом журнальчике!

---

[1] Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. С. 6.

[2] Там же.

Вот некоторые пассажи из опуса Новодворской, как раз на тему «что есть война». Цитирую: «В России всегда есть место подвигам. Как правило, бессмысленным и беспощадным. Весь кровавый ужас, безумие и бессмыслица второй, прозванной „Великой“, Отечественной войны имели свою предысторию в первой Отечественной войне — 1812 года.

Александр I нарушил все европейские законы ведения войны. Двести лет назад воевали весело, без особого остервенения и по определенным светским правилам. Когда вражеская армия брала столицу государства, было принято сдаваться, подписывать мир и идти танцевать менуэт в ближайший дворец...

У Наполеона не было ни малейшего стремления завоевывать всю Россию. Он достаточно много общался с Александром и рассчитывал, что имеет дело с европейским государем. И что этот европейский государь после ряда поражений, которые нанесет ему блестящая французская армия, просто-напросто подпишет мир, и дальше они что-нибудь станцуют...

Но Наполеон абсолютно не готовился к тому, что его ожидало в России. А ждало его мрачное скифское безумие. Это ведь чисто скифская история — поджигать собственные жилища...»

И далее: «И в чем в результате заключалась победа над Наполеоном? В том, что крестьяне остались в рабстве, не были освобождены. Поэтому война 1812 года, именно выигранная война, имела самые страшные и фатальные для России последствия.

И здесь мы начинаем задавать себе страшные вопросы. А нужна ли кому-то была победа *такой ценой*? И нужно ли было умирать более чем *миллиону ленинградцев* для того, чтобы Сталин мог козырять, что он не сдал город Ленина? А может быть, **город Ленина** *надо было сдать*, **и тогда эти люди остались бы живы**? Париж ведь сдали. И ничего, Париж уцелел. Европейские столицы не превращали себя в развалины, но Сталин вспомнил уроки 1812 года. **И Москва не пошла, и Ленинград не пошел**, и *Советский Союз не пошел туда, куда все ходили*... Дорога побед для России всегда была фатальной и пагубной. *России шли на пользу только поражения. И только поражение и освобождение руками европейских со-*

юзников могли бы нас спасти во время Второй мировой войны **от ужасов сталинизма**.

И мы не появились бы на свет рабами»[1].

А правда-то совсем в другом: если бы Москва и Ленинград, если бы Советский Союз «пошли туда, куда все ходили», т. е. сдались фашистам, госпожа Новодворская вообще на свет не появилась бы — все евреи были бы уничтожены, и некому было бы ни зачать ее, ни родить.

Таких нелепых, но крайне амбициозных рассуждений на тему блокады Ленинграда я мог бы привести немало, не хочется засорять головы читателей информацией, где на одну долю правды приходится ворох домысла и лжи.

Повторюсь, я — «дитя блокады». Наша семья (мать, отец, младшая сестра, старший брат и я) пережили 323 дня самого страшного, самого голодного и холодного периода блокады с 8 сентября 1941 года по 23 июля 1942 года, когда нормы хлеба для иждивенцев снижались до 125 граммов «хлеба» в сутки, а мороз в зимнюю пору достигал отметки от минус 20 до минус 30 и более градусов. Даже мне, тогда еще шести с небольшим лет отроду, есть что вспомнить, и от проблесков детской памяти мне становится жутко даже сегодня, человеку уже старому... Я прочитал много книг о блокаде и Ленинградской битве, но в данном случае строю свое повествование на абсолютно достоверных сведениях отечественных публикаций и свидетельствах высших немецких военачальников. Думаю, моя работа в этом случае может вызвать доверие у здравомыслящих людей, хотя некоторые сюжеты и факты не враз уложатся в их сознании: простые истины труднее всего даются нашему пониманию. Итак...

Гитлеровская стратегия молниеносной войны строилась из расчета завершить ее за пять-шесть недель и имела три главных направления вторжения немецких войск в Советский Союз: Ленинградское (группа армий «Север»), Московское (группа армий «Центр») и Киевское (группа армий «Юг»).

Группа армий «Север» была развернута в Восточной Пруссии на фронте от Клайпеды до Голдапа. В нее входили 16-я и 18-я ар-

[1] Дилетант. 2012. № 9. С. 37.

мии, 4-я танковая группа — всего 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных. Им ставилась задача разгромить советские войска в Прибалтике и в дальнейшем захватить Ленинград и Кронштадт. Наступление группы армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1070 боевых самолетов. Этой группе войск при захвате Ленинграда содействовали две финские армии, включавшие 15 пехотных дивизий и 3 бригады. Действия финских войск поддерживали 400 самолетов 5-го немецкого воздушного флота и 500 самолетов финских военно-воздушных сил. Кроме того, группу армий «Север» при наступлении на Ленинград должна была поддерживать самая мощная группа армий «Центр»[1].

Безусловно, особое значение в планах Гитлера придавалось взятию Москвы. Москва — крупнейший индустриальный район, важнейший узел связи, политический центр с резиденциями иностранных посольств и представительств. Москва — это главный город СССР, столица, здесь находилось правительство страны. Все это Гитлер прекрасно понимал.

И все-таки еще в директиве № 21 от 18 декабря 1940 года — плане «Барбаросса» — говорилось: «Таким образом, должна быть создана предпосылка для поворота крупных подвижных сил на север с тем, чтобы во взаимодействии с группой армий „Север“, наступающей из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, уничтожить войска противника, действующего в Прибалтике. Лишь после выполнения этой важнейшей задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим военно-индустриальным центром и узлом коммуникаций — Москвой»[2].

Вдруг к всеобщему удивлению генералитета вермахта Гитлер, словно забыв о прежних планах, повернул главные силы своих войск на юг и в центр. В середине июля советским войскам был нанесен громадный урон: уничтожены 28 дивизий, а 70 лишились половины своего состава и техники. Немецкие войска вклинились

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 20–21.

[2] Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. С. 74.

на территорию СССР на 450–600 км, на юго-западном направлении — на 300–350 км. Немцы захватили Киев и значительную часть Украины, Молдавии, почти всю Белоруссию, заняли Литву, Латвию, часть Эстонии...

Над СССР нависла огромная опасность.

Генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике 3 июля: «...кампания против России выиграна в течение 14-ти дней...»[1]

Однако генерал ошибался. Война еще только начиналась. За все предшествующие годы сражений в Европе и Африке фашисты никогда еще не сталкивались с таким яростным сопротивлением и мужеством, как на советской земле. Потери немецких формирований были весьма ощутимы, напор их войск ослабевал. Близилась осень, а там и зима.

И тут Гитлер вернулся мыслью к своей изначальной стратегии, стал вновь упорствовать, «что на первом месте по важности стоит Ленинград, на втором месте — Юг и лишь на третьем месте — Москва»[2]. Фельдмаршал Йодль в оперативной сводке от 10 августа 1941 года пытался убедить Гитлера в ошибочности его мнения, но Гитлер отверг его аргументы[3].

Не все генералы вермахта разделяли взгляды Гитлера. Некоторые считали, что сначала все-таки надо взять Москву. Это вызывало у фюрера гнев. Изо дня в день он повторял в разных вариациях одну и ту же мысль: «Сначала — Ленинград, потом — Москва».

Вот несколько выдержек из дневника верховного главнокомандования вермахта.

30 июня 1941 года. «Фюрер по-прежнему намерен *повернуть* крупные танковые группировки, действующие на фронте *группы армий „Центр“*, на север, на Ленинград. *Затем* танковые соединения должны наступать из района Ленинграда *в направлении* Москвы»[4].

---

[1] Мировые войны XX века. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 139.

[2] Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. С. 75.

[3] Там же. С. 76, 78.

[4] Д а ш и ч е в В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. М.: Наука, 2005. Т. 3. С. 268–269.

17 июля 1941 года. «...Фюрер снова вернулся к мысли, не дожидаясь дальнейшего продвижения на Москву, выдвинуть крупные танковые силы группы армий „Центр“ (3-я танковая группа) в северо-восточном направлении. *Окружить* Ленинград»[1].

12 августа 1941 года. Дополнение к директиве ОКВ № 34. «*До начала* наступления на московском направлении следует завершить операции против Ленинграда...»[2]

15 августа 1941 года.

«1 Группе армий „Центр“ ***наступление на Москву приостановить***...

2. Наступление группы армий „Север“ должно в ближайшее время привести к успеху. *Только после этого можно* будет думать о возобновлении наступления на Москву...»[3]

Указание Ставки от 23 июля 1941 года:

«2. О возобновлении решительного наступления в направлении Москвы *не может быть речи* до начала сентября. Достижения быстрого успеха можно ожидать лишь в том случае, если в наступлении на Москву будут участвовать 2-я и 3-я танковые группы (участвовавшие в блокаде Ленинграда. — *И. И.*). А это станет возможным лишь в начале сентября»[4].

Кроме военных расчетов стратегии Гитлера огромное значение имели политический и моральный факторы.

Почему все-таки «сначала — Ленинград, потом — Москва»? Ответ на этот вопрос уже после войны дали фельдмаршал Ф. Паулюс[5] — один из главных авторов плана «Барбаросса», и генерал-фельдмаршал Э. Манштейн[6].

Ленинград был вторым после Москвы промышленным центром с мощнейшим оборонным потенциалом (более 1000 предприятий индустрии), крупнейшим морским и речным портом и железнодорожным узлом.

---

[1] Д а ш и ч е в В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. С. 271.

[2] Там же. С. 284.

[3] Там же. С. 285.

[4] Там же. С. 288.

[5] Gorlitz Paulus: Ich sterne hier auf Befchel. Fr./M., 1960. S. 132, 133.

[6] Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 173.

Захват Ленинграда был для Гитлера исключительно важен в политическом плане: этот город был колыбелью Великой Октябрьской социалистической революции, символом большевизма. Уничтожение Ленинграда с его трехмиллионным населением в самом начале войны было бы сокрушительным ударом по морально-боевому духу Красной армии, всего советского народа.

Думать и решать так, как он думал и действовал, у Гитлера, натуры экзальтированной, была еще одна причина — психологическая. Немецкие историки отмечают, что Ленинград вызывал у Гитлера особое чувство ненависти: «Он считал его не только городом, в котором возникло большевистское правительство, но и воспринимал его как прежний самодержавный Санкт-Петербург, символизирующий русское притязание на господство в бассейне Балтийского моря»[1]. В немцах, которые веками властвовали на Балтике, укоренилось чувство, что Балтика — их море. Для Гитлера Ленинград был городом-крепостью, созданным Петром I как основа русского могущества. Гитлер ненавидел сильных.

Ненависть — следствие страха. Немцы издревле шли на Русь не только из необходимости расширить свое жизненное пространство, но и из боязни этой огромной и таинственной страны, несшей в себе неожиданную угрозу... Сначала мы боимся, а уж потом ненавидим... Гитлер боялся Советского Союза и потому ненавидел его. Ненависть к русским лишала фюрера способности видеть их достоинства: он находил в русском народе только безобразное и уродливое, то, что присутствует в каждой нации.

Гитлер учил немцев ненавидеть русских и всех славян, будучи убежденным, что тот, кто не умеет ненавидеть, тот не может хорошо воевать, убивать с наслаждением.

Катастрофические последствия падения Ленинграда вполне понимали командование Красной армии и Сталин: битва за Ленинград оттягивала на себя 20% вражеских сил на Восточном фронте и всю финскую армию. Сдача Ленинграда открывала врагу прямую дорогу на Москву, которая уже готовилась к эвакуации: немцы стояли у ее границ...

---

[1] Цит. по: Фролов М. И., Ковалев С. Н., Русанов В. Ю. Ленинград выстоял и победил. М.: Триада-Фарт, 2004. С. 11.

Положение Ленинграда было воистину критическим.

Но можно ли сказать, как это делают Л. Лурье и Л. Моляров, что «ленинградское руководство, как и их шефы в Москве (надо понимать, прежде всего Сталин. — *И. И.*), проспали наступление немцев, довели город до блокады»?

Откроем вторую книгу исследования «Война и общество» на странице 29. Там, в главе «Беспримерный подвиг Ленинграда», говорится о том, что еще 1 июня 1941 года областной и городской комитеты партии создали Комиссию по вопросам обороны, которую возглавил А. А. Жданов, секретарь ЦК ВКП(б), он же — секретарь Ленинградского обкома и Ленинградского горкома партии. Позднее, 20 августа, командующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов подписал приказ «Об организации обороны Ленинграда». Этим же приказом создавался Военный совет Ленинградского фронта[1]. Действия Жданова и Ворошилова были не вполне эффективны, но они не «спали», а действовали. Как не бездействовал и их главный «шеф в Москве» Сталин.

Узнав о приказе, Сталин вызвал к аппарату «Бодо» Ворошилова и Жданова и в присутствии Молотова и Микояна задал им несколько неприятных вопросов: «Почему был создан Военный совет обороны Ленинграда без разрешения правительства, почему в его состав не включены Ворошилов и Жданов, почему была разрешена выборность батальонных командиров?» Затем Сталин потребовал: «Ворошилов и Жданов должны сообщить о своих планах операций. Но они этого не делают, допускают ошибки, которые отражаются на качестве обороны Ленинграда»[2].

Военный совет обороны Ленинграда был упразднен, все его функции были переданы Военному совету фронта.

В конце августа в Ленинграде работала Комиссия Молотова (зам. председателя ГКО), Маленкова, Косыгина, Воронова, Жихарева, Кузнецова. В результате ее работы Главное командование Северо-Западного направления было расформировано, Во-

[1] Война и общество. 1941–1945. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 29.

[2] Там же. С. 29–30.

рошилов был назначен командующим Ленинградским фронтом с непосредственным подчинением Ставке ВГК, т. е. лично Сталину [1].

После того как немцы 29 августа захватили г. Тосно, Сталин направил Ворошилову и Жданову телеграмму, в которой в резкой форме выразил недовольство командованием Ленинградского фронта. «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, которые они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления и в этом видят свою задачу» [2].

Может, эту телеграмму Сталина мифотворцы считают его приказом сдать Ленинград? На мой взгляд, в ней нет и намека на это. Я вижу в словах Сталина гнев и угрозу в адрес Ворошилова, который вскоре был освобожден от должности командующего Ленинградским фронтом...

8 сентября кольцо блокады замкнулось. Генерал-фельдмаршал фон Лееб, который командовал группой армий «Север», овладел Прибалтикой и взял в окружение Ленинград, считал решенным вопрос о падении Ленинграда. В этом был убежден и Гитлер, благоволивший к Леебу. 21 июля фюрер прилетал в штаб-квартиру Лееба, чтобы обсудить некоторые детала [3]. Гитлер прислал в штаб Лееба офицера, обязанного немедленно доложить ему о вступлении войск в Ленинград [4].

Как же действовал в этой ситуации Сталин? 9 сентября он вызвал в Кремль генерала армии Жукова из-под Ельни, где под его командованием советские войска одержали первую крупную победу над немцами. Через сутки Жуков был в кабинете Сталина.

Словно бы размышляя вслух, Сталин стал говорить: «Очень тяжелое положение сложилось сейчас под Ленинградом, я бы

[1] Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 34.

[2] Там же. С. 33–34.

[3] Фролов М. И., Ковалев С. Н., Русанов В. Ю. Ленинград выстоял и победил. С. 13.

[4] Карпов В. Маршал Жуков. М.: Вече, 2005. С. 143.

даже сказал, положение *катастрофическое*. — Помолчав, Сталин явно подбирал еще какое-то слово, которым хотел подчеркнуть сложность обстановки на Ленинградском фронте, и наконец вымолвил: — Я бы даже сказал, безнадежное. С потерей Ленинграда произойдет такое осложнение, последствия которого просто трудно предвидеть. Окажется *под угрозой удара с севера Москва*»[1].

Понимая, что Сталин уже решил послать его на это «безнадежное дело», Жуков сказал: «Ну, если там так сложно, я готов поехать командующим Ленинградским фронтом». Сталин подошел к столу, взял лист бумаги и написал записку:

«Ворошилову.

ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом.

Сталин».

Сталин протянул эту записку Жукову. Тот прочитал ее, сложил вдвое, положил в карман[2].

---

[1] Сюжет излагается близко к тексту книги В. Карпова «Маршал Жуков». С. 135–144.

[2] Гораздо сдержаннее и, думаю, точнее, рассказывает историю своего назначения командующим Ленинградским фронтом сам Г. К. Жуков. В своей книге «Воспоминания и размышления» (т. 1, с. 377–378) он пишет: «Верховный Главнокомандующий внимательно рассматривал карту обстановки под Ленинградом... Наконец, оторвался от карты и, обращаясь ко мне, сказал:

— Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с Севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга.

После некоторых отвлечений Сталин вдруг без всякого перехода сказал:

— Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Я ответил, что готов выполнить это задание.

Затем Верховный молча взял со стола блокнот и размашистым твердым почерком что-то написал. Сложив листок, он подал его мне.

— Лично вручите товарищу Ворошилову эту записку.

В записке значилось: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

11 сентября на Центральном аэродроме, перед тем как садиться в самолет, Жуков сказал генералам, которых он отобрал для работы на Ленинградском фронте: «Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжелые бои. *Сталин сказал мне*: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у вас нет»[1]. Жуков помолчал, посмотрел поочередно в лицо каждому из собеседников и закончил: «Кто согласен, проходите в самолет». Генералы без громких фраз пошли к трапу.

В Ленинграде Жукова никто не встретил, хотя о его прибытии не знать не могли. Это задело генерала. При входе в штаб фронта часовой долго не впускал Жукова — не было пропуска. Это еще больше разозлило его. Жуков вошел в кабинет маршала Ворошилова, не снимая шинели и фуражки. Шло заседание Военного совета фронта. Вел его маршал Ворошилов, присутствовали Жданов, Кузнецов и другие члены Военного совета. Рассматривался вопрос, как уничтожать важнейшие объекты города, подготовить к взрыву боевые корабли. Удержать Ленинград они считали почти невозможным. Почти!..

Почему «они» обсуждали этот вопрос — неизвестно. Возможно, готовили такие предложения для Сталина. Возможно. Ведь тактика «выжженной земли» использовалась Сталиным. Киев, к примеру, был взорван, сжигались нескошенные поля пшеницы и ржи, уничтожались заводы, если их не успевали вывезти на Урал и в Сибирь.

Но я ни разу не встречал ни одного документа по поводу сдачи Ленинграда, приказа о взрыве его объектов... Слухи, вероятней всего, только слухи лежат в основе мифа «Сталин приказал сдать Ленинград». И стратегически, и тактически это было бы неправильное решение, и Сталин прекрасно понимал: сдача Ленинграда создавала угрозу наступления немцев на Москву с севера. Вот почему Ленинград надо было удерживать любой ценой...

Жуков сел на свободный стул и некоторое время слушал обмен мнениями. Тема разговора окончательно взвинтила его. Он подал

[1] Карпов В. Маршал Жуков. С. 138.

записку Сталина о своем назначении Ворошилову. Маршал прочитал записку, как-то сник и ничего не сказал присутствующим. Тогда Жуков встал и сам сообщил, что назначен командующим Ленинградским фронтом и Балтийским флотом, предложил закрыть совещание Военного совета и принять все меры для того, чтобы отстоять город. Закончил словами: «Будем защищать Ленинград до последнего человека!»

...Прошло меньше месяца (25 дней), как Жуков принял командование Ленинградским фронтом, но к началу октября руководимые им войска уже выполнили главную задачу — непосредственная опасность захвата Ленинграда была ликвидирована.

Как сумел Жуков добиться этого?

25 сентября генерал-фельдмаршал Лееб сделал в своем дневнике такую запись: «День 24.9 был для ОКВ[1] в высшей степени критическим днем. Причиной этому была неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый участок на восточном берегу Невы».

Да, из-за этого контрудара, организованного Жуковым, Гитлер закатил в Верховном командовании сухопутных войск невероятную истерику. И как ему было не взбеситься, если вместо взятия Ленинграда его войска отброшены? А он *уже включил их в расчет для наступления на Москву*. Отпор Жукова ломал планы фюрера, ставил под угрозу срыва эту подготовленную операцию. Ведь взятие Ленинграда было первой, *но не конечной целью* «молниеносной войны». Такой целью был захват Москвы и всей территории СССР. Гитлер считал, что с Ленинградом он разделается в кратчайшие сроки. И потому еще за два дня до того, как Ленинград был блокирован, 6 сентября, фюрер подписал директиву № 35 под кодовым названием «Тайфун» — по захвату Москвы. Эта операция должна была завершиться до начала осенней распутицы и тем более — зимних снегопадов и морозов...

Жуков заставлял свои войска удерживать каждый метр ленинградской земли, укреплял оборону и наносил Леебу фланговые

[1] ОКВ — Объединенное командование войск.

удары то в одном, то в другом месте, вынуждая его снимать войска оттуда, где у немцев, казалось, намечался успех.

Вскоре начальник разведотдела Ленинградского фронта доложил Жукову о перемещениях в расположении противника. Но на этот раз мотопехота перебрасывалась не в пределах фронта, а от Ленинграда на Псков. Кроме того, противник грузил танки на платформы и тоже отправлял их куда-то... Чтобы взять Москву, надо было использовать максимальные силы, собрав их с других фронтов, где немцы побеждали. Гитлер был вынужден снять часть танковых и моторизованных сил из-под Ленинграда, из группы армий «Север». Эти передвижения и заметила разведка Жукова.

Осада Ленинграда ослабевала!

Фельдмаршал фон Лееб понимал, что его войска постигла катастрофа, что Гитлер, возлагавший так много надежд на быстрый захват Ленинграда, не простит ему эту неудачу. Вскоре Гитлер отправил Лееба в отставку.

Но основная часть группы армий «Север», вся финская армия и испанская «Голубая дивизия», которые были так нужны Гитлеру под Москвой, оставались под Ленинградом.

5 октября 1941 года Жукова вызвал к аппарату Сталин: «Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта, в районе Юхнова, Ставка хотела бы с вами посоветоваться...»

В общественном сознании устоялось мнение, что Москву спасли свежие сибирские и уральские полки. Конечно, их роль огромна.

Но вот тут надо вспомнить о разведчике Рихарде Зорге.

14 сентября 1941 года от него поступило крайне важное сообщение: «По данным секретаря кабинета министров Одзаки, японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооруженные силы будут оставаться в Маньчжурии на случай возможного выступления будущей весной в случае поражения СССР к тому времени. После 15 сентября советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии»[1].

[1] Цит. по: Кондрашов В. В. Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (историческая хроника). С. 131.

Подобная информация поступала по каналам военной разведки в августе–сентябре 1941 года от источников в Швейцарии и США. Нет никаких сомнений в том, что она использовалась Сталиным, когда он в середине октября в период наиболее ожесточенных сражений под Москвой и крайне тяжелой обстановки на ближних подступах к столице принял решение о переброске войск еще и с Дальнего Востока для срочного усиления Западного фронта.

28 октября первая дальневосточная дивизия уже выгружалась в Подмосковье, а всего в оборонительном сражении и контрнаступлении под Москвой участвовало более 10 дивизий и бригад, переброшенных с Дальневосточного фронта. Без этих свежих, хорошо укомплектованных и подготовленных соединений было бы очень трудно добиться перелома в ходе боевых действий и выиграть битву под Москвой.

Однако, на мой взгляд, можно рассуждать и по-другому: **Москву спас и всю «молниеносную войну» остановил и переломил Ленинград**...

Не моя задача рассказывать о том, как сначала «операция „Тайфун“ развивалась почти классически» (из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера); как в конце октября немцы были вынуждены приостановить наступление на две недели, и этот перерыв был равен крупному проигрышу в битве. Ибо в тылах Советского Союза ковался меч возмездия — шло формирование новых армий, и уже не только Время, но и Распутица, и Господин Мороз работали на нас.

Возобновив наступление в середине ноября, через десять дней немецкие войска выдохлись. Генерал-квартирмейстер генштаба вермахта Вагнер докладывал Гальдеру: «Наши войска накануне полного истощения материальных и людских сил»[1]. 3 декабря командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок отметил в своем дневнике: «Судьбу сражения решит последний батальон»[2].

[1] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 71 (цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945. Т. 3. С. 323).

[2] Tumey A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. University of New Mexico Press, 1970. P. 150.

Теперь представим себе другую картину: Ленинград капитулировал... И тогда уже не «последний батальон», а многие осаждавшие Ленинград дивизии немцев, финнов и испанцев, многие сотни самолетов, тысячи танков и орудий пополнили бы наступавшие на Москву войска группы армий «Центр». Если бы это случилось всего на пару недель раньше, а не в начале декабря, Москва могла пасть. Но этого не произошло. Зато в сражение, изменившее весь ход Великой Отечественной, были введены свежие резервы советского командования из Сибири, Урала и Дальнего Востока. Вот что значат на войне две недели, а порой — всего несколько дней!

Я думаю, что СССР выиграл бы войну все равно, ибо располагал гораздо более значительными людскими, материальными и духовными ресурсами для затяжной войны, чем Германия. Гитлер все-таки плохо соотнес пространство и силы, атаковав Советский Союз.

Для меня кажется очевидным, что стратегия «блицкриг» забуксовала и потерпела крах еще под Ленинградом, хотя окончательно ясно это стало после сокрушительного поражения фашистов под Москвой: ведь группа армий «Центр» насчитывала более 2 млн солдат и офицеров...

Это было начало конца фашистской авантюры, о котором Гитлер вовсе не думал, нападая на Советский Союз. Но, видимо, стал задумываться о возможности трагического исхода уже вскоре после начала войны, когда однажды, еще в середине октября 1941 года, признался в кругу приближенных: «22 июня мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится...» Вырвалось из подсознания фюрера, сболтнулось по нечаянности, а ведь и правда — не знали...

Повторю слова Сталина, которые Жуков передал своим генералам, отправляясь на Ленинградский фронт: «...либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у вас нет».

Понимал ли Сталин, какую задачу он ставил Жукову? Безусловно. Он говорил о победе любой ценой. Это был приказ всем войскам, защищавшим Ленинград, всем его жителям, находившимся в блокаде. В высшей мере жестокий приказ.

Жестокость... Что и говорить, куда как приятней слыть в народе руководителем добрым, гуманным и милосердным, чем безжалостным и беспощадным, суть — жестоким.

Однако задумаемся, о ком, о какого масштаба личностях мы сейчас рассуждаем? О какой мере ответственности, лежавшей на этой личности, говорим?

Для абсолютного большинства людей, за исключением самого малого их числа, нет никаких препятствий быть добрыми, сочувствующими, сострадательными всегда, во всем и ко всем. А вот поди ж ты, везде и каждый божий день мы встречаемся с необъяснимой свирепостью, бессердечием, т. е. с жестокостью как порождением то злого ума, то трусливого сердца, то жажды видеть другого униженным, а то и мертвым. Если это не так, то кем же тогда, спрошу я, до отказа набиты тюрьмы России, как не жестокими существами?

В данном случае речь идет о руководителе огромной страны, находившейся в состоянии самой масштабной за всю мировую историю войны, в которой ее армия проигрывала одно сражение за другим, отступая на всех фронтах. И которую можно было проиграть полностью... Война бескомпромиссная, на полное уничтожение существующего общественного строя и абсолютного большинства почти двухсотмиллионного населения (прежде всего — русских, украинцев, белорусов, евреев и других народов). Речь идет о такой войне, когда в случае победы Гитлера лучшие города страны — Ленинград, Москва и другие — по воле фюрера должны были быть стерты с лица земли. Речь о войне, проиграв которую оставшееся в живых население «низших рас» уничтожалось, и только малая его часть превращалась в рабов. В тысячелетней истории России ставилась точка.

Руководитель побеждаемой в тот момент страны — Сталин знал и понимал все это. Мог ли он в такой ситуации отдать не жестокий, а какой-нибудь другой приказ? Этакий добрый приказ? Какой еще? Я не могу себе представить.

Из всех человеческих способностей самая трудная и самая редкая — умение управлять. Управление — высочайшее из искусств. Это аксиома. Управлять — значит волеть; насилие — это правая рука политика.

Тому, кто не управлял людьми, хотя бы крупными организациями, рассуждать о решениях государственных деятелей, а тем более полководцев, конечно, можно (свобода мнений!), но цена таким умозаключениям — ломаный грош в базарный день.

Как могут высказываться категорично на эту тему те, кто не управлял событиями и процессами в огромном хитросплетении экономических интересов, политических взглядов и идеологических воззрений миллионов людей? Кто не совершал революций? Кто не управлял государством? Кто не участвовал ни разу хотя бы в одном бою?

Управление государством — занятие жестокое по определению. Государство само по себе — это инструмент насилия, подразумевающий наличие в нем правоохранительных и карательных органов, армии, необходимой не только для обороны, но и для нападения. Главе государства в качестве долга перед страной дано право в нужный момент быть жестоким: лишать людей должностей и свободы, а в крайних случаях — посылать на смерть, отнимать у человека жизнь.

Во всем мире и во все века государства создавались из благой мысли — сделать жизнь его граждан прекрасной. В итоге все они едва справляются с задачей помешать этой жизни окончательно превратиться в земной ад. Беда в том, что в мире очень много жаждущих властвовать, немало властвующих, хотя лучше сказать — царствующих, но очень мало умеющих управлять.

Возвышение или упадок государств во все века зависели от ума, мудрости, смелости и жесткой руки правителя. Добрый нрав государя в управлении государством, как показала история (российская в том числе), в таком деле лишь помеха. Трусливы были для жестокости. Не обладали волей для жестокости.

Когда мы вспоминаем российских правителей, то на ум из многих десятков приходят всего несколько имен. И среди них — имя Сталина. Почему? Сталин упивался властью, но и управлял государством, чего не умели все его последователи, заканчивая Горбачевым и Ельциным. Жесткость и жестокость Сталина хоть в мирное, хоть в военное время, несомненно, возвысили Советский Союз, сделав его великой мировой державой.

Стоит сказать о роли Сталина в обороне Ленинграда.

В битве за Ленинград Сталин координировал действия войск, находившихся как в самом городе, так и за его пределами. Назначение Жукова командующим Ленинградским фронтом в самый решающий момент — с первых дней блокады — не было случайным.

Сталин знал, что Жуков способен находить выходы из «безвыходных» положений. И как только Жуков решил поставленную задачу — остановил группу армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Леeба, не дал ему войти в Ленинград, тут же перебросил его на новый трудный участок.

После Жукова за семь месяцев Сталин сменил на Ленинградском фронте еще пятерых командующих, пока не остановился на Л. А. Говорове, который, как говорится, оказался на своем месте, с июня 1942 года по июнь 1944 года вырос в воинском звании от генерал-лейтенанта до Маршала Советского Союза.

Ни президент США Рузвельт, ни премьер-министр Великобритании Черчилль не были Сталину ровней в военном таланте. Тем более те, кому он сам присваивал генеральские и маршальские звания. Быть может, только Жуков и был в военных вопросах со Сталиным на одном уровне. Потому и бросал его Сталин с одного фронта на другой. Там, где был Жуков, фигурально говоря, там был сам Сталин: его ум и память, его стратегический замысел и тактическая изворотливость, его железная воля, жесткость и жестокость. И там была победа... А рядом со Сталиным, Жуковым, Шапошниковым, Тимошенко в боях и сражениях быстро вырастало новое племя полководцев — Рокоссовский, Баграмян, Ерёменко, Конев, Чуйков, Черняховский, Катуков, Рыбалко, Новиков, Кузнецов и немало других.

19 сентября 1941 года сложилась ситуация, когда войска маршала Кулика, находившиеся за спиной у окружавших Ленинград немцев, могли пробить брешь во фронте противника и соединиться с Жуковым. Вполне вероятно, блокада была бы прорвана. Но маршал Кулик опасался неудачи, не решился на удар. 20 сентября Сталин отправил Кулику телеграмму, в которой указывал, что тот «очень опоздал», что 21 и 22 надо пробить брешь во фронте противника, а потом уже будет поздно! Кулик не выполнил и этот приказ. И был тут же освобожден от командования 54-й армией. Сталин подчинил ее Жукову.

Можно сказать, что в битве за Ленинград Сталин в конце концов лично переиграл не только гитлеровских фельдмаршалов, но и самого Гитлера. Лично. Дело в том, что после снятия фельдмаршала Браухича с поста командующего сухопутными войсками

Гитлер взял командование ими на себя и сам руководил боевыми действиями под Ленинградом... Но и у него ничего не получалось. Тогда задержку со взятием Ленинграда Гитлер стал объяснять немцам варварски просто: «Петербург мы не штурмуем сейчас. Он сожрет себя сам»[1]. Однако в середине марта 1944 года группа армий «Север» была разгромлена окончательно.

Да, Сталин не сразу обрел качества Стратега, Тактика и Полководца. Но, будучи от природы умным и хитрым, имея феноменальную память, он чрезвычайно быстро учился, изменяясь при этом во всех отношениях. В сторону жестокости — тоже.

Сама жизнь, обстановка, события, экономические и политические процессы в стране подвигали Сталина к жесткости и жестокости. Гражданская война. Антанта. Три неурожая, один из них — большой. Голод в стране начала 1920-х годов и в 1931–1932 годов. Продразверстка. Коллективизация. Крестьянские восстания. Индустриализация. Троцкий и «параллельная троцкистская партия» внутри ВКП(б), претендовавшая на власть. Левый и правый уклоны. Объединенная оппозиция. Заговоры...

Сегодня известно: это не фантазии, они были, эти заговоры. Как были в действительности иностранные шпионы, диверсанты, предатели, вредители, реальные враги народа.

Я скептически отношусь как к яростным ненавистникам, так и к оголтелым защитникам Сталина. Снова скажу: не берусь ни обелять, ни тем более очернять эту крайне сложную, противоречивую, но великую фигуру советской и мировой истории. Свое слово скажет Время, и уже, как видим, говорит...

Зачем тогда так долго рассуждаю на эту сложную тему? Лишь для того, чтобы создать некоторый фон для центрального вопроса данной главы моего повествования: «А мог ли Сталин не быть столь жестоким, отдавая Жукову приказ не допустить врага в Ленинград „любой ценой“?..» Не мог. И не имел на то права.

Война — сама Жестокость. На войне убивают миллионы людей. Разрушают города и села. Уничтожают страны и народы. И никто не начинает войну в расчете на свое поражение. Кто не верит в свою победу, тот уже проиграл.

---

[1] Карпов В. Генералиссимус. Янтарный сказ. Калининград, 2002. Т. 1. С. 466–467.

Разумеется, стратеги тоже размышляют о «цене победы». Но тут свой бал правит арифметика: складываются и вычитаются, делятся и умножаются полки, дивизии и армии; численность солдат, офицеров и генералов; количества оружия, сырьевых продуктов, продовольствия.

Войны ведутся солдатами. Солдат, конечно же, живой человек, но в бою — это «боевая единица», мыслящая, чувствующая, но лишь часть точного и безотказного армейского механизма, служащего по команде выполнению определенной функции в определенном месте в определенное время. Посылать солдата в бой, тем более сотни тысяч солдат на битву, зная, что многие тысячи будут убиты и искалечены, — это всякий раз казнь ума и души для того, кто отдает такие команды. Не ожесточиться тут невозможно. Но и терзаться до нервных срывов и сердечных припадков всякий раз — тоже. Люди мягкотелые и жалостливые к действиям на войне непригодны. Тем более на высших командных должностях.

Армия как организация со всеми ее подразделениями и техникой — это, как ни крути, огромная «машина», предназначенная для того, чтобы убивать... и умирать. Убивать и умирать — ради победы. А победа там, где противник бросает свои знамена и штандарты к ногам победителя. В знак признания своего поражения. В этот момент никто уже не меряется количеством безвозвратных и санитарных потерь. Хотя мера, конечно, есть во всем. О цене победы можно рассуждать и спорить. Но — после победы.

В Великой Отечественной войне у Советского Союза не было альтернативы, кроме победы. Именно — «любой ценой». Поражение означало смерть. В этом смысле наша Победа бесценна и, несмотря ни на что, — Великая. Величие это определяется степенью небывалых, невероятных, немыслимых трудностей, преодоленных Советской армией, советским народом и руководителями Советского Союза вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, несмотря на безмерные потери на фронтах, бесчисленные жертвы в тылу. Думаю, что в своей реальности история Великой Отечественной войны была еще страшнее, чем известно, еще ужаснее, чем о ней можно выдумать. А Победа наша — еще величественнее, чем сказано о ней в научных трудах, журналистских очерках, повестях и романах, пьесах и кинофильмах.

С этой точки зрения, убежден, надо смотреть и на «цену» Победы в битве за Ленинград, за снятие блокады, в Великой Отечественной войне в целом.

Всем, кто знает историю Великой Отечественной войны, известно, что 28 июля 1942 года был издан приказ народного комиссара обороны № 227, известный под названием «Ни шагу назад!». Приказ был подписан Сталиным и зачитан во всех подразделениях Красной армии и Военно-морского флота. В нем говорилось: «У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину... Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, **чего бы это нам ни стоило**»[1]. **Запрещалось без приказа оставлять позиции, а самовольно отступавших предписывалось расстреливать на месте заградительным отрядам.**

Приказ был издан перед началом Сталинградской битвы. В тот момент в 6-й немецкой армии насчитывалось 270 тыс. человек, а противостояли ей 160 тыс. воинов Сталинградского фронта. Советское объединение уступало противнику и в вооружении, особенно в самолетах, противотанковой и зенитной артиллерии, боеприпасах. Большинство советских дивизий были новыми, необстрелянными формированиями. Но отступать дальше было нельзя. От них теперь зависело, удастся ли противнику осуществить свои планы на 1942 год и тем самым поставить СССР на грань катастрофы.

Это был очень жестокий приказ, но в той крайне критической ситуации он сыграл положительную роль. Да, это так.

Был ли жестоким маршал Жуков? Известно — был. Это качество свое он проявил еще в боях на Халхин-Голе с японцами. И в битве за Ленинград — тоже. Когда генерал-фельдмаршал фон Лееб, пытаясь избежать гнева Гитлера, подготовил мощный удар, чтобы все же прорваться в Ленинград, Жуков (на год раньше сталинского приказа «Ни шагу назад!») отдал 17 сентября 1941 года своим истекающим кровью войскам короткий и жесточайший приказ:

[1] Сталин И. Соч. М.: ИТРК, 2010. Т. 15. Ч. 1. С. 526–531.

«Военным советам 42-й и 55-й армий.

Боевой приказ
войскам Ленинградского фронта
17.9.41 Карта 100 000

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх, Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушуры, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа **все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу**.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18.9.41.

Командующий войсками ЛФ
Герой Советского Союза
генерал армии *ЖУКОВ*.

Начальник штаба ЛФ
генерал-лейтенант *ХОЗИН*.

Член Военного совета ЛФ
секретарь ЦК ВКП(б) *ЖДАНОВ*.

Член Военного совета ЛФ
дивизионный комиссар *КУЗНЕЦОВ*»[1].

Приказы типа сталинского и жуковского, заградительные отряды, стреляющие в своих же отступающих бойцов, — не изобретение Сталина и Жукова. В крайних случаях этот прием использовался в войнах разных стран с давних времен. Применялся он и в войсках германского вермахта, причем гораздо раньше, чем на это решился Сталин. Жестокость — плод войны. А порою жестокость — мать победы...

[1] Сталин И. Соч. Т. 15. Ч. 1. С. 577.

Миф десятый

Жители Ленинграда требовали сдать город немцам

Теперь поговорим о том, что происходило в самом Ленинграде с жителями блокированного города.

Что есть страдания отдельного человека? Драма. Что — смерть? Трагедия. Это так. Но что же есть тогда страдания и погибель множества людей? Кто-то из великих сказал: статистика. Звучит злодейски. Однако если вдуматься, то так оно и есть: каждый новый масштаб явления требует нового определения.

Сказать о Ленинградской блокаде, что это просто «драма», просто «трагедия», значит, уравнять единицу с множеством, значит, не сказать о блокаде ничего. Тут нужны целостная, объемная панорама событий, достоверные факты, обобщающие цифры... Статистика.

Год за годом взрослея, я прочитал о блокаде сотни статей и разного рода книг — научных, художественных и понял главное: среди тысяч языков человечества нет того единственного слова, которым можно было бы выразить и определить происходившее с миллионами людей в блокадном Ленинграде. В мире не было, нет и не будет человека, ум и воображение которого позволили бы ему охватить запредельный масштаб и безмерный трагизм блокады, будь он дважды Данте или трижды Шекспир. Можно гениально описывать ужасы загробного ада. Кто удостоверит подлинность воображаемого?

Земной ад Ленинградской блокады был чудовищной реальностью, но весь целиком он — невообразим: действительность всегда богаче любой фантазии.

Чтобы ворваться в Ленинград, враг не жалел ни солдат, ни бомб, ни снарядов. Таких жестоких бомбежек и артобстрелов города, которые пришлись на начальную пору блокады, не было за все ее 549 оставшихся дней...

17 сентября артиллерийский обстрел беспрерывно длился 18 часов 33 минуты.

13 октября на Ленинград было сброшено 12 тыс. зажигательных бомб. В разных концах города полыхали огромные костры.

14 октября воздушная тревога объявлялась десять раз. Это значит, что люди, по сути дела, безвылазно находились в бомбоубежищах целые сутки, и единственной мыслью, которая наверняка свербила мозг каждого, был вопрос: «Пронесет — не пронесет?..» Иногда, особенно поначалу, к городу прорывались сотни фашистских самолетов.

Зимой сорок первого — сорок второго года в Ленинграде случился **немыслимый для этих мест мороз** — от минус двадцати до сорока градусов по Цельсию. И небывалый снегопад. Холод не щадил никого.

Иссякли запасы топлива. В жилые дома прекратилась подача электричества. Город погрузился во тьму. Встал трамвай. Ленинградцы замерзали в неотапливаемых квартирах. Спали не раздеваясь, навалив на себя все, что могло сохранить теплоту тела. Месяцами. Наладили производство буржуек... Топили мебелью, паркетом, книгами, тряпьем, старой обувью, матрацами, всем, что может гореть. Деревья, кустарники, деревянную обшивку домов, беседки в скверах поглотили буржуйки... В январе перестала работать последняя водонапорная станция. Вышла из строя канализация...

Осень 1941 и зима 1942 года — это **самые голодные месяцы** из 872 дней блокады. С самого ее начала в Ленинграде были введены продовольственные карточки: с повышенными нормами — для работающих, с пониженными — для иждивенцев и детей. Нормы эти день ото дня уменьшались.

Уже в середине сентября из продовольственного рациона исчезли крупа, мясо, масло, жиры. Единственной пищей стал хлеб. 1 октября 1941 года хлебный паек для работающих снизили до 400 г в день, для иждивенцев и детей — до 200 г. С 20 ноября (5-е снижение) работающие получали по 250 г хлеба в день, все остальные — иждивенцы, в том числе дети, — по 125 г.

Что такое эти 125 г? Взвесьте такой кусочек хлеба, разрежьте на три части, положите на стол — и поймите: это ваш завтрак, ваш обед и ваш ужин. Больше ни-че-го... Но и этот «хлеб» нельзя было назвать настоящим хлебом. Муки в нем была самая малость, около двадцати процентов, остальное — пищевые заменители: целлюлоза, хлопковый и льняной жмых (дуранда), технический альбумин. «Хлеб» этот не имел хлебного запаха и вкуса.

Бывали дни, когда бомбежки и артобстрелы срывали работу хлебозаводов. Тогда булочные не открывались. Иногда день, два, три... И матери возвращались к детям с пустыми руками. В такие дни «иждивенцы» не ели ни-че-го...

В Ленинграде разразился дикий голод.

Наука подразделяет голод на три стадии: голод неполный, когда пищи в организм поступает недостаточно по отношению к общему расходу энергии; полный, когда в организм поступает только вода; и голод абсолютный, когда в организм не поступает ни пищи, ни воды. Предельным сроком жизни при неполном голоде считается 60–70 суток, при абсолютном — несколько дней.

Зимой 1941–1942 годов житель Ленинграда получал в сутки не более 1300 килокалорий. При таком количестве энергии человек мог прожить около тридцати дней. Это был самый голодный период за все время блокады. Гитлеровцы считали, что через несколько месяцев Ленинград вымрет. И Ленинград вымирал. В эту пору **из каждой тысячи** ленинградцев только от голода **умерли четыреста человек**...

Умирали в квартирах, на улицах, в очередях, на ходу, у станков, умирали поодиночке и целыми семьями.

За 872 дня блокады (в основном за ее первую половину) в Ленинграде погибло 632 тыс. человек. Только три процента из них погибли от бомбежек и артобстрелов; остальные умерли от голода. Эти цифры были названы на Нюрнбергском процессе. Потом они уточнялись в официальных документах в сторону увеличения. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Жуков называет цифру 800 тыс. человек. Исследователи считают ее неточной, говорят о миллионе и более погибших.

Почему же в Ленинграде не вымерло все население? Люди спасались как могли. Варили «студень» из столярного клея. Разрезали на куски и готовили «бульон» из кожаных сапог и туфель. Вываривали кожаные ремни и жевали их. Начались цинга и дистрофия — наладили производство пищевых дрожжей из древесины, витамина С из лапок хвои. По весне, когда появилась трава, искали лебеду и крапиву, но этих «деликатесов» было слишком мало, а голодных — слишком много. Другие травы желудок не принимал...

Ленинград не вымер и потому, что **власти страны и города не потеряли контроля над ситуацией**, делали все возможное, чтобы доставлять продовольствие в сражающийся Ленинград. С боями и большими потерями, самолетами, по воде Ладожского озера на катерах, по льду — на санях и машинах через это озеро. А когда 18 января 1943 года блокада (с пятой попытки!) была прорвана, голод в его крайних выражениях практически исчез...

И что ж, это дает кому-то право сказать, что блокада Ленинграда — это миф?..

Сегодня чрезвычайно трудно, но все-таки надо хотя бы частично воспроизвести духовную, психологическую и политическую атмосферу блокадного Ленинграда. Без всяких исследований можно утверждать: она была крайне сложной и противоречивой.

Из всего прочитанного мною о блокаде можно делать вывод: абсолютно **доминирующей была уверенность жителей города, особенно в начале блокады, что немцы не войдут в Ленинград**, а война будет недолгой и победной.

В отчете городской эвакуационной комиссии от 26 апреля 1942 года говорится, что первой и главной особенностью эвакуационного периода еще задолго до блокады, в конце июня, в июле и первой половине августа 1941 года, было «**нежелание жителей эвакуироваться из Ленинграда**».

Но после того как немцы блокировали город, под прессом нагрянувших голода и холода, авиабомбежек и обстрелов **настроение населения стало изменяться в худшую сторону**, хотя основная масса людей и в этой адской ситуации вела себя стоически, мужественно, геройски. В последние дни войны Геббельс говорил: «**Ленинград не пал потому, что все его жители превратили в крепость каждый дом**. И то, что смогли сделать жители Ленинграда, смогут сделать и берлинцы». Теперь мы знаем: немцы этого не смогли. Не хватило ни сил, ни духу, ни мужества, ни героизма.

Однако представлять мысли и поступки умиравших от голода, замерзавших ленинградцев только в розовых красках было бы нечестно.

Теперь не секрет, что в блокированном Ленинграде возник новый вид преступлений — **людоедство**. Об этом мне, уже взрослому, рассказывала мама.

Однажды в мои руки попал журнал «Огонек», где опубликованы выдержки из рукописного дневника, который вела в блокаде некая Клавдия Наумовна (фамилия неизвестна), работавшая врачом в одном из госпиталей. Дневник случайно нашли на свалке, куда его выбросили внуки во время ремонта бабушкиной квартиры.

22 февраля 1942 года Клавдия Наумовна записала: «Патологоанатом профессор Д. говорит, что печень человека, умершего от истощения, очень невкусна, но, будучи смешенной с мозгами, она очень вкусна. Откуда он знает???

Он же утверждает, что случаи продажи человеческого мяса участились. Один его друг пригласил его на ужин, угостил на славу на второй день после смерти своей жены...»[1]

Такие же факты я встретил в одной из книг, в которой блокадник вспоминал: «У меня жена жила на проспекте Майорова, так у них в квартире один предлагал котлеты в 1942 году. Откуда мясные котлеты? А он был людоед. Его жена умерла, лежала завернутая несколько месяцев, а он с нее мясо срезал и котлеты делал...»[2] 15 ноября мать убила полуторамесячную дочь, чтобы накормить других своих детей[3]. Воистину, измученный голодом не ведает жалости...

Все это — страшные, ужасные факты.

А вот статистика из докладной записки военного прокурора г. Ленинграда А. И. Панфиленко секретарю обкома партии А. А. Кузнецову от 21 февраля 1942 года: «С начала декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. привлечено к уголовной ответственности за эти виды преступлений (людоедство. — *И. И.*): в декабре 1941 г. — 26 человек, в январе 1942 г. — 366 человек и за первые 15 дней февраля 1942 г. — 494 человека. В ряде убийств с целью поедания человеческого мяса, а также в преступлениях о поедании трупного мяса участвовали целые группы лиц»[4].

Состав лиц, преданных суду: 332 человека (36,5%) — мужчины; 564 человека (63,5%) — женщины. Рабочих — 363 человека (41%), безработных — 202 человека (22,4%), лиц без определенных заня-

[1] Огонек. 2011. № 18.

[2] Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. С. 155.

[3] Там же. С. 150.

[4] ЦГАИПД. СПб. Ф. 24. Оп. 20. Д. 1319. Л. 38–46. Подлинник.

тий — 275 человек (31,4%). Коренных жителей Ленинграда — 131 человек (14%). Остальные 755 человек (85,3%) — приезжие из других областей[1].

Да, от голода некоторые блокадники озверели. И все же думать, будто блокадный Ленинград превратился в город людоедов, было бы большой ошибкой: даже тысяча человек на два с лишним миллиона жителей — незначительная часть.

Нагрянув врасплох, нахрапом, Смерть ежедневно уносила тысячи человеческих жизней. Но ей оказалось не под силу убить в людях то духовное состояние, когда в человеке даже в невыносимых обстоятельствах проявляются его собственно человеческие качества: самоотверженность, самоотречение из любви к другим, ради своей Родины.

Вот три многозначительных факта.

По данным статистики, смертность среди блокадных детей в возрасте до 14 лет была ниже смертности взрослых. Почему? Ведь дети наиболее чувствительны к голоду. Многие из них выжили только благодаря тому, что в каждой семье взрослые спасали в первую очередь своих детей. Последние крохи еды они отдавали малышам. И не только женщины — матери, бабушки. Наш папа, вырываясь домой два-три раза в месяц с завода, всегда приносил маме, Ирине и мне сэкономленную им еду. Так поступали и в других семьях многие, очень многие...

Разве это неудивительно: с 1 января 1942 года, в самую голодную пору блокады, по решению Ленинградского горисполкома стали открываться новые детские дома и ясли. За пять месяцев было создано 85 детских домов, приютивших 30 тыс. детей. Из скудных запасов продовольствия власти выделяли им повышенные фонды.

Теперь известно: погибая от голода, многие жители Ленинграда помогали фронту, жертвуя своими личными сбережениями. Только за два месяца (в сентябре–октябре) 1941 года ленинградцы сдали в фонд обороны города 62 млн рублей, 21 кг золота, больше тысячи килограммов серебра, свыше 300 г платины[2].

[1] ЦГАИПД. СПб. Ф. 24. Оп. 20. Д. 1319. Л. 38–46. Подлинник.

[2] Буров А. В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979. С. 68.

Чем дольше длилась блокада, тем хуже становилось настроение многих блокадников. Органы НКВД и контрразведки регулярно направляли руководителям города спецдонесения о политических настроениях в Ленинграде и Ленинградской области. Под грифом «Совершенно секретно» эти донесения составили несколько пухлых томов, ныне рассекреченных.

Вот одно из таких спецсообщений из дела № 9746 от 6 ноября 1941 года. В нем говорится: «За последнее время в Ленинграде среди рабочих, служащих, инженерно-технической и научной интеллигенции возросли пораженческие настроения.

Значительная часть лиц в своих оценках дальнейших перспектив войны считает, что войну с Германией Советский Союз проиграл и что Красная Армия не в силах организовать отпор врагу, Ленинград и Москва будут сданы.

Неверие в победу Красной Армии объясняют тем, что:

а) Красная Армия к войне с серьезным противником не подготовлена и не может противопоставить свою боевую технику немецкой;

б) Армия деморализована отступлениями и сдачей противнику большой территории и крупных городов...»[1]

Не сумев захватить Ленинград штурмом, немцы решили взять его измором и обманом.

Вместе с бомбами на головы блокадников ежедневно сыпались сотни тысяч листовок. В них говорилось одно и то же.

«Жители Ленинграда!

Слушайте нас, пока не поздно. Ваши управилы призывают вас на защиту Ленинграда. Если вы последуете этому приказу, вы обречете сами себя на верную гибель.

Германцы за эту войну заняли столицы многих государств. Все большие города, население которых отказалось от бессмысленной защиты, остались целыми, их жителям не было причинено никакого вреда. Например, Париж.

Города же, жители которых, слушаясь преступных советов, решились на укрепление домов и на военную оборону, были уничтожены ураганом немецких бомб и снарядов. Например, Варшава.

[1] Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. С. 164.

Жители Ленинграда, хотите ли и вы погибнуть под развалинами вашего города? Нет! Вам хочется жить. Поэтому не содействуйте сопротивлению и требуйте мирную передачу Ленинграда германским властям.

Германцы не являются врагами народов СССР. Не верьте наглой лжи, которой вас запугивают ваши комиссары. Германцы — народ культурный и уважают мирное население.

Долой войну!»[1]

Таким же, по существу, было содержание листовок, обращенных к командирам и бойцам, защищавшим Ленинград. Заканчивались эти листовки лозунгом: «Да здравствует мир и процветание свободных народов вашей родины!»

Читая эти фарисейские сочинения сегодня, можно только поражаться масштабам лжи геббельсовской пропаганды. А тогда, в 1941 году, жители СССР не знали о приказе Гитлера стереть Ленинград и Москву с лица земли, уничтожить все живое, что в них есть. И трудно судить некоторых блокадников, попавшихся на удочку фашистского обмана: голодному человеку не до глубоких размышлений, голодный человек не слышит голос рассудка.

В массе населения появились паникеры, нытики, клеветники, что само по себе естественно, но было крайне опасно для блокированного города.

В Ленинграде распространялись рукописные воззвания. Неизвестные расклеивали их в самом центре города: «Граждане! Требуйте хлеба! Долой власть, от которой мы умираем!» Листовки призывали народ собраться на Дворцовой площади и идти к линии фронта с просьбой к бойцам Красной армии сдаться немцам. Назревала угроза голодного бунта.

Надо понимать: пораженческие настроения и антисоветские выступления возникали не только из отчаяния людей перед голодом и холодом. В городе существовали профашистские группы, ждавшие прихода немцев. Они составляли списки коммунистов, комсомольцев, евреев, писали воззвания к народу. Одна из таких групп называлась «ЗИГ-ЗАГ», что расшифровывалось так: «Защита интересов Германии, знамя Адольфа Гитлера».

[1] Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. С. 164.

С первых дней блокады в Ленинграде шли аресты шпионов, диверсантов, парашютистов, мародеров, активных пораженцев и паникеров. Нередко это были жители города, завербованные в свое время немецкой разведкой. Среди них — «факельщики», светом ручных фонариков обозначавшие во время авианалетов объекты для бомбардировки и места, на которые можно было высадить десант.

Масштаб «пятой колонны» внутри блокированного Ленинграда можно представить по некоторым цифрам из справки начальника НКВД Ленинградской области П. Кубайкина в городской комитет ВКП(б) «О числе арестованных и осужденных за время войны с 5 сентября 1941 г. до 1 октября 1942 г.». В ней сообщалось, что Управлением НКВД арестовано 9574 человека, в том числе 1246 шпионов и диверсантов, засланных немецкой разведкой. Вскрыто и ликвидировано 625 контрреволюционных групп, в том числе 169 — шпионско-изменнических, 31 — террористическая, 34 — повстанческих. В числе арестованных 1238 бывших кулаков, торговцев, помещиков, дворян и чиновников; 2070 — рабочих, 2100 — служащих, 559 — интеллигенции.

За тот же период выселено из Ленинграда и пригородных районов 58 210 человек, социально чуждого элемента — 40 231 человек, бывших уголовников — 30 307 человек, а всего — 128 748 человек.

Органами милиции арестовано и предано суду 22 166 человек, в том числе: за бандитизм и разбои — 940 человек, грабежи — 1885 человек, кражи — 11 378 человек, хищение социалистической собственности — 1553 человека, спекуляцию — 1598 человек. Задержано и передано в прокуратуру города дезертиров и военнослужащих без документов — 10 288 человек.

Всего арестовано и предано суду органами НКВД и органами милиции 31 740 человек. По приговорам военных трибуналов расстреляно 5360 человек[1].

Наверняка, нынешние неолибералы «журналюги» и диссидентствующая публика расценят такие действия властей как чересчур жестокие. Я же считаю, что в условиях военного времени

[1] ЦГАИПД. СПб. Ф. 24. Оп. 2–6. Д. 1323. Л. 83–85. Подлинник.

они были совершенно необходимы. Ведь почти **32 тыс. арестованных — это по численности две полноценные дивизии. У арестованных были изъяты пулеметы, сотни автоматов, винтовок, пистолетов и ручных гранат**.

В этом я не вижу ничего удивительного. Напротив, было бы странно, если бы в Ленинграде, где всего 24 года назад находилась столица царской России, не осталось людей, враждебно относившихся к советской власти.

И не менее странным было бы, если бы в бывшем Санкт-Петербурге — «колыбели социалистической революции» основная масса жителей не встала на защиту завоеваний этой революции. Все именно так и происходило.

С первых дней войны райвоенкоматы были забиты людьми, желавшими уйти на фронт добровольно. В конце июня 1941 года началось создание Ленинградской армии народного ополчения, в которую ушли 130 тыс. человек. В Лужскую оперативную группу были переданы три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тыс. человек; 227 партизанских отрядов направлены в тыл врага.

Маршал Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет, что с июля и до конца 1941 года заводы Ленинграда изготовили более 700 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тыс. полковых и противотанковых пушек, около 10 тыс. минометов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тысяч реактивных снарядов и бомб.

На территории города ленинградцы соорудили более 4100 дотов и дзотов, а в зданиях — 22 тыс. огневых точек, установили на улицах 35 километров баррикад и различных противотанковых препятствий. Свыше 500 тыс. едва живых ленинградцев ежедневно выходили на строительство оборонительных рубежей.

Блокированный Ленинград стал городом-фронтом, городом-крепостью. Не вдруг, не сразу, но — стал...

Наивно думать, будто блокадники сами по себе разыскивали кто лом, кто лопату, толпами выходили по утрам во дворы домов, по щучьему велению и своему хотению строились в колонны, шли под дождем и снегом строить оборонительные сооружения. Голодные, замерзающие и испуганные люди не склонны к едине-

нию. Неведомо почему, но в критический момент жизни в умах многих людей возникает надежда спастись в одиночку или малой кучкой.

Единению ленинградцев предшествовало вдохновенное Слово, железная Воля тех, кому по служебным обязанностям выпала тяжкая доля организовывать тысячи полуживых людей на защиту города. И это были — умолкните, ненавистники правды! — партийные, комсомольские и советские комитеты и их работники. Этих людей было немного, всего несколько тысяч — на миллионы таких же голодных, таких же смертных, как все. Но их задача состояла в том, чтобы вывести людей из состояния животного страха, вселить в изуверившиеся души надежду на спасение. Где уговорами и внушением, где призывом к гражданским обязанностям, где — силой. Но главное — личным примером показать, как надо жить, работать и оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Как и все, страдая и умирая от голода и холода, как и все, погибая от бомб и снарядов, они делали свое дело: организовывали и налаживали общую работу.

Рыли окопы и траншеи, строили доты и дзоты, стояли у станков сотни тысяч людей — народ. Но ведь партийные, комсомольские, хозяйственные, военные и прочие работники были не что иное, как часть этого народа. Та часть породы людей того времени, чья жизнь была освящена чувством Долга, кто сознавал внутреннюю мощь своей натуры, вел народ к спасению и победе.

Теперь представим себе иную картину: Ленинград капитулировал. Что стало бы с жителями города? Попробуем рассуждать об истории в сослагательном наклонении: что было бы, если бы...

Нет, не остались бы живы ни ленинградцы, ни москвичи, ни русские, ни, уж тем более, евреи. Ясно это было и во время войны, и особенно сейчас, когда рассекречены документы спецслужб нацистской Германии.

Вот выдержки из книги В. Ямпольского «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (слова Гитлера, сказанные 31 июля 1940 года). Это сборник документов спецслужб СССР и Германии 1937–1945 годов. Один из документов под названием «Некоторые мысли об обращении с населением на Востоке», датируемый 25 мая 1940 года, составлен Гиммлером. В нем указывалось, что захваченные вос-

точные территории следует рассматривать как объект колонизации и германизации. С этой целью предлагалось расчленить проживающее здесь население на бесчисленное количество групп, что должно было препятствовать любым попыткам их объединения и дало бы возможность постепенно уничтожить один за другим славянские народы. Оккупационная политика, говорилось в этом меморандуме, должна быть направлена на то, чтобы превратить основную массу «инородческого населения» в полуграмотных рабов, которые могли бы считать не далее чем до 50, писать свое имя, беспрекословно подчиняться и знать Закон Божий. Процедуру германизации намечалось провести «путем отбора детей, которые должны отниматься у родителей, получать новое имя, посылаться в Германию и там ассимилироваться». Осуществление всей программы германизации было рассчитано на десять лет, после чего на Востоке осталось бы «неполноценное население», пригодное только для черных работ[1].

Замыслы германских нацистов по колонизации территории СССР, уничтожению местных жителей, заселению захваченных земель немецкими колонистами отражены и в генеральном плане «Ост», о котором уже говорилось. Этим планом предусматривалось выселить в течение 30 лет около 31 млн человек с территории Польши и западной части Советского Союза (80–85% польского населения, 65% населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Латвии, Литвы и Эстонии) и поселить на эти земли 10 млн немцев. В соответствии с этим планом должны были быть истреблены целые нации и народы — поляки, евреи, русские, украинцы, белорусы, а остальные подлежали онемечиванию и использованию в качестве рабов[2].

Есть сторона войны и Ленинградской блокады, очень слабо описанная в литературе: это эвакуация миллионов людей, предприятий и всевозможных ценностей из-под носа у быстро наступавших фашистских войск и (что звучит фантастически!) из железного кольца блокированного немцами Ленинграда. Мифотворцы усердствуют и на этой теме.

[1] Ямпольский В. Уничтожить Россию весной 1941 г. С. 233.

[2] Там же.

Между тем эвакуация была еще одним великим подвигом, совершенным советским народом и верховной властью Советского Союза. С первых, самых тяжелых месяцев войны с гитлеровской Германией всего за полгода из западных областей страны, где проживало 40% населения и было сосредоточено более 30% промышленного потенциала Советского Союза, на Урал, в Сибирь и Казахстан, Узбекистан, Киргизию и другие области было вывезено около 3 тыс. промышленных предприятий и 12 млн человек. Именно в этих краях, в далеком тылу, ставшем вторым фронтом, ковалось оружие Великой Победы.

Уже в 1942 году Советский Союз догнал и превзошел Германию в производстве танков, самолетов, пушек, стрелкового оружия и боеприпасов. Когда Гитлеру доложили, что Советский Союз производит ежемесячно по 600–700 самолетов и танков, он пришел в бешенство и не поверил этому.

История человечества и его войн не знает примеров эвакуации людей из осажденного города, подобного той, которая была осуществлена из блокированного фашистами Ленинграда: за год с небольшим из земного ада воздушным транспортом, по воде и льду Ладожского озера вывезли почти 1 млн 500 тыс. человек.

Не было бы эвакуации — не было бы и Великой Победы.

И все-таки десятилетиями мусолится нашими неприятелями на Западе и, мне кажется, тронутыми умом людьми внутри России вопрос не только о «цене» Великой Победы, но и отдельно — о «цене» Победы в битве за Ленинград. И кого же нам при этом ставят в пример? Францию. Дескать, сдались без боя — и все у них хорошо. Никаких вопросов о «цене» Победы. И это — Франция, имевшая сильную трехмиллионную армию и мощную оборонительную линию «Мажино», выстроенную специально на случай войны с Германией. А воевала она всего 45 дней...

Однажды на вопрос: «Почему Париж был сдан немцам без боя?» — мой собеседник-француз (дело было в Париже) без тени смущения ответил: «Но ведь Париж — это самый красивый город мира! Это достояние мировой культуры! Представьте Париж в руинах...»

Исторический факт: *президент* Франции Петен Анри Филипп и *премьер-министр* Франции Пьер Лаваль после войны были при-

говорены Верховным судом Республики *к смертной казни за предательство*. За предательство!.. Президенту смертную казнь позднее заменили на пожизненное заключение, а премьер-министр Лаваль был казнен *как изменник*... Париж-то сохранили. *А честь нации?*.. Это — «цена» поражения, «цена» позора на весь мир и на все времена.

«Цена» Победы в битве за Ленинград имеет два счета: первый — жертвы гражданского населения внутри города, второй — потери войск, защищавших Ленинград.

В редких случаях, когда в разговоре возникает тема блокады Ленинграда, вспоминают о Пискаревском кладбище, иногда называют даже цифру захороненных здесь — 642 тыс. человек (точная цифра — 641 тыс. 803 блокадника, погибших только от голода). И всё.

А ведь умерших хоронили и на других кладбищах — Серафимовском, Волковом, Красненьком. Только на Серафимовском покоится прах более 100 тыс. ленинградцев. Сколько на еще двух названных? Не знаем. Трупы сжигали в печах кирпичных заводов. Есть данные, что только за девять месяцев 1942 года (с 7 марта по 1 декабря) в городе было кремировано 117 300 трупов. Но были до этого еще шесть месяцев 1941 года, 12 месяцев 1943 года, месяц до снятия блокады... Нередко умерших сваливали неопознанными в снег, в овраги и засыпали землей: некому было выяснять имена-фамилии, не было сил рыть братские могилы. Сколько их, безвестно где погребенных? Каково же общее количество жертв мирных граждан, погибших в блокаде?

В исторических статьях мне встречались цифры 649 тыс., 700 тыс., 750 тыс., 800 тыс., 900 тыс., 1 млн, 1 млн 500 тыс. и даже 2 млн человек. Многие ученые считают, что полной картины нет и не будет. По поводу каждой цифры есть сомнения: одна — мала, другая — слишком велика. Но какую из этих цифр ни возьми, она ужасна и говорит об одном и том же: о небывалой и страшной трагедии жителей осажденного Ленинграда...

Было бы ошибкой считать жертвами блокады только тех, кто умер от голода, болезней, бомбежек и артобстрелов внутри блокадного кольца. Жертвы блокады — и те, кто умер от цинги, дистрофии, болезней сердца и психических потрясений за чертой

блокадного кольца: в поездах, которые долгими неделями ползли в «глубинку» — в приуральские, уральские, сибирские и среднеазиатские края.

«Князь мира сего» — Смерть, поселившись в тела и души блокадников в городе, не выпускала их из своих цепких лап и после того, как они покинули кольцо блокады, тряслась с ними в теплушках, добивала в поездах, а то и через несколько лет, на новых, уже безопасных местах жительства.

В раскопках эвакуационной истории мне встречались самые разные цифры погибших на эвакопунктах и по дороге в тыл: 20 тыс. человек, 100 тыс. В Интернете значится умопомрачительная цифра: по дороге к местам назначения умер *каждый четвертый* блокадник (VIP.lenta.ru).

В этом случае к названной цифре жертв блокады (допустим, что это 1 млн человек) надо прибавить еще одну... Получить ее нетрудно.

Известно, что с начала сентября 1941 года по 1 ноября 1942 года из Ленинграда были эвакуированы 1 млн 814 тыс. 151 человек. Четвертая часть этой цифры — не менее 454 тыс. человек. Тогда можно сказать, хотя в это не хочется верить, что *общее количество жертв блокады почти 1 млн 500 тыс. человек.*

Однако и здесь нельзя ставить точку: неучтенными остаются тысячи и тысячи блокадников, которых Смерть постигала через годы в тылу.

Как девочку Таню Савичеву, чей зимний дневничок когда-то потряс души людей всего мира. «Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.», «Дядя Лёша 10 мая в 4 ч дня 1942 г.», «Мама 13 мая в 7^{30} час утра 1942 г.», «Умерли все». «Осталась одна Таня».

В августе 1941 года Таню эвакуировали, но блокада все-таки догнала ее через три года и убила. Уже пятнадцатилетнюю. Таня *умерла в эвакуации* в июле 1944 года.

Ох, как же тяжело заниматься этой печальной «арифметикой», но. «Это нужно не мертвым, это нужно живым!..» Мир должен знать масштаб трагедии Ленинграда.

По официальным данным известно, что на 1 августа 1941 года в Ленинграде *и пригородах* проживало 2 млн 652 тыс. 461 человек. Известно также, что еще до начала блокады, с 29 июля по 26 авгу-

ста, Ленинград покинули 773 тыс. 520 человек. Часть из них — беженцы из Прибалтики. Какова эта часть — неведомо. Допустим, половина, т. е. более 380 тыс. человек. Тогда количество жителей Ленинграда, оказавшихся в блокаде, надо сократить на равнозначную цифру. Получается, что в осаде находилось около 2 млн 272 тыс. человек.

Повторимся: из этого числа (по нашему мнению) около миллиона погибли внутри блокадного кольца и, вполне возможно, 454 тыс. — за его пределами, в эвакуации. Иными словами, блокада унесла более половины, а может, двух из трех ленинградцев... Чудовищный факт, о котором мир не знает. Или не хочет знать? А ведь это — самый настоящий **геноцид** гитлеровской Германии в отношении жителей Ленинграда. Известно, что такой же метод собирался применить Гитлер и к Москве: окружить столицу и уморить ее жителей голодом...

Принято считать, что за годы Второй мировой войны из 15 млн живших по всему миру евреев немцы уничтожили **каждого третьего**. Мир с гневом признал: это — **холокост** (*англ.* holocaust). Говоря по-русски — катастрофа. Вина нацистов и их пособников, беда еврейского народа несомненны. Но в чем заслуга еврейского государства? Еврейской армии в те годы не существовало. Некоторые евреи воевали в Красной армии, но и на стороне Гитлера.

Между тем в качестве компенсации ФРГ выплатила Израилю 5 млрд марок, сотням тысяч евреев Германия назначила солидную пенсию. До сих пор в Израиле действуют разные комиссии, которые не дают покоя то швейцарским банкам, где в годы войны хранились деньги богатых евреев, то предприятиям разных стран, союзниц Германии, где евреи работали на немцев... И те оправдываются, оправдываются, откупаются, откупаются...

В июне 2008 года, через 63 года после победы над Германией, парламент Израиля приравнял евреев, переживших блокаду Ленинграда, к жертвам холокоста. И что тут скажешь? Каждый народ сам определяет свою миссию на земле и относится к себе так, как считает нужным.

А мы — русские. Мы умирали в боях. И за евреев — тоже. Ну что с того, что немецко-фашистская орда, финская армия и испан-

ская «Голубая дивизия» уморили голодом миллион — полтора миллиона ленинградцев — двух из трех блокадников?

А вот еще один, второй счет жертвам Победы в битве за Ленинград, за прорыв блокады, еще более страшный...

За 872 дня битвы за Ленинград погибли 949 тыс. 254 советских солдата, матроса и офицера, были ранены 1 млн 947 тыс. 770 советских бойцов...

На невском «Пятачке» — узкой полоске земли шириной от 300 до 500 метров и длиной в километр на левом берегу Невы, в непосредственном соприкосновении с врагом, за два года погибли 50 тыс. солдат. «Пятачок» этот буквально устлан телами советских солдат и офицеров, местами в два-три ряда...

Только убитыми *в этих* сражениях наша армия потеряла почти *на треть больше*, чем США и Великобритания *за всю* Вторую мировую войну, начавшуюся в 1939 году: Соединенные Штаты — 405 тыс. 399 человек, Великобритания — 286 тыс. 200 человек. Вместе взятые невосполнимые утраты США и Великобритании — 691 тыс. 254 человека.

«Вот как надо воевать! — скажут „инакомыслы". — У двух стран невосполнимые потери менее 700 тыс. человек за шесть лет, у одного Советского Союза — без малого 950 тыс. за два с половиной года; у них — во всех сражениях, у нас — в битве за один город...»

Однако манипуляция цифрами, игра словами — опасная вещь. Надо знать реальную историю Второй мировой войны и войны Великой Отечественной.

В настоящую кровавую войну, на которой ранят и убивают десятки тысяч воинов каждый день, как уже говорилось, американцы и англичане вступили лишь с открытием так называемого второго фронта только 6 июня 1944 года — всего за год с небольшим до окончания этой войны, когда всему миру стало ясно, что Советский Союз добьет Гитлера в одиночку. А до этого «союзники» выжидали кто — кого: Гитлер — Сталина или Сталин — Гитлера?..

Между тем был момент, когда Сталин не исключал поражения СССР в войне с Гитлером, если будет воевать единолично, без помощи союзников. В этом не было надуманности, а только трезвый взгляд на ситуацию. Еще 3 сентября 1941 года Сталин писал Чер-

чиллю: «...Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи уверены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Советский Союз поставлен *перед смертельной угрозой*... Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам...»[1]

Даже английский посол в СССР С. Криппс 4 сентября 1941 года писал Черчиллю: «Опасаюсь, что уже сейчас *почти поздно* помочь...»[2]

Бывший премьер Великобритании Л. Джордж в августе 1941 года говорил: «Оттягивая на себя *почти всю германскую армию*, СССР сейчас, как и Россия в прошлую войну, опять спасает Англию... *Исход всей войны сейчас зависит от СССР*...»[3]

Не англичанам, не французам и не американцам учить русских военному искусству. Почему-то все будто забыли, что еще в самом начале Второй мировой войны, в 1940 году, англичане едва не потеряли всю свою армию. От поражения их спасло чудо, точнее — до сих пор необъяснимый приказ Гитлера остановить преследование окруженных английских и французских войск общей численностью в 338 тыс. человек, отступавших к городу Дюнкерку, у самых берегов Ла-Манша, где их ждал неминуемый конец. Восемь дней войска эти в панике переправлялись на свой берег...

На мой взгляд, именно битва за Ленинград была **главным и решающим моментом Великой Отечественной, а значит — всей Второй мировой войны**.

Однако о блокаде Ленинграда и битве за Ленинград ни европейцы, ни англичане, ни тем более американцы не имеют ни малейшего представления.

Если бы СССР проиграл войну, все было бы так: Париж и Лондон, возможно, носили бы ныне те же названия, но хозяйничали бы в них не французы и не англичане, а немцы; Соединенные Штаты находились бы во внешнем управлении Германии, и стра-

[1] Сталин И. Соч. Т. 15. Ч. 1. С. 114.

[2] Там же. С. 116.

[3] Там же. С. 115.

ной руководил бы, быть может, все-таки президент США, но решения свои он согласовывал бы с Берлином... Рука Великой Германской империи дотянулась бы до США, ибо в ее владении уже была вся Западная, Восточная и Северная Европа плюс Советский Союз — практически большая часть мира. Гитлер зоологически ненавидел Америку, а Япония уже воевала с ней, и атака на Пёрл-Харбор показала — американцев можно побеждать. Даже англичане скептически относились к воинской доблести американских солдат.

Первая попытка прорыва блокады была предпринята в январе 1942 года, но закончилась неудачей. С разрывом в месяц последовали еще четыре — безуспешные.

Блокада Ленинграда была полностью снята 27 января 1944 года, когда Красная армия уже гнала фашистов по территориям европейских стран, по их собственной, германской, земле.

В честь этого знаменательного события в 2004 году была учреждена государственная награда «60 лет со дня полного снятия блокады Ленинграда», а гораздо раньше, еще в советские времена, 23 января 1989 года, Ленгорисполком учредил знак «Жителю блокадного Ленинграда». Награжденные этим знаком согласно принятой Государственной Думой России поправке к Закону «О ветеранах» от 4 мая 2000 года приравнены к статусу «Ветеран Великой Отечественной войны». Награды эти я имею, горжусь ими, а все же всякий раз, когда ко Дню Великой Победы 9 мая получаю поздравление Президента России как ветеран той войны, где была жизнь в блокаде и эвакуация, смущаюсь: ну, какой я ветеран войны — в те годы мальчишка-малолетка?..

Впрочем, с той поры прошло уже 70 с лишним лет...

Ныне порой можно услышать: «Солдаты не хотели воевать, бежали с фронта, отступали в панике. Молодежь не хотела идти на призывные пункты, пряталась по лесам. Колхозники с радостью встречали немцев и служили им. Среди офицерства царило предательство». Боже, чего только не узнаешь сегодня от «историков»-троечников, с трудом окончивших какой-нибудь захудалый вузик. Бывало ли такое, о чем они талдычат с экранов телевизора, в газетах и журналах? Бывало. Всякое бывало. Но разве это было главным?..

В массе своей Дух времени определяли героизм и любовь к своему Отечеству. Красная армия была народной, была продолжением народа и социалистического Отечества. Поэтому и война была поистине Отечественной. Народ любил свою армию, ибо знал, что армия — это он сам в своем физическом и духовном единообразии.

Советский солдат был солдатом совсем иного типа, чем солдат немецкий. Сознание, что он защищает свою семью, свою страну и высокую Идею, возносило его, простого человека, к вершинам нравственности — чести, долгу, самоотверженности. Такой солдат не принадлежит к категории бездушной «боевой единицы» или «пушечного мяса». Именно поэтому героизм и подвиг в Красной армии были явлением не единичным, а массовым, как на фронте, так и в тылу. Фронт и тыл слились воедино. Фашизму противостояло «военное общество», где стар и млад были едины в своей любви к Отечеству и готовности на любые жертвы ради его блага в роковой час. А выродки, а нравственные уроды — разве о них речь?

У нашей семьи к войне, как и у большинства семей, живших в ту далекую пору, есть свой горький счет. Я не стану рассказывать, какие мытарства пережили мы в самой блокаде, а потом, находясь в эвакуации в глухой таежной деревеньке Петушихе Маслянинского района Новосибирской области. Это отдельная тема, описанная мною в документальной повести «Живу и помню», вышедшей в начале 2014 года. Там, в Петушихе, моего брата догнали и добили болезни, полученные в блокадном Ленинграде. В марте 1947 года, уже после Победы, он умер.

А еще раньше, в начале августа 1944 года, погиб на фронте мой отец, Ильинский Михаил Федорович, лейтенант, командир взвода батареи 45-миллиметровых пушек 884-го стрелкового полка 196-й Гатчинской стрелковой Краснознаменной дивизии Ленинградского фронта. Воевал и погиб как настоящий герой...

В мае 2014 года на сайте «В памяти народной» моя дочь Наталья нашла два наградных листа, в которых есть графа «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига и заслуг».

В первом Наградном листе командир 884-го стрелкового полка майор Таричев, отметив, что лейтенант Ильинский уже награжден

медалью «За оборону Ленинграда», 29 апреля 1944 года написал: «В боях с немецкими захватчиками с 4 по 16 апреля 1944 года в районе с. Староселье Ленинградской обл. лейтенант Ильинский проявил мужество и отвагу. Сам лично вел наблюдения и производил наводку орудий. Прямой наводкой из орудия отбил танковую контратаку немцев. Его взвод отлично выполнил боевую задачу, уничтожив 5 пулеметных точек и до 45 немецких солдат и офицеров. Его взвод все время находился в боевых порядках стрелковых подразделений. Будучи ранен, т. Ильинский не ушел с поля боя и продолжал громить врагов. Т. Ильинский достоин награждения орденом Красной Звезды».

Отец был награжден этим орденом, прислал нам в Петушиху фотографию, на которой он, поседевший, стоит в кругу своих боевых товарищей-орденоносцев.

Во втором Наградном листе описан подвиг отца, за который он был представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени: «В боях с немецкими оккупантами с 30.07.44 г. по 7.08.44 г. личный состав его взвода работал исключительно хорошо. Уничтожено до шестидесяти немецких солдат и офицеров, восемь пулеметов, четыре наблюдательных пункта, два блиндажа, до восьми снайперов. Тов. Ильинский М. Ф. своим личным примером показал, как надо метко бить, правильно маневрировать орудием. При прорыве обороны немцев делал орудие кочующим, чем позволил сохранить матчасть и давал возможность нашей пехоте продвигаться от рубежа к рубежу. Был ранен, но не ушел с поля боя, продолжал выполнять задачу и вторично был ранен тяжело, истекая кровью, не хотел уходить в санчасть.

Тов. Ильинский достоин награждения орденом „Отечественной войны“ II степени».

Отец был награжден этим орденом, но не успел его получить — умер. В справке Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ (архив военно-медицинских документов, отдел № 6 от 28.09.2006 № 6/4/2-721), выданной по моему запросу, написано:

«Лейтенант Ильинский Михаил Федорович на фронте Великой Отечественной войны получил слепое пулевое ранение пра-

вой ягодицы и левой поясничной области, проникающее в брюшную полость, с повреждением петель тонкого кишечника в 3-х местах, толстого кишечника в 3-х местах и корня брыжейки. Умер 3 августа 1944 года. Основание: запись № 177 в алфавитной книге 99 МСБ за 01.08.1944 г., л. 121.

Начальник 4 отделения *Буштак*».

Оба ордена и медаль вместе с похоронкой переслали матери моего отца, моей бабушке Татьяне Семеновне Ильинской в деревню Асужнево Калининской (ныне Тверской) области. Когда после войны мы встретились, она передала нам эти награды, и мы как святыню храним их в моей семье...

Боль и память об отце — всю жизнь в моем сердце, они же породили в моей душе чувство гордости за то, что у меня был и есть вот такой, геройский отец, отдавший свою жизнь за то, чтобы жили мы. Отец и брат — вот цена Победы за Родину, за город Ленинград нашей семьи.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Новый этап холодной войны

Завершить свое повествование о мифах по поводу истории Великой Отечественной войны и Великой Победы СССР над фашистской Германией, на мой взгляд, следует напоминанием о том, что, задумав уничтожить Россию — своего главного геополитического противника еще в 1917 году, Соединенные Штаты Америки взрастили (не в одиночку, нет, не в одиночку!) нацистскую Германию, вскормили Гитлера, но, как говорится, фокус не удался: фашизм был разгромлен. У Черчилля родилась идея: разбить обескровленного победителя — СССР, пока он не успел опомниться, объявив ему войну объединенными вооруженными силами США, Великобритании и остатками боеспособных немецких дивизий. Так родился в мае 1945 года секретный план «Немыслимое» о начале Третьей мировой войны 1 июля 1945 года. Почему не сложилась эта затея, уже говорилось.

Тогда началась холодная война, продолжавшаяся более 45 лет. СССР был уничтожен объединенными усилиями Запада во главе с США, предателей в лице высшего руководства СССР, а также «пятой колонны», выпестованной врагами за долгие годы противоборства внутри страны.

«Новая» Россия была поставлена на колени экономически. В ходе постыдных ельцинских «реформ» разгромили ее Вооруженные силы, страну посадили на «продовольственную иглу», запрягли в «политическую упряжку» США, придвинули войска и базы НАТО к ее границам на расстояние полета ракет средней и ближней дальности. Казалось, добились своего. Забыли, однако, о той великой силе, которая не подвластна ничьей воле, — о национальной гордости великороссов.

В 2010 году Президент России В. В. Путин на мюнхенском саммите, глядя прямо в глаза лидерам западных держав, заявил, что Россия категорически не приемлет однополярный мир.

США и их союзники взбесились, стали действовать в нарушение всех норм международного права, в обход решений ООН, как это было в Югославии и Ираке, не говоря уж о неприятии политики, которую стала проводить Россия. Последней точкой разрыва «джентльменских» отношений стали вхождение в состав России Крыма, события на юго-востоке Украины, сопротивление политике США в отношении Сирии. США и Европа под нажимом «старшего брата» объявили России экономические санкции, а по сути, объявили ей экономическую войну, развернули в своих странах бешеную антироссийскую пропаганду, подчеркнув тем самым, что холодная война против России с уничтожением СССР не прекращалась, а лишь поутихла.

Может случиться так, что у России не останется иного выхода, как свернуть до минимума свои отношения с Западом и взять на себя роль лидера глобального сопротивления господству США и Запада в остальной, огромной части мира. Так уже и происходит.

«Железный занавес» сегодня крайне нежелателен, а по сути дела, и невозможен. Но разумная самоизоляция — вполне. При известных условиях это неизбежная позиция, если альтернатива — самоунижение, самоуничтожение, или насильственная смерть под напором извне, а также «пятой колонны» изнутри. Таков один из

вариантов возврата к биполярности, а в последующем — и к многополярности мира.

Жесткое противостояние очевидно. Для того чтобы США и их союзники обрели желаемые экономические и политические выгоды и установили новый мировой порядок, необходимо, чтобы подавляющее большинство стран отказались от того порядка, который установился после Второй мировой войны. Абсолютное большинство добровольно это не сделает. Для глобалистов остается единственный путь — насилие, т. е. война.

Сегодня многие придерживаются точки зрения, согласно которой все происходящее в современном мире есть завершающая стадия холодной войны, на которой победители (по праву!) делят свои выгоды и устанавливают тот образ и порядок жизни, ради которого и велась эта война. Поскольку, как полагают они, победили силы Добра, то этот этап человечеству надо просто пережить, перетерпеть, после чего наступит пора спокойного и устойчивого развития мирового сообщества на пути добрососедства, согласия, мира и благополучия. Но это наивный взгляд, не более чем очередная иллюзия.

На глазах изумленного человечества в движение приведены такие мощные силы национализма и сепаратизма, на «теле» многих географических пространств (прежде всего — на постсоветском и восточноевропейском) обозначились такие трещины и разломы, из которых, как во время землетрясений, вырвалась такая мощь огня и жара, что годы прошлой холодной войны кажутся благостным миражом.

Задумаемся: если и в самом деле именно агрессивность СССР являлась главной причиной глобальной полицейской и военной вахты США и Запада на всем протяжении холодной войны, то почему, одержав победу в этой войне, устранив опасность этой мнимой агрессии, власти Соединенных Штатов Америки не закрыли НАТО, не увели свои легионы с почти 200 военных баз, расположенных во многих десятках стран планеты? Не возвратили к своему побережью флот, контролирующий мировую акваторию? Не сократили военный бюджет? Уменьшившись с 1991 по 1995 финансовый год с 310 до 260 млрд долл., он постепенно возвращается к прежним параметрам. На 2015 финансовый год уже

предусмотрены расходы почти в 400 млрд долл. Недавно конгресс США выделил дополнительно 17 млн долл. и еще 1 млрд на помощь Украине. Американская военная стратегия базируется на присутствии 100 тыс. американских военнослужащих в Европе, такого же числа в Азии, 25 тыс. на Ближнем Востоке. В постоянной готовности находятся 12 авианосных групп.

В чем дело? Ответ может быть только один: поскольку главная стратегическая цель — установление нового мирового порядка в результате холодной войны все-таки еще не достигнута, то войну следует продолжать. Но это будет уже не та долгая холодная война, о которой говорилось. При сохранении стратегических целей речь идет о войне нового типа: новой по видам и формам, новой по содержанию, новой по методам ее ведения. Речь идет о «холодной» прелюдии к Третьей мировой — «горячей» войне.

Не слишком посвященный в геополитическую проблематику, прозападно настроенный читатель может усомниться в самой постановке вопроса о новом этапе холодной войны и возможности ее перехода в «горячую» фазу мировой войны. Таких людей, особенно среди молодежи, сегодня, увы, предостаточно. Чтобы убедить неверующих, приведу выдержки из трех американских источников высшего уровня авторитетности. Они раскрывают геополитические цели США.

Вот, для начала, заключительные фразы из выступления бывшего президента США Д. Буша на съезде республиканской партии США 20 августа 1992 года, в ходе его борьбы с Б. Клинтоном за президентское кресло, т. е. в то самое время, когда Запад, и прежде всего США, были опьянены своей «победой» в холодной войне. Цитирую: «И сегодня вечером я говорю вам: присоединяйтесь ко мне в нашем новом крестовом походе, чтобы пожать плоды нашей глобальной победы, чтобы выиграть мир (планету, Землю! — *И. И.*), чтобы мы могли сделать Америку безопасной и более сильной для нашего народа. У нас появилась редкая и беспрецедентная возможность поставить сладкую чашу процветания на наш американский стол.

Да благословит вас Бог...»[1]

[1] Компас: аналитическое издание ИТАР-ТАСС. 1992. № 167. 31 августа. С. 16.

А вот выдержка уже из выступления Билла Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года. Этот программный документ сопоставим разве что с известным заявлением Аллена Даллеса, которое я цитировал выше в одной из глав данной книги.

«...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы не легко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд долл., сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 млн долл., а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще недостаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач:

— всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий;

— особенное внимание уделить президентским выборам. **Нынешнее руководство страны** (Ельцин и К°. — *И. И.*) **нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы**.

Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное „полевение“ нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

— расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;

— окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;

— установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США» [1].

Государственный секретарь США М. Олбрайт, выступая на Российско-американском совете делового сотрудничества в Чикаго 2 октября 1998 года, развила эти мысли: «Наша задача состоит в том — поскольку это в наших интересах, — чтобы **управлять последствиями распада** советской империи».

[1] Цит. по: Мирная интервенция // Наш современник. 1999. № 2. С. 166–167.

И вот, наконец, выдержки из документа под названием «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия», одобренная администрацией Б. Клинтона. «В настоящий момент Соединенные Штаты призваны играть руководящую роль — быть организатором сил мира и прогресса, направлять стихийные процессы мировой экономики в позитивное русло, способствовать нашему (их! — *И. И.*) процветанию, укреплять наши (американские! — *И. И.*) идеалы и ценности, создавать гарантии нашей (т. е. опять же их, но не нашей с вами! — *И. И.*) безопасности. <...> Наш стратегический подход основан на признании того, что мы должны лидировать в мире, если мы хотим в своей стране чувствовать себя в безопасности.

Мы должны быть готовы к тому, чтобы использовать все необходимые инструменты национальной мощи для оказания влияния на те или иные действия других государств и негосударственных объектов национальных отношений. <...>

Мы должны четко проявлять свою волю и способность **к глобальному лидерству**» [1].

Могут ли США упустить этот шанс? На этот счет не надо строить иллюзий и прогнозов. Ответ уже дан: ракетные удары по Судану, Афганистану, война в Югославии, Ираке, Ливии. Самоуверенность американцев поощряет то, что силовые возможности США сегодня велики как никогда. Военная мощь страны превосходит совокупную военную мощь десяти следующих за нею крупнейших держав мира [2]. Америка входит в важнейшие союзы. Их преобладание и растущий вес в Западном полушарии обеспечивает НАФТА. Североатлантический союз (7,5 млн военнослужащих) не имеет конкурентов на планете. Даже самые осторожные пессимисты признают, что несказанно благоприятное стечение обстоятельств гарантирует Америке минимум 20 лет безусловного мирового лидерства.

Соперников пока не видно даже на горизонте. Опасения США 80-х годов XX века, что Япония и Западная Европа развиваются быстрее их, канули в прошлое. «Во всех практических смыслах, — размышляет Рональд Стил, — Америка неуязвима.

[1] Независимая газета. НГ-сценарии. 1999. № 2.

[2] Уткин А. И. Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000.

Ей не грозит никакое вторжение. Она не зависит от внешней торговли... Она кормит себя сама. Она имеет союзников и при этом не зависит от них. Она никогда не зависела от них даже в годы холодной войны. Соединенные Штаты распространили сеть военных баз, и созданы эти базы не ради самозащиты». «Никогда со времен Древнего Рима, — пишет Чарльз Мейнс, — отдельно взятая держава не возвышалась над международным порядком, имея столь решающее превосходство»[1].

Кто противник?

С уничтожением СССР конкретные противники как таковые в их традиционном представлении у США и его союзников исчезли. Против кого же тогда они продолжают бороться? Борьба шла и идет не против «кого», а против «чего». Прежде всего против установившегося после Второй мировой войны порядка, в основе которого лежало международное право и созданный ООН механизм разрешения локальных конфликтов и войн, предотвращающий возможность возникновения крупномасштабных и мировой войн. Пока существует старый мировой порядок, не может утвердиться новый. Ибо за абстрактным понятием «мировой порядок» стоят созданные для его поддержания идеи, системы ценностей, концепции, доктрины, нормы, правила, законы и целые отрасли права, не говоря уж об огромном количестве разного рода международных организаций, и прежде всего Организации Объединенных Наций (ООН) с ее Советом Безопасности, а также Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

США когда-то демонстративно вышли из состава ЮНЕСКО. Потом, поставив во главу ЮНЕСКО «своего» человека, США вошли в эту организацию снова. ООН как прототип «мирового правительства» их сегодня не устраивает, поскольку Совет Безопасности работает на основе консенсуса, а это значит — руки США постоянно связаны.

[1] Независимая газета. НГ-сценарии. 1998. № 12. С. 4.

Идеальным инструментом в борьбе с существующим мировым порядком и установлением нового является НАТО. На юбилейной сессии НАТО в апреле 2003 года была одобрена новая стратегическая концепция этой организации, которая некогда была создана для оборонительных целей. Теперь эта стратегия превращает НАТО в наступательную, завоевательную организацию. Достаточно сказать, что теперь НАТО, не испрашивая разрешения Совета Безопасности ООН, самостоятельно решает, где и когда начинать войну, защищать «свои» интересы там, где НАТО обнаружит их нарушение или ущемление, и т. д. Где расположены «эти интересы», насколько расширительно их толковать, что означает их ущемление, когда это случится — все эти вопросы США и их союзники по НАТО решают сами, независимо от существующих законов и международных организаций. Реального противника в нынешней разгромленной международной ситуации можно придумать практически в любой момент.

По сути дела, потенциально противником США и их союзников является весь остальной мир, который хотел бы сохранить миропорядок, установившийся после Второй мировой войны.

Сама бесконечная кризисность мира становится поставщиком противников для США и НАТО — им они необходимы для демонстрации своей силы, воли и, как они надеются, умения управлять миром. Им необходим хаос, ибо только из него и может вырасти «новый американский порядок». И если вдруг жизнь начинает стабилизироваться, это беспокоит США и НАТО. Они тут же что-то придумывают, чтобы дестабилизировать ситуацию. В принципе можно было бы разработать доктрину глобальной игры под названием «Контролируемая деструкция» или «Организованный и управляемый хаос». Вполне вероятно, что она существует, как это было во время холодной войны.

Вдумайтесь в историю «новой» России. Как только политическая обстановка начинала в ней утихомириваться, как только появлялись первые проблески социально-экономической стабилизации, как тут же в стране происходило нечто невероятное. Расстрел Белого дома. «Черный вторник». Отставка правительства. «Черный август». Никому не хочется верить в то, что за всем этим, кроме радикализма «реформаторов», глупости и воровато-

сти ельцинских властей, стоял еще кто-то. Но давайте спросим себя, что делали в России около 20 тыс. западных, в основном американских, советников, среди которых, убежден, как минимум каждый второй был агентом ЦРУ? Уверен, что они свой «хлеб» отработали сполна.

Политический и экономический хаос повелительно вынуждал российские власти искать выхода из кризиса. На сложные и умные решения они были не способны. Тогда им в очередной раз предлагался «простой» и широко распространенный выход из положения — очередной кредит у МВФ. И они это делали. Успех данной стратегии создавал для США и НАТО отличные условия для их управления разнообразными политическими, экономическими и социальными процессами в России.

Ибо, находясь в сложном положении, наши правители были вынуждены следовать определенному универсальному своду правил — своего рода «кодексу должника», который предполагает выполнение ряда обязательных условий для получения помощи по выходу из кризиса.

К разряду тонких технологий холодной войны, которые обеспечили США успех, относится ее особая скрытность. Подчеркиваю — особая. Ибо разведка и разного рода тайные приемы в войне, как известно, применяются издревле. Но холодная война со стороны США выступает как супертайная борьба. Многие исследователи полагают, что перенос центра тяжести на тайные операции обеспечил коренное изменение всего хода холодной войны, сыграл решающую роль в уничтожении СССР.

Тайными операциями США руководила рабочая группа по делам национальной безопасности, в которую входили президент США, вице-президент, директор ЦРУ, руководитель Госдепартамента и Министерства обороны, советник президента по делам национальной безопасности. Особую роль играл директор ЦРУ, который имел рабочий кабинет в Белом доме, круглосуточный доступ к президенту и держал в своих руках все приводные ремни тайных операций. Ни у кого, кроме перечисленных лиц, не было полного представления о замыслах, целях и планах этих операций. Записи на заседаниях группы велись на листах, которые нельзя было выносить из зала заседаний, они хранились

в секретных делах президента. По вопросам тайных операций члены рабочей группы никогда не советовались с конгрессом, сенатом, Верховным судом. Иными словами, подготовка и осуществление тайных операций тщательно скрывались не только от государств, против которых они были направлены, но и от американского народа, общественности, средств массовой информации.

Взаимодействие спецслужб и разведок, министерств, политических, предпринимательских, информационных и других организаций многочисленных государств, принимавших участие в тайных операциях, налаживалось и регулировалось непосредственно членами рабочей группы по делам национальной безопасности, прежде всего начальником ЦРУ, секретарем Госдепартамента и министром обороны. Тайные операции финансировались по особым каналам, и расходы на них не отражались в государственном бюджете[1].

Не стоит сомневаться и в том, что тайные связи с США и другими странами Запада держит множество «агентов влияния» во множестве разного рода структур России, в том числе, думаю, и государственных.

Цель и форма войны: глобализация по-американски

Мировое господство, новый мировой порядок — это глобальная цель. Традиционный способ достижения этой цели известен со времен Римской империи до Наполеона и Гитлера: вооруженная борьба массовых армий с целью уничтожения противника, оккупация его территории, захват материальных богатств, истребление части и порабощение оставшегося населения побежденных стран.

Повторюсь: новая концепция войны отодвигает вооруженные формы ее ведения на крайний, последний случай. Зачем бомбить заводы и фабрики, стирая их с лица земли, чтобы потом восста-

[1] Серебрянников В. В. Социология войны [гл. «Холодная война, как социально-политический феномен»]. М., 1997. С. 294–296.

навливать, если есть разного рода «идеальные» (от слова «идея»), «социальные», «информационные», «психологические» и прочие «бомбы», которые в совокупности не менее эффективны, чем ядерное оружие? Если есть различного рода социальные технологии проведения как оперативных, так и крупномасштабных глобальных операций, позволяющих достигать свои цели незаметно для противника?

В США и других странах Запада в годы холодной войны под большим секретом функционировало множество институтов, научных центров, лабораторий, в которых трудились лучшие профессора ведущих университетов. Они разрабатывали новые виды оружия, новые технологии ведения войны нового типа.

Теперь известно, что только в США было 284 советологических центра[1], на самом деле, думаю, еще больше. Подобные центры работали в ФРГ, Франции, других странах. Изучали все: экономику, политику, культуру, образование и т. д.; регионы СССР, вплоть до уральских, алтайских, дальневосточных областей, Украину, народы СССР, главным образом русских, а также славянские народы; советского человека как такового — его психологию, культуру, привычки поведения и т. д. Из 284 советологических центров название 24 начинались со слова «русский»; 21 центр изучал СССР, прежде всего Россию.

Не удивлюсь, если однажды узнаю, например, что и Ф. Фукуяма, и С. Хантингтон — не просто умные люди, профессора и высококвалифицированные футурологи, но и сотрудники каких-либо суперсекретных центров стратегических исследований. И хотя они высказывали фундаментально противоположные точки зрения на ход мировой истории[2], противоречиво-противоположные позиции Хантингтона и Фукуямы странным образом прекрасно укладываются в одну-единственную очень целостную внешнеполитическую доктрину страны, гражданами которой они являются,— США. Более того, вдруг ловишь себя на мысли, что внешнеполитическая доктрина США не просто вбирает в себя эти

[1] Шевякин А. В. Загадка гибели СССР. М.: Вече, 2003. С. 341–352.

[2] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

противоположные концепции, но как бы базируется на них. Может быть, что это вовсе и не научные, а политические подходы, облеченные в научную форму, в которых желаемое выдается за действительное, субъективное — за объективное, тайное — за явное. Иначе говоря, миру предложен социальный прогноз под прекрасно исполненный социально-политический заказ. Почему бы и нет?

Ведь торжество и распространение либерализма (Фукуяма) — это торжество и распространение американизма, ибо Америка — родина либеральной идеологии и, как принято считать, лучшая высшая форма ее воплощения в реальность, торжество и распространение американской модели демократии, американских ценностей, американской культуры и американского образа жизни. Одним словом, «американской цивилизации». Но это и есть стратегическая цель США, которой они не скрывают.

А идея столкновения цивилизаций? Пусть, скажем, исламский мир ужесточает религиозную борьбу с христианством, а США и Запад между тем будут утверждать в мире, в том числе в исламском и христианском, свою веру, свою «религию» — либерально-демократическую протестантскую; будут агрессивно проводить вестернизацию, а точнее — американизацию планеты.

Администрация США уже давно применяет новый стратегический подход: для утверждения своего мирового лидерства не просто использует уже существующие межгосударственные и различные глобальные конфликты, не просто реагирует на них, но провоцирует и организует хаос, из которого вырастают конфликты, требующие стороннего вмешательства в их разрешение. Старое как мир правило: «Разделяй и властвуй».

Не надо быть политиком или ученым, чтобы видеть: уже давно внешняя политика США строится именно на этом принципе. Разговоры о дружбе и интеграции, в том числе и с Европой, — это попытки договора между удавом и кроликом, который может «интегрироваться» с удавом, только будучи проглоченным.

Фундаментальные, да еще правдоподобные социальные прогнозы тем и интересны, что после их появления на свет во всем мире на них набрасываются миллионы исследователей и журналистов, в большинстве своем не способных к самостоятельному

анализу глобальных процессов и тем более к социальному прогнозированию. Они создают на основе этих «предсказаний» миллионы статей, брошюр, книг, теле- и радиопередач, прочитав, просмотрев, прослушав которые уже не поймешь, сколько в них объективного начала, а сколько субъективного, в том числе злого умысла, сколько правды, а сколько лжи и обмана. Но цель достигнута: глобальная идея с языка запредельных абстракций переведена на язык «божьих коровок», «разжевана», затем и «проглочена» сотнями миллионов обывателей — читателей, телезрителей, радиослушателей. С точки зрения «заказчика», это означает: психологическая («бомбовая») обработка социального пространства проведена; можно пускать вперед «наземные» силы в фигуральном (политиков, дипломатов) и буквальном смысле этого слова.

И тут происходит «чудо»: научные предсказания начинают сбываться! Но вовсе не потому, что столь точным был прогноз, а потому, что военная операция была грамотно спланирована, что ее осуществление было прекрасно обеспечено во всех отношениях: научно, информационно, материально, технически, кадрово и т. д. Тут дело уже не в целях, а в средствах. А в этом смысле американцы молодцы.

Но если относительно политической ангажированности Фукуямы и Хантингтона еще есть сомнения, то Збигнев Бжезинский — бывший помощник президента США по вопросам национальной безопасности, член тайного Бильдербергского клуба и тайной Трехсторонней комиссии, которыми руководят Рокфеллеры, Ротшильды и прочие «хозяева» мира, т. е. человек, допущенный к высшим государственным секретам, — никаких сомнений на этот счет вызывать не может и не должен. Его прогнозы о развале СССР, увы, сбылись, а относительно России и других стран СНГ начинают сбываться. И дело тут, я думаю, не только в том, что Бжезинский умен. Это факт. А в том, что сильна и последовательна в достижении своих целей Америка. СССР развалился не потому, что должен был и не мог не развалиться, а потому, что его согласно тайному плану разваливали, уничтожали объединенные внешние силы, внутренняя тайная «пятая колона» и несколько предателей высшей власти.

Затевая новый передел мира, утверждая свое мировое господство и новый мировой порядок, США, точнее, их «мозговые центры», не могли не понимать, что и теперь этот процесс будет сложным, трудным и достаточно долгим (такова его сущность, природа). Они не могли, следовательно, не озаботиться тем, как упростить и облегчить этот процесс и эту деятельность. Это возможно при одном непременном условии: если этот процесс будет восприниматься (первая психологическая ловушка!) как процесс естественный, объективно-предопределенный, более того — объективно необходимый человечеству в силу его полезности.

Интернационализация капитала и формирование единой мировой экономики вполне отвечали этим их требованиям. Оставалось умело пристроиться к этому объективному процессу, «оседлать» его и управлять им в своих интересах, подводя под категорию объективного, а значит, необходимо неизбежного все, что этим интересам отвечает, и отбрасывая то, что им противоречит. Процессу было дано новое название — глобализация. Были найдены движущие субъекты этого процесса — транснациональные корпорации (ТНК) и отдельные личности типа Д. Сороса, задача которых состоит в том, чтобы ускорить этот процесс, придавая ему все более четко заданное направление — либерализация экономик стран всего мира.

На мой взгляд, глобализация, по поводу природы и сущности которой среди специалистов идут жаркие споры, — это самое сильное, дьявольское оружие, изобретенное США. Двойственный характер глобализации, ее объективная основа позволяют США и союзникам действовать открыто, «честно» и «доброжелательно». Хотя на самом деле мы являемся сегодня свидетелями Всемирной капиталистической революции, цель которой — насильственное навязывание либерально-демократических ценностей всем нациям и народам.

Глобализация, какой мы ее видим, — это гомогенизация мира, т. е. жизнь **по единым принципам, приверженность к единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все унифицировать; глобализация — это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой**

является подрыв, разрушение национального государственного суверенитета под напором действий новых актеров общепланетарной сцены — США, ЕС, Японии, транснациональных корпораций, религиозных и мафиозных группировок, отдельных личностей, которые взаимодействуют на равных основаниях только между собой, но не с теми государствами, на которые они направили свои силы.

В сущности, это установление господства промышленно развитых держав над менее развитым окружением. Это вид экономической и культурной, а затем и политической агрессии. По сути, это и есть Третья мировая, холодная война, экономическая, политическая, идеологическая, информационная, технологическая, психологическая и т. д. Цель этой войны — передел сфер влияния, рынков, доступа к сырьевым источникам, человеческим ресурсам, новым территориям и т. п.; установление нового мирового порядка. Разве не ради всего этого велись все прежние войны, в том числе Первая и Вторая мировые? У новой мировой войны уже есть немало мест, где она перешла в фазу войны «горячей» — бомбардировки Югославии, Ирака, Афганистана, Судана, политическая катастрофа в Египте, война в Сирии, на Украине и т. д. Борьба с международным терроризмом? Да, конечно. Но это для отвода глаз.

Экономический смысл глобализации состоит из тех четырех стратегических принципов, которыми руководствуются ТНК еще с конца XIX века: (1) обеспечение своего производства иностранным сырьем; (2) закрепление на иностранных рынках сбыта через создание там своих филиалов; (3) рационализация производства путем его перемещения (делокализации) в страны, где издержки производства меньше, чем на национальной территории; (4) ориентация на «технофинансовую» стратегию, состоящую в использовании своих зарубежных инвестиций для создания таких форм закрепления на иностранных рынках, как субподрядные предприятия, поиск прибылей на международных финансовых рынках, включая участие в спекулятивных операциях.

Иначе говоря, глобализация — это идея, концепция, доктрина, выгодная определенным странам, ибо она несет им только выгоды и никакого риска, но крайне опасная для тех стран, на простран-

стве которых проводится эксперимент по проверке достоверности этой концепции. В частности, для России.

Что требовал от России, например, в свое время МВФ — один из множества инструментов глобализации? То же, что и от всех других подлежащих «реформированию» стран: структурной перестройки, т. е. соблюдения рыночной и бюджетной дисциплины; ставки на саморегулирование рынка, отмены государственного вмешательства в экономику; увеличения налогов, массовых увольнений, сокращения расходов на социальные нужды, образование, науку, культуру.

Но если взглянуть на пришедшую в Россию глобализацию, то это не что иное, как ренессанс «дикого» национального капитализма, когда рынок и капиталисты демонстрируют полную глухоту к жизни российского народа, к человеческому (социальному) аспекту своей деятельности. Так появились «резервные армии» безработных, городские трущобы, массовая нищета. Эта политика породила идеологию фашизма, привела к трем социальным революциям (английской, французской, российской), к двум мировым войнам. Всем было понятно, что капиталист, как бы он ни был озабочен прибылью, должен обеспечивать своим рабочим известный уровень жизни. Под давлением обстоятельств и примера социалистических стран в капиталистических странах в социальной сфере произошли значительные сдвиги, которые теперь закреплены там законами и защищаются государством.

Однако возможности для получения прибылей в национальных государствах либерального толка сегодня минимальны, их бюджеты невелики, а расходы на социальные нужды незначительны и сокращаются. Этим и было вызвано появление ТНК. С уничтожением СССР и сильной армии у России ТНК получили доступ к сырьевым запасам нашей страны и овладевают вместе с местными фирмами ими самым диким образом. И снова демонстрируют все то же наплевательское отношение к человеку. Иными словами, глобализация несет с собой новое обострение классовых отношений. На этот раз не только в национальном и региональном, но и в общепланетарном масштабе.

Два прошлых столетия стихия рынка бушевала в отдельных странах. Теперь это глобальная стихия, а точнее, это пожар, соз-

данный по умыслу теми, кому это выгодно. И они вовсе не намерены его тушить, наоборот, подливают керосин в огонь. Это люди с глобальными возможностями и аппетитами, глобальными замыслами и планами, но философия их жизни не подразумевает чувства глобального долга и ответственности. Ибо нынешний этап глобализации имеет план, идеологию и стратегию, но не имеет философии, ценностей и этики. Единственная цель — и главные ценности — деньги и власть, которым все позволено. Каждый более или менее внимательный человек понимает, что под разговоры о свободе и демократии, правах человека и всеобщем благоденствии себе прокладывает дорогу «новый мировой порядок» по имени «планетарный тоталитаризм».

По оценкам экспертов, сегодня в мире действует около 40 тыс. финансово-промышленных групп (ФПГ) и транснациональных корпораций, располагающих в 150 странах около 200 тыс. филиалов. Они контролируют более $^{1}/_{3}$ промышленного производства этих стран, более $^{1}/_{2}$ внешней торговли, у них около $^{4}/_{5}$ патентов и лицензий на новейшие технологии и ноу-хау. Однако главенствующие позиции занимают не более 300 корпораций США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Республики Корея и других стран. В США на долю 100 крупнейших корпораций приходится 60% ВВП, 45% рабочей силы, свыше 60% НИР и НИОКР. Они действуют одновременно в 30–50 отраслях национальной и мировой экономики. Эти ТНК именуются корпорациями без границ. Вспомним название книги американца К. Омэ — «Мир без границ», вышедшей в 1990 году. Вспомним политику «открытых дверей» начала 1990-х годов. Слова другие, но смысл абсолютно одинаковый. Преемственность геополитической стратегии полная.

Одним словом, понятие экономики сегодня вышло за рамки традиционного смысла как способа хозяйствования. Глобальная экономика становится глобальной правящей системой: кто владеет экономикой, у кого деньги, тот и управляет. Экономика во многих случаях становится выше политики. Экономика, более того, уже во многом определяет идеологию нынешней жизни, она будет доминировать в XXI веке, если процесс глобализации будет продолжаться и иметь тот же вектор. В этом случае геополитические императивы уступят место геоэкономическим.

Повторяюсь: силовые маневры эпохи уже не связаны ни с вооруженным завоеванием территорий, ни даже с прямым подчинением экономического пространства противника. Они скорее нацелены на навязывание своей политической воли и видения будущего, на установление и поддержание желаемого типа мирохозяйственных связей, на достижение стратегических горизонтов, определяемых геоэкономической конкуренцией, на упрочение (либо подрыв) той или иной системы социально-экономических ориентаций.

Столкновение стилей и форм хозяйствования, соперничество основных центров мирового развития, социальные и финансовые коллизии, непростые взаимоотношения между региональными сообществами — все это драматические игры нашего времени, которые сводят потенциал военной силы скорее к угрозам ее применения и рамочной демонстрации возможностей, нежели к полномасштабной реализации боевой мощи.

В мире идут нешуточные экономические битвы, в том числе иногда и между организаторами и участниками экономической глобализации. Но это — ссора заклятых друзей. Главный объект борьбы — остальной мир, за исключением «золотого миллиарда». В ходе геоэкономической битвы рушатся экономики многих стран, финансовые рынки, разоряются сотни тысяч предприятий, безработными оказываются сотни миллионов людей, которые мучаются, страдают, болеют и умирают, не понимая, что они — жертвы уже идущей мировой холодной войны нового типа. Неосознанность происходящего — вот огромная, поистине глобальная проблема. И это неслучайно: специфика холодной мировой войны в том и состоит, что это ползучая революция, тихая катастрофа, незаметное, скрытое, необъяснимое и непонятное для обывателя постоянно происходящее изменение. Война всех против всех. Война всегда и всюду. Война без войны... Как хочется думать большинству, если не всем обывателям.

Неотъемлемой составной частью военных действий стало проведение информационно-психологических операций. На стратегическом уровне их планируется осуществлять задолго до начала вторжения в форме тайной войны. Ставится задача в мирное время обеспечить скрытый контроль над информационными

ресурсами противника, составляющими основу государственного и военного управления. Возможности по подрыву государственных устоев изнутри до начала военных действий возросли за счет широкого использования средств массовой информации (СМИ). Расчет делается на использование СМИ противника путем их подкупа. Считается, что они могут внести раскол в общество, дестабилизировать внутриполитическое положение, ослабить государственные и экономические структуры, активизировать деятельность оппозиционных сил, обострить недовольство населения, добиться развала или дискредитации вооруженных сил и других силовых структур, вызвать недоверие народа к руководству и в итоге обеспечить политическое и психологическое прикрытие агрессии.

Знают ли об этом, понимают ли это вполне руководители российских СМИ? Понимают ли, что кроме бизнеса и прибыли некоторые частные фирмы, как это было в прежние годы холодной войны и как это, без сомнения, происходит сейчас, служат разведывательным целям и участвуют в информационной войне против России?

Принципами ведения подрывных психологических акций являются **скрытность, систематичность, активность, многообразие приемов, правдоподобие, знание психологии противника, рефлексивное управление его поведением**.

Важнейшей задачей психологической и информационной войн, как говорил об этом генерал-полковник Марк Левоновский (Университет национальной обороны, Вашингтон), является «воздействие на аналитический процесс, протекающий в России, стимулирование чувства опасности, изоляции, наличия непреодолимых трудностей, а также затруднение принятия решений политическими лидерами и правительственными органами» [1].

С началом военных действий информационно-политическое воздействие резко активизируется, на полную мощь начинает работать машина лжи и дезинформации, предпринимаются попытки с помощью внутренней оппозиции до предела обострить нацио-

[1] Цит. по: Гриб Н. Н. Информационно-психологическая сфера как ведущее звено системы противодействия терроризму // Правовые вопросы связи. 2006. № 1. С. 17.

нально-этнические, территориальные, экономические и религиозные противоречия, разжечь очаги вооруженных конфликтов. Преследуется цель создать постоянный действующий фронт борьбы внутри вражеской страны, обстановку политического и экономического хаоса, неуправляемости, обреченности, безысходности. При этом всем органам, ответственным за внешнеполитическую пропаганду в США, предлагается осуществлять свою миссию «в духе человечности, искренности и доверительности». Пропаганда должна быть «простой и доходчивой», избегать «невыполнимых обещаний». Расчет делается на то, что психика человека наиболее уязвима, воздействуя на нее, можно личную робость превратить в массовую трусость, сомнения — в недоверие, раздражительность — в ярость. **И если государство не занимается патриотическим воспитанием населения, не ведет контрпропаганду, не имеет четко выраженной национальной идеологии, развал изнутри неизбежен.**

В ход пущены все способы и средства ослабления и разложения исторического соперника. На службу своим целям США и Запад поставили **очернение российской истории, разжигание национализма, конфликта между поколениями; дискредитацию идей и нравственных норм, образа жизни русского народа; культивирование предательства, преступности, спекуляции на ошибках и просчетах политиков**.

В чем смысл нынешней психологической стратегии и тактики США в отношении российского населения, реализуемой с помощью всех средств массовой информации как Запада, так и (прежде всего) российских?

Первая задача психологической войны — внушить, что Россия по сравнению с Западом — отсталая страна, причины чего лежат в глубинах ее истории. Поэтому упор в освоении российской истории делается на мрачных периодах и «темных пятнах». Победы, герои, великие открытия и великие люди вымарываются из летописи России путем либо грубого оплевывания, либо якобы нового их толкования с помощью «неожиданно» найденных документов, «неизвестных» фактов (хотя бывает и такое), либо простого умолчания. Относительно молодежи — это лучший способ: о чем не слышал — того не знаю. «Короткая» и «тощая» историческая па-

мять лишает сознание живущих и новых поколений связи с прошлым, заставляет их искать жизненные опоры в настоящем.

Отсюда вторая задача психологической стратегии — внушить, что дела в России обстоят исключительно плохо, тем более что оснований так полагать более чем достаточно. Никакой информации о скромных, а особенно о значительных успехах. Писать и говорить только о плохом, показывать только плохое. Закрылось... Разрушилось... Сломалось... Взорвалось... Избили... Убили... Изнасиловали... Не раскрыли... Не поймали... Не догнали... И так далее. Ну ничего ни у кого ни в чем не получается — ни у властей, ни у бизнесменов. Кругом жулики и воры, развратники и обманщики. Так, дескать, было, есть и будет. Беспредел. Беспросвет. Какие чувства должен испытывать человек, особенно молодой, когда он читает, каждый день слышит такое по радио и видит по телевидению, а нередко и сталкивается с этим лично? Отчаяние и стыд за страну, в которой живет. Страх перед окружающей его действительностью, от которой хочется бежать. Куда? Туда, где лучше. Скажем, в другую страну. Некоторые бегут, а еще больше тех, кто хотел бы убежать. Но многие, большинство обращают свой взор в будущее. И что же они видят? Ту «картину», которую рисуют для них своей кистью услужливые СМИ, либо не ведающие, что делают в погоне за разоблачительством, сенсацией и «чернухой», журналисты...

Третья задача психологической войны Запада с Россией — лишить население России — опять-таки прежде всего молодежь — надежд на светлое будущее. Что такое Россия, скажем, в писаниях злейшего ее врага З. Бжезинского? «Черная дыра». Что это такое? В астрофизике «черная дыра» — это некое тело, которое безвозвратно поглощает окружающую материю. Именно так представлена наша страна в его книге «Великая шахматная доска»[1]. Советую прочитать всем, кого интересует будущее мира. Никто еще не говорил так откровенно и цинично, называя Америку «единственной сверхдержавой», удел которой — править миром; никто еще так с деланым сочувствием и великодушием, а на самом деле — с брезгливостью и торжеством — не рассуждал о России. «Черная дыра» — и только. Да и та должна исчезнуть.

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 256.

Оценки, содержащиеся в работах некоторых российских историков и прочих «специалистов» по России, проповедующих русофобию как своего рода мировоззрение, претендующих при этом на статус великих писателей и публицистов, представляют крайне неприглядный образ России: опасна для человечества как атомная бомба; зачата на насилии и предательстве от кочевника-разрушителя; никогда не жила и не хочет жить по законам; расплывшаяся баба, которую не способен удовлетворить ее слабосильный муж — русский народ; тюрьма в России больше, чем тюрьма, несвобода у нас в крови. О народе: нелюди, но не звери, между человечеством и фауной; рабское долготерпение, поражающее до сих пор нормальных людей, и т. п.

По телевизору как-то показали сцену: свинья, символизирующая Россию, зарезана и разделена на куски, которые были розданы участникам передачи. Ряд изданий обошла фотография: человек заглядывает под хвост коровы — и подпись: «Путешествие в глубь России».

Неудивительно, когда плохо о России пишет иностранец. Не знает, не понял, не любит, ненавидит, презирает. Причин может быть много. Русофобия широко распространена за границей с давних времен. Один из родоначальников русофобии, французский роялист маркиз Астольф де Кюстин, после путешествия по России в 1843 году издал свою книгу «Николаевская Россия» [1], в которой густо полил Россию грязью и помоями.

В России есть (и должны быть!) люди, остро чувствующие отрицательные, греховные стороны жизни и своего народа. Такие люди с грустью переживают эту боль со своим народом. Их немало, и ничего, кроме чувства уважения, я к ним не испытываю. Но хохотать и злорадствовать над бедами своей страны и своего народа могут только выродки, и их можно назвать предателями и врагами. Ибо они лишают последнего, за что цепляется и чем живет человек до самого конца, — надежды на будущее. Но если бы они говорили «правду и только правду и ничего, кроме правды», тогда хотя бы было объяснение такой позиции: не могу лгать. Ответственная позиция. Но эти люди лгут. Ибо правды не знает никто. За правду

[1] Кюстин де А. Николаевская Россия. М., 1990.

выдаются гадания на жидких данных социологических опросов, шаманство полуобразованных телекомментаторов и футурологов.

И тем не менее результат налицо. Огромные массы людей, не имея удовлетворяющего их прошлого и настоящего, безнадежно смотрят в завтрашний день. Они лишены мотивов действовать, если хотите, жертвовать ради России, ибо в душе не на что опереться. А у человека-то всего три опоры — прошлое, настоящее, будущее. Когда прочны все три, он уверен и активен. Лиши его хотя бы одной из этих опор, и душа начинает беспокоиться, тосковать и метаться. Нет опор — нет души. Чему же удивляться, что нынче нас настигла очередная волна бездуховности?..

И все же, все же!.. Верю: моя Россия не погибнет.

Россия — живучая страна. Потому что стержнем ее существования является чувство национальной гордости. При всех оговорках Россия ощущает себя как народ, а государство существует потому, что народ не может представить себя вне государства. В любой ситуации он терпит до поры до времени. Но когда дело доходит до точки, когда государство на последнем краю гибели, народ жертвует собой, спасая страну, государство. В самые критические моменты все именно так и происходило. В период Смуты. В 1812 году. В Великую Отечественную. Русский человек идентифицирует себя с народом и страной, не видя смысла в своем существовании отдельно от них. Угроза для страны воспринимается как личная угроза. Русский может потерять все. Но когда дело доходит до жизни, он дерется так, как не дерется никто, жертвуя собой ради других и своей страны. Готовность к жертве живет в душе русского человека. Она скрыта глубоко, под всякого рода личными интересами, в том числе материального порядка. Материальным слоем русский жертвует достаточно легко, ибо не избалован судьбой, в быту своем весьма неприхотлив, много- и долготерпелив. И когда этот слой истончается или исчезает, наружу вырывается жертвенность. В тот момент ничто уже не остановит миллионы людей от слияния их бешеной энергии и воли на пути к победе. Безрассудство и беспощадность вырываются наружу неукротимым океаном чувств и могучим напором мысли, способными не только крушить врага, но и созидать оружие возмездия, творить чудеса научные, экономические, военные и всякого рода

прочие. Это надо бы знать и учитывать всем иностранцам и прочим американцам. Россия была поставлена на колени экономически. Это правда. Но не духовно, не нравственно. Вот началась война на Украине — и взыграло в людях национальное чувство. Кликнуть бы добровольцев — пошли бы сотни тысяч. «Надо» — «не надо» — в данном случае разговор не об этом. Люди готовы жертвовать собой не по приказу, не в силу законов массовой психологии. Сознательно или бессознательно — другой вопрос... Но это — Украина. То же самое, только в неизмеримо больших количествах, может случиться в России по внешним и внутренним основаниям. Мы — у последней черты. И тогда наше спасение снова придет через жертву. Может, самую великую жертву в истории.

Мертвые сраму не имут, мертвые молчат. Но мы, живые, должны встать на защиту тех, кто спас нас.

Мы должны помнить и понимать, что отцы, деды и прадеды наши — творцы победных традиций и славы, без которых нет священных уз, соединяющих воедино все поколения и весь народ, насыщающих нашу жизнь смыслом, дающих нам вечное сознание.

Мертвые молчат. И все же бесчисленная армия ушедших от нас людей есть великая сила, от которой зависит судьба нынешних и будущих поколений. Те, кто отдал свои жизни за нашу жизнь, никуда не исчезли; они не под землей, а с нами — в стоячем пруду, в журчащем ручье, в деревьях, в кустах и цветах, средь которых мы стоим; в травах, покрытых росой, в ветре и дожде, омывающем наши лица; они в глубинном потоке жизни молодых парней и девчат, в их радостном смехе и любви, не знающей слез; они — в заходящемся крике вновь нарождающихся от этой любви детей.

Мертвые молчат. Но наш долг — перед ними, перед собой и нашими наследниками — чтить и помнить их, чутко прислушиваясь к таинственному и величественному, то благодетельному, то грозному смыслу их молчания.

Сегодня, когда страна вновь под ударами наших противников, миллионы отдавших свои жизни за наше право жить и иметь свою страну вопиют: «Очнитесь! Объединитесь! Если вы мечтаете обрести бессмертие, посвятите себя битве за независимость нашей Родины, за счастье своего народа!.. Совершите новый Великий Подвиг!»

Память есть способ преодоления смерти и времени. Бессмертны доблесть, честь и геройство. Мы будем достойны наших предков лишь в том случае, если продолжим их дело. Обесславленные мифотворцами среди современников, павшие в боях, еще живые ветераны должны знать, что память о них жива и будет вечно жить в глубинах великой, надличной народной души; что эту память не бросили в бездну забвения, что их будут славить потомки той России, которая еще покажет миру новые чудеса и потрясет сознание человечества своими новыми, невиданными победами!

Хотят ли русские войны? Нет. И об этом очень понятно сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 года: «...мы не намерены втягиваться в дорогостоящую гонку вооружений, но при этом надежно и гарантированно обеспечим обороноспособность нашей страны в новых условиях. Сомнений в этом нет никаких. Это будет сделано. И возможности, и нестандартные решения у России есть.

Добиться военного превосходства над Россией ни у кого не получится. Наша армия — современная, боеспособная. Как сейчас говорят, вежливая, но грозная. Для защиты нашей свободы у нас хватит и сил, и воли, и мужества».

Ильинский И. М. Великая Отечественная: Правда против мифов. М., 2015.

РУССКИЙ ВОПРОС[1]

Уважаемые коллеги!

Однажды, 21 ноября 2000 года на пятом заседании РИК, мы уже обсуждали тему «О самосохранении русского народа».

Сегодня мы поставили в повестку дня «Русский вопрос». Найдутся люди, которые спросят: «Почему — „русский“? А чеченского, а татарского, а еврейского вопросов разве не существует?» Почему же, есть и такие вопросы. Но русский — самый острый, самый масштабный и самый важный вопрос как для настоящего, так и — особенно! — будущего России и всех других населяющих ее народов.

Русский вопрос имеет долгую историю, которая, на мой взгляд, начинается со странного подозрения русского народа к праву своих соплеменников править Русью и призвания для этой роли варягов.

Русский вопрос (для меня, по крайней мере) заключается в удивительной способности, казалось бы, установившейся русской власти практически к вырождению во власть чужеземщины.

Вспомним, что еще в 1710 году Анна (дочь сводного брата Петра Ивана V) **первой** из членов царского дома вышла замуж за иностранца — герцога Курляндского. Сын Анны Леопольдовны Иван VI (правнук Ивана V) был в большом родстве с домами Мекленбург-Шверин и Брауншвейг-Люнебург. Через 100 с небольшим лет, к середине XVIII века, в царском доме **не было ни одного чистокровного Романова**. Так, Петр III, племянник Елизаветы и сын Анны, имел полное имя Петер Ульрих Голштейн-Готторпский. Россией с тех пор правили Романовы-Голштейн-Готторпы.

[1] Вступительное и заключительное слово на 24-м заседании Русского интеллектуального клуба, 21 декабря 2011 года.

Петр III был русским наполовину, женился на немке Софии Фредерике Августе фон Анхальт-Цербтской (будущей Екатерине II). Александр III женился на датчанке. В родстве с царским домом были дома Гессен-Дармштадский и Вюртембергский (Павел I), Баден-Баденский (Александр I), Прусский (Николай I), вновь Гессен-Дармштадский (Александр III) и Гессенский (Николай II)...

Таким образом, Россией **почти двести пятьдесят лет** правили нерусские или далеко не чисто русские. Таким людям — что Россия, что Русь — все одно. В них нет чувства крови, земли и истории, нет национального, русского чувства — чувства Родины, составляющего корневую систему взаимоотношений человека со временем и пространством.

Со временем доля русской крови в династии Романовых настолько уменьшилась, что у последнего императора России Николая II составляла всего $^{1}/_{64}$.

Эти арифметические выкладки во время Первой мировой войны приобрели политический смысл, когда русские вдруг осознали, что ими правит, собственно говоря, **представитель враждебной нации — немец**.

Полностью немецкое происхождение его супруги Александры (Алисы Гессенской) давало русскому народу основания подозревать их в симпатиях к противнику. Это дискредитировало династию и серьезно способствовало ее краху.

Надо думать, что совсем не случайно почти три века царский двор был абсолютно невосприимчив к идеям славянизма, панславянизма...

Возьмем Великую Октябрьскую революцию 1917 года, или как называют ее иначе — Русскую революцию. Подавляющее большинство партийного, советского и комсомольского аппарата с первых лет советской власти и долгое время составляли нерусские, и прежде всего евреи. Сразу отрекаюсь от ярлыка «махровый шовинист» и ему подобных. Но я трепетно отношусь к чувству и понятию «мера». Мера должна быть во всем, крайности всегда чреваты бедой.

Например, состав делегации в Лиге Наций (1936–1937 годы): 7 евреев, 1 грузин и ни одного русского. Послы СССР в Европе (20 стран): русских — 6, армян — 2, латышей — 1, евреев — 11. В Правительстве СССР — 9 наркомов и 12 заместителей — евреи.

И так далее (Платонов, 2009: 499–500). «Пятый пункт» в анкетах принимаемых на работу был противен многим, но, не будь его, думаю, положение русского народа было бы еще хуже. В России уже не первую сотню лет стоит вопрос русско-еврейских отношений, вопрос о влиянии еврейского меньшинства на решение судеб России, русских дел.

Помню, когда в конце 90-х генерал Макашов вполне определенно высказался по поводу еврейского вопроса, кажется, засилья евреев во власти и бизнес-элите. Какой ор поднялся в стране и в мире!.. В то время можно было что угодно сказать о президенте и премьере России, но о еврее, о еврействе?.. Об этом, как в прошлом веке, так и в ту пору «реформ» о евреях говорили шепотом на кухнях. По TV шла программа «Куклы». Куклами были Ельцин, Черномырдин, Лужков, Лебедь и другие — русские. А за ниточки дергал Шендерович — еврей.

Помню, в какой-то центральной газете еврейский писатель Тополь, когда-то работавший в журнале ЦК комсомола «Молодой коммунист», где я был в то время членом редколлегии, написал письмо Березовскому о том, что впервые за тысячу лет еврей (т. е. Березовский) получил реальную власть и, кивая на Шендеровича, советовал ему почаще дергать за политические ниточки. А Березовский, помню, отвечал что-то в таком роде: «Знаем, сами знаем, что финансовая власть в России в наших руках. И дергаем. И то ли еще будет!..»

Я говорю эти слова и думаю: «А ведь через некоторое время меня могут опять позвать в прокуратуру — за разжигание национальной розни. Однажды я уже там бывал по поводу книжки „Что значит быть русским сегодня?“, в которой собраны лучшие сочинения школьников по итогам всероссийского конкурса по аналогичной теме». Но я не против евреев или вообще какого-либо другого народа. Как говорится, «был бы человек хороший». А какой он национальности — для меня принципиального значения не имеет. Я русский и говорю о праве русских обсуждать наши отношения с кем бы то ни было: с татарами, французами, евреями без смущения, что тебя обзовут «националистом», «шовинистом», а то и фашистом. Чушь какая-то. Пусть малые народы и их представители опасаются клеить ярлыки русским, ибо мы — главная нация, главный народ России по численности и вкладу в историю

и нынешнюю жизнь. Пора бы принять закон о русофобии и для примера посадить за решетку кого-нибудь типа Новодворской, которая уж много лет оскорбляет русский народ.

Русский вопрос сегодня для меня состоит в том, что в момент развала СССР Правительство России по своему высшему составу вновь стало еврейским (Гайдар, Чубайс, Козырев, Немцов, Бурбулис, Ясин, Лившиц и др.). Люди, не любящие свою страну, равнодушные к страданиям людей. Помню откровение одного из «проходных» вице-премьеров Правительства РФ Альфреда Коха: «Ненавижу Россию!..»

По данным переписи 2010 года, в России 228 тыс. евреев — 0,14% всего населения. Но все крупнейшие банки Москвы в их руках: половина всех финансов страны. Русские составляют 111 млн человек (80,9% населения), все 19,1% — остальные нации и народы (около 180). Именно русские составляют основную часть бедных и нищих России. Должен ли пребывать в таком состоянии главный, стержневой, государствообразующий народ страны, где 33% всех сырьевых богатств планеты? Конечно, нет! Но — пребывает. Почему? Вот вопрос! Русский вопрос.

Русский вопрос можно сформулировать и так: «А нужны ли нынешней России русские в том виде, с тем национальным характером, который сложился исторически: по своей природе, по своему характеру вольнолюбивые, общинники, всесветские по духу и непритязательные к условиям жизни, безмерно терпеливые, неприемлющие стяжательства, правдоискатели, самоиронические, самокритичные до самоедства; и в то же время — самолюбивые, гордые, способные на высший героизм и жертвенность во имя идеи и своего Отечества, стремящиеся к равенству, справедливости, братству и т. д.». (Я не говорю сейчас об отрицательных качествах, их предостаточно.) Мне кажется (не знаю — по злому умыслу или по оплошности), что многие лучшие национальные черты русского народа сегодня попали под гильотину глобализации, которая обрубает национальные отличия народов, которые мешают ее ускоренному распространению. Глобализации не нужны националисты, ей нужны космополиты — потребители, забывшие все национальное — от одежды и обычаев до родного языка, кроме английского, разумеется.

Недавно Общественная палата РФ пришла к выводу, что уже сейчас на молодежном срезе мы имеем в основном общество эгоистов и индивидуалистов, а стало быть, циничных прагматиков, рационалистов и т. п.

Русский вопрос заключается сегодня и в том, а нужна ли Россия самим русским. Ведь это мы — русские практически без всякого сопротивления со всеми потрохами сдали внутренним и внешним оккупантам тот образ бытия, ту могучую супердержаву, на создание и защиту которой были положены десятки миллионов жизней. Поставленные в скотское положение вот уже двадцать лет, русские покорно терпят нравоучения бессовестных и вороватых «верхов», которые учат нас, как надо жить, насильно внедряют новые ценности, новое образование, а жизнь становится все хуже...

Как понимать сегодня знаменитую русскую терпеливость? Как искомую американцами толерантность? Как историческое благоразумие? Или — как национальную усталость от мировых и гражданских войн? Нет, здесь что-то не так. Я понимаю это как скрытое управление умами и поведением русского народа, перекодировку его национального сознания.

Русский вопрос состоит в том, что наш народ волюнтаристски и противозаконно разделен вопреки итогам Всесоюзного референдума 1990 года, и теперь за пределами России оказалось более 25 млн русских людей, живущих на исконно русских территориях без права на воссоединение со своей исконной родиной. Например, в Казахстане оказались 8 областей, где русские составляют от 70 до 80% населения... Сумская, Луганская, Донецкая, Херсонская, Николаевская, Одесская области, Крым, весь юго-запад Украины — это этническая Россия. А проблемы русских в Прибалтике?

Сегодня нам без умолку вдалбливают мысль о необходимости сохранить единую Россию и стабильность. В принципе, это и в самом деле необходимо. Но нынешнее единство — механическое, как если бы представить единством горсть песка в кулаке. Разожмите пальцы, снимите силовое давление — и «единство» рассыплется...

Нам без умолку тараторят о росте благополучия населения, о том, что демократия и рынок приняты народом и процессы эти необратимы. Неверно. Либеральная реформа в России уже давно потерпела крах. Речь не только об экономике — дефолт 1998 года,

кризис 2008 года, разного рода пирамиды, немыслимая коррупция и удушье чиновничьей хватки... Реформы не принимаются самой культурой русского народа. Но остается вопрос социальной модели дальнейшего развития России: куда идти? И это тоже русский вопрос.

Русский вопрос в неравномерной расселенности на территории России. Это не просто внутриполитическая, это геополитическая проблема. В азиатской части страны, которая составляет 33% общей территории, проживает лишь 26% населения. При средней плотности расселения 8,5 человека на 1 квадратный километр, на Дальнем Востоке она в 50 раз ниже, чем в европейской части — 1,1 человека. Я уж не говорю о Якутии, где она составляет 0,18 человека на квадратный километр. При всем этом мы год за годом теряем население. В определенный момент истории это может спровоцировать войну с Китаем или Японией.

Так в чем же заключается русский вопрос сегодня? Тем более если мы видим его самым острым, самым масштабным и судьбоносным?

Как видите, одним словом ответить невозможно. «Русский вопрос» — это большой комплекс вроде бы частных, а на самом деле больших и сложных вопросов, которые взаимосвязаны, образуют некую целостность. Вот эту целостность я бы и назвал «русским вопросом». Рассматривать и решать этот вопрос в силу его чрезвычайной сложности надо именно комплексно, понимая, что это вопрос философский, теоретический, правовой и, быть может, прежде всего политический.

Русский вопрос сегодня, к сожалению, начинается именно с того, что российская власть не хочет даже слышать, что такой вопрос существует, хотя «вопрос» этот уже тысячными колоннами молодежи марширует по улицам, оболган, искажен, скопом обозван «нацизмом», «фашизмом», вынужден прятаться в подполье, отбывает сроки в тюрьме.

Русский вопрос состоит, во-первых, в **неосознанности** громадным большинством русских людей, что такой вопрос вообще существует; во-вторых, в чрезвычайно **слабой консолидированности** русского народа; в-третьих, в отсутствии у русских готовности **последовательно и жестко бороться** за то, чтобы занять в своей

стране — в России положенное ему по историческим заслугам и доле в населении страны место, за отстаивание своей **первенствующей** роли в жизни российского общества во всех его сферах и на всех уровнях управления обществом и государством — снизу и до самого верху.

Итак, надо добиваться понимания массами существа русского вопроса и включать их в борьбу за его решение. Само собой к лучшему ничего не случится. Впереди борьба, организованное движение во главе с умными и мужественными лидерами.

* * *

Прежде всего я благодарю всех, кто выступил, задавал вопросы, просто откликнулся на наше приглашение и присутствовал на заседании клуба. Согласен, что разговор в целом был интересным, есть конкретные предложения (я имею в виду словники), будем ждать, что лидеры русского движения вырастут в борьбе за рубежом (идея Ю. Ю. Болдырева), придут в Россию и возглавят движение русских за свои права.

Но мне кажется, что разговор получился все-таки мелковатым. В стороне остались главные вопросы: русские и власть; русские и национальные богатства; проблема выращивания русской нации из трех собственно русских народов: великороссов, малороссов и белорусов, их органичное слияние в единый русский народ. В России 5,31 млн татар, 1,93 млн украинцев, 1,58 млн башкиров, 1,44 млн чувашей, 1,43 млн чеченцев, 1,18 млн армян, 0,91 млн аварцев, 0,74 млн мордвы, 0,65 млн казахов, 0,6 млн азербайджанцев, 0,59 млн даргинцев, 0,55 млн удмуртов, 0,55 млн марийцев, 0,53 млн осетин, 0,52 млн белорусов, 0,52 млн кабардинцев, 0,50 млн кумыков, 0,48 млн якутов, 0,47 млн лезгинов, 0,46 млн бурятов, 0,44 млн ингушей и 4,81 млн иных народов и народностей. Вряд ли когда-нибудь татары, башкиры, чеченцы и прочие перечисленные народы вдруг согласятся называться «русскими», и уж тем более русские как-то иначе, скажем, «рассияными», как выговаривал Б. Ельцин.

Россия останется Россией — страной многонациональной, но она станет сплоченней, сильней и привлекательней для всех народов — малых в России и больших за ее границами, если исконно русские по своей природе и истории народы — великороссы,

малороссы и белорусы — скажут однажды: «Да, мы — русские!» А территория нынешних России, Украины и Белоруссии — единая территория Великой России, где есть место всем народам, где они селятся и живут, где хотят, но признают доминирующую роль русских во власти, владении хозяйством, сырьевыми и прочими богатствами страны, ее водными и лесными ресурсами, участвуют в управлении страной пропорционально численности своего коренного населения, проживающего на конкретной территории — области, края, города, района, поселка. Тот же самый принцип относится к нравам, обычаям, традициям и культуре. Хотите петь только свои песни, танцевать свои танцы, поклоняться своему богу? Живите компактно, на своей территории. Приехали к русским? Вы во власти их культуры: хотите — подпевайте и подтанцовывайте; нет — смотрите, слушайте: вы — в гостях.

Еще раз коснусь вопроса распределения и владения богатствами России. Даже если нерусский — гражданин России, он не может иметь равных прав с русскими во владении землями, сырьевыми и водными запасами, финансами. Эти права должны быть разумно ограничены законом. Касается это одного человека или какого-то количества людей. Должна быть ясная пропорция. И я не вижу в этом расизма, сегрегации и т. п. Да, русские — «старший брат». Да, ты живешь на их земле, в их «доме» и значит, не можешь хозяйничать в нем на равных. Какая в этом обида? А если нет ни «эллина, ни иудея», нет ни «старших», ни «младших», почему тогда, спрошу я, в Грузии, Армении, Таджикистане, Эстонии нет русских банкиров и «олигархов»? Здесь, как и в других республиках СНГ, русских объявляют вне закона и притесняют чисто фашистскими методами. Да что там СНГ!.. Даже в Татарстане, в Башкирии уже практически вытеснили русских из политики и бизнеса. Что, у «малых» есть права принижать, унижать, бить и убивать русских с криками «Русская собака!»? Так это было во время чеченской войны, лишь потому, что русские «большие»?..

Вряд ли когда-нибудь будет реализована идея «русского государства» внутри России с пограничными столбами и т. п., которая высказывалась одним из выступающих. Не верю в то, что границы вообще исчезнут когда-либо вообще в мире между странами. Хотя граница — зло, наземные границы надо уважать. Границы надо

строить в умах и душах людей — границы уважения мнений, взглядов, нравов, обычаев, традиций, ценностей и культур «других». Даже если они вам не нравятся. Не нарушайте этих границ, ибо за этим шагом следует то же, что за свержением наземного пограничного столба, — конфликт, война.

Русский народ не должен покорно мириться с ущемлением своих прав, не должен безропотно терпеть лишения и нищету, видя, как на его глазах нахально жируют за их счет «предприимчивые» пацаны — будь то русские иль нерусские, но особенно — чужестранцы с российским паспортом. Воры и невежды ведут страну к гибели. И потому:

Русские, очнитесь! Возвысьте национальное самосознание!

Русские! Остановите распродажу природных ресурсов и недр, земель и хозяйства внутренним и внешним оккупантам! Земли вокруг Байкала уже запроданы немцам! Лучшие земли Ставрополья и Краснодарского края уже распахивают израильтяне!

Русские! Остановите разрушение системы воспитания и образования молодых поколений. Остановите убийство русского ума и русской души!

Русские! Довольно апатии, ожидания и терпения! Довольно водки, наркотиков, сна!

Довольно заниматься лишь собой! Пора спасать нашу Родину!..

Я думаю, что нынешняя ситуация в России близка к той, которая сложилась в ходе Великой Отечественной войны, когда весь народ, а не какая-то его часть или какой-то класс оказался перед угрозой гибели. Весь народ это почувствовал и весь народ встал на защиту самого себя, своей Отчизны. Вот тогда война стала Народной, Великой, Отечественной и Священной. И выстояли. И победили. Вот эту главную истину надо осознать и сегодня. И — победим!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Платонов О. А. (2009) История Русского народа в XX веке. М.: Алгоритм.

ИСТОРИЯ: СТИХИЯ И ЗАГОВОР

Меня, как многих в России и за рубежом, до сих пор мучает вопрос вопросов: «Почему, кто и как так быстро уничтожил СССР?» Вопрос в высшей степени сложный, ответов на него накопилось уже немало: «советская система была нереформируема и, стало быть, была обречена на гибель из-за присущих ей неисправимых дефектов»; «коммунистическая идея — это утопия, не реализуемая на практике»; «плановая экономика, да еще в такой огромной стране, как СССР, неизбежно ведет к стагнации, системному кризису и застою»; «социализм душит свободу мысли и слова, творческое начало в личности, а следовательно, тормозит прогресс во всех сферах жизни» и так далее до горизонта.

Перечислять подобного рода откровения отечественных исследователей и зарубежных «советологов», изучавших СССР как Систему во всех ее деталях, разрабатывавших социальные механизмы и технологии скрытого влияния на человека и советское общество в течение почти пяти десятилетий холодной войны, не имеет смысла. В каждом из названных и прочих суждений есть своя доля правды, но, если даже сложить их вместе, они, на мой взгляд, все равно не дают полного и достоверного ответа на поставленные вопросы.

Между тем есть авторы, в чьих трудах говорится еще и о том, что в горбачевской «перестройке» много странного. Еще в 1997 году Анатолий Громыко писал, что уже в 1988 году «появилась версия: Горбачев сознательно вел дело к краху социализма» (Громыко, 1997: 104).

Позднее в книгах членов Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова, В. А. Крючкова, Г. И. Янаева и других, а также в некоторых исследованиях отечественных историков и политологов и даже иностранных политиков и ученых «перестройку» стали определять как заговор, а политическую верхушку (главным образом Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе) называть не иначе как предателями. В качестве доказательств перечислялись уступки США и западным странам во внешней политике, решения «верхов», повлекшие за собой ухудшение дел в экономике и социальной сфере внутри СССР, и все в таком роде. Однако ярые «перестройщики» (Ельцин и его сторонники, многие представители интеллигенции, руководители СМИ и журналисты) считали любые неудачи просто ошибками, которые неизбежны в таком сложном и масштабном деле, как «перестройка», относили их на счет нерешительности, мягкотелости Горбачева и требовали ускорения темпов перемен. Версия о заговоре отметалась с порога, относилась в разряд «худосочных доморощенных фантазий», «страшилок». И прежде всего потому, что в добрые намерения Горбачева народ поверил и отказываться от этой веры не хотел.

Между тем о тайных механизмах истории вполне доказательно повествуют зарубежные исследователи. Их книги написаны не для российского читателя, и потому этих авторов невозможно упрекнуть в пропагандистской преднамеренности. Некоторые из такого рода трудов созданы с большим риском для жизни, в результате многолетних исследований деятельности тайных международных организаций. Талантливые и отчаянные, эти люди с тревогой рассказывают об установлении на нашей планете «нового мирового порядка», об идее «всемирного правительства»; более того, утверждают, что такое правительство фактически уже давным-давно действует, хоть и в незавершенной, нецелостной и юридически не конституированной форме, а в виде разного рода законспирированных от глаз мирового сообщества состава и деятельности международных организаций. О скрытых механизмах управления человеком и человечеством мы толком ничего не знаем.

Известно, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое», что история планируется. И лучшее тому свидетельство — история советских пятилетних планов, с помощью которых за

30 лет, после окончания Гражданской войны и до начала Великой Отечественной войны, в СССР были созданы могучая индустрия, современная армия, лучшая в мире система массового образования и многое другое, получившее в совокупности название «советское чудо». Плановость доказала свои преимущества в созидательном проектировании будущего. Почему же не использовать социальное проектирование в разрушительных целях? Советский опыт был успешно использован Западом, и прежде всего США, в борьбе с «коммунистической угрозой», т. е. против СССР. Но если созидательные планы утверждались под звуки фанфар, всенародно, на весь мир, то уничтожительные планы творились в тиши кабинетов, в строжайшей тайне и являлись человечеству в камуфляжных одеждах лжи и обмана. Не всякий план — заговор, но всякий заговор имеет замысел, конечную цель, задачи, формы и методы их достижения.

В книге Екклезиаста сказано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот уже новое“; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1: 9–10).

Нет ничего нового в самом слове «перестройка». Веками перестраивались дома, села и города. Петр Столыпин задумал перестроить аграрный сектор царской России. Но в этой «перестройке» не было ничего тайного. Был план. Были названы конкретные дела в «перестройке — переделке», число переселенцев из Центральной России в Сибирь, были названы необходимые суммы расходов. Не все удалось совершить, но историкам не так уж трудно объяснить то, что удалось сделать, и то, что не исполнилось, и почему. И именно потому, что в замысле не было тайны и лжи. И это была не революция, а реформа.

Известно также, что во все века и во всех странах история фальсифицировалась в угоду фараонам, королям, императорам, вождям и даже «демократически» избранным президентам; что фальсификации эти, наслаиваясь одна на другую, покрывают истину таким слоем лжи и обмана, что история как наука, призванная учить мудрости, превращается в мифологию...

Мы многого не знаем только потому, что не хотим знать, а тем более понимать: познание — это тяжкий труд, «во многих знаниях

многия печали». Мы сильны задним умом, любим запоздало порассуждать в духе «а вот бы да кабы». Когда-то все в нашей жизни было планово и двигалось в будущее параллельно-поступательно пятилетними рывками с перевыполнением планом на год, а то и два («Пятилетку — в три года!»). И многое получалось! В мозги людей змеей вползала и ужилась в них ехидная мысль, выраженная в стихах Владимира Маяковского: «Циркуляр сиди и жди. — Нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди».

Конечно, и в те времена среди вождей были люди разного интеллектуального уровня: «необходимые посредственности», но и фигуры большого ума и высоких знаний.

К сожалению, Андропов был болен. В книге «Здоровье и власть», которую в 1992 году издал Е. И. Чазов, отвечавший за здоровье членов Политбюро, говорится об этом (Чазов, 1992). Для консультаций еще в 70-е годы приглашали американского знаменитого врача-уролога А. Рубина, который заверил Андропова, что ему гарантировано не менее десяти лет полноценной жизни. Андропов несколько успокоился.

В ноябре 1982 года, когда Политбюро предложило Андропову стать Генсеком КПСС, он просил учесть его положение, подумать о другой кандидатуре, однако к его просьбе не прислушались. Это было известно всем. Едва став Генеральным секретарем ЦК партии в ноябре 1982 года, Андропов уже в июне 1983 года на Пленуме ЦК КПСС поставил ряд фундаментальных вопросов о развитии СССР. В частности, он сказал: «Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, **мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические**. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок.

Наука, к сожалению, еще не подсказала практике нужные, отвечающие принципам и условиям развитого социализма решения ряда важных проблем. Что я имею в виду? Ну, прежде всего выбор наиболее надежных путей повышения эффективности производ-

ства, качества продукции, принципы научно обоснованного ценообразования. И не только это. Жизнь постоянно выдвигает все новые и новые проблемы, с которыми связано движение нашего общества вперед. Тем более что теперь имеется и опыт социалистического развития ряда других стран, который требует внимательного изучения, оценки и обобщения» (Пленум ЦК КПСС..., 1983: 124–125; выделено мною. — *И. И.*).

«Вопрос этот был крайне серьезным — **необходимо было заново определить сущность созданного в стране строя и его место в истории человечества**», — пишет в своей книге «Главный свидетель» Н. И. Рыжков (Рыжков, 2010: 12; выделено мною. — *И. И.*). В связи с этим Ю. Андропов поручил члену Политбюро М. Горбачеву, кандидату в члены Политбюро В. Долгих и секретарю ЦК по экономике Н. Рыжкову тщательно изучить сложившееся в экономике положение и подготовить предложения по ее реформированию. «Наши наработки по этому вопросу, — пишет Н. И. Рыжков, — выполнялись с привлечением огромнейшего числа ученых, специалистов и производственников на протяжении двух лет и легли в основу апрельского (1985 года) доклада Горбачева на Пленуме ЦК КПСС. А далее, в течение всей второй половины 80-х годов в Правительстве СССР шла постоянная и напряженная работа по выработке конкретных путей и методов реформирования экономики» (там же).

Но Андропову становилось все хуже. Ситуация в Политбюро была сложной.

Общество ожидало перемен. И они, уверен, состоялись бы.

В прессе мелькала информация о том, что Андропов создал «мозговой центр», который нарабатывает идеи для будущей реформы. Какой была бы эта реформа? Сказать сейчас невозможно. Очевидно одно: будучи твердым приверженцем идеи социализма, Андропов пошел бы по пути его совершенствования и никогда не допустил развала Советского Союза.

В 1983 году в Москву снова прилетал А. Рубин, сказавший, что Андропов может сохранить работоспособность еще лет пять, а то и восемь (Крючков, 2003: 270–273). Андропов проработал в должности Генсека один год и три месяца, из них только около девяти месяцев был относительно работоспособен. Тем не менее в пору

властвования Андропова за это короткое время многое стало меняться к лучшему.

9 февраля 1984 года Андропов умер.

Генеральным секретарем стал тяжело больной К. У. Черненко. Через год с небольшим и он ушел в мир иной.

На первую роль теперь негласно претендовали В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома партии, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома партии. Однако единства по этим кандидатурам в Политбюро и ЦК КПСС не было. Гришин был стар и консервативен. Романов был скомпрометирован: на телевидении, радио и в газетах трезвонили, будто он устроил свадьбу своей дочери в Зимнем дворце, на пятьсот гостей, которые пили-ели из царских сервизов.

Кандидатура Горбачева всплыла давно, но как-то зависала в борьбе группировок Политбюро. Тогда, как рассказывает Анатолий Громыко в своей книге (Громыко, 1997), его отец, авторитетный член Политбюро, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, попросил сына неофициально связаться через посредника с Горбачевым и узнать, как он отнесется к тому, если на заседании Политбюро он, Громыко, встанет и предложит Горбачева на должность Генерального секретаря ЦК. При этом следовало добавить, что самому Громыко надоела роль министра иностранных дел и он не прочь перейти на другую должность.

Анатолий встретился с А. Н. Яковлевым, близким другом Горбачева, и тот согласился.

Дальше все пошло как по маслу.

Во все времена, а в XX веке и ныне особенно, едва ли не вся мировая история творилась на основе Заговоров, — революции, революции, войны одна за другой... А холодная война? А глобализация? А серия «цветных революций»? Что ни новое потрясение мира, то новый и по-новому замаскированный, хорошо стратегически и тактически спланированный, жестко управляемый малочисленной группой сверхбогатых людей процесс, цель которого — сохранение и умножение своей власти и своих богатств путем радикального преобразования (а по сути дела — разрушения) сотен национальных государств ради образования новых рынков сбыта, получения доступа к богатствам их недр (нефть, газ, металлы и

пр.) и превращения населения в дешевую рабочую силу. Заговор — это тайна, нарушение которой — смерть.

Взгляд на историю как на Заговор многие в нашей стране воспринимают скептически. Например, академик РАН Г. В. Осипов считает, что теория заговора — это «худосочная доморощенная фантастика» (Сазонов, 2010: 8). Удивительно и то, что он заявляет об этом в своем предисловии к книге А. А. Сазонова «Кто и как уничтожал СССР?», где публикуется 400 архивных документов (из них 300 — впервые), свидетельствующих о том, что внутри руководства СССР существовал заговор, более того — что предатели были в сговоре с внешними силами.

Почему люди не хотят поверить в очевидное? Больно? Стыдно? Мы не хотим думать, что странами лишь изредка управляли и управляют личности, одаренные высоким интеллектом и высшими добродетелями, а чаще всего люди пустые и ничтожные, но безмерно корыстолюбивые, тщеславные, с безумной тягой к сладострастию, больные манией величия. Между тем, как не без оснований пишет автор книги «Денежная держава» А. К. Крыленко, даже падение Древнего Рима было спланировано еврейскими лидерами и осуществлено посредством финансового манипулирования в отместку за выселение евреев из Палестины (Крыленко, 2002: 11).

...Есть тайна двух, но тайны нет у трех. Кто-то из мудрых сказал, что трое способны хранить тайну, если двое из них мертвы. За тайной обычно кроются подлость и преступление. Но как назвать преступление, если «верхи» таят свои цели и дела от народа, который дал им власть и которому они поклялись служить верой и правдой изо всех своих сил?.. Бывают заговоры геройского патриотизма — ради народа, ради своей Родины, — в основе которого лежит тайна. Такая тайна — свята. Но в данном случае («перестройка» общества — контрреволюция) речь вовсе не о том, речь о заговоре «травоядных хищников».

Было время, когда я читал книги о тайных обществах, попадавшие в мои руки случайно, из чистого любопытства. К разговорам об истории как заговоре тоже относился иронически. Не верил, что существуют масонские ложи. Все это казалось мне, честно говоря, чем-то вроде сказок о домовых, ведьмах, колдунах и злых духах.

Но теперь мы знаем: масоны — не выдумки, а реальность. Масонские ложи были и существуют и в нынешней России. Однажды, в конце 1990-х, по Центральному телевидению показывали ритуал посвящения в масоны. Одним из посвящаемых был тогдашний министр обороны РФ П. Грачев.

Теперь нам известно, что в мире действуют такие тайные организации, как Фабианское общество, Королевский институт международных отношений, Совет по международным отношениям, Институт тихоокеанских отношений, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия.

С начала «реформ» 1991 года жители России узнали о существовании Всемирного банка, Международного валютного фонда, Федеральной резервной системы США. Многие между тем и поныне не представляют, что это структуры не только финансовые, а многоцелевые, тесно связанные между собой, втянутые в глобальные мировые игры.

Кое-кто из российских политиков и бизнесменов не только слышал об этих организациях, но и входит в их состав. Однако простые граждане России в абсолютном большинстве об их природе, целях и задачах, о взаимосвязи и деятельности не имеют ни малейшего представления. А это ведь не кружки орнитологов и не клубы собаководов. Здесь обсуждаются судьбы королей и президентов, будущее стран и регионов планеты.

Вот в начале июня 2012 года в отеле «Marriott» на окраине Вашингтона состоялось очередное заседание Бильдербергского клуба (Pavia, 2012). В октябре 2015 года Клуб снова собирался — в Германии. Миру известно лишь одно: семьи Ротшильдов и Рокфеллеров, контролирующие большинство названных тайных структур, в 2012 году заявили о слиянии части своих капиталов. Впервые в истории! Ради каких целей? Этого мир не знает и не будет знать. Остается только гадать. Между тем Дэвид Рокфеллер — один из создателей и почетный (ему 99 лет!) руководитель Бильдербергского клуба, который считают филиалом тайного мирового правительства.

В 1913 году Ротшильды и Рокфеллеры и еще несколько богачей создали (приватизировали!) Федеральную резервную систему, печатающую доллары США. Тогда это был секретный

план — Заговор, о котором не знал никто. Теперь знают: печатный долларовый станок в руках этих семей.

Как в царские и советские, так и в нынешние времена Россия живет в атмосфере напряженных международных отношений, часто враждебном ей мире, который столетиями борется с ней и будет бороться, пока не победит либо не получит очередной сногсшибательный отпор. Эту истину надо держать в голове руководителям страны и всему народу России.

Около 10 лет назад я отыскал в исторической библиотеке сборник совершенно секретных документов под названием «Сдерживание. Документы внешней политики и стратегии США в 1946–1950 гг.». Сборник был издан Колумбийским университетом в 1978 году после того, как истек срок их секретности. В этом сборнике многие десятки документов. Один из них называется «Цели США в отношении России» (НСБ 20/1 от 18 августа 1948 года).

Какими же были главные цели США в отношении России (так они именовали СССР) в 1948 году у союзников СССР в борьбе с Гитлером?

«Прежде всего, стоит отметить, что вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше. То есть даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее:

а) Отсутствие у подобного режима большой военной мощи.

б) Его сильную экономическую зависимость от внешнего мира.

в) Соблюдение им прав национальных меньшинств.

г) Отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным. Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить за их соблюде-

нием, если мы хотим мира и стабильности во всем мире» (Главный противник, 2006: 202–203).

Вскоре этот документ был несколько переработан, получил новое название — «Задачи программы национальной безопасности США» (НСБ 68 от 14 апреля 1950 года). Все названные цели оставались в силе, однако появились существенные дополнения. В завершении документа было сказано: «Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война — это **на самом деле настоящая война**, в которой на карту поставлено выживание свободного мира» (там же: 451; выделено мною. — *И. И.*).

Долгие годы после Второй мировой войны ходили слухи о том, что еще до 9 мая 1945 года У. Черчилль разработал секретный план нападения Великобритании, США, их сателлитов (Италия, Польша, Канада, Греция и др.), а также оставшихся немецких дивизий на Советский Союз. Долгие годы власти Британии и США отказывались признать правдивость этих слухов, однако под давлением общественности в 1998 году, т. е. через 43 года, были вынуждены обнародовать факт: секретные военные планы Черчилля против СССР под кодовым названием «Немыслимое» существовали и были представлены ему 22 мая 1945 года с грифом «Совершенно секретно». Они хранились в государственном архиве Великобритании.

Операция «Немыслимое» означала Третью мировую войну, которая должна была начаться 1 июля 1945 года. Штаб объединенного планирования Военного кабинета утверждал, что «акция» получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов; что «Великобритания и США имеют полную поддержку со стороны польских войск» (там же: 455–456).

Однако, анализируя состояние вооруженных сил СССР, руководители Военного кабинета отметили, что «в русской армии сложилось способное и опытное Верховное главнокомандование»; что «это чрезвычайно стойкая в бою армия»; что оснащение русской армии «определенно не хуже, чем у других великих держав» (там же: 476, 477).

В сопроводительной записке Черчиллю начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук и начальники штабов ВМС и ВВС сообщили, что превосходство сухопутных советских войск (264 дивизии, в том числе 36 танковых) против армий США, Британии, ее доминионов и Польши (103 дивизии) оценивается как 2:1 (там же: 492). «Поэтому мы считаем, — писали военачальники, — что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане» (там же: 493).

Черчилль в своем ответе Объединенному штабу планирования от 10 июня 1945 года согласился с выводами своих подчиненных.

Никто не знает, однако, как мог бы развиваться далее этот страшный заговор в тот момент еще бывших союзниками СССР в войне против Гитлера, если бы США не находились в состоянии войны с Японией. Дело в том, что на Ялтинской конференции Сталин обещал Рузвельту, что после окончания Великой Отечественной войны Советский Союз объявит войну Японии. Однако в случае, если бы Америка и Англия решились на операцию «Немыслимое», СССР вступил бы в «альянс» с Японией. Об этом сообщали Черчиллю его подчиненные (там же: 456).

Не стоит сомневаться, что то же самое сказал ему и новый президент США Г. Трумэн. Но, чтобы продемонстрировать силу США и показать СССР, «кто в мире хозяин», Трумэн сбросил атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, хотя было ясно, что Япония повержена советскими войсками, что она не может продолжать борьбу с США: Квантунская армия была полностью разгромлена.

Заговор «Немыслимое» Черчиллю не удался. Он отнес его к «гипотетической вероятности» (там же: 494). В те дни, вероятно, он и придумал новую «операцию» под названием «холодная война».

А что такое в самом деле — холодная война? Сплошной заговор, длившийся около 50 лет, пока СССР не был уничтожен объединенными силами изнутри и извне. И не была ли «перестройка» одной из «акций» типа «Немыслимое»? Ведь замысел Черчилля в мае 1945 года был из разряда, казалось бы, чистых фантазий: как

возможно, казалось бы, такое — воевать против общего врага, каким был Гитлер для СССР и Великобритании, и, еще не добив его, точить нож на своего союзника? Какая уж тут «худосочная фантазия», если человека испепеляет идеологическая ненависть?..

Черчилль ненавидел самое идею коммунизма, потому что боялся ее заразительности для простых людей. Страх рождал ненависть, и она лишала его способности широкого миропонимания, в котором есть место не только лордам, пэрам, сэрам, но и чернорабочим.

Ненависть заставляла этого человека смешивать истину с ложью, а ложь с истиной; ненависть порождала в нем коварство и пожелание гибели новому мировоззрению и новому социальному жизнеустройству, поскольку изнутри них исходила страшная угроза его древнему роду господ. Ненависть заставляла этого вроде бы очень умного человека, доброго к отдельным людям, презирать и ненавидеть целые нации и народы. Как ни странно, но было что-то общее в характерах таких разных людей, как Черчилль и «герои» «перестройки», хотя были они людьми разными по крови и социальному происхождению.

Сегодня «перестройку» называют заговором многие. Однако звучит это слово скорее как подозрение, а не обвинение. Потому что не показаны истоки заговора, не раскрыты идеи и связи, соединившие маленькую группу людей в неформальное тайное сообщество. Не названы информационные источники, которые только и позволяют считать их совместную деятельность антигосударственной, антипартийной, а значит — преступной.

Существует три очевидных способа разоблачения заговора: признание одного из его организаторов и участников; показания людей, не входивших в круг организаторов заговора, но, в силу близости к ним по служебным обязанностям, неосознанно действовавших в интересах заговорщиков; раскрытие заговора путем научного анализа действий подозреваемых в преступлении на основе информации, полученной из опубликованных и архивных материалов невольных участников заговора, а также (что особенно важно и необходимо) самих заговорщиков. Только в этом случае возможно со стопроцентной точностью сказать: «Да, это был заговор».

На сегодняшний день никто из троих подозреваемых (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе) так прямо не сказал: «Да, это был заговор». Двое уже и не смогут это сделать: Яковлев и Шеварднадзе умерли. Горбачев молчит. Но все трое так много сказали о своих помыслах и делах (особенно Яковлев) в собственных публикациях, что, прочитав их книги, можно с полной уверенностью утверждать: нет никаких сомнений, что «перестройка» была заговором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. (2006) / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 504 с.

Громыко А. А. (1997) Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО «Автор». 255 с.

Крыленко А. К. (2002) Денежная держава: Тайные механизмы истории: пер. с англ. М.: Энциклопедия рус. цивилизации. 207 с.

Крючков В. А. (2003) Личное дело. М.: Эксмо. 480 с.

Пленум ЦК КПСС. 14–15 июня 1983 года (1983): стенограф. отчет. М.: Политиздат. 221 с.

Рыжков Н. И. (2010) Главный свидетель. М.: Алгоритм; Эксмо. 239 с.

Сазонов А. А. (2010) Кто и как уничтожал СССР? Архивные документы. М.: Ин-т социально-политических исследований РАН. 564 с.

Чазов Е. И. (1992) Здоровье и власть: Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости. 224 с.

Pavia, W. (2012) Secretive cabal with a plot to rule the world take a step out of the shadows [Электронный ресурс] // The Times. June 1. URL: http://thetimes.co.uk/tto/news/world/americas/article3432505.ece [архивировано в WebCite] (дата обращения: 30.10.2015).

Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4.

II

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ: УРОКИ ИСТОРИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

ИСТОРИЯ УЧИТ[1]

Книга эта по-своему уникальна: в ней **впервые на русском языке** публикуются некогда **совершенно секретные** документы внешней политики и стратегии США 1945–1950 годов в отношении России[2]. Документы эти — первая и небольшая, но чрезвычайно важная часть общего замысла и плана начального этапа холодной войны, которую Запад, и прежде всего возглавлявшие его Соединенные Штаты Америки, в течение почти полувека вели против Союза Советских Социалистических Республик.

Можно сказать, что перед читателем своего рода «коллективная монография», которую писали сотни в подавляющем большинстве неизвестных нам американских специалистов высшего класса — сотрудники Штаба планирования политики, Совета национальной безопасности, вооруженных сил, военно-морских и военно-воздушных сил США, Государственного департамента, Комитета по государственным стратегическим ресурсам и, разумеется, Центрального разведывательного управления. Каждое

[1] Вступительная статья к книге «Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.» (2006).

[2] Документы, публикуемые в настоящем сборнике, отобраны из издания, составленного Томасом Х. Этцолдом и Джоном Левисом Гэддисом, под названием «Сдерживание: Документы американской политики и стратегии, 1945–1950» (Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N. Y.: Columbia University Press, 1978). Для перевода на русский язык я выбрал из представленных 52 документов лишь те, которые отражают стратегические планы США в отношении СССР (в текстах чаще всего звучит Россия). В дополнение к основному составу сборника даны важные для понимания темы высказывания Уинстона Черчилля.

слово здесь обдумано, каждая цифра тщательно выверена, каждый прогноз наверняка просчитан многовариантно и выбран тот (или два-три), который вероятен в наибольшей степени. Подавляющее большинство этих документов утверждены президентом США Г. Трумэном.

Тексты писали люди, которые знали, что придет время, когда документы будут рассекречены, станут доступны широкой общественности. Поэтому проницательный ум без труда отметит, что авторы документов смотрели на свое творение и глазами читателей из будущего, излагали мысли порой прямо-таки романтическим, а лучше сказать — пропагандистским языком, видимо, для того, чтобы при самом худшем развитии событий, т. е. в случае ядерной войны, правительство США не потеряло лицо в мировом общественном мнении и в глазах своего народа.

Во многих документах встречаются значительные изъятия из текста; в некоторых случаях прямо говорится, что это «отрывки». Известно, что отдельные документы не опубликованы до сих пор. Это значит, что нечто самое главное все еще остается неизвестным и, вполне вероятно, останется вечной тайной.

«**Уничтожьте эти документы!..** — такова была, возможно, несколько несдержанная, реакция одного из нас на недавнюю публикацию нового сборника документов по дипломатии периода Второй мировой войны», — пишут в предисловии к сборнику «Сдерживание» его редакторы Т. Х. Этцолд и Д. Л. Гэддис. Сокрушались они, правда, о другом издании[1], но мысль — уничтожить документы — наверняка не раз посещала их головы, когда они читали и сортировали материалы сборника «Сдерживание».

Спрашивается: почему эти люди были так взволнованы? Ответ может быть только один: в 1978 году политические тайны обоих этих сборников продолжали оставаться скрытой частью внешней политики США. Еще в разгаре была холодная война, и США еще только мечтали о победе, а в СССР никто даже помыслить не мог, что всего через 13 лет страна с названием Советский Союз в одночасье исчезнет с политической карты мира.

[1] The Great Documents Deluge. Society for Historians of American Foreign Relations. N. Y., 1976.

Почему же тогда американское правительство, еще не будучи «триумфатором», решилось сообщить своему заклятому врагу и всему миру о хранившихся за семью печатями своих еще недавних планах?

На мой взгляд, прежде всего потому, что опубликовать в 1978 году эти документы было очень выгодно: мировая система социализма уже дала заметные трещины. Позади были венгерские и чешские события. Резко обособилась от СССР Югославия, образовав первую брешь в единстве коммунистических рядов. К моменту рассекречивания и публикации документов уже проявился конфликт с крайне амбициозным лидером Румынии Чаушеску. Мир находился в шоке от военных пограничных столкновений СССР с Китаем. Утратили свой былой авторитет коммунисты во Франции и Италии. Нарастали масштаб и острота кризиса внутри самого Советского Союза.

Многие из этих событий, процессов и тенденций предсказывались в документах американских аналитиков, и это не могло не вдохновить их. Публикация документов носила устрашающий характер для руководства СССР, деморализовывала и еще более раскалывала мировое коммунистическое движение. Это был сильный психологический ход. Особенно для слабонервных и шатких в своих воззрениях людей. А таких в руководстве КПСС и других компартий было достаточно много.

В СССР и странах Восточной Европы с помощью спецслужб США ширилась и множилась так называемая пятая колонна; в том числе и в самых верхах: в органах партийной и государственной власти появлялись «агенты влияния», которые, словно черви и жуки, разрыхляли и без того уже расплывавшийся фундамент, на котором стояла Система[1].

[1] С некоторыми из людей такого рода, участвовавшими в развале СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов, я был достаточно хорошо знаком, чтобы утверждать: они выполняли именно эту роль — роль «агентов». Из опубликованных документов ясно, что их авторы рассчитывали на силы, скрытые внутри советского общества, как на своих будущих помощников. В ЦК комсомола и Высшей комсомольской школе я работал вместе с Ю. Н. Афанасьевым, ставшим впоследствии одним из ближайших содельников Б. Ельцина в пору борьбы с Горбачевым за захват власти. В конце 70-х годов у меня была возможность неоднократно беседовать на идеологические темы с А. Н. Яковлевым — как полагают

Конечно, прежняя Система (впрочем, как и любой социальный организм) была, скажем так, далеко не идеальной, несла микробы гибели и в самой себе. Как долго могла бы еще существовать эта Система, выжила бы она, избавившись от внутренней заразы, или все-таки погибла бы — этот вопрос сейчас обсуждать бессмысленно, прежде всего потому, что супердержавы под названием Союз Советских Социалистических Республик, оргструктуры по имени Коммунистическая партия Советского Союза больше нет.

Однако существует Россия, настоящее и будущее которой интересует меня больше всего. Она находится ныне в более плачевном состоянии, чем СССР в 1945 году или в «эпоху застоя». Даже официальные лица высшего ранга (скажем, бывший руководитель Аппарата Администрации Президента РФ, а ныне — первый заместитель премьера России Д. Медведев) не исключают возможного развала страны. В том же духе высказываются многие политики и политологи.

В этом смысле публикуемые документы, если прочитать их вдумчиво, чрезвычайно поучительны. Сегодня нам снова пытаются внушить мысль о том, что внешние разрушительные силы не имеют никакого значения, что все дело в нас самих, и только. И множество людей — даже на фоне до безобразия развязной внешней политики США, продвижения НАТО на Восток, поддержки Западом чеченских боевиков в войне против центральной власти и остальной части России, разного рода «цветных революций» на Украине, в Грузии, Киргизии, Узбекистане и т. п. — искренне верят в то, что США и их натовские союзники в своей политике относительно России исполнены исключительно благих помыслов.

Между тем директор Центра политики и безопасности США Ф. Гафней говорит: «**Победа США в холодной войне** была ре-

многие, «архитектором» гласности и перестройки. Речь не о том, что эти и им подобные люди были напрямую связаны со спецслужбами США или других стран, хотя наверняка были и такие. Имеется в виду, что, занимая крупные посты в органах партии и государства, они разделяли взгляды идеологического противника на будущее СССР. Конечно, лучше или хуже, они исполняли и свои служебные функции, иначе их сняли бы с постов. Но они говорили и делали также «нечто» такое, что разрушало Систему.

зультатом целенаправленной, планомерной и многосторонней **стратегии** США, направленной на сокрушение Советского Союза... В конечном счете **скрытая война** против СССР и создала условия для победы над Советским Союзом»[1]. Стратегический расчет, скрытность и двойные стандарты в отношениях с Россией были и остаются главными характеристиками внешней политики США.

Вот почему я говорю: **прочитай эти документы**, уважаемый читатель! Они позволяют понять замыслы, логику и характер действий США не только в далеком прошлом, но и **в современном мире**, их политику в отношении **нынешней России**.

1. ИСТОРИЯ КАК ТАЙНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

В простейшем варианте история (от *греч.* historia) есть **рассказ**, свидетельство, **описание** прошлого. В более широком смысле понятие «история» используется для характеристики происхождения, формирования и преобразования любых явлений, систем, протекания и трансформации любых процессов. Это так называемая **естественная** история, в которой явления и события **в результате деятельности людей** разворачиваются **во времени**, в определенных **условиях**, с использованием определенных средств и методов, с достижением определенных **результатов**. Таким образом, историю можно представить как бесконечно многообразную череду **случайных** явлений, событий и процессов, возникающих в результате **бессознательных и иррациональных** действий, поступков миллионов и миллиардов людей.

Однако, как известно, в Происходящем, а затем в Истории (наряду с хаотичным, случайным, иррациональным) существует **огромный сектор**, который приходится на **сознательно организованное**. Планируется не только строительство городов, предприятий, запуск космических ракет и т. п. Планируются драмы и трагедии будущего — ссоры, конфликты, войны любого масштаба. Вначале — **планируются**, а затем — **разыгрываются**. В делах го-

[1] Цит. по: Панарин И. Информационные войны: теория и практика // Кадровая политика. 2002. № 2. URL: http://kadr_politika/22002/iv.htm

сударственного масштаба, в политике, и тем более политике внешней, сектор публичности чрезвычайно узок. Обществу известно только то, что ему следует знать. В основном же внешняя политика представляет собой предмет высшей государственной тайны. Президент США Ф. Д. Рузвельт говорил: «В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то **так было задумано**».

Существует, как известно, взгляд **на историю как на Заговор**. Согласно этой точке зрения отдельные могущественные организации — государства и их различные органы, группы влиятельных людей и отдельные личности могут **творить хаос вполне сознательно**, исходя из своих сугубо рационально-эгоистических соображений и прагматических целей.

Такой взгляд на историю вполне обоснован, особенно в том случае, когда речь идет о внешней политике США, ибо она строится на основополагающем тезисе установления «нового мирового порядка», **завоевания мирового господства**. В этой грандиозной амбиции самой по себе никакого секрета нет. Об этом знает весь мир. Но частные цели этой стратегии, формы и методы достижения конкретных задач на различных этапах истории тщательно маскируются, реализуются тайно, окутаны секретностью: во все века тайна и коварство служили и служат способом достижения неблагородных целей.

Публикуемые в данной книге документы носят разные названия: «стратегия», «концепция», «доктрина», «программа», «план», но их объединяет то, что все они имели одну цель и все они тайные. Реализованные через последовательную политику США по разрушению СССР, они вели к развалу сверхдержавы, который случился не только «закономерно», в силу ряда порочных начал самой Системы, не только «случайно», как момент всеобщего хаоса и ошибок в управлении развитием, но также (и в огромной мере!) именно вследствие внешнего воздействия согласно тайному замыслу.

В сказанном нет ничего нового «в принципе». Для меня вопрос в оценке происшедшего кроется в трех «частностях» — закономерном и случайном, идущих изнутри самой Системы, и запрограммированном, целенаправленном, последовательном и интенсив-

ном воздействии на эту Систему извне, со стороны. Выразиться еще точнее — в соотношении воздействия внутренних и внешних факторов.

В интересах наших противников сказать: «Все дело в пороках самой Системы; она не могла не погибнуть в силу внутренних противоречий».

С изложения философских основ коммунизма и противостоящего ему либерализма начинается документ, принятый в 1950 году с целью корректировки прежней стратегии США в отношении СССР[1]. Упор делается на том, что коммунизм — это утопия. При этом «забывается», что либерализм в американском исполнении — такая же утопия. Возможно, это не осознавалось авторами в тот момент, но ясно теперь, через 55 лет, когда он предстал перед человечеством в образе «свободного» — не связанного никакой моралью, не ограниченного никакими законами, вооруженного до зубов монстра, стреляющего ракетами в любую сторону, откуда раздается подозрительный, на его взгляд, звук.

В интересах проигравшей (СССР) и продолжающей проигрывать стороны (теперь — России) сделать акцент на роли внешнего воздействия. Рассматривая причины распада СССР, на мой взгляд, правильно было бы сказать так: «Да, страна разваливалась. Но она развалилась потому, что ее разваливали». Отвечая на вопрос: «Почему страна разваливалась?», кроме всех прочих причин, я назову субъективный фактор, а именно деградацию системы управления страной. Система была настолько могуча, что могла бы вынести еще многое, пока ее не начали «перестраивать» и «реформировать».

В самом деле, если экономика СССР была в «застое», а страна якобы жила в основном на нефтедоллары, что и послужило причиной «перестройки», то что же делать сегодня с Россией, которая в угаре «реформирования» уничтожила одну из самых сильных экономик в мире и теперь существует исключительно за счет торговли нефтью, газом, лесом и другими сырьевыми ресурсами? Такую страну надо снова реформировать.

[1] Containment. Doc. 68.

Но в какую сторону? Дело было не в экономике, а в идеологии, политике и геополитике. В тот момент именно они интересовали США более всего. Но для этого надо было запустить механизм саморазрушения, самораспада страны и всей системы коммунизма. На это и была направлена вся стратегия и политика США. Были найдены несколько способов, следы которых читатель, умеющий «расшифровывать» политические тексты, найдет в публикуемых материалах: первый — разжигание противоречий между властью и народом; второй — национализм; третий — сепаратизм. Наконец, действие по принципу «Бей по голове, остальное само рассыплется». Ближе к нашей теме этот способ надо назвать «Огонь по штабам!». Иначе говоря, в рамках стратегий и доктрин США, несомненно, рассматривалось высшее руководство СССР: его состояние, преемственность, преемники и т. п.[1] Думаю, что документы такого рода разрабатывались, и именно они относятся к разряду вечных тайн, о которых станет известно в лучшем случае через столетие.

Механизм саморазрушения СССР («стремление к смерти», которое «живет» в каждом человеке и любом социальном организме, в том числе, замечу, и в американском обществе) стимулировался

[1] По поводу того, что такая работа планировалась и проводилась, у меня нет никаких сомнений. В 1971 году в СССР по приглашению Комитета молодежных организаций (КМО) СССР находилась первая в истории молодежных связей делегация Ассоциации молодых политических деятелей (АМПД) США, объединявшая наиболее перспективную часть американской политической элиты. Задача ассоциации состояла, в частности, в установлении связей и отношений с той частью молодежи СССР, которая уже добилась заметных успехов в политике и профессиональной карьере и представляла собой резерв на выдвижение во власть. Я (тогда главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь») был в числе тех, кто принимал эту делегацию, а затем в ноябре 1972 года в составе делегации из 11 человек выезжал в США по приглашению АМПД. В 1999 году по приглашению АМПД я вновь побывал в США в составе делегации ветеранов КМО. Наши партнеры совершенно не скрывали, что их задача — узнать, что представляет собой каждый из нас в данный момент, с тем чтобы лучше прогнозировать и понимать действия и поведение тех, кто затем состоится в «большой» политике. Таких оказалось немало: П. Лучинский впоследствии стал первым секретарем ЦК КП Молдавии, потом — секретарем ЦК КПСС, а затем — президентом Республики Молдова; А. Гиренко — секретарем ЦК КП Украины, секретарем ЦК КПСС; Г. Янаев — председателем ЦК профсоюзов СССР, вице-президентом СССР и т. д.

извне, со стороны спецслужб США: инакомыслие, пессимистические взгляды, негативные настроения и т. д., для которых внутри советского общества имелось достаточно много оснований, усиливались искусственно посредством откровенной лжи, клеветы, провокаций, диверсий, о чем читатель также узнает из материалов книги.

«Ну а при чем тут история?» — спросят меня. Да при том, что появление такого рода неизвестных ранее материалов, как те, которые содержатся в данной книге, от дотошного и честного историка требует передумать и переобъяснить, скажем, этапы «гласности», «перестройки», «реформ» и многое другое.

Конечно, можно полагать, будто «гласность» и «перестройка» — это озарение М. С. Горбачева, и только его. А возможно, что, как говорится в одном широко известном анекдоте, их «навеяли фуги Баха», и тогда Горбачев предстанет перед нами не в образе «великого мыслителя, избавившего мир от чумы коммунизма», а всего лишь Нарцисса или честолюбивого Нерона со всеми вытекающими отсюда историческими оценками.

Можно, конечно, продолжать, как это делают до сих пор многие, восхищаться непредсказуемостью Б. Н. Ельцина и его отчаянным бесстрашием перед творением всевозможных и бессчетных ошибок в «демократическом» руководстве страной. Но пора бы увидеть за политической чехардой и безумной катавасией его деяний мягкое дирижирование «оттуда» его неистовым стремлением властвовать во что бы то ни стало. Разве в этой трагической какофонии не является пиком звучания расстрел из танков всенародно избранного парламента — расстрел, который США и весь Запад восприняли как норму жизни «новой» России?

И разве присутствие в Правительстве РФ, во всех министерствах и в регионах сотен американских советников, подсказывавших, как надо осуществлять российские реформы, не является открытым дирижированием? А что мы знаем о тех переговорах, которые в разное время, бывая в США, вели Гайдар, Чубайс, Кох, Немцов, Явлинский, Ходорковский и многие другие? Это тайные истории, которые еще не вошли в открытую историю, знание которых, однако, стань они известными, воз-

можно, во многом перевернуло бы наше представление о совсем недавнем прошлом.

Одним словом, история становится подлинной историей лишь тогда, когда становится известной лицевая сторона событий и явлений, а также стоящие за ними субъекты. Только тогда можно сказать, что мы знаем действительную историю, поскольку имеем возможность не просто рассказать о той части событий и процессов, которые были известны, но перейти к их научно-теоретическому объяснению. Только такая история стоит того, чтобы ее по-настоящему изучать, знать и понимать. Ибо только такая история действительно учит.

В этом смысле публикуемые в данной книге документы являются бесценными. Даже самому наивному обывателю они дают возможность узнать и понять, что холодная война, воспринимавшаяся абсолютным большинством населения СССР да и во всем мире как красивая метафора и обозначение некоторой ненормальности в отношениях Востока и Запада, по своему существу была самой настоящей войной на уничтожение Советского Союза, в основе которой был Тайный Замысел.

14 декабря 1947 года Совет национальной безопасности США предоставил ЦРУ право на проведение **тайных психологических операций** — главным образом действий, включающих использование анонимных, подложных и/или заказных публикаций. Этот документ до сих пор не опубликован. С того времени расширение потенциала тайных операций стало одним из направлений американской политики.

18 июня 1948 года Совет национальной безопасности США принял документ NSC 10/2 «Об отделе **специальных проектов**». Как говорится в этой директиве (док. 7), под термином «**тайные операции**» подразумеваются **все действия**, которые проводятся или организуются правительством США «против **враждебных** иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и проводятся так, чтобы какая-либо ответственность за них правительства США была не очевидна для неуполномоченных лиц, а в случае раскрытия правительство США могло бы **правдоподобно отказаться от какой-либо ответственности за них**». В ди-

ративе, в частности, установлено, что такие операции включают любые действия, связанные с пропагандой, **экономической войной, превентивными активными (!) действиями**[1], в том числе «мероприятия по саботажу, антисаботажу, **уничтожению** и эвакуации, подрывной деятельностью против враждебных государств, включая помощь нелегальным движениям сопротивления, партизанам и освободительным группам в изгнании и поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся под угрозой странах свободного мира».

Известно, что психологическая война со стороны США сопровождалась серьезными научными исследованиями тайных механизмов управления людьми на индивидуальном и коллективном уровнях. Специальные секретные лаборатории и институты действовали в Колумбийском, Нью-Йоркском, Стенфордском и многих других университетах. Объектами изучения и воздействия были прежде всего молодежь, инакомыслящие, националистически настроенные люди. Разжигались классовая и национальная рознь, ненависть к власти и общественному строю, делался акцент на его недостатки и преимущества западного образа жизни и т. п. Поощрялись клевета, анонимные доносы, натравливание и тому подобные методы.

В результате длительного и массированного воздействия на людей по радио и с помощью различной литературы парализовывалась самостоятельность мышления, происходило постепенное перепрограммирование сознания человека, складывался определенный тип мышления.

---

[1] Превентивная политика, взятая на вооружение дипломатией США в начале XX столетия, активно и эффективно используется и поныне. Ее смысл — в постоянной угрозе применения силы в отношении той или иной страны с целью подчинения ее внутренней и внешней политики интересам США. Госдепартамент и послы США, непрерывно выступая с различными заявлениями относительно невыгодных для США решений и планов, постепенно превращаются в неофициального члена кабинета правительства страны «Х», пользующегося правом вето. Правительство и страны, принимающие такие правила политической игры, считаются США «демократическими» и «хорошими». Правители, отказывающие США в праве постоянно вмешиваться в дела своей страны и диктовать свою волю, тут же объявляются «диктаторами», «тиранами» — «плохими». Дальнейший сценарий одинаков для всех и хорошо известен военным по давним телеспектаклям из Югославии, Ирака, Афганистана.

Во всей полноте тайные замыслы и планы, тайные способы борьбы, а тем более осуществленные тайные операции известны только их вдохновителям и организаторам. Публикуемые материалы приоткрывают лишь малую часть этих замыслов. Я коснусь только четырех важнейших документов.

Первый документ — так называемая «Длинная телеграмма» Джорджа Ф. Кеннана, который был временным поверенным в делах США в Москве после Второй мировой войны (Док. 1). Телеграмма направлена 22 февраля 1946 года в Госдепартамент США и состоит из 8000 слов, что необычно много для дипломатической переписки. В этом документе Кеннан представил свой анализ менталитета и поведения не только советских политических и государственных лидеров того времени, но также и русского народа в целом. Квинтэссенция этого менталитета и вытекающего из него образа мыслей и действий, по мнению Дж. Кеннана, состояла в том, что враждебность России в отношении Запада надо объяснять не тем, что Запад враждебен к России, а потребностью советского руководства во враждебном внешнем мире, что позволяло ему находить оправдания для своего авторитарного правления; поскольку мирное сосуществование с капитализмом невозможно, значит, капиталистический образ жизни должен был быть уничтожен. Телеграмма стала толчком в переменах в отношении СССР, в значительной степени повлияла на внешнюю политику США. Эта политика продолжается, на мой взгляд, и ныне.

Конечно, сегодня невозможно говорить о том, что Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над Гитлером, не стремился использовать свое возросшее влияние в мире и расширить сферы своего влияния. В СССР утвердились идеи о «мировой революции», о том, что «социализм и коммунизм идут на смену капитализму», что «коммунизм — это высшая стадия общественного развития», а потому «гибель капитализма неизбежна». Нельзя не понимать, что эти агрессивные тезисы не могли не вызвать чувства психологической тревоги на Западе, прежде всего у правительства США — страны, которая назначила сама себя ответственной за мировой порядок. Однако, как позднее признавался тот же Кеннан, «это была скорее тень, чем сущность опасности, которую

мы должны были разогнать». Став впоследствии одним из главных аналитиков Госдепартамента США, Кеннан писал в «Обзоре политической ситуации в мире» (6 ноября 1947 года): «Советское правительство не хочет и не ожидает войны с нами в обозримом будущем» (Док. 5). В самом деле, до войны ли было СССР после победы в Великой Отечественной войне, стоившей ему свыше 20 миллионов жизней и немыслимой разрухи всего хозяйства, на восстановление которого, как полагали западные эксперты, понадобится около 50 лет.

Однако Западу, и прежде всего США, которые, как и после Первой мировой войны, вышли из Второй мировой войны не ослабленными, а еще более окрепшими, нужен был образ врага. Во исполнение этого желания геополитики и «практики» дипломатии создали миф о «советской угрозе», «ответом» на которую с американской стороны якобы и стала доктрина «сдерживания». Хотя на самом деле, на мой взгляд, доктрина «сдерживания» была доктриной «нападения», доктриной геополитической экспансии, в рамках которой один за другим разрабатывались планы начала ядерной войны с СССР, что видно из публикуемых материалов. И пусть не смущает читателя тот факт, что все эти планы определялись в качестве «ответной меры», «ответных ударов». Ни в одной стране не существует министерства войны или министерства нападения; все такого рода структуры называются министерствами обороны, министерствами вооруженных сил. В политике «ястребы» всюду рядятся «голубями».

Война против СССР планировалась, что называется, на завтра. 21 июля 1948 года был принят «Чрезвычайный план боевых действий на случай войны в ближайшем будущем» (HALFMOON) (Док. 26). В документе Комитета начальников штабов «Формула для определения запаса вооружений страны» 626/3 от 3 февраля 1948 года (Док. 25) говорилось, что, несмотря на имеющуюся у США ядерную монополию, война с Советским Союзом в ближайшие несколько лет будет по продолжительности и характеру напоминать Вторую мировую войну.

В документе «Оценка результатов воздействия стратегического воздушного наступления на элементы советской боеспособности» от 11 мая 1949 года (Док. 31) высказывалось предположение о том,

что в результате применения атомного оружия погибнут 2 млн 700 тыс. человек плюс дополнительные потери составят 400 тыс. человек, а 28 млн человек в 70 городах останутся без крова[1].

В «Объединенном чрезвычайном плане боевых действий» (OFFTACKLE) от 26 мая 1949 года (Док. 27) говорилось, что война «предположительно должна начаться 1 июля 1949 года». В документе «Краткое описание характера войны в ядерную эпоху» от 16 декабря 1948 года (Док. 29) предполагается, что война начнется в 1964 году.

Второй документ — принятая 18 августа 1948 года Советом национальной безопасности США совершенно секретная директива «**Цели США в отношении России**» (NSC 20/1, Док. 14). Она составлена в руководимом все тем же Джорджем Кеннаном Бюро по планированию внешней политики Госдепартамента США. 23 ноября 1948 года окончательный вариант этой директивы был утвержден президентом Трумэном в виде директивы NSC 20/4. Эти директивы наряду с директивами Комитета начальников штабов

[1] В сборнике «Сдерживание» мало цифр и конкретных данных о масштабах предполагавшихся «ответных ударов». Они просто изъяты редакторами. Но в других источниках (Шерри М. Подготовка к следующей войне. М., 1977; сборник под редакцией А. Брауна «Дропшот». План Соединенных Штатов о войне с Советским Союзом в 1957 г.; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1979; Петрусенко В. В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985; Широнин В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997) такие данные приводятся. Так, почти сразу же после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, 4 сентября 1945 года, т. е. на следующий день после официального завершения Второй мировой войны, в США был подписан первый документ в серии разработок, нацеленных на СССР. В этом документе (меморандуме 329) предполагалось подвергнуть атомным бомбардировкам 20 городов СССР (Москву, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль). США исходили из того, что атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил, и поэтому наиболее целесообразно применять их прежде всего против больших городов. Это, в частности, следовало из директив 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденных Комитетом начальников штабов США соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года. Из этих же директив, рассмотренных вскоре на правительственном уровне, вытекало, что уже осенью 1945 года США приняли на вооружение доктрину «первого удара» — внезапной атомной агрессии против Советского Союза.

1496/2 и 1518 послужили основой для разработки многочисленных планов атомной войны против Советского Союза: «Тоталити» (конец 1945 года), «Чариотир» (середина 1948 года), «Флитвуд» (осень 1948 года) и др. Особо агрессивный и вызывающий характер носил разработанный в 1949 году план «Дропшот», в котором предусматривалось использование 300 атомных бомб и 29 тыс. тонн «обычных бомб» для бомбардировки 100 советских городов.

Следует отметить, что в директивах NSC 20/1 и NSC 20/4 речь шла о необходимости устранения «геополитического соперника» США в лице Советского Союза, и в первую очередь — о ликвидации социалистического строя. В этой связи в «мирное время» намечалось сделать упор на использовании разного рода методов «психологической войны», а в «военное время», которое должно было наступить в ближайшем будущем, предлагалось «раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти», контролирующей тот или иной район в условиях иностранной оккупации, с тем чтобы дать ей возможность «до конца расправиться с коммунистическими бандами традиционными методами русской гражданской войны» (Док. 14).

В плане «Дропшот» отмечалось, что основной целью США в «психологической войне» против СССР должно быть «уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро — в пределах реальности...» В директиве NSC 20/4, из которой исходил этот план, открыто высказывалась непримиримость к «характеру советской системы» и выдвигалось требование свержения «большевистского режима» — если не «психологической войной» и «подрывной деятельностью», то путем вступления в войну с СССР (Док. 15). В директивах Совета национальной безопасности отмечалось, что «**главное уязвимое место Кремля — характер его отношений с советским народом**», поэтому необходимо «вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство Советов...» В рамках «экономической, политической и психологической войны» предлагалось поддерживать «волнения и восстания в избранных стратегически важных стра-

нах-сателлитах», «**сеять семена разрушения** внутри советской системы с тем, чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику».

В директиве NSC 20/1 в качестве важнейших при любых вариантах развития событий ставились следующие цели:

«(а) *Военные условия* (сдача оборудования, эвакуация из основных зон и т. п.), направленные на **обеспечение военной беспомощности** в течение долгого периода времени.

(б) *Условия, направленные на возникновение* **существенной экономической зависимости** *от внешнего мира*.

(в) *Условия, направленные на обеспечение свободы или предоставление* **федерального статуса национальным меньшинствам** (как минимум мы должны настаивать на полном освобождении **стран Балтии** и предоставлении **федерального статуса Украине** с тем, чтобы украинские власти имели достаточную степень автономии).

(г) *Условия, направленные на разрушение железного занавеса* и обеспечение **проникновения либеральных идей** и контакта народов, живущих за железным занавесом и за его пределами».

«Это все, что касается наших приоритетов в отношении **советской власти**, — говорилось в доктрине. — Однако перед нами попрежнему стоит вопрос, что делать с **некоммунистической властью**, которая может быть установлена на части или на всей территории России как следствие военных действий... Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и **дружественным по отношению к нам**, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным. Однако в той или иной форме нам все-таки придется **следить за их соблюдением**, если мы хотим мира и стабильности во всем мире».

Давайте посмотрим теперь на положение «новой» демократической России в современном мире в свете директивы почти 60-летней давности: все поставленные в ней цели реализованы:

1) Россия экономически чрезвычайно зависима от внешнего мира; 2) военная мощь России несравнимо слабее мощи Вооруженных сил СССР; 3) страны Балтии и Украина получили независимость и настроены проамерикански. В начале «реформ» **некоммунистическая** Россия иногда Госдепартаментом имено-

валась даже партнером США, она принята в «восьмерку» сильнейших стран мира и т. п., однако Америка пристально следит за тем, чтобы она не стала сильней, независимей и влиятельней, т. е. оставалась слабой. В отношении России по-прежнему используются методы психологической войны, экономическая и политическая война продолжается. Иначе говоря, в политике США в отношении России с 1948 года не изменилось, по существу, ничего. И, как поймет читатель, который познакомится с публикуемыми документами, ничего и не должно было измениться. Ибо изменяться может все — природа, мир, человек, но не «национальные интересы» США, в сфере которых Россия занимает важнейшее место.

Третий документ — принятая 14 апреля 1950 года **Концепция NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США»** (Док. 35), в которой говорится: «...**наши задачи в отношении Советского Союза** как в мирное, так и в военное время, как указано в документе NSC 20/4 (параграф 19), **остаются по-прежнему в силе, равно как и цели** и указанные там меры (параграфы 20 и 21)».

Итак, холодная война воспринималась руководством США как самая настоящая война со всеми вытекающими отсюда задачами: разработкой стратегии и тактики, наличием штаба, финансовыми затратами, жертвенностью и единством духа нации и т. п. Партийные руководители в СССР, видимо, так не думали. Для них холодная война была «войной нервов», а может, просто взрослой игрой. Итог — поражение.

Четвертый документ — вершина политического коварства США и Великобритании в отношении СССР — план операции «Немыслимое»: план новой, Третьей мировой войны «союзников» против СССР, которая должна была начаться 1 июля 1945 года[1]. Задание по разработке такого плана Черчилль дал

[1] Публикуется в книге «Главный противник» (с. 455–493). Власти Великобритании долгие годы отрицали существование плана «Немыслимое», который был опубликован в английской печати только в октябре 1998 года. Впервые на русском языке этот документ появился в журнале «Новая и новейшая история» (1999. № 3) со вступительной статьей заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук О. А. Ржешевского.

еще в марте 1945 года, когда союзнические войска только рвались к Берлину. В Штабе военного планирования Великобритании располагали верными данными о боеспособности Красной армии. Выполнив задание Черчилля, специалисты этого штаба пришли к выводу, что быстрый военный успех маловероятен. Доклад был передан на рассмотрение комитета начальников штабов в составе начальника Генерального штаба и начальников штабов ВМС и ВВС. Их заключение, направленное Черчиллю в начале июня 1945 года, было категоричным: быстрого успеха достичь невозможно.

Большое отрезвляющее впечатление на союзников произвел штурм советскими войсками Берлина, который защищали уже не просто немецкие солдаты, а смертники.

О плане «Немыслимое» был информирован и президент США Г. Трумэн. В. Фалин пишет: «Еще 23 апреля Трумэн попытался убедить своих союзников в том, что услуги Советского Союза в будущей войне с Японией им не нужны, поэтому пора поставить крест на антигитлеровской коалиции. Военные выступили против: ведь иначе японцы перебрасывали против американцев из Китая миллионную Квантунскую армию, и потери США в войне могли составить один, а то и два миллиона человек. Для Вашингтона это было неприемлемо. К тому же американцы на тот момент еще не испытали ядерную бомбу. Да и общественное мнение в Штатах не поняло бы такого предательства. Граждане Америки тогда в основном сочувствовали Советскому Союзу... В итоге, по свидетельству очевидцев, Трумэн немного поломался и согласился с доводами своих военспецов»[1].

Иногда я думаю, что холодной войны могло и не быть, если бы президентом США на весь свой президентский срок оставался Ф. Рузвельт. Не только потому, что Рузвельт гораздо лучше, чем Трумэн и Черчилль, относился к СССР и лично к Сталину. Это само собой. Но прежде всего потому, что Рузвельт был выдающейся личностью. Он с молодости готовился стать президентом, был чрезвычайно умен, прекрасно образован, воспитан и опытен как политик и государственный деятель. Это

[1] Комсомольская правда. 2005. 8 апреля. С. 28.

был здравомыслящий и мудрый человек, который брал из жизни все, что могло принести благо его народу, независимо от того, в какой цвет можно было бы покрасить ту или иную идею. Это Рузвельт в период Великой депрессии впервые в истории либерализма стал культивировать в США идеи смешанной экономики, интервенционистского государства, которое впервые в американской практике стало вмешиваться в экономические процессы, регулируя, планируя и управляя там, где было необходимо. Рузвельт исповедовал интернационалистическое миропонимание, выступал против изоляционистских настроений в США, не имитировал, а действительно боролся с бедностью, нищетой и безработицей, считал незаконными насилие и агрессию как средство изменения status quo. Рузвельт, конечно, не был ни марксистом, ни социалистом, как иногда говорили о нем, но он активно выступал за кооперацию с Советским Союзом, мечтал о длительном мире после Второй мировой войны. Теперь говорят, что Рузвельт якобы не понимал, насколько велики были гегемонистские устремления СССР. Но я полагаю, что те, кто так говорит о Рузвельте, не понимают и части того, что понимал в мировой политике этот чрезвычайно проницательный политик и человек.

Однако 12 апреля 1945 года Рузвельт умер. Через два часа в должность президента США вступил вице-президент Гарри Трумэн. Инаугурационная церемония длилась всего одну минуту, но в эти мгновения были похоронены и надежда Рузвельта на сотрудничество с Советским Союзом, и его реалистический взгляд на видение лучшего мира.

2. ТРУМЭН КАК ТВОРЕЦ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В массовом сознании прочно закрепилась мысль о том, что началом холодной войны США против СССР является речь Уинстона Черчилля перед студентами Вестминстерского колледжа в небольшом американском городке Фултон 5 марта 1946 года. И это действительно так.

Во-первых, в этой речи Черчилль обозначил главную, с его точки зрения, опасность для мира во всем мире — СССР. «Никто не может сказать, что можно ожидать в ближайшее время от Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистских устремлений и настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру», — заявил Черчилль[1]. Именно здесь он впервые употребил выражение «железный занавес, который опустился на Европу»; а также высказался о том, что «„наши русские друзья и союзники“ больше всего восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную»[2]; о том, что необходимо отказаться от «доктрины равновесия сил» между государствами; о том, что США и их союзники должны быть способны «научить» всех, кто вздумает помериться с ними силами. Иначе говоря, Черчилль призвал США и мировое сообщество, к которому он апеллировал, строить свои отношения с СССР с позиций силы, а в сущности — к войне.

Еще одним основанием полагать, что именно Фултонская речь Черчилля дала старт холодной войне, является то, что в поездке в Фултон Черчилля сопровождал президент США Г. Трумэн, который открыл встречу со студентами и представил им Черчилля. Безусловно, это был хорошо продуманный и согласованный политический ход. Черчилль — хоть и знаменитый — являлся все же частным лицом. Если бы он был один, его речь не имела бы особого общественного резонанса. А тут «мистер Черчилль», говоривший вроде бы от своего собственного имени, по сути дела, провозгласил стратегию Запада, поскольку рядом с ним находился президент Соединенных Штатов Америки. Как ясно из публикуемых в данной книге секретных документов, к тому моменту США уже выработали свой курс в отношении СССР — «сдерживание», «балансирование на грани войны». Черчилль, надо полагать, был прекрасно информирован о стратегии США и позиции самого Трумэна.

[1] Черчилль У. Мускулы мира. М., 2002. С. 481.

[2] Там же. С. 448.

В конце концов, речи — речами, слова — словами, а главное — следуют ли за этими словами конкретные дела. И тут нет никаких сомнений в том, что в Фултоне Черчилль огласил только открытую для всех часть Общего Замысла послевоенного мироустройства и внешней политики Запада в отношении других стран, и прежде всего СССР (России). Тайная часть этого Замысла была разработана в секретных службах США, и в полном объеме ее знал только один человек в мире — Трумэн[1].

Говорю это к тому, что, читая представленные в данной книге документы, надо понимать: за каждым из них стоит личность тридцать третьего президента США по имени Гарри Трумэн. Некоторые из этих документов были подготовлены его подчиненными по собственной инициативе, многие разработаны по его личному заданию. Роль этой личности в истории отношений США и СССР огромна.

Об американских президентах написаны сотни томов книг, проведено немыслимое количество социологических, политологических и психологических исследований. И это неслучайно: психологический портрет ведущих политиков любой страны и характер нации взаимосвязаны. Социологи подразделили президентов США как личностей на «доминаторов» (людей сильной воли), «хороших парней», «простаков», «философов», «актеров», «хозяйственников» и т. д. Периодически предпринимались попытки определить, как изменяется мнение об американских президентах с течением времени. Известно, что людям свойственно идеализировать прошлое; мнение о человеке и событиях зависит от того, с какого расстояния и с какой стороны на них смотреть.

Именно в этом плане крайне любопытной является фигура Трумэна, который был **чрезвычайно непопулярным президентом**

[1] Вообще-то, как показывают новейшие исследования, Трумэн не был изобретателем холодной войны. В книге американских ученых Д. Дэвиса и Ю. Трани «Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях», изданной в США в 2000 году и переведенной на русский язык в 2002 году, говорится, что первая холодная война против Советской России была развязана администрацией Вильсона и длилась с 1917 по 1933 год. Они полагают также, что политика Вильсона нашла свое логическое продолжение в политике Трумэна, а через несколько десятилетий — в политике Рейгана (Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 17, 399).

(в декабре 1951 года только 23% американцев положительно оценили его деятельность[1]). Однако с годами сами же американцы передвинули Трумэна из разряда «слабых» в число «средних», а в 80-е годы XX столетия переселили его в пантеон «великих»: по данным опроса Института Гэллапа, в 1980 году Трумэн даже занимал третье место после Джона Кеннеди и Франклина Д. Рузвельта[2]. На похоронах Трумэна президент США Л. Джонсон назвал его «великаном XX века», который, «как никто другой до него, оказал влияние на мир»[3]. На вопрос, в чем же тут дело, ответ может быть только один: на вершины величия Трумэна вознесла холодная война. Рейтинг Трумэна возрастал по мере того, как становилось все более ясно, что в этой войне Советский Союз проигрывает США.

Личные качества Трумэна в его «величии» ни при чем. Всем известно, что до 50-летнего возраста, когда Трумэн по протекции и в силу целого ряда счастливых для него случайностей был избран сенатором от штата Миссури, ни в каких способностях и талантах этот человек заподозрен не был. Так же случайно Трумэн стал вице-президентом, а затем — случайно — президентом США. В этом смысле он действительно был «настоящим американцем» и воплощением американской мечты: из ничего стать всем.

Хочется думать, что, даже став президентом США, Трумэн трезво оценивал свою «себестоимость» — свой ум, образование, культуру. В его дневнике после встречи в Потсдаме появилась такая запись: «Он (Сталин. — *И. И.*) был на целых пятнадцать сантиметров ниже меня, и даже Черчилль был на семь сантиметров выше Джо! И все же **я был самым маленьким в росте и интеллекте**! Так, по крайней мере, написала пресса...»[4] Биографы Трумэна отмечают, что он к тому же был «ужасный оратор».

Еще раз скажу: случай, удача — этим прежде всего объясняется феномен Трумэна. Господин Великий Случай разместил этого се-

[1] В XX столетии это был самый низкий рейтинг среди президентов. Даже Р. Никсон в момент Уотергейтского дела, приведшего его к отставке, имел показатель в 24 процента.

[2] Американские президенты. М., 1997. С. 423–424.

[3] Там же. С. 438.

[4] З л о б и н Н. Трумэн // Континент. 2001. № 110.

рого человека на вершине политической и государственной власти одной из двух супердержав мира именно в тот момент, когда человечество находилось в ситуации выбора «или — или»: или новая война, или миростроительство.

Уитмену принадлежат слова: «Индивидуум столь же велик, как нация, если он обладает теми достоинствами, которые делают нацию великой». А если он не обладает достоинствами нации, если он — существо низкого пошиба, но по счастливому для него случаю встал во главе великой нации? Тогда все великое он принижает, а то и делает просто низким.

Давно замечено, что с момента, когда человек занял высокую, а тем более высшую должность, его личность вдруг начинает восприниматься окружающими через призму тех прав и возможностей, которые дает эта должность. Ничего не значащий сам по себе человек вдруг обретает в глазах миллионов людей несвойственное ему очарование. Малоумный и косноязычный начинает выглядеть мудрым и велеречивым, так как речи и статьи за него пишут спичрайтеры; не видящий дальше своего носа становится стратегом, поскольку на него работают лучшие политологи, социологи и т. п. В самых малозначимых и пустых словах верховных властителей люди начинают искать скрытый глубокий и особый смысл и — что самое удивительное! — чаще всего находят.

Но когда этот человек оставляет свой высокий пост и оказывается в ряду простых смертных, чары — опять же «вдруг» — спадают, и все обнаруживают, что «король-то голый».

Став президентом самой могущественной страны, человек по фамилии Трумэн стал вести себя так, как подобает президенту, оставаясь, **в сущности,** тем же, чем он был от рождения. Изменилось, конечно, очень многое. Но самая главная из перемен — последствия слов и поведения человека по фамилии Трумэн: теперь каждое его слово обретало особый вес, ибо за этим словом стояла мощь супердержавы, которую он возглавлял.

Известно, однако (и это главный момент в наших рассуждениях), что, даже изменяясь в частностях, в отдельных свойствах и качествах, человек за редчайшими исключениями не меняется **в своей сущности**. В глубинном, главном и основном он остается тем же и таким же, каким успел стать в детстве и юности. И уж со-

всем невозможно стать **другим** человеком за год, два, пять, даже если ты хочешь этого.

Каким же образом самый обычный, «никакой» в детстве и малоспособный даже в зрелом возрасте человек за какие-то пять лет президентства стал «великим»? В этом стоит разобраться.

Во-первых, зададимся вопросом: **в глазах какого народа Трумэн выглядит великим?** Прежде всего — американского и тех стран, правительства которых, словно охотничьи псы, покорно следуют за США как за своим «хозяином». В глазах народов, на которые объявлена «охота», Трумэн великим не был, не является и не может быть по определению: не может жертва любить своего палача.

Ведь это Трумэн вместе с Черчиллем, как уже говорилось, собирались начать Третью мировую войну с СССР в июле 1945 года.

Это Трумэн в августе 1945 года отдал приказ испытать ядерную бомбу на мирных жителях японских городов Хиросима и Нагасаки, мгновенно уничтожив 150 тыс. человек, и подверг мучительной смерти от лучевой болезни еще более полумиллиона человек. И сделал это прежде всего для того, чтобы устрашить СССР.

Это по заданию Трумэна, как уже отмечалось, было разработано несколько планов ядерных ударов по городам СССР, в результате чего должны были погибнуть многие десятки миллионов человек.

Это Трумэн сформировал из СССР образ «смертельного врага» и начал объединять западный мир для борьбы с ним. Именно этой цели служили «план Маршалла» и «доктрина Трумэна» по оказанию Греции и Турции военной и экономической помощи с целью уберечь их от якобы грозящего коммунистического захвата власти, а также многие другие концепции, планы, инициативы.

Это Трумэн был главным инициатором политики «сдерживания» в отношении СССР, которая стала основой идеологии холодной войны и ее началом.

Это Трумэн создал все инструменты холодной войны: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Совет национальной безопасности США, ЦРУ, НАТО и другие структуры и союзы.

Но ясно, что и эти дела невозможно отнести на личный счет Трумэна — его ума на это не хватило бы. Несомненно, что это —

результат деятельности его администрации, одобренный Трумэном. Вот тут в полной мере проявилась уже личность Трумэна, от «да» или «нет» которого зависел выбор стратегии отношений США с СССР, а значит, и хода мировой истории в XX веке. Ведь в окружении Трумэна находились не только «ястребы» типа Маккарти, но и люди здравого смысла. Тот же Дж. Кеннан, подлинный теоретик политики «сдерживания», как уже говорилось, выступал против **универсалистской** модели видения мира, которая представляет собой не что иное, как концепцию установления мирового господства, строительства новой мировой империи. Однако взгляды такого рода не находили поддержки Трумэна, ибо в сущности своей он был **крайним реакционером**.

Многие историки, возвеличивающие Трумэна, почему-то «забывают», что в 1922 году, в возрасте 38 лет, Трумэн вступил в Куклукс-клан (ККК) — массовую и активную **расистскую организацию** штата Миссури, принял клятву, уплатил членский взнос, подписал все нужные документы. Позднее он формально вышел из ККК. Но расстался ли он с теми дикими античеловеческими взглядами, которые проповедовала и утверждала ККК и которые разделял Трумэн, вступая в эту организацию? Вряд ли.

В июне 1941 года, отвечая на вопрос о своем отношении к нападению Германии на СССР, Трумэн сказал: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, и если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. Надо дать им возможность убивать друг друга как можно больше, хотя я при любых условиях не хочу видеть победу Гитлера».

В августе 1945 года, узнав о результатах бомбардировки Хиросимы, когда погибло более 70 тыс. человек, Трумэн воскликнул: «Это самое выдающееся событие в истории!»

Единственное, в чем сходятся все биографы Трумэна, так это в том, что он обладал твердой волей и в трудных ситуациях сам принимал все решения, даже если они не были популярными, и никогда не отступал от принятого[1]. Несомненно, чтобы впервые в истории отдать приказ о ядерной бомбардировке, последствия которой были непредсказуемы лишь по числу жертв и разруше-

[1] См.: Американские президенты. С. 438.

ний, но было совершенно ясно, что их масштабы будут огромными, как никогда, надо было обладать большой волей...

Когда после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки один из создателей бомбы Роберт Оппенгеймер осенью 1945 года на встрече с Трумэном заявил, что находится в ужасном состоянии и чувствует кровь на своих руках, Трумэн был очень разозлен видом «хныкающего» ученого: «Кровь на **моих** руках, — сказал он. — Это все мои проблемы». И передал помощникам, что надеется больше никогда не видеть этого человека.

Безусловно, необходима огромная воля, чтобы открыть **эру империализма** в американской внешней политике, т. е. заявить о претензиях США **на установление нового мирового порядка**, другими словами — на насильственное установление **американского образа жизни** в других странах, в том числе **военным путем**. Злая воля.

Трумэн часто говорил о «спасительной миссии» США такими словами: «мы должны», «нам необходимо» и т. д. Выступая в Берлине в июле 1945 года, Трумэн заявлял, что «свободный Дунай **необходим** для мира в Центральной Европе и для экономики Центральной Европы... Триест **должен быть** свободным портом для всей Центральной Европы... Дарданеллы, Кильский канал, земля между Рейном и Дунаем должны быть свободны на такой же основе для всех стран... Маньчжурия **должна быть** китайской... Дайрен **должен быть** открытым портом... Мы **должны** защищать справедливость и не позволим сровнять себя с землей... Мы **должны быть** настойчивы в этой политике... Потому что они — такие же скоты, быки и ничего больше... Нет никакой разницы между тоталитарными режимами, называй их нацизмом, фашизмом или коммунизмом, — все они одно и то же. Нынешний диктаторский режим в России ужасен так же, как всегда был ужасен царский».

«Страной, препятствующей установлению мира во всем мире», в глазах Трумэна был СССР. Единственный способ противостоять коммунизму, полагал Трумэн, — **уничтожить его**.

Более всего Трумэн был откровенен в своем дневнике: «...мы в свободном мире уже достаточно долго страдали. Выкинуть китайцев из Кореи. Предоставить Польше, Эстонии, Латвии, Литве, Румынии и Венгрии их свободу... Это означает наверняка **большую войну**. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург, Мукден,

Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Одесса, Сталинград и все работающие заводы в Китае и Советском Союзе **будут уничтожены**».

Историки многих стран, в том числе США, еще в 60-х годах XX столетия утверждали, что Трумэн «перереагировал» на политику Советского Союза, что «советская угроза» была явно преувеличена. Таких ученых в то время относили к разряду «ревизионистов». Теперь даже поклонники Трумэна говорят, что, «как показывают новые исследования, не исключено, что **Запад прекратил попытки кооперации раньше, чем это сделал Сталин**»[1]. Вот такая простенькая оценка, вот такое скромненькое определение величайшей в истории политической ошибки, стоившей миру, человечеству XX века многих «локальных» войн и военных конфликтов, фантастических средств и десятков миллионов человеческих жертв, — «**пере**реагировал». И прямое признание того обстоятельства, что холодную войну начали США, а не СССР.

15 января 1953 года Трумэн, проигравший президентские выборы Эйзенхауэру, выступил с прощальной речью, обращенной к гражданам страны. «Я полагаю, — говорил он, — история будет помнить мое президентство как годы, **когда холодная война стала затмевать нашу жизнь**. У меня практически не было ни одного рабочего дня, который не был бы занят этой всеохватывающей борьбой».

А могло ли быть иначе? Ведь в душе и сознании каждого человека находится миниатюрный портрет его народа.

Если, как писал некогда биограф Трумэна Алонзо Хамби, «в конце концов, не то, что совершил Гарри Трумэн, сделало его **американской иконой**, а **кто**, по мнению американцев, он был»; если, как пишет теперь Н. Злобин, «он был настоящим американским президентом, он был **настоящим американцем**, он был — **сама Америка**», то совсем нелишне поразмышлять о природе, о глубинной сущности самой Америки. Ибо Трумэн, прежде чем стать президентом, впитал в себя на Юге Америки те ценности, духовные и нравственные «соки», которыми она кормит умы и души, которые определяют природу и характер всех «настоящих американцев».

[1] Американские президенты. С. 430.

3. АМЕРИКА КАК «КУЛЬТУРА» ВОЙНЫ

В чем кроются истоки агрессивности и экспансионизма США, их стремления навязать всему миру свой — американский — образ жизни? Ответ на этот вопрос можно искать в нынешнем экономическом богатстве США.

Безусловно, Соединенные Штаты — богатая страна. И само по себе это прекрасно; жить в богатой стране — мечта каждого человека. Но есть вопрос, который обывателя может и не интересовать, но который обязаны задать мы: откуда появились эти богатства? Ответ известен: плодороднейшие почвы, леса, луга, великолепный климат, недра, полные золота, нефти и других полезных ископаемых, реки и озера, океанские просторы и глубины с неисчерпаемыми запасами морских продуктов — **основа нынешнего богатства США** — получены путем **уничтожения индейцев — коренного народа** и коренной культуры Северной Америки и захвата их богатств. Американские войны и начинаются как раз с первого нападения на индейцев в 1622 году в Джеймстауне — «бойня» 1622 года. Затем последовали Пекотская война 1637 года; двухлетняя война в Мэриленде (1642–1643 годы), война 1675–1676 годов в Виргинии[1]. Другие войны и «охота на индейцев» продолжались до начала XX века. Американцами уничтожены миллионы индейцев. Это был самый настоящий и, вероятно, самый крупный геноцид в истории человечества. Одним словом, «культура» войны берет свое начало с «охоты» на коренное население Америки — индейцев. От тех времен остался лаконичный и весьма красноречивый американский принцип: «Хороший индеец — мертвый индеец». Стоит напомнить: из 600 тыс. индейцев племени сиу, населявших Америку в 1776 году, к 1910 году осталось 220 тыс., которых загнали в «резервации» и содержали в нечеловеческих условиях[2].

Фантастические прибыли принесли США **работорговля и рабство**. Первых рабов в Северную Америку голландцы привезли в 1619 году[3]. Работорговля в США запрещена в 1808 году. Почти за 200 лет работорговли в Северную Америку было доставлено

[1] См.: История США: в 4 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 22, 39, 46, 55, 355–357.

[2] Иванов Н. Империя смерти // Наш современник. 2003. № 5. С. 221.

[3] Там же. С. 25, 265, 375.

более 10 млн рабов; десятки миллионов человек погибли в пути. Ныне африканские страны намерены предъявить США и бывшим западноевропейским колониальным державам иск за ущерб, нанесенный странам Африки в те годы. Сумма возможной компенсации фантастическая — 777 трлн долл.[1]

Известно, что США вынудили Испанию отдать им Флориду, в 1840–1850 годах захватили половину территории Мексики, в 1898 году — Филиппины, Пуэрто-Рико. По счастливому стечению обстоятельств, США в 1776 году купили у Франции Западную Луизиану, в 1867 году приобрели по дешевке у России Аляску и Алеутские острова.

Не вдаваясь в детали, вспомним о многих других широкоизвестных фактах сравнительно недавнего прошлого: о Первой и Второй мировых войнах, на которых раздобрела экономика США, об «утечке мозгов» в США из других стран, которая обеспечила прорыв Соединенных Штатов к вершинам научно-технического прогресса, и т. д. Скажем главное: большинство богатств США — плод изначальной агрессивности и воинственности, нажито неправедным, военным, захватническим путем.

Несомненно, богатство США провоцирует их правительство и народ к агрессии. Ибо **богатство — это власть, а власть по своей природе неизбежно стремится прибрать к рукам все окружающие ее богатства**. Даже если эти богатства принадлежат другим, даже если ради них надо развязать региональный конфликт и «небольшую» войну.

Второй фактор нынешней агрессивности США — их военная мощь. Да, сегодня этой мощи нет равных в мире. Ее происхождение определить нетрудно: экономическое богатство, корни которого нам известны — сверхэксплуатация, захват, война. Но военная мощь еще более, чем богатство, провоцирует агрессивность, ибо она представляет собой силу в ее чистом виде, которая и создается для того, чтобы ее применять. **Сила — это та же власть, которой наслаждаешься только тогда, когда ее используешь.** Чтобы преодолеть искушение применить силу, нужны большой ум и высокая культура души.

[1] Нечаев Г. Дети рабов требуют денег // Новые известия. 2004. 2 апреля.

Но именно этих качеств, именно культуры в высоком и полном смысле этого слова и не было у первопокорителей Северной Америки начиная с XVI века, т. е. **изначально**. Как не хватает ее хронически и ныне.

Как зарождались Соединенные Штаты Америки, что за европейцы первыми заселяли эту страну, хорошо известно. Дело не в национальностях: англичане, французы, итальянцы, мексиканцы, португальцы или кто-то другой. Главное в том, что в подавляющем большинстве пионеры освоения Северной Америки были искателями приключений, неудачниками в своем прежнем отечестве, одержимыми страстью к богатству и не обремененными совестью, честью и другими высокими добродетелями. Еще в 1840 году А. Токвиль в книге «Демократия в Америке» писал: «Я не знаю другой страны, где **любовь к деньгам** занимала бы такое место в сердцах людей, как в Америке». Американский народ он называл «**сборищем авантюристов и спекулянтов**»[1].

Не хочу, чтобы кто-то заподозрил меня в ксенофобии или расизме, в нелюбви к американцам вообще. Ни один нормальный человек не осмелится рассуждать о любом народе в целом, давать ему оценки и характеристики, имея в виду буквально каждого человека. Я говорю о тех чертах, которые невозможно не заметить; об объективных следствиях, которые обнаруживаются сегодня, но причины которых закладывались сотни лет назад; о пороках «нации», которые не изживались, а усугублялись в ходе исторического развития этой страны.

Известно, что разнонациональный конгломерат эмигрантов, с XVI века заселявших новый континент, не имел **общей истории**, не имел никакой **изначальной, коренной** культуры. У поселенцев не было общей **возвышающей** их духовной цели. Разумеется, среди первопокорителей были люди и образованные. Выходцы из Франции и Британии несли в себе идеи эпохи Просвещения, но эта часть населения была крайне незначительной, сосредоточивалась в основном на северо-востоке страны. В целом же вся затея по «освоению» Северной Америки являлась своего рода широкомасштабным **бизнес-проектом** с множеством направлений — от

[1] Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс-Литера, 1994. С. 59.

золотодобычи и торговли рабами до публичных домов и торговли спиртным. Наличие единой для всех материальной цели — богатство, деньги! — неизбежно вело к борьбе, захвату и переделу ограниченного количества «ниш» для получения дохода. Иначе говоря, к **внутренней войне** между захватчиками, торговцами и откровенными спекулянтами, которая прекрасно отражена в нынешних голливудских боевиках. Беспрестанная борьба поселенцев между собой за расширение территорий и защиту их границ порождала **военную культуру**, «культуру» войны.

Атмосфера насилия и жестокости, сосредоточенность на самозащите, выживании и борьбе за свое место на Клондайке не оставляли жителям новой Ойкумены времени на серьезные размышления о высокой духовности и морали, на глубокие раздумья о глобальных принципах мироустройства. Именно поэтому американское общественное сознание (естественно, и сознание отдельно взятого «американца») изначально было **очень узким**. Человеческая низость была нормой, а война — проявлением этой низости.

В Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 года всеми тринадцатью объединившимися штатами Америки, провозглашались прекрасные и самоочевидные истины: «...все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью» и др. Но в этих словах отразились не утвердившиеся в обществе ценности, не сложившиеся отношения, а мечта. Неслучайно документ назывался «декларацией»...

Агрессивность и экспансивность, жадность и меркантильность, прагматизм и цинизм, насилие и жестокость — вот те качества, которые были необходимы для успеха на новых землях в реальной жизни. Естественно, что пионеры-победители культивировали эти же качества в своих детях, а те — в своих. И так — от поколения к поколению, до наших дней.

Если взять, как принято в социологии, за среднюю длину поколения 30 лет, то с момента образования США в 1776 году в этой стране сменилось всего восемь поколений. Наверняка многие молодые американцы, если они, конечно, «настоящие», имеют в своих домах фотографии предков, их ножи, револьверы и кольты, а то и

скальпы индейцев. 250 лет в истории страны и народа — это совсем немного, до ужаса мало, если представить, что рядом, на той же самой планете с названием Земля существуют народы, история которых насчитывает пять, шесть и более тысячелетий.

Глобальный пример в пользу развития американской «культуры» войны — **Гражданская война в США 1861–1865 годов**[1]. Вторая фаза гражданской войны продолжалась в виде Реконструкции Юга до 1877 года. Таким образом, целых 16 лет Америка находилась в состоянии внутренней гражданской войны, которая продолжала разжигать в американцах низменные инстинкты и страсти.

В 1917–1918 годах Америка — **единственная** из всех стран-победительниц вышла из Первой мировой войны экономически окрепшей, в результате чего заняла положение ведущей державы в мире. Эта война явилась прекрасным опытом таскания каштанов из огня чужими руками.

Затем США поразил **экономический кризис**, в преодолении которого **метафора «война»** играла определяющую роль[2].

Вторая мировая война вновь привела США к колоссальному экономическому выигрышу. Вновь единственной из стран-победительниц (СССР, США, Великобритания) окрепшей, а не ослабленной вышла из войны Америка. И вновь американское правительство и множество рядовых американцев, на землю и дома которых за пять лет не упала ни одна бомба, ни один снаряд, получили основания подумать: «А что, война — это **не так уж плохо**! Мы опять — в победителях и опять — в неслыханной выгоде». «Культура» войны в сознании миллионов «**настоящих американцев**», не очень перегруженных глубокими мыслями, высокими

[1] Север потерял в этой войне убитыми и погибшими от ран 360 тыс. человек, а Юг — не менее 250 тыс. Около 1 млн солдат и офицеров Севера и Юга были ранены. Заметим, население Севера в тот момент составляло 22 млн человек, а Юга — 9 млн человек, в том числе 4 млн рабов-негров. Таким образом, погибло более 2 процентов и было ранено свыше 3 процентов воевавших без учета жертв среди гражданского населения, которые в те годы примерно равны военным потерям (История США. Т. 1. С. 458).

[2] Замечу, что Великая депрессия поразила США в 1929–1933 годы — в период мирной передышки на земле: в США резко упало производство, а безработица охватила в 1932 году 17 млн человек.

добродетелями, получила еще одну мощную инъекцию агрессивности, экспансионизма, самовлюбленности и самоуверенности, убежденности в превосходстве США.

А «охота на ведьм», суды Линча, маккартизм? А корейская война, в ходе которой использовались напалм, химическое и бактериологическое оружие, убито 9 млн человек, из них 84% — мирные жители?[1] А вьетнамская война, где также применялись напалм и химическое оружие, сброшено 14 млн тонн бомб и снарядов, убито 1,5 млн вьетнамцев?[2]

За годы своего существования США провели **сотни варварских войн** на чужих территориях, в ходе которых были убиты многие миллионы людей. Подсчитано, что за 100 лет (1824–1994 годы) США осуществили **73 вооруженные интервенции** только в страны Латинской Америки. Их жертвами были Пуэрто-Рико, Мексика, Никарагуа, Панама, Гаити, Колумбия, Куба, Гондурас, Доминиканская Республика, Виргинские острова, Сальвадор, Гватемала, Гренада...[3]

С начала XX века **не было ни одной войны в мире**, в которой бы не принимал участия Пентагон. Только после Второй мировой войны, т. е. за 50 с небольшим лет, американские вооруженные силы **30 раз** вторгались в пределы различных суверенных государств. А сколько **тайных войн** вела Америка, организуя государственные перевороты и убийства неугодных им государственных и политических деятелей.

Диагноз для США ужасен: в этой стране **всегда** существовала такая **политическая атмосфера**, властвовали такие **политические нравы**, которые вызывали к жизни явления и процессы, абсолютно несовместимые с разного рода декларациями о свободе и демократии. Глядя на историю США, невольно приходишь к выводу: Соединенные Штаты — это страна-солдат, страна-полицейский, страна-диктатор, страна-тиран. **Состояние войны для США**

[1] Война в Корее, 1950–1953. СПб.: Полигон, 2003. С. 20.

[2] Всемирная история войн. Минск: Харвест, 2005. С. 691. По другим источникам, только вьетнамцев-штатских погибло 4 млн (Лувье Дж. Элитное подразделение американской армии убило сотни мирных жителей: // URL http://kuchma.fromru.com).

[3] Маркес Г. Г. Письмо американцу // Дуэль. 2003. № 11.

стало и естественным, и необходимым, как кровь для князя Дракулы, а состояние мира — тревожным и опасным. Для множества компаний и для страны в целом **война стала прибыльным бизнесом**, гарантом процветания. Как только мира становится больше, а войны — меньше, чем это надо для экономики США, «денежные мешки», формирующие политическую власть и управляющие ею, тут же требуют от нее какой-нибудь войны. И очередной президент вместе с конгрессом сразу же отыскивают подходящий повод, чтобы ее развязать.

Воинственность была необходимым условием выживания пионеров освоения Северной Америки; затем она стала привычной частью американского образа жизни, а ныне является **определяющей** чертой американской «нации»[1] в целом. Разумеется, американская народная воинственность, так же как глупость или подлость, не распространяется буквально на каждого американца, но это черта именно народа.

Величайший психологический парадокс нашего времени состоит в том, что в мире есть страна, где изо всех сил вот уже третье столетие культивируется крайний индивидуализм, но где каждое отдельное «я» чувствует ежечасный прессинг со стороны незримого «мы». Когда в 20-е годы XX века Е. Замятин написал свой фантастический роман «Мы», он имел в виду то ли завершенную форму утопического коммунизма, то ли «совершенного» в своем развитии расизма, идеи которого в ту пору захватили едва ли не все страны Европы. Русский писатель и подумать не мог, что его фантазии найдут реальное и наиболее полное воплощение в XXI веке в стране, проповедующей свободу и демократию, — в США.

Почему же это происходило и происходит?

[1] Я беру слово «нация» в кавычки, потому что всего 230 лет назад американской нации еще не было, и трудно, мне кажется, доказать, что она существует сегодня. Дело не только в том, что 230 лет — срок ничтожно малый для формирования полноценной национальной души и развитого национального сознания. Еще важнее — исходный человеческий, биологический «материал», психология индивидов, интеграция характеров которых дает в результате психологию, характер народа в целом: степень однородности базовых ценностей людей, определяющих социальный, духовно-нравственный генотип нации, о чем я уже говорил выше.

Не бывает даже самого последнего негодяя, который был бы настолько глуп, чтобы не найти хоть какие-нибудь доводы для оправдания своей подлости или преступности. Среди первопроходцев Америки, как уже говорилось, были люди и весьма образованные. Они хорошо понимали, что творившиеся вокруг них разбой и грабительство должны быть чем-то оправданы, а потому освящали их религиозными догмами, а также благородными мифами.

Так родился **Главный Миф** США, превратившийся затем в своего рода религию, в искреннюю веру о **богоизбранности американского народа**, который самим божественным провидением якобы предназначен для того, чтобы установить власть над всем миром и превратить его в «Град Божий» [1].

Так возникла **Идея**, переросшая вскоре в наивное национальное убеждение о безусловном **превосходстве американского об-**

[1] В конце XIX века идеологию «предначертанной судьбы» американского экспансионизма и расизма («Manifest Destiny») откровенно провозгласил американский историк Джон Фиск. Основной тезис манифеста прост и откровенен: «Делу, начатому англосаксонской расой с периода колонизации Северной Америки, суждено продолжаться до тех пор, пока все страны на земном шаре, которые до сих пор еще не приобщились к цивилизации, не станут английскими по языку, религии, политическим обычаям и в значительной мере по крови населяющих их народов. Близок день, когда 4/5 человечества смогут проследить родословную до английских предков, как это может сделать сегодня 4/5 населения США. И эта раса, распространившаяся на оба полушария, от восхода солнца до его захода, сможет удержать власть над морем и господствующее положение в торговле». Ему вторил церковник Дж. Стронг, когда давал характеристику англосаксам: «Это — раса, обладающая непревзойденной энергией, имеющая за собой всю мощь громадных богатств, являющаяся, надо надеяться, носительницей великих свобод, чистого христианства и наивысшей цивилизации, раса, в которой разовьются особые агрессивные черты, рассчитанные на то, чтобы привить свои учреждения всему человечеству, распространить свое господство на весь земной шар» (Цит. по: Соколова З. Исторические корни агрессивности США // Правда. 2003. 4 апреля). Говорилось это в 80-е годы XIX века, когда у США еще не было ни военных баз, ни колоний, ни морской пехоты. Язык нынешнего президента США Дж. Буша-мл. не менее категоричен: «Америка все еще находится в состоянии войны, и ее враги замышляют новые нападения. Но Соединенные Штаты не будут пассивно ждать еще одного нападения или верить в сдержанность и добрые намерения злых сил. Мы не позволим террористам или поддерживающим их режимам угрожать нам оружием массового поражения. Мы будем действовать там, где это необходимо, чтобы защитить жизнь и свободу американцев» (Буш Дж. Обращение к американскому народу. 4 июля 2003 г., База ВВС Райт-Паттерсон, г. Дейтон, штат Огайо).

раза жизни во всех аспектах этого понятия (духовные и нравственные ценности, социально-экономическое и политическое устройство и т. д.). Так появились и укоренились в умах и душах «настоящих американцев» страстная **самовлюбленность**, потрясающий своим хамством **комплекс полноценности**, который надо признать глубокой и тяжелой болезнью массового сознания этой «нации».

Таким образом, не только экономическое богатство и военная мощь питают агрессивность США. Мифы о богоизбранности американского народа и превосходстве американского образа жизни имеют не меньшее, а быть может, большее значение. Этот социальный феномен я назвал бы **рецидивом юной нации, юной культуры**, которые (нация, культура) именно в силу отсутствия порядочной (уж не говорю — великой) истории и зрелой культуры пытаются возвести в правовое понятие и международное правило свой **инстинкт** к политической славе и доблести. Как объяснить иначе, что даже самые тяжелые поражения (кроме вьетнамской войны) выдаются США за великие победы во имя справедливости и мира на планете? Военное присутствие США в XX веке во многих странах мира, их непременное участие в разрешении различного рода межгосударственных и международных споров и конфликтов стали могучим средством воспитания американского населения в духе явно завышенной горделивости, несомненности в превосходстве американского образа жизни.

Из идеи мессианства США родились и выросли в американском обществе все культурные формы, и особенно **«культура» внешней политики** и «культура» войны, которые нашли выражение, в частности, и в тех документах, которые представлены в данной книге. Развилась особая структура общественной жизни, которая носит громкое название «американская свобода и демократия», хотя на поверку, как известно, проблем именно со свободой и демократией, с правами человека в США очень много. «Благородная битва за идеалы справедливости, свободы и демократии» (именно так понимают американцы свое болезненное желание совать нос в дела любого государства в любой точке мира) превратила эту «битву» в жизненный идеал страны, в главный «национальный интерес», в основную цель национальной внеш-

ней политики. **Американская воинственность — способ компенсации комплекса культурной неполноценности этой «нации».** Объявив о праве действовать по своему усмотрению и в одиночку, не считаясь с мнением мирового сообщества, США сказали тем самым «остальной» части человечества: «Мы — выше ваших взглядов и представлений о добре и зле, чести и бесчестии и т. п. Одним словом, мы „выше“ вас, а вы — „ниже“; у нас своя мораль, и если вы не согласны с ней, тем хуже для вас».

За последние 100 лет юная культура США повзрослела, ее можно было бы уже назвать не юной, а молодой, когда бы она не была все еще так удивительно наивна, если не сказать глупа, когда бы она не была столь абсолютно убеждена, что все предшествующие тысячелетние культуры (Китая, Индии, восточных стран, России и др.) — это культуры низшего уровня и, следовательно, должны быть ускоренно вытеснены и заменены на культуру самую «передовую», т. е. американскую.

Самопонимание многих мыслящих американцев находится в странном и страшном состоянии вследствие вопиющего противоречия между мифами, которые властвуют над их сознанием, и повседневной реальностью, которая окружает их. В таком положении оказываются не только обыватели, но и те, кто вершит их судьбы.

В 2003 году на русском языке вышла книга «Смерть Запада» Патрика Дж. Бьюкенена — бывшего советника президентов США Р. Никсона и Р. Рейгана, кандидата в президенты от Республиканской партии на президентских выборах 1992 и 1996 годов. Согласно усвоенным с детства мифам Бьюкенен твердо убежден, будто «история показывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций»; «...цивилизации тоже не равноправны. Запад подарил миру лучшее из того, что было когда-либо сформулировано и придумано. Западная цивилизация и западная культура превосходят все остальные...»; что «Америка остается величайшим на земле государством, страной великих возможностей, она обладает жизненной энергией, не присущей никакому другому народу. Мы, американцы, — благословеннейшие из смертных»; «американцы составляют 4 процента мирового населения и обладают 30 процентами мировой экономической и

военной мощи, им попросту не пристало рассуждать о равноправии наций и государств...»[1]

Но в той же самой книге Бьюкенен признается, что нынешняя культура Америки «возжигает благовония на алтарях глобальной экономики»; что Киплинговы «боги рынка» отодвинули с пьедестала Бога Библии. Секс, слава, деньги, власть — вот новые боги новой Америки; что молодые американцы считают Америку «лживой, двуличной, реакционной, консервативной страной»; что миллионы американцев живут «в культурной пустыне, в этической канализации. Эти люди не хотят жить в новой Америке и не желают за нее сражаться»; что «первобытная дикость нашей политики» — это результат «культурной революции, отравившей американскую политику, и худшее, к несчастью, впереди»[2]. Он пишет: «Все, что вчера считалось постыдным — прелюбодеяние, аборты, эвтаназия, самоубийство, — сегодня прославляется как достижения прогрессивного человечества... Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране. Они отворачиваются от масскультуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. Они наблюдают исчезновение старинных праздников и увядание прежних героев. Они видят, как умирает взрастившая этих людей культура — вместе со страной, в которой они росли... Нынешнюю доминирующую культуру правильнее называть постхристианской или даже антихристианской»[3].

О каком же превосходстве США и западной цивилизации над культурой других народов, в том числе русского, можно говорить американцам, если такие горькие признания вынужден делать дважды кандидат в президенты США, советник двух президентов США? А главное — если весь мир знает, что все вышесказанное — сущая правда?

Одно дело — декларировать идеи свободы, демократии, справедливости, антифашизма, антитерроризма и т. п. и совсем другое — претворять их на практике. Тут крайне важно соблюсти меру применения силы, что сделать неимоверно сложно, ибо для

[1] Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003, С. 94, 336, 365.

[2] Там же. С. 18, 19.

[3] Там же. С. 16, 17.

этого нужны действительный гуманизм, огромный ум и мудрость, честность и долготерпение, уважение к иному мнению и многие другие добродетели, которых у этой страны нет. Америка взялась за это. И тогда уже случилось, и сейчас происходит на наших глазах нечто совершенно парадоксальное: чрезмерное и неумное использование силы, казалось, ради благих целей возвращается к ее носителю — США — в той же самой форме и том же виде, но только с приставкой анти-.

Расизм существует в США под прикрытием антирасизма; фашизм — в виде антифашизма; терроризм — в образе антитерроризма; экстремизм, агрессивность, война, тирания — под видом борьбы за свободу, демократию и мир во всем мире.

Не жалея сил и средств, США несут на штыках своих и натовских солдат якобы свободу другим странам. В итоге сами США, впервые с 1815 года (после изгнания британцев из Луизианы), оказались в положении осажденной крепости, на территорию которой к тому же проник враг. Находясь в опасности в своей собственной стране, американцы вынуждены следить друг за другом, прослушивать телефоны, перлюстрировать письма, досматривать на границе даже иностранных дипломатов и лиц с дипломатическим иммунитетом.

Выиграв холодную войну с СССР, американцы получили холодную войну и «пятую колонну» внутри своего общества, в том числе специально обученных сограждан, задача которых — убивать американцев. Через 10 лет после разрушения Берлинской стены и падения «железного занавеса» в Европе в США возвели «электронный занавес» не только вокруг своей страны, но заставили сделать это все государства мира. Везде и всюду, якобы борясь с международным терроризмом и тиранией, США сами стали страной-террористом, страной-тираном. Продолжая полагать, что они живут в лучшем из миров, многие американцы начинают смутно чувствовать, а кое-кто и понимать, что с их страной происходит «что-то не то». Но что же творится на самом деле — осознать не могут. Совсем не простая задача! Если этого не способен сделать кандидат в президенты П. Бьюкенен, можно ли чего-то требовать от обычного американского обывателя, который, как правило, хорошо обучен какой-нибудь специальности, но плохо

образован в социально-гуманитарном плане, и прежде всего философски? Как и Бьюкенен, он рассуждает по схеме: с одной стороны, с другой стороны, с третьей, четвертой и т. д. Но дело в том, что крайности сходятся.

Свобода на штыках — это не свобода, это насилие.

Насильное насаждение демократии — это диктатура.

Утверждение, что «американцы — благословеннейшие из смертных», что «они обладают жизненной энергией, не присущей никакому другому народу», — это расизм. И так далее.

Как это происходит? Очень просто. Если вы полагаете себя миротворцем и в борьбе за мир во всем мире намерены бороться до конца, да так, что камня на камне не оставите на пути к своей цели, то это значит, что однажды, перейдя грань в своих стараниях насадить мир во что бы то ни стало, вы на самом деле ведете самую настоящую войну. Крайности (мир и война) сошлись. И вот война — это мир, а мир — это война.

Зло и добро неразделимы, прячутся друг в друге. Зло часто рядится в одежды добра. И порой, наблюдая несправедливости человеческой жизни, думаешь, что «добро должно быть с кулаками», что если вооружить его самым современным оружием, которого нет у зла, то злу тут же придет конец. Наивно.

Добро есть Добро, а Зло есть Зло. Они неуничтожимы и будут существовать, пока жив человек. Но тот, кто несет добро, предлагая людям счастье в виде свободы и демократии, тот должен быть способен остановиться в тот момент, когда ему скажут: «Не хочу счастья **по-вашему**, хочу быть счастлив **по-своему**; хочу жить так, как **я** хочу». Сделать человека счастливым помимо его собственной воли невозможно. Это аксиома, опровергнуть которую не дано никому, и не стоит пытаться делать это.

Известное изречение «Благими намерениями вымощена дорога в ад» — это про нынешнюю политику США. Замечу: в ад попадает намеревающийся.

Бьюкенен уловил очень важную тенденцию: **в США назревает культурный разлом**. Что Америка — это не единая нация, сознают очень многие американцы. Даже президент Дж. Буш заявил однажды: «...порой различия становятся настолько кардинальными, что кажется, будто мы живем не в одной стране, а лишь на одном

континенте». Население США разделяют уровень доходов, приверженность различным идеологиям, религиозная и этническая принадлежность. Ныне в США проживает более 35 млн некоренных американцев: это уже вовсе не «плавильный тигель Господа, в котором плавятся и пересоздаются заново все нации Европы», как полагали некогда сами американцы. Это грандиозный по величине отель, в котором часть граждан имеют давнюю и постоянную прописку, а множество просто приехали на заработки и живут здесь, пока все хорошо. При этом совсем не «плавятся» и не «пересоздаются», напротив, копят ненависть, готовы к мести. Так было 11 сентября 2001 года.

Как уже говорилось, среди множества «национальных интересов США» на первом месте стоит интерес экономический. Там, где невозможно обойтись без ракет и танков, Америка действует грубо и напролом. Там же, где во внешней политике дело может дойти до крайней ожесточенности и большой войны, впереди ракет и танков, мягко, по-кошачьи ступая, выходит **культурная политика**, цели которой те же, что у ракет и бомбардировщиков. Преимущество и сила — **в бесшумности, скрытости**. США умело использовали этот прием в прошлой холодной войне, успешно применяют его и сейчас.

Захват культуры России — их важнейшая задача ныне. Война культур — вот суть американской внешней политики. А суть американской культуры выражается одной фразой: «Где кошелек человека, там и его сердце, там и его душа».

Перво-наперво надо изменить культуру, тогда власть сама упадет к ногам!.. Все дело — в культуре, а значит, в человеке, которого надо «перекультурить», т. е. сменить в национальном сознании систему ценностей, образцов, идей, идеалов, героев и т. п. Незаметные перемены в сознании и мышлении сами приведут к переменам в законах, политической и социальной жизни. И мы видим, как некоторые важнейшие российские духовные ценности растворяются в этой «культуре» захватчиков, как исчезают присущие и неповторимые черты культурного бытия русской нации.

Холодная война против России во всех ее формах продолжается. Об этом свидетельствует множество фактов.

Летом 2005 года руководитель Федеральной службы безопасности РФ Н. Патрушев сообщил депутатам Госдумы РФ, что в Братиславе после успешного осуществления «розовой», «оранжевой» и «тюльпановой» революций в Грузии, на Украине, в Киргизии обсуждался вопрос о продвижении новых «цветных революций» в другие страны СНГ. И это — не временная линия, не эмоциональный всплеск, это стратегия, которая последовательно реализуется. Новые свидетельства этому находим в последних речах нынешнего президента США. Выступая в феврале 2006 года на встрече с членами ветеранской организации «Американский легион», Буш заявил, что «цветные революции» отвечают национальным интересам США: «Свобода движется по миру, и мы не успокоимся, пока все люди на земном шаре не получат возможность освобождения» [1].

Они — не успокоятся. Это огромная беда, когда «никто», став «всем», начинает изменять мир. Тем более когда этот «никто» есть «ничто»... Кто-то из великих сказал, что, если воля не допускает размышления, за этим непременно последует раскаяние... Этот момент в США еще не наступил, он — впереди...

А пока — новые планы захвата России, хорошо оплаченные из средств госбюджета. Совсем недавно в российской прессе прошла информация о том, что конгресс США выделил 85 млн долл. на «развитие демократии в России», в том числе около 8 млн — на поддержку политических партий.

22 января 2006 года по телеканалу НТВ в передаче А. Мамонтова под названием «Шпионы» рассказывалось о разведывательной деятельности работников посольства Великобритании в России. Речь, в частности, шла о подкупе неправительственных организаций: «Московской Хельсинкской группе» было перечислено свыше 23 тыс. фунтов стерлингов, а фонду «Евразия» передано наличными около 6 тыс. фунтов стерлингов.

В принципе, в этом нет ничего нового: формирование «пятой колонны», поиск предателей и оголтелых «борцов» за свободу и демократию, которым наплевать, за что платят, лишь бы платили, продолжается. Теперь вести вербовочную работу гораздо проще,

[1] Московский комсомолец. 2006. 26 февраля.

чем в советские времена: в России формируется гражданское общество, и поводов для контактов с потенциальными и реальными «агентами влияния» и предателями более чем достаточно. Методы холодной войны работают на полную мощь.

В культурном смысле Россия становится все более похожей на Америку. Если в Древней Руси, даже в царской России и в советские времена большинство «простых людей» выше всего ценили духовные основы, а уж затем — все материальное, то ныне целью общественной жизни пытаются сделать экономику, а смыслом жизни отдельного человека — богатство, деньги. Американская философия жизни и американская культура уже довольно глубоко проникли в массовое сознание части россиян, особенно молодых.

Однако битва культур еще в самом начале, хотя отступаем мы, как в войне с Германией, стремительно. Образно говоря, американцы уже под Москвой, но еще не взяли ее. И, думаю, не возьмут. Но биться с нами они будут жестоко. И победить их нам будет труднее, чем немцев. По многим причинам, а прежде всего потому, что на высших командных высотах и в различных партиях они имеют много своих яростных сторонников.

Это значит, что Происходящее в мире и с Россией сегодня надо рассматривать в категориях культуры и в категориях войны.

4. АМЕРИКА КАК ВЕЧНАЯ ВОЙНА

Читатель, несомненно, обратит внимание на то, что почти во всех публикуемых документах СССР именуется Россией, а весь живший в СССР народ — более чем 100 национальностей — русским. С одной стороны, такой подход был данью традиции: дореволюционная Россия была ненавистной Западу **империей**. Поскольку СССР еще более утвердил себя в данном качестве, во-первых, расширив свои границы (Западная Белоруссия, Западная Украина, страны Балтии и т. д.), во-вторых, многократно усилив свое влияние в Восточной Европе и других регионах мира, Запад продолжал называть СССР Россией, подчеркивая тем самым преемственность своего неприязненного отношения к этой

стране. Образ и прежде ненавистной России как геополитического противника вырос до гигантских размеров после того, как она стала к тому же врагом **идеологическим**, превратилась во **вторую супердержаву** мира, непосредственно соперничающую с США и остальным Западом.

И все-таки дело не столько в привычке и нежелании выговаривать «СССР», а в самой России. Именно Россия была «осевой» республикой, экономическим и могучим скрепом СССР, а русские, составлявшие около 70% населения, — его духовным, культурным и волевым интегратором.

Победить Россию для США означало победить СССР. И неслучайно известный ненавистник России З. Бжезинский пишет сегодня: «**Россия — побежденная держава**. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить „это была не Россия, а Советский Союз“ — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... **Россия будет раздробленной и под опекой**» [1].

И все-таки Бжезинский выдает желаемое за действительное: на карте мира нет СССР, но существует Россия — многократно ослабленная во всех отношениях, но потенциально способная быстро набрать такую мощь, которой многие западные футурологи пока не представляют. Нынешней России не надо быть «донором» бывших и некогда «братских» республик СССР с населением почти 150 млн человек, сегодня она может бросить все освободившиеся экономические ресурсы на свое собственное развитие. Понимая это, Бжезинский опасается самой мысли о «великодержавности России» и мечтает о том, что «Россия **будет** раздробленной» и **окажется** «под опекой», конечно же, США.

Россия жива и едина, она не раздроблена и не под опекой. А это значит, что Россия не побеждена. И следовательно, **война против России продолжается**, пока во все той же «холодной» фазе. На Западе и в США этого уже не скрывают не только журналисты и политологи, но даже отставные политики высшего ранга, голосом

[1] URL: http://aif/1219/09_02/

которых, как некогда Трумэн голосом Черчилля, говорит официальный истеблишмент.

Вот как высказывается по этому поводу бывший президент США **Р. Никсон**: «США и Запад рискуют выпустить из рук победу в холодной войне, которая обернется в результате поражением... **Россия — ключ к успеху**. Именно там будет выиграна или проиграна **последняя битва холодной войны**». Никсон, таким образом, вовсе не думает, что холодная война позади, по его понятиям, «последняя битва», которую США и Запад рискуют проиграть, еще впереди.

А вот слова бывшего госсекретаря США **Генри Киссинджера**: «Распад Советского Союза — это, безусловно, важнейшее событие современности... **Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство**». Кто-то скажет: «Все это — мнения одиночек и частных лиц». Но вот 28 сентября 2004 года **сто влиятельных политиков и интеллектуалов США и Европы** опубликовали открытое письмо к главам государств НАТО и ЕС, в котором требуют **пересмотреть взаимоотношения стран Запада с Россией**. Среди подписантов — Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США; профессор Фрэнсис Фукуяма, главный идеолог Пентагона; Джулиано Амати, бывший премьер-министр Италии; Карл Билдт, бывший премьер-министр Швеции; Филипп Димитров, бывший премьер-министр Болгарии; Вацлав Гавел, бывший президент Чехии; Витаутас Ландсбергис, бывший президент Литвы, и др. 53 человека из числа подписантов — американцы. Их письмо — это, по сути дела, **антироссийский манифест**, смысл которого в том, что нынешняя путинская Россия совсем отбилась от рук. А такая Россия (т. е. какая-либо вообще самостоятельная Россия) им не нужна, резюмируют политики и интеллектуалы, потому надо срочно отказаться от ошибочной политики сохранения России как целого и **возобновить холодную войну**.

Но дело в том, что холодная война, на мой взгляд, и не прекращалась, а только снизила на время свою интенсивность, во-первых, потому, что был развален СССР — это событие победителям следовало достойно отпраздновать, а также передохнуть; во-вторых, потому, что масштабы холодной войны неизмеримо увеличи-

лись. Объект нового этапа холодной войны — весь мир. Цель — установление нового мирового порядка. Это и не скрывается.

Нынешний **вице-президент США Ричард Чейни** констатирует: «С целью управления всем миром Соединенные Штаты **вступили в войну, до конца которой мы не доживем**».

Бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси, выступая в Калифорнийском университете 3 апреля 2003 года, сказал: «Холодная война на самом деле была Третьей мировой войной, а сейчас США ввязались в **Четвертую мировую войну, которая продлится много лет**».

Значит ли это, что теперь США и Западу будет не до России, что они сосредоточат свое внимание на остальном, пока еще не подвластном им мире? Ни в коем случае. Все тот же русофоб **Збигнев Бжезинский** признает: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается... **против** России, **за счет** России и **на обломках** России»[1].

Бывший премьер-министр Великобритании **Джон Мейджер** в 1997 году сказал: «...**задача России** после проигрыша холодной войны — **обеспечить ресурсами благополучные страны**. Но для этого им нужно **всего пятьдесят–шестьдесят миллионов человек**»[2].

США разработали и на весь мир провозгласили основы своей современной внешней политики, которые изложены в документе под названием «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» (сентябрь 2002 года). В нем США представлены как «**единственная** жизнеспособная модель, позволяющая обеспечить процветание нации», как страна, которой «**нет равных** в военной мощи», которая считает своим долгом использовать «могущество и влияние, которых ни у кого и никогда в мире не было». «**Что касается России**, — говорится в этом документе, — то с ней мы уже строим новые стратегические отношения, исходя из главной реальности XXI века: Соединенные Штаты и Россия **перестали быть стратегическими противниками**»[3].

---

[1] Советская Россия. 2002. 20 июля.

[2] Цит. по: Лисичкин В., Шелепин Л. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999.

[3] Национальная стратегия безопасности Соединенных Штатов Америки, 17 октября 2002 г. (National Security Strategy — NSS. 2002. P. 31).

И это правда — в том смысле, что у России нет ни желания, ни возможности воевать с США, как нет и причин — ни идеологических, ни религиозных, ни экономических, ни цивилизационных. России от США не нужно ничего, ее национальные интересы не дотягиваются до их заокеанских территорий и богатств.

Убежден, что цели США в отношении России в принципе остались теми же, что и в 1946 и 1950 году, более того, расширились. Какие новые «цели США в отношении России» подготовлены секретными службами по заданию нынешних президентов, мы не знаем и узнаем не скоро. Нет никаких сомнений в том, что они существуют под теми же названиями, что 60 лет назад: «концепция», «доктрина», «стратегия». В некоторых из них указаны сроки достижения задач, реализация других целей рассчитана на неопределенно длительное время. В цивилизационной и геополитической борьбе даже 100 лет — срок невеликий. Но руководители США понимают, что в их распоряжении — не вечность. Многие разительные перемены в реконструкции современного мироустройства уже произошли и еще произойдут на наших глазах.

Нетрудно предположить, что:

— **геополитический интерес** Америки в отношении России заключается в том, что в будущем противостоянии и возможной (некоторые полагают — неизбежной) войне США с Китаем Россия должна выступить щитом для Запада. Так, Патрик Дж. Бьюкенен полагает, что, «если Россия забудет о поражении в холодной войне и смирится с утратой статуса сверхдержавы, Москва начнет воспринимать Америку как своего естественного союзника в сохранении государственной целостности и независимости. А американцы должны понять, что в любом „столкновении цивилизаций“ русские окажутся **на передней линии обороны Запада**»[1];

— **политический** интерес США состоит в том, чтобы ослаблять целостность собственно России, а еще лучше — расколоть ее на несколько частей;

— **военный** интерес США состоит в том, чтобы, окончательно разрушив военно-промышленный комплекс СССР и предельно ослабив вооруженные силы России, превратить ее в обозримом

[1] Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 149.

будущем в безъядерную державу, по крайней мере, до последней грани сократить ее ядерные силы;

— **экономический** интерес состоит в том, что, развалив вторую в мире по мощности экономику СССР и превратив Россию (как и планировалось) в чрезвычайно экономически зависимую от Запада страну, подобраться как можно ближе к ее сырьевым и энергетическим ресурсам.

Этот аспект отсутствовал в планах США в годы холодной войны, ибо относился к разряду немыслимого: глобальная экономика и глобальный мир с их «инструментами» (МВФ, Всемирный банк, ВТО, НАТО и т. п.) тогда еще только обозначались в умах, существовали как идеи. Еще только начинался век компьютера, электронных СМИ, не было даже слова «Интернет», только набирали силу транснациональные корпорации и т. п. Овладеть ресурсами другой страны означало оккупировать ее географическое пространство. Еще не существовал Римский клуб, не был подготовлен доклад «Пределы роста», мир не осознавал близость исчерпания невозобновимых запасов и экологической катастрофы.

Ныне ископаемые ресурсы — объект особого внимания ТНК, промышленно развитых держав, среди которых на первом месте по потреблению различных видов сырья и топливно-энергетических ресурсов находятся именно США. Разве возможно, чтобы власти США, озабоченные будущим своей «богоизбранной нации», не подумали о том, как им овладеть ресурсами самой богатой в мире страны — России?

Почему именно Россия оказывается в центре борьбы США за мировое господство?

Известно, что на ближайшие 50–70 лет основным источником удовлетворения потребностей общества в энергии по-прежнему будут невозобновляемые естественные ресурсы — нефть, газ и уголь. А значит, человек будет крепко привязан к двигателям внутреннего сгорания. Какими бы компьютерными системами управления ни был обустроен бензиновый автомобиль, самолет или океанский лайнер, это ничего не меняет.

Нужна принципиальная смена источников энергии, нужно топливо будущего. Пока ближайшими конкурентами нефти, газу и углю ученые видят **водород** и двигатель **внешнего** сгорания.

В перспективе общество, несмотря на очень высокую (по современным меркам) экономическую стоимость водородного горючего и технические опасности обращения с ним, начнет развивать так называемую водородную цивилизацию. Но это время если и наступит, то весьма и весьма не скоро. Поэтому реально прогнозируемый путь движения человечества в XXI веке неотвратимо пролегает через **борьбу за сырье и энергетические и прочие ресурсы, которых становится все меньше**. Этим и обусловлена прежде всего борьба США за «новый мировой порядок», новый передел мира.

Идея нового мирового порядка, как известно, не нова. **Переделу** в прежнее время всегда **предшествовала** война. Ныне передел происходит **в ходе войны**. И ведет эту войну **одна держава**, а не несколько, как было раньше. США настолько сильны, что фактически нуждаются в союзниках лишь в том смысле, что им необходимы солдаты чужих армий, которые умирали бы вместо американских солдат за «национальные интересы США»[1].

США с вожделением смотрят в сторону России, которая занимает более 17 млн кв. км (1/5 часть, 20%) суши при населении 146 млн человек (2,4% от 6 млрд жителей планеты). Население Земли к 2050 году увеличится до 12 млрд человек, а в России — сократится до 101 млн человек. Средняя плотность населения в мире сегодня — 45 человек на кв. км. В Германии она составляет 235 человек, в Нидерландах — 460, в Японии — 334,5, в Южной Корее — 468, в Китае — 173 человека. В России средняя плотность населения — 8,6 человека на кв. км и даже в европейской части — 27 человек на кв. км.

---

[1] Ф. Рузвельт, бывший (как и все крупные политики) расчетливым прагматиком и циником, вступил в союз с СССР в борьбе с Гитлером (кроме всего прочего) и потому, что он вел войну «по-американски», т. е. с беспримерным применением техники при наименьших человеческих жертвах. США нужны были русские солдаты, чтобы победить немецкие и японские войска. За каждого американца, погибшего в войне, умерло 15 немцев, 53 русских. Уже в 1942 году Рузвельт знал, что «русская армия убьет больше людей держав „оси“ и уничтожит больше военной техники, чем все 25 объединенных наций вместе» (Американские президенты. С. 42). В 1946 году Г. Трумэн признался: «Я никогда особенно не огорчался от того, что деньги, которые мы дали взаймы Европе, никогда не были возвращены. Я, откровенно говоря, считаю, что лучше посылать на фронт деньги, а не кровь».

В России сосредоточено более трети **(35%)** запасов всех мировых ресурсов (энергетических, экологических, биологических и прочих) и **более половины** (!) стратегического сырья, в том числе 13,6% нефти и 35,4% газа, 22% лесных запасов. На каждого жителя нашей страны приходится 11,7 условной единицы планетарных ресурсов, в то время как на жителя США — 2 единицы, Западной Европы — 0,67. Каждый среднестатистический житель России потенциально в 6 раз богаче американца и в 17,5 раза — любого европейца. Запасы российского сырья оцениваются примерно в 30 трлн долл., США — 8 трлн долл., Китая — 6 трлн долл., Европы — менее 1 трлн долл.

В США вполне серьезно обсуждается возможность приобретения нашей Сибири или установления опеки над этим регионом, что рассматривается как условие выживания. Стоит сказать, что такая сделка планировалась ими еще в 1920 году.

Экономические интересы, а вовсе не борьба с международным терроризмом (при всей остроте и важности этой задачи) являются действительной пружиной, которая побуждает США содержать огромную армию, тратить фантастические суммы на ее содержание, на войны то в одном, то в другом уголке мира.

Вот, например, война США с Ираком 1991 года якобы в защиту Кувейта. Еще в дни войны экс-президент Никсон писал в «Нью-Йорк таймс» (от 7 января 1991 года): «Мы оказались там отнюдь не затем, чтобы защищать демократию, так как **Кувейт не является демократической страной, и в регионе нет ни одной страны, подпадающей под это определение**. Мы оказались там не затем, чтобы избавить мир от „диктатуры“ — тогда нам надо было бы воевать прежде с Сирией и рядом других стран. Мы оказались там отнюдь не затем, чтобы защищать принципы международного права. Мы оказались там, поскольку **не можем позволить** никому **затрагивать интересы, жизненно важные для нас**». И точка. Вот это и есть чистая правда: Ближний Восток находится в створе национальных интересов США, потому что страны этого региона обладают 75% нефтяных запасов земли.

Вторая война с Ираком и его оккупация случились вовсе не потому, что Хусейн был тираном и якобы производил оружие массового уничтожения. Главная причина та же — нефть.

Стоит очень серьезно задуматься над тем, откуда и зачем в конце XX века «вдруг» возник социальный феномен международного терроризма. Быть может, все совсем не так, как пытаются представить миру американские власти и спецслужбы. Возможно, самые сенсационные разоблачения по этому поводу впереди, и когда они произойдут, мир ахнет от удивления и вздрогнет от ужаса и омерзения перед теми, кто дал старт этой страшной игре.

Но уже и сейчас некоторые из основных игроков глобального рынка то ли по нечаянности, то ли специально проговариваются. Вот, например, признание Дж. Сороса, одного из самых азартных и знаменитых игроков на мировом финансовом рынке и политическом постсоветском пространстве: «На самом деле мы ведем войну **не с терроризмом**, а с экономическим спадом. Вы не сможете привести ни одного примера, чтобы был экономический кризис в стране, **которая воюет или готова ввязаться в войну**». Суть вопроса даже не в том, с кем или против чего идет война. Главное — чтобы война уже шла или готовилась. Тогда экономика на подъеме, а значит, прибыль обеспечена. Война живет войной. Америка несет в себе войну, как туча таит в себе гром и молнии.

О войне в ее традиционном, варварском смысле «настоящие американцы» сегодня стараются не говорить. Ибо наступила «эпоха прав человека», «эпоха демократии». Поэтому идею войны и сам способ ее ведения ныне прячут в новые пропагандистские «обертки» и так преподносят народу, чтобы ему не было страшно, чтобы он вообще не понимал, что такое современная война.

Согласно словарю американских политиков и военных наступила эпоха «гуманных», «цивилизованных» войн. Выражения, в которых эти люди описывают современный мир («методы политики, находящиеся на грани с настоящей войной», «миротворческие операции», «дипломатические меры с опорой на вооруженные силы», «операция реагирования на кризис», «военный мир», «гуманитарное вмешательство», «мирная агрессия» и т. п.), как правило, состоят из «враждебных» друг другу, конфликтующих и (по логике вещей) несоединимых слов, отражающих прямо противоположные смыслы и явления: война — мир, вражда — дружба и т. п. По своей сути эти выражения абсурдны. Между тем на их основе строятся доктрины национальной безопасности, военные

концепции, которые реализуются на практике. В результате возникает абсурдная реальность, абсурдный мир.

Вместе с трансформацией понятия «война» кардинально изменились понятия «армия», «фронт», «тыл» и т. п. Государству совсем необязательно иметь многомиллионную армию, для того чтобы ее корпуса, дивизии и полки дрались на северном или восточном, южном или западном фронтах. Фронт пролегает в одно и то же время сразу и всюду. Разве есть «линия» фронта у информационной или экономической войны?.. Есть особо выделенные объекты (страны), хотя война идет со всем миром. **Повсюдность** — вот еще одна из важнейших особенностей современной войны, которую ведут США. Обыденное сознание не схватывает этой изощренности: повсюду — значит нигде. Прибавьте к этой специфике предельную тайность проводимых операций, малое количество погибающих в открытых военных конфликтах, сопоставимое с потерями в дорожно-транспортных происшествиях, и обыватель говорит: «Да разве это война? Это просто жизнь в XXI веке...» Но это — война, в которой цель — не мертвое тело, а уничтожение души. Когда-то советский поэт Евгений Евтушенко писал: «Контроль над душами важней, чем над телами...» Теперь эту идею «под другим соусом» реализуют американцы, навязывая миру свою «культуру». Рассосредоточенная по сферам жизни и странам, многообразная по формам и методам ее ведения, без многолетних бомбежек и артобстрелов, ежедневных объявлений по радио о взятых или оставленных городах, растянутая во времени на десятилетия, вялотекущая, но это — война. Самая настоящая, «гуманная» война, в результате которой многочисленные дипломатические переговоры, встречи, подписание договоров и прочее и прочее — моменты этой войны, ширма, за которой скрывается главный смысл, сущность Происходящего.

В разных странах мира от нарастающих нищеты и бедности, шквала стихийных бедствий и прочих причин, во многом являющихся следствием бесчеловечной политики мировой власти, гибнут десятки миллионов людей, совершенно не сознающих, что они, как на обычном поле брани, пали жертвами бесшумной войны. О жертвах духовного и нравственного растления не говорю: здесь иные, более высокие порядки цифр.

Появление во второй половине XX века такого информационного оружия, как электронные СМИ, Интернет, изменило не только концепцию и характер войны (предельная скрытость, неявность, неощутимость, неосознанность), но и **роль войны** в эволюции человечества. Современное информационное оружие позволяет вести войну не только между отдельными государствами, но одновременно и между современными цивилизациями путем столкновения концепций, теорий, систем знаний и образования. С помощью сегодняшних СМИ любую систему (общество, государство) можно **запрограммировать на самоуничтожение**, если она не способна защитить себя от нежелательного информационного воздействия извне.

«Чужая» информация — это чужая программа поведения. «Чужая» система обучения — это система **перепрограммирования сознания поколений**, самоуничтожения национального государства и нации — ее взгляда на свою историю и свое будущее, ее характера и прежде всего образа жизни и воли к жизни. Это программа уничтожения страны и народа их собственными умами и руками.

С древнейших времен люди убивали и убивают друг друга в целях грабежа, от страха, из-за религиозных побуждений, жажды крови. Все это ужасно. Но это еще не война.

Понятие войны возникает в тот момент, когда появляются политические цели: завоевание территории, господство над другими народами; когда распри происходят не между отдельными людьми, а между кланами или государствами; когда вопрос овладения богатствами противника «освящается» мотивами защиты национальной безопасности, национальной гордости, национальных интересов, возвышения престижа и славы страны, превосходства образа жизни, верховенства национальных ценностей и т. п.

Война неизбежно становится реальностью, когда у населения той или иной страны возникает особое настроение — **настроение враждебности** к окружающему миру или другому народу. Война приобретает **возвышенный смысл** божьей заповеди, когда в створ этой враждебности попадают те, кого нападающая сторона полагает «отсталыми», «варварами» «недочеловеками» и т. п. В этом

случае исчезают все ограничения, накладываемые моралью, грубая сила и безмерное насилие возводятся в ранг благородства и величественной добродетели. И тогда властвует единственная страсть — жажда победы и насилие творится в полную меру.

Что и видим мы сегодня, когда насилие и жестокость разлились по миру в таких масштабах, которые не могли даже вообразить себе вавилонские и ассирийские цари, гордившиеся жестокостью как богоугодным делом. И основным источником этой жестокости и этого насилия ныне стали США. Они теперь **сами назначают себе жертву**, как это было с войнами в Югославии и Ираке, как это случится еще много раз с другими странами. США насилуют народы разных стран на глазах у всего человечества, а человечество при этом постыдно молчит. Более того, некоторые страны, дабы угодить США и заслужить их благосклонность, выстраиваются в очередь, чтобы поучаствовать в насильничестве.

В Стратегии национальной безопасности США 2002 года говорится, что Америка будет «вознаграждать» те страны, которые станут осуществлять перемены, отвечающие американским представлениям о свободе, демократии и справедливости, и «**оказывать давление** на те правительства, которые лишают народы своих стран права стремиться к лучшему будущему». При этом в своих действиях, особенно в борьбе с терроризмом, США не исключают возможности нанесения ими «упреждающих ударов»: «...хотя Соединенные Штаты будут постоянно стремиться к тому, чтобы привлечь поддержку международного сообщества, мы, в случае необходимости, **без колебаний будем действовать в одиночку** в порядке осуществления нашего права на самооборону путем нанесения **упреждающих ударов** против таких террористов, с тем чтобы они не могли причинить ущерб нашим гражданам или нашей стране... лучшая оборона — это хорошо спланированное наступление».

Фатальное доминирование США в современном мире ведет к фатальным итогам: выкорчевыванию остатков нравственных устоев из международных отношений. Сила уже возведена в правовое понятие. Система международного права не обладает больше всеобщим признанием как основа культуры вообще, политической культуры в частности. **Сила стала основой**

«культуры», она сегодня выше всякой культуры, кроме американской.

Исходным пунктом документа NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США», одобренного Г. Трумэном (Док. 35), было утверждение, что успех предлагаемой программы действий «полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что **холодная война — это на самом деле настоящая война**, в которой на карту поставлено выживание свободного мира». Документ заканчивался словами: «Выполнение этой программы потребует от нас всех **находчивости, жертвенности и единства**, диктуемых суровостью проблемы, и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач».

Американцы это поняли. И выиграли холодную войну. Во всяком случае, ее первый этап.

В докладе президента США Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США 25 октября 1995 года подведены итоги новейшего этапа холодной войны, дана оценка этой победы с позиций американцев. Кроме того, доклад, на мой взгляд, дает полное представление об истинных целях политики США в отношении нынешней России. Цитирую: «...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд долл., сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций.

И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 млн долл., а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще недостаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач:

— всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий;

— особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы.

Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное „полевение“ нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

— расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;

— окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;

— установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США»[1].

Комментировать этот текст нет нужды: здесь все сказано предельно ясно. Ни о каком «сотрудничестве», «партнерстве» с Россией, ни о какой «помощи» ей со стороны США не следует и помышлять. Речь идет о контроле и управлении ее «развитием» с использованием всех известных инструментов холодной войны.

Вот еще самые свежие факты.

В начале марта 2006 года конгресс США отменил дискриминационную поправку Джексона–Вэника, принятую около 30 лет назад в отношении СССР, серьезно ограничивавшую торговлю между двумя странами. Отменил, но только в отношении Украины, а не России. США также дали добро на вступление Украины в ВТО, признав страну демократической, а ее экономику — рыночной. Что касается России, то США остаются единственной страной, которая препятствует вступлению РФ во Всемирную торговую организацию (другое дело, что Россия, на мой взгляд, гораздо больше потеряет, чем приобретет, вступив в нее).

8 марта сначала в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке состоялась презентация доклада с очень интересным названием — «Неверный путь России: что могут и должны сделать Соединенные Штаты».

[1] Отрывки из этого документа опубликованы в российской печати лишь после отставки Ельцина в газете «Трибуна» (2000. 24 августа), в журнале «Наш современник» (1999. № 2). В книге В. Сироткина «Великий инквизитор» (М., 2006. С. 62–65) говорится, что этот документ был добыт политической разведкой Службы внешней разведки России, представлен Ельцину, а затем по указанию главы Администрации Президента РФ С. Филатова размножен «для служебного пользования» и роздан некоторым начальникам управлений. В. Сироткин имел возможность, как он пишет, ознакомиться с полным текстом доклада благодаря тому, что один из этих начальников управлений некогда был его дипломником в Дипломатической академии МИД СССР.

Комментируя этот доклад, известный американский политолог Стив Коэн полагает, что «США возвращаются к концепциям времен СССР», примерно на 20 лет назад; что «авторы доклада фактически призывают к проведению в отношении России политики сдерживания». А газета «Известия», в которой публикуются все эти материалы, с удивлением вопрошает: «США навязывают России новую холодную войну?» И выносит в подзаголовок фразу, которая должна, видимо, звучать как откровение для читателя: «Если Вашингтон не захочет видеть в Москве партнера, станет ясно: противостояние было не с коммунизмом, а с Россией». Надо же — какое открытие! Учите историю, господа журналисты и дипломаты! Учитесь за политическим словоблудием видеть суть вещей и происходящего.

Эта суть (скажем снова и снова!) заключается в том, что Россия нужна, очень нужна Америке! Но только не в качестве партнера. Как может быть партнером для агрессора — противник, для палача — жертва? Россия нужна США как геополитическое пространство, кладовая сырьевых и энергетических запасов, рынок сбыта своих товаров и (при благоприятных условиях) финансовых инвестиций, для размещения предприятий своих ТНК, как соучастник в некоторых делах, вроде борьбы с терроризмом и т. д. и т. п. Никакого разговора о партнерстве, да еще стратегическом, не было, нет и быть не может. «В мире были две супердержавы — СССР и США; одна из них рухнула и разрушена, а новой, кроме Америки, не бывать» — вот суть американской нынешней внешней политики вообще и в отношении России — прежде всего. Холодная война не начинается. Можно думать, что она продолжается. Хотя на самом деле идет просто война, только нового типа, основанная на новой концепции. Формы этой войны — от «холодной» до «горячей». Но в сущности — это самая настоящая война. И она будет тем более ожесточенной, чем в большей мере Россия будет претендовать на самостоятельную и значительную роль в международных отношениях. Это мы и наблюдаем сейчас.

Буквально через несколько дней после представления доклада «Неверный путь России: что могут и должны сделать Соединенные Штаты», в середине марта 2006 года, Белый дом обнародовал Стратегию США в области национальной безопасности на второй

срок президентства Дж. Буша. Предисловие, написанное Бушем к тексту новой стратегии, начинается с честного признания: «**Америка находится в состоянии войны**»; «это стратегия национальной безопасности **военного времени**»; США «должны сохранять вооруженные силы, не имеющие себе равных» и т. п. Причинами войны, как объясняет президент, является «рост терроризма» и необходимость «продвижения демократии и свободы в качестве альтернативы тирании». А по сути речь идет о войне со всем миром за право господствовать в нем.

Этот документ содержит более скептическую оценку ситуации в России, чем Стратегия 2002 года. «Недавние тенденции, к сожалению, указывают на снижающуюся приверженность демократическим свободам и институтам», — утверждается в нем. США призывают Россию «не препятствовать» распространению свободы: «Мы будем работать над тем, чтобы убедить российское правительство продвигаться вперед, а не назад по пути свободы».

Дж. Буш подписал также секретные приложения к Стратегии, о тайных смыслах которых узнают, быть может, наши потомки.

Еще раз подчеркиваю: пришла пора понять и нынешней России, что против нее продолжается война — демографическая, экологическая, экономическая, психологическая, информационная. Пока — «холодная». «Война» — вот имя существительное. «Война» — во всей полноте этого слова. «Настоящая» — это не просто прилагательное к слову «война», это определение, требующее, чтобы Россия вместе с остальным разумным миром выработала свою **Доктрину Сдерживания агрессии США** и ее пособников. Реализация этой доктрины потребует всех тех качеств (находчивости, жертвенности, единства и других), без которых победа не дается никому и никогда. Иначе всечеловеческая мечта о вечном мире превратится в вечную войну.

Возглавить эту тяжелейшую работу должна Россия. Не в силу некоего мессианского назначения свыше, но только исходя из тех реалий, которые сложились в ходе мирового развития человечества. И прежде всего потому, что только одна страна в мире — Россия представляет собой опыт долговременного географического единения Востока и Запада, мирного сожительства более чем

100 наций и народностей, всех основных мировых религий. Именно в этом качестве, а не как сырьевой придаток Россия необходима миру.

Стоит заметить, что совсем недавно, всего 10 лет назад, когда Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры по инициативе ее Генерального директора, выдающегося мыслителя и политика Федерико Майора продвигала в мире проект «Культура мира и демократии», его совершенно не замечали США и более всего поддерживала Россия. В Москве по инициативе мэра города Ю. М. Лужкова создан центр «За культуру мира и демократии», а в нашем университете в 1999 году, во время его посещения Ф. Майором, создан Международный институт «Молодежь за культуру мира и демократии», директором которого я являюсь.

Россия должна стать главным субъектом мирового развития, но не в смысле империалистических амбиций и расширения своего влияния за счет уничтожения своеобразия культуры других стран, как это делают США, а их сохранения и творческого развития, если хотите, модернизации в контексте идеологии Культуры мира.

Когда эта книга была уже сдана в производство, в Москве состоялся X Всемирный русский народный собор, членом Совета которого я являюсь. На обсуждение была вынесена тема «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке».

Открывая собрание, на котором присутствовало около 3 тыс. государственных и политических деятелей, работников культуры, писателей, военных и — обращаю внимание — представители всех основных конфессий России, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал: «Сегодня миссия России в XXI веке состоит в том, чтобы наш уникальный опыт построения единого цивилизационного пространства на основе культурной и религиозной многоукладности содействовал построению многоукладного мира, в котором бы различные цивилизационные модели входили в гармоничное и мирное взаимодействие... Опыт России уникален. Если нам удастся задействовать потенциал традиционных религий России, ее этнического и культурного многообразия и выработать общеприемлемую концепцию по вопросам прав человека

и достоинства личности, это откроет перед нами новые перспективы, поможет изменить и улучшить облик человеческой цивилизации».

Момент истины в противоборстве США с «остальным миром» состоит в том, чтобы умиротворить себя, умерить свои аппетиты и амбиции. **Переосмыслить себя. Переопределить смысл своего существования в мире, перенацелить свою внешнюю политику.**

Дело даже не в том, хороши или плохи западные ценности. Как можно выступать, например, против прав человека, свободы личности, политического плюрализма, конституционной демократии? Сами по себе они представляют несомненную ценность.

Но все не так просто, тут много нюансов и тонкостей.

Например, еще на стадии, когда только начиналась разработка Всеобщей декларации прав человека, когда обсуждались различные альтернативные проекты, некоторые (заметьте — западные!) ученые говорили о том, что духовные, нравственные и политические ценности в разных культурах имеют существенную специфику. Именно поэтому невозможно сформулировать права человека, исходя из морального кодекса только одной культуры, и сделать их универсальными для всего человечества. Скажем, общемировые стандарты свободы возможно базировать только на принципе, в соответствии с которым человек свободен в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. Тем не менее в основу Декларации прав человека положена универсалистская концепция, декларирующая постулаты морального кодекса исключительно европейской культуры. Естественно, что для незападных стран декларация стала утопией. Заставить ее соблюдать на Востоке, кроме как силой, невозможно.

Внешняя политика США издавна строилась на универсальном подходе, который, как отмечал Дж. Кеннан, «избавляет его (общественное мнение США. — *И. И.*) иметь дело с национальными особенностями и разнородными политическими убеждениями зарубежных народов, которые для большинства наших людей кажутся запутанными и вызывают раздражение». **Американцы не желали (как не желают и ныне) видеть мир таким, каков он есть на самом деле**, предлагали и предлагают странам и народам придер-

живаться стандартных норм поведения в соответствии с принятыми законами и вводимыми ими ограничениями, парламентскими и другими процедурами, одобряемыми большинством. Хотя на самом деле понимали (и это обозначает Кеннан), что это «всего лишь маска, форма, отвергающая главное — содержание: история страны, национальные традиции и предрассудки и т. п.».

Нельзя ставить знак равенства между Западом и человечеством. Этот знак важен только для Запада, особенно для США, которые, несомненно, безмерно завышают мнение о самих себе, слишком высокомерны. То, что Запад добился значительных успехов в материальном производстве, еще ничего не говорит о том, **как долго будет существовать это производство, этот способ общественного устройства**, а из-за него — и все человечество завтра. То, что нынешняя парадигма развития привела человечество на грань гибели, доказано, но крайне плохо осознано. Продолжать слепо идти к пропасти, да еще увлекать за собой и остальные страны — это преступление. В конце концов, смысл Жизни в самой жизни, а не в прогрессе, технике, ракетах как таковых.

Слава богу, американская воинственность наталкивается на свое собственное эгоистическое нежелание оплачивать военные амбиции потерями жизней американских граждан. Поэтому правительство США берет курс на изобретение сверхточного оружия и вовлечение других государств в сферу военных действий.

Однако страна, граждане которой не хотят идти на самопожертвование ради общих интересов, обречена. Война — это величайшая проверка национального духа, национальной морали, воли, терпения и выносливости. Профессиональная армия, как бы отменно ни были подготовлены ее солдаты, не может победить народ; она неизбежно проиграет войну тем, кто готов к жертвам на поле боя. Ситуация в Ираке на тот момент, когда я пишу эти строки, — ярчайшее тому подтверждение.

Война уже давно стала иррациональным способом улаживания конфликтов. Пришла пора заняться подлинным миростроительством, в котором война не является предварительным условием мира.

Эта концепция пока недоступна американскому сознанию, что означает только одно — **Америка с ее неистребимой воинствен-**

ностью не нужна человечеству, следовательно, ей рано или поздно придется изменить свою философию жизни. Америка — это тяжелая болезнь человечества, которую оно должно изгонять сообща, не доверяясь самодиагнозу и самолечению.

В Севильской декларации о насилии (Перу, 1986 год), написанной учеными из разных стран мира, справедливо говорится о том, что война не обусловлена генами, неуравновешенностью сознания, человеческой натурой или инстинктами, а является **социальным изобретением**; при этом «**род, который изобрел войну, способен изобрести мир**».

И последнее. Я очень хочу, чтоб когда-нибудь кто-нибудь написал книгу под названием «Америка как друг России». Но чтобы это произошло, нужно по крайней мере одно — чтоб Америка опомнилась и одумалась.

Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006.

США КАК ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК РОССИИ: ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПОНИМАНИЕ[1]

Дорогие друзья, начинаем непосредственно работу по повестке. Первой стоит моя фамилия. Здесь сказано, что я выступлю с постановкой проблемы по теме **«Главный противник»**.

Я думаю, что вы не ожидаете от меня, и я не буду этого делать, серьезных рассуждений на эту тему и теоретизирования. Мне кажется, что сама жизнь давно уже поставила этот вопрос. Все дело в том, насколько человек, понимающий остроту этой проблемы, осознает ее так, как она сформулирована у нас сегодня.

Я столкнулся с Америкой, увидел ее впервые в 1972 году. После этого шесть раз бывал в Штатах. Вчера посчитал с картой в руках, что я посетил примерно 30 городов. Это были не туристические вояжи, а поездки на конференции, в составе очень небольших делегаций молодых политических деятелей и другого рода поездки. В последний раз я был три года назад в Нью-Йорке и Сан-Франциско по приглашению транснациональной корпорации «Циско системз», которая тянет «железную» часть Интернета по всему миру. Это самая крупная компания. «Молодое поколение. Мы начинаем» — так называлась эта программа. Мы слушали лекции в Нью-Йоркском университете, в Колумбийском университете, в Стэнфордском университете. Я был в Силиконовой долине, в штаб-квартире «Циско».

К чему я это говорю. За все время, с 1972 года, я, побывав в Америке несколько раз, посетив много городов, повстречавшись с самыми различными людьми, проживая в самых фешенебель-

[1] Выступление на 15-м заседании Русского интеллектуального клуба, 25 апреля 2007 года.

ных отелях, общаясь с губернаторами, миллиардерами, миллионерами, профессорами, побывав в Институте Кеннана, в штабквартире, где служат бывшие госсекретари, вице-президенты и т. д., благодаря всему этому я имел возможность представить себе, что такое Америка не просто внешне, но и понять, так сказать, ее суть. Конечно, это обрывочные впечатления. Я не американист. Я не изучал Америку глубоко и фундаментально так, как, скажем, это делают, наверное, люди в Институте США и Канады РАН, которые посвящают всю свою жизнь этому вопросу. Мои знания отрывочные, в некотором смысле поверхностные. Но тем не менее, я думаю, что у меня есть некоторые основания полагать, что я кое-что знаю об Америке и ее народе.

Я не считаю себя американистом и тем более антиамериканистом. Было бы, вероятно, смешно и наивно говорить: это плохой народ, плохая нация и т. д. Так, по-моему, скажет только неумный человек. Но если мы говорим о политической линии, о политике, о стратегии в развитии страны и наблюдаем ее на протяжении длительного времени, то можно выразить свое отношение именно так, как я его выражаю: США — это главный геополитический противник России. Это больше, чем идеологический противник, потому что исчез Советский Союз, коммунизм, но сильная самостоятельная Россия по-прежнему представляет опасность для Америки с точки зрения реализации ее интересов. И мы имеем то, что имеем.

Я в 1999 году издал небольшую книгу, где сюжет о холодной войне и об Америке присутствовал в нескольких цитатах, найденных мною в журналах, которые научными не назовешь, скажем, «Наш современник». Но это были очень выразительные слова. И я поставил своей задачей найти первоисточник. Оказалось, что это не так сложно. Мы нашли. Здесь присутствует Г. А. Журин, мой помощник, который этим занимался. Мы нашли ксерокопию доклада, вернее, сборник «Стратегия и внешняя политика США в 1945–1950 гг.» на английском языке, который никем не запрашивался. Мы перевели эту книгу. Я взял оттуда все, что касается СССР и стран социалистического содружества, как тогда говорили. Эти тексты представлены в книге, которую я так и назвал — «Главный противник».

Здесь есть несколько документов, на мой взгляд, совершенно феноменальных. Это «длинная телеграмма» Кеннана, это цели США в отношении России 1948 года, документ 1950 года, в котором откорректированы цели США в отношении России. Есть, наконец, в качестве приложения план начала третьей мировой войны под кодовым названием «Немыслимое», который был разработан по заданию Черчилля, но не реализован по известным причинам.

Невозможно долго и много говорить, эта книга является как бы «бумажным» фактом для постановки проблемы, а жизнь поставила ее, эту проблему, по-моему, давно. Поэтому мы решили вынести этот вопрос на обсуждение Русского интеллектуального клуба.

В этой книге, в документах, есть два сюжета, на которые я хотел бы обратить внимание. Это не только история. Цели США в отношении России изложены в документе, который определяет их на далекую перспективу. Они, конечно, скорректированы. Сейчас есть другие документы. И мы о некоторых из них знаем и уже сегодня будем о них говорить. Но я думаю, что существует еще и сейчас целый комплект, много документов, о которых мир узнает через много лет, документы совершенно секретные. Замечу также, и эта книга не полная. В предисловии авторов-составителей сборника сказано, что в нем есть выдержки из документов, а есть тексты, которые все-таки не опубликованы, настолько скрытая была работа в те годы.

Вот что я хочу процитировать. Это то, что имеет отношение к сегодняшнему дню, из далекого 1948 года. В документе говорится: «Прежде всего, стоит отметить, что вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше, т. е. даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее: а) отсутствие у подобного режима большой военной мощи; б) его сильную экономическую зависимость от внешнего мира; в) соблюдение им прав национальных мень-

шинств; г) отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром. Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественным по отношению к нам (то, что мы сегодня наблюдаем), то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным. Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире».

Совершенно современные формулировки, если соотнести их с выдержками из доклада Госдепартамента США «Поддержка США прав человека и демократии в мире».

Наконец, еще один тезис принципиальной важности, который не был осознан руководством Советского Союза и не осознается современной, нынешней властью, не говоря уже об обществе. В завершении документа 1950 года, где корректировались цели США в отношении России (он назывался «Задачи и программа национальной безопасности США» 14 апреля 1950 года) говорится: «Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира. Важнейшими предпосылками успеха являются консультации с руководителями конгресса...» Дальше, последняя фраза: «Выполнение этой программы потребует от всех нас находчивости, жертвенности и единства, диктуемых суровостью проблемы и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач». Рекомендации: «Президенту одобрить вышеприведенные заключения, поручить Совету национальной безопасности при поддержке других соответствующих министерств и ведомств обеспечить координацию и выполнение поставленных здесь задач в срочном порядке и на долгосрочной основе в течение такого периода времени, который будет необходим для осуществления наших задач. Для этого представители участвующих министерств и ведомств, комитеты начальников штабов, а также представители других министерств и ведомств в зависимости от необходимости должны составить новый штаб, который будет заниматься разработкой согласованных программ, предназначенных

для рассмотрения Советом национальной безопасности. Этот штаб также должен быть подотчетен СНБ».

Меня занимал вопрос: а понимало ли руководство Советского Союза холодную войну как настоящую войну. Это ключевой вопрос. Это самое главное — понимание. Я предпринимал попытки, чтобы прояснить ситуацию. У меня есть знакомые люди в органах безопасности, на высоких должностях. Я связывался с ними, разговаривал. Они пытались что-либо найти. Может быть, есть какие-то секретные документы. Они сказали мне, что ничего не нашли. Я подумал, что если бы на самом деле что-то было, то это давно стало бы известно, потому что уж если генерал Бакатин сдал все схемы прослушки, которые были установлены в посольстве США, если сдавались совершенно секретные документы, разного рода сведения по нашему военно-промышленному комплексу, по ракетам, по заводам и т. д., то, наверное, этот документ появился бы. Но все-таки какое-то сомнение оставалось.

Мы недавно встретились с Ф. Д. Бобковым, он присутствует у нас здесь. Генерал армии долгие годы был руководителем политической контрразведки. Я обратился к нему: «Уж вы-то не можете не знать как первый заместитель председателя КГБ». Но он сам будет говорить об этом. К сожалению, понимания не было, что это настоящая война. Не было штаба, не было плана. Л. И. Шершнёв скажет о своем горьком опыте: за что он был изгнан из рядов Советской армии в свое время, когда пытался доказать, что война идет и надо действовать по законам войны. Вот такая ситуация.

А теперь мы живем в реальном мире. Много раз видели на экране людей, руководителей нашего государства, которые говорили: «друг Билл», «друг Коль», «друг Буш». Я всегда смотрел на это и не понимал, как они могут дружить по-настоящему, если это все серьезно. А народ наивный, наш в особенности. Раз дружба, то, значит, у нас скоро жизнь наладится, поэтому давайте ракеты уничтожим, оружие уничтожим.

Что происходит по факту? Я вчера имел возможность прочитать стенограмму заседания Государственной Думы, на котором обсуждался доклад в поддержку прав человека и демократии в мире. Вообще, документ закрытый, но все можно, если очень хочется. Это удивительно. Депутаты говорят: что вы до сих пор мол-

чали, почему мы до сих пор не говорили о том, что у нас такое проамериканское лобби до сих пор существует в правительстве, нам надо вывести их на чистую воду, и генералу Патрушеву надо этим заняться; почему мы ничего не говорим о том, что был такой Поливанов, вице-премьер и руководитель Госкомимущества, который поставил вопрос в 1994 году о высылке 30 американских советников правительства, по сути, разведчиков? Через три месяца Поливанов исчез из правительства, и я думаю, что никто из здесь присутствующих не скажет сегодня, кто такой Поливанов. Его фамилию я ни в политике, ни в бизнесе не встречал. Видимо, очень больно наступил, не те шаги предпринимал.

И наконец, этот доклад. Дело в том, что он ежегодный. Конгресс США обсуждает каждый год вопрос о правах, о демократии в мире. Но именно в этом году доклад вызвал особую реакцию в России. Причин несколько. Первая — то, что в нем многое откровенно сказано из того, о чем раньше вслух не говорили: о тех средствах, которые выделяются на работу в стране с некоммерческими организациями, с политиками, и, конечно, о том, что американцы будут активно участвовать в обеспечении, как они считают, справедливых выборов — и парламентских, и президентских. Это, конечно, вызвало особый интерес к докладу. Было принято решение Думы. Мы перевели специально раздел по России, чтобы вы могли на досуге прочитать. Там очень много оценок, и, по правде говоря, справедливых. Если бы речь шла о том, чтобы кто-то со стороны просто сказал, как наша жизнь течет, то там со многим надо согласиться. По факту. Но когда там рассказывается о том, какую работу они ведут здесь у нас для того, чтобы поправить наши внутриполитические дела, то это не может не вызвать возмущения. По большому счету речь идет даже не о возмущении, а о противодействии. Мне кажется, что правительство должно предпринимать какие-то реальные шаги. И органы государственной безопасности.

Я вам прочитаю выдержки из этого доклада, где есть цифры. «При поддержке США НПО (неправительственные организации) продолжали в течение года мониторинг работы депутатов региональных законодательных органов, призывая к взаимодействию между избирателями и их избранными представителями, а также

к развитию практики надлежащего управления». Нас учат как управлять! «16 поддерживающих США коалиций бизнес-ассоциаций объединяют более чем 170 ассоциаций по всей стране. Эти группы добились принятия по меньшей мере 30 законодательных изменений в различных регионах страны. Посол в течение года встречался с главой Центральной избирательной комиссии, с лидерами политических партий, включая лидеров оппозиции для акцентирования необходимости обеспечения прозрачных и честных выборов».

Много-много ниже написано: «В мае более 250 добровольцев, представляющих поддерживающие США НПО, провели мероприятия в 31 регионе для повышения осведомленности граждан об изменениях в избирательном законодательстве в прошедшем 2005 году и стимулирования интереса к выборам... США работали над укреплением региональных вещательных СМИ и улучшения доступа к негосударственным информационным источникам. Более 2700 журналистов вещательных СМИ приняли участие в спонсируемых США обучающих программах, конференциях и соревнованиях по таким категориям, как профессиональные стандарты, социально ответственная журналистика, наилучшая практика и развитие медиабизнеса... Получающие американское финансирование сети НПО в Сибири, в Волжском районе, на Дальнем Востоке и южных регионах страны продолжали на конкурсной основе осуществлять грантовые программы совместно с губернаторами, 45 местных органов исполнительной власти разработали более прозрачные модели управления в рамках спонсируемой США программы». И так далее. «Обучающие программы в сфере публичной политики для более чем 2057 местных должностных лиц и их представителей НПО».

Здесь еще целая страница. Я думаю, что я уже утомил вас этими цифрами. Это все цифры, в которых выражается работа различных органов США через неправительственные организации. Можно только догадываться, как много ведется работы, о которой мы действительно до сих пор не знаем.

Недавно вышел фильм о «бархатных революциях» в странах СНГ. Сделали его французские тележурналисты. Так сложилось, что я посмотрел только полфильма, начало. Сейчас показывать

целиком фильм не станем. Он длится 54 минуты. Но мы хотим показать вам (это уже за рамками моего выступления) один сюжет, самый характерный и самый впечатляющий, потому что там есть начало и есть конец. Там есть замысел революции, и она осуществлена. Прямо снято по событиям в Киргизии. Показали, как приехали американцы туда за два с лишним месяца до событий, как беседовали еще с теми, кто только думал, как сделать эту революцию, как их обучали, как их инструктировали, как они мечтали, что вот на этой площади будет народ и он сметет правительство Акаева. Потом показывают, как правительство Акаева сметают. А что происходит в Киргизии сейчас, после всех этих революций! Там большие сюжеты, связанные с Россией, но тут фантазия у авторов была ограничена, потому что все-таки это чистые прогнозы. Но то, что мы знаем и что я услышал из беседы с одним специалистом, который занимается этим вопросом... Он мне, например, сообщил, что в России сейчас после закона, который приняли по неправительственным организациям, зарегистрировано 300 международных структур, а проблемы были созданы в основном для российских неправительственных организаций. Усложнилось все значительно, усложнилась их жизнь. Международные же организации практически были перерегистрированы. В том числе была перерегистрирована международная организация, которую возглавляет Мадлен Олбрайт и которая присутствовала в Сербии, в Грузии, в Киргизии и на Украине, создавая соответствующие молодежные структуры, ставшие организаторами всех «цветных революций».

Покажите, пожалуйста, фильм.

(Идет демонстрация фильма).

Я думаю, что тему мы определили. Я ничего комментировать не буду, потому что мы в ходе разговора коснемся этих вопросов.

* * *

Дорогие друзья, я думаю, мы должны поблагодарить наших главных докладчиков за прекрасные доклады — глубокие по содержанию, широкие по тематике, сделанные на большом историческом материале, с сильной прагматической составляющей. Большое спасибо.

Мне кажется, все выступления очень интересные. Давайте поблагодарим друг друга. В своем выступлении я бы хотел затронуть некоторые вопросы.

Первое. Мне кажется, что самая главная проблема заключается именно в том, что мы пытаемся не замечать проблему. Надо видеть реальную остроту вопросов. Многие проблемы не решаются, потому что:

а) не формулируются должным образом;

б) не осознаются как проблемы сегодняшнего дня, которые надо решать немедленно, поскольку иначе будет поздно.

Не думаю, в отличие от некоторых участников нашего заседания, что Россия с ее обширной территорией, природными богатствами, огромным населением при остроте глобальных проблем человечества не интересует главную державу мира, которая стремится к мировому господству. США даже экономику Киргизии пытаются заставить работать на свои интересы. Но не надо сравнивать нас с Киргизией. Какое место занимаем мы в приоритетах США? Я думаю, стоим в «первых строчках». Нельзя смотреть на вещи так, как это делает, например, телеобозреватель В. Познер: якобы «не те времена», «не надо создавать образ врага», «мы друзья с Америкой» и т. п.

Я против такого подхода, потому что для начала необходимо правильное восприятие проблемы, стремление понять ее. «Не обращать внимания на реальные трудности» — по этому принципу живет сегодня подавляющее большинство населения. Потому что воспринимать проблему — значит «впустить» в себя сомнения, тревогу, волнения и даже страх. Но страх можно преодолеть только борением мысли. Для этого надо читать, думать, мучиться. «Зачем мне все это? Жизнь коротка. Радуйся жизни!» — думают многие. Тем более если есть чему радоваться. А если нечему радоваться, то надо от проблем этой жизни отойти. «Я все равно ничего изменить не могу» — господствующая установка.

Вот, к примеру, мы с вами стоим перед вопросом: «А что мы можем сделать?» А как же простой, «маленький», человек?! Он себя чувствует полным ничтожеством, не способным ни на что повлиять. На самом деле это очень неправильная философия жизни.

Сегодня говорили о том, как много может один человек. А несколько человек — тем более.

Вот эта книга, «Главный противник», началась с телеграммы одного человека. Сначала Кеннан написал «длинную телеграмму» из 8 тысяч слов, а потом родилось целое произведение. У американцев были своя философия, идеология, стратегия по овладению пространством нашей страны, как ее ни назовите — Россия, Советский Союз...

Я не советовался ни с одним из здесь присутствующих о том, нужно ли нам попытаться сделать подобный документ. Мы не в состоянии сделать что-то похожее на то, что сочинили американцы в отношении России. Но и не надо ничего подобного сочинять в отношении Америки. По крайней мере прямо. Но какой-то стратегический документ нужен. Независимо от того, будут ли его читать и реализовывать.

Функционирует Русский интеллектуальный клуб, который мы создали. А в самом начале были вопросы: «Зачем? Что мы изменим?» Я думаю, что, во-первых, мы изменяем себя. И отчасти окружающий мир. Не знаю, «как наше слово отзовется».

Мне кажется, если бы нам хватило характера, ума сделать какой-то документ по этой теме — это было бы важно. Сегодня первое, что этому препятствует, — вектор есть, а внятно сформулированных, артикулированных целей и задач нет. Мы находимся в состоянии хаоса. И верим, что порядок родится из хаоса. Да, хаос необходимый элемент, но если все вокруг превращается в хаос, то это разрушительно. Поэтому давайте будем своего рода «точкой роста». Интеллектуальной точкой роста, тем более что назвались мы Русским интеллектуальным клубом.

Юрий Юрьевич (Болдырев), на самом деле вы — не потерянное поколение. Вы делаете огромную работу. Вы сами по себе фигура знаковая. Вас знают. Если Болдырев появляется на экране, его слушают. Потому что за ним — честность, правда. Как и у других людей, которые здесь присутствуют. Поэтому вы не потерянное поколение. Не надо себя перечеркивать. Но тем более надо побороться за поколение молодых, потому что им «подсовывается» все что угодно.

Вчера посмотрел специально фильм «Сволочи». Чистая ложь, стопроцентная. Но кто из молодых знает, что это — ложь?! Да, вы-

ступил Владимир Меньшов на вручении премии, не стал вручать. Да, прокомментировало несколько человек этот поступок. В том числе автор сценария, который признался, что он все это выдумал. Но молодые-то будут смотреть! Я думаю: «Боже мой, что же за система такая была? Детей 14-летних в спецшколах обучали, отправляли взрывать топливные склады». Глупость по замыслу, все плохо сделано и по режиссуре, и по содержанию. Но фильм получил первую премию. И сегодня его смотрят миллионы. Как в советские времена было «оболванивание», так и сегодня. В невероятных масштабах.

Поэтому, я думаю, мы должны сделать и сделаем книгу по итогам нашей дискуссии. Постараемся разработать какой-то документ, который затем распространим как продукт деятельности Русского интеллектуального клуба. Попытаемся внедрить его в те структуры, которые отвечают практически за вопросы государственной безопасности и вообще за развитие страны. А уж как там получится, это другой вопрос. Мы должны понимать, что свою работу мы сделали. Как в притче о святом Августине, которому сообщили, что через три дня — потоп. Спросили его: «Что ты будешь делать в оставшиеся дни?» Он ответил: «Как обычно, буду пасти овец». Так и мы должны продолжать свою работу, несмотря ни на какие внешние обстоятельства.

Русский интеллектуальный клуб. Стенограммы заседаний. Кн. 6. М., 2009.

О ТЕРРОРЕ И ТЕРРОРИЗМЕ

Что меня поражает в этом мире — это бессилие силы; из двух могучих факторов — силы и ума — сила в конце концов всегда оказывается побежденной.

Наполеон I

Сила, лишенная разума, гибнет сама собой.

Гораций

ВВЕДЕНИЕ

Слова «террор», «терроризм» известны с древности. Но особо широкое распространение они получили в России и во всем мире во второй половине XX века, когда терроризм стал почти повсеместным явлением. С 1970 по июль 1995 года в мире было совершено около 65 тыс. террористических актов. Ныне они происходят на всех континентах — в Африке, Азии, Северной Америке, на территории бывшего СССР, но особенно часто в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Западной Европе[1]. Темпы роста количества терактов с каждым годом увеличиваются. В мире действуют сотни террористических группировок, некоторые из них приобрели поистине всеобщую известность: Ирландская республиканская армия (ИРА), движение басков в Испании (ЕТА), Армия освобождения Косово, «Аум Синрикё» в Японии, палестинская «ХАМАС» («Движение исламского сопротивления»), «Эль-Джи-хад», ливанская «Хизб Аллах», «Джабхай ал-инхал ал-исла-ми» («Фронт исламского спасения») в Алжире, «Тамильские тигры» в Шри-Ланке и ряд других.

[1] По данным спецслужб, международный терроризм за период 1988–1993 годов характеризуется следующими показателями (первая цифра — количество терактов, вторая — число пострадавших): Африка — 175 и 758; Азия — 410 и 1172; Евразия (подразумевается территория бывшего СССР) — 22 и 10; Латинская Америка — 915 и 769; Ближний Восток — 513 и 783; Северная Америка — 10 и 1008; Западная Европа — 818 и 806 (см.: Закон и право. 1999. № 12. С. 7).

Во второй половине XX века появилось еще одно выражение — «**международный** терроризм», которое не сходит со страниц газет, журналов и другого рода печатных изданий. Страшные теракты последних лет во многих странах мира, в том числе в Москве и других городах России, война в Чечне сделали этот термин самым популярным и часто употребляемым не только политиками, учеными и журналистами, но и простыми гражданами.

Атака террористов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 года — это самый масштабный и кровавый террористический акт за всю историю человечества. Он вызвал ужас в Америке и во всем мире. Это страшное и трагическое событие стало своего рода кульминационным пунктом в окончательном формировании международного терроризма как еще одного социального феномена XX века и признании его в качестве одного из главных мировых зол. Весь мир узнал название еще одной террористической организации «Аль-Каида» (в переводе с арабского — «база»), имеющей отделения в 55 странах мира, и имя «террориста № 1», как полагают США, Усамы бен Ладена — он же Усама бен Мухаммад бен Авад бен Ладен, он же Шейх Усама бен Ладен, он же Абу Абдулла, он же Моджахед Шейх, он же Хадж, он же Абдул Хай, он же аль Кака, он же Директор, он же Надзирающий, он же Эмир, он же Принц, он же Подрядчик, родившийся в Саудовской Аравии в 1957 году.

Мир сознает «международный терроризм» как одно из главных зол современности, как один из острейших глобальных вызовов человечеству в XXI веке, но что такое терроризм «международный» — не знает. Общепринятого понятия и определения «международный терроризм» не существует. В этом признаются ученые и политики. В 1990 году VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушениями (Гавана, 1990 год) в специальной резолюции вновь указал, что «...пока не удалось достигнуть согласия в отношении понятия термина „международный терроризм“»[1]. Выступая на пресс-конференции 21 октября 2001 года в Шанхае, где собирались лидеры всех ведущих стран мира, прези-

[1] Власть. 2000. № 1. С. 48.

дент России В. Путин сказал: «Проблема в том, что мы не можем точно сказать, что такое международный терроризм».

Но если это так, то с кем, точнее сказать, **с чем** борются сегодня США, объявившие «долгую, новую и трудную» (Д. Буш) войну международному терроризму? Ведь «международный терроризм» — это не нация, не государство, у него нет четко очерченных границ. Тем более борьбу с ним нельзя свести к поимке какого-либо «террориста № 1». Вчера это был Карлос, сегодня бен Ладен, завтра будет кто-то другой. Борьба должна вестись не только и не столько против отдельных террористов и террористических группировок, сколько против терроризма как явления в целом и отдельных процессов, составляющих это явление; не только и не столько против следствий, а прежде всего против причин, которые эти следствия порождают. В противном случае эта борьба никогда не будет эффективной, вести ее придется бесконечно.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ТАКОЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ?

Прежде всего потому, что терроризм, тем более международный — явление весьма **сложное**.

Многообразны причины, формы и методы терроризма, он имеет различные цели.

Терроризм — явление **комплексное**, потому исследуется наукой в философском, историческом, политическом, правовом, психологическом аспектах. Каждая из этих наук смотрит на это явление со своей точки зрения, порой весьма узко.

Надо учитывать, что объяснение любого явления справедливо для **данного времени**. Например, ответ на вопрос «что такое свет?» сегодня звучит совсем не так, как сто и двести лет назад. Мир, в частности террор и терроризм, настолько изменились, стали так необычны, что описать и понять их на прежней философско-методологической основе практически невозможно. Старые понятия не работают, новые не определены. Еще живо выражение «метод плаща и кинжала», рисующее нам образ тирана или террориста-одиночки, использовавших тайные заговоры, шпагу и

кинжал для сведения счетов с противником, а сегодня уже в ходу понятия «ядерный террор», «биологический террор», «экологический террор» и т. п.

Мир жаждет устойчивости, но ныне устойчивы только перемены. Реальностью является «устойчивая неустойчивость» или, наоборот, «неустойчивая устойчивость». Мы жаждем мира, но живем практически на войне, называя это состояние «свободной конкуренцией», «борьбой за национальные интересы» и т. п. Тысячи институтов и лабораторий гадают, каким будет будущее человечества, и приходят к выводам о том, что будущее непредсказуемо и определенно можно сказать лишь, что его ожидают новые катаклизмы. И так далее.

Одним словом, понять, что такое «международный терроризм», очень трудно в силу целого ряда **объективных** обстоятельств. Неудивительно поэтому, что в массовом сознании понятие «терроризм», по сути дела, отождествляется с понятием «терроризм международный» и оба эти явления воспринимаются главным образом на уровне эмоций: страх, ужас, происки негодяев, религиозных и политических фанатиков, покушение на покой, счастье и жизнь простых людей, на основы человеческого бытия и т. д. и т. п.

Мы употребляем слова «террор», «терроризм», «международный терроризм» как взаимозаменяемые, т. е. как синонимы, хотя на самом деле это не так, о чем еще будет сказано ниже. Рядом с ними и часто взамен их произносятся слова «насилие», «экстремизм», «агрессия», «война», «геноцид» и т. п.

Такому положению способствует и то, что многие, если не большинство из сотен тысяч журналистов и ученых всех стран, пишущих о борьбе «цивилизованного человечества» с «**международным** терроризмом», заняты в основном описанием исключительно **текущей** действительности, их прежде всего волнует **про-ис-ходя-ще-е**. «Буш заявил»... «Путин сказал»... «ООН заявила»... «Американцы бомбят Афганистан»... «Наземная операция началась»... «Современная история делится на периоды „до“ и „после“ 11 сентября»... «Атака на Америку — это атака на человеческую цивилизацию»... «События 11 сентября открыли для России шанс присоединиться к высшей цивилизации на равных»... «Америка поняла, что без России построить новый мировой порядок невозможно»...

«Прорыв в российско-американских отношениях»... «Отныне отношения России с Западом будут строиться на подлинно партнерских отношениях»... И так далее и тому подобное. Выступают президенты, премьеры, министры, руководители всевозможных аналитических центров и институтов, геополитики, политтехнологи. Но в основном, к сожалению, в том же духе.

И так — день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Что же мы имеем в итоге? Описание событий, их хронику, хронологию, которые не несут ответов на вопросы: «Что же такое „международный терроризм“?», «Почему мы не можем его остановить?», «Что будет завтра?». Они остаются в стороне.

Среди **субъективных** причин, которые не позволяют дать ясного представления о терроре и терроризме, в частности «международном терроризме», на первое место, на мой взгляд, надо поставить отсутствие у ряда государств **политической воли и желания** иметь такое понимание. Наоборот, как вчера, так и сегодня некоторым правителям и правительствам выгоднее, чтобы люди не понимали, что же происходит в мире на самом деле, где лежат истоки, где зарыты корни международного терроризма. Почему? Потому что знание сущности международного терроризма позволит выявить **истинного** «террориста № 1». Гораздо выгодней кричать «Держи вора!». И очень стыдно и опасно, когда оказывается, что кричащий и есть вор. На глубокое изучение природы, сущности, причин терроризма как социального явления в научном плане долгие годы практически было наложено табу. В период почти пятидесяти лет холодной войны в этом не были заинтересованы правительства прежде всего СССР и США. Ныне хорошо известно, что практически все западные, и особенно американские, спецслужбы внесли свой вклад в дело создания будущих бен ладенов. Давно уже не секрет, что, например, многие «воины ислама» теорию и практику терроризма в свое время изучали в советских разведшколах.

Известно также, что СССР не раз блокировал в ООН и на европейском уровне принятие документов, раскрывающих сущность международного терроризма (а по моему понятию — международного террора). Например, 27 января 1977 года в Будапеште была принята Европейская конвенция по борьбе с терроризмом, в кото-

рой впервые был обозначен перечень документов, квалифицируемых как террористические. Руководство СССР категорически отказалось подписать этот международно-правовой документ, аргументируя свое решение следующими обстоятельствами: 1) конвенция, по его мнению, была направлена исключительно на подавление коммунистического и рабочего движения под видом борьбы с крайне левыми группировками; 2) смысл отдельных формулировок, считали советские лидеры, декриминализирует деятельность крайне правых, поскольку вуалирует уголовную сущность их акций посредством акцентирования внимания на политических требованиях или декларируемых мотивах террористов. И только спустя почти 20 лет, 7 июля 2000 года, этот документ был принят Государственной Думой, а 26 июля одобрен Советом Федерации. 7 августа 2000 года Президент России В. В. Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма».

Не способствует поиску ответа на вопрос «что такое международный терроризм?» (террор, терроризм вообще) и позиция многих ученых, полагающих, что найти этот ответ попросту невозможно, тем более дать общеприемлемое определение. И дело тут не только в сложности предмета изучения и способностях самих исследователей, а в принципиальном взгляде на возможности познания. Известно, что на Западе уже давно, а теперь и в нашей стране весьма широко распространен **позитивизм**, т. е. философское направление, согласно которому подлинное знание может быть получено только **специальными** науками, но не философией; причину и сущность предметов и явлений не следует искать вообще, ибо это не является задачей науки, которая якобы лишь описывает явления, а не объясняет их, отвечает на вопрос **«как?»**, но не заботится о поисках ответа на вопрос «почему?».

В этом плане совсем не случайно проблемы терроризма исследуются сегодня в основном историей, психологией, прежде всего, с юридической точки зрения. В рамках своего предмета каждая из наук достигла неплохих результатов. Но эти итоги и выводы важны именно для данной науки, отражают лишь какую-либо одну из сторон терроризма как сложного и комплексного, многогранного и многоуровневого явления. Каждая из этих и других

наук отвечает на вопрос «что это такое?» для своих «внутренних», особых нужд.

Скажем, право как наука устанавливает пределы законности того или иного действия субъекта терроризма. Это его основная задача. Определив терроризм как уголовное преступление, данная наука может считать, что она свою задачу выполнила, ибо раскрыла **правовую сущность** данного явления: это — **преступление**.

Достаточно ли этого даже для самого права, для практической правовой деятельности, скажем, судебной? Оказывается, нет. Нужен ответ более детальный, в котором указывалось бы, какие **виды и формы** действий террористов можно квалифицировать как уголовные преступления.

В Уголовном кодексе РСФСР норма о терроризме (ст. 2133) была введена Федеральным законом РФ от 1 июля 1994 года (№ 10-ФЗ). Статья 205 УК РФ 1996 года в редакции Федерального закона от 9 февраля 1999 года № 26-ФЗ определяет **терроризм** как совершение **взрыва, поджога** или иных действий, создающих опасность **гибели** людей, причинения значительного имущественного **ущерба** либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также как **угрозу** совершения указанных действий в тех же целях.

Обратим внимание: понятие терроризма выявляется путем **перечисления** различных его форм: взрыв, поджог, угон самолета и т. п.

По такому же принципу определяется понятие терроризма и в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 года. Согласно ст. 3 данного закона **под терроризмом** понимаются «**насилие** или **угроза** его применения в отношении физических лиц или организаций, а также **уничтожение** (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность **гибели людей**, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемых в целях нарушения общественной безопасности, **устрашения** населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их непра-

вомерных имущественных и (или) иных интересов; **посягательство** на жизнь государственного или общественного **деятеля**, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; **нападение** на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений». К преступлениям террористического характера в указанной статье отнесены преступления, предусмотренные ст. 205–208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. Более того, преступлениями террористического характера могут быть признаны и другие преступления, перечисленные в Уголовном кодексе Российской Федерации. Это значит, что **практически любое преступление** (кража, изнасилование, получение взятки и т. п.), предусмотренное УК РФ, может быть сочтено террористическим. Последствием этого является искажение статистики, т. е. оценки ситуации в каждой из данных областей практики, картины положения дел в глазах общества. Итог — постановка ошибочных целей, принятие неверных решений, низкая эффективность деятельности. На основе такого определения невозможно успешно бороться именно с терроризмом, а не просто с преступностью, невозможно построить эффективную **систему** противодействия терроризму.

Так в науке и практике бывает всегда, пока не удается понять сущность, я бы сказал даже, сущность сущностей того или иного явления.

Ибо терроризм имеет не только «правовую сущность», но также целый ряд других.

Надо сознавать, что за террором и терроризмом, за международным тем более, как правило, кроются **Идея, Идеология, Мировоззрение**, стремящиеся доказать свое превосходство и право на доминирование в какой-то сфере общественной жизни, в каком-то регионе или в целом мире. Поэтому, на мой взгляд, вполне обоснованно говорить об идеологической (религиозной, мировоззренческой) сущности этого явления.

За террором и терроризмом, в том числе международным, всегда просматриваются проблемы **власти**. И террор, и терроризм — это средства борьбы за власть. И потому необходимо говорить об их «политической сущности».

За террором и терроризмом, в том числе международным, всегда прослеживаются экономические интересы, проблемы **денег** и овладения разного рода **богатствами**. В сути своей террор всегда (а терроризм с некоторых пор) является своего рода (а сегодня — особенно) бизнесом. Одна из основных целей террора — агрессивное, насильственное овладение «жизненным пространством» как формой долгосрочного богатства, людскими и сырьевыми ресурсами, рынком сбыта рабочей силы и товаров и т. п. Терроризм — это способ отстаивания противной стороной своих экономических интересов доступными ему средствами. В вульгарном значении террор и терроризм — это «рынок», на котором одни предлагают свои террористические «услуги», а другие их покупают. Спрос рождает предложение. Сращивание «высоких идей» террористов, субъектов террора и терроризма (борьба за суверенитет, национальную независимость, свою веру и т. п.) с наркомафией, торговлей оружием совершенно не случайно. Война в Чечне — яркое тому подтверждение. На ней наживаются обе стороны. Кто-то не хочет, чтобы эта война закончилась. Кто же? Надо только узнать имена тех, в чьи карманы текут миллиарды рублей и миллионы долларов. Про Масхадова, Басаева и других террористов многое известно. Про тех, кто ведет антитеррористическую операцию, — ничего. Что — таких лиц нет? По́лноте! Почему же мы не знаем их имена? Слишком выгодная это война для кого-то... Придет время — и мы узнаем закулисных «героев» чеченской войны. Поэтому правомерно говорить об «экономической сущности» террора и терроризма.

За террором и терроризмом, в том числе международным, всегда стоят проблемы **отношений** — межличностных, групповых, классовых, конфессиональных, национальных, межгосударственных, региональных, глобальных, геополитических; проблемы **несправедливости** этих отношений. В связи с этим вполне оправданно считать, что существуют «психологическая» и «социально-психологическая сущность» террора и терроризма. И так далее.

Чтобы до конца понять, что такое террор и терроризм, мы должны охватить единым взглядом все названные и другие **существенные** (а не случайные, единичные) стороны социальных явлений «террор» и «терроризм», соединить их в **единое целое**. То есть завершить анализ, проведенный каждой из наук, междисциплинарным **синтезом**. Без этой мыслительной операции мы не получим **общего** понимания того, что такое террор и терроризм. Ведь любое понятие (в частности, понятия «террор» и «терроризм») — это мысль, представляющая собой результат обобщения (и выделения) предметов и явлений того или иного класса по более или менее существенным признакам, которые являются общими **для всех** этих предметов и выделяют их из множества других предметов и явлений. Понятие — это **ядро** любой системы знаний. В данном случае — знаний о терроре и терроризме. Например, чтобы отделить акт терроризма от обычного уголовного акта, необходимо выделить некоторый **минимум** наиболее существенных признаков, которые определяли бы терроризм как именно терроризм и отделяли его от уголовного преступления. Только так образуется **научное** понятие. Его отличие от обыденного понятия не в форме, а в степени точности и глубине отражения.

Что за труд — понять, что взрывы и поджоги зданий и сооружений, угоны самолетов, политические убийства и т. п. — это террористические акты? Это ясно любому. Отсюда умозаключения типа: «Не время заниматься теорией, понятиями и определениями! Давайте ловить и громить террористов!» Неудивительно, когда так рассуждают обыватели, оперативные работники спецслужб. Их задача в том и состоит, чтобы ловить и уничтожать. Философствовать многие из них просто-напросто неспособны. Парадоксально, что к тому же призывают сегодня и некоторые исследователи, задача которых совсем в другом — понимать. Об этом говорили и некоторые ученые, писатели, общественные деятели, выступавшие на заседании Русского интеллектуального клуба, обсуждавшего 28 ноября с. г. проблемы террора и терроризма.

Более того, говорится о том, что проблема терроризма преувеличивается, что это один из самых больших мифов современно-

сти. Я с этим совершенно не согласен. Мифотворчество возможно только там, где не слышно голоса науки. Вот в этих условиях вокруг реального явления может появиться множество различных спекуляций, выгодных тем или иным силам, которые придают этому явлению искаженный вид. Тем активней в этих условиях должна проявлять себя наука, задача которой — демифологизация действительности. На мой взгляд, многие вопросы в практической борьбе с терроризмом, в частности терроризмом международным, уже уперлись в слабую теоретическую разработанность этой проблемы, в нехватку четкого понятийного аппарата. Его необходимость будет осознаваться тем острее, чем масштабнее будут становиться международный террор и международный терроризм, под знаком которых, по моему убеждению, будет проходить развитие мирового сообщества в XXI веке.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОР», «ТЕРРОРИЗМ» И ИХ СУЩНОСТИ

Это первый вопрос, который следует прояснить, потому что, как уже говорилось, понятия «террор» и «терроризм» используются в качестве взаимозаменяемых, т. е. рассматриваются как синонимы не только в обыденной речи и газетных статьях, но даже в научной литературе и официальных документах. Говорят «терроризм», а имеют в виду «террор», пишут «террор» — подразумевают «терроризм». Правильно ли это? Отчасти — да. Терроризм — это производное от слова «террор». Само слово «террор» (terror) в переводе с латинского означает страх, ужа». Таким образом, изначально, в чисто семантическом плане, оба эти понятия вроде бы однозначны по смыслу. Отчасти это естественно. **Понятие** в логике часто определяют именно так — **смысл слова**.

Слова (и понятия) «террор» и «терроризм» в их изначальном значении сближает и то, что страх и ужас имеют **единую для них основу — насилие**, результатом которого они являются. При этом надо подчеркнуть, что **слово и понятие «терроризм» — это производное от слова и понятия «террор»**. И чисто семантически, и по существу, как слово и как понятие, в том числе научное.

Нельзя игнорировать тот факт, что смысловое содержание любого слова, термина, понятия в любом языке представляет определенные формы отражения предметов и отражений объективного мира. С течением времени смысл и содержание слов и понятий постоянно уточняется, углубляется, изменяется.

Когда из слова «террор» родилось слово «терроризм», отразившее некое новое явление социальной действительности? Вероятно, в момент первых восстаний рабов против своих господ еще в древние века. Это должны показать историки. В данном случае это не важно. Несомненно одно: появление этого слова — итог не словесных упражнений, а отражение в нем (слове) неких новых, до той поры неведомых социальных отношений. Терроризм — это хоть и производное, но относительно **самостоятельное** явление и понятие, **рядоположное** сущности и содержанию явления и понятия «террор», однако **не сводимое** к нему. Это значит, что данные понятия не являются взаимозаменяемыми. На мой взгляд, будет ошибкой сказать также, что террор — это метод терроризма. И наоборот. В первом случае понижается в значении, низводится до второстепенной роли ключевое слово всей системы знаний о терроре и терроризме — слово и понятие «террор». Во втором случае подсобным становится самостоятельное социальное явление и понятие «терроризм», которое исторически уже наполнилось собственным содержанием. Мне кажется, что такая манипуляция словами и понятиями — это ошибка с точки зрения как формальной, так и диалектической логики.

Думается, можно говорить о наличии общего ядра в сущностях террора и терроризма как социальных явлений.

Как уже говорилось, прямой перевод слова «террор» — страх, который и составляет его смысл. Но о каком страхе речь? О страхе (боязни) высоты, темноты, замкнутого пространства и т. п.? Нет. Такие виды страхов относятся к разряду природных инстинктов или психических расстройств. Террор же имеет **назначение** — устрашить. Каким **способом**? Посредством насилия. Ради чего? Ради вполне определенной (не важно, какой по характеру) **цели**. В какой форме? В **форме войны**, которая является не столько способом естественной внутривидовой борьбы в сообще-

стве социальных животных (людей), сколько их **социальным изобретением**.

Люди придумали часы, чтобы они отсчитывали время; термометр, чтобы измерять температуру; барометр, чтобы он показывал атмосферное давление и т. п. Их сущность состоит в этих назначениях. Война, террор и терроризм также имеют свое назначение, и оно состоит в том, чтобы с помощью насилия добиваться желаемых целей, которыми в обобщенном виде служат Власть, Богатство, Слава.

Рассуждая о терроре и терроризме, невозможно не коснуться вопроса о соотношении этих понятий с **понятием «война»**. Ибо это понятия **родственные** по существу, по своей природе, назначению, функциям и целям. На мой взгляд, война соотносится с террором и терроризмом как **род** и **вид**. **Террор и терроризм есть особые, специфические виды войны**, не предполагающие объявления войны и ее ведения с помощью **вооруженных сил**. Если заглянуть в историю человечества, то мы обнаружим там феномены, которые не назовешь войной в полном смысле этого слова, но которые, однако, подпадают, на мой взгляд, под понятие «международный террор».

Известно, например, почти 120-летнее противостояние Рима и Карфагена в III–II веках до новой эры, которое характеризовалось не только вооруженными схватками, но и длительными периодами их отсутствия, когда войны в «чистом» виде не было, но не было и подлинного мира. Враждующие стороны изматывали друг друга морскими блокадами, провоцировали народные восстания на территории противника против властей, вели шпионаж, подрывные (сегодня сказали бы «диверсионные») действия, тайную дипломатию с целью переманивания союзников и т. п. Как назвать состояние «ни войны — ни мира» в межгосударственных отношениях, когда каждая из противных сторон в течение многих лет живет в постоянном напряжении и страхе перед нападением противника, нагнетающего с помощью различных изощренных способов атмосферу опасности и угроз? Это, конечно же, межгосударственный террор — **предвестник** полномасштабной войны с применением всей мощи вооруженных сил. Наверное, это все-таки более точное по существу определение, чем термин «холод-

ная война», родившийся в пору «мирного сосуществования» враждебных друг другу социально-экономических и политических систем XX века — социализма и капитализма.

Внутривидовая агрессия является важнейшей функцией сохранения вида не только в животном, но и человеческом мире. Но если борьба за территорию (среду обитания) и самку внутри вида животных ведется на основе инстинктов, то человек взглянул на агрессию с точки зрения **полезности**. Вопрос о пользе борьбы за сохранение вида научно обосновал Дарвин. Но догадывались об этом люди давно и придумали, как дать выход этой стихийной силе, в каком направлении и в каких целях ее использовать, в какой форме ее «отлить». Эта форма — война с ее различными видами и типами, но единой сущностью: **насилие в форме вооруженных действий (войны) с целью достижения своих интересов**. Эта сущность войны — в ее предельно общем и потому предельно «бедном» смысле — остается неизменной с момента ее изобретения и поныне.

Но это вовсе не значит, что неизменным остается само понятие войны, ее содержание. Война с помощью камней, луков, копий и топоров и война ядерная, биологическая, экологическая, психологическая, информационная различаются, как небо и земля. Сегодня от изначального, традиционного слова «война» осталась во многом лишь оболочка, а его содержание стало неизмеримо более сложным, объемным, «богатым». В общем понятии «война» изменялось и особенно сегодня быстро изменяется место и значение террора и терроризма как ее особых видов. Это естественно.

И дело не только в том, что наше познание в любой области, как известно, движется от менее глубокой к более глубокой сущности; от сущности первого порядка к сущности второго, третьего порядка и т. д. Вначале материя мыслилась состоящей из молекул. Потом был открыт атом, который считался неделимым. Затем возникло понятие о нем как о сложной механической системе, были открыты другие частицы, из которых состоит атом. Впереди новые открытия. То есть понимание сущности даже сугубо природных явлений изменяется, и происходит это **во времени**, в процессе развития явления. И это объяснимо. Сущность любого явления невозможно схватить сразу и в полном объеме. Ибо в основе сущно-

сти лежит представление об определенных взаимосвязях (причинных, функциональных) между свойствами и признаками предмета или явления. Среди них есть признаки существенные и несущественные, случайные.

Данный вывод тем более справедлив, когда речь идет о явлениях социальных, **созданных людьми для определенных целей**. Что существенно, а что несущественно в данном социальном явлении (предмете) **в данный** исторический момент, решается опять-таки людьми с точки зрения **практической потребности** возможностей **использования** данного социального предмета для достижения своих целей. И если сегодня полномасштабная ядерная или биологическая война практически нецелесообразна и невозможна, то ее наиболее существенным признаком становится война без объявления войны и без использования самого смертоносного и опасного оружия — террора.

ЧТО ТАКОЕ ТЕРРОР?

Определений террора — множество. Положение для науки естественное. Уже сказано: латинское слово «terror» означает страх, ужас. В «Словаре иностранных слов» террор объясняется как система действий, социально-политический процесс и явление, определяется как «политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами»[1]. В Новой философской энциклопедии под террором подразумевается «систематическое всеобъемлющее насилие как один из способов воспроизводства **тоталитарного** режима»[2]. Хотя, как свидетельствует жизнь, это не всегда так. Ибо террор (в чем сходится большинство ученых) характеризуется особо репрессивной, жесткой деятельностью **государственной власти** в отношении своих политических **противников**. Террор — это привилегия сильного — власти и богатства; это их способ утверждения, расширения и сохранения рамок своего господствующего положения.

[1] Словарь иностранных слов. 10-е изд. М., 1983. С. 494.

[2] Новая философская энциклопедия. М., 2001. С. 56.

Террор не является порождением XX века. Во все времена находились властители — фараоны, короли, цари, императоры, которые рубили головы, поднимавшиеся над уровнем посредственности, особенно, если ума не хватало им самим. Всегда были правители, которые, будучи не в состоянии обеспечить благополучие своих подданных, убивали тех, кто начинал понимать это и сообщать другим. Всегда в положении сильных мира сего оказывалось немало слабых, трусливых и просто жестоких людей, которые убийством своих подчиненных пытались успокоить и возвысить себя в глазах окружающих.

В русских словарях и энциклопедиях дореволюционного времени не было толкования слова «террор». В первом издании словаря Брокгауза и Ефрона были помещены статьи о якобинском терроре эпохи Великой французской революции и о белом терроре роялистов в 1815–1816 годах (Т. XXXIII. 1901). Симптоматично, что слово «террор» производилось от французского «la terreur». Во втором дополнительном томе этого же словаря, вышедшем в 1907 году, появилась статья (подписанная В. В-въ; по-видимому, В. В. Водовозов. — *И. И.*) «Террор в России», в которой террор был назван «системой борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов и в вооруженной защите против обысков и арестов»; период систематического террора автор относил к 1878–1882 годам; в статье говорилось также о возобновлении террора в начале XX века, упоминался террор партии социалистов-революционеров, а также черносотенный террор.

«Свидетель истории», на глазах которого прошли все стадии революционного терроризма в России, и один из редакторов словаря Брокгауза и Ефрона К. К. Арсеньев в дни большевистского террора в Петрограде попытался проследить происхождение термина «террор». Заметив, что в политической обиход его ввела Великая французская революция, он писал, что «новый смысл выражение **террор** получило в семидесятых и восьмидесятых годах, у нас, в России, когда оппозиционные течения, жестоко и бессмысленно подавляемые, вызвали ряд политических убийств»[1].

[1] Цит. по: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 11.

Возьмем нашу ближайшую историю. Огромная литература создана сейчас о периоде сталинских репрессий в СССР, где **внутренний** государственный террор был главным инструментом стабильности системы. Он проявлялся в **уголовном** преследовании политических противников вплоть до смертной казни, а также в **идеологическом** и **административном** терроре, инструментом которых были спецорганы власти. Практически исключалось и преследовалось всякое инакомыслие, проводились произвольные массовые аресты, заключенных часто расстреливали без суда и следствия. Притом что люди жили — любили, рожали детей, радовались жизни, что страна развивалась — строились новые города, заводы и фабрики и т. д. и т. п., вся атмосфера общества, души людей были заполнены страхом за свою жизнь. В любой момент по любому поводу любой человек мог быть уничтожен **физически**.

Тоталитаризм — в прошлом. В течение десяти лет в России идут демократические реформы. Ситуация изменилась: люди уже не боятся физической расправы, не ощущают насилия со стороны государства в **непосредственной** форме: нет ночных арестов, по улицам не носятся «воронки», не проводится показательных судов над «врагами народа» и т. п. Власть допускает существование реальной политической оппозиции. Это, конечно же, огромное благо, великая перемена. В этом смысле государство стало добрее к своим гражданам. Именно — добрее. Кое в чем. Но добрым и справедливым нынешнее российское государство никак не назовешь. Оно как было, так и остается инструментом насилия, не столь открытого, более изощренного, но зачастую не менее жесткого, чем прежде.

Общество заполнено страхом. Его причины и виды многообразны. Страх сегодня — это тягостное и мучительное состояние, вызываемое грозящей человеку неясной опасностью и чувством собственного бессилия перед ней. Ныне страх вызывается у миллионов всей совокупностью внешних обстоятельств, всей атмосферой государственной и общественной жизни, которые сложились совсем не стихийно, а создаются. Кем? Властью, которая есть сила почти метафизическая. Что такое президент России? Премьер? Министр? Есть ли сегодня у «рядового» гражданина

страны хоть какая-то возможность повлиять на их мнения и решения? Абсолютно никакой! Власть ныне в не меньшей мере, чем вчера, — сила совершенно непреодолимая. Сегодня (как и вчера) с человеком могут сделать и делают все что угодно. Арестовать. Посадить в тюрьму. «Заказать» и убить. Оболгать через СМИ. Безо всяких на то оснований. Примеры приводить не стоит, их множество, вопиющих. Все в нынешней жизни устроено так, что согласно писаным законам человеку вроде бы и нечего бояться. А боятся все. В том числе те, кто сеет страх. Боятся без охраны выйти на улицу. Боятся жить за обычной, а не металлической дверью, за обычными, а не за зарешеченными окнами. Боятся милиции, которая должна защищать. Богатые боятся потерять богатство. Бедные боятся стать нищими. Нищие боятся умереть с голода. Боятся будущего, потому что в настоящем дела идут не лучше, а все хуже. И так далее и тому подобное. Безотчетный страх-тоска, страх-ужас одолевают людей день за днем, год за годом, заставляя многих из них бессознательно искать убежища для души и сознания в разного рода простейших «радостях» — пьянстве, наркомании и т. п. Миллионы психически больных людей (в России их в пять раз больше, чем в Европе), сотни тысяч самоубийц, количество которых среди молодежи за последнее десятилетие возросло в 12 раз, миллионы «неожиданно» умерших от инсультов и инфарктов — это физическое измерение разного рода страхов.

Можно сказать, что эти люди умерли и умирают по **своему** собственному выбору, **своей** смертью. Но разве **такую** смерть можно назвать естественной? Я этого не скажу. Огромное количество людей, особенно старшего поколения, ушли из жизни намного раньше срока. Известно, что средняя продолжительность жизни в России за годы «реформ» сократилась на 10 и более лет. В чем же дело? В **жизненных условиях**, которые не только естественно сложились в ходе реформ, необходимость которых нельзя отрицать. В еще большей мере они были созданы искусственно, в результате грубых ошибок властей, а отчасти — сознательно. В это не хочется верить, но это так. Эту тайную часть внутренней политики наших властей нам еще предстоит узнать. Но кое-что известно и сегодня.

Однажды (еще в 1995 году) я имел возможность спросить Е. Гайдара после его выступления на Открытой кафедре нашей академии (тогда — Института молодежи), что он думает о резком падении рождаемости, росте смертности, обеднении и обнищании населения, разрушении здравоохранения, забастовках учителей школ и т. п. Ничуть не смутясь, в присутствии всего нашего ректората он ответил: «Это неизбежная **цена** реформ...»

В ту же пору бывшая тогда заместителем министра образования РФ М. Н. Лазутова, с которой мы давно и хорошо знакомы, с возмущением рассказывала мне о некоторых тезисах, которые были в ходу среди идеологов замышлявшейся реформы отечественного образования: «России не нужно так много науки»; «в России слишком много грамотных людей»; «нам не надо столько работников с высшим образованием»; «должно быть элитное (т. е. фундаментальное, качественное. — *И. И.*) образование и образование для масс (т. е. узкоспециализированное, по сути, ремесленническое. — *И. И.*)» и т. п.

Умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение возрастных или национальных групп населения по политическим или религиозным мотивам, — что это такое, если не террор? Политика (тайная или явная, сознательная или «по нечаянности» — это не столь важно) массового психологического и идеологического (а не только физического) насилия, которая осуществлялась государственными или общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью (вседозволенность) над находящимися в сфере их влияния и подчинения людьми с целью принуждения их к определенному нужному этим структурам поведению, — это, безусловно, террор. Ибо эта политика сеет страх и нравственные страдания, вызывает болезни и гибель людей.

Так что же такое террор в своей сущности? То есть то, что является **остающимся** в этом явлении независимо от хода времени? Если можно так сказать, в чем сущность сущности террора? Сущность террора в том, что это **особый вид** войны. Войны **внутренней**, направленной на свой народ или оппозицию; **внешней** — направленной на одно или более государство. Существенными признаками террора, превращающими его в войну особого вида,

всегда являются: 1) агрессия **без объявления** войны; 2) ведение борьбы прежде всего **тайными** средствами, хотя вполне возможны (особенно на внутреннем фронте) действия под прикрытием специальных решений власти и особых законов; 3) **систематичность** террористических действий. Особенность террора состоит в том, что он может носить **тотальный** характер, т. е. касаться всех, тем более когда речь идет о внутреннем терроре.

Субъектами террора могут быть не только государственные, но и общественные структуры (например, церковь, которая осуществляла инквизицию в Средние века), политические партии правящих тоталитарных режимов и т. д.

Если исходить из понимания, что террор и терроризм — не синонимы, а разные понятия; что терроризм — это, как правило, ответная мера, реакция на террор, то по логике вещей явлению и понятию «международный терроризм», которое получило широкое распространение, должно соответствовать «зеркальное» явление и понятие — «международный террор». Парадокс заключается в том, что если такое явление в реальности существует, то понятие отсутствует. Во всяком случае, в научной литературе и официальных документах оно мне не встречалось. Попытаемся показать, что оно необходимо и в чем его смысл. Не только для теории, но и для практики.

ЧТО ТАКОЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОР?

Что дает мне право говорить о международном терроре? Прежде всего, огромный потенциал агрессивности, экстремизма, вражды и ненависти, который накопился у современного человечества. В совокупности эти негативные чувства и эмоции составляют ресурс насилия, которое, хоть и в разной мере, но проявляется во всех частях света. Во-вторых, наличие различных идей и идеологий, которые дают направленность для реализации насильственной энергии. В-третьих, существование на протяжении столетий (а не только ныне) наций и народов, которые имеют стойкую черту: по любому поводу обращаться к насилию. В-четвертых, существование в современном мире страны и группы ее

союзников, претендующих на установление «нового мирового порядка», т. е. на осуществление власти и господства над всем миром. В-пятых, функционирование в мире целого ряда мощных международных организаций, которые созданы и используются для того, чтобы служить инструментами установления «нового мирового порядка». В-шестых, что этот «мировой порядок» устанавливается силой и преследует цели не только экономические, но также разрушения национальных государств, их языка, культуры и т. п.

В прошлом преобладание насилия над гуманистическими тенденциями проявилось в массовом порядке, во всеобъемлющем масштабе прежде всего в Западной Европе.

Первый раз — во времена Реформации и Контрреформации, когда противостоящие друг другу стороны с невиданной жестокостью навязывали друг другу свое понимание божественного начала. Центральная Европа стонала от ужаса, пыток и крови. В огне религиозных войн Запад уничтожил миллионы своих жителей. Религиозный фанатизм породил феноменальный по жестокости и масштабам террор, который, я думаю, можно назвать международным.

Во второй раз Запад продемонстрировал свою тягу к насилию на континентальном и международном уровнях во время Великой французской революции и наполеоновских войн. Напомню, что слово «террор» впервые появилось в русском словаре в переводе не с латинского, а с французского. Презрение к любым преградам на пути к идеалу, даже если это идеал Разума, Добра и Справедливости, — вот что продемонстрировали миру французские революционеры и завоеватели. Франция подарила миру образец «красного террора» и гильотину — универсальное оружие в борьбе с инакомыслием.

В третий раз Запад преподнес миру уроки международного террора в XX веке, который можно назвать веком трех безумных идеологий: фашизма, коммунизма и либерализма. Две мировые войны, а затем холодная война и начавшаяся новая тайная, необъявленная война за установление «нового мирового порядка» — это в совокупности воистину нечто большее, чем просто война. Это такой социальный порядок жизни, когда мир постоянно на-

ходится в состоянии «ни войны — ни мира», но все время ожидает вселенской катастрофы, потому что война и террор поставлены на научную основу. Это — тотальный террор, сопровождающийся тотальным истреблением духа, нравственности, природы и человека со стороны и руками тех, кто взял на себя роль спасителя человечества. Террор стал рабом их Идеи.

Природа нынешнего международного террора широка и многогранна. Ее основу составляют **глубинные противоречия** в экономической, политической, религиозной и других сферах на глобальном (мировом), региональном и локальном уровнях. Эти противоречия были и остаются основой ожесточенной борьбы за власть и реализацию различных амбиций (националистических и религиозных) как внутри стран, так и на международной арене. Главными актерами на этой арене в течение второй половины XX века были два антагониста, две сверхдержавы — СССР и США со своими союзниками. Именно эти страны, на мой взгляд, **прежде всего** и являются прародителями нынешнего международного терроризма, ибо они и были основными субъектами международного террора в XX веке. Ибо обе супердержавы ставили перед собой одинаковую цель — **мировое господство**.

Сейчас не важно, какую идеологическую окраску имела эта цель, какие лозунги и призывы звучали при этом с обеих сторон. Суть одна — господство, мировое. По отношению друг к другу они оперировали понятиями «враг № 1», «империя зла»; обе стороны искали и «делали» себе союзников, используя при этом одни и те же формы и методы: экспортировали в другие страны свою идеологию и свой образ жизни в качестве «лучших» и «единственно верных»; с помощью денег, экономических мер, методов «плаща и кинжала» и военного устрашения устанавливали «свои» режимы власти, а если те начинали «выпрягаться», свергали их, заменяя лидеров и правительства.

Игра в «перетягивание каната» под названием «холодная война» продолжалась более полувека. В отношении народов своих стран и всего человечества она была не чем иным, как самым настоящим **террором**. Дело не только в изощренной политической демагогии, потоках лжи и грязи, которые выливали друг на друга обе стороны и которые уродовали умы и души миллиардов людей.

Это само собой. Не менее страшно то, что ситуация террора изменила во всем мире **логику человеческих отношений**, целей деятельности и **смысл самой деятельности**. Понятие «польза», которое должно отражать интересы, цели и задачи, связанные с условиями жизни людей и смыслом самой жизни, стало концентрироваться вокруг понятий «враг», «военная угроза», «холодная война» и т. п. Люди больше, чем следует, думали о смерти, а не о жизни, о войне, а не о мире, тратили деньги на производство вооружений, средств разрушения, а не строительство. Террор приобрел метафизическое значение, он будил в человеке зверя, унижал и умалял личность. Ибо угроза войны, как и сама война, убивает в человеке веру в его самоценность.

При этом произошло смешение и подмена понятий «нападающая сторона» — «обороняющаяся сторона», «война» — «мир», «добро» — «зло», «террор» — «терроризм». Источник (субъект) террора стал мыслить себя «слабой» стороной, жертвой, имеющей право на противодействие. И кто кем являлся в каждый конкретный момент истории на самом деле, разобраться было практически невозможно. Все стало выглядеть «дьявольски наоборот». И эта дьявольщина лежала в основе идеологического, экономического, политического, военного и тайного противоборства двух социальных систем, каждая из которых в какой-то момент была то «сильной», то «слабой», то «охотником», то «добычей», то «жертвой», то «палачом». Другими словами, то субъектом международного террора, то его объектом.

Международный террор в течение многих десятилетий являлся неотъемлемой составляющей внешней политики США. Одним из главных инструментов в его осуществлении было Центральное разведывательное управление США.

В декабре 1947 года Государственный департамент США порекомендовал Совету национальной безопасности (СНБ) продумать меры по дополнению традиционных методов внешней политики тайными операциями. В том же месяце Совет национальной безопасности издал директиву СНБ-4, которая предоставляла государственному секретарю весьма широкие полномочия по координации действий, связанных со сбором информации разведывательного характера. Принятая 14 декабря 1947 года директива

СНБ-4/А передавала ЦРУ монополию на ведение «психологической войны» и, по сути дела, была «индульгенцией» на осуществление тайных операций за пределами США[1].

Директива СНБ-4/А определяла содержание «психологической войны» следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазивоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями»[2].

С июня 1948 года по март 1955 года Совет национальной безопасности издал целую серию директив, касающихся тайных операций ЦРУ. 18 июня 1948 года в соответствии с директивой СНБ-10/2 был создан так называемый Совет 10/2 — первый предшественник «консультативной группы по операциям», образованной при президенте Дж. Форде. В функцию этого Совета входило рассмотрение предложений о тайных операциях. 23 октября 1951 года на свет появилась директива СНБ-10/5, которая санкционировала дальнейшее расширение тайных операций во всем мире и вносила кое-какие изменения в процедуру их координации.

Что же имелось в виду под термином «тайные операции»? Какое содержание вкладывали в него отцы-учредители ЦРУ?

Вот что написано по этому поводу в директиве СНБ-10/2: «Под термином „тайные операции“, употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

---

[1] См.: Светов Б., Тарин О. Международный терроризм и ЦРУ. М., 1981. С. 8–10.

[2] Final Report of the Select Committee to Study Government — all Operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate. Book 1. Washington, 1976. P. 512.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций».

ЦРУ занималось террором как непосредственно, так и косвенно, приложив руку к формированию соответствующих структур практически во всех уголках мира. Можно перечислить десятки стран, где разворачивалась эта деятельность, жертвами которой пали многие правительства, лидеры государств, партий, революционных и национально-освободительных движений. В результате заговоров, осуществленных в разные годы агентами ЦРУ, погибли премьер-министр Цейлона Соломон Бандаранаике, премьер-министр Конго Патрис Лумумба, председатель Фронта освобождения Мозамбика Эдуардо Мондлане, генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи-Бисау Амилкар Кабрал, президент Чили Сальвадор Альенде, экс-министры в его правительстве — генерал Пратс и Орландо Летельер, президент Народной Республики Конго Мариен Нгуаби и многие другие.

Можно привести массу самых свежих примеров, в ряду которых поддержка албанских террористов, организованное американскими спецслужбами свержение президента Югославии Слободана Милошевича и его экстрадиция в Гаагу. Весь мир знает о той роли, которую ЦРУ сыграло в политической карьере Усама бен Ладена и многих других так называемых исламских международных террористов.

В глобальном историческом поединке «канат» холодной войны «перетянули» США и их союзники. Но вместе с этим закончилась ли сама война? Нет. Ибо цель еще не достигнута — **новый мировой порядок еще не установлен, а только устанавливается**. Передел мира, борьба за сохранение, упрочение и расширение власти на планете в самом разгаре.

Сегодня в мире имеется достаточно стран, в той или иной форме взявших на вооружение международный террор и международный терроризм как инструменты своей внешней политики. Нередко эти инструменты становятся главными. Современный передел мира повышает роль международного террора и международного терроризма как инструмента политики. В ряде случаев они используются «на заказ», в качестве тарана, дестабилизатора, разрушителя существующих экономических и политических структур, балансов сил, зон интересов, влияния, взаимодействия. С тем чтобы после их разрушения или нарушения самим попытаться заполнить образовавшийся геополитический или глобальный экономический вакуум, встроиться в те или иные региональные структуры, но уже в роли якобы балансира, миротворца, носителя и гаранта свободы и демократии, регулирующей силы, чтобы управлять конфликтом в собственных интересах. Ситуация на Балканах — ярчайший тому пример. На очереди другие регионы мира.

Цели международного террора различные. Прежде всего надо выделить **социально-политический террор**, имеющий своим глубинным смыслом коренное или частичное изменение социально-экономического и политического устройства как той или иной отдельно взятой страны, так и миропорядка в целом.

Всем известно, например, что Россия не только реформируется сама, ее реформируют. США, НАТО, МВФ, ВТО и другие международные организации, находящиеся под полным американским контролем, во-первых, сделали многое для того, чтобы поставить нашу страну на колени; во-вторых, выдвигают жесткие условия оказания ей финансовой и иной помощи; в-третьих, подкупают политиков и государственных деятелей, преследуя исключительно свои интересы, навязывая свое представление о настоящем и будущем, не неся при этом никакой ответственности за свои ошибки и негативные последствия. За годы «реформ» Россия, конечно же, изменилась — она разрушена, из сильной превращена в слабую. Что и требовалось сделать. Что же это было? Насилие — мотивированное, умышленное, сознательное и почти не скрываемое. И это, конечно, самое трагическое проявление международного террора за всю его историю, не идущее ни в какое сравнение даже с трагедией 11 сентября.

На наш взгляд, справедливо говорить о **националистическом терроре**, целью которого является борьба за особое положение той или иной национальности (расы, народа) в регионе или в целом мире; о **религиозном терроре**, решающем задачу доминирования «своей религии» среди других мировых конфессий; о **государственном терроре**, смыслом которого является давление одной страны на другую для достижения политических и экономических интересов такими способами, которые выходят за рамки международного права. Я не стану говорить об этом подробно. В данном материале это не главные аспекты темы.

Формами современного международного террора являются не только необъявленные войны, экспорт революций и контрреволюций, политические убийства, диверсии и т. п. Они и ныне не исключаются. Но надо учесть, что XX век принес массу технических и социальных открытий, которые имеют не только положительные, но и негативные последствия, служат не только добру, но и злу. Многие явления и процессы нашего времени многосмысленны, многозначны, могут использоваться в разных целях.

Средствами международного террора могут служить и служат СМИ, особенно электронные — телевидение, Интернет. Ибо все они находятся в руках «сильных» — либо богатых, либо властвующих, используются ими так, как им кажется нужным. С помощью СМИ в сознание людей вдалбливаются различные мифы, формируются искусственные потребности и искусственный спрос на товары, которых вчера еще не было и в которых подчас нет никакой нужды и т. п. «Свобода слова», «свобода СМИ», «свобода выбора» и т. п. понятия — это, конечно, огромное достижение. Но они носят относительный, а порой фиктивный характер.

Дьявольским социальным изобретением конца XX века стала глобализация. Нет, не та, которая является естественным социальным процессом и шла своим чередом более века. А та, в которой США, западные страны и ТНК увидели прекрасный **инструмент** овладения экономиками более слабых, менее развитых стран. **Паразитическая, искусственно ускоренная** глобализация, которая сильных и богатых делает еще сильнее и богаче, а слабых и бедных — еще слабее и беднее. Фактически глобализация сегодня — главный инструмент перекройки мира и властвования

в нем. В этом смысле она (как и СМИ) является новым типом оружия в руках субъектов международного террора.

Кому-то эти суждения покажутся странными, нелогичными, не учитывающими реальные, уже происходящие процессы. Но с моей точки зрения, странными и нелогичными кажутся сами эти процессы и люди (подавляющее большинство), которые не желают или не могут вникнуть в суть происходящего и понять его. Если мы хотим вести борьбу с международным терроризмом, то, убежден, должны выработать совершенно новый подход к оценке природы, сущности и главных причин этого социального феномена с учетом как исторического опыта, так и совершенно новых явлений и процессов в современном мире. Главное состоит в том, чтобы понять: **первопричиной** международного терроризма как явления **массового, организованного, вездесущего**, имеющего тенденции к интеграции и представляющего в совокупности вовсе не слабую, а весьма значительную силу, служит **международный террор**. Сегодня основным его субъектом являются США и их союзники.

ЧТО ТАКОЕ ТЕРРОРИЗМ?

Если террор — это привилегия власти (силы), меньшинства над большинством, если он осуществляется сверху вниз, то **терроризм принято рассматривать как ответную реакцию «слабых» на насилие «сильных»**. Всякое действие, как известно, вызывает противодействие. Сила рождает силу. Не всякий бедный и слабый — покорный. Под воздействием силы многие из слабых хотят стать сильнее. Основой этой силы становится ненависть к насильнику.

И террор, и терроризм основаны на насилии и используют страх как способ достижения своих целей. Их принципиальное различие состоит в том, что если террор осуществляется с позиций власти над объектом террора, часто безграничной, неподконтрольной, то субъекты терроризма (одиночка или группа) не имеют никакой **легитимной** власти над теми, кого они терроризируют. Они властвуют с помощью страха.

Террор, как правило, является систематическим, массовым или тотальным. Терроризм же практически всегда носит одноразовый или серийный характер. Тотальным терроризм быть не в состоянии.

Еще в 1849 году в статье под заголовком «Убийство» один из немецких идеологов политического терроризма Карл Гейнцген писал: «Мы провозглашаем нашим основным принципом, которому нас обучили наши враги, что убийство, будь то индивидуальное или массовое, остается непременным инструментом решения исторических задач... Если мы должны взорвать половину континента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, пусть вас не мучают угрызения совести. Тот не настоящий республиканец, кто с радостью не отдаст свою жизнь для уничтожения миллиона варваров».

Такого рода люди рассматривают насилие как неизбежное и необходимое деяние, столь же органичное для развития общества, как гром и молния, бури и землетрясения в природе, как жертву, приносимую ими на алтарь будущего. И они неизменно находят себе множество сторонников, хотя будущее практически почти непредсказуемо. Обещать, в принципе, можно все что угодно, ибо истина в этом случае устанавливается задним числом. Прав или не прав революционер, будет ясно только завтра. Но кровь льется уже сегодня. Что касается будущего, тем более отдаленного, то в этом вопросе доподлинно ясно лишь одно: новое время устанавливает новые алтари и водружает на них новых идолов. Ибо смена человеческих поколений неизбежно сопровождается сменой идеалов и социальных ценностей. Это — закон.

Во второй половине XIX — начале XX века в Западной Европе, России и США были убиты американские президенты Гарфилд и Маккинли, русский царь Александр II, французский президент Карно, премьер-министр Испании Канова, императрица Австрии Элизабет, итальянский король Умберто, российский премьер-министр Петр Столыпин, австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд. В Египте был убит премьер-министр Бутрос Гали. Бомбы бросали в театрах и ресторанах, как бы протестуя против образа жизни властителей буржуазного общества, и в заурядных кафе, посетителями которых были простолюдины, на том основании,

что «никто не свободен от вины». Нападая на общество в любом месте, непременно поразишь кого-то из виновных.

В XIX и начале XX века терроризм носил, главным образом, внутренний характер, был в основном уделом одиночек, небольших групп, если не говорить сейчас о «левом» (революционном) терроризме. К. Маркс утверждал, что насилие «является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым» (Капитал. Т. I. Гл. XXIV. § 6). По марксовой формуле действовали народники и социалисты XIX века, когда они боролись с царским режимом в России. Отвергая индивидуальный террор как метод борьбы с режимом, В. И. Ленин в полной мере оправдывал революционное, т. е. массовое насилие. В современном мире этот вид терроризма почти отсутствует. Во всяком случае пока.

Зато повсеместно и часто осуществляются угоны самолетов, захват заложников, взрывы в публичных местах, политические убийства и т. п. Терроризм отнесен к разряду уголовно наказуемых преступлений. В связи с этим существуют разного рода международные документы, а также законы в различных странах, в том числе в России.

Какие **сущностные черты** (в отличие от террора) характерны для терроризма?

Во-первых, конечно же (как и для террора), **устрашение** тех, на кого направлен террористический акт или их серия.

Во-вторых, максимально возможная **огласка** совершенного теракта. **Публичный характер** терроризма делает его оружием двойного действия. Если объектом теракта является власть или кто-то из политиков, государственных деятелей, то они начинают бояться не только того, что удар террористов может настигнуть их лично, но гнева людей, которые начинают предъявлять к властвующим свои претензии и требования. Совсем не случайно террористы выбирают для взрывов и поджогов места с наибольшим скоплением людей. Теракт должен вызывать ощущение **общей** опасности, общего страха, социальной напряженности.

В-третьих, терроризм характеризуется **понуждением** объекта нападения к действиям, которые ставят перед собой террористы.

Таким образом, можно сказать, что **терроризм — это публично совершенные общеопасные действия или угрозы, вызывающие**

страх у объекта воздействия и побуждающие его к совершению поступков в интересах террористов, преследующих определенные цели.

Конечно, это определение можно раскритиковать. Психологи найдут в нем свои недостатки, юристы — свои. В данном случае я хотел лишь показать полезность социально-философского подхода и определения терроризма. В чем же польза? Если наложить это определение на то или иное преступление (грабеж, изнасилование, взрыв, поджог и т. п.) и при этом обнаружится, что оно не имеет таких характеристик, как устрашение, публичность, понуждение, то это, стало быть, обыкновенное уголовное преступление, но не терроризм.

ЧТО ТАКОЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ?

Ряд основных сущностных характеристик, которые свойственны **внутреннему** терроризму, относятся и к терроризму **международному**. Зафиксируем **разделение терминов** и понятий «международный террор» и «международный терроризм»; заметим, что международный терроризм — это **ответная** реакция «слабых» на международный террор «сильных»; что международный терроризм, как и международный террор, основан на **насилии** или угрозе применения насилия, вызывающих **устрашение**, что это насилие, как правило, бывает **незаконным**; что в обоих случаях насилие является тем не менее **мотивированным**, т. е. имеет свои причины. И так далее.

Главное отличие международного терроризма — его **глобальность**. Международным терроризм становится с того момента, когда он выходит за **внутренние рамки** своего государства, распространяется **более чем на одну страну** и наносит ущерб безопасности международного сообщества.

Таким образом, базируясь на всем вышесказанном, можно предложить рабочее развернутое определение международного терроризма: **международный терроризм — это мотивированные незаконные ответные насильственные действия (их организация**

или содействие им, в том числе путем финансирования или кадровой поддержки), осуществляемые представителями одного или нескольких государств против другого или других государств, имеющие первой целью устрашение отдельных лиц, групп людей или всего населения с тем, чтобы достигнуть определенных идеологических, религиозных, национальных, экономических, политических или социальных результатов в свою пользу.

Заметим: террор и терроризм — «зеркальные» явления; одно предопределяет другое. Там, где есть террор, неизбежно возникает терроризм. И наоборот.

Террор и терроризм, конечно же, зло. Но случается, что в какой-то момент насилие становится неизбежным как метод разрешения предельно конфликтной ситуации силой из-за того, что эту ситуацию не удалось урегулировать на основе разума. Логика насилия одинакова с обеих сторон: там, где зло (понимаемое одной стороной как именно зло, а другой — как добро) нельзя устранить иначе, как уничтожив его носителя или подчинив себе его волю, там насилие признается естественным и справедливым. «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают». Эти девизы существуют тысячи лет.

Но если насилие все же признается в качестве способа выхода из предельно конфликтных ситуаций, то право на насилие справедливо признать за **обеими сторонами**. Принципиальнейший момент! Тот, кто осуществляет террор, должен сознавать, что на его силу будет ответ, и это тоже будет сила под названием «терроризм». Международный террор порождает международный терроризм. В какой форме происходит ответная реакция — другой вопрос. «Слабый» не имеет, как правило, тех возможностей, которые есть у «сильного»; он дерется всеми доступными ему, часто самыми примитивными средствами, самыми жестокими способами.

Но «слабый» стремится обрести силу. В век науки и техники это не так уж и трудно. Сегодня дело не только в деньгах, не только в том, у кого их больше. Сейчас главное богатство — знания, новые технологии. Террористы рвутся к овладению ядерным и биологическим оружием. Американские спецслужбы, утвер-

ждает пресс-секретарь МАГАТЭ Дэвид Кид, «склонны верить в то, что бен Ладен располагает радиоактивными или ядерными материалами».

Британская газета «Санди таймс» сообщила, что бен Ладен как минимум дважды пытался приобрести обогащенный уран, который является одним из важнейших компонентов для создания ядерной бомбы.

После взятия Северным альянсом Кабула в одном из бывших штабов «Аль-Каиды» были обнаружены документы, содержавшие данные об изготовлении ядерного оружия. Найденные бумаги также содержат инструкции по изготовлению биологического яда рицин, чертежи взрывных устройств и детонаторов.

Террористы заставляют работать на себя некоторых крупных ученых. Крадут и покупают новые технологии. Известно, например, что бен Ладен владеет одной из самых современных компьютерных программ, разработанных в Великобритании. Она позволила ему за считанные секунды снять свои деньги со счетов европейских банков и, как говорят, перевести их в Китай.

Иногда противодействие оказывается многократно сильнее действия. Например, социальная революция, которая крушит на своем пути все и вся, тормозя естественную эволюцию на долгие времена, от чего страдают в конце концов обе стороны. «Кто сеет ветер, пожнет бурю». Об этом должны помнить те, в чьих руках рычаги террора.

КТО ТАКИЕ ТЕРРОРИСТЫ?

Террорист — это физическое лицо, группа лиц или организация, реализующие на практике или организующие террор и терроризм как внутренний, так и международный. Террорист — это субъект незаконного насилия, это понятие, принадлежащее одновременно террору и терроризму, по существу, объединяющее их. В чем и проявляется «ядро» сущности, которое делает их своего рода «сиамскими близнецами».

В нынешних условиях ряды террористов быстро пополняются. У этого есть свои причины.

Разрушение старых глобальных и региональных структур международной безопасности, присущих прошлому биполярному миропорядку, в ряде случаев сопровождается расшатыванием, развалом государственных образований. Мир вошел во временной промежуток крайней нестабильности, неопределенности, пониженной безопасности. Механизмы контроля, в том числе со стороны международных организаций, за происходящими в мире процессами все чаще дают сбои, их место пытаются занять силы, которые хотели бы использовать фактор нестабильности для ускоренного решения своих собственных, подчас деструктивных задач. И поскольку подобных геополитических пустот, в том числе в силовой сфере, в мире появляется все больше, эти зоны, а также социальные закоулки становятся объектом пристального внимания и приложения политики со стороны международного террора и терроризма.

Развал прежнего и установление нового миропорядка внесли серьезную сумятицу не только в международную безопасность и ее структуры, но и в умы людей, разметали прошлые системы ценностей и не создали новых.

Переходный период посеял иллюзии легкого достижения собственных целей (и легкого отмщения врагу) с использованием средств и методов, которые могут быть охарактеризованы как международный терроризм. Он создал **касту авантюристов**, паразитирующих на мировом беспорядке и своей востребованности им. Передел мира сопровождается всплеском сепаратизма и ответных жестких мер по его подавлению. Мировое сообщество дезориентировано и поливает разгорающиеся тут и там региональные и локальные конфликты взрывоопасной смесью из показного гуманизма и явно избыточного силового давления.

Существенная проблема переходного миропорядка — резкий всплеск политики двойных стандартов, когда в зависимости от политической конъюнктуры террористы по воле имиджмейкеров превращаются в борцов за свободу, со всеми вытекающими последствиями для их идеологической, экономической, дипломатической, военной подпитки извне. К сожалению, сегодня очень многие не хотят понимать, что заигрывание с международными террористами, попытки использовать террор и терроризм в собст-

венных интересах чреваты серьезными проблемами в перспективе. США, например, «враг № 1» для ряда движений, в прошлом выпестованных американцами.

Кроме политического аспекта в вопросах международного террора и международного терроризма явно просматривается **экономический план**. Международный терроризм ныне, как и любая **война, — это еще и бизнес**. Общий бюджет терроризма в мире сегодня составляет, по разным оценкам, до 20 млрд долл. в год. Терроризм превратился в крайне выгодный бизнес глобального масштаба, в особый узаконенный вид деятельности с развитым «рынком труда и приложения капитала». Между различными террористическими организациями созданы тесные связи, имеющие под собой идеологическую, религиозную, военно-практическую и другие основы. Налажено взаимодействие различных террористических организаций в снабжении вооружениями и спецсредствами, обеспечении прикрытия, разделении функций в ходе осуществления тех или иных операций и действий более широкого военного и военно-политического спектра. Происходит масштабный перелив вооружений и спецтехники посредством нелегальных поставок, переток боевиков, осуществление их подготовки в спецлагерях, обмен опытом и т. д. Многократно возросла оснащенность международного терроризма самыми современными средствами, включая информационные, и, соответственно, возможность нанесения непоправимого ущерба миропорядку, международной стабильности. Сегодня на «серый» и «черный» экспорт вооружений приходится более $^{1}/_{10}$ мирового экспорта оружия. Например, в ходе войн на территории бывшей СФРЮ хорватским, мусульманским, албанским силам, в основном нелегально, поставлялось вооружений на сумму не менее 2 млрд долл. в год.

Но было бы большим упрощением и ошибкой считать террористами лишь всякого рода авантюристов, амбициозные личности, наемников, камикадзе и т. п. Не следует уподобляться советской пропаганде, представлявшей народу национал-социалистов и Гитлера как собрание недоумков и психически ненормальных людей. Сегодня известно, что среди них было немало талантливых и умных, совершенно здоровых психически

людей. Другое дело — их мировоззрение, их сознание, мораль, их понимание добра и зла. Это были фанатики, люди, одержимые идеей мирового господства. Говорить об их ненормальности можно лишь в этом смысле. И только тогда состояние их сознания можно принять за умопомешательство. Стоит напомнить, как далеко оно зашло.

Приведу некоторые выдержки из двух книг Г. Раушнинга, который был советником Гитлера и входил в его ближайшее окружение, но потом порвал с фашизмом и эмигрировал из Германии, опубликовав в Англии две книги воспоминаний «Зверь из бездны» (1940 год) и «Говорит Гитлер» (1941 год). Эти высказывания о методах борьбы за мировое господство и том оружии, которое собирался использовать Гитлер, интересны не только сами по себе, ибо книги эти на русский язык не переведены. Любопытно, что они во многом совпадают с нынешними заявлениями бен Ладена, а также (по общему смыслу и духу) высказываниями руководителя ЦРУ США в послевоенные годы XX столетия А. Даллеса относительно методов борьбы с СССР, которые известны специалистам по холодной войне.

В узком кругу приближенных еще в последний год борьбы за власть и в первые два года господства национал-социализма (1933–1934 годы) Гитлер рассуждал о будущей войне таким образом[1]: «Я не испытываю угрызений совести и возьму то оружие, которое мне нужно. Новые отравляющие газы ужасны. Но нет никакого различия между медленной смертью за колючей проволокой и предсмертными мучениями пораженных газом или бактериями... Мы будем ослаблять физическое здоровье нашего противника, так же как мы ослабляем морально его волю к сопротивлению. Я думаю, впрочем, что у бактериологического оружия есть будущее. Мы еще не так далеко продвинулись, но уже производятся опыты. Я слышал, что они проходят успешно. Но применение этого оружия ограничено. Его значение — в истощении противника до войны. Наша основная война, впрочем, должна закончиться еще до начала военных действий. Я считаю: мы победим таким образом враждебную Англию. Или Америку».

[1] Здесь и далее выдержки из книг Г. Раушнинга цит. по: Исламский фюрер // Известия. 2001. 19 ноября. С. 6.

На вопрос, как же заразить население других стран в мирное время, Гитлер отвечал: «С помощью агентов, безобидных туристов, это все еще самое надежное средство, единственно действенное в настоящее время. Пройдет несколько недель, если не больше, пока размеры эпидемии станут заметны. Очевидно, бактерии могут применяться и в разгар войны, а именно когда сопротивление противника пошатнется».

Гитлер подробно говорил об основах своей военной стратегии, создании в тех странах, которые он хотел захватить, «пятой колонны». «Мы находим таких людей, мы находим их в любой стране. Нам не приходится их покупать. Они приходят сами по себе. Их толкают к нам честолюбие и слепота, невежество и внутрипартийные склоки... У нас будет достаточно добровольцев, таких как наши штурмовики, — молчаливых и готовых к самопожертвованию. Мы перебросим их через границу в мирное время. Конечно, никто из них ничем не будет отличаться от обычного туриста... Возможно, мы высадимся на аэродромах. Мы будем перевозить по воздуху не только бойцов, но и вооружение. Наша стратегия — уничтожать врага изнутри, чтобы он сам себя побеждал».

«Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности, и только потом можно думать о военных действиях. Как достичь моральной победы над противником еще до войны? — вопрошал Гитлер. — Во вражеской стране у нас повсюду есть друзья, которые помогут нам... Смятение, внутренняя борьба, нерешительность, панический страх — вот наше оружие».

Может, этот «положительный опыт» (с учетом совершенных Гитлером ошибок) пытаются использовать сегодня международный терроризм и организаторы международного террора?..

Сегодня мир как сверху, со стороны власти, так и снизу терзают люди подобного толка. Всех их, несмотря на множество различий, можно определить одним общим словом — «**фундаменталисты**». Люди, уверовавшие в то, что они нашли «философский камень», ту фундаментальную истину, знание которой позволяет им гарантированно решить все задачи общественной жизни лучшим образом. Фундаменталисты мнят себя избранной частью народа, призванной осчастливить «других» и «остальных». Они не могут

допустить мысли о равноправии многих истин в пределах нашего знания (а можно сказать, и «незнания») об обществе. Они нетерпимы к инакомыслию. В этом и состоит их ограниченность, опасность для других, а в конце концов и для самих себя.

Эту ключевую мысль важно осознать: любой фундаментализм (религиозный, идеологический, политический, национальный, экономический, рыночный и т. д.) есть свидетельство ограниченности. Любой **фундаменталист — существо** по определению **ограниченное**, само себя избравшее в качестве слепого орудия осуществления овладевшей им идеи или веры. И чем умнее это существо, чем сильнее его воля, чем выше его власть, тем масштабнее и страшнее последствия его действий. В основе своей все существа данной категории — это камикадзе, не важно, куда их посадили: в торпеду, самолет, министерское, премьерское или президентское кресло. Безмерная одержимость, фанатизм (суть крайний фундаментализм) лишают их той части рассудка, который отвечает за последствия действий.

Радикализм, крайняя предвзятость в интерпретации реальных фактов, утрата обратной связи (снизу) и, как результат, неспособность воспринимать действительность, подвергать анализу последствия своих собственных решений и действий — это своего рода психопатическое состояние, которое можно назвать **социальной паранойей**. Иррациональное, разрушительное в своей основе поведение, скажем, наших властей в недавнем прошлом, а во многом и сегодня, основывается на их глубокой убежденности в своей правоте, единственности представляемой ими картине мира и ситуации в стране. Все суждения, противоречащие их взглядам, объявляются либо устаревшими, либо ложными, либо просто враждебными.

Возьмите команду реформаторов во главе с бывшим президентом страны Ельциным. Не будем рассуждать сейчас об уровне их интеллекта и профессионализма. Будем думать даже, что каждый из них в меру своего ума, полномочий и конкретных целей стремился ко всеобщему, а не только личному благу. А в общем и целом — развалили страну. Получилось всеобщее зло. Почему? Это была команда одержимых, фанатичных людей. Команда людей, свято и слепо, безраздельно верящих в идею Рынка. В его

всесилие и всемогущество. Команда фундаменталистов. То есть людей ограниченных. Чрезвычайно ограниченных, «упертых».

Ибо если бы они не были таковыми, то прислушались бы к мнению уж если не отечественных ученых и трезвых политиков, то хотя бы к тому, что говорят о рынке и капитализме многие знаменитые западные ученые-теоретики — Дракер, Туроу, Хантингтон, Мидоузы, Вайцзеккер и другие, бывший вице-президент США А. Гор, один из богатейших людей мира, капиталист до мозга костей Д. Сорос. Все они твердят о кризисе «развитого мира», признаются, что не знают толком, куда и как этому миру и всему человечеству идти дальше. Но они сознают: то, что выдается за «универсализм» и «интересы мирового сообщества», на самом деле является империализмом, отражает интересы главным образом США.

«Капитализм, опирающийся исключительно на рыночные силы, — пишет Дж. Сорос, — представляет опасность открытому обществу. Центральное утверждение моей книги состоит в том, что **рыночный фундаментализм** представляет сегодня бóльшую опасность для открытого общества, чем тоталитарная идеология»[1].

Фундаментализм находит себе пристанище в умах пылких, но ограниченных. Фундаменталист в экономике, политике, религии, в любом деле — это террорист.

ПОЧЕМУ ТЕРРОРИСТЫ АТАКОВАЛИ США?

В данной книге это, пожалуй, главный вопрос. Рвануло в Америке, а вздрогнул и дрожит весь мир. Америка бомбит Афганистан, но все готовы к тому, что завтра она начнет бомбить их. США уже много лет назад объявили странами-изгоями Афганистан, Иран, Ирак, Саудовскую Аравию, Судан, Сирию, Кубу. Операция в Афганистане в разгаре. После 11 сентября США расширили список стран, на территории которых действуют террористические организации, представляющие угрозу интересам США. Этот список

[1] Сорос Д. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 19.

включает около 60 государств. США фактически заявили, что любое из них может стать мишенью для грядущего удара... Ситуация, прямо скажем, жутковатая. Кто осуществляет международный террор, а кто терроризируемый в этом мире? Бен Ладен или США?

Конечно, если за точку отсчета в хронике международного терроризма принять трагическую дату 11 сентября 2001 года, то «террористом № 1», конечно же, является бен Ладен. Но разве в тот день началась история международного терроризма? Разве не США вырастили и выучили бен Ладена и множество ему подобных?.. Почему бен Ладен отвернулся от своих учителей? Почему стал их заклятым врагом и уже давно воюет с Америкой? Почему? На эти вопросы, наверное, можно найти частные, конкретные ответы. Но дело не в бен Ладене. Возможно, его даже поймают или убьют. И что? Международный терроризм этим не закончится.

На телеканале Fox TV в США есть программа «10 наиболее разыскиваемых». За полвека (!) существования программы в разряде top-10 побывали 456 человек, из которых 437 удалось задержать. Программу тем не менее не закрыли. Ибо список этот все время пополняется. Одни исчезают, появляются другие. Были Дональд Веббу, Джеймс Копп, Артур Ли, Гарри Боумен и др., теперь этот список возглавляет бен Ладен. Череда этих перемен может быть бесконечной, если бороться только с террористами, а не с терроризмом как процессом и явлением. Ответ на вопрос «почему?» надо искать не внутри самого международного терроризма, а за его пределами.

В науке есть принцип дополнительности, суть которого в том, что если то или иное явление, процесс или вещь оказываются необъяснимыми в первом окружении, с традиционной точки зрения, то надо расширить контекст, изменить угол или «высоту» взгляда, посмотреть на объект познания в более широком плане, найти нетрадиционный подход к его изучению. Трудно осознать, если не подняться в космос, что планета Земля на самом деле очень маленькая. Оказавшись на околоземной орбите, Ю. Гагарин понял это мгновенно и воскликнул: «Как красива Земля!.. И какая же она маленькая!»

Сегодня многие говорят о выдающейся роли США в порождении международного терроризма. Многие, но далеко не все. Тем

более не сами США и их союзники. А ведь именно в этом направлении и надо искать ответ на многие почему.

Бывший руководитель подразделения КГБ СССР по борьбе с терроризмом В. Луценко пишет: «В 1992 году мы с американцами собрались в Центре по борьбе с терроризмом в США. И сильно удивились, что, оказывается, нет самого определения терроризма. С чем бороться-то? Тогда мы выработали такую формулировку: „Терроризм есть политически мотивированное применение или угроза применения крайних форм насилия против **невоюющей** стороны“»[1].

Лукавое определение! И дело не в том, что в нем упущены многие **существенные** стороны такого сложного явления, как международный терроризм. Главный подвох скрыт в словосочетании «невоюющая сторона». Всего два слова, но какой простор для демагогии открывают они! Представьте: живет себе процветающая страна по имени Америка — оплот свободы и демократии, мира и международной безопасности, заботится о слабых и беззащитных — и вдруг ни с того ни с сего в разных странах начинают взрывать ее посольства и корабли, и вот — 11 сентября... «За что?!.. Мы же никого не задеваем, ни с кем не воюем...»

В этом случае бен Ладен и международный терроризм — агрессоры, т. е. стороны, которые нападают первыми на безвинную страну, убивают тысячи безвинных людей. В этом случае действия нападающей стороны выглядят как безусловное Зло, а вступившая с ним в борьбу Америка — как носитель абсолютного Добра.

То, что международный терроризм — зло, что 11 сентября террористы совершили тягчайшее уголовное преступление, что организаторы этого теракта должны быть пойманы, судимы и наказаны самым суровым образом, несомненно. Но если мы ищем не только «террориста № 1», но еще и истину, то не можем ограничиться таким выводом и этими мерами. В понимании добра и зла все зависит от того, кто и как смотрит на одно и то же явление или деяние.

В своих собственных глазах США и их союзники выглядят гарантом Порядка, Мира и Спокойствия на планете. Это правда, но

[1] Российская газета. 2001. 17 октября. С. 7.

лишь в какой-то определенной мере. В какой — тема отдельного разговора. Сейчас разберемся в вопросе, являются ли США и в самом деле «невоюющей стороной». Возможно ли, чтобы страна, решившая установить «новый мировой порядок», перекроить мир, построить мировую империю и властвовать ею, обошлась без насилия, без войны? Что за чудо вдруг случилось в мире: прежде — во все века — все империи устанавливались многолетними и кровопролитными войнами, а тут ни с того ни с сего все страны мира безропотно и покорно приняли волю США и добровольно отдали себя в управление им? Нет же! Ничего подобного не происходит. В разной мере и по-разному все страны, пожалуй, за исключением Англии, сопротивляются насилию, а США (опять же с разной силой на разные страны) год за годом давят, давят, давят... И это насилие, это давление есть не что иное, как война нового типа, основанная на новой концепции войны и новых средствах ее ведения. Подробно говорить об этом сейчас не место. (Теме «Новая эпоха — новые войны» было посвящено заседание Русского интеллектуального клуба в марте 2000 года. По его итогам вышла книга, с которой желающие могут познакомиться.)

Сегодня США в гораздо большей степени — источник беспорядка, опасности, страха. Ибо это **сторона, воюющая** практически со всем миром, во всяком случае, с его «слабой» частью за свое право доминировать везде, всюду и во всем в своих национальных интересах. Место человека-тирана (фараона, короля, царя, императора) заняла страна-тиран. Речь идет о борьбе за власть не одного человека в одной стране, а группы стран во всем мире. Речь идет о **терроре как одной из важнейших форм войны, как об инструменте управления миром** (в перспективе) и покорения мира (в данный момент). Террористы хотят устрашить мир, чтобы народы и страны стали вести себя послушно, покорно их воле. «Виновными» будут признаны все (народы, страны и их руководители), кто встанет на пути террористов к их цели — мировому господству.

Что является движущей силой международного террора? Болезненный симбиоз мании власти и **мании превосходства**, которые и находят выражение в идее мирового господства.

Речь идет об управлении миром не просто в организационном, политическом смысле. Речь идет о новом мировом экономическом порядке, о новой мировой системе универсальных духовных и нравственных ценностей. Иначе говоря, международный террор имеет свое идеологическое обоснование, в котором политические идеи причудливо перемешаны с религиозными, этническими. Речь идет о **мировоззренческом, идеологическом терроре** и ответной **реакции** того же характера со стороны международного терроризма. Образ «врага» сегодня настолько размыт, что он чудится всюду и — самое главное! — всюду находится. Сегодня из продолжения политики террор превратился в саму политику, стал ее сутью. Из спутника войны — стал самой войной, одной из ее главных форм. **На стадии идущей уже многие годы необъявленной, тайной войны — главной формой.**

Сегодня объектом террора «сверху — вниз» стали не подданные собственной страны, а правители и правительства, народы многих стран мира. Сегодня террор, когда-то вершившийся из-за страха за свою шкуру, стал террором, творимым из чувства превосходства, честолюбия и уверенности в том, что тиран владеет единственной истиной и ключами от счастья всего человечества. Сегодня тирания стала выступать под сенью международного права, под флагом борьбы за свободу, демократию и справедливость. Сегодня деспотизм, по сути дела, отменил международное право, политика стала твориться «по понятиям» очередного американского президента.

США уже плюют на резолюции ООН, на мнения других стран и подписанные договора, как это было с Россией в канун и в ходе бомбардировки Югославии. США и их союзники по НАТО теперь сами решают, кого, когда и как наказать. Сегодня миру с белозубой американской улыбкой от уха до уха говорят: «Повинуйтесь! Скрежещите зубами, стенайте и плачьте, но — повинуйтесь! Мы несем вам свободу и радость. Ах, вам не нравится предлагаемый образ жизни? У вас есть свои представления о счастье? О'кей. Но дело в том, что вы думаете и живете неправильно!.. Повинуйтесь!»

И в самом деле, сегодня США — это единственная в мире сверхдержава с самой мощной экономикой и самыми могучими вооруженными силами. Более того, она — лидер западных, разви-

тых стран. Они и хотят вершить судьбы постиндустриального общества в XXI веке. Как будет выглядеть это общество, уже ясно и сейчас. Отсюда, собственно говоря, и берет начало проблема «мирового терроризма». Но нелишне пофантазировать, как будет оно выглядеть через 10–20 лет и дальше...

Пирамида власти и управления миром уже обозначилась: «семерка» ведущих стран, во главе которых стоят США; затем группа европейских стран калибром помельче и послабее с общим населением примерно в миллиард человек. Так называемый «золотой миллиард». «Сверхобщество». А дальше собственно общество, собственно человечество — ныне пять шестых, а вскоре девять десятых населения планеты. «Остальной мир». Рынок товаров и труда. Поставщик сырья и «мозгов». Места отдыха, «дикой охоты» и разного рода развлечений.

Если вдуматься, то современный мир начинает все больше напоминать собой древнюю Спарту, в которой 20 тысяч хорошо обученных войне спартанцев управляли 300 тысячами обслуживавших их бесправных, безграмотных и безоружных илотов. Мы наблюдаем начало процесса постепенного взращивания расы мировых господ и расы мировых рабов. Разумеется, на другом уровне, в других формах господства и рабства, но по существу — именно господства, именно рабства. Ведь если есть идея мирового господства или (она же, но по-другому названная) идея «нового мирового порядка», то она как само собой разумеющееся предполагает тех, над кем это господство будет осуществляться, где этот «новый порядок» надо будет устанавливать. Зачем лукавить? Ясно также, что господа всегда и неизбежно будут составлять подавляющее меньшинство, а управляемые всегда и неизбежно — подавляющее большинство, «массу».

Но вот какая штука: «остальной мир» — это совсем не «масса». Это огромные страны и государства — Россия, Китай, страны Востока, Африки, Латинской Америки. Им-то и говорят: «Повинуйтесь!» Говорят на англо-американском языке. Говорят США, которые считают себя поборником свободы, образцом западной демократии, хранителем универсальных западных ценностей, лидером новой, самой передовой цивилизации, которой якобы принадлежит будущее.

Беда для человечества, однако, не в том, что Америка воображает о себе слишком много, а в том, что это государство **силой навязывает** миру свои взгляды и свой образ жизни, что оно объявило зоной своих национальных интересов не только всю планету Земля, но и все околоземное пространство. И что же из этого выходит в итоге? Как уже говорилось, **международный террор «сверху»**. Насилие. Насилие незаконное. Насилие систематическое. Насилие повсеместное и всеобъемлющее. Насилие с целью господства. Насилие, которое сеет страх и ужас, боль, страдания и кровь, как это было в Ираке и Югославии, как это происходит сейчас в Афганистане. И это, по сути дела, вовсе не «возмездие», а очередной акт террора. Международный террор сеет страх, порождает такую ситуацию, когда никто в мире не может чувствовать себя в безопасности. Потому и существует мнение, что США — страна-экстремист, страна-агрессор, страна-полицейский, страна-террорист. Номер один. Первопричина зла.

Потому террористы и атаковали именно США, а не Берн, Вену, Токио или Дели, скажем.

КТО АТАКОВАЛ США?

Наивно думать, что «остальной мир» будет долго мириться с такой ситуацией. Восстают, как известно из истории, даже рабы. Но пока еще «остальной мир» далек от рабского положения. И прежде всего потому, что у каждого народа есть своя система ценностей, свои представления о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Одним словом, у каждого народа — своя культура. «Старая», но — великая, проникшая в кровь и поры поколений. Свои взгляды на настоящее и будущее эти народы привыкли определять, отталкиваясь от истории своих предков, своей религии, своего языка, своих традиций и обычаев. Страны Востока, Китай, Россия — это воплощение великих культурных традиций, история которых (особенно Китая и Востока) исчисляется тысячелетиями. Народы этих стран гордятся своей историей и культурой. У них есть свои амбиции, свой взгляд на будущее; они (не без оснований) думают, что их могущество и роль в этом будущем

будут возрастать. А им говорят: «Мир становится единым. Поэтому нужны единые, универсальные ценности, нужен общий, „главный“ язык — английский. Национальное и вообще история сегодня не так важны; главное — интернациональное. Иначе единой мировой экономики не создашь, материальный рост замедлится, а то и остановится, а это опять-таки — главное. Глобализация!» И так далее, и все в этом роде.

Действие вызывает противодействие. У «остального мира» и в отдельных странах возникает вполне естественная мысль о сопротивлении, хотя ясно, что силы не равны: ни финансами, ни (особенно) военным потенциалом «развитый мир» и «остальной мир», тем более его отдельные страны равняться не могут. Тогда каждый выбирает для себя ту форму сопротивления, на которую он способен. И если схватка в открытом бою, как говорится, «лоб в лоб» для многих невозможна, остается война скрытая, партизанская, в которой теракты и диверсии, по сути дела, являются единственным способом. Превращенные в систему, они и становятся явлением с суффиксом -изм — терроризм. Став повсеместным, общепланетарным, это явление приобретает определение «международный», терроризм «снизу» — со стороны тех, кого хотят подчинить, покорить, кем хотят управлять, но кто не хочет покоряться, является более слабым, но вовсе не бессильным.

Когда мировой терроризм вступил в новую, вторую фазу своего развития? Я думаю, что уже в конце 80-х годов, когда Западу стало ясно, что СССР, точнее, коммунизм, практически повержен, когда Рейган и Тэтчер пошли на него в последнюю атаку. Тогда окончательно восторжествовал либерализм, а точнее, «рыночный фундаментализм, ставший господствующей идеологией Запада» (Дж. Сорос). Тогда появилась знаменитая статья Ф. Фукуямы «Конец истории» — «конец» в том смысле, что никакой альтернативы, кроме либерализма, у человечества отныне нет и ему ничего не остается как только следовать этим путем. То есть американским путем, ибо США являются родиной этой воплощенной в реальность идеологии.

«Остальной мир» стал ощутимо чувствовать «атаки» США с момента, когда в 1991 году Дж. Буш-старший провозгласил идею необходимости установления «нового мирового порядка». Это

ощущение еще более обострилось, когда при Б. Клинтоне США стали **искусственно ускорять** процесс мировой глобализации по всем линиям — в экономике, политике, геополитике (продвижение НАТО на Восток), образовании.

Хочу еще раз сказать, что я не являюсь противником либерализма как такового, но против **радикал**-либерализма. Мне понятна глобализация как естественный, эволюционный процесс, но я против **паразитической** глобализации, против искусственного ее ускорения и использования в качестве **инструмента** глобальной политики в интересах узкой группы стран. Я много раз бывал в США и восхищаюсь множеством великих достижений этой страны. Но я не скажу доброго слова о внешней политике США, ибо по своему глобальному замыслу, по своей сути и конечным (не промежуточным!) целям — это агрессивная политика, ведущаяся с позиций превосходства, высокомерия и силы. Любые страны, осмеливающиеся противостоять этой политике, клеймятся как нелогичные, несовременные. Истина же заключается в том, что сама американская идеология, ее рыночно-либеральный фундаментализм и нелогичны, и несовременны.

«Остальной мир» сопротивляется и будет сопротивляться рыночному фундаментализму, тому образу жизни, который выдается за «лучший» и «универсальный», потому что ему уже давно известно, что этот образ жизни не столь хорош и универсален, как об этом говорится. Более того, он таит угрозу и для самого «развитого» мира, может привести к его крушению, если он не избавится от ряда своих иллюзий и заблуждений. И прежде всего — от претензий на свое право осуществлять мировое господство.

«Остальной мир» сопротивляется экспансии «универсализма» развитых стран во главе с США и потому, что не верит в их искренность и добропорядочность. Насаждая свою идеологию развития и свой образ жизни, США и их союзники действуют **лицемерно, исповедуют двойную мораль**, ведут **двойную игру**. Их взгляд на любое явление зависит от того, кому это выгодно. Ядерное оружие? Когда речь идет об Израиле, то они полагают, что этой стране его можно иметь. Иран, Ирак? Ни в коем случае. Расстрел взбунтовавшихся студентов в Китае — это, по их понятиям, грубое нарушение прав человека. Расстрел из танков российского

Белого дома — это, по их убеждению, спасение демократии. Бомбежка Белграда и Косово — это предотвращение гуманитарной катастрофы. Чеченские террористы — «хорошие», те, что воюют против американцев и Запада, — «плохие». Операция «возмездия» в Афганистане уже породила гуманитарную катастрофу, и, надо думать, ее масштабы будут расти. Но об этом американцы молчат. Говорить об этом для них невыгодно. И так далее. Внедрение «универсальных» норм и принципов, которые не являются таковыми на самом деле, и не может происходить иначе, предполагает двойную мораль. Еще недавно Запад грозил России всевозможными санкциями из-за военной операции в Чечне, но после 11 сентября, когда терроризм стал зримой бедой и опасностью, «вдруг» скорректировал свою позицию. США признали: Россия борется в Чечне все-таки с терроризмом.

«Двойная игра» американцев в области борьбы с международным терроризмом зачастую оборачивается против них самих. Так, например, даже американская пресса отмечает, что именно **правительство США стояло у истоков международного исламского терроризма**, поощряя и субсидируя в 80-х годах вербовку и вооружение в мусульманских странах наемников для ведения войны в Афганистане. Теперь же бывшие афганские моджахеды составляют ядро террористических группировок, действующих на Ближнем Востоке, Филиппинах, в других регионах. Моджахеды проповедуют идеи панисламизма и рассматривают в качестве своего **главного врага** именно США.

11 сентября мы были свидетелями одного из наиболее жестоких для США проявлений той **необъявленной войны нового типа** между Западом во главе с США и «остальным миром». Сегодня в схватке сошлись **два фундаментализма** — западный и «остального мира». **В данном случае и пока** на первое место вышел **исламский фундаментализм**. Не случайно. Пока это **самый сформировавшийся фундаментализм**, изначально нацеленный против иудейско-христианской веры, которую исповедует в основном Запад. **В этом смысле** ислам — антизападная религия. Противоречие между исламом и христианством непримиримо. Во всяком случае, так было в прошлом. Неслучайно в каждой из этих религий существуют однозначные понятия — «крестовый поход» и

«джихад». В одном случае речь идет о войне до полной победы над мусульманами, в другом — над «неверными». О борьбе христиан и мусульман, о войнах, которые сопровождали их, принося успех то одной, то другой стороне на протяжении тысячи с лишним лет, мы знаем из учебников истории. Турки взяли Константинополь (1453 год), осаждали Вену (1529 и 1683 годы). Русь была под татаро-монгольским игом более 250 лет. С 1820 по 1929 год из всех войн, которые шли между государствами с различными религиями, половину составляют войны между христианами и мусульманами.

Сегодня исламские фундаменталисты снова ставят задачу мирового господства ислама, хотят стать главной и единственной религией, в частности, построить халифат — «Соединенные Штаты Ислама» на территории между Черным и Каспийским морями. То есть в том числе и на территории России. Попытка начать строительство этого государства с территории Дагестана произошла два года назад.

Стоит обратить внимание на тот факт, что свою нынешнюю воинственность исламский фундаментализм обрел буквально на наших глазах, когда США объявили целый ряд арабских стран, а также Кубу и Северную Корею террористическими государствами, ввели понятие «страна-изгой» и начали проводить в их отношении политику всевозможных санкций с целью, чтобы народы этих стран сами свергли неудобные для них правительства. Но ничего подобного не происходит. Наоборот. Могущество «развитого мира», систематические бомбардировки то Ирака, то Югославии, то Афганистана, произраильская политика США вызывают у стран Ближнего Востока возмущение, страх и ненависть. Они сопротивляются, насколько это возможно, чтобы не вызвать дополнительную ярость Запада, и тайно сплачиваются. Но то, что целый ряд стран (Ирак, Иран, Ливия, Судан, Афганистан, Саудовская Аравия, Сирия) исподтишка поддерживают терроризм, говорит о многом. И сколько бы слов в осуждение терроризма не было сказано ими сейчас, в той или иной мере (и чем дальше, тем больше) они будут продолжать эту поддержку. И чем сильнее Запад будет давить на эти страны, тем прочнее будет становиться их религиозный фундаментализм, тем больше будет

у него сторонников в исламском мире. Сила веры не может быть преодолена верой в силу и самой силой. Дух не подвержен физическому воздействию. Тем более дух фанатиков. Все совсем наоборот. Смертник — это существо, которое отделило свой дух от плоти, превратив тело в «умную» бомбу. Именно это мы и наблюдали 11 сентября.

Еще не возвысили голос в свою защиту бедные и зависящие от Запада Латинская Америка и Африка. Но по мере того как разрыв между богатым Севером и бедным Югом будет нарастать, этот голос будет становиться все слышнее. И только ли голос?.. Если силы сопротивления росту социальной несправедливости начнут объединяться, они из-за невозможности вести борьбу открытым способом также изберут тайные формы. И это будет международный терроризм.

Не менее, а еще более вероятно расширение масштабов международного терроризма на базе **национализма**. При этом я говорю и о русском революционном терроризме, который имеет богатую историю. Об этом не стоит забывать.

Известно лучшее в мировой литературе произведение на эту тему — «Бесы» Достоевского. Но реальная жизнь и до, и после великого писателя давала многочисленные примеры идеологии и практики «бесов».

Российский анархист М. Бакунин считал, что революционер должен отождествить себя с бандитами, грабителями, всеми, кто стоит вне закона и противопоставляет себя буржуазному обществу. В письме к Нечаеву Бакунин воспевал разбойников, считая их единственными «революционерами дела», проповедовал разбой как одну из «почетнейших форм русской народной жизни». В написанной им совместно с Нечаевым листовке «Начала революции» говорилось: «Яд, нож, петля и т. п.!.. Революция все равно освящает в этой борьбе... жертвы указываются нескрываемым народным негодованием!.. **Это назовут терроризмом!** Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!»

Согласно М. Бакунину, революция — это «дикий зверь», она «так же, как и военная реакция, ничего не пожалеет и не остановится ни перед чем... Не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотвор-

ного, потому что именно из него, и только посредством него, зарождаются и возникают новые миры».

Известен «Катехизис революционера», авторство которого приписывается Нечаеву. В нем формулируется отношение революционера к самому себе и к другим. «Революционер — это потерянный человек, без каких-либо интересов, привязанностей, личных связей, даже без имени. Он порвал с обществом, его законами и условностями; он должен избегать и презирать общественное мнение, быть готовым к пыткам и смерти в любое время. Он должен жить под вымышленным именем, порвать все связи с семьей и отказаться от брака, от друзей и найти себе товарищей в подпольном мире».

Сегодня люди одной крови все более сплачиваются. Русские — тоже. Хотя данное явление еще не слишком заметно, игнорировать его было бы большой ошибкой. Не только потому, что «разумный национализм» легко переходит грань и превращается в национализм безумный; что кровь — самый худший союзник истины, что самую светлую идею она доводит до ненависти. Это само по себе. Но главное даже не в этом. Фундаментализмы всех типов имеют свойство объединяться, если у них есть общий враг. А в данном случае он налицо: это США и их союзники. Главная угроза национальной безопасности России, как ни печально это сознавать, исходит от них. Этого не понимают у нас только оголтелые западники. Я делаю акцент на слове «оголтелые», потому что не отношу себя к антизападникам, но против оголтелости, утраты чувства меры в любом деле. В том числе и в отношении Запада с его, несомненно, великой культурой, множеством важных ценностей и образом жизни.

Выступать России — стране **евро-**азиатской — против Запада глупо. Этого не следовало делать в прошлом и СССР, но на тропу открытого противоборства и войны его толкала коммунистическая идеология, претендовавшая на исключительность, превосходство и мировое господство. Сегодня у России нет никакой идеологии. В этой ситуации равно опасным является как противостояние Западу, так и вступление с ним в безоглядный и слишком тесный союз. Ибо от «остального мира» нам таким образом не отойти: мы бедны и слабы. Мы окажемся у Запада на положении бедных родственников. За господский стол нас не пустят.

Обедать нам придется на кухне. Мы будем участвовать в Общих Делах Запада. Но ничего, кроме грязной работы, нам не доверят. Западу нужна покорная Россия. Добиться нашей покорности — его цель. «Успеть вписаться в современную цивилизацию», «не выпасть из мирового процесса глобализации» — именно такими сентенциями полны ныне всевозможные «стратегии» и «доктрины», подготовленные в недрах российского правительства. Поспешать надо, но не торопясь, не суетясь. Слишком многое еще не ясно, не ясно, чем обернется глобализация, не понятно и то, что такое «современная цивилизация».

Участвовать в борьбе с мировым терроризмом Россия должна и дальше. В этом вопросе у нее уже большой опыт. Но «подставляться» террористам, по собственной глупости вызывать огонь на себя ради того, чтобы заслужить одобрительную улыбку Запада и США, она не должна ни в коем случае. Думать, что за какие-то дни мир и в самом деле изменился коренным образом, в высшей мере наивно, хотя многие политики и государственные деятели России и других стран так говорят и, возможно даже, что так и думают. Но — схлынут эмоции, и все встанет на свои места.

МОМЕНТ ИСТИНЫ ДЛЯ США

Когда 11 сентября я наблюдал по программе CNN весь этот кошмар, то сквозь стоны жалости к погибшим у меня невольно вырывались слова: «Вот-вот!.. Для Америки наступил момент истины!» Как ни кощунственно это звучит, но я подумал: «Если завтра президент США скажет, что ему, кроме всего прочего, надо задуматься над причинами происшедшего, то данная трагедия запомнится человечеству как искупительная жертва за все ошибки прошлого ради его спасения». Память выбросила на поверхность слова из Библии: «Всему на свете свое время, всему под небесами свой час. Есть время родиться и время умирать, время сеять и время корчевать, время убивать и время лечить, время молчать и время говорить, **время войне и время миру**».

Вдруг да наступило время мира? Так думал я. Но другая часть моего рассудка говорила мне: «Все будет совсем наоборот: война

шагнет дальше, к новому масштабу и новому этапу. Смотри и запомни: возможно, это первые мгновения пролога „горячей“ мировой войны».

Так, я уверен, подумали многие в мире. И все мы, к сожалению, не ошиблись.

На следующий день президент США Д. Буш заявил: «Наступил момент действия». О моменте истины — ни слова...

Все говорят о том, что 11 сентября мир перевернулся, что начинается новая эпоха международных отношений. Похожие на это знаки подают и США. Но — не верится. Дело в том, что 11 сентября случилось нечто такое, к чему правительство США готовилось давно. Рассекреченный меморандум президента Клинтона от 21 июня 1995 года, адресованный 15 федеральным ведомствам, нацеливал на решительную «мобилизацию всех средств и ресурсов для защиты территории США от террористов». Меморандум фиксировал намерение США «действовать **независимо от согласия иностранных властей** для захвата террористических групп», базирующихся на их территории, а также «**принуждать** государства соответствующими мерами к сотрудничеству в борьбе с терроризмом»[1].

В самом начале 2000 года был сделан следующий важный шаг. Национальная комиссия по терроризму провела ревизию государственных законов, политических концепций и практической готовности общества к восприятию новых опасностей. Комиссия дала установку: «Если США намерены защитить себя и **оставаться мировым лидером**, то следует разработать и постоянно проводить контртеррористическую политику в соответствии с условиями быстро меняющегося мира».

Отчитываясь в июне 2000 года перед конгрессом, комиссия сформулировала новые угрозы: отныне терроризм стремится **«сокрушить супердержаву на ее собственной территории»**, а теракты будут сопровождаться «все большим числом человеческих потерь». Прогнозируя последствия, комиссия предупредила о самой серьезной опасности: «Террористические силы готовы к действиям по подрыву конституционного строя США».

[1] Цит. по: Америка покажет миру, на что она способна // Независимая газета. 2001. 14 ноября. С. 6.

Исходя из этого, в докладе уже тогда прогнозировались события, похожие на те, которым было суждено свершиться через год. Эксперты опасались, что террористы, которые уже делали попытки взорвать Всемирный торговый центр (6 погибших и 1000 раненых), не оставили намерений полностью разрушить здания-«близнецы», чтобы произвести максимальный психологический эффект, вызвать тысячи жертв и дезорганизовать инфраструктуру Нью-Йорка. В качестве возможных организаторов назывались бен Ладен и «Аль-Каида». Намечался и главный объект возмездия — Афганистан.

В январе 2001 года появляется явно носящий предвоенный характер оперативный межведомственный **план действий по борьбе с терроризмом на территории США** (CONPLAN). Характерно, что за рамками разрабатываемых планов практически остались как ООН, так и НАТО. Америка сочла борьбу с терроризмом **сугубо национальным** делом, в котором все решения она принимает только сама и привлекает партнеров выборочно, под конкретные задачи.

Итак, Америка долго готовилась ответить на теракты, думала о том, как переделать мир с помощью глобальной антитеррористической стратегии. В планы не входило, на наш взгляд, главное: как переделать свою внешнюю политику, умерить свои геополитические аппетиты. Иначе говоря, США были заняты сугубо **тактическими** проблемами (как победить международный терроризм, ничем не поступясь самим), тогда как проблема давно переросла пределы тактики и стала вопросом **стратегическим**, для решения которого необходима совершенно иная парадигма мирового развития, принципиально иной, глобальный подход. Одна страна может породить глобальную проблему, какой стал международный терроризм, но решить ее в одиночку она не способна. В этом весь парадокс ситуации. Международный терроризм может быть устранен лишь общими действиями всех стран на основе добровольного согласия участвовать в этой борьбе. А это означает необходимость придания международным отношениям иной конфигурации, недопустимость в них насилия и принуждения, которые присущи им сегодня. Не силу оружия следует противопоставлять международному терро-

ризму, порождая все новые и новые жертвы с обеих сторон, а мудрость политики. Как заметил Отто Бисмарк, сила радикалов состоит «совсем не в крайних идеях их вожаков, а в той доле умеренных требований, которые своевременно не были удовлетворены».

Я начал рассуждать на тему «момент истины для США» и ловлю себя на мысли, что это выглядит весьма забавно и глупо. Слишком она сложна, эта тема. Но дело не только в этом. Истину должна искать **сама** Америка. Никто другой сделать этого не сможет, даже если захочет. Не должен делать. Истину признают лишь тогда, когда в ней возникает нужда. Нужна ли истина Америке? Вот первый момент в «моменте истины». Если ответ на этот вопрос был бы положительным, то уже одно это могло вдохновить мир и поселить в нем уверенность, что лед тронулся и дела пойдут к лучшему. Поиск истины иногда не менее важен, чем сама истина. Но пока шагов в эту сторону я не вижу.

Начатая в Афганистане акция получила статус большой и долгой войны, планируемой на десятилетия вперед. Буш заявил, что приобретаемый опыт будет использован в других регионах мира. Война для Америки — средство, чтобы переделать мир. А саму себя?.. В одном из обращений к нации Буш призвал американцев двигаться дальше, чтобы наглядно «показать всему миру, на что способна Америка».

Формируя альянс в борьбе с мировым терроризмом, президент США Д. Буш бросил лозунг, который десятилетиями использовали еще террористы конца XIX века: «Кто не с нами, тот против нас». Наверное, истина видится Д. Бушу в этой формуле, которая сама по себе уже является объявлением войны. Очень грубая, очень плохая политика. Что ж, многими людьми истина изготавливается сообразно их выгоде. Что выгодно, то и истинно. Искать истину — адский труд; но и найдя ее, от труда не избавишься: теперь ради истины надо переделывать себя. Зачем? Сила есть, ума не надо. Власть позволяет придать статус истины даже глупости и наивности, которые никто не понимает, но все им верят. Так мы живем столетиями. Но вот лимиты на лицемерие и ложь исчерпаны. Мир стал настолько сложен, противоречив и конфликтен, угроза «конца света» столь велика, что разрешить все проблемы

только с помощью силы невозможно. Это понимал поэт Гораций и великий завоеватель император Наполеон, чьи высказывания я вынес в самое начало книги.

И все-таки не удержусь, скажу еще несколько слов по поводу «момента истины для США». Потому что это момент истины и для всего мира, а значит, и для меня лично.

Если все-таки браться за ее поиск, то я бы стал исходить из представления, что **истина — это то, что упрощает ситуацию** в мире, тогда как ложь и лицемерие ее усложняют и сеют хаос. Л. Н. Толстой, написавший бессмертный роман «Война и мир», говорил: **«Величайшие истины — самые простые»**. Мне кажется, что если из словосочетания «война и мир» вычесть слово «война», то это и будет искомая истина. Мир. Момент истины в противоборстве США с «остальным миром» состоит в том, чтобы умиротворить себя, умерить свои аппетиты и амбиции, стать для мира «добрым дядей Сэмом» и так далее и тому подобное. Переосмыслить себя. Переопределить смысл своего существования в мире, перенацелить свою внешнюю политику. И тогда — как повелевает один из основных тезисов либерализма — пусть растет, что может расти. Разные расы. Разные народы. Разные культуры. Разные общества. И ничего универсального, обязательного для всех. И ничего «самого лучшего» и «единственно верного». На тропе войны победы для США не будет. Выигрыши частных сражений еще ничего не значат. Надо видеть: не менее быстро, чем темпы глобализации, растут ряды антиглобалистов. В том числе внутри «золотого миллиарда». И они объединятся с «остальным миром» рано или поздно. Это надо бы понять.

Вообще, я думаю, человечество ждет появление труда (не важно, научного или художественного) с названием «Мир и война». Его отличие от произведения Л. Н. Толстого могло бы заключаться в том, что на первом плане были бы люди, живущие не в обстановке войны с мечтами о мире, а люди, живущие и страдающие в условиях мира, которых война не коснулась, которые не знают, что это такое, которые **не являются героями**. Жизнь **негероических** людей — возможно ли это когда-нибудь? В принципе, наверное, да. Неслучайно же в Севильской декларации о насилии (Перу, 1986 год), написанной учеными из раз-

ных стран мира, справедливо говорится о том, что война не обусловлена генами, «неуравновешенностью сознания», «человеческой натуры» или «инстинктов», а является **социальным изобретением**; при этом **«род, который изобрел войну, способен изобрести мир»**.

В философии уже давно не отождествляют силу с насилием. Складывается интеллектуальная традиция ненасилия (Ганди, М. Л. Кинг и др.). В рамках философии политики вырабатывается взгляд, согласно которому сотрудничество с населением является более существенным и важным для политической власти, чем даже легитимное насилие, не говоря уж о насилии незаконном. Уже почти восемь лет ЮНЕСКО реализует программу «Культура мира» (ее автор Ф. Майор, бывший Генеральный директор ЮНЕСКО), смысл которой состоит в том, чтобы заменить «культуру» войны культурой мира[1].

Сознавая все это, «остальной мир», Россия, как его часть, должны объединяться. Запад должен чувствовать силу противостояния и противодействия, ясно видеть **границы и пределы** своих национальных и глобализаторских интересов, своего нахальства. Внутри «остального мира» должны существовать Союзы, Договоры, Пакты и разного рода политические и военные организации, усмиряющие амбиции НАТО, за чьей спиной маячит фигура США. Не объявленная, но идущая мировая война нового типа имеет своей целью не просто завоевание географических пространств, сырьевых ресурсов, рынка товаров и рабочей силы, а завоевание такого господствующего положения в мире, которое позволит переопределить, **перенацелить эволюцию** всего человечества на основе «новых» западных ценностей, которые не по вкусу многим. Это война не на годы и десятилетия. Это война на века. Пока мы находимся в самом ее начале. Мне кажется, что многое еще можно поправить.

[1] В Московской гуманитарно-социальной академии, ректором которой я имею честь быть, действует созданный при участии Ф. Майора Международный институт «Молодежь за культуру мира и демократии». Я являюсь его директором. Осенью 1999 года наш вуз провозгласил свою территорию первой на планете Земля «Территорией культуры мира», что засвидетельствовали своими подписями присутствовавшие на данной церемонии Генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор и мэр г. Москвы Ю. М. Лужков.

О ВИНОВНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТЕРРОРИСТОВ

Терроризм, хоть внутренний, хоть международный, является преступлением. Отнесение актов терроризма к уголовным деяниям в полной мере справедливо. Террорист, будь то физическое лицо или организация, в том случае, когда его вина доказана, осуждается, наказывается вплоть до физического уничтожения.

Такой подход действует, пока речь идет о терроризме. И практически перестает действовать, когда это касается террора. Известны случаи привлечения к ответственности лидеров некоторых государств за репрессии в отношении своих народов. На нашей памяти неудавшаяся попытка привлечь к суду чилийского диктатора Пиночета. Препровожден в Международный трибунал бывший президент Югославии С. Милошевич за якобы осуществлявшийся им геноцид в отношении албанцев. Не год и не два в России муссировалась идея о привлечении Б. Ельцина к ответственности за развал страны и связанные с этим трагические последствия для миллионов российских граждан.

Разговор сейчас, однако, не о конкретных лицах и фактах, а опять-таки о терроре и терроризме как явлениях.

Помню, в газете говорилось о том, что один офицер Российской армии на танке приехал к управе какого-то небольшого городка и стал угрожать, что если ему не выдадут зарплату, которую он не получал почти полгода, то он будет стрелять. Эти действия были расценены как терроризм, и офицер получил срок. Но на этот поступок его толкнула крайняя нужда: ему нечем было кормить семью. Подобных этому случаев множество. В каждом из них определяется мера виновности совершившего уголовно наказуемое деяние и следует наказание. Ибо есть закон, в котором расписано, кому за что сколько положено.

Но вот под предводительством верховного правителя его «команда» за восемь лет развалила огромную и сильную державу, нанеся ей ущерб больший, чем в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Чья в том вина? Говорят, нет в этом ничьей вины. Ибо «хотели как лучше...» По моим понятиям, в течение почти всех этих лет в России со стороны власти, госу-

дарства осуществлялся идеологический и административный террор. А на взгляд «сверху», все происшедшее со страной — неизбежные издержки, цена реформ, следствие ошибок в политике, которые также неизбежны. И даже если признать происшедшее государственным террором, который имеет **всеобщее** значение, то все равно его надо понимать как социально-политический фактор действительности. В то время как терроризм считается явлением уголовно-правового свойства, хотя его последствия имеют **узкоместное** значение. Разве сравнить последствия двух актов: офицер на танке у городской управы и расстрел российского парламента в Белом доме по приказу главы государства? Расстрел парламента был актом самого настоящего террора. Можно сказать, внутреннего характера. А я бы сказал, что это был теракт международного значения, что нетрудно доказать. Кто виноват? Кто наказан? Никто. На этот счет никаких законов нет. Там, где господствует сила, право заканчивается. Так было и есть. Но должно ли так быть? Может ли это продолжаться бесконечно?

Перейдем к международному масштабу терроризма в чистом виде. Выше было показано, что США и их союзники с помощью созданного ими организационного механизма, включающего не только правительства развитых стран, но и сеть международных финансовых, экономических и военно-политических структур (МВФ, МБ, ВТО, НАТО и т. п.), а также новые средства ведения необъявленной войны нового типа (в частности, глобализации), осуществляют международный террор, жертвами которого становятся целые страны с их экономиками, культурой, населением. Возникает ли вопрос о вине за последствия таких действий? У многих. Но не у тех, кто осуществляет террор.

Можно ли употреблять выражения «государство-террорист», «государство-вор», «государство-убийца», «государство-преступник»? Говорят, только в качестве эпитета, литературного образа, но никак не в научном, тем более правовом смысле. Наверное, это и в самом деле так. Как может государство — сложнейшая по своему устройству организация, которую обслуживают миллионы чиновников различных рангов, — угонять самолеты, взрывать здания и т. п.? Это могут делать только конкретные физические лица.

Во всех этих словосочетаниях есть немалая натяжка. Но смысл в них все же есть.

Абсурдно обвинять в преступлении какой-либо народ в целом. Немецкий — за то, что Германия, Гитлер развязали Вторую мировую войну. Советский народ — за то, скажем, что были введены войска в Чехословакию. Американский — за то, что правительство США насильно устанавливает «новый мировой порядок». В правовом отношении — абсурдно. Но вот факт: согласно опросам, сегодня 92% американцев одобряют действия Буша на международной арене. Когда не правы все, то все правы? Когда виноваты все, то не виноват никто? Когда нет вины и виноватых, то кого и за что судить?..

И все же, все же!.. Разве нельзя поставить вопрос о **политической виновности** американцев? Ведь это они, свободные люди свободной страны, раз за разом избирают себе президентов, которые при всех кажущихся различиях во внешней политике гнут одну и ту же линию: «Америка — превыше всего! Америка должна лидировать и управлять миром!»

Несправедливость многого из происходящего в этом мире очевидна. Как очевидно и то, что происходит это не само собой, а делается умышленно, целенаправленно. Даже чисто юридически, с точки зрения международного права, в рамках разного рода договоров, соглашений, конвенций и т. п. обязательств, не говоря уж о нравственных ограничениях, США и их союзники должны следовать своему **долгу**, исполнять свои договора и обязательства. Они же по своему произволу, когда хотят, нарушают, а то и вовсе игнорируют их. Но именно в этот момент — в момент нарушения международных обязанностей и требований и возникает понятие **вины** и следующей за ней **ответственности**. Увы!.. Право, как высокая идея людей, которые хотят установить некоторые ограничения злу в своих делах и поступках, гарантируется тоже только силой. Во всяком случае, так было всегда, так есть и сейчас. Сила права попирается правом силы. Сила сегодня на стороне США и их союзников. Они сами устанавливают себе законы или объявляют законным то, что делают. Но это не есть истинное право, которое достигается не оружием, а только через переговоры и постепенное методическое продвижение к истине. Где нет истины, там нет и подлинного права, нет справедливости.

Американцы умудрились нажить себе в мире такое количество врагов, что от сознания этого, мне кажется, можно прийти в ужас. От каждого американца так и пышет самодовольством, чувством превосходства. Порой кажется, что на лице у многих написано: «Я — Америка!» Американский образ жизни породил удивительный феномен, граждане этой страны стали слишком ее идеализировать, обожествлять. Конечно, невозможно говорить о народе как о монолите, как о чем-то целом, ибо он делится на единицы — индивидов, личностей, тем не менее сегодня Америка — это некая целостность: в том, что касается взгляда на Америку и ее роль в мире, сознание и чувства американцев сливаются почти воедино. Американцы, как когда-то советские люди, чрезвычайно, чрезмерно патриотичны. С одной стороны, это хорошо. Патриотизм — это сила. Но если Америка в своей политике ошибается, если она творит международный террор, а американцы этого не понимают или, хуже того, не желают понимать, это их ошибка, а **ошибка — это вина**. И тогда встает вопрос о чем-то вроде **моральной коллективной ответственности**.

К чему я клоню?

Чтобы вершить суд с точки зрения своих представлений о международном праве, Запад, и прежде всего США, сделали все, чтобы создать, и создали, Международный трибунал, который размещен в Гааге.

Не пора ли подумать о том, чтобы теперь создать мирской (общественный) **Международный независимый трибунал**, в котором рассматривались бы вопросы не юридического, а политического, морального, метафизического плана? Это мог бы быть суд совсем необычный, ибо судьями там могли бы стать выдающиеся умы и нравственные авторитеты различных стран; ибо там рассматривались бы совсем необычные дела, по поводу которых с точки зрения права сегодня невозможно сказать ничего (взять тот же международный террор в различных его направлениях и формах); ибо это были бы совсем необычные судебные решения и приговоры в форме книг, фильмов, спектаклей и т. п.

Почему бы с такой инициативой не выступить России? Почему бы этот трибунал не расположить в Москве? Это логично не только по существу: Россия — одна из самых миролюбивых стран,

а русские — один из самых миролюбивых народов мира. Это оправданно и исторически. Ведь прежде чем идеологию ненасилия стал обосновывать Ганди, прежде чем под опекой Ф. Майора родился проект ЮНЕСКО «За культуру мира и демократии», была первая в истории человечества идея **русского царя Николая II**, который в конце XIX века обратился к странам и народам с призывом решать конфликты **ненасильственными методами**, созвать первую в истории Международную мирную конференцию. В мае 1999 года повсеместно отмечалось 100-летие Гаагского призыва к миру. Исторические инициативы России остались в тени. В частности, и предложение Николая II создать **постоянно действующий орган** по предотвращению войны и мирного урегулирования конфликтов. России гораздо выгоднее напомнить о себе именно в этом плане, чем ввязываться в бесперспективную войну с международным терроризмом на стороне США, ибо эта борьба рано или поздно упрется в саму Америку как главный источник этого зла.

Главный смысл всего проекта по созданию Международного независимого трибунала — **очищение человечества** от груза старых мифов, фобий, подходов и методов в разрешении конфликтов разного масштаба и разных уровней, постепенное изжитие «культуры» войны и насилия всех форм с целью замены их Культурой мира. Этот момент не наступит сам собой, если этому не поспособствовать. Уяснение вины и ответственности за все случившееся и происходящее с человечеством есть в то же время и уяснение путей построения новой жизни. Это помогло бы человечеству обрести надежду на лучший исход той конфликтной и опасной ситуации, которая сложилась в современном мире.

Ильинский И. М. О терроре и терроризме. М., 2001.

МИР — ЭТО ВОЙНА

Когда я читаю рассуждения некоторых западных политиков о России, у меня возникает одна и та же мысль: они что, считают нас круглыми идиотами, которые не знают истории, не способны понимать не только их двойные, но и тройные стандарты?

Вот сюжет об отношении США к России. Бывший британский посол в Москве Р. Лэйн уверяет, что «считать, будто Америка угрожает России, абсурдно и смехотворно»[1]. В буквальном смысле и в данный момент — может быть. Но в принципе — несомненно угрожает. Ныне и в дальнейшем — как никогда прежде.

Ведь это конгресс США недавно учредил награду «За победу в холодной войне». Ведь это конгресс США недавно принял закон (!) «О демократии в России», выделяет многие десятки миллионов долларов на поддержку неправительственных организаций, среди которых есть и откровенные недоброжелатели России. Ведь это бывший госсекретарь США М. Олбрайт возглавляет одну из таких организаций под названием «Национальный демократический институт». С ее помощью в разные времена на американские деньги были созданы молодежная организация «Отпор» в Югославии, молодежные движения «Хватит!» — в Грузии, «Пора!» — на Украине, ставшие горючим материалом «цветных революций» в этих, а также в других странах, где они сорвались, — в Белоруссии, Узбекистане. Эта же организация активно работает в России. Зачем? Понятно. О продвижении НАТО на Восток, об установке ПРО в Европе и множестве других фактах не говорю.

[1] Московский комсомолец. 2007. 27 февраля.

В 2006 году я опубликовал книгу под названием «Главный противник», в которой собраны некогда сверхсекретные документы стратегии и внешней политики США 1945–1950 годов, связанные с первым этапом холодной войны. Из этих документов явствует, сколь скрупулезно продумывались планы холодной войны. Она рассматривалась властями и спецорганами США (в отличие от властей СССР) как «**настоящая** война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира» и которая «требует от всех нас находчивости, **жертвенности и единства**...» Сегодня говорят, что период после окончания Второй мировой войны — это небывало большой этап мирной жизни на планете. А ведь на самом-то деле все эти годы шла «настоящая война». СССР и его союзники проиграли ее не только в силу разного рода внутренних противоречий, скудоумия, безволия и продажности верхов, но и в результате трагического непонимания, что это — не игра в слова, а именно настоящая война, которая выигравшей стороной и не останавливалась, продолжается и поныне.

Людей типа Ельцина и его завлабовской команды история ничему не научила. В. Путин, судя по отдельным оговоркам, понял суть Происходящего давным-давно. Но публично, внятно и в полный голос высказался только на Международной конференции по безопасности в феврале 2007 года в Мюнхене. Молодец! И я воспринял его речь вовсе не как воинственную и угрожающую, а как страстный призыв к честной политике и справедливому миру.

Да, в последние годы уже сделано кое-что для укрепления Российской армии и ее военно-технического оснащения. Надо идти дальше. Мы должны иметь сильную армию. А как иначе? Еще Наполеон заметил: «Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре вынужден будет кормить чужую». В данном случае — американскую, натовскую. Не надо рассказывать нам сказки о том, что расширение НАТО на Восток, размещение ПРО в Европе — в интересах России. И навязывать нам мысль, как это делает Р. Лэйн, о том, что «Российская армия как угроза для Запада исчезла навсегда», тоже не надо. Нам и в самом деле не до захватнических войн: свою бы территорию обжить, свой бы народ облагополучить. В этом смысле — Россия не угроза для Запада.

Однако когда г-н Лэйн говорит, что не верит в экономический суверенитет и возможности какой-либо страны создать самодостаточную экономику, он сильно лукавит. Самодостаточной экономики не может иметь — и чем дальше, тем в большей мере — ни одна из стран Европы. Это верно. Кроме России. Ибо ее ресурсный потенциал уникален, огромен, но пока не реализован. В принципе, Россия может создать самодостаточную экономику, в том числе и все мыслимые высокие технологии. И обойтись при этом без так называемых развитых стран. Сроки, трудности — это другой вопрос. Но — может. А вот Европа, да и США в перспективе без российских сырьевых, энергетических и других ресурсов, без использования ее географических пространств — не смогут. Поэтому-то и кипят такие страсти вокруг Энергетической хартии, поэтому-то руки Запада так и тянутся в сторону России. Страна, богатая природными ресурсами, обречена на зависть и нападение со стороны тех, у кого этих ресурсов нет. Над Россией веками висит ресурсное проклятие. Оно тем более велико в XXI веке, когда стало ясно, что многие невозобновимые сырьевые материалы планеты на исходе.

И тут набирающая силы «большая армия России» — кость в горле и большое препятствие на пути желаний западных «несуверенов». Ведь это только Америке можно иметь ныне немыслимо огромную армию с ежегодным бюджетом в полтриллиона долларов. Зачем же? Для борьбы с международным терроризмом? Да нет: США очень хочется иметь эту самую «самодостаточную, суверенную экономику», жить сытно и спокойно и в ту уже не столь далекую пору, когда скудеющих сырьевых запасов на планете на всех не хватит. «Все народы и страны — равны,— декларирует Америка. Но... некоторые все же равнее...» Поэтому-то новый министр обороны США Р. Гейтс и заявляет о возможности использования американских войск против «больших армий», к числу которых относится и армия России. Для многих такое заявление звучит фантастично и кажется невероятным. Слова Гейтса можно назвать, что и делает г-н Лэйн, «не особо умными», а я бы сказал более определенно — глупыми. В том смысле, что вслух о таких вещах вообще-то не говорят. Но ведь сегодня США — страна распоясавшаяся, страна-хулиган, делающая все так, как ей заблаго-

рассудится. Получается, что свои намерения Администрация США даже скрывать не хочет, открыто, на виду у всего мира грозит пальчиком: «Российские парни, не шалите!.. Встаньте в строй, на левый фланг...»

Ну а о том, что на самом деле думает Америка, определено ею давным-давно, еще в 1948 году, в документе Совета национальной безопасности США 20/1 под названием «Цели США в отношении России». Цитирую: «Прежде всего, стоит отметить, что **вне зависимости от идеологической основы** любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться **идеалов либерализма и демократии**, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше. То есть даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально **дружественным** по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее:

а) отсутствие у подобного режима большой военной мощи;

б) его сильную экономическую зависимость от внешнего мира;

в) соблюдение им прав национальных меньшинств;

г) отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него **унизительным**. Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире»[1].

Для людей, стремящихся к пониманию, ясно все. От их имени и говорил В. В. Путин в Мюнхене. Но г-ну Лэйну, который считает, что ныне отношения России с Западом хуже, чем когда-либо за последние двадцать лет, хотелось бы, видимо, чтобы в России, как это было при Ельцине, по-прежнему сидели тысячи американских «советников» (разведчиков), чтобы министры российского правительства и депутаты Госдумы летали в Вашингтон для согласования принимаемых законов и решений. Видимо, это имеет

[1] Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1955 гг./сост. и автор вступ. ст. И. М. Ильинский. М., 2006. С. 202–203.

в виду г-н Лэйн, когда говорит, что демократия в России, еще не успев зародиться, уже увяла...

К рассуждениям и прогнозам по поводу России западных политиков, и особенно англичан, вообще надо относиться с предельной осторожностью. Это сегодня главный противник России — США. А в XIX веке в этой роли выступала Великобритания. Известна ее роль в развязывании Первой мировой войны. Известно, что У. Черчилль был главным вдохновителем нападения Антанты на Советы, одним из главных организаторов Гражданской войны. В июле 1919 года на сделанный в английском парламенте запрос Черчилль, бывший тогда военным министром, дал следующее разъяснение: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина... Я отвечу парламенту с полной откровенностью. Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом постыдном договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего.

...Они образовали армию **по нашему наущению** и, без сомнения, в значительной степени **на наши деньги**. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как, если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду»[1].

Российскому, да и британскому населению практически неизвестно то обстоятельство, что по распоряжению премьер-министра У. Черчилля в марте-апреле 1945 года, т. е. в тот момент, когда СССР и Великобритания еще были союзниками в борьбе с Гитлером, этот «союзник» дал своим военным задание подготовить план третьей мировой войны против СССР в союзе с США и остатками фашистских войск. Такой план под кодовым названием «Немыслимое» был представлен Черчиллю в окончательном виде 22 мая 1945 года. Третью мировую войну предполагалось начать 1 июля 1945 года. Этого не произошло по двум причинам.

Первая — об этом плане стало известно Сталину, и он, дабы показать «союзникам», полагавшим, будто мощь Советской армии на исходе, приказал любой ценой и в кратчайшие сроки взять штур-

[1] Times. 1999. 30 июля. Цит. по: Бобков Ф. Д. Последние двадцать лет. Записки начальника политической контрразведки. М., 2006. С. 17.

мом Берлин. И мы водрузили Знамя Победы над Рейхстагом. Это произвело на «союзников» огромное впечатление. Генштаб доложил, что силы Советской армии превосходят силы «союзников» и быстрой победы им не видать, а проиграть войну — вероятно из-за «усталости и безразличия американцев», силы которых «оттянет магнит войны на Тихом океане». Это и есть вторая причина.

Речь идет о том, что, согласно ялтинским соглашениям, после победы над Германией СССР брал на себя обязательство объявить войну Японии, которая воевала против США. Война на два фронта (с Японией и СССР) грозила Америке потерями **около миллиона** солдат только на Тихоокеанском фронте. Для американцев, потерявших за всю Вторую мировую войну около 350 тыс. солдат, это было неприемлемо. Трумэн отказался от участия в затее Черчилля. Надо заметить, что план «Немыслимое» был отправлен в архив только 10 июня 1945 года.

Этот документ оставался совершенно секретным и был опубликован по требованию общественности, до которой доходили слухи о его существовании, лишь в 1998 году. Однако и в России, и в других странах, и в самой Великобритании о нем знают единицы специалистов и практически никто — из политиков и государственных деятелей. А ведь это документ в сущности своей предательский, говорящий о том, что во внешней политике абсолютно недопустимы разговоры о «вечной дружбе между народами», а тем более — высшими руководителями («друг Буш», «друг Коль» и т. п.).

Ныне отношения Великобритании и США определяются словом «особые». Это действительно так: Великобритания — это охотничий пес, выполняющий любые команды своего хозяина. Вот и вся «особость». Естественно поэтому, что подавляющее большинство политиков и дипломатов Великобритании, как действующих, так и отставных, поют американские песни на американский манер.

Можно полагать, конечно, как это предлагает нам г-н Лэйн, будто нынешний министр обороны Гейтс «всего лишь говорил о возможностях, к которым должно быть готово министерство обороны, и назвал три страны, которые могут стать проблемными» (на самом деле он назвал четыре: Россия, Китай, Северная Корея, Иран, добавив «или где-то еще». — *И. И.*). Но почему бы по той же логике (гипотетически) не строить свою внешнюю политику тем

же России, Китаю, Ирану «или кому-то еще»?! История в огромной степени является вовсе не проявлением неких объективных социальных законов, которые, конечно, дают себя знать, но чаще всего тайных планов и сговоров, о которых мы узнаем через десятилетия, а то и столетия. Но если это так, то надо быть идиотом, чтобы не делать из этого факта соответствующих выводов.

Более того, тайными являются всегда только злые замыслы, авторы которых (высшие правители), как привило, по определению не считают их злыми изначально, искренне полагают, что в конечном счете их деяния принесут мир и благо уж если не всему человечеству, то хотя бы их народу. Беда в том, что по преимуществу эти люди не наделены ни выдающимся умом, ни особыми знаниями. Напротив, сплошь и рядом — это «серые мыши», принимающие свои **полномочия** и возможности воздействовать на ход истории и конкретные ситуации, которыми они наделяются, находясь в роли царей, королей, президентов, премьеров и министров, **за свои способности** находить истину. На самом деле, как это было, например, в России — с Горбачевым и Ельциным или в США — с Рейганом, Клинтоном и двумя Бушами (перечень имен можно продолжать до бесконечности), они постоянно совершали одну за другой бесконечные ошибки, многие из которых носят трагический характер.

Человек не может не заблуждаться, не ошибаться. Между нашим пониманием мира и реальностью всегда существует пространство еще не понятого. Наше понимание мира страдает фундаментальными изъянами. Но беда человечества от этого не была бы слишком большой, если бы в наших головах присутствовала эта истина: мы не можем не ошибаться, а значит, никому — ни гению-ученому, ни гению-политику — истина не принадлежит в абсолюте. Своей мыслью мы лишь движемся к ней ступень за ступенью. Мы поступаем так, как понимаем. Соблазн для политика сказать «я понял!» и принять решение — всегда огромен. Но именно это право — право принять решение — заколдовывает его ум и не дает возможности продвинуться к следующей ступени понимания, а следовательно, принимать более правильные решения. Принято считать, что ученый должен думать, а политик — решать. Но когда политик не обременен страстью думать и способностью

мыслить масштабно, целостно, понимать суть вещей, мы получаем в итоге ту реальность, в которой немногие жируют, а подавляющее большинство не живет, а мучается.

В результате фантастических умственных и финансовых затрат, человеческой энергии мы создали мир хаоса, абсурда и насилия. В этом мире множество фундаментальных понятий в реальности переопределилось с плюса на минус, но мы употребляем их в старом смысле, и от этого ум и психика людей уже свихнулись. Говорят, что в России уже сейчас 30% населения имеют психические отклонения, а вскоре эта цифра достигнет значения 50%.

Вспомним лозунги Оруэлла из его некогда казавшейся фантастической книги «1984», его философское «69», где все наоборот...

«Война — это мир...» Зачем бомбили американцы Югославию, Афганистан, Ирак, зачем пришли в него сегодня и собираются бомбить Иран? Ради мира во всем мире. А что имеем?..

«Свобода — это рабство»; «незнание — это сила»; «министерство любви», которое заведует пытками; «министерство изобилия», которое борется с голодом; «министерство правды», которое занимается дезинформацией населения... Все это списано с некогда существовавшей реальности, но было во многом домыслено, преувеличено и еще недавно выглядело фантасмогорично. А ныне — это наша повседневная реальность, которую мы отказываемся воспринимать именно таковой, какой она является по существу. Ну кто согласится с тем, что мы сегодня живем на войне? Очень немногие из мыслящих. Но ведь это — факт. Война на улицах, война в городах, война внутри стран, война между странами. Война в умах и душах людей. Война постепенно вошла в нашу жизнь и стала повседневностью.

Или вот еще... Некогда социалистическая Россия ныне усиленно строит капитализм, добросовестно срисовывая его образ с американского капитализма... В то же время один из отцов либерализма и рыночной экономики американский профессор М. Фридман сетует на то, что в США строят самый настоящий социализм...

Или: на Конференции ООН 1992 года, в которой участвовали около 150 стран, в том числе США и Россия, руководители этих

стран поставили свои подписи под документом «Повестка дня на XXI век». В нем был сделан вывод, что прежняя и ныне действующая парадигма развития человечества («капитализм») полностью исчерпала себя и необходимо перейти на новый путь — путь устойчивого развития. Там же было сказано: или спасемся все, или погибнем все. «Титаник» человечества идет ко дну, но в трюмах и на верхней палубе — веселуха!.. А еще и «каюта» на «каюту» войной идут...

Человек — существо внушаемое, им легко манипулировать. Когда «оттуда» нам говорят: «Россия сгинула и — навсегда», «Россия — черная дыра», «В России нет сильной армии и никогда не будет» и т. п., надо понимать: в мире идет психологическая война, в которой с помощью СМИ и Интернета с российским народом и его властью проводится грандиозный сеанс гипноза, программирования их сознания, зомбирования. Нам внушаются определенные психологические установки по поводу настоящего и будущего России, которые определяют поведение людей... Это все не сказки и не шутки. Это — именно самая «настоящая война», которая, если воспользоваться текстом американского документа NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США», развивающего положения документа № 20/1 от 18 августа 1948 года, требует от российского народа полного понимания этого факта, находчивости, жертвенности и единства, диктуемых суровостью ситуации, сложившейся в мире и в России. Кроме того, необходимо, чтобы Совет безопасности РФ стал тем штабом, который имел бы ясную философию, программу и планы противостояния в этой войне, координировал деятельность всех министерств и спецслужб по обеспечению национальной безопасности нашей страны.

Реалистически мыслящие люди в России и других странах, способные понимать суть вещей, должны осознать: «Рычаги управления сильнейшей державой на Земле оказались в руках экстремистов, которые руководствуются постулатом примитивной формы социального дарвинизма: жизнь — это борьба за выживание, а главный инструмент в борьбе за выживание — сила. Это извращенное мировоззрение»[1]. Это не мои мысли, хотя я полностью согласен с ними. Это слова американского мультимилли-

[1] Мыльный пузырь американского превосходства. URL: http:\\ www.bizbook.ru

ардера Джорджа Сороса — человека весьма прагматичного и циничного, но умного, написавшего в 2004 году книгу с символическим названием «Мыльный пузырь американского превосходства». К этим словам необходимо отнестись серьезно.

Погоня США за превосходством в мире — это опасный путь, заблуждение. Ирак стал еще одним моментом истины в этом вопросе. В мире многие считают США очагом науки и прогресса. На самом деле руководство этой страны застряло своими мозгами в XIX веке, исповедует социальный дарвинизм («выживает сильнейший»), рыночный фундаментализм и марксистскую идею (как это ни парадоксально!) о первичности материи и вторичности сознания, а также материальном базисе, который определяет духовную и идеологическую надстройку.

История показала, что эти истины далеки от абсолюта. А это значит, что в основе внешней политики США, основанной на силе, лежат ложные представления. Но строить иллюзии по поводу того, что новый президент США и его администрация резко изменят эту политику, не стоит. Взгляды демократов столь же искажены и предвзяты, как и миропонимание республиканцев: все они — выпускники одних и тех же колледжей и университетов, ученики одних и тех же профессоров, их сознание наполнено одними и теми же догмами, стереотипами, мифами.

Но если США не станут строить иную внешнюю политику, то России и всем другим странам, которые не хотят быть под американским каблуком, не остается ничего иного, как строить свою линию обороны, крепить военную мощь и т. п. Так США запускают в ход самораскручивающийся процесс гонки вооружений, международного терроризма, региональных военных конфликтов, которые в любой момент могут перерасти в «горячую» мировую войну, в которой без ядерного оружия не обойтись...

Из брошюры: Ильинский И. М. Мир — это война. М., 2007.

ТИХАЯ ХОЛОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА[1]

Очень важен всегда в любой работе, в любом рассуждении исходный тезис, потому что все остальное обустраивается в соответствии с этой установкой. Скажем, установка о том, что нет цели для войны, мне кажется, глубоко ошибочна.

Вот книжка, которую я издал. Я извиняюсь, что я уже в который раз членам клуба цитирую, но здесь присутствуют люди, которые не знают об этом. «Главный противник». Это секретные документы по внешней политике и стратегии США 1945–1950 годов. Здесь есть такой документ, доктрина: «Цели США в отношении России». Цели. А дальше излагаются цели. Не в этом документе, а в другом говорится о том, что достижение целей не имеет временных границ для США, они не ставят задачу к 7 ноября или к 1 января какого-то года достичь этих целей. Они формулируют эти цели на перспективу и разыгрывают разные варианты достижения этих целей.

В этом документе «Цели США в отношении России» говорится следующее: «Прежде всего, стоит отметить, что вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем говорилось выше, т. е. даже если установившийся режим будет не коммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее: а) отсутствие у подобного режима большой военной мощи; б) его сильную экономическую зависи-

[1] Из заключительного слова на 18-м заседании Русского интеллектуального клуба, 23 апреля 2008 года.

мость от внешнего мира; в) соблюдение им прав национальных меньшинств (есть раздел целый по раздроблению — Украина, Прибалтика, Кавказ); г) отсутствие попыток установить подобие „железного занавеса“ при контактах с внешним миром. Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественном по отношению к нам, то мы без сомнения должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным (чтобы не совсем обидно было). Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить (здесь не говорится, как, каким образом) за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире».

В документе, который был принят после того, как Трумэн покинул президентский пост, немножко были переформулированы эти цели, чуть-чуть уточнены. Есть очень важная фраза: «Успех предлагаемой программы (там то же самое) полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира».

Итак, цели есть. Они никуда не исчезли. Говорят, что холодная война закончилась, но если мыслить так, как нам предлагают мыслить, то на самом деле закончилась. Об этом Буш снова говорил. А вот если мыслить так, как предлагает Игнат Семенович, то надо понимать так, что в определенный момент истории эта самая холодная война и стала происходить на основе новой концепции войны. Потому что все цели-то вот эти уже достигнуты. Здесь есть глава «Целостность или раздробленность». Про Украину здесь 3,5 страницы текста: и что это не нация, и язык — это деревенский говорок, много чего наговорено про Украину. Но надо бы сделать так, чтобы Украина была самостоятельной. Про Прибалтику вообще никаких разговоров нет. Надо бы что-то делать на Кавказе. 1948–1950 годы.

А что происходит сегодня? И мы говорим, что у них нет цели? Вот они цели, и они реализуются.

Если говорить об инструментах современной войны, я считаю, что главный инструмент этой войны нового типа — это глобализация. Да, в основу этого геополитического проекта, по существу,

положены некие объективные закономерности, та же самая интернационализация, которая начиналась бог его знает когда. Дружить надо, границы надо открывать, надо сотрудничать, взаимодействовать на фоне глобальных проблем, перенаселения, неправильного распределения населения и т. д. Тут масса проблем, которые побуждают к этому, и экономические проблемы. Отличный инструмент придуман! Но кто сказал, что глобализация должна происходить в таких бешеных темпах?

Тот, кто занимается этой проблемой, знает, что есть разные точки зрения, когда возникают понятия, кто автор этого слова, понятия и т. д. и т. п. Но кто сказал, что она должна идти такими бешенными темпами? И почему к нам прежде всего обращено? Не только к нам, конечно, но и к нам. А почему с нашей стороны такое бешенное стремление — ВТО, Болонский, любой процесс, куда нас только зовут, мы бежим, не понимая тех последствий, негативных прежде всего, для наших национальных интересов, которые вытекают из этого стремления.

Буквально на днях на телевидении появилось новая тема голода. На самом деле такая проблема существует. И Римский клуб об этом писал, и Маркес еще об этом писал. Вспомните теорию. На самом деле знаем, сколько народа голодает и недоедает, в том числе и в России. Но у всего есть мера. А я рассматриваю это как инструмент. Сейчас запускается в общественное сознание эта страшная тема. А дальше (я уже вижу) рисуются стрелки. Я это видел, на экране было. Голодающий Китай, в котором масса проблем. Там есть свои достижения. Я бывал в Китае. Я не китаист, но знаю многих выдающихся китаистов, в том числе и директора института, и посла знаю, и бывал там, и поездил по стране. Конечно, угроза реальная. Демографический выброс уже начался. Это не страшилка. Ноздратенко, который был в Хабаровском крае губернатором, рассказывал реальные картинки того, что происходит реально, как губернатор, и что ему приходилось делать там для того, чтобы как-то сдержать этот процесс.

Я не думаю, что на самом деле Америка подружится с Китаем против России. Вероятнее всего обратный сценарий. Но тут все будет зависеть от наших властей, как наша внешняя политика будет строится в отношении этой страны.

Я не могу подробно останавливаться на всех проблемах. Дальше тема: образование и молодежь. Я вчера имел беседу с одним из заместителей Рособрнадзора. Мы сидели часа полтора, беседовали о проблемах третьего поколения госстандартов. С ума сойти можно! Причем это человек погруженный и понимающий по существу. Он говорит: что-то происходит невозможное, я в контексте всего этого происходящего — или надо плюнуть и уйти, или надо изнутри хоть что-то пытаться делать. И человек этот остается. Я его не называю по соображениям его безопасности.

После этой беседы я ужинал с одним из руководителей холдинга, крупного, с большим оборотом, миллиардами в рублях и примерно миллиардным оборотом в долларах. Он рассказывал, рисовал некие картинки для меня, он также с пониманием говорил, с болью какой-то: что происходит? Есть компания 400 человек, он на вершине сидит, отвечает за одно из основных направлений. Пацаны 22–23–25 лет, максимум 35 лет — минимальная зарплата 60 тыс., а дальше плюс 5 тыс., 10–20–30–40, миллион в год! Что делают? Земли, какие-то инвестиции. Он сам говорит: я с ужасом смотрю. Это амбициозные ребята, которые не умеют ничего делать. Работы никакой, прожирают огромные деньги. Не знаю, как обозвать вот это сообщество. Но оно не единственное и не самое крупное.

Это характеристики общества, которые происходят. Этим ребятам «по барабану» Русь и Россия, большинству из них. Они ориентированы на одно — деньги. У них листок — резюме, от 22 лет до 30 они успели поменять множество мест работы, они нарабатывают резюме. Он поработал там 3 месяца, там 4 месяца, тут 5 месяцев, а потом говорит: видите, какой я опытный, как много я знаю, вот моя претензия — 0,5 млн долл. в год, не меньше, плюс бонусы всякие.

Я не знаю, как будет развиваться наше общество дальше, потому что, с одной стороны, как сказал Андрей Ильич, просвещенный патриотизм, очень близкий моему сердцу и сердцам всех других людей здесь присутствующих, потому что наконец хоть выговорены, хоть вербально, но произнесено. Между прочим, уже начинает что-то отстраиваться, уже какие-то ориентиры для людей, которые в бизнесе, в творческой сфере, они начинают понимать, что есть наверху что-то такое.

А с другой стороны, коррупция как была, так и есть. И не ослабевает, а нарастает. Миллиардеры растут с невероятной скоростью, уже за 100 перевалило. Происходит то, о чем мы говорили. За счет кого все это происходит? За счет какого слоя? О каком среднем слое можно говорить? Как его можно сформировать, если его пожирают? И что происходит внизу? Бедные становятся еще бедней, нищие еще более нищими. Давайте теперь думать о том, чем все это закончится.

Мне кажется, что провоцируется, на уровне сознания уже идет тихая, холодная, внутренняя российская гражданская война. Потому что многие начинают понимать, что есть же пределы всему. Уже если на телевидении говорят о соотношении коэффициента 1:20, 1:25 до 30, в реальной жизни это примерно то, о чем вы тут говорили. И в 500, и в 600, и в 1000 раз больше. Это надо понимать, когда мы говорим о русском мире в глобальном мире.

У нас внутренние проблемы. Мы, как всегда, очень сильно способствуем глобальному миру в том, чтобы нас раздолбали. Это было во времена Советского Союза, когда генерал-майор Шершнев пытался своим генералам сказать о том, что это настоящая война, но другого типа, давайте переосмысливать все это дело. Ничего не происходит на самом деле. Игнат Семенович говорит об этом. Окопный вариант войны у всех. Если это война, то непременно пехота. Пехота приходит потом, когда уже война выиграна в сущности своей. Да и не надо ей приходить, потому что население уже думает в пользу того, кто его обрабатывает и обработал.

Я помню, был в Силиконовой долине — штаб-квартире Cisco Systems, которая отвечает за «железную» часть и частично за программы Интернет. Это было пять лет назад. Они говорили: мы только начинаем. Они создавали сеть академий, региональные, локальные. Я уже отстроил региональную академию. Они технику давали. Я сказал: а теперь давайте мы сделаем свои образовательные программы. Как только я им предложил, что мы будем программы делать, они сказали: не надо. Причем даже не сказали. Они, которые отвечали мгновенно: им факс — а они в ответ. Послание тут же приходит через день. Замерли. Один раз написал, второй раз написал, третий раз написал — до свидания, ребята, мы с вами расстались.

Мы только начинаем — так закончилось представление программ ведущих директоров этой Cisco Systems на конференции, которая проводилась ими по интернетизации мировой глобальной системы. Там сидели заместители министров, министры. От нас было два бывших министра образования. Делегация была семь человек. Два ректора. Я в том числе туда попал по знакомству с этой системой.

Поэтому — война. Это надо понимать, потому что мы на войне, в принципе мы на войне в реальном ее значении, потому что гибнут люди, мы теряем территорию, теряем ресурсы, мы теряем мозги, мышление, сознание людей. То, что достигалось путем листовок, вдалбливания и виселиц, — не надо этого. Мы видим, что происходит с нашими детьми, а тем более с нашими внуками. У меня, по крайней мере.

Да, поколение неоднородное. Есть часть потерянного, есть растерянного. Слава богу, это то, о чем говорил Валерий Андреевич, есть, наверное, в каждом вузе, но и у нас в вузе есть часть молодых людей, которые трезвым, взрослым, к счастью, будучи совсем молодыми людьми, очень взрослым взглядом смотрят на все, что происходит. Смотрят на нас, людей поживших, пожилых и старых: вы-то чего? Какую вы позицию занимаете? Что вы нам предлагаете? Они ждут.

Поэтому наши здесь разговоры, которые иногда кажутся некоторым бесплодными и бесполезными, я считаю важными. Мы как минимум в моральном плане должны быть честными перед собой. Мы в это время, когда все думали не так и не то или думали за них, мы думали сами, самостоятельно, мы искали истину, мы пытались понимать, мы понимали. И я думаю, мы понимаем. Здесь мы в этом кругу, может быть, в нюансах в чем-то расходимся, но в целом у нас есть область понимания и глубина понимания проблемы.

Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2.

ЛИНИЯ ФРОНТА В ВОЙНЕ С РОССИЕЙ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ УКРАИНУ[1]

Уважаемые коллеги!

Позвольте коснуться рассматриваемой проблемы в самом общем, если хотите, методологическом плане.

Но сначала две фразы в качестве своего рода эпиграфа: **«Чего мы не знаем, того мы не можем понять. Чего мы не понимаем, того мы никогда не можем достичь»**.

Например, мы многого не знаем и потому не понимаем **в реальных** замыслах политики США и Запада в отношении России и Украины, потому что большинство из них были прежде и в большинстве остаются **тайными** сегодня.

В 2006 году я организовал перевод и впервые издал на русском языке сборник документов под названием «Сдерживание. Документы внешней политики и стратегии США 1945–1950 гг.». Документы эти были опубликованы в США, но в СССР и в России, как это ни парадоксально, о них не знали даже специалисты — руководители КГБ-ФСБ, военных ведомств, МИД и т. д. В изданной мною книге под названием «Главный противник» изданы документы, касающиеся политики США в отношении только СССР и его союзников. Многое из тайного и совершенно непонятного в прошлом, в частности, в истории холодной войны стало понятным. В том числе и в происходящем ныне.

Многие считают, что холодная война закончилась с развалом СССР. До того, пока не прочитал американских документов, я думал так же. Но это, оказывается, совсем не так. Развал СССР

[1] Выступление на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ по теме «Состояние российско-украинских отношений и выполнение обязательств по Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», 1 апреля 2008 года.

был исключительно важной целью холодной войны, но целью промежуточной. Конечная цель холодной войны Запада и прежде всего США — **покорение и развал России**. А это значит, что холодная война с распадом СССР не завершилась и продолжается.

Далее я буду говорить языком американских документов, подтверждающих этот вывод.

Вот выдержка из документа Совета национальной безопасности 20/1 от 18 августа 1948 года под названием **«Цели США в отношении России»** (в те годы слова СССР и Россия часто употреблялись на Западе как синонимы. — *И. И.*). По сути дела, это был первый вариант программы холодной войны, обращенной в неопределенно далекое будущее. Как оказалось, в наши дни.

Цитирую: «...Перед нами по-прежнему стоит вопрос, что делать с *некоммунистической* властью, которая может быть установлена на части или на всей территории России как следствие **военных действий**.

Прежде всего, стоит отметить, что **вне зависимости от идеологической основы** любого **не**коммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше. То есть даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее:

а) Отсутствие у подобного режима большой военной мощи.

б) Его сильную экономическую зависимость от внешнего мира.

в) Соблюдение им прав национальных меньшинств.

г) Отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом **и дружественным** по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий **не было для него унизительным**...» (Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С. 202–203).

Скажут: «Но ведь *военных* действий США в отношении СССР не было!..» Отвечу: «Были». Да — в отличие от традиционной, «го-

рячей», война называлась холодной. Но надо, наконец, понять, во-первых, что это была, тем не менее, война, во-вторых, что с самого начала это была война **нового типа**; война, основанная на неизвестной нашей стороне тщательно продуманной, философски, теоретически и научно обоснованной **новой концепции**; война с гораздо более широким спектром средств и набором более тонких инструментов борьбы, в котором привычные методы, традиционные виды оружия (солдаты, ракеты, танки и т. п.), т. е. «окопная война», используются только в случае, если не сработали другие — «несмертельные» виды оружия: «экономические убийцы», психологическое и иные виды воздействия на население и отдельных людей.

Итак, холодная война никогда не прекращалась и продолжается.

Эту истину сознает ничтожно малое меньшинство людей в России и во всем мире. Обыватели, «народ», чиновничество всех рангов и категорий абсолютно не понимают этого до сих пор и не хотят понимать.

Но те люди, которые разрабатывали эти документы, прекрасно понимали всё 60 лет назад.

Позвольте привести цитату из следующего совсекретного документа Совета национальной безопасности США № 68 от 14 апреля 1950 года. В нем говорилось: «Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько наше **правительство, американский народ** и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что **холодная война — это на самом деле настоящая война**, в которой на карту поставлено выживание свободного мира... Выполнение этой программы потребует от нас всех находчивости, **жертвенности и единства**, диктуемых **суровостью проблемы**, и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач» (Главный противник, с. 451–452).

Все годы «перестройки» и «реформ» и поныне в войне нового типа Россия проигрывает одно сражение за другим, одну битву за другой. И главная причина в том, что все годы правления Горбачева и Ельцина руководство страны жило иллюзиями, не понимало, что не может быть никакой дружбы с теми, кто по определению — геополитически, исторически, экономически и по многим

другим причинам — может быть для России в лучшем случае (и то на какой-то момент) партнером, а в принципе был и останется противником. И никогда не будет другом.

Внешняя политика тех времен, особенно руководителей Министерства иностранных дел в лице Шеварднадзе и Козырева была откровенно предательской. Потом — робкой, невнятной, непоследовательной. И все по той же причине — из нежелания признать, что Происходящее во внешних отношениях надо определять как войну, мыслить в категориях войны, проектно-стратегически, действовать прагматично, хитро, умно, осмотрительно, решительно. Слабость и нерешительность провоцируют силу.

Заметные перемены стали происходить несколько лет назад. Вполне отчетливая точка перемен к лучшему — выступление В. В. Путина в Мюнхене. В этот день я был горд за своего президента и за Россию.

Проблему российско-украинских отношений, которую мы сегодня обсуждаем, необходимо рассматривать в контексте идущей войны с Россией, а вопрос о вступлении Украины в НАТО не как вопрос «расширения НАТО на Восток», а как «**наступление** НАТО на Россию». Надо знать и понимать, что **США всегда рассматривали Украину не как часть СССР, а именно как часть России**.

Позвольте продолжить цитирование того же документа СНБ США 20/1, где в главе четвертой «Раздробленность или территориальная целостность», которая на 90% посвящена Украине, говорится: «Прежде всего важно определить, что именно... будет для нас *более выгодным*: сохранение территории Советского Союза под управлением одного режима или территориальная и политическая раздробленность... И что делать с основными меньшинствами, **например, с Украиной**?

Мы уже касались проблемы Балтийских стран. **Балтийские страны не должны остаться под властью коммунистов после окончания войны…**

В случае Украины мы сталкиваемся с другой проблемой... Очевидно, что **Украина должна быть освобождена от влияния России**, она должна развиваться как самостоятельное независимое государство...

Однако не стоит упускать из виду и следующее.

У Украины нет четких этнических или географических рамок… Какой-либо **четкой границы между русскими и украинцами нет**, и провести ее не представляется возможным. Города на территории Украины были в основном русскими или еврейскими. Так что основой чувства национальной самобытности является чувство „отличия“, основанное на своеобразном **крестьянском диалекте** и незначительных различиях **в традициях и фольклоре** (украинцам надо бы знать, как представляют их себе американцы. — *И. И.*).

Экономика Украины тесно связана с экономикой всей России. Там никогда не было экономической обособленности, и с тех пор как эти территории были отвоеваны от кочевников-татар, экономика соответствовала оседлому образу жизни населения. **Поэтому попытки отделения украинской экономики от экономики России и ее дальнейшего развития как самостоятельной будут столь же неестественными и столь же пагубными для нее, как, например, попытки отделить Кукурузный пояс, включая промышленную зону Великих Озер, от экономики США.**

...В конце концов, мы также не можем быть безразличны к чувствам самих великороссов. Они были основной национальной составляющей в Российской империи, они являются таковой и в Советском Союзе. Эта нация останется на этих территориях основной вне зависимости от того или иного статуса... **Территория Украины является частью их национального наследия, и они прекрасно это осознают. Поэтому решение о полном отделении Украины от остальной России вызовет лишь протесты и негодование, и по этой причине его осуществление возможно только с помощью силы**» (Главный противник, с. 204–205).

Что мы и наблюдаем ныне!

Напомню: этим документам 60 лет. Тогда СССР был страной-победительницей, мы были сильны. Сегодня ситуация иная. Но Россия не настолько слаба, чтобы только и делать, что уступать и отступать.

Да, сегодня США — «главный шериф» на планете, да, силы у них — хоть отбавляй. Но эти силы не бесконечны.

Да, на Украине пока торжествуют национал-предатели. Но срок их власти также недолог.

Надо понимать: русские, украинцы и белорусы — это не «соседи», это в сущности своей **единый народ**: великороссы, малороссы, белорусы. И выживать, крепнуть и побеждать в этой не нами задуманной войне мы должны вместе.

Есть основания думать, что если в данной ситуации российские власти будут умны и решительны, то Бушу и злонамеренной части европейских стран не удастся разбить наше единство на радость оголтелым англосаксам.

Хотя вероятность нелучшего исхода возможна.

http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/linfront.php

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: НОВЫЙ ЭТАП[1]

Принято считать, что холодная война — это феномен XX века и началась она после речи У. Черчилля в городе Фултон (США) 5 марта 1946 года. В определенном смысле это так и есть. Хотя начало холодной войны Запада против России можно отнести от этой даты почти на 30 лет назад, когда после Первой мировой войны США стали делать первые заявки на мировое господство, а можно и намного дальше. Мы будем говорить о Новой и Новейшей истории, о сегодняшнем дне...

После возникновения СССР большинство западных стран и США долгое время проводили политику его экономической блокады. Техническое оборудование, жизненно необходимое СССР в годы ускоренной индустриализации, продавалось аграрной стране только за чистое золото или зерно. И советское правительство было вынуждено торговать на этих условиях даже в годы неурожаев и голода. Советский Союз находился в положении осажденной крепости. Это была самая настоящая холодная война, это был настоящий железный занавес, который Запад опустил вокруг СССР в надежде, что разруха и голод, межпартийные и внутрипартийные схватки, множество трудноразрешимых противоречий и проблем сами по себе приведут к гибели нарождающееся государство нового типа. В ту пору И. В. Сталин признал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1951: 39).

[1] Доклад на 29-м заседании Русского интеллектуального клуба, 9 июня 2015 года.

Но Советский Союз выжил, создал прекрасную систему образования, мощную индустрию, одержал победу над нацистской Германией в Великой Отечественной войне, в немыслимо сжатые сроки восстановил народное хозяйство, создал атомную, а затем водородную бомбу, первым освоил космическое пространство, был признан мировой сверхдержавой, не без проблем, но все-таки — в условиях холодной войны! — развивался. Более того, в целях «совершенствования социализма» (якобы) в 1985 году вдруг затеял «перестройку». Чем она закончилась — известно...

Принято считать, что в холодной войне 1946–1991 годов победил Запад, ведомый США. Даже так: победили США, а поражение потерпели СССР и система социализма, которую он возглавлял. Советский Союз исчез с карты мира, идеал коммунизма посрамлен, и, говорят, навеки. О чем тут, казалось бы, рассуждать? И зачем?

Осмысливать историю холодной войны необходимо, чтобы Россия не проиграла ее новый — нынешний — и, возможно, последний этап. А для этого важно понять и признать главное: Советский Союз не «развалился», как пишет абсолютное большинство российских и зарубежных исследователей, а был **уничтожен** объединенными усилиями внешнего противника, «пятой колонны» внутри страны и предательством высшего руководства КПСС: Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе.

Надо отдать должное уму и стратегической расчетливости американцев: они понимали, что схватка двух антагонистических систем — социалистической и капиталистической — вовсе не гарантирует ни одной из них автоматической победы: как социалистический строй, так и капиталистический мир **несли в себе зерна своего собственного распада**. Однако американцы быстро нащупали самое слабое звено в советском обществе: нараставшую отчужденность между властью и основной массой народа, которая возникла сразу после Великой Отечественной войны. До отчаяния настрадавшийся народ-победитель ждал после Великой Победы спокойствия и повышения уровня жизни, а власть снова призвала его подзатянуть пояса. Надо было восстанавливать тысячи городов и сел, разрушенное хозяйство. Но началась гонка вооружений. Зачем? Народ не знал того, что было известно Ста-

лину: об операции «Немыслимое» по развязыванию с 1 июля 1945 года Третьей мировой войны против СССР, подготовленной Черчиллем еще весной 1945 года; о неоднократных намерениях Трумэна атаковать СССР атомными бомбами. Над страной снова нависла смертельная опасность, но об этом ведали единицы. Недовольство народа росло...

Американцы четко планировали и постоянно корректировали цели и задачи холодной войны, умело используя самое опасное оружие: игру на слухах и сплетнях, молве и недомолвках, клевете и выдумках, фальсификациях и лжи. Документы Совета национальной безопасности (СНБ) США один за другим создавались на основе абсолютно ложной посылки, будто основным планом Кремля являлось «уничтожение США как единственной преграды на пути установления новой коммунистической веры во всем мире» (Главный противник..., 2006: 379–380). Обессиленному в ходе Великой Отечественной войны СССР было, однако, не до новых сражений. Тот же Черчилль, до смерти перепугав мир коммунистической угрозой, в конце фултонской речи заявил: «...я даже не допускаю мысли о том, что новая война неизбежна, тем более в ближайшем будущем... Я не верю, что Советская Россия хочет новой войны» (Черчилль, 2002: 487). Он лгал. Войны, хотя бы холодной, жаждали и Черчилль, и президент США Г. Трумэн, стоявший в Фултоне на трибуне рядом с хитроумным оратором.

Для ведения холодной войны в США была создана мощная научная база. Изучением различных аспектов этой войны, и прежде всего **скрытого управления** настроениями, мышлением и поведением человека, в крупнейших университетах США занимались созданные институты, научные центры и лаборатории, сеть которых постоянно расширялась. В конечном счете в США действовало около 300 советологических центров (Шевякин, 2003: 341–352).

Первая совершенно секретная директива Совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года «Цели США в отношении России» содержала несколько чрезвычайно важных положений, определявших стратегию и тактику холодной войны. В этом документе рассматривались варианты как **вооруженного нападения** на СССР, так и свержения советской власти **несило-**

вым путем. В директиве СНБ 20/1 также говорилось: «...**Нет никаких временных ограничений для достижения наших целей мирным путем**. Нет какой-либо строгой периодичности между войной и миром, которая заставляла бы нас добиться поставленной цели **к определенной дате**, — в противном случае — война... Мы точно не знаем, приведет ли достижение поставленной цели к развалу СССР, так как не знаем, когда это произойдет» (Главный противник..., 2006: 183–184).

Согласно совершенно секретной директиве СНБ 68 от 14 апреля 1950 года **холодная война была возведена в ранг государственной политики**. В завершение этого многостраничного документа говорилось: «Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько **наше правительство**, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что **холодная война — это на самом деле настоящая война**, в которой на карту поставлено выживание свободного мира» (там же: 451).

Еще одной важнейшей особенностью прошлого этапа холодной войны являлся ее **двоякий характер**: наступление на советскую систему велось как извне, так и изнутри. **«Пятая колонна» и агентура влияния** внутри СССР формировались самопроизвольно и спецорганами западных стран, прежде всего американских. Директива СНБ 10/2 «Об отделе **специальных** проектов» была принята 18 июня 1948 года. Действуя в структуре ЦРУ, этот отдел получал право проводить операции, которые «включают любые **тайные действия**, связанные с пропагандой, экономической войной, превентивными активными действиями, включая мероприятия по саботажу, антисаботажу, уничтожению и эвакуации, подрывной деятельностью против враждебных государств, **включая помощь нелегальным движениям сопротивления, партизанам и освободительным группам в изгнании и поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся под угрозой странах свободного мира**» (там же: 137–138).

Советский Союз начал проигрывать холодную войну еще при Сталине, когда она носила **в основном идеологический характер**. В борьбе идеологий чрезвычайно мешали догматизация марксизма, слепая вера в то, что социализм сам по себе похоронит «загнивающий капитализм». Как внешняя пропаганда, так и контр-

пропаганда внутри страны были крайне слабы, не сумели эффективно использовать огромный международный политический и нравственный капитал, накопленный СССР в ходе строительства нового общества, и особенно — победного завершения Великой Отечественной войны. Это случилось главным образом из-за еще низкого в те годы уровня образования и профессионализма работников органов пропаганды СССР.

Хрущевский период холодной войны — это сознательное или бессознательное (теперь не суть важно) подыгрывание главному противнику. «Наш дорогой Никита Сергеевич» взял курс на создание ракет стратегического назначения, что само по себе было правильным, но при этом уничтожал тяжелую и стратегическую авиацию. За пять лет (с 1955 по 1960 год) численность Вооруженных сил сократилась почти на 4 млн человек. Результатом «субъективизма и волюнтаризма» Хрущева стали бесконечные непродуманные реформы и эксперименты в экономике, управлении народным хозяйством, разделении КПСС на две партии: промышленную и сельскую и т. п. Они создавали иллюзию перемен, а на самом деле тормозили развитие страны, разрушали ее.

Самым вредным по своим последствиям деянием Хрущева было его выступление на XX съезде КПСС, в котором горькая правда была густо замешана на злонамеренной лжи о прошлых этапах жизни страны, и особенно — о Сталине: «перетрусил, когда Гитлер напал на СССР, спрятался на даче», «руководил войной по глобусу...» и т. п. Некогда ярый сторонник Троцкого, Хрущев вовремя переметнулся в окружение Сталина и теперь, после смерти вождя, мстил ему, пытаясь выставить себя в светлых тонах. С этого момента усилиями отечественных и зарубежных историков, писателей и журналистов стала создаваться «черная история» Великой Октябрьской социалистической революции, советской власти, коммунистической партии, Великой Отечественной войны и изуродованный образ Сталина. Как следствие, с этого момента начались идейное разуверение людей в марксистской теории, отторжение от идеалов построения справедливого общества, психологический надлом в народных массах, в самой компартии. Все это чрезвычайно облегчало задачи противника в холодной войне. Именно в пору так называемой оттепели (может, «ля-

коти»?) в стране стали разгораться кухонные споры, резко возрос интерес к разного рода зарубежным радиоголосам. Хрущев насмешил и разочаровал страну, настояв на принятии явно утопической третьей Программы КПСС, в которой обещалось к 1980 году построить в СССР коммунизм. Хрущев перепугал весь мир, когда стучал ботинком по трибуне Генеральной ассамблеи ООН и кричал ошарашенным представителям капиталистического мира: «Мы вам покажем кузькину мать!» Хрущев «организовал» Карибский кризис и чуть было не спровоцировал третью мировую (ядерную) войну...

Говорят, что когда в ноябре 1964 года в английском парламенте праздновали 90-летие Черчилля и кто-то предложил за него тост как за самого ярого и последовательного врага России, Черчилль бросил фразу: «К сожалению, имеется человек, который нанес вреда Стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев. Давайте похлопаем ему!..»

Оставлю без комментариев период так называемого застоя, якобы случившегося при Брежневе, краткие этапы руководства страной Андроповым, которого некоторые называют истинным зачинщиком перестройки, и, конечно, Черненко, от которого и нельзя было ничего ожидать.

Поговорим о периоде холодной войны, когда страной правил Горбачев. Особенность этого периода состоит в том, что Запад (и прежде всего США) стремились как можно скорее **победить**, т. е. **уничтожить**, Советский Союз, а руководство СССР в лице главного предателя — Горбачева шаг за шагом отказывалось от борьбы с противником, отступало, беспокоясь лишь о том, **как бы капитулировать так**, чтобы народ не догадался об измене раньше времени и не казнил его.

Идея перестройки сама по себе была встречена с энтузиазмом. Было что перестраивать. Многие и сейчас говорят: «Перестройка была нужна, но не такая. Заплатили и до сих пор платим дорогую цену за ее хаос и непродуманность». В этой фразе есть одно ошибочное и потому лишнее слово — «непродуманность». На самом деле перестройка была хорошо продумана, имела замысел, стратегический план, о котором в полной мере поначалу знали лишь двое — Яковлев и Горбачев, а немного позже узнал и Шеварднадзе.

Я уже давно один за другим читаю мемуары этой «тройки», воспоминания других членов Политбюро, работников ЦК партии из ближайшего окружения, книги зарубежных историков, политических и государственных деятелей. Реконструировал события прошлого — с 1983 года, когда Горбачев, будучи секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, семь дней находился в Канаде, где послом СССР в тот момент работал Яковлев. Уже тогда Яковлев, вполне вероятно, был агентом влияния США, и на все сто — ярым антикоммунистом и антисоветчиком. Об этом он рассказывает в книгах «Сумерки», «Горькая чаша», «Перестройка. 1985–1992 гг.», «Избранные интервью» и др. Свою стратегию уничтожения СССР Яковлев, едва став заведующим идеологическим отделом ЦК, изложил в записке Горбачеву в конце декабря 1985 года. Прочитав ее, главный «перестройщик» не обругал и не выгнал Яковлева, а лишь резюмировал: «Рано».

Сегодня мне, как и многим в стране, в общем ясно, что «перестройка» была задумана как **государственно-политический заговор с целью уничтожения СССР**. Это была **контрреволюция**, именовавшаяся на партсъездах и пленумах ЦК «революционной перестройкой».

За шесть с половиной лет «перестройки» от могучей страны мало что осталось. И в конце декабря 1991 года СССР перестал существовать. Последствия ощутимы по сей день и будут аукаться еще долго.

Мог ли устоять СССР, когда против него, как «империи зла» (Р. Рейган), шла холодная война объединенных сил Запада — война дипломатическая, политическая, экономическая, информационно-психологическая? Убежден: при умном, честном и ответственном руководстве страной — смог бы.

Мог ли устоять СССР при условии внешнего натиска и одновременной попытки **внутренней контрреволюции** в целях восстановления капитализма во главе **с «пятой колонной»**? Думаю, смог бы, как это уже было в годы Гражданской войны. При том же условии: если бы во главе руководства страной стояли умные, честные и ответственные люди.

Но в том случае, о котором идет речь, когда контрреволюцию возглавляли высшие руководители партии и государства, сохра-

нение прежней системы было невозможно. Две силы — внешняя и внутренняя — сложились в одну. На первом этапе они действовали в одном направлении, но без внятного уговора. Однако на последней, активной фазе холодной войны и «перестройки», не зафиксированный ни в каких документах, не артикулированный вслух, фактически существовал сговор на уровне как минимум первых лиц двух государств.

В своих книгах Яковлев многократно говорит о том, что жил тройной жизнью: думал одно, говорил другое, а делал третье. Как он выражается, «лукавил», «маневрировал», а сказать попросту, от начала до конца и во всем — врал. В том же самом признается в мемуарах и Горбачев. Можно привести множество примеров об их поступках, каждый из которых нельзя квалифицировать иначе как измену Родине.

По этому поводу существуют свидетельства самих американцев — политологов, видных государственных деятелей США... Вот книга под названием «Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами» (Бэшлосс, Тэлботт, 2010). Ее авторы М. Бешлосс — крупный американский политолог, а также (главное!) С. Тэлботт — заместитель Государственного секретаря США, который все годы «перестройки» опекал ее. Их книга — это приговор Горбачеву, упокоившимся Яковлеву и Шеварднадзе.

Изданы мемуары Дж. Мэтлока «Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза» (Мэтлок, 2003). Процитирую несколько выдержек из этой книги. «Мы были приятно удивлены, — пишет Мэтлок, — обнаружив, что становимся в Москве **частью советского общества**. Гости, в основном советские, собирались в нашей резиденции Спасо-Хаус **по десять и больше раз в неделю** на концерты, фильмы, художественные выставки, завтраки и обеды, а потом и **на обсуждение политических и экономических проблем**. С образованием нового парламента его члены часто дискутировали за обеденным столом в Спасо-Хаус по вопросам, которые **только еще подлежали официальному обсуждению**. **Советские руководители** общались с нами более открыто, **обсуждали свои планы, надежды, иногда даже спрашивали совета**, особенно по части становления демократических институтов и процедур. Благодаря **энергичным дипломатам** нашего

посольства мы познакомились буквально со всеми видными политическими деятелями в Москве и со многими влиятельными людьми в районах за пределами столицы» (там же: 468).

Мэтлок воспроизводит жалкую речь Горбачева на встрече с Бушем 6 мая 1991 года за обедом в американском посольстве в Лондоне, где тот просил Буша помочь ему, Горбачеву, получить кредит в 100 млрд долл. Выполнявший роль переводчика на этой встрече, Мэтлок пишет: «Горбачев **не мог заставить себя сказать напрямик, что занимало его мысли**, по крайней мере, **с 1989 года**... Если бы он это сделал, тем самым он подписал бы себе, как политическому деятелю, **смертный приговор**. Но что бы он сказал, если бы мог?..

Будучи человеком, близко наблюдавшим его на протяжении нескольких лет, я полагаю, это было бы что-то вроде нижеследующего — во всяком случае, **95 процентов из приводимого мной**, я в то или иное время **от него слышал, а 5 процентов являются моими догадками**» (там же).

И вот Горбачев говорит словами Мэтлока: «Я никогда не смогу сказать это публично, **но я действительно хочу перестроить мою страну по вашему образцу… Мы должны покончить с нашей старой системой…** И не думайте, что я обладаю в нашей стране большой поддержкой моих замыслов. Большинство населения либо **не понимает меня**, либо выступает против... Мне придется **маневрировать**... Не думайте обо мне плохо, если порой мне придется **говорить разными голосами… Я пытаюсь сделать то, о чем вы молились** со времени окончания Второй мировой войны: **ликвидировать советскую военную угрозу**... А ведь это как раз то, о чем **вы мечтали десятилетия**, но безо всякой надежды, что это когда-либо произойдет. **Я преисполнен решимости, чтобы это произошло**, но не потому, что вы этого хотите. **Я поставил себе такую цель**» (там же: 470–472).

Плод воображения? Конечно. А насколько точный? Я в этом **абсолютно** уверен.

В конце своей книги Мэтлок говорит: «Горбачев, Рейган и американские союзники — все они в полной мере заслуживают признательности за необходимый вклад, внесенный каждым в этот процесс. Никто в одиночку его не вытянул бы, и нет такого чело-

века, кто в одиночку сделал это. **Однако сценарий был написан в Вашингтоне, и сомнительно, чтобы он мог писаться в Москве — даже таким искусным руководителем, как Михаил Горбачев**» (там же: 567).

Почему сегодня следует говорить о продолжении холодной войны, о ее очередном этапе, несмотря на то что в 1991 году Ельцин и Буш-старший почти 30 лет тому назад заявили о ее окончании?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, определяется пониманием типологии холодной войны как феномена не только XX века, но и всей истории человеческих войн. По структуре своих целей холодная война, как и война «горячая», является одновременно войной политической, идеологической и дипломатической, войной за жизненное пространство, войной экономической и финансовой, войной за сырьевые ресурсы и рынки сбыта и т. д. Однако принципиальное отличие холодной войны от «горячей» состоит в том, что холодная война — это **прежде всего война геополитическая**. Она — с перерывами на «горячие» битвы, — может длиться десятилетиями, как холодная война 1946–1991 годов, а вообще — столетиями. И ее окончательный исход непредсказуем.

В прошлом этапе холодной войны нашло свое выражение извечное противостояние Востока и Запада, Суши и Моря... После Второй мировой войны СССР объединил вокруг себя огромную массу континентальных евразийских и восточноевропейских, африканских и латиноамериканских государств, а США — главным образом морские державы, а также частично (и надо полагать, временно) некоторые страны Западной Европы, скажем Германию.

С уничтожением СССР и распадом Восточного блока социалистических государств геополитический баланс изменился в пользу Запада во главе с США. Однако главным противником для Запада как была, так и осталась Россия.

Совсем не случайно первый документ стратегического характера СНБ 20/1, который уже цитировался, был назван «Цели США **в отношении России**», хотя шел только 1948 год и уничтожение СССР оставалось лишь мечтой. Столь же не случайно, рассмотрев все варианты исхода войны с СССР, авторы этого документа писали: «Однако перед нами по-прежнему стоит вопрос, что делать с **некоммунистической** властью, которая может быть уста-

новлена на части или **на всей территории России** как следствие военных действий.

Прежде всего стоит отметить, что, **вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима** и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться **идеалов либерализма и демократии**, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше. То есть даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально **дружественным по отношению к нам**, мы должны будем обеспечить следующее: а) отсутствие у подобного режима большой военной мощи; б) его сильную экономическую зависимость от внешнего мира; в) соблюдение им прав национальных меньшинств; г) отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, **борющимся с коммунизмом** и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий **не было для него унизительным**. Однако в той или иной форме нам все-таки придется **следить за их соблюдением**, если мы хотим мира и стабильности во всем мире» (Главный противник..., 2006: 202–203).

И они следили, да еще как! Малость передохнув, понавесив на свои мундиры медаль «За победу в холодной войне», американцы вовсе не забыли о тех 15 республиках бывшего СССР, ставших суверенными государствами, и прежде всего — о России. Они стали усиленно «помогать» им «встать на ноги».

Вспомним, каким образом США «помогали» России в годы правления Ельцина... Внешнеполитические и военно-доктринальные документы той поры создавались под диктовку США, носили вассальный характер. В Основах военной доктрины РФ (1993 года) прямо говорилось, что у России нет военных противников и внешних военных угроз. Вооруженные силы и ВПК ускоренно уничтожались. Шоковая терапия, воровская приватизация под присмотром «советников» США при каждом министерстве и губернаторе, грабительские кредиты у МВФ и ВБ... Да, разрушительная работа велась уже руками российских чиновников, но по советам и указкам из Вашингтона. «Победители» откровенно гра-

били Россию, размещали военные базы в республиках бывшего СССР и придвигали НАТО к границам России. Разве это не было **продолжением холодной войны**?

Вот выдержка из выступления тогдашнего президента США Б. Клинтона на закрытом заседании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года: «...в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: **расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.**

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США» (цит. по: Мирная интервенция, 1999: 166–167).

С течением времени (десятилетий и столетий) понятие холодной войны, как и все в этом мире, не может не изменяться и изменяется — расширяется, углубляется с точки зрения ее целей и задач, форм и методов ведения. Сегодняшнюю войну называют «горяче-холодной» (гибридной), имея в виду войну на Украине рядом с границей России, вооруженные действия в других регионах. Но все-таки напрямую пока не воюет ни одна из великих стран. Мир находится в состоянии холодной войны, хотя градус международных отношений растет с каждым днем...

Очень многое зависит от количества в мире государств-игроков, способных посягнуть на статус держав и сверхдержав. Сегодня на это право реально претендует лишь одна страна — США. В данный момент их экономическая и военная мощь неоспорима. Но сила не бесконечна, сила провоцирует и развращает. Теряющий силу утрачивает разум и чувство справедливости. Именно это происходит на наших глазах с Америкой. Властвующей элите этой страны мало того, что она имеет. Нет, Америка хочет господствовать над всем мировым геопространством, ей нужна власть над всем человечеством. Ради этого США готовы смести в бездну целые этносы и цивилизации с их традициями и жизненными ценностями, заменяя их своими, американскими, а с этим лишая страны и народы смысла их существования.

В 2003 году США приняли стратегию «быстрого глобального удара» — удара несколькими тысячами высокоточных крылатых ракет по стратегическим ядерным силам и другим особо важным объектам с целью предупреждения ответного удара и принуждения России к капитуляции. Страна-безумец уверенно движется к своему краху. Беда в том, что, осознав это, в какой-то момент Америка может развязать ядерную войну и утащить за собой на тот свет все человечество. Увы, руководство этой страны способно на идиотские и зверские поступки. Надо помнить о Хиросиме и Нагасаки...

Внешняя политика В. В. Путина, начиная с Мюнхенского саммита 10 февраля 2007 года, когда Президент России решительно выступил против однополярного мира, вызывала у США и их союзников большое раздражение. Но они терпели. Однако когда весной 2014 года Крым и Севастополь вошли в состав Российской Федерации, США и Евросоюз взбесились: «Аннексия!..» Начали давить на Россию экономическими и политическими санкциями. А тут еще Донецкая и Луганская области Украины объявили себя независимыми от киевской власти. На Украине вспыхнула гражданская война, организованная США. Однако американцы заставили Евросоюз «увидеть» за этими событиями «руку Москвы». Хотя в действительности украинский конфликт, как ясно ныне, нужен США, чтобы втянуть Россию в военное столкновение с Украиной и разжечь войну в Европе. Чтобы «наказать и изолировать» Россию, Америка и Евросоюз ввели против нее экономические и дипломатические санкции.

Но Россия не в изоляции, ее экономика не рухнула. Действуют уже созданные БРИКС, Единая экономическая зона с Казахстаном, Белоруссией, Киргизией и Арменией, Евразийский союз, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединившая Россию, Китай, Казахстан, Киргизию, Узбекистан и Таджикистан. 8–10 июля 2015 года в Уфе прошел саммит ШОС, на котором была принята Стратегия развития ШОС до 2025 года, рассмотрен вопрос о принятии в состав ШОС Индии и Пакистана. Интерес к этому объединению, как заявил 3 июня Президент РФ В. В. Путин, проявляют еще 12 стран (Забродина, Замахина, 2015: Электронный ресурс).

«У России взыграли имперские настроения? Она против глобализации, создает второй полюс мировой политики? Не позволим!..»

Выступая на Генеральной ассамблее ООН, президент США Обама причислил Россию к числу трех главных угроз существующему миропорядку. 4 декабря 2014 года конгресс США принял резолюцию № 758. В ней президенту США и Госдепартаменту было рекомендовано усилить санкционное давление на Россию, разработать стратегию распространения новостей и другой информации на русском языке в странах, имеющих существенную долю русскоязычного населения. Кроме того, конгресс США призвал членов НАТО и его партнеров прекратить военное сотрудничество с Россией.

Президент США Обама принял эти рекомендации к исполнению. Выступая на круглом столе журнала Wall Street Journal, он заявил, что США вместе с Евросоюзом будут стремиться к тому, чтобы **изолировать Россию** на международной арене (Музалевский, 2014: Электронный ресурс). В структуре вооруженных сил США создан новый вид войск — кибервойска численностью 40 тыс. человек для ведения информационной войны в социальных сетях Интернета, главным образом против российской молодежи. Десятки миллионов долларов выделены на поддержку «демократических институтов» в России и создание программ на русском языке в американских СМИ. Планируется также увеличение вещания «Голоса Америки» и радио «Свобода» в странах Восточной Европы и бывшего СССР для противодействия российской пропаганде.

В феврале 2015 года США приняли новую Стратегию национальной безопасности, в которой слова «Россия», «российская агрессия» употребляются всюду, где только можно найти для этого малейший повод. Говорится о «решимости и готовности сдержать и при необходимости победить потенциальных противников» (Стратегия национальной..., 2015: Электронный ресурс). Это не Китай, в неизбежность конфронтации с которым США не верят (там же). Это не Индия, с которой Америка будет «по-прежнему укреплять стратегическое и экономическое партнерство» (там же). И это, конечно же, не Европа, «незаменимый партнер» Штатов (там же). Это, разумеется, Россия. Многократно гово-

рится о «незаменимости американского лидерства в мире» (там же), благодаря которому США мобилизовали своих союзников, «чтобы наказать Россию за ее агрессию» (там же).

В Стратегии неоднократно говорится об «экономической и военной мощи США, которой нет равной в мире», «исключительности» и «уникальности» США, их «несомненной и неоспоримой обязанности руководить мировым развитием», о необходимости «динамичного присутствия США в Центральной и Восточной Европе в интересах сдерживания дальнейшей российской агрессии» (там же). «Мы будем также наращивать издержки для России, — говорится в Стратегии, — посредством санкций и прочих мер, противопоставляя лживой московской пропаганде ничем не прикрашенную правду. Мы будем сдерживать российскую агрессию, бдительно наблюдая за ее стратегическим потенциалом, а при необходимости поможем в перспективе нашим союзникам и партнерам противостоять российскому принуждению» (там же). При этом не раз подчеркивается, что при необходимости США будут применять **военную силу в одностороннем порядке, в обход ООН** (там же). Америка считает вправе вмешиваться в дела любых государств «в любой части все более взаимосвязанного мира, где она имеет интересы» (там же). В чем же заключаются «интересы» США? Им нет счета и конца. Но главный интерес — мировое господство, невозможное без продвижения «американских ценностей за рубежом» (там же). И прежде всего — среди молодежи, о которой авторы Стратегии вспоминают не однажды: «Мы берем на себя инициативу объединить молодежь в мире, определяя будущих руководителей в правительствах, бизнесе и гражданском обществе, соединяя их друг с другом, подготавливая их к успешной деятельности» (там же).

В этом доктринальном документе дважды отмечается, что «лидерство США и их внешняя политика провели их сквозь годы холодной войны и положили начало эпохе демократизации» (там же). Иначе говоря, американцы вновь дают понять, что холодная война якобы позади...

Но что же тогда означает их Стратегия, если не объявление России о возобновлении поутихшей было холодной войны? Ведь «цели США в отношении России», изложенные в некогда совсек-

ретном документе СНБ 20/1 от 18 августа 1948 года, еще не достигнуты: уничтожены «красная угроза» и Советский Союз, но сама по себе Россия жива и набирает мощь...

Американцы, а с ними и «золотой миллиард» хотели бы обмануть «остальной мир», скрыть, что мировая холодная война уже давно идет. Специфика ее нового этапа в том и состоит, что это ползучая, тихая катастрофа, незаметное, скрытое, необъяснимое и непонятное простому обывателю каждодневно происходящее изменение. Война всегда и всюду. Война всех против всех. Война без войны. Так ощущают Происходящее миллиарды людей планеты. Им не хочется верить, что за разрушением стран и экономик, военных конфликтов то в одной, то в другой части мира, а то и сразу в нескольких местах нет злого умысла всего нескольких десятков, ну — сотен человек. Им вдолбили в головы, будто ежегодное разорение сотен тысяч предприятий, образование армий безработных по всему земному шару, которые страдают, мучаются и миллионами умирают от нищеты и болезней, — это естественный и неизбежный процесс «естественного» либерального общества. Ибо так написано в тысячах книг «классиков» либерализма; ибо об этом каждый божий день год за годом по радио, телевидению, в газетах вещают армады политических, экономических и финансовых экспертов. Им не приходит на ум мысль, что классический либерализм в его американском исполнении — это вид холодной войны в форме ускоренной глобализации, что это способ завоевания мирового господства; что «демократия», которую США несут на крылатых ракетах и на штыках своих солдат, — это миф XXI века, столь же опасный и кровавый, как фундаментальный труд «Миф XX века» Альфреда Розенберга — идеолога гитлеровской Германии; что в современных условиях идеология либерализма по-американски заняла место идеологий нацизма и фашизма.

Есть немало людей, не приемлющих мысль о возобновлении холодной войны. Что тут сказать? Если «нечто» выглядит как утка, крякает как утка, ходит и летает как утка, то это наверняка все-таки утка, а не поросенок. К чему лукавить? Надобно называть вещи своими именами: происходящее в мире — это война. Пока — холодная.

России брошен вызов, и этот вызов принят. Еще в 2014 году одобрена новая Военная доктрина РФ, в которой вновь подтверждается готовность России применить ядерное оружие даже в том случае, если будет совершена безъядерная агрессия против России, угрожающая существованию нашего государства. Россия готова защитить Беларусь и каждого члена ОДКБ, если на них будет совершено нападение.

На войне как на войне: или он тебя, или ты его...

А все же, думаю, и та и другая сторона пугают человечество своими вооруженными силами, стратегиями, доктринами и концепциями в основном демонстративно — «играют мускулами» и крайностей избегут. Ведь давно и всем известно, что в «горячей» войне победителей быть не может. Все обойдется, думаю, холодной войной. Вот только на этот раз России нельзя забывать, что враг намного сильнее нас, что численность и мощь разнородной «пятой колонны» многократно увеличилась и гнездится на всех этажах политической и государственной власти, бизнес-элиты как в центре, так и на местах; что основная масса либеральных русофобов, ненавистников России — потенциальных предателей — бытует и ждет своего часа в этой среде, не говоря уж о «зомби» в СМИ, для части которых солнце всходит на Западе. И — главное! — что холодная война — это самая настоящая война. Такая же настоящая, как отгремевшая 70 лет назад Великая Отечественная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бэшлосс М., Тэлботт С. (2010) Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм. — 352 с.

Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. (2006): пер. с англ. / сост. и авт. вступит. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. — 504 с.

Забродина Е., Замахина Т. (2015) Вместе против угроз. Владимир Путин встретился с главами МИД стран ШОС [Электронный ресурс] // Российская газета. 3 июня. URL: http://rg.ru/2015/06/03/avtoritet-site.html [архивировано в WebCite] (дата обращения: 12.06.2015).

Мирная интервенция (1999) // Наш современник. № 2. С. 166–180.

Музалевский Д. (2014) США приняли резолюцию против России [Электронный ресурс] // Утро.ru. 4 декабря. URL: http://utro.ru/articles/2014/12/04/1224504.shtml [архивировано в WebCite] (дата обращения: 13.04.2015).

Мэтлок Дж. (2003) Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза: пер. с англ. М.: Рудомино. — 579 с.

Сталин И. В. (1951) О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.// Сталин И. В. Соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. Т. 13: июль 1930 — январь 1934. 424 с. С. 29–42.

Стратегия национальной безопасности («The White House», США) (2015) [Электронный ресурс]// ИноСМИ. 13 февраля. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html [архивировано в WebCite] (дата обращения: 12.04.2015).

Черчилль У. (2002) Мускулы мира. М.: Эксмо-Пресс. 523, [4] с.

Шевякин А. П. (2003) Загадка гибели СССР: История заговоров и предательств. 1945–1991. М.: Вече. — 464 с.

Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3.

III

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

КОРНИ И КРЫЛЬЯ

(Повествование о родословной)

Незнаемым и известным предкам, семье — жене Светлане, сыну Олегу и дочери Наталье, наследникам нашим — посвящаю

ВСТУПЛЕНИЕ

Человек без племени что земля без семени.

Старинная русская пословица

Кто я такой? Какого роду-племени? Кто мои деды и прадеды? Как далеко уходит в прошлое мой род? Почему моя фамилия, мое имя именно такие, а не другие? Что они означают, есть ли в них какой-то смысл? — эти и подобные вопросы рано или поздно задает себе любой нормальный человек.

Начал задавать себе эти вопросы и я, пишущий эти строки. Увы, позже, чем следовало: родители уже ушли из жизни, и никаких родословных росписей не оставили. Да и знали они наверняка не так уж много, а если и знали, то кое о чем, быть может, самом главном, не сказали бы, даже если бы мы их спросили... И этому есть серьезные объяснения.

Родители наши и мы, их дети, жили во времена, когда «хорошую» и «правильную» историю России, а в этом свете и поколенный счет безопасней всего было начинать с Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, с момента возникновения «государства рабочих и крестьян».

Ни о хороших сторонах такого устройства советского общества (а их было немало), ни о плохих (их было не меньше) рассуждать в этой книге не место. Но были в его основе теоретические нелепости, которые на практике породили множество тяжелых последствий.

Вот один из таких постулатов, имеющих прямое отношение к тому, о чем дальше пойдет речь.

Главной ценностью, реальным единством, гегемоном, стоящим над остальной частью народа, в том числе и крестьянами, не говоря о прочих «прослойках», был объявлен пролетариат. Класс угнетенный, приниженный нуждой, отравленный завистью, злобой и местью, не имеющий внутри себя никакой творческой избыточности, был назначен классом-мессией... Теоретически и на практике утверждалась диктатура пролетариата.

С этого момента едва ли не все прошлое страны, кроме народных волнений и восстаний, имен бунтарей и революционеров, полагалось считать «плохим». Хорошо было тем, «кто был ничем», чьи родные корни уходили в толщу «пролетарских масс». Но не дай бог — в какой-нибудь богатый, знатный (литературный, военный, церковный и т. п.) род. Многие люди были вынуждены скрывать свое истинное происхождение и на вопросы различных анкет при приеме на работу, поступлении на учебу, поездке за границу отвечали «как надо», что-нибудь придумывали («из служащих» и т. п.). Шли на обман. По существу, отказывались от своих предков, становясь людьми без прошлого и традиций.

Часто получалось так, будто первым коленом истории множества советских семей стали их отцы и матери, а имена и жизни родоначальников терялись где-то во тьме веков, словно их и не было.

В этом смысле Октябрьская революция имела страшные последствия: миллионы людей, а можно сказать и весь народ огромной страны, стали «Иванами, не помнящими родства». (Выражение «Иван, родства не помнящий» возникло в царской России в дореволюционные времена. Пошло оно от преступников, бежавших с каторги. Пойманные полицией без документов и желая скрыть свое прошлое, эти люди, как правило, именовали себя «Иванами», а на вопросы о родичах отвечали, что «родства своего они не помнят». Так «Иванами, родства своего не помнящими» и записывали их в полицейские протоколы.) Ведь в результате революции, основанной на жесткой идеологии, почти полностью (в лучшем случае) были изгнаны за границу или опущены в самые низы — в чернорабочие, в обслугу — представители высшего духовного, политического, делового слоев этого народа: философы,

ученые, писатели, поэты, священнослужители, промышленники, купцы, банкиры, инженеры, военачальники, офицеры. Между тем это была самая просвещенная, творческая и духовная, наиболее породистая, энергичная и деловая часть нации, на формирование которой в процессе естественного отбора в развитии России ушли столетия...

Культурный слой в любой стране очень тонок. В многомиллионной России, где отмену крепостного права (а по сути дела — рабства) в 1861 году и революцию 1917 года разделяли всего 56 лет, где эта форма рабства стала законом в 1497 году и существовала более двух с половиной веков, счет высокообразованных и культурных людей шел на тысячи, и каждая единица была самоценной по своим качествам, так что сопоставлять ее с каким-нибудь человеческим количеством просто нелепо. Без этого тонкого духовного слоя народ превращается в население, именно — в массу...

В первые послереволюционные годы общество жило верой в «светлое будущее». Многое быстро, прямо на глазах, менялось именно в эту сторону. Верили Ленину, верили Сталину. Что бы ни говорили сегодня о них, это были личности идейные, одержимые. У них были свои апостолы и своя паства. За ними, часто со страхом, но шли — на Гражданскую войну, на индустриализацию и коллективизацию, в окопы Великой Отечественной. Страдали, умирали, но — шли.

Новый культурный строй нарождался согласно новой идеологии, ускоренно и с огромным трудом набирал силы. Многое получилось, но в целом — не удалось. Качество духовной жизни в стране понижалось. В конце концов могучее вроде бы государство оказалось без самых главных опор — без тех самых духовных и нравственных корней, которые уходят в толщу веков и от которых к человеческим единицам, к новым нарождающимся поколениям текут живительные соки: интеллект, традиции, обряды, нравы и обычаи — одним словом, национальная культура, скрепляющая массу в нацию.

Не было у общества достаточного культурного багажа, который должен состоять из системы истинно сущих духовных и моральных ценностей, имеющих внутреннюю иерархию (самые

главные, главные, важные, первостепенные, менее важные, второстепенные и т. д.).

Не надо думать, будто вожди и правители СССР вовсе не понимали необходимости в новом обществе нравственных и духовных опор. В 1961 году XXII съезд КПСС принял очередную, третью Программу партии, которая включала **Моральный кодекс строителя коммунизма**. Он содержал немало нравственных правил, которые трудно отвергнуть: «Кто не работает, тот не ест»; «Каждый за всех, все за одного»; «Человек человеку друг, товарищ и брат»; провозглашались моральными ценностями честность, правдивость, скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; дружба и братство всех народов и другие.

Но что представляла собой вершина, абсолютный идеал всей этой пирамиды ценностей? Это был идеал коммунизма. Пункт № 1 Морального кодекса дословно звучал так: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, странам социализма». Мало того что нравственность личности изначально определялась преданностью абстрактной, по существу утопической идее, но и любить предлагалось не просто Родину, а родину **социалистическую**. Более того, Кодекс повелевал любить и другие страны, но только **социалистические**, не важно, какой они культуры — европейской, азиатской или африканской, главное — чтобы они были социалистическими. И получалось так, что если ты почему-либо не возлюбил «дело коммунизма» или какую-то из стран социализма, то, значит, ты согрешил перед Кодексом, ты личность аморальная.

Это было бы смешно, если б мы не знали, какой горечью, а то и бедами оборачивались отступления от такого рода догм на практике...

Моральный кодекс строителя коммунизма усиленно, всей мощью средств пропаганды внедряли в сознание масс, но глубоко и всерьез он так и не прижился. Народ оставался без духовных опор. После Ленина и Сталина не было в стране и духовных вождей. Их место занимали люди другого, более мелкого масштаба.

Все годы советской власти семья — первичная ячейка общества — находилась в труднейшем положении. Компартия предла-

гала семье новые нормы и правила для воспитания новых поколений. Но они принимались далеко не во всех семьях. Особенно нашими прародителями — дедами и прадедами. И только потому, что были «социалистическими», «коммунистическими».

Из литературы и из рассказов наших родных известно, что во множестве советских семей в первые послереволюционные десятилетия каждый младший для каждого старшего был своего рода «наказанием за грехи», между поколениями существовали взаимное отчуждение, ожесточение, а то и откровенная вражда, когда сын шел против отца, и наоборот. В разлуке отец и сын тосковали друг без друга, а сойдясь и не найдя духовного единения, вновь с ненавистью расходились. Новая идеология разламывала общество на части и единицы, на атомы и математические точки, а потом кого-то обращала в свою веру, а кого-то перемалывала, стирала в «лагерную пыль».

Внутренний духовный конфликт существовал также и в семье Ильинских, и в родительской семье моей жены Морозовых, о чем будет сказано ниже.

Пишущий эти строки появился на свет в новое, советское время, в стране «победившего социализма» и потому впитывал в себя те воззрения на мир и жизнь, которые преподносили школа, литература и наши родители. А став взрослым, действовал сообразно тому мировоззрению и миропониманию, которое освоил.

Как и во все исторические времена, в советскую пору люди были разные. Очень.

Одни, не особо задумываясь о социально-политическом устройстве общества и Происходящем, просто рожали детей, честно зарабатывали свой хлеб насущный, трудились добросовестно, поскольку имели и совесть, и честь.

Другие словоблудили, подвирая в угоду власти в своих повестях и романах, газетных статьях и научных трудах, приукрашивая действительность, преувеличивая достижения,— творили Большую Ложь.

Третьи откровенно воровали, жульничали, шли к новым должностям, званиям, наградам и материальному благополучию, как говорится, по трупам.

Четвертые, уверовав в идею «светлого будущего», не просто работали, а служили этой Идее, самоотверженно «вкалывали» ради этого «светлого будущего»: творили науку, новую литературу, новое искусство, новое образование, строили заводы, фабрики, осваивали космос, а если было нужно, защищали новый строй ценой своей жизни.

Таких было много, вероятно, большинство.

И тут возникает вопрос: «А сам-то ты, папа (дедушка, прадедушка), а сама-то ты, мама (бабушка, прабабушка), вы-то оба — к какому полюсу тяготели? Вы-то, к какой группе относитесь? Какие такие особые человеческие качества проявили в этом людском разнообразии?.. Какую роль играли на сцене этого „театра“?..»

Я и моя жена Светлана находились в рядах четвертой из названных групп: были комсомольцами — членами Коммунистического союза молодежи; были коммунистами — членами Коммунистической партии Советского Союза. При этом я, И. М. Ильинский, всегда был активным комсомольцем и коммунистом, более того — долгие годы находился в разряде тех, кого называли «комсомольскими вожаками». Об этом еще будет сказано.

Социализм был для нас своего рода религией, а мы были его служителями.

И вдруг в 70-е годы, еще молодые, увидели социализм в его крайне неприглядном выражении.

Власти говорили о новой, социалистической морали, о «чувстве хозяина социалистической собственности», зная при этом, что в стране развелись миллионы «несунов», которые тащили со своих предприятий все, что можно было спрятать в кармане или за пазухой.

На глазах у всего общества на вершинах власти, в среде госчиновников и партаппарата разворачивалась оргия алчности и наживы.

Арестовывали, судили, сажали за решетку одного за другим высоких должностных лиц. Некоторых, как директора Елисеевского магазина и замминистра рыбного хозяйства, расстреливали. Кто-то, как министр внутренних дел Щелоков, сводил счеты с жизнью сам.

Нам казалось, что мы строим школу дружбы, любви и равенства народов, но все острее обозначались национальные распри.

Стало ясно: там, «наверху», никто всерьез не думает о «светлом будущем», всеми владеет религия хлеба насущного. Борьба за преодоление социальных зол и неправд сопровождалась не повышением, а понижением человеческой породы.

Социального и духовного чуда не произошло. Материализм и экономизм не могли скрепить общество. Духовное все более выветривалось из него. Уже в 70-е годы XX столетия абсолютное большинство советских семей, с точки зрения внутрисемейных связей, были очень слабыми. Мгновенный развал СССР при первых дуновениях ветра перемен во многом объясняется именно этим: ни «отцам», ни «детям» не во что стало веровать, некому было верить...

Как выживала в те годы и выживает ныне наша семья — семья Ильинских? Если не вдаваться в долгие рассуждения, ответ будет таким. В определенный момент (когда — еще скажу) я и Светлана поняли: жить надо только своим умом-разумом, а не решениями Политбюро ЦК КПСС или указами Президента России, надеяться надо только на самих себя. То же самое и с законами — хоть Верховного Совета СССР, хоть нынешней Госдумы РФ. Жить надо по своей совести и чести. Высший орган власти для нас — наш Семейный совет, состоящий из двух человек: я да жена моя. Мы всегда обсуждаем все главное, что случается в стране и в мире. И принимаем свои собственные решения. Ими и руководствуемся.

Можно подумать, будто нынешнее новое время с его бешеными темпами глобализации, всемогуществом телевидения, Интернета, мобильной связи, нанотехнологиями и прочими инновациями несет такие задачи, для решения которых опыт Прошлого и старших поколений совсем не нужен, более того — вреден; будто в этой ситуации совершение новых ошибок — абсолютная неизбежность, и с этим надо смириться: Порядок рождается из Хаоса.

Правды в этом посыле — лишь малая толика. А в целом — огромное упрощенчество в понимании эволюции человечества. Развитие (семьи, страны, всего мирового сообщества) во все века про-

исходило, происходит и будет происходить по одному и тому же объективному и непреложному социальному закону — закону наследования: там, где нет наследования, а в наследовании — преемственности (суть которой в одномоментном отрицании изжившего себя и удержании всего существенного, крепкого, здорового), там нет и развития, а есть либо топтание на месте, либо «рывки», «скачки», «ускорения», «перестройки», а по сути — откаты назад. И тогда каждый раз — все сначала. Как это произошло с Россией в начале 90-х годов XX века: новый виток бедности, нищеты и убогости во всех отношениях — интеллектуальном, материальном, духовном, нравственном.

Сегодня российская семья в еще более тяжелом кризисе, чем в советские времена. Причин множество. Главная — культ материального успеха, удовольствий и наслаждений. Традиционное понимание отцовства и материнства как жертвенной любви ради воспитания и блага детей, еще жившее в советскую пору хотя бы в части семей, теперь большинством утрачено почти полностью. Имущие родители откупаются от детей дорогими подарками, отсылают их подальше от себя в престижные интернаты и университеты; бедные просто пьют и «гуляют», нередко бросают детей или устраивают им такую жестокую жизнь, что те сами убегают из дома.

Таких семей в стране — миллионы...

Общество и сегодня не может предложить семье истинно сущих ценностей, которые она культивировала бы из поколения в поколение, выращивая культурных людей, а тем самым — культурную нацию. Увы... Значит, семья сама должна позаботиться о том, ка́к и че́м ей жить сегодня, как сохранить себя и свой род в будущем.

На алтарь семьи должны быть положены **семейные ценности**, а в качестве примера и образца — семейные ценности тех фамилий, которые не утратили нравственных и духовных основ, не разорвали связи с семейно-родовым укладом прошлых лет, доказали свою жизнестойкость и жизнеспособность на всех переломных этапах отечественной истории, сознают свою ответственность перед новыми поколениями своего рода и своей Родины...

Дети и внуки как должное, с охотой наследуют материальные богатства — деньги, вещи. Так повелось исстари и всюду в мире.

Но если говорить всерьез, есть только два настоящих дара, которые человек может оставить в наследство: **первый — родовые корни, второй — крылья** — принципы и духовные ценности, в число которых входят Жизнь, Истина, Мир, Доброта, Трудолюбие, Честь, Совесть, Справедливость, Красота, Служение Отечеству и другим людям, многие иные вечные добродетели, которым следовали предки. Вот оно — истинное богатство и наследие. Доброе имя и заветы предков о том, как добывать хлеб насущный честным трудом, несравнимо важнее наследств материальных.

Человек должен иметь Прошлое, а в Прошлом — нечто такое, чем можно гордиться.

Человек, гордый по-настоящему, не знает что такое «вышестоящие» и что такое «нижестоящие», кто начальник, кто — подчиненный. Такой человек равноудален и равноприближен к тем и другим. Он сам себе Слуга и Господин.

Гордость — это мотив, это стимул в жизни.

Гордость требует от человека великих дел.

Гордость — залог успеха и счастья.

Гордость — тонкая материя!..

Гордость сама по себе не является добродетелью, тем более каким-то врожденным качеством человека. Гордость передается не по законам генетики, а воспитывается, приобретается по мере понимания человеком своих собственных способностей, достоинств своего рода, своей нации, своей страны.

Гордость соприкасается с пороками и сама становится пороком, если перерастает разумные пределы. Тогда она зовется **гордыней** и превращается в источник зависти, тщеславия, высокомерия, надменности, презрения к другим, начинает разрушать человека, заставляя его предпочитать ложь и обман истине и чести, предательство — служению. Таков удел людей мелких душой, слабых умом и волей, не способных достичь успеха и счастья собственными усилиями. Бессилие — источник свирепой гордыни.

Остерегайтесь таких людей! От них исходит зло, они источают опасность. Слабые, но высокомерные, они берут в руки знамя

побед своего народа, национальной гордости или славы своих предков и бросаются в бой за своекорыстные интересы, возглавляют толпы заблудших людей и влекут их к гибели. Так велось исстари, то же наблюдаем мы и ныне.

Оглянитесь вокруг: толпы низких людей занимают высшие должности. Они говорят, говорят, говорят и не желают никого слушать. Их уши заткнуты тщеславием, их глаза закрыты пеленой самодовольства, а ум занят одним: откуда бы урвать, да побольше. Проку от них никакого, сплошной вред.

Но гордость, если она разумна и умеренна, неизменно становится **матерью множества добрых человеческих свойств**.

Гордость в ее истинном смысле — это целая философия жизни, заставляющая человека глубоко копаться в самом себе, вести напряженную духовную работу, дабы поднять свой внутренний мир до уровня лучших образцов ума, души и воли.

Не гордится тот, кому нечем гордиться. За скромность и гордость иногда уважают, а иногда презирают. Все зависит от умения быть как скромным, так и гордым. Скромность только тогда обретает ценность, когда есть чем гордиться. Тогда можно позволить себе быть скромным. Ну а если ты ноль без палочки? Чтобы стать чем-то, впереди нулей должны появиться цифры. А если этого не происходит?.. Тут ничего не остается, как тихонько сидеть в своем углу и гордиться скромностью.

Воистину гордый человек не выставляет свою гордость напоказ, а носит ее в себе. Достоинства и успехи, если они есть у человека, видны всем — светятся в его глазах, угадываются в осанке и походке.

Границы гордости и гордыни, скромности и тщеславия подвижны, но всегда проходят через нас...

НАШИ ФАМИЛИИ

Фамилией считается наследственное имя семьи, которое сохраняется как минимум в трех поколениях. В стародавние времена фамилий у русских не было — их заменяли даваемые при крещении имена или прозвища.

Всем известен, например, князь Юрий Долгорукий — основатель города Москвы. Но Долгорукий — это не фамилия, а прозвище, которое от князя не унаследовал никто из его потомков.

Фамилии на Руси появились лишь в XV веке и сначала только у знатных людей, происходили в основном от названия их княжеств и вотчин: Шуйский, Воротынский, Ростовский и т. д.

Позднее фамилии стали появляться у купцов, для которых фамилия была необходима как ручательство за чистоту сделки не только конкретного купца, но и всего рода.

Процесс обретения фамилий купцами длился долгие годы. Так, по данным переписных листов 1722 года, в Москве в Кадашевской слободе каждый десятый купец был бесфамильным.

Крестьяне начали получать фамилии только после отмены крепостного права во второй половине XIX века — с 1862 года. Фамилии простых людей образовывались от имени, прозвища или профессии отцов: сын Ивана — Иванов, сын столяра — Столяров. Иногда фамилии происходили от женских имен: Софьин — сын Софьи, Марьин — сын Марьи.

Таким образом, уже по происхождению фамилии можно определить ее древность, а иногда нащупать сословность своего рода, связать его историю с историей страны и тем самым хотя бы в самой общей форме ответить на вопрос: «Откуда я?»

И лучше, если человек узна́ет об этом пораньше: фамилия и имя, несомненно, влияют на сознание, образ жизни и поведение человека, а в конечном счете — на его судьбу.

Фамилия Ильинский

Небольшой экскурс в историю русских фамилий необходим для того, чтобы показать разнообразие причин возникновения фамилий вообще и понять происхождение фамилии Ильинский, которую носим я, моя супруга и наши дети. Ведь это титульная (главная) фамилия рода. С этой целью изучены многие источники, найдено немало интересной информации.

Согласно Б.-О. Унбегауну, автору всемирно известных трудов по ономастике (науке об именах людей и животных), фамилия

Ильинский относится к разряду **древнерусских фамилий**, образованных **от имен святых**. В главе IX, § 1 «Фамилии православного духовенства» книги Б.-О. Унбегауна «Русские фамилии» сказано, что фамилии, базирующиеся на обычной форме крестильного имени, могут происходить от а) имени святого, б) от церкви, названной в честь его[1].

После христианизации Руси в 988 году каждый восточный славянин получал от священника во время официальной церемонии крещения наряду с мирским, языческим еще одно, второе, имя, которое и называется «крестильным». Крестильные имена соответствовали именам святых и были обычными христианскими именами греческого происхождения.

Например, новгородский посадник, имевший мирское имя Остромиръ, при крещении был обозначен как Иосиф[2]. «К лику святых было причислено несколько русских князей», однако «все они были канонизированы под христианскими, то есть греческими, именами: Владимир как Василий, Борис как Роман, Глеб как Давид (все трое умерли в 1015 году), Всеволод как Гаврила (умер в 1138 году), **Игорь как Георгий** (умер в 1147 году)»[3]. Любопытно, как пишет Унбегаун, что их христианские имена были вскоре забыты и сейчас они известны как святые только под языческими именами. Церковь признала и некоторые другие старорусские имена — Ярослав, Мстислав, Ростислав, Святослав, Олег[4].

Поскольку христианство в Киевской Руси имело значение государственной религии, то новое, крестильное, имя в обязательном порядке принудительно получал каждый новорожденный.

Имя, данное при крещении, обозначалось в древнерусском языке словом «**имя**», а для внутрисемейных обиходных прозваний использовалось выражение «мирское имя». Но вскоре термин «мирское имя» был вытеснен термином «прозвище».

Христианские имена (Илья, Петр, Георгий, Яков, Александр и др.), которые русские люди получали с момента крещения Руси,

[1] См.: Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Издат. группа Прогресс, 1995. С. 20.

[2] Там же. С. 12.

[3] Там же.

[4] Там же.

не были никак связаны с вековой традицией, что создавало трудности правящим родáм, в которых преемственность исконных русских имен предков имела чрезвычайную значимость. Тем не менее первыми проводниками новой, христианской, традиции имянаречения на Руси, как отмечает Н. М. Тупиков, «стали не кто иные, как князья Рюриковичи, ранее других принявшие крещение и получившие христианские имена» [1].

Укоренение крестильных имен и фамилий было длительным культурно-историческим процессом, занявшим не одно столетие. Они вытесняли языческие имена очень постепенно.

Крестильные имена и фамилии давались не только при крещении ребенка, но также при посвящении в сан выпускников духовных учебных заведений (школ, семинарий, академий). Такой чести удостаивались далеко не все, а только те, кто особо выделялся в учебе и поведении. Духовные пастыри давали им также фамилии, образованные от имен святых. От женских имен святых здесь возникли фамилии Анненский, Варваринский и др. От мужских — Андреевский (Андрей Первозванный), Георгиевский (Георгий Победоносец), Петровский (апостол Петр), Сергиевский (Сергий Радонежский), Дмитриевский (Дмитрий Солунский), Ильинский (Илья-пророк) и др.

В подтверждение своего вывода Б.-О. Унбегаун приводит примеры крестильных фамилий: Андреевский, Дмитриевский, Зосимовский, Константиновский, Лавровский, Николаевский, Петровский, Флоровский и в том числе называет фамилию **Ильинский** [2].

Семинаристы «тихого поведения и громких успехов» могли получить фамилию от **религиозных праздников**: Рождественский, Успенский, Троицкий, Воскресенский и т. д.

В Энциклопедии русских фамилий [3] на странице 195 сказано: «ИЛЬИНСКИЙ. Фамилии, возникшие от крестильного имени, связаны... с именем святого (Илья Пророк — Ильинский)...» На странице 24 этой же книги отмечается: «Разумеется, такие фами-

[1] Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 14.

[2] Унбегаун Б.-О. Указ. соч. С. 171.

[3] Энциклопедия русских фамилий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

лии могли образовываться не только от имени святого, но и от церкви в его честь, и от названия местности, просто от фамилии, Ильин — Ильинский».

Б.-О. Унбегаун также считает, что тип древнерусских фамилий на -ский образован от географических названий. Их носителями были те представители боярства и дворянства, которые получили имена по названиям своих княжеств, уделов, наследованных владений, поместий и передавались от отца к сыну как символ территориальной власти.

Например, княжеская фамилия Барятинский происходит от названия родового имения Борятино (ныне Калужская область). Ее родоначальником является князь Александр Мезецкий по прозванию Борятинский (конец XIV века). Древняя русская фамилия Заболотский означает, что имение основателя этого рода Василия Ивановича Всеволож находилось «за болотом». Алексей Заболоцкий — боярин и воевода Ивана III. Семен Заболоцкий — боярин при Иване Грозном. Княжеская фамилия Вяземский происходит от названия главного родового городка — Вязьмы. Князь Афанасий Вяземский (1570) был приближенным Ивана Грозного. По этому принципу появились дворянские фамилии Дубенский (Дубна), Дубровский (Дуброва), Ржевский (Ржев), Тихвинский (Тихвин), Тухачевский (Тухачево) и многие другие.

По поводу фамилий на -ский Б.-О. Унбегаун в своей книге «Русские фамилии» также отмечает, что в «Тысячной книге» (1550 год) **из 93 княжеских фамилий 40 оканчивались на -ский**. Княжеские роды: Воротынский (Воротынск), Глинский (Глинск), Мезецкий (Мезецк, а в древности Мезческ), Пожарский (деревня Пожарка), Прозоровский (Прозорово), Хованский (река Ховань), Шуйский (Шуя), Курбский (деревня Курба на реке Курбица), Трубецкой (от Трубчевск) и т. д.

Однако в книге «Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи» (составитель граф Александр Бобринской. Часть II (с начала XVII столетия до 1885 года). С.-Петербург, 1890) на странице 1 в главе «Ильинские и графы Ильинские» (выписка из Родословной книги Князя Долгорукова III, 140) говорится, что «фамилия Ильинских (Ilinski) польского происхождения и была известною на Волыни в начале сем-

надцатого века. Одна ветвь ее, поселившаяся в воеводстве Смоленском, поступила в русское подданство по возвращении (!) Смоленска России, при Царе Алексее Михайловиче». Известно также, что «потомки их, Ильинские, многие равным образом служили Российскому Престолу дворянские службы и жалованы были в 1699 и других годах от Государей поместьями. Все сие доказывается разными справками, означенными в определении Курского дворянскаго собрания и родословною Ильинских»; что «некто Кирилл Ильинский с сыном Саввой приехали из Польши в Белгород, и было это в 1654 году; что они и их род были дворянами, а некто Илинские в Польше — графами, занимали важные посты и т. д.».

Как же быть: считать фамилию Ильинский исконно русской или польской? Я полагаю, что должен присоединиться к выводам ученых и согласиться с тем, что по своему первичному происхождению это фамилия не просто русская, а древнерусская. Ссылки на Гербовник Российской империи, которые приведены, несомненно, важны.

Но правомерно ли на этом основании утверждать, что Кирилл Ильинский — первый в истории русского народа Ильинский? Что, если он, Кирилл Ильинский, приехал из Польши, в которой эта фамилия (Ilinski) — была широко распространена, означает ли это, что она польская?

На мой взгляд, это утверждение легко опровергается, если к вопросу, как этого и требует наука, подойти исторически.

На момент составления Гербовника Российской империи (конец XIX века) ономастика — наука, изучающая имена и фамилии, отчества и прозвища людей, только зарождалась. Об этом говорится, в частности, в рецензии («разборе») профессора Е. Ф. Карского на рукопись Словаря древнерусских личных собственных имен Н. М. Тупикова в связи с представлением его выдающегося труда к Ломоносовской премии[1]. Имена и фамилии самого Гербовника, на который сейчас ссылаются исследователи, были взяты из грамот и актов, писцовых книг, в которых не было (и не должно было быть) никаких указаний на происхождение фамилий.

[1] См.: Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 885–899.

Между тем после принятия христианства (998 год) на Руси появились имена, которые носили апостолы Христа: Петр, Андрей, Матвей и др., а также святых пророков, и прежде всего имя первого святого пророка — Илии (Ильи). Резонно предположить, что вслед за этим, позднее, появилась и фамилия Ильин, от которой, в свою очередь, возникла фамилия Ильинский. Например, Н. М. Тупиков упоминает 1617 годом Григория Ильина, Вологодского боярского сына[1], т. е. задолго до 1654 года, когда на Руси появились Кирилл и Савва Ильинские.

У составителей Гербовника и других подобных книг не было задачи изучать и доказывать происхождение той или иной фамилии. Это были писари, а не исследователи, они фиксировали очевидное — факты, представленные представителями родов.

Постепенно русских фамилий на -ский на Руси и потом в России становилось меньше. По мнению Б.-О. Унбегауна, это объясняется спецификой системы землевладения на Московской Руси.

«Наследственных владений (вотчин) было мало, — пишет Унбегаун. — Огромные территории занимали так называемые поместья, управлявшиеся помещиками. Поместье давалось царем в награду за службу, военную или гражданскую. После смерти владельца оно отходило в казну и в дальнейшем могло быть передано новому владельцу. Размеры поместья не были твердо установлены, и при переходе к новому владельцу оно могло увеличиваться или уменьшаться в зависимости от разных обстоятельств. Частая смена землевладельцев мешала созданию фамилий, основанных на названии поместья» (т. е. на -ский. — *И. И.*).

К середине XVII века, когда поместья стали наследоваться и были приравнены к вотчине, русский помещик стал дворянином в полном смысле этого слова. Однако к тому времени представители нового дворянства уже обладали постоянными фамилиями большей частью в обычной патронимической форме, т. е. происходили от имени отца (Иванов, Петров, Савичев и т. п.). Это также объясняет, почему русские фамилии не содержат формальных указаний на знатность, таких, например, как частица de во французском и von в немецком.

[1] См.: Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 49.

Совсем иная ситуация сложилась в Польше, где дворяне издавна владели имениями, передаваемыми по наследству. Этим объясняется распространенность польских топонимических фамилии на -ski (фамилий по географическому названию). Престижность таких фамилий привела к частому использованию суффикса -ski буржуазией, в результате чего значительно возросло число фамилий этого типа, которые стали считать преимущественно польскими.

Исконно русские фамилии на -ский позднее слились и практически были поглощены аналогичными польскими, украинскими и белорусскими фамилиями[1].

Именно в этом, на мой взгляд, и состоит главный аргумент в пользу того, что фамилия Ильинский является изначально русской и древнерусской, а не польской и даже не русифицированной польской.

Обратимся к еще одному факту истории.

В I тысячелетии территорию Польши населяли славянские племена — поляне, висляне, мазовшане. Это в нынешние времена подавляющее большинство поляков — католики, т. е. неправославные христиане. Но главное в другом: те и другие — христиане.

Ведь, как известно, разделение христианской церкви на православную и католическую произошло в 1054–1204 годах, т. е. намного позже крещения Руси (988 год). При всех различиях католической и православной церквей у них один Бог, одни и те же святые, один из которых — чудотворец Илия (Илья), одаренный согласно библейским рассказам и мифам почти божественной властью.

Церковные книги гласят, что имя Илия означает «крепость Божия». Илия был подобным всем людям земным человеком, который обладал необычайным духовным могуществом, ибо всем разумом, всем сердцем своим любил Небесного Отца своего — Бога, был верным Его слугой, за что Бог внимал молитвам Илии и исполнял все самые дерзновенные его прошения.

Так Илия стал могучим чудотворцем и пророком, не имеющим себе равных: единым словом он затворял небеса, сводил на землю

[1] Унбегаун Б.-О. Указ. соч. С. 20.

огонь, воскрешал мертвых и низвергал царей. Илия не жалел для себя ничего, отсек от себя не только греховные соблазны, но и невинные удовольствия. Единственно, чего хотел Илия — близости к Небесному Отцу.

Вот почему, когда израильтяне по выходе своем из Египта изваяли себе в пустыне золотого тельца и стали поклоняться этому идолу вместо истинного Бога, Бог послал к ним Илию, дабы обличить их заблуждения, увещевать и наказать. Илия исполнял волю Божию упрямо и неудержимо, и сбывалось все, что он предрекал, но не столько от гнева Божия, сколько от ревностного отношения к славе Божией его пророка Илии.

И все же при всей мощи своей духовной Илия не смог восстановить на земле праведность, думал, что все совершенные им подвиги и благочестия оказались напрасными, а значит, рушилось все дело его жизни. И он стал просить у Бога смерти, а душу взять Себе. И тогда однажды тихим ветром к Илие явился сам Господь и объяснил, что не буря, землетрясение и огонь, которые Он может вызывать, являются Его главной силой в управлении людьми, а кротость и долготерпение.

И вскоре пришло время, когда Господь определил взять к Себе не душу Илии после смерти, а самого Илию — живого, во плоти. Сила Божия, взявшая Илию на небо, явилась в виде огненной колесницы и огненных коней, свидетельствовавших о пламенном Духе и Слове Илии.

А спустя девятьсот лет после чудесного вознесения пророка Илии на небо миру явился Христос Спаситель. И в час его преображения перед апостолами на горе Фаворе Христу предстали пророки Илия и Моисей.

Согласно церковным сказаниям, и поныне великий угодник Божий Илия пребывает во плоти на небесах и должен прийти на землю перед вторым пришествием Христовым. Об этом предвозвещает Апокалипсис.

И когда перед самой кончиной мира все человечество, кроме небольшого остатка верных Господу, поклонится Антихристу как царю и богу, на землю во плоти своей придет святой Илия, дабы огненной ревностью и духовной силой обличить Антихриста с его

лживыми чудесами и знамениями, и начнется новая эпоха его новых трудов, страданий и мученичества во имя Веры.

Так гласят церковные книги...

Будучи, говоря словами А. Эйнштейна, «религиозным неверующим», я прожил долгие годы, не зная всего, что сказал сейчас. Конечно, это миф. Но все в этом мифе мне нравится, все по душе. Многое из сказанного я исповедовал и проповедовал, многому следовал, не зная и не догадываясь о том, какие великие смыслы зашифрованы в моей фамилии.

В более поздних славянских православных традициях (русской, болгарской, сербской) Илья-пророк выступает как персонаж, вызывающий гром, молнию и дождь, связанный с летом, плодородием и урожаем. На Руси образ Ильи-пророка трансформировался в образ богатыря Ильи Муромца, а также праздничные обряды Ильин день, обряд Ильинского быка и др.[1]

В России немало мест называются Ильинскими. На Дальнем Востоке есть город Ильинский, в Пермской области — поселок городского типа Ильинский, в Подмосковье, недалеко от Люберец, поселок Ильинский, а на Рублевском шоссе — село Ильинское, в Твери — Ильинская площадь. В центре Москвы мимо памятника героям Плевны и Политехнического музея, прямо к Кремлю ведет улица Ильинка, а на самом музее указан адрес: «Ильинские ворота»...

Совсем другое дело — с какого времени носит фамилию Ильинский тот или иной конкретный род, конкретная семья. В данном случае — наша семья. Но обо всем по порядку.

Фамилия Александро́вич

Генеалогическое древо любого рода имеет две главные ветви — ветвь отца и ветвь матери. Фамилия моей матери, которая находилась с моим отцом в гражданском браке, — Александро́вич.

Информации по поводу этой фамилии в научной литературе вполне достаточно.

---

[1] См.: Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 504–506.

Б.-О. Унбегаун в указанном сочинении «Русские фамилии» пишет: «Патронимические имена на „-ич“... все — украинского или белорусского происхождения»[1]. Он же далее говорит: «Многие белорусские фамилии на „-о́вич/-е́вич“ нельзя отличать от омонимичных им украинских, если и те, и другие даны в русифицированной форме, например Александро́вич, Богдано́вич...»[2] Там же указывается, что «много белорусских фамилий на „-о́вич/-е́вич“ идентичны соответствующим **польским**, например Адамо́вич, Климонто́вич...»[3]

Итак, по поводу фамилии Александрович есть по крайней мере три версии, и все они правдивы. В одном случае фамилия Александро́вич украинская, в другом — белорусская, в третьем — польского происхождения. Но если рассматривать русских в трех ипостасях — великороссы, малороссы (украинцы) и белороссы, то уже по этим основаниям фамилию Александрович можно считать русской. Можно полагать, наконец, что эта фамилия берет начало из Литвы (см. приложение 2), которая, как известно, в 1569 году объединилась с Польшей в Речь Посполиту.

Известно, что Украина в XIV веке находилась под властью Литвы и Польши; что в конце XVII века до 1815 года Литва входила в состав России; что в IX–XI веках Белоруссия была частью Киевской Руси, а с VIV века — находилась в составе Великого княжества Литовского.

Есть основания также думать, что фамилия Александро́вич исконно и древнерусская, что от нее пошли как украинские, белорусские, так и польские Александро́вичи. Н. М. Тупиков в уже названной книге Словарь древнерусских личных собственных имен пишет, например, что «иногда мы не можем определить, имеем ли перед собой отчество или фамилию. В более раннее время выделять отчества не трудно, ибо они оканчиваются на „-ичъ“, да, кроме того, в то время и не встречаем фамилий; но позже окончания отчеств и фамилий совпадают»[4]. В том же Словаре говорится, что на Руси отчества стали появляться рано, что уже в списках

[1] Унбегаун Б.-О. Указ. соч. С. 184.

[2] Там же. С. 231.

[3] Там же.

[4] Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 46.

русских послов 945 года (Лавр, 45) при именах некоторых из них находятся отчества. Отчества вначале употреблялись как знак особого почета и только в высших классах, в то время как лица из низших слоев назывались только по имени. Затем отчества встречаются все чаще. Н. М. Тупиков приводит примеры: «Иванъ Халдéевичъ, воевода киевский; Василий Вóлковичъ, приставъ въ Вышгородъ; Володиславъ Воротисла́овичъ, посол кн. Кіевскаго; Кенятинъ Хóтовичъ, воинъ русскій; Васко Бу́славичъ, Новгородскій Посадникъ и т. д.»[1].

После крещения Руси здесь появилось крестильное имя Александр, а значит, и отчество Алекса́ндрович, которое вполне могло со временем трансформироваться в фамилию Александро́вич. Затем, после выхода Польши из состава России и поглощения ею Украины и Белоруссии, эта фамилия распространилась среди украинцев, белорусов и поляков. Будучи престижной, по своему происхождению (о чем будет сказано ниже) или по каким-то иным, неведомым нам причинам, в этих странах она получала все более широкое распространение, стала знаменитой, в то время как на Руси почему-то утрачивалась.

Потом фамилия Александро́вич вернулась в Россию в виде ее конкретных носителей, и теперь мы почему-то должны связывать ее с какими-то конкретными персонажами.

Если учесть все исторические перипетии, которые происходили в результате войн названных стран между собой, то досконально разобраться в этом вопросе, на мой взгляд, просто невозможно. Да в этом и нет особой нужды. Истинная история возникновения фамилии моей матери, как и множества других фамилий, теряется во тьме веков, и вряд ли кто-то когда-нибудь узнает ее.

Фамилия Морозов

Морозов — фамилия исконно русская. Например, в двенадцатимиллионной Москве ныне она замыкает десятку самых распространенных фамилий: Ивановы, Кузнецовы, Смирновы, Поповы,

[1] Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 46.

Новиковы, Васильевы, Петровы, Волковы, Соколовы и — Морозовы[1].

В нынешние времена большинство русских фамилий оканчиваются на -ов/-ев или -ин. Мороз — древнерусское нецерковное, языческое имя. Образовано от имени отца[2]. Предполагают, что им нарекали ребенка, родившегося в сильные морозы. Возможно, родители желали, чтобы сын был крепким и могучим, как русский мороз.

В глубокой древности, когда на Руси властвовало язычество, наши предки поклонялись Природе, ее явлениям и языческим богам, которые, как думали предки, управляли всем, что происходит вокруг. И сегодня можно встретить людей с древнерусскими фамилиями: Соловей, Музыка, Правда, Чулок, Щука, Метелица, Вечер, Ветер, Гром, Ливень и многими им подобными. Тогда не было Морозовых, Истоминых, Барышниковых, а были — Мороз, Истома, Барышник и т. д.

НАШИ ПРЕДКИ

Долгие столетия существовало представление, что семья, состоящая из отца, матери и несовершеннолетних детей, была первоначальной формой человеческого общения, которая со временем, все разрастаясь, но сохраняя свое единство, превратилась в то, что ныне называется **родом**.

Ныне доминирует совсем иная точка зрения, согласно которой не род происходит из семьи, а семья своим происхождением обязана **разложению** рода.

С точки зрения эволюции — иначе говоря, сугубо научного подхода, — это, вероятно, так и есть. Однако в нашем случае, когда мы должны доказывать свою принадлежность к уже существующему роду с определенными названиями (фамилиями), когда мы вынуждены искать себя не в доисторическом, а в обозримом прошлом, будем просто держать эту фундаментальную истину в го-

[1] Комсомольская правда. 2007. 28 марта. С. 29.

[2] См.: Унбегаун Б.-О. Указ. соч. С. 21; Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских фамилий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 383, 391.

лове, а в остальном — просто вспоминать и излагать то, что доподлинно знаем.

Ильинских, Морозовых, Александровичей в России и в мире было и живет поныне тысячи тысяч. Кто из них собственно нашего рода, а кто просто носит эти фамилии? Когда их получил? Интересно бы знать, но до своих родоначальников нам уже не докопаться. Все, чего хочу я, пишущий эти строки, так только того, чтобы наши потомки знали, кто́ были их предки — деды, матери и отцы, что жили они честно и праведно, верно служили своей семье и родине. Чтобы потомки знали: им есть что́ наследовать.

Это очень важно — знать, от какого рода ты начинаешься, к какому роду принадлежишь ныне. Прекращаешь или продолжаешь свой род рождением и воспитанием детей. Или безбрачием, а то и беспутством вместе со смертью своей ставишь точку в его истории. Возвеличиваешь и прославляешь его. Или позоришь и унижаешь. Хранишь честь и традиции своего рода. Или разрушаешь их.

Без чувства рода нет чувства Родины и ответственности перед прошлым и предками.

Если ты рассчитываешь на то, чтобы твои дети и потомки не забыли твое имя, ты обязан хранить в душе память об отце и матери, дедах и пращурах, лелеять в сердце благодарность за то, что они, ушедшие в Вечность, дали тебе величайшее из всех человеческих благ — Благо Жизни...

Понятие «род» имеет два значения: это ряд поколений, происходящих от одного предка (древний, старинный, богатый, бедный и т. д.), или принадлежность по рождению к какой-либо социальной группе (род аристократический, дворянский, купеческий, рабочий, крестьянский и др.).

Родоначальников своих вообще (т. е. первого предка) редко кто знает. Лишь цари, князья и некоторые великие люди, да и то далеко не все и не во всей полноте.

Нам известно, что каждый из наших родов (Ильинских, Александровичей, Морозовых) имеет историю, уходящую в прошлое на несколько поколений. Как далеко — мы, к сожалению, можем только гадать. Прежде мы просто не задумывались о таких вопросах. Но некоторые основания для этого существуют.

Ведь количество только прямых предков каждого из нас поистине удивляюще возрастает по мере углубления в прошлое. В предшествующем (первом от нас) поколении их всего двое: наши мать и отец. Но уже в пятом (прапрадедовском колене) — их 32. А далее начинаются прямо-таки чудеса, происходит скачкообразный рост цифр: в десятом поколении прямых предков у каждого из нас оказывается 1024, а в двадцатом — 1 048 576 (т. е. больше миллиона) человек.

Конечно, на самом деле в силу многих причин (бездетность, преждевременная смерть и др.) количество наших прямых предков намного меньше названной потенциальной цифры. Тем не менее, если мыслить сугубо математически, каждый из нас с определенной долей вероятности может надеяться, что он является, как минимум, прямым потомком героя Отечественной войны 1812 года, воина Полтавской битвы 1709 года и иных сражений петровских и более ранних времен.

А если принять во внимание братьев и сестер наших прямых предков, а также их родственников, то окажется, что через их посредство каждый из нас, живущих в данный момент представителей того или иного рода, причастен едва ли ни ко всем событиям прошлого — и великим, и, увы, позорным.

А это значит, что когда мы этак между прочим говорим: «Прошлое России — это наше прошлое» или удивляемся: «Тесен мир!», когда обращаемся к окружающим нас людям со словами: «Братья и сестры!», то должны отдавать себе отчет в том, что это — не плод возбужденного воображения, а некая истина, которая имеет под собой логические основания и просто неведома нам.

Жизнь отдельной семьи, а тем более целого рода вбирает в себя историю всей страны уж если не во всех, то во многих гранях и в определенной мере способна открыть (как минимум — отразить) нечто главное, существенное, недоступное «общему» взгляду на историю. Иногда же рамки одного рода способны вместить в себя всё, уловить и понять такие стороны и моменты жизни, которые ускользают от внимания при изучении сословий, классов, групп общества.

В этом смысле справедливо сказать, что наша **Род**ина — это один огромный, разросшийся до гигантских размеров **Род**, в ко-

тором люди даже разного цвета кожи, разных вероисповеданий могут оказаться родственниками, хоть эту родственность уже не рассмотреть ни в какой телескоп.

Например, специалисты в области генеалогии считают, что Иван Грозный был, по-видимому, потомком не только Дмитрия Донского (его прапраправнуком), но и хана Мамая, ибо его мать (Елена, вторая жена князя Василия III) принадлежала к князьям Глинским, а их родоначальником был сын Мамая, крестившийся с именем Александр. Более того, Иван Грозный являлся потомком и самого Чингисхана, так как Мамай был женат на дочери чингизида хана Бердибека...

Это пример только одного из родов великих людей. Погружаться в далекое прошлое ныне «простому» человеку «простых» фамилий бессмысленно: документирование родословных в России началось лишь на рубеже XVI–XVII веков.

И все-таки, для того чтобы страна жила и развивалась, надо, чтобы наши дети и их потомки знали, изучали и живо чувствовали свою «корневую систему», старались как можно больше знать о своей родословной. Хотя, конечно, самое прекрасное в родословной — это не только услуги, которые когда-то оказаны предками своему роду, Родине и Человечеству, но и славные дела, творимые ныне живущими во имя своей семьи, рода и общего блага.

Это — главное.

Род Ильинских

Корни рода Ильинских лежат в Твери.

Помню, еще во время первой моей встречи с бабушкой Татьяной Семеновной в 1963 году она сказала: «Мы — тверские, а фамилия наша — церковная».

В 2001 году мы со Светланой приехали к моей тетушке Ильинской (по мужу — Глаголевской) Нине Федоровне, чтобы узнать побольше о нашей родословной. И на вопрос: «Мой дед, Федор Федорович, получил фамилию Ильинский после окончания духовной семинарии?» — тетушка решительно отрезала: «Нет! Они сроду были Ильинские. У них там был „тверской ковер“ Ильин-

ских, тверской клан Ильинских. Все так говорили. Почему? Не знаю».

К той беседе с Ниной Федоровной 3 октября 2001 года, которую я записал на диктофон и потом расшифровал, я, к сожалению, подготовился плохо. О многом так и не спросил. К тому же Нине Федоровне было уже 86 лет, в тот момент она была не совсем здорова, хотя памяти ее можно было только удивляться. Потом я кое-что проверил по документам и поразился: практически все даты, имена, названия были абсолютно точными.

Рассказы бабушки, двух моих тетушек — Нины Федоровны и Валентины Федоровны, несколько писем да текст магнитофонной записи и есть та источниковая база, на которой и основан мой краткий рассказ о роде Ильинских.

23 июля 2008 года я на вертолете побывал в Болóтово, Орехово, Батюкóво и Асýжнево, где нечаянно встретил Николая Михайловича Архипова (1925 г. р.). В детстве и молодости он жил в деревне Карпово, почти сливавшейся с Батюково. Он знал Татьяну Семеновну и ее дочерей, в 1943 году, будучи солдатом, разминировал деревню, оставленную немцами после жестоких боев. Эта встреча пополнила мои скудные знания о родных местах...

Крестильную фамилию Ильинский мы наследуем как минимум четыре рода, а наши дети — пятый род. В генеалогии принято считать, что в среднем на три рода приходится 100 лет. Значит, роду Ильинских минимум 130 лет. Претензии на больший срок надо доказывать.

Вот, например, Ильинский Михаил Иванович (Макарий), о котором говорится в главе «Другие Ильинские», — родился в Тверской губернии, окончил Тверскую духовную семинарию. До 1953 года он был митрополитом Нью-Йоркским, экзархом Северной и Южной Америки. Однофамилец или один из тех, кто входил в «тверской ковер», «тверской клан»? Не знаю.

Это размышления о крестильной фамилии Ильинский, полученной одним из наших предков при посвящении в церковный сан. А какую **мирскую** фамилию носил наш род до этого момента? Тут неизвестно абсолютно ничего.

Между тем сами корни рода от этого никуда не исчезли. У получившего крестильную фамилию были мать и отец, возможно,

братья, сестры, их дети. Кто они, в каких временах теряются эти люди? Сколько их было?..

О своем **прадеде** по отцовской линии, Федоре Ильинском, я не знаю ничего, кроме того, что он был тоже священником. Даже отчество его мне неизвестно, хотя в свое время узнать мог не только это. Не узнал, не спросил... Нет у меня и фотографий — ни деда, ни прадеда.

То же самое вынужден сказать и о прабабушке по отцовской линии. В разговоре с Ниной Федоровной, который я обильно использую, она произносит слова «**бабушка Мария**». Речь, видимо, о матери моего деда, Федора Федоровича. Но в тот момент я упустил возможность уточнить, так ли это. Теперь остается только строить догадки.

По порядку о том, что мне известно более или менее точно.

Мой **прадед по женской линии** (отец матери моего отца — Татьяны Семеновны) Семен Фролов (отчество неизвестно) жил в Москве, работал в артели, имел прозвище «Серебряное горлышко». «Что-то с горлом у него было. Серебряное горлышко у него было», — сказала Нина Федоровна. Он был женат на Жуковой Наталье Осиповне, кухарке. У них было пять дочерей — Екатерина, Наталья, Александра, Ульяна и Татьяна.

Сохранилась фотография Натальи Осиповны, на которой она запечатлена с одной из своих внучек — Валентиной и внуком Михаилом — моим отцом.

Наталья Осиповна умерла от истощения в послевоенном голодном 1946 году в деревне Болóтово Калининской (ныне Тверской) области в доме своей дочери (сестры моей бабушки) Александры Семеновны Кононовой и похоронена на задах ее огорода. Чтоб могилка не затерялась, на ней при похоронах посадили кустик жасмина...

Остатки этой избы еще существуют, она стоит, хоть завалилась уже градусов на сорок, обросла кустарником, крапивой так, что пробиться к ней с дороги непросто. 23 июля 2008 года мы прорвались сквозь бурелом и заросли бывшего огорода, за которым нашему взору вдруг открылась чудная картина: широкое русское поле, а в его начале, на фоне сосен, берез, осин и голубого неба — огромный куст жасмина... Он был прекрасен, хоть уже и отцвел. Это прах моей прабабушки Натальи Осиповны...

В какие годы и почему — не ясно, но Семен Фролов с женой Натальей оказались в деревне Батюково Зубцовского уезда Тверской губернии, где и встретились Фроловы и Ильинские.

Дед мой (по отцовской линии) Федор Федорович Ильинский после окончания духовной семинарии в Твери был рукоположен в священнослужители, благословлен на восстановление церкви в Батюково и служение в ней, т. е. был лицом, имевшим благодать совершать различные церковные таинства — вести богослужение, руководить церковной жизнью, крестить.

Федор Федорович заприметил дочь Семена Фролова, Татьяну, которая была еще совсем девочкой лет десяти. Он ждал, пока Татьяне не исполнилось 16 лет. Тогда он попросил у Семена и Натальи Фроловых руки их дочери. Родители спросили: «Пойдешь за Федора Федоровича?» — «Отдадите — пойду, — сказала Татьяна. — Не отдадите — не пойду». Так говорила сама Татьяна Семеновна своей дочери, моей тетушке Нине Федоровне, а она — мне.

Ильинские отстроили в Батюково большой и красивый деревянный дом, и, судя по всему, были людьми зажиточными. У них было две коровы, две лошади, овцы, много разной птицы — кур, гусей, уток.

В феврале 1906 года у Федора Федоровича, который был старше Татьяны Семеновны лет на пятнадцать, родился сын Михаил — мой будущий отец; в 1908 году — сын Владимир; 23 января 1910 года — дочь Валентина. В 1912 году на свет появился еще один мальчик, которого назвали Федором, но летом 1926 года в возрасте четырнадцати лет он умер. 11 декабря родилась еще одна дочь — Нина.

В какой-то момент Федор Федорович, видимо, пошел на повышение — его перевели служить в город Торжок, где еще в XVII веке было 29 церквей и мужской Борисоглебский монастырь, основанный в 1015 году, мужское духовное училище. С главой семьи в Торжок переехала вся семья.

Но грянула революция 1917 года. Церкви одну за другой стали закрывать, на церковнослужителей начались гонения. Семья вернулась в Батюково, благо дом свой не продали, а Федор Федорович остался служить в Торжке.

Долго ли служил Федор Федорович в Торжке, неизвестно. Но потом его перевели в уездный город Старица, который был меньше Торжка, хотя и здесь на пять с половиной тысяч жителей приходилось десять православных церквей, мужской Успенский монастырь, духовное училище.

Расстояние от Старицы до Батюково — около 20 километров. На лошади, а иногда и пешим ходом Федор Федорович наведывался домой.

Однако и этот период, видимо, был недолгим.

В ноябре 1918 года в Зубцовском уезде начался крестьянский мятеж, вдохновительницей и организатором которого была княгиня Голицына, бывшая фрейлина императорского двора. Активную роль в мятеже играло духовенство: впереди толпы шли священники в рясах и с крестами в руках. Партийных и советских работников мятежники убивали.

Мятеж подавили. Княгиню Голицыну и 24 активных участника восстания расстреляли.

Нет никаких оснований думать, будто Федор Федорович причастен к этим событиям. Но ясно, что после них ему, как и всем церковнослужителям, стало жить еще хуже. Он вернулся в Батюково, где церковь некоторое время продолжала действовать.

Батюково стояло на высоком берегу Черной речки, которая тут же впадает в реку Иружа, а та через несколько километров — в Волгу. Батюково было самым крупным селом в округе с населением под тысячу человек. В селе были льнозавод, почта, магазин и чайная, действовали средняя школа, клуб и церковь. В радиусе от двух до пяти километров от Батюково находилось более десятка небольших деревень — Карпово, Рублево, Максаково, Куренёво, Никифорово, Асу́жнево, Боло́тово, Але́ксино, Карамзино́, Иружа, Орехово и др. Во времена, когда в церкви служил Федор Федорович, жители этих сел были его прихожанами, а дети учились в батюковской школе. В пору советской власти в церкви находилась пекарня...

Прихожане любили Федора Федоровича. Был он добрым, приветливым, высокого роста (как говорила Нина Федоровна — «длинный»), ладно сложен, хорош лицом, имел прекрасный голос. Когда Федор Федорович уходил распеваться перед службой в лес

и пел там не только церковные, но и обычные, народные песни, его, затаив дыхание, слушало все село. Об этом рассказывали Татьяна Семеновна, Нина Федоровна, Валентина Федоровна.

Благодаря ему Ильинских в тех местах помнили еще долго.

Мы со Светланой убедились в этом в 1963 году, когда поехали навестить бабушку. От станции Зубцов нас подбросили несколько километров на машине, а потом пришлось идти пешком. И мы заблудились. Стоим на берегу великой русской реки Волги, где она еще шириной метров сто, не зная, куда идти. Неожиданно увидели какого-то мужика. Спрашиваем: «Как пройти в Асужнево?» — «Не знаю, — отвечает. — А вам кого надо?» — «Ильинских...» — «Так бы и сказали... Километра два еще...» И объяснил, как найти бабушкин дом. Спрашиваю: «А вы откуда их знаете?» — «Так говорят, был когда-то в Батюково поп такой. Хороший...»

Умер Федор Федорович рано, в 1922 году, в возрасте сорока семи лет. Это значит, что родился он в 1875 году, поскольку известно, что был старше своей жены, Татьяны Семеновны, на пятнадцать лет. А ее год рождения известен по находящимся у меня документам: 1889-й.

Бабушка моя, Татьяна Семеновна, практически всю жизнь прожила в деревне: сначала — в Батюково, а потом, когда во время войны немцы спалили деревню, перестреляв многих ее жителей, перебралась в соседнюю деревню Асужнево, в которой Нина Федоровна, дочь, купила для нее небольшой дом. В нем я и моя жена Светлана и встретились впервые с Татьяной Семеновной в 1963 году.

Даже того немногого, что я узнал о ней из нескольких встреч, достаточно, чтобы сказать, что бабушка моя была из разряда тех женщин «из русских селений», которая, как писал Н. А. Некрасов, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Она пережила революцию, раннюю смерть мужа, войну, немцев, послевоенный голод, одна вырастила двух сыновей и двух дочерей, проводила в хлопотах по хозяйству все свое время — от зари до зари.

Помню картинку 1963 года...

Мы стояли около избы, о чем-то говорили. Вдруг Татьяна Семеновна насторожилась, приложила ладошку ребром ко лбу, глянула на небо, на горизонт, вскрикнула: «Ой, ливень будет!» Схва-

тила грабли, вилы и кинулась по косогору в луга. Мы со Светланой за ней: «Баб Таня, ты куда?» — «Сено копнить!» И припустилась почти бежать по косогору. Мы еле поспевали за ней. Ей было 74 года, мне в два с половиной, Светлане почти втрое меньше... Мы помогали как могли — гребли и копнили, но всю основную работу сделала Татьяна Семеновна.

Бабушка была человеком набожным. В переднем углу ее небольшой избушки висели иконы. Дом был полон запахов, которых не встретишь нигде, кроме как в старых русских избах: смесь запахов дыма и золы из печи, ржаного хлеба, парного молока, коровы и овец из стойла, что находилось слева при входе в избу...

Рано утром, когда еще только пропели петухи и мы со Светланой нежились на пышных пуховых перинах, сквозь сон было слышно, как бабушка доила корову, приговаривая: «Тихо, тихо, Маня... Манечка...», а струи молока дзинькали по стенке цинкового ведра.

А потом она усаживала нас завтракать, навалив на стол свежих шанежек, вареных яиц, выставив миску творога, крынки со сметаной и парным молоком и все удивлялась тому, как мало мы едим.

Только на закате лет своих, когда Татьяна Семеновна осталась в полном одиночестве и почти совсем ослепла (ее поразила глаукома), Нина Федоровна забрала ее в Ленинград, где она (как говорится в справке из жилищно-эксплуатационного участка № 3 от 06.04.1979 г.) проживала с 1971 по 23 ноября 1978 года на ул. Кропоткина, дом 11, кв. 20. А на лето все же перебиралась в деревню, в родной дом.

Умерла Татьяна Семеновна 9 августа 1978 года в больнице соседнего с Асужнево села Орехово Ржевского района Калининской области, как говорится в свидетельстве о смерти, от рака поджелудочной железы. Там же в Орехово и похоронена.

Татьяне Семеновне шел 90-й год...

На фотографиях, которые сохранились у меня и в памяти моей, она осталась красивой, с глазами, полными добра, мудрости и затаенного страдания. Бабушка, моя бабушка, как стыдно мне сейчас за все, что я мог бы сделать для тебя, но не сделал... в свое время...

От села Батюково, где жили мои дед и бабка, отец, его брат и сестры, сегодня нет и следа, даже обозначение на карте Тверской области отсутствует. За послевоенные годы все, что можно было растащить, прибрали к рукам, что горело — сожгли, а землю перепахали, приспособили под луга и посев. Поработали так хорошо, что 23 июля 2008 года мы с вертолета с трудом, лишь с третьего захода, обнаружили сверху следы бывших строений, все ж проглядывавшие сквозь высокую траву и кусты... Церковь, в которой служил Федор Федорович, еще в 1943 году вдребезги разбила при наступлении советская артиллерия: на колокольне находились немецкие наблюдатели и пулеметчики.

Несколько лет назад, как говорил мой двоюродный брат Лев Владимирович Ильинский, на месте храма был высокий холм, заросший кустами и деревьями. А года два назад нагрянули кладоискатели, разрыли холм, но ничего, кроме кирпичей, не обнаружили. Кирпичи растащили для своих нужд жители окрестных деревень, в большинстве из которых осталось всего по нескольку изб, как в Асужнево, одна из них — изба Татьяны Семеновны. Когда мы приезжали к ней со Светланой в 1963 году, в селе стояло изб двадцать...

Теперь холм стал намного ниже, но все же существует, а рядом с ним — прямо от могучего дуба встык с холмом разбежалась далеко влево и полóго, вниз к речке Иружа — огромная, заросшая высокой травой и цветами поляна: бывшая усадьба Федора Федоровича Ильинского. На берегу Иружи, метрах в двухстах от церкви, и стоял дом моих предков, построенный, как говорила Нина Федоровна, ржевскими плотниками...

На следующий день родились эти строки...

Здесь храм стоял на берегу крутом,
Изба в три связки — Отчий дом.
Но налетели гады-годы,
И вот на том же месте — холм...

А в храме том золотоглавом
Служили прадед мой и дед —
Не ради почестей и славы,
А против зла и против бед.

А в той избе, что рядом с храмом,
А в той избе на шесть окон
Звенел годами детский гомон
И свет струился от икон.

И рано поутру, и к ночи,
Челом касаясь половиц,
Молилась Женщина: «Наш Отче!..
Спаси!.. Наставь!.. Благослови!..»

Не спас. Пришли враги и беды.
Сожгли село. Сбежал народ.
Спаслись. Потом пришла победа.
Где храм стоял, там нынче холм.

Следа не сыщешь даже свыше...
Рыдаю: «Здравствуй, Отчий дом!»
В ответ лишь эхо. Ветер свищет.
Да холм. Да думы о былом...

Отца своего, Михаила Федоровича Ильинского, я зримо знаю только по нескольким фотографиям, хотя иногда мне кажется, что мое детское пятилетнее сознание, когда я в последний раз видел его, все же хранит какие-то его неясные черты, неощутимые прикосновения. Наверное, так выражается тоска по отцу, которая будит во мне какие-то обманные эмоции и ощущения, почти галлюцинации.

Я не помню своего отца, но я всю жизнь его очень люблю. Мне так не хватало его...

Как выражалась Нина Федоровна, отец мой был (лексика двадцатых годов!) «передовым» для своего времени. Вступил в комсомол, стал секретарем комсомольской ячейки в Батюково. И было ему в ту пору, если прикинуть, лет четырнадцать-пятнадцать.

Сойдясь дома, отец-священник, которого выгнали из двух церквей и который наверняка уже только за это, мягко говоря, недолюбливал новую власть, и сын-комсомолец, секретарь комсомольской ячейки, который эту власть принял, вели, как говорила бабушка, жестокие споры. Хотя, думаю, точнее будет сказать, просто ссорились. О чем спорить зрелому священнослужителю, че-

ловеку, которому за сорок пять, с мальчишкой? Да еще будучи отцом, который его поит и кормит?..

И бабушка, и обе тетушки говорили, что отец хорошо учился в Батюковской школе, где окончил десять классов, очень любил литературу, много читал, ставил на школьной сцене вместе с директором школы различные пьесы в духе того времени, играя в них главные роли, хорошо пел и, как утверждала Нина Федоровна, «имел большой успех у девушек».

Из-за того что глава семьи — священник, Ильинским сельская сходка решила не давать землю под огород, хотя потом смилостивились. С предложением «прижать псаломщика» выступил пастух по фамилии Чесноков, по прозвищу — Гусихин. «Гусихой звали его мать, потому что грязнуля страшная была, — рассказывала Нина Федоровна.— Серый мужик. Грязный. Когда Гусиха занимала у нас хлеб и потом отдавала, то бабушка (Наталья Осиповна) никогда этим хлебом нас не кормила, отдавала скотине».

Отцу моему, тогда еще мальчишке, многие завидовали и ненавидели его за то, что выделялся. В шестнадцать-семнадцать лет работал в волостном исполнительном комитете. В соседней деревне, как говорила Нина Федоровна, жили братья Защекины, страшно злые на отца. Они подкарауливали его и дрались.

После восемнадцати лет отца призвали в армию, он окончил в Ленинграде годичные военно-командирские курсы, служил на корабле.

Остался жить в Ленинграде. Стал работать на заводе «Экономайзер», потом перешел на Металлический завод им. И. В. Сталина. Поступил на вечернее отделение Индустриального института, получил комнату на улице Песочной, № 19 (потом она была переименована и стала называться улица Профессора Попова).

В 1934 году во время чистки рядов ВКП(б), в которой отец состоял, его едва не исключили из партии за то, что он — сын священника.

Не знаю почему, но, проучившись в институте три года, отец бросил его.

А в 41-м началась война, блокада Ленинграда. Металлический завод им. И. В. Сталина, на котором работал отец, делал оружие,

работал круглосуточно, отец жил на заводе, домой появлялся раз-два в месяц.

После пережитой нами самой холодной и самой голодной блокадной зимы 1941–1942 годов отцу удалось эвакуировать нас из Ленинграда в Сибирь.

В начале 2000 года я сделал запрос в Центр розыска и информации Российского общества Красного Креста и 10 апреля получил ответ за № ц. р. 4564/7, в котором говорилось, что по материалам картотеки на лиц, эвакуированных во время Великой Отечественной войны, находящейся на хранении в Центре, значится: Александрович Адель Ивановна, год рождения — 1903, национальность — полька, до эвакуации проживавшая по адресу: г. Ленинград, ул. Попова, д. 19, кв. 16, эвакуирована 23.07.1942 года в Новосибирскую область, Маслянинский район, деревня Петушиха. На ее иждивении находятся: Ломов Олег Григорьевич, 1927 г. р., Ильинский Игорь Михайлович, 1936 г. р., Ильинская Ирина Михайловна, 1939 г. р. Учетная карточка составлена 06.03.1943 г. Подпись — Н. К. Кривченко.

Меня интересовала судьба отца. На мои вопросы в тот момент могла ответить уже только Нина Федоровна.

Оказалось, что у нее каким-то чудом сохранился паспорт отца, который она передала мне.

В разделе «Особые отметки» в паспорте отца три штампа: «Ленингр. Мет. завод ВТУЗ им. Сталина. Принят — 31.I.1942 г.»; «Ленингр. Металлич. завод им. Сталина. Уволен 21.I.1943 г.»; «Ремесленное училище № 16. Принят 1 августа 1943 г.».

Я спросил Нину Федоровну: «А где был отец с 1 января по 1 августа сорок третьего? И что это за „ремесленное училище“? Никогда не слышал, что отец работал в нем».

Она передала мне справку от 8 октября 1943 года за № 3/9810, в которой говорилось, что с 23 января 1943 года лейтенант ИЛЬИНСКИЙ Михаил Федорович призван в Красную армию и в настоящее время работает в Красногвардейском райвоенкомате города Ленинграда. Справка была выдана ИЛЬИНСКОЙ Татьяне Семеновне на предмет представления в местные органы власти — для оказания материальной помощи. Подписи — Красногвардейский райвоенком майор Константинов, начальник 3-й части старший лейтенант Макаров.

Все стало ясно: через два дня после увольнения с завода отец начал работать в райвоенкомате.

Нина Федоровна передала мне второй документ — удостоверение № 0502 от 26 января 1943 года, в котором сказано, что лейтенант т. ИЛЬИНСКИЙ Михаил Федорович является Инструктором Красногвардейского райвоенкомата г. Ленинграда по военной подготовке в учебных заведениях района и ему предоставляется право проверки и инструктирование во всех учебных заведениях Красногвардейского района г. Ленинграда. Подпись — Красногвардейский райвоенком майор Тарковский.

Как говорила мне мама, отец все время рвался на фронт, но он работал на заводе начальником цеха, у него была «бронь», то есть он не подлежал военному призыву. Ленинград сам по себе был фронтом, а может, хуже и страшнее. Работа в военкомате формально уже была воинской службой, тем более в осажденном городе.

Но отец все же ушел добровольцем на Ленинградский фронт в действующую армию. Я помню, мама говорила: «Наш папа воюет». Отец был командиром огневого взвода батареи 120-миллиметровых минометов. Мы получили несколько писем с фронта.

Потом письма перестали приходить, и нам сообщили, что отец пропал без вести. Это подразумевало, кроме всего прочего, что он, возможно, попал в плен к немцам...

Уже после Победы пришла «похоронка»...

Было известно, что умер отец от ран, но никто из родных — ни бабушка, ни тетушки, ни мама — не знали точно, от каких ран, где похоронен.

В конце 2002 года я обратился в Центральный архив Министерства обороны России (г. Подольск, Московская область) за справкой, и 18 января 2003 года получил ответ за № 11/П-46302. В архивной справке сказано:

«В картотеке учета безвозвратных потерь офицерского состава значится:

„Лейтенант ИЛЬИНСКИЙ Михаил Федорович, 1906 г. рождения, уроженец г. Ленинграда (так в документе), призван Ленинградским ГВК, командир взвода 884 стрелкового полка 196 стрел-

ковой дивизии, погиб в бою 4.08.1944 г., похоронен: восточная окраина д. Клэсково Латвийской ССР.

Родственники проживали в Новосибирской обл.".

Населенный пункт Клэскова (Клошкина — так в документе) был расположен в 20 км восточнее, северо-восточнее г. Алукснэ и в 15 км севернее, северо-западнее крупного населенного пункта Лыэпна (Латвия).

Основание: ф. 1455, оп. 2, д. 33, л. 67.
ф. 1455, оп. I, д. 14, л. 8.

Зав. архивохранилищем Киселева».

Я обратился в Посольство России в Латвии с просьбой сообщить более точные данные о месте захоронения отца, и 6 июля 2005 года получил ответ военного, военно-воздушного и военно-морского атташе при Посольстве РФ в Латвии полковника В. Барановского, в котором сообщалось, что «воинского захоронения (братской или индивидуальной могилы) в районе н. п. Клошкина, где в соответствии с архивной справкой был погребен Ваш отец, в настоящее время не имеется»; что «останки советских воинов из могилы в районе н. п. Клошкина перезахоронены на территории братского воинского кладбища Кюрши Педедзской волости, Алуксненского района, но по каким-то причинам при перезахоронении лейтенанта Ильинского М. Ф. его имя не было внесено в соответствующие списки и на данный момент он в списках (и на могильных плитах) не значится». Посольство России в Латвии предлагало мне «инициировать вопрос об увековечивании имени лейтенанта Ильинского М. Ф. (внести его имя в списки захороненных на воинском кладбище в Кюрши и выбить его на могильной плите)».

В августе 2006 года я написал письмо послу России в Латвии В. И. Калюжному с просьбой внести имя отца в списки захороненных на воинском кладбище Курши и выбить его имя на отдельной могильной плите с фотографией, датами рождения и гибели за счет моих средств. Вскоре мне позвонил полковник В. Барановский и от имени посла заверил, что в ближайшее время моя просьба будет удовлетворена, а все работы будут выполнены за

счет государства. От меня требовались только фотография отца и некоторые документы.

В декабре 2006 года полковник В. Барановский приехал ко мне в Московский гуманитарный университет и вручил справку, выданную властями Педедзенского волостного совета Алукснен-ского района Латвии 7 ноября 2006 года за № 03/17-230, в том числе переведенную на русский язык и заверенную Посольством России в Латвии.

СПРАВКА

Выдана ИЛЬИНСКОМУ ИГОРЮ, родившемуся 28 июня 1936 года, проживающему в России: г. Москва, улица 1-ая Тверская-Ямская, д. 28, кв. 112, в том, что у него в Латвии, Алукснен-ском районе Педедзенской волости на братском кладбище Курши захоронен отец — ИЛЬИНСКИЙ Михаил.

Лейтенант Ильинский Михаил погиб 4 августа 1944 года в волости Педедзе.

Братская могила в сохранности и ухожена.

Справка выдана для предоставления в посольство Латвии.

Председатель Педедзенского волостного совета Н. Никитина

Секретарь М. Корне

В. Барановский передал мне также фотографии надгробия и видеозапись (CD) места захоронения. На могильной плите — фотография отца с орденом Красной Звезды на гимнастерке и надпись: «Лейтенант Ильинский Михаил Федорович. 1906–14.08.1944. Погиб смертью храбрых в боях за Родину». Эту малюсенькую фотокарточку размером 3×2 см отец прислал с фронта своей матери, моей бабушке Татьяне Федоровне. На оборотной стороне надпись: «Маме седой от сына Миши седого». Голова у отца почти вся белая, а было ему в ту пору еще совсем немного лет, всего 38...

Орденом Красной Звезды награждались офицеры и солдаты, не просто отличившиеся своей храбростью, но пролившие в бою свою кровь. Нина Федоровна говорила, что после гибели отца Татьяне Семеновне из военкомата прислали две орденские книжки и два ордена Красного Знамени, один из которых затерялся, а один был

передан мне. Видно, крепко досталось отцу за неполный фронтовой год, коль враз поседел... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года отец награжден также медалью «За оборону Ленинграда» (№ Н-16074).

Я горжусь своим отцом. Он снился мне не раз в разных образах, было время, я часто разговаривал с ним в своем воображении...

Однажды, в мае 1984 года, когда страна в очередной раз отмечала День Победы, я написал стихи под названием «Сон».

Я часто вижу по ночам
Один и тот же сон избитый:
Из прошлого ко мне примчал
Отец мой на войне убитый...

Из боя прямо, на коне,
Пропахший гарью и бедою.
И вот стоим мы, смущены —
Я и семья моя со мною.

В глазах от счастья меркнет свет,
Но что ж мне — плакать иль смеяться?
Я стар и сед. Я уже́ дед.
А моему отцу — за двадцать...

И внук отцу, мой сын, стоит,
И золото его погон искрится...
Отец мой внуку говорит:
«Позвольте к сыну обратиться!..»

А в стороне рыдает мать...
Мне — мать, отцу — жена родная...
И пес мой рвется цепь порвать
И на солдата громко лает.

И ветер листья с липы рвет,
На них знакомый профиль — Сталин,
И все на грудь отца кладет,
Как запоздалые медали...

Что же такого особенного сделал мой отец, Михаил Федорович Ильинский, чтобы я, мои дети и наши потомки помнили его и гордились им?

Он не прошел путь от 22 июня 1941 года до Победы в Берлине, воевал менее года. И наград у него не десятки, как у других. И был он не генералом, а только лейтенантом.

Отец ушел на фронт Добровольцем. И это уже много. Потому что было немало трусов, которые всю войну прятались от призыва на фронт, были дезертиры, предатели и сотни тысяч сдавшихся в плен. А он из фронтового Ленинграда ушел на передовую, где снаряды и бомбы падали и рвались еще чаще. По собственной воле.

А это значит, что отец был человеком Долга, человеком Совести, человеком храбрым и мужественным.

Войны ведутся солдатами.

Отец был Солдат.

Вместе с миллионами других солдат отец победил в той войне.

Ценой своей жизни отец спас свою мать и сестер, спас свою жену и своих детей — Ирину и меня. Спас весь наш нынешний и будущий род.

У отца был **младший брат** Владимир Федорович Ильинский (1908 года рождения), который погиб на Пулковских высотах в 1942 году. У него остался сын Лев, который живет в Харькове, а оба его сына — Игорь и Юрий — в середине 90-х годов, оставив семьи, были вынуждены уехать на заработки в Москву, поселились в общежитии Московского гуманитарного университета. В разделе «Родственники» есть краткие заметки Льва Владимировича, Юрия и Игоря Ильинских.

Сестра отца Валентина Федоровна (родилась 23 января 1910 года) всю жизнь, так и не выйдя замуж, прожила со своей матерью в Батюково, а затем в Асужнево. Работала объездчицей, охраняла лес. Курила махорку всю жизнь, прячась от матери. Когда я приезжал в Асужнево, тетя Валя, хватанув пару стопок водки на пару со мной, говорила: «А что, Игорек, пройдемся по деревне в охряпочку! Пусть все видят, какой у меня племяш!..» И мы проходили.

В начале весны 1973 года мне позвонила Нина Федоровна и сообщила, что Валентина Федоровна приехала в Ленинград — заболела. Я поехал в Ленинград, помог устроить ее в онкологический центр, где у нее обнаружили рак пищевода. Сделали опера-

цию, но 2 мая в возрасте 63 лет Валентина Федоровна умерла. Похоронена на Северном кладбище Сестрорецкого района г. Ленинграда.

Младшая сестра отца Нина Федоровна (родилась в 1915 году) была пошустрей: по настоянию брата (моего отца) уехала из деревни в Ленинград, потом вышла замуж за морского офицера Глаголевского Михаила Алексеевича, который работал на секретном кораблестроительном предприятии, дослужился до звания подполковника, орденов и медалей, которые, как его офицерский кортик, хранятся у меня.

Нина Федоровна была женщиной доброй и говорливой, боготворившей своего Мишулю. Всю жизнь оставалась домохозяйкой. Последние годы жизни я опекал Нину Федоровну, ежегодно по два-три раза приезжал в С.-Петербург. По моей договоренности за ней постоянно ухаживала заботливая, добрая женщина Надежда Александровна Козюлина, труд которой я оплачивал.

Сохранив полную ясность ума, Нина Федоровна дожила до 88 лет. Умерла 28 июня 2003 года. Похоронена на территории крематория Пискаревского кладбища, ряд 6, место 3.

Таковы, схематично, корни рода Ильинских: они уходят в сферу религии, говоря по иному — в сферу Духа.

И то, что мой отец не веровал в Бога, на мой взгляд, не влияет на этот вывод. Судя по всему, сам он и предки по его линии были людьми совести, любви и добра, людьми честными, служили — каждый по-своему — семье и Отечеству. Мне неизвестно ни одного их поступка, который был бы осужден общественно или законом...

Как я уже упоминал, еще во время первой встречи бабушка Татьяна Семеновна говорила: «Мы — тверские, а фамилия наша — церковная».

Известием этим я тогда совсем не возгордился. Ленинград, где я родился, — вот это да: бывшая столица России, колыбель Октябрьской революции, город-герой. Здесь наша семья пережила блокаду. Новосибирск — столица Сибири, город науки и множества оборонных предприятий — тоже неслабо, есть о чем рассказать. А Тверь — что? В ту пору для нас, молодых, это имя

города мало кому было известно. Знали город Калинин, названный так в 1931 году в честь «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина, председателя Верховного Совета СССР, родившегося в одной из деревень Тверской губернии. «Так себе — захолустный городок между Москвой и Ленинградом», — думалось мне.

Поэтому сообщению Татьяны Семеновны о том, что «мы — тверские», я не придал никакого значения.

Ну а новость о том, что фамилия Ильинский — церковная, меня насторожила. В тот момент я работал первым секретарем райкома комсомола и не сомневался в марксистском тезисе: «Религия — это опиум для народа». И вот тебе на — оказывается, я сам из породы тех, кто этим опиумом дурманил народные массы. К тому же в хрущевскую пору церковь снова стали прижимать...

Эту информацию я притаил в памяти и никому о ней не распространялся.

Теперь, когда после разговора с Татьяной Семеновной и Ниной Федоровной прошли многие годы, когда я по крупицам собираю сведения о своих предках, даже эти скупые фразы дают пищу для размышлений.

Теперь мне по сердцу, что я могу сказать: «Мы — тверские», что корни моего рода находятся в старорусском городе, основанном в 1181 году Великим князем Всеволодом Юрьевичем на устье реки Тверцы, притоке великой русской реки Волги. Князь дал городу серьезное название Твердь. (Здесь и далее данные из Словаря Брокгауза и Ефрона и БСЭ. Есть, правда, и другие версии названия города.) Со временем имя города потеряло очень важную букву «д», упростилось и давно читается как «Тверь». Но я-то знаю, какой великий смысл был заложен в нем изначально.

Знаю, что в 1246–1485 годах Тверь была столицей Великого Тверского княжества.

Знаю, что династию тверских князей продолжал брат Александра Невского Ярослав Ярославович, вступивший в княжение между 1252 и 1255 годами.

Знаю, что в период правления Михаила Ярославовича с 1271 по 1318 год Тверское княжество было сильнейшим в Северо-Восточной Руси и претендовало на роль ее политического центра.

Знаю, что в 1327 году в Твери состоялось **первое на Руси массовое восстание** против татаро-монгольского ига, что князь Александр Михайлович призывал русских князей «друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться им, оборонять всех православных христиан».

Но они его не услышали... Татарское войско при поддержке московской рати во главе с князем Иваном Калитой захватило и сожгло Тверь. В благодарность за это Ивана Калиту хан назначил великим князем Тверским. В 1497 году Тверь вошла в состав централизованного Московского государства...

Знаю, что коренное население Тверской губернии изначально было **великорусским** и составляло подавляющее большинство города, который считался людным уже в XIII–XIV веках, хотя даже в XVII веке в Твери проживало (по нынешним понятиям «всего») 1800 семейств, т. е. около 10 тыс. жителей.

Знаю, что город много раз разрушали и сжигали дотла то чужеземцы, то враждовавшие меж собой русские князья. После «литовского разорения» город опустел, и в 1626 году в нем было только 275 душ мужского пола. И все же город восставал из руин, рос, богател.

Знаю, что с первых лет принятия христианства Тверь была одной из **твердынь российского православия**. Например, в 1897 году в Твери действовала 31 православная церковь, все, за исключением одной, каменные, а также мужской и женский монастыри, хотя проживали в городе около 50 тыс. человек от мала до велика.

Знаю, что в мужском монастыре Отрочь, основанном в Твери в 1265 году, в 1531–1553 годах жил Максим Грек, а в 1569 году — митрополит Московский Филипп, здесь же и задушенный Малютой Скуратовым по указанию Ивана Грозного.

Знаю, что купец Афанасий Никитин, широко известный в России тем, что первым из европейцев совершил путешествие в Индию, жил в Твери.

Знаю, что в этот город наезжал русский драматург А. Н. Островский, а русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин в 1860–1862 годах был тверским вице-губернатором. Наверняка в их произведениях отражена жизнь тверского люда и, возможно, моих предков.

Знаю, что главная улица нынешней Москвы — улица Тверская — уже в XII веке была дорогой, которая связывала Москву и Тверь.

В XII веке на первом отрезке Тверской со стороны Красной площади стояла церковь Ильи Пророка, от имени которого образовалась наша фамилия. Вот уже около десяти лет мы живем со Светланой на улице 1-й Тверской-Ямской, № 28, которая продолжает Тверскую от площади Маяковского и от Белорусского вокзала переходит в Ленинградский проспект.

Я заинтересовался также вопросом, кто такие «другие Ильинские» вообще. И нашел немало интересного.

В труде «Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи» на странице 158 изображен герб рода Ильинских. Под рисунком размещен текст: «Въ щитѣ, имѣющемъ красное поле, горизонтально изображены три серебреныя рѣки, изъ коихъ верхняя больше, а нижнія одна одной меньше. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною и съ строусовыми перьями. Наметъ на щитѣ красный, подложенный серебромъ. Щитъ держатъ два льва».

В книге С. Н. Тройницкого «Гербовые дивизы русскаго, польскаго, финляндскаго и прибалтийскаго дворянства» (СПб., 1910) приводится **гербовый девиз Ильинскихъ**: **«Доброе имя выше всего»**, а также гербовый девиз Д. С. Ильинского: **«Allis serviendo consumor» — «Служа другим, сгораю»** или **«Aliis inserviendo consumor» — «Светя другим, сгораю сам»**.

В журнале «МК-Бульвар» (№ 28, 20–26 июня 1998 года) я нашел статью Елены Егоровой «Династия», в которой рассказывалось о российской монархической династии Романовых. Из этой династии ныне здравствуют 50 человек, и делятся они на Кирилловичей, Павловичей, Николаевичей и Михайловичей. В этом же номере журнала на страницах 8 и 9 изображено генеалогическое древо династии Романовых от Павла I до наших дней, составленное Р. Красюковым. Среди Павловичей в роду Романовых также есть Ильинские. Поныне здравствует **Павел Дмитриевич Ильинский** (родился в 1928 году), у которого **два сына и две дочери**. Отцом П. Д. Ильинского является великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), дедом — великий князь Павел Алек-

сандрович (1860–1919), а прадедом — император Александр II (1818–1881).

Все это любопытно знать, но больше всего мне пришлись по душе девизы Ильинских — **«Доброе имя выше всего», «Служа другим, сгораю», «Светя другим, сгораю сам»**: они близки моей душе, моему мироотношению.

Мой девиз «Быть самим собой» вроде бы не схож с ними по словам. Но чтобы «быть самим собой», надо «кем-то и чем-то быть», надо жить так, чтобы от тебя была польза другим, чтобы окружающим тебя людям было теплее на этом свете, а для этого ты должен излучать тепло и свет... Так нежданно-негаданно через столетия в своем миропонимании сошлись разные и многие Ильинские, никогда не знавшие друг друга. Случайно?.. Вероятней всего.

А все-таки иногда думается, что есть в нашей жизни нечто таинственное, мистическое, пока еще непознанное и потому необъясненное, непонятное. Явлений таких — множество. Взять ту же связь фамилии и судьбы человека, а то и рода.

Вот почему, например, мои предки как по отцовской, так и по материнской линии вдруг ушли в священнослужители? Почему я сам, окончив строительный техникум, два курса танкотехнического училища, работая старшим мастером механосборочных мастерских и обучаясь заочно в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта, т. е., казалось бы, вполне определившись по поводу своей жизненной стези, вдруг сделал резкий поворот и ушел из сферы техники и машиностроения в неведомую мне область человекостроения — на комсомольскую работу? Ведь жизнь только начиналась, и совсем неплохо, я уже кое-что понимал в точных науках, технике и естествознании, но все-таки что-то меня не устраивало в этом механическом мире, я чувствовал, что гораздо интереснее для меня все то, что связано собственно с человеком и его душой, с человеческими мыслями, отношениями и делами... Я говорю сейчас не только о себе, но и о предках: может, ими, простонародцами, перешедшими в священнослужители, тоже двигало некое духовно-мистическое начало.

Род Александро́вичей

О своих корнях по линии **моей матери** Александро́вич Аделии Ивановны я знаю еще меньше, чем о предках отца.

В семье было девять детей. Восемь мальчиков и одна девочка, самая младшая — моя мама. Следом за отцом умерла его жена, мать девятерых детей, оставшихся сиротами. Слава богу, были у Александровичей добрые родственники. Кто-то из них взял Адель в свою семью, «в люди». Подрастая, каждый решал свою судьбу по-своему. Несколько братьев эмигрировали в Соединенные Штаты Америки. Адель, еще совсем юная, завербовалась в Петербург.

Из рассказов мамы и ее старшего брата Матвея Ивановича мне известно, что их отец (мой дед по материнской линии) Иван Александро́вич был ксендзом (т. е. священником) в костеле местечка Пушолаты Ковенской губернии Поневежского уезда (ныне Литва). Умер в 1912 году. Имени его жены (матери моей мамы) я не знаю. Никаких сведений об остальных маминых братьях у меня нет.

В рассказах о родителях почему-то принято начинать с отца. Таким же образом, следуя традиции, поступил и я, хотя думаю, что в принципе это неправильно. На мой взгляд, за этим подходом скрыта ошибочная идея сознательного возвышения мужской роли и принижения женского начала жизни.

Женщина дает нам жизнь. Уже этим определяется ее первенство, уже этим все сказано. Но, кроме того, женщина вскармливает ребенка своим молоком — своими соками, своим здоровьем. Она же, женщина, вскармливает дитя духовно, воспитывает его — придает этой жизни смысл.

Есть вещи, на которые способна только женщина, мужчина же, как правило, не способен в принципе. Это прежде всего самоотверженность, самопожертвование своей судьбой и даже жизнью во имя своих детей.

Все это всей своей жизнью показала моя мама — Аделия Ивановна.

Родившаяся 15 декабря 1903 года в деревне Пушолаты, как уже говорилось, она с детских лет оказалась в услужении у чужих людей.

Потом была Октябрьская революция, гражданский брак (в то время это было нормой) с Ломовым Григорием, от которого в 1927 году на свет появился мой старший брат Ломов Олег Григорьевич. Григорий был моряком. Однажды он ушел в плавание, да так и не вернулся к жене и сыну...

Мама воспитывала Олега, зарабатывала на жизнь, не гнушаясь никакой черновой работы: образование ее ограничивалось четырьмя классами церковно-приходской школы. Устроилась револьверщицей на завод Макса Гельца, получила комнатку в двухэтажном деревянном доме № 19, кв. 16, по улице Песчаной (ныне — улица Профессора Попова), где и стала жить вместе с сыном.

В августе 1934 года в этом же доме поселился мой будущий отец. Как говорили в ту пору, они «сошлись» и стали жить вместе. Сначала у них родилась двойня, но оба ребенка умерли. Затем в июне 1936 года родился я, а в мае 1939 года — дочь Ирина, моя сестра.

Началась война, блокада Ленинграда, в которой мы прожили 323 дня. Отец в ту пору работал на Металлическом заводе им. И. В. Сталина начальником цеха и, как все руководители, находился там круглосуточно, практически жил там, появляясь ненадолго дома раз-два в месяц. Олег учился и работал в Ремесленном училище.

Мама вскоре после начала блокады тяжело заболела и не вставала с кровати.

Затем в конце июля 1942 года была эвакуация. Наш путь от блокадного Ленинграда до Новосибирска длился более месяца, о чем я подробнее расскажу ниже.

Потом была шестилетняя жизнь в забытой богом и властями дремучем таежном сибирском краю, в деревне Петушиха, где не было электричества и радио, газет и магазина, где не знали, что такое ситец и заводские спички, добывали огонь кресалом, ходили в грубых домотканых холщевых одеждах. На весь колхоз был один колесный трактор ЧТЗ. Только летом иногда случайно через деревню проезжала какая-нибудь дурная полуторка, вызывавшая восторг мальчишек, которые «копотили» за ней по пыльной дороге, пока были силы.

Деревенские не особо сочувствовали нам. Тем более что поначалу на постой в Петушихе было определено девять блокадных семей.

Поскольку ленинградцев селили в избы, по сути дела, силком, не особо спрашивая согласия хозяев, деревенька была взбудоражена, гомонила с утра до ночи, бабы и подростки кричали по адресу «городских» что-то нехорошее. Мы с Ириной испуганно жались к Олегу и матери, боясь выйти на свет.

О войне здесь, конечно, знали: все мужчины призывного возраста были на фронте, уже начали приходить «похоронки». Но что такое блокада и голод, деревенские представить не могли. Мы были здесь просто «городскими» — чужими.

И все же для нас, людей вырвавшихся из страшного голода, из ада ежедневных бомбежек и артиллерийских обстрелов, этот край непуганых зверей и птиц с его оглушительной тишиной и даже деревенской настороженностью был самым настоящим раем.

Начало сентября в Западной Сибири — время спелости и начала уборки урожая. Картошки, моркови, свеклы, редьки и прочих овощей — завались. В лесу еще найдешь ягоду и грибы. Деревенский печной хлеб, парное молоко, яйца...

Но для мамы это была совершенно новая, неведомая ей жизнь.

Еле-еле вставшая на ноги, совершенно не приспособленная к деревенскому быту и старообрядческим нравам, мама хлебнула в эти годы горького до слез.

Поначалу колхоз выдал нам немного продуктов, но они вскоре закончились. Надо было чем-то питаться.

Пока у нас были кое-какие вещи (одежда, обувь и т. п.), мама меняла их на хлеб, картошку, другие овощи, молоко и яйца. Жилось нам в этот период в общем-то хорошо. Мама, Олег и мы с Ириной набирали вес, из живых скелетов превращались в нормальных людей. Постепенно проходила цинга у Олега, хотя зубы еще качались.

Нас разместили жить в темных сенях у Зойки-Кривой, которая в избу нас пускать не хотела ни в какую. Но наступили холода. Через Зойкины слезы и мат-перемат председателя колхоза Терехова мы все же переселились в избу и стали жить в одной комнате

вшестером: Зойка с маленькой дочкой, прижитой неведомо от кого, да мы четверо.

Пришла зима, повалил беспрестанку снег и в несколько дней засыпал избы под самые крыши; забуранило, грянули трескучие сибирские морозы, которыми пугают весь мир, — под сорок, а то и пятьдесят градусов. А у нас никакой теплой одежды и обуви, не в чем даже выскочить во двор по нужде.

На остатки «городских» вещей мама выменяла деревенский овечий полушубок, одни на всех пимы, шитые из войлока варежки и еще кое-что из теплого. Но уже не на что было выменивать еду. Питаться мы стали все хуже и хуже, иногда жили впроголодь, хотя, конечно, это все равно была другая, не блокадная жизнь. Еще не голод...

Мама была в панике.

Не благоволил к нам и председатель колхоза.

Узнав, что Олег окончил 8 классов и учился в ремесленном училище, он заставлял его, еще шатавшегося от слабости, ремонтировать сельскую технику — грабли, плуги и даже трактор. Вскоре отправил Олега на курсы трактористов на машинотракторную станцию (МТС), что находилась в деревне Елбань в 30 километрах от Петушихи. Пытался заставить работать на ферме и маму, но после того как она потеряла там сознание, отстал. Терехов никак не хотел выделять положенную блокадникам землю под огород, без которого прожить в деревне было невозможно, требовал, чтобы мама вступила в колхоз, а она почему-то отказывалась. Терехов обзывал нас «единоличниками» и, как мог, притеснял...

Тогда мама написала обо всем происходящем отцу.

Я до сих пор не могу понять, как в ту пору, когда воевал почти весь мир, когда наша огромная страна истекала кровью и на две трети европейской части была под немцами; когда Урал, Сибирь и Дальний Восток отдавали фронту все последнее: еду, одежду и все свои силы; когда еще впереди были Сталинград и Курская дуга; когда было совсем не ясно еще, кто кого победит, и в сущности своей существовала единственная задача — просто выстоять, выжить, как в эту жуткую пору письма — десятки миллионов писем! — путешествовали по разрушенной стране, ежедневно уходили на фронт и ежедневно приходили с фронта. Даже в такую си-

бирскую тьмутаракань, в такую затерявшуюся в тайге крохотную деревеньку в тридцати километрах от райцентра, куда не было ни летом, ни зимой никаких путей-дорог, а только их обозначение по вырубленным просекам,— даже в эту кромешную глухомань каким-то образом все же добирался почтальон.

В письме, которое мы получили от отца, говорилось, что он обратился в Маслянинский райвоенкомат с просьбой помочь нам.

И вот однажды весной 1943 года — всю свою жизнь помню этот момент с фотографической ясностью — я увидел, что от опушки леса в сторону нашей деревни, прямо к нашей избе, которая стояла на окраине, на белом коне галопом несется всадник в военной форме. Я обмер: «Отец!..»

Но это был офицер из райвоенкомата. Он спросил у меня: «Где контора?» Я сказал, и офицер понесся в сторону правления колхоза. Вскоре оттуда раздались крики и выстрелы.

Как потом рассказывала мама, офицер этот, сам бывший фронтовик, раненый и признанный негодным к строевой службе, палил из пистолета в воздух, орал на председателя колхоза. Потом офицер и Терехов пришли к нашей избе, поговорили с мамой. Офицер ускакал, а испуганный Терехов тут же дал нам и землю под огород, и чего-то съестного.

Но землю под огород надо было вскопать, картошку и прочие овощи посадить, а мама ни о чем таком не имела никакого понятия.

Однако после этого случая нас зауважали не только председатель колхоза, но и многие деревенские. Помогли с весенними работами. Но дальше все хлопоты по хозяйству мама осваивала и вела сама, в одиночку.

Олег, окончив курсы, стал работать трактористом, находился все время в поле — то на пахоте, то на уборке, жил на культстане. Мне было шесть с небольшим лет, и вряд ли я мог в чем-то помочь маме всерьез, хотя помню, что она заставляла меня работать по хозяйству: носить дрова, сено. Сама уставала смертельно.

В одном из писем отец сообщил, что в наш дом по ул. Попова было прямое попадание бомбы, и его разнесло в щепки.

Позже отец написал, что уходит на фронт. Мы несколько месяцев получали письма.

Потом письма перестали приходить...

А через несколько месяцев мы получили извещение из райвоенкомата, что отец пропал без вести. Мама ходила убитая горем.

Так закончился сорок четвертый, наступил сорок пятый. Пришла Победа. Но никаких известий об отце не поступало.

И только поздней осенью мы получили «похоронку», в которой говорилось, что лейтенант Ильинский Михаил Федорович пал смертью храбрых в боях за Родину в августе 1944 года, что его детям — Игорю и Ирине — назначено офицерское денежное пособие со дня его гибели. Вскоре мы получили всю сумму, размер которой я, конечно, не помню. В месячном измерении это были совсем небольшие деньги, но за год с лишним накопилась немалая сумма, которая позволила нам купить крытую дерном маленькую избушку прямо напротив, через дорогу от Зойкиного дома, в котором мы так и жили до тех пор. А еще — корову, которая вместе с огородом кормила нас несколько лет.

Быт наш вроде бы налаживался. Мама научилась хозяйничать в огороде и у русской печи, сама выпекала хлеб, трепала лен, пряла из кудели льняные нити на самодельной прялке, ткала холсты на самодельном станке и отбеливала их на снегу, шила нам вручную штаны, рубашки и прочую одежду, с трудом, но усвоила некоторые деревенские нравы и часть местного разговорного языка.

А знать местный, старообрядческий язык было просто необходимо, поскольку он так отличался от городского, ленинградского, что поначалу мы иногда не понимали деревенских, а они — нас. Это был русский язык, но в нем были сотни незнакомых слов. Соотношение общепонятных русских и местных слов и выражений было примерно такое же, как в украинском языке: нить разговора улавливаешь, а суть понимаешь не вполне.

Вместо «ловить» здесь говорили «има́ть», вместо «хорошо» — «ба́ско»; верхнюю одежду именовали «лапоти́ной», спички — «серянками», валенки — «пима́ми»; место для танцев под самодельные частушки называли «точёк» или «мата́ня»; красная смородина называлась «ки́слицей». Весной все собирали съедобную траву разных сортов — «пу́чки», «ди́дли», «гуси́нки», «сара́нки». Обещать означало «сули́ть», говорить — «бала́кать», трогать —

«чепáть», кричать — «гýкать», довольно — «годи́», прислониться — «притули́ться», забор — «заплóт», кочерга — «клюка́», работать — «рóбить», сани — «сала́зки», медлить — «вóшкаться», обувь — «обýжи» и т. д.

Воробьев почему-то звали «жида́ми», а дроздов (почему — знаю) «дристýшками»... Нельзя было сказать «мы гуляем», говорили «мы гулям». Никто не говорил «мы идем за грибами», а только «идем пó грибы, пó ягоды, пó воду». На вопрос «Ты где?» отвечали «Я тутот-ка». Вместо «что?» говорили «чего?», вместо «еще» — «ишшó», вместо «да» — «ну». Хлеб «пекём», река «текёт». Стебель, тонкую березку «нагина́ем». Вместо «Зачем пришел?» надо было говорить «Пошто́ пришел?» Три парни́, стригу овцы́, пасу кони́.

Особых слов и выражений были многие сотни. Абсолютное их большинство я уже позабыл, хотя на этом петушихинском языке мы говорили все шесть лет деревенской жизни.

И все-таки однажды мама сказала, что нам нужно вернуться в Ленинград. По этому поводу весной 1946 года она написала запрос в органы властей города и получила ответ, что мы можем возвращаться; хотя дом наш уничтожен, нам, как эвакуированным, будет предоставлена другая жилплощадь.

И они с Олегом засобирались, нашли покупателя избы, продали корову, но почему-то отъезд все откладывался.

А в середине лета случилось природное событие, которое настолько врезалось в мою память, что когда я вспоминаю его, то всякий раз переживаю с таким душевным потрясением, как будто оно происходит на моих глазах прямо сейчас.

Лето было в разгаре. Уже можно было подкапывать картошку, огород буянил зеленью и обещал богатый урожай. Стояла жаркая погода, небо — чистое, ни облачка, голубое-голубое.

И вдруг на этом огромном голубом куполе, далеко на горизонте я увидел черный-пречерный шар, который летел на меня с невероятной скоростью, мгновенно увеличиваясь до гигантских размеров и быстро закрывая небо. Это было черное, как копоть, облако, впереди которого катился белый вал. В мгновение ока стало темно, как поздним вечером. «Сейчас хлынет дождь!» — подумал я и кинулся в избу.

Но с неба обрушился град, хотя в обычном представлении град таким быть не может. Это было что-то невероятное: с неба летели льдины величиной с куриное яйцо, летели в таком множестве и с такой плотностью, что буквально за пятнадцать-двадцать минут вся земля стала белой, резко похолодало.

Картина была ужасной. Не понимая, что происходит, коровы, задрав хвосты, носились по деревне и дико ревели, свиньи визжали, лошади ржали, успевшие спрятаться куры и гуси заполошно кудахтали и гоготали. Люди растерянно наблюдали за происходящим из окон, из-под навесов, но не могли высунуть наружу и носа.

Град покрыл слоем сантиметров в двадцать все, что росло и благоухало еще несколько минут назад, покалечил много овец, коров и свиней, поубивал множество кур, уток, гусей и дикой птицы. Резко похолодало. Погибли все колхозные поля — рожь, пшеница, овес, картошка, свекла, морковь — всё-всё.

Небо вскоре вновь заголубело, солнце засияло... А по деревне шли стоны, вопли, слезы.

Зима 1947 и весна 1948 годов были для нас страшно голодными. Конечно, это не был голод блокадного Ленинграда, но это был самый настоящий голод.

Вдруг простудился и сильно заболел Олег. Несмотря на это, Терехов отправил его вместе с трактором в Елбань на зимние ремонтные работы.

Наступила зима, и снова, как всегда в те годы, — глубокие снега и дикие морозы.

Малюсенькие запасы картошки и овощей, которые, несмотря на град, все же выжили и дали плоды, быстро закончились. Есть было нечего. На трудодни, заработанные Олегом в колхозе, поля которого тоже были выбиты градом, нам выдали по нескольку килограммов муки, немолотой ржи, пшеницы и пару ку́коля — обмолоченных головок льна, в которых иногда встречались маслянистые льняные зерна. В принципе, это была обыкновенная солома, оставшаяся от обмолота, но если ее запарить в чугунке в русской печи, то получалось нечто похожее на кашу, которую невозможно было проглотить, но мы давились и глотали.

Зерна ржи и пшеницы мама толкла в ступе, и получалась отличная еда. Но запасы зерна таяли на глазах, и мама пошла на вы-

нужденную и стыдную для нынешнего человека хитрость: она стала распаривать зерно в печи в немолотом виде. Детские желудки не могли переварить эту грубую пищу; и тогда мама, после того как непереработанный продукт через несколько часов оказывался в ночном горшке, промывала его в кипяченой воде, просушивала в печи, толкла в ступе и делала нормальную кашу... Мне не стыдно говорить об этом: так было, это правда. Так мы выживали. Так мама растягивала расход зерна, чтобы спасти детей.

Наступили, однако, времена, когда все съедобное в нашем доме было съедено, и пришел самый настоящий голод.

Мама пошла по соседям. Но почти у всех положение было такое же аховое. Все же некоторое время ей подавали кто что мог. Этой еды хватало только на то, чтобы не умереть.

В один из дней мама, не сказав нам ничего, с утра куда-то ушла, и ее не было целый день. К ночи она вернулась и принесла немножко картошки, несколько морковин и горбушку хлеба.

Через день она опять ушла. И опять принесла еды... Я понял, что моя мама ходит в соседние деревни, в которых град не был таким сокрушительным, а то и совсем не коснулся, и просит милостыню, или, как говорили в тех местах, «побирается». До ближайшей деревни Талицы было не меньше десяти, а до другой — Большого Калтая — пятнадцать километров. Идти надо было, ориентируясь по просекам, по глубокому снегу, проваливаясь почти по пояс. Несколько часов в один конец, несколько часов обратно.

Зимние дни коротки. Мама уходила затемно и приходила глубокой ночью, еле живая от усталости и страха — ведь это была тайга, а в ней — волки, рыси. Чтобы мы не сбежали из дома, мама припирала дверь снаружи... Когда вечерело, мы с Ириной, прилепившись лицами к замерзшему окошку, начинали реветь в темноте от страха за себя и за маму.

Но самое страшное было впереди...

Однажды, примерно в середине января, когда мы все трое — мама, Ирина и я сидели у растопленной печки, в дверь слабо постучали. Мама спросила: «Кто?» В ответ раздался слабый голос Олега: «Я...» Мама открыла дверь, и — помню эту картину — я увидел всего в снегу, с заиндевевшим лицом мертвенно бледного

Олега. Он постоял несколько секунд, держась за косяки, и рухнул в избу лицом вниз... Тридцать километров от Елбани до Петушихи он прошел пешком по бездорожью в сорокаградусный мороз. Его отпустили домой, когда стало ясно, что он сильно болен. Просто разрешили покинуть МТС — иди...

У Олега был сильнейший жар, но в деревне не было даже градусника, чтобы измерить температуру. Он затяжно и хрипло кашлял. Мама делала все, что могла, чтобы помочь ему: поила горячим молоком, настоем трав, натирала каким-то раствором. Позвала старушек-ворожеек, и те долго колдовали над Олегом. Ходила к Терехову, просила лошадь и сани, чтобы отвезти Олега в Маслянино, в больницу, но Терехов отказал: «Лошадей мало. Дороги нет. Снег глубокий. Вдруг лошадь ногу сломает? На носу посевная. Ничего, поправится».

Но Олегу становилось все хуже. Он, видимо, понимал, что умирает и никто ему уже не поможет. Я видел не раз, как, отвернувшись к стене, мой брат тихо плакал.

В конце концов, Терехов дал маме лошадь и сани, и они с кем-то из деревенских увезли Олега в Маслянино. Сани на следующий день вернулись. Мы с Ириной остались одни и стали ждать, когда же вернутся мама с Олегом.

Было начало марта. Неожиданно для тех времен и тех мест ударила оттепель. Я помню это, потому что когда выходил на дорогу и смотрел на вершину косогора в надежде, что вот-вот покажутся мама с Олегом, то проваливался глубоко в снег даже на наезженной части деревенской дороги. Но проходил день за днем, а мама с Олегом все не возвращались.

И вот однажды, когда я снова вышел высматривать на дорогу, то увидел, что мама уже совсем близко. Она шла и качалась из стороны в сторону, словно сильно пьяная. Я кинулся к ней с криком: «Мама! Мамочка!..», но она даже не обратила на меня внимания. Я шел за ней следом в страшной догадке...

Мама вошла в избу, не раздеваясь, села на лавку и страшно закричала: «А-а-а!.. А-а-а!..»

Через день или два привезли мертвого Олега. Сутки он лежал в избе на том же месте, где болел. Деревенские мужики сколотили гроб, вырыли могилу и на следующий день Олега похоронили.

На несчастье, деревенское кладбище находилось метрах в ста пятидесяти, прямо перед оконцем нашего дома, и из него был виден крест на Олеговой могиле. Мама весь день дотемна молча сидела у окошка и неотрывно смотрела на этот крест. На нас с Ириной она по-прежнему не обращала никакого внимания. Так прошел день, второй, третий...

Однажды мама встала и вышла из избы. Через некоторое время я, будто почувствовав что-то неладное, вышел во двор. На улице мамы не было. Я вернулся в сени и вдруг услышал какой-то звук в коровнике. Открыл дверь и увидел, что мама стоит на табуретке, а на шее у нее петля.

Я истошно закричал: «Мама!..» Некоторое время она молча и отрешенно смотрела на меня, сняла с шеи петлю, слезла с табуретки, обняла меня за плечи, и мы вошли в избу.

После смерти Олега приходила в себя мама очень долго. Все делала как-то автоматически.

Не знаю, как мы пережили ту страшную зиму и дожили до весенней поры, когда еще лежит снег, а на южных склонах холмов и косогоров можно найти сморчки (грибы), которые можно жарить и есть; когда с марта устанавливается наст (толстая леденистая корка подтаявшего при дневном солнце, а потом замерзшего за ночь снега), позволяющий поутру идти пешком или лететь на лыжах-самоделках хоть в поле, хоть в лес, чтобы поставить петлю на зайца, и если повезет, поймать его, наколотить бурундуков (зверек вроде белки), мяса на котором почти нет, воняет страшно, но голод — не тетка. К тому времени я умел уже охотничать, ловить бурундуков, ставить петлю на зайцев, бить глухарей из лука. И иногда возвращался с добычей...

Потом, когда стаял снег, собирали колоски на полях, перекапывали картофельные поля — вдруг, да попадется гнилая, но с крахмалом картошина... Пошла зелень — гусинки, пучки, дидли, саранки, молодая крапива. В эту пору помирать грех, но и жизнь — сплошное ожидание нового варева, которым можно было заполнить вечно пустой желудок.

Уехать из Петушихи мы так никуда и не смогли еще почти два года. Они были полны драматических событий, и снова — голод. Но я не стану об этом вспоминать.

Летом 1949 года мы все же уехали из Петушихи (Пономаревки) жить в город — в Новосибирск, где, как выяснилось, жил и работал старший брат мамы Матвей Иванович, который разыскал нас в Петушихе и прислал вызов.

Но и здесь главная мамина забота была в том, чтобы накормить, обуть и одеть нас так, чтобы, как говорила она, мы «выглядели прилично».

Для этого она, не имевшая никакой специальности, работала кем придется, а чтобы получать побольше, совмещала по две работы. В рабочем общежитии на Объекте № 9 мама работала уборщицей и истопником: там было печное отопление. За день ей приходилось поднимать из подвала и разносить по первому и второму этажу общежития по полторы-две тонны угля...

Мы долго-долго бедствовали и даже нищенствовали, жили впроголодь, росли, взрослели.

Я женился, Ирина вышла замуж, а мама, пожив то в нашей со Светланой, то в Ирининой семье, в конце концов возвращалась в свою комнатку на улице Менделеева, № 8.

Одиночество, беспощадное одиночество... Я знаю, мама очень страдала от одиночества. В общем, получилось так, что у нее было два мужа, от которых родились и выросли трое детей, но за всю свою жизнь она знала мужское присутствие всего около семи лет.

После отъезда в Москву я бывал в Новосибирске довольно часто: летал в служебные командировки в Кемерово, Иркутск, Улан-Удэ, Красноярск, Якутию, Хабаровск и другие сибирские и дальневосточные города. Это была моя «зона ответственности» от ЦК комсомола. И всегда хоть на день-два останавливался в Новосибирске. Дома, у мамы. Но тут же иногда еще в аэропорту меня брали «в плен» друзья-товарищи... Едва обнявшись и чуть поговорив с мамой, я куда-то уносился по заготовленной программе, возвращался домой поздно, усталый, а то слегка «на бровях». Мама горестно качала головой: «Опять не поговорим как следует, Игорек!..» А мне тогда казалось, что обо всем уже говорено-переговорено по сто раз, что нового сказать просто нечего.

Теперь я знаю — заблуждался. Теперь я сожалею. Теперь я знаю: было нечто главное, что ей хотелось поведать мне, но не на бегу, а при должном настроении и в душевной обстановке. Навер-

ное, маме казалось, что я уже созрел для серьезных вопросов, которые пора бы задать. Они пришли ко мне, но поздно...

Потом мои обязанности в ЦК изменились, я стал летать в совсем другие края — в Молдавию, на Украину, в Грузию, Азербайджан, Казахстан, Прибалтику. С мамой мы виделись редко. Я был действительно замотан делами, отделывался в основном денежными переводами да телефонными звонками.

Побывал в Новосибирске, чтобы встретиться со своим бывшим начальником — секретарем Дзержинского райкома партии Петром Прокопьевичем Овчинниковым, который стал первым заместителем председателя Новосибирского горисполкома и ведал вопросами жилья. Попросил выделить маме квартиру, чтобы расстаться с барачной жизнью. Петр Прокопьевич долго стыдил меня за «излишнюю скромность» и «плохое отношение к матери», тут же дал все распоряжения, и через пару недель мама переехала в хорошую однокомнатную квартиру в центре города, на улице Сибирской между Оперным театром и вокзалом. В ней она и прожила всю оставшуюся жизнь.

До боли в сердце запомнилась мне фраза одного из наших с мамой телефонных разговоров уже после того, как мы отпраздновали ее 80-летие, на которое я собрал всех своих друзей.

Это было в 1986 году, я сидел в своем директорском кабинете, и мы говорили с ней о житье-бытье. Потом она, естественно, стала жаловаться на что-то, и я этак бодренько сказал ей: «Не тужи, мамочка, держись! Вот прилечу, устроим праздник, и мы еще станцуем с тобой как тогда, на восьмидесятилетии...» В ответ — ни звука. Я долго кричал «алё, алё!», потом услышал какой-то, мне показалось другой, не мамин голос, который с трудом выговорил мне эту врезавшуюся навсегда в мою память фразу: «Нет, сыночка, не станцуем. Ухожу... Последним тоненьким корешочком цепляюсь за жизнь...»

Меня охватил ужас. В горле — ком, слезы на глаза. А в телефонной трубке «ту-ту-ту»...

Счастье было в том, что рядом с мамой в Новосибирске жили дочь Ирина, внуки, а потом и правнуки. Ирина безумно любила маму и сделала все возможное, чтобы скрасить ее старость, облегчить страдания и боли.

Мама окончила четыре класса церковно-приходской школы, но я считаю ее в высшей степени благородным и интеллигентным человеком. Она очень много читала, была по-житейски умна, работяща, добра, сострадательна, независтлива и честна. Всему этому она каждодневно учила меня и сестру.

Мама заменила мне всех, кого я не имел: отца, дедушек и бабушек. Сначала я чувствовал, потом начал сознавать и только сейчас до конца понимаю: она посвятила мне и Ирине всю свою жизнь и пожертвовала своим женским счастьем. Сердце моей мамы было той бездной, в глубине которой всегда находилось прощение моим и Ириниым прегрешениям.

Я чрезвычайно высоко почитаю Женщину. Вообще. Наверное, прежде всего потому, что воспринял образ этого человеческого существа от моей мамы, чье сердце я назову самым совершенным произведением Любви. Я и сейчас, когда мне плохо, зову маму...

Среди моих стихотворений есть обращенное к моей маме.

В моем саду печаль и снег...
Таких метелей не бывало сроду —
Кусты запружены поверх,
Растерянно глядят из-под сугробов.

Метель метет и день и ночь.
Я заперт в доме холодом и ветром.
Но мысль меня уносит прочь —
Назад, в былую даль и безответность.

Хочу спросить, кто был мой дед,
Каких кровей я и какого рода —
Молчанье... Никого уж нет.
И сам я у последнего порога.

Давно ли мать была жива...
Поговорить бы... Нет, как бес носился!..
Спросить бы: «Мама, ка́к жила?»
Хотел, хотел спросить, да не спросилось.

А снег ва́лит, метель кружит,
Кусты и дом мой с крышей засыпает.
Да, что там дом — всю мою жизнь
Из поднебесья белым накрывает...

Ах, снег, ты — мамина слеза.
Оттуда, из небесного далёко
Мне душу жгут ее глаза,
Ее глаза — два горя одиноких...

Мама умерла 18 августа 1987 года, похоронена в Новосибирске на 82 квартале городского кладбища за Заельцовским районом, совсем недалеко от пионерского лагеря им. В. П. Чкалова, в который я несколько летних сезонов попадал благодаря ее стараниям и где мы — я и Светлана — впервые еще детьми увидели друг друга...

За что же я благодарен своей матери — Аделии Ивановне?

Конечно, уже за то, что дала мне жизнь. Но слов благодарности по этому поводу достойна каждая женщина, и она слышит их, если... Если сумела воспитать добропорядочных детей. Сделать это удается далеко не всем. Лагеря и тюрьмы России забиты до отказа преступниками не потому, что в стране много людей, мало тюрем и жизнь не у всех хороша. Беда России во все времена заключалась в том, что обществу хронически не хватало морали. А мораль, в свою очередь, была и остается в острейшем дефиците из-за недостатка нравственности у родителей, из которых состоит общество, производящих своих детей в силу самых разных причин: из приятности самого процесса, от безделья, из-за длинных зимних ночей и многих других вполне объяснимых обстоятельств, кроме (как правило) главной причины: воспитать достойное продолжение рода. Если сам род уже существовал и у него уже были достоинства. Или начать этот род через воспитание достойных чад.

Один из главных пороков России — от начала истории до нынешних дней — в том, что власть и семья больше думали и думают об увеличении рождаемости, не улучшая быта и морального облика новых поколений. Скажем коротко: не заботясь об улучшении породы нации.

Но чему такому особенному, каким таким высшим ценностям может научить своих детей женщина, выросшая «дичком», без отца и матери, не окончившая даже среднюю школу? Откуда в ней может взяться какая-то особая, высокая мораль и педагогическое настроение?

Не стану пускаться в долгие рассуждения. Из собственного жизненного опыта знаю: в конечном счете дело не в количестве классов, курсов и институтов, которые прошел человек. Важнее природа, порода, гены, способность учиться у жизни и окружающих, одним словом — самообразовываться. Моя мама обладала этим даром.

Она воспитывала меня и Ирину не только в том низшем смысле этого слова (кормить и одевать до возраста), но и в высшем значении — научала, наставляла, обучала всему, что нужно для жизни. И имела на это право — она была моральной личностью.

Мама говорила, что́ надо делать, какие поступки совершать: надо учиться, надо трудиться, надо следить за своим внешним видом и т. д. И наставляла. Но красноречивей всех ее проповедей был личный пример. Она всегда была опрятно одета, трудилась изо всех сил. Была прямым, иногда излишне резким, категоричным в суждениях, но, несомненно, честным человеком в самом строгом смысле этого слова. Все ее дела строились по вектору добра и справедливости.

Она была весьма начитанным человеком. Когда выдавалась свободная минута, я часто видел ее не спящей, а читающей книгу. Говорила хорошим литературным языком и, несмотря на деревенскую тарабарщину, в которой мы прожили шесть лет, сохранила и не засорила его. Учила меня выражать мысль не как придется, лишь бы смысл был понятен, а употреблять именно те, самые точные, исконно русские слова, которые не режут ухо, а дружат в соседстве и любят друг друга. Когда я говорил, что «открыл замо́к», она поправляла: «Замо́к отпирают. Открывают крышку или сундук. А дверь не открывают, а отворяют». Мама часто употребляла пословицы и поговорки.

Любовь к языку и чувство языка, которые я испытываю с малолетства, сидят во мне, уверен, благодаря маме прежде всего: в деревне, на которую выпадают мои первые школьные годы, по каким-то неведомым причинам книг на дому, мне кажется, не было ни у кого, кроме как в нашей избе. Их привозил из Елбани Олег, который был книгочеем.

Это была позитивная часть морали, которую мама закладывала в своих детей, мне кажется, не только инстинктивно, как нормаль-

ный в психологическом плане человек, но и вполне сознательно: ей хотелось, чтобы мы стали хорошими, достойными, как она говорила, «приличными» людьми, а не «гóпниками» (ее слово), чтобы нам жилось лучше, чем ей.

Когда я теперь примеряю на себя ее нравоучения, стремясь понять, была ли от них польза для меня, то прихожу к твердому убеждению, что именно мама заложила во мне основы позитивного отношения к миру, людям и жизни, благодаря которым я имею сейчас возможность думать о себе как о небесполезном существе.

В начале трудовой жизни деловой подход, стремление к справедливости, честность, правдивость и прямота очень мешали мне. И чем дальше, тем больше.

Но однажды я прочитал милые моему сердцу поэтические строчки:

Он с детства не любил овал,
Он с детства угол рисовал...

И успокоился: будь таким, каков ты есть, но — будь, а не кажись...

Жизнь пообтерла меня, но я не стал округлым, подобно гальке на морском берегу. Меня мало волнует внешнее, мне важна сущность; мне мало знать, «что люди скажут», для меня главное — дело, полезное всем, интересное мне самому.

Да, народ — ядро и корень, да, власть имеет силу. Но я тоже не пустоцвет и не плесень. Что бы ни случалось вокруг, я остаюсь самим собой. И это нравственное начало я взял от мамы, которую не сломили ни горе, ни нищета и бедность.

Но самое интересное для меня нынешнего, кое-что понимающего в философии, заключается в том, что моя мама, конечно, чисто инстинктивно, интуитивно, выделяла не только обычные мотивы, которыми руководствуются все люди, предпочитая здоровье — болезням, богатство — бедности, выстраивая жизненную траекторию по этим и подобным всем понятным ориентирам.

Судьба была к ней жестока. Можно было впасть в отчаяние, бросить детей, стать воровкой или спиться, как это происходит со

многими. Можно было покончить с собой, что она однажды чуть не сделала...

Но она осталась жить и, как могла, отчаянно боролась с судьбой, принимая ее удары, но не сдаваясь. Она противостояла судьбе, следуя принципам добра. И это значит, что она имела свой внутренний мир ценностей, которые выше удовольствий, богатства.

Она не знала многое из того, что́ и ка́к делать, но знала, что есть такие вещи, которые человек не должен делать никогда, ни при каких, даже самых крайних, обстоятельствах. В ее сознании жила система запретов, из которых, собственно говоря, и состоит мораль: «Не убий!», «Не укради!», «Не солги!», «Не прелюбодействуй!» и т. д.

Ее бесконечные «Нельзя!» буквально бесили меня в детстве и молодости. Собственные страсти и обстоятельства провоцировали меня, не терпящего никакой узды, на разного рода вольные поступки. И я совершал их, нередко раскаиваясь потом. Но еще больше разного рода неблаговидных дел я не сотворил, потому что передо мной всегда стоял образ матери, а в ушах звенело ее непреклонное «Нельзя!».

Так постепенно в моем сознании формировалось своего рода сито, состоящее из множества принципов и правил, сквозь которые проходит каждое психологическое побуждение, прежде чем оно проявится в поступке или их целой веренице. В моей душе есть своего рода «отдел технического контроля», без «штампа» которого я не могу начать действовать. Наверное, это называется совестью?.. А может, чувством долга? Или ответственности?

Святых людей нет. Идеальных — тоже. Но есть люди принципов, люди морали. Иначе говоря, люди, стоящие на стороне Добра. А те, кто отказывается от морали, те (что бы они ни говорили!) выступают со стороны Зла, творят зло.

Выходит так, что своими нравоучениями мама добилась от меня чего-то такого, о чем, вероятно, и не помышляла. С годами во мне поселилось и живет не только чувство долга, но и чувство какой-то вселенской вины за все неурядицы происходящего в стране и мире, так больно сосущее мое сердце и рвущее мою душу; будто кто-то назначил меня главным ответственным за всеобщий поря-

док и всечеловеческое счастье, но позабыл наделить меня правами и силами, позволяющими осуществить порученное. И я разрываюсь в беспомощности между Должным и не удовлетворяющим меня Сущим, и оттого возникает гнетущее чувство вины...

Матвей Иванович Александрович, старший брат моей матери и мой дядя по материнской линии (родился 1 сентября 1894 года), с 1914 по 1918 год служил рядовым в 6-м Гвардейском Таврическом полку, участвовал в Первой мировой войне.

С 1918-го и по июль 1941-го заведовал магазинами в г. Витебске Белорусской ССР. В июле 1941 года был призван в Красную армию, участвовал в боях, был ранен и эвакуирован на излечение в г. Новосибирск. Получил инвалидность и остался жить в этом городе, где работал на разных должностях в системе торговли.

Окончил сельскую школу, но говорил и писал очень грамотным и богатым языком. Много читал. Был холост. Эти данные я взял из личного листка по учету кадров, который был передан маме вместе с вещами после его смерти.

Это Матвей Иванович отыскал в деревне нашу семью, эвакуированную из Ленинграда, оформил вызов в г. Новосибирск и разместил нас троих в своей комнатушке площадью квадратных метров пятнадцать, не более, которую снимал в деревянном домике сельского типа на ул. Нарымской, № 71. Сам он тут же съехал в другое место, а мы ютились там еще более двух лет...

Последние годы своей жизни Матвей Иванович провел в Бердском доме инвалидов Новосибирской области.

Когда он умер, точно не помню. Единственное письмо, которое сохранилось у меня, датировано им 23 ноября 1967 года, когда я с семьей уже жил в Москве, откуда изредка писал ему, посылал небольшие денежные переводы.

Прожил Матвей Иванович по крайней мере около 75 лет...

У моей матери были, по ее рассказам, еще два старших брата, которые после революции 1917 года эмигрировали в Соединенные Штаты и со временем стали богатыми людьми. Об этом она мимоходом говорила мне два-три раза, а я никогда никому не рассказывал, потому что в анкетах, которые мне приходилось заполнять, была графа «Есть ли родственники за границей?». Я всегда отве-

чал «нет». Тем более что я действительно не знал о них ровным счетом ничего.

Но однажды произошел случай из разряда возможных невозможностей. Во всяком случае, мне так кажется.

Весной, в мае 1991 года, я уже в пятый раз оказался в США в составе политической делегации СССР весьма высокого уровня.

Вечером, накануне нашего отлета в СССР, мэр Нью-Йорка устроил в нашу честь прием, на котором было человек 200 знатных и богатых американцев.

В какой-то момент я заметил за одним из столов пожилого человека, который пристально рассматривал меня и очень оживленно, кивая в мою сторону, говорил о чем-то со своими соседями. В середине вечера он подошел ко мне, представился и стал расспрашивать, кто я, откуда родом, кто мои родители, деды... Я отвечал сухо, не понимая, зачем он это делает. Не придал никакого значения и его словам о том, что я очень похож на его отца, который когда-то эмигрировал из России. К тому моменту, как и многие, я уже был изрядно выпивши.

Я обещал этому человеку, что, как только закончится дискуссия за нашим столом, подойду к нему, и мы продолжим разговор.

Но дискуссия разгоралась все жарче, я совсем забыл о своем обещании и вспомнил о незнакомце только у раздевалки, когда прием закончился. Стал его искать, но было поздно. И только тут вспомнил, что два брата моей матери давным-давно эмигрировали в США. Может быть, ко мне подходил родственник?..

Род Морозовых[1]

По тем же причинам, которые излагались выше, о корнях рода Морозовых известно очень мало.

О прадедах и прабабушках неизвестно ничего.

О **моем деде** по отцовской линии — **Андрее Морозове** — также нет никаких сведений, кроме главного: в начале 30-х годов он, донской казак, был расстрелян вкупе с другими восставшими каза-

[1] Глава о роде Морозовых написана моей женой — Светланой Петровной Ильинской (Морозовой).

ками, хотя он, как говорил потом мой папа, в восстании не участвовал. Но хватали всех подряд: для острастки.

В одночасье всю семью Морозовых — мать, сестру и ее мужа (кого еще — не знаю) — выселили с Дона в Сибирь под Семипалатинск, высадив из вагонов прямо в открытое поле. Об этом отцу как-то сумела сообщить его мать.

Связь между собой они больше не поддерживали, боясь навредить отцу. Все, что случилось и было потом, осталось большой тайной. Если бы власти узнали о том, что мой отец — сын расстрелянного донского казака, его сняли бы со всех постов и отправили бы туда же, а то и хуже...

Однажды перед войной (1939–1940 годов) отец решил повидаться со своей матерью. Моя мама собрала подарки, и папа поехал на вокзал. Но через некоторое время он вдруг вернулся домой. Мама была крайне удивлена: почему? Папа ответил: «Я приеду, а там много наших станичников. Все узнают, кто́ я и что́ я. Чем все это может закончиться?.. Я рискую всей своей семьей: тобой и четырьмя детьми. Я просто испугался за всех вас». Так он больше никогда и не увидел свою мать.

Мой **дед** по материнской линии, **Перфил Таршецкий** — из семьи ссыльных поляков. Дед был красавец — блондин, с пышными усами и вьющимися волосами, большими серыми глазами, белой кожей и очень веселым нравом. За что, видно, его жена (моя бабушка) его очень любила. А вот работать дед был не мастак...

Моя **бабушка** по материнской линии — **Таршецкая** (в девичестве Суворова) **Фёкла Кузьминична** (1880–1956) из забайкальских казаков.

Бабушка была тоже одарена своеобразной красотой: черноволосая, со смуглой кожей, ослепительно красивыми крупными белыми зубами... Голубые глаза цвета летнего неба на фоне глубокой смуглоты даже трудно вообразить. Такие глаза очень редко встретишь. Я, даже маленькая, ничего в красоте не разбиравшая, любила смотреть на ее лицо, слегка скуластое, такое необычное. Вся работа по дому и заботы о нем лежали на плечах бабушки. Добытчиком в семье была тоже она.

Фёкла Кузьминична была очень умная и рассудительная. Пользовалась большим авторитетом среди своих сверстниц.

За советом к ней ходили в гости со всех близлежащих улиц. Разговор с ними вела в суровой и правдиво-насмешливой манере, в своей речи употребляла массу поговорок и пословиц, что меня очень развлекало и заставляло прислушиваться: «О чем это они говорят?»

Одна из ее поклонниц начинала свою речь уже с порога и непременно со слов: «Кузьминична, я как перед богом, так и перед тобой...» Потом перекрещивалась и начинала разговор. А Кузьминична с насмешливо-снисходительным видом наблюдала за соседкой.

У бабушки было много детей: четыре девочки — моя мама Анна, Зинаида, Вера, Людмила — самая младшая; сыновья — Николай, Борис, Константин.

Фёкла Кузьминична (в противоположность моему отцу) была ярой антисталинисткой. Она говорила: «Как это возможно славить с утра до вечера простого человека, как Бога? Вот опять про вашего „ёську“ (так она называла Иосифа Сталина) по радио поют с утра до вечера. Вы за это заплатите». Своим трезвым мышлением незашоренного и незапуганного человека она точно видела, что происходило в стране.

Ну и заплатили...

Умерла Фёкла Кузьминична в 1956 году, летом, от рака желудка. Ей было 76 лет.

Так и храню я ее образ в памяти своей — высокая, статная, красивая, суровая трудяга.

Моя **мама Морозова** (Таршецкая) **Анна Перфильевна** (22 сентября 1904 года — 18 января 1992 года) родилась в Забайкалье — деревня Творогово Бурят-Монгольской АССР.

Окончила гимназию и для своего времени была весьма образованной. Очень любила читать, имела хороший музыкальный слух и голос. Развлекала нас, детей, рассказами содержания оперетт и опер, сопровождая все это пением арий из них. Мы играли с ней в любимую игру: напевается мелодия, и нужно отгадать, из какой она оперетты или оперы, кто композитор, чья это музыкальная партия. Так привились мне большая любовь к музыке и восприятие ее как необходимости и украшения нашей жизни.

Мама жила на Дальнем Востоке, где революция со всеми ее перипетиями продолжалась гораздо дольше, чем в западной, европейской, части России. Мама работала машинисткой в штабе красных, который возглавлял тогда известный большевик П. П. Постышев. (Постышев Павел Петрович (1887–1939) — один из руководителей борьбы за Советскую власть в Восточной Сибири и разгроме белогвардейцев на Дальнем Востоке. Впоследствии занимал видные посты в ЦК большевистской партии, Верховном Совете СССР.)

Об этом периоде ее жизни знаю мало. Помню, мама рассказывала, что все это происходило в Хабаровске, который то и дело переходил из рук в руки: наступают белые — хватали пишущие машинки под мышку, грузились в поезд и уезжали из города. Через несколько дней возвращались красные, и все рассаживались по своим местам.

Однажды одной из подруг мамы и ее (подруги) молодому человеку надоело бегать туда-сюда, и они остались в городе, который заняли белые: все равно дня через два-три вернутся свои, красные. Но когда мама со штабом снова вернулись в город, то узнали, что их расстреляли.

Революция не была игрой...

В 1928 году Анна Перфильевна вышла замуж за Морозова Петра Андреевича, и в 1929 году родился мой старший брат Юра, затем в 1932 году — сестра Зина, в 1936 году — брат Володя, который умер от кори в 5 лет. Затем в 1939 году родилась я, а в 1942-м — Володя «второй» (его назвали в честь умершего Володи). Родилась я фактически в Новосибирске, но зарегистрирована в г. Юрге, так как отец там строил какой-то очередной промышленный объект.

И. М. Ильинский:

Со своей стороны об Анне Павловне должен сказать, что была она человеком добрым и умным. И замечательной тещей. Первой своей заботой, как и у моей матери, у нее была забота о том, как накормить, одеть, обуть детей.

Была она прекрасной кулинаркой и свое мастерство передала Светлане. Все наши друзья и родня знали: хочешь поесть вкусно,

от души — приходи к Ильинским... Анна Павловна (так звали ее для простоты в семье) и (или) Светлана наготовят, наварят, нажарят и напекут такого, чего не увидишь и не поешь ни в одном ресторане ни в Москве, ни в Париже.

Я любил Анну Павловну. В том числе и за то, что в трудные моменты наших внутрисемейных отношений, которые случались, у нее хватало мудрости занимать, как говорится, правильную позицию... Она очень любила своих внучат — Олега, и особенно Наташу, которой, разобидевшись за что-нибудь на свою дочь, писала жалобные письма из Одессы, где жила у дочери Зины в последние годы.

Вот одно из таких писем, проштампованное на конверте 19 ноября 1981 года.

«Добрый день и час, дорогая моя внучка, солнышко мое золотое, радость моя!

Нет того дня, чтобы я не вспоминала тебя, не думала о тебе. Спасибо тебе за открытку, которую ты мне прислала к дню моих именин, спасибо за твои душевные и умные слова, добрая ты у меня девочка, дай бог тебе здоровья и счастья, чтобы ты не знала ни горя, ни огорчений (как говорят, живи просто — проживешь лет со сто).

Наташа — как мы хотим, чтобы ты на каникулы приехала к нам — просись у мамы, пусть она потратится — только на дорогу, а у нас есть варенье, абрикосовый компот и вишневый. Наташа, что тебе даст отдых где-то, у нас тебе будет хорошо, спокойно, я все силы, которые у меня есть, буду кормить Вас как можно лучше. И вот ты увидишь, что тебе у нас будет лучше, чем где-то.

Наташенька, упроси маму, с Ниной будете ходить, куда захотите, и Вам вдвоем будет веселей. Приезжай обязательно.

Наташенька, пиши ответ, как живешь, как твое настроение, чем занимаешься. Большой привет от тети Зины и Нины.

Большой привет маме и папе.

У нас выпал снег.

Здоровье мое пока ничего. На улицу почти не выхожу, там очень скользко, а ноги у меня плохие.

Ну, пока все, дорогая моя внучка. Целую, бабушка».

Мой **папа Морозов Петр Андреевич** (1901 год — 29 ноября 1949 года). Донской казак. Родился в селе Батый, где-то около станицы Макеевская. Папа слишком рано умер, мне было всего 10 лет, и я не успела его ни о чем расспросить, да и просто как следует поговорить, пообщаться с ним.

С одной стороны, он был всегда очень занят, поздно приходил домой, с другой — я была слишком мала. Да и он был немногословным и не очень общительным. Постоянная забота и груз ответственности, усугубленный сталинскими репрессиями за малейшую промашку в работе, грозили тюрьмой, а то и более того.

В 18 лет он уехал из родного села служить в Красную армию. Затем оказался в Хабаровске, где его избрали судьей. Там он и познакомился с мамой.

Окончил рабфак (рабочий факультет), получил профессию строителя. Некоторое время они с мамой жили во Владивостоке, потом переехали в г. Новосибирск.

Послужной список отца (кем и где он работал вначале, как рос по служебной лестнице) я не знаю. Несомненно одно: он оказался очень способным работником, отвечавшим требованиям того сурового времени, когда превыше всего, кроме профессионализма, ценились преданность Делу, самоотверженность и самопожертвование. За время, пока я имела возможность наблюдать за ним, я поняла, что он был именно такой личностью.

Помню его уже с тех пор, как он стал начальником строительства различных строительных объектов: мелькомбинатов, молокозаводов, а затем — крупных промышленных предприятий.

Папа строил различные объекты в Кемерове, Тюмени, Алейске, Юрге, Брянске, Бийске, Новосибирске.

Знающий строительное дело человек удивится такому большому перечню мест: ведь на строительство даже небольшого предприятия уходят годы.

Но надо понимать: отец был начальником строительств в предвоенное, военное и послевоенное время. В эту пору в любом деле счет шел не на годы, а на месяцы и часы: под вопросом была жизнь или смерть страны. И на острие решения, казалось, несбыточных задач оказывались такие люди, как мой отец, отвечавшие за выполнение этих задач своей головой в буквальном смысле.

Днем он никогда не сидел в конторе, а рыскал по стройке, все проверял и контролировал сам на месте, а вечером проводил «разбор полетов».

Была в работе отца еще одна важнейшая особенность: на многих объектах он отвечал за «нулевой цикл», т. е. за строительство фундамента. Самое трудное дело!

Отцу ставилась задача, определялись сроки строительства и полномочия по связям с местными партийными и государственными властями, открывался расчетный счет, выдавалась чековая книжка. Дальше — выезд на место, подбор кадров и организация строительного процесса. Одним словом, каждый раз он (и часто вся наша семья) начинали с «первого колышка» в степи или на окраине города, с жизни в палатке, где жена начальника строительства — моя мама — печатала на машинке первые приказы своего мужа.

В 1944 году папу, например, сняли с одного уже налаженного объекта и назначили начальником бронепоезда, который двигался со строителями и ремонтниками в Брянском направлении. Прямо вслед за отступающими из Брянска немцами папа буквально под открытым небом, в дождь и мороз восстанавливал разрушенные заводы, на которых ремонтировали танки. Здесь он впервые заболел, заложив основу своей будущей болезни (рак легкого) и смерти от нее через пять лет.

Отдельный разговор про Новосибирск, где мы жили дольше всего и где отец начинал строительство трех крупных оборонных объектов.

Первым еще в разгар войны был авиационный завод им. Чкалова, на котором впоследствии создавались первые в СССР реактивные самолеты. В 60-е и 70-е годы это был уже завод-гигант, на котором работали более 60 тыс. человек.

Ближе к концу войны в стране, как известно, началась активная работа по созданию атомной бомбы. В связи с этим было организовано Министерство среднего машиностроения (Минсредмаш), которое занималось этим. Папе было поручено строительство завода по производству топлива для атомной промышленности.

Все было строго засекречено, и папа вряд ли знал в подробностях, что́ и для чего он строил. В его задачу и на этот раз входило

строительство «нулевого цикла». Сами здания строили военнослужащие и зэки, а оснащение оборудованием производили специалисты. Впоследствии этот завод стал называться «почтовый ящик» № 80.

Вскоре отца перебросили на «нулевой цикл» строительства еще одного завода, родственного по принадлежности к Минсредмашу, который находился недалеко от п/я 80, располагался за чертой города, в лесу. Этот «почтовый ящик» получил потом номер 32.

Вокруг этих двух заводов строился новый соцгород — роскошные по тем временам дома с хорошей планировкой, высокими потолками, коттеджи на несколько семей, скверики, спортивные площадки, стадион, великолепный дом культуры, ресторан, магазины и другие элементы инфраструктуры.

Мы же продолжали жить в «старом» соцгороде при заводе им. Чкалова, хотя папа числился при Минсредмаше.

Наступала пора нового переезда. Отец имел право выбрать себе место сам, но настрадавшаяся от полуголодной жизни мама настояла на том, чтобы он попросил назначение в город Бийск (Алтайский край), где планировалось строительство радиозавода и где, по слухам, голодом даже не пахло.

Папе поручили строить этот радиозавод. Так мы оказались в Бийске.

Первый же семейный выход на местный рынок привел нас в полуобморочное состояние: мы увидели такое изобилие продуктов, которое нам и не снилось. Горы яиц, помидоры, мед...

Все мы, особенно дети, были ослаблены (сильное малокровие). Здесь начали понемногу вставать на ноги.

Мы прожили в Бийске 1947–1948 годы, пока не случилась беда: забрав всю кассу вместе с зарплатой для рабочих, сбежал главный бухгалтер стройки. Отец испытал огромное потрясение. Ему пришлось покинуть пост начальника строительства, вернуться в Новосибирск и ждать другого назначения.

Но еще до этого случая, работая в Бийске, папа участвовал в съезде строителей страны, который проводился в Кремле, где был награжден орденом. А еще раньше (перед войной) папа получил орден из рук самого Сталина. Тогда он впервые увидел его близко и был просто потрясен его видом: маленький, рыжий и ко-

нопатый. А на портретах он был значительный, черный, красивый, и все к этому образу привыкли. И вдруг... нечто совсем другое.

Почитание Сталина большинством людей в СССР было просто фанатичным. Не миновала эта болезнь и отца. Меня он назвал Светланой в честь дочери Сталина. Даже стригли, как ее: челка и каре.

Когда папа умирал, в бреду он постоянно рапортовал товарищу Сталину о какой-то завершенной работе — так сильно в его сознание была вбита ответственность перед Сталиным.

Вообще тогда все, что делалось, делалось «для народа и Сталина». А для себя?.. Так воспитывали. Карали именем народа. Награждали от его же имени. И все освящалось именем Сталина.

После бийской трагедии папа получил назначение в Тюмень — строить лесопромышленный комплекс «Тюмень — Тобольск». Все, что он успел там сделать, — это принять будущую стройку. Через месяц он сильно заболел.

В Тюмени мы жили сначала в городской гостинице, затем нам дали временное жилье — отдельный деревянный дом. Мама и все дети, кроме меня, уже переехали туда, а мы с папой остались вдвоем и последними должны были идти до дома пешком из гостиницы.

Помню, как мы шли с ним медленно и тяжело. Болел он уже сильно, но еще ходил. По дороге папа пел знаменитую песню Марка Бернеса: «Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела». Очевидно, его уже тогда посещала мысль о смертельной болезни, хотя все домашние говорили ему, что у него туберкулез. Он до конца не знал о том, что у него рак.

По дороге папа все хотел сделать мне что-нибудь приятное: купить пирожное, угостить кофе. Но город Тюмень тогда был такой глухоманью, что здесь даже не слышали ни о том, ни о другом. Папа страшно сердился, возмущался, что в кафе есть только чай, пельмени и колбаса и отродясь не слыхали о кофе и пирожных.

Так мы тихонько и дошли до нашего нового жилища.

Уезжали из него мы уже без папы.

26 ноября 1949 года там же, в Тюмени, он и скончался.

Папе было всего 48 лет.

В Тюмени мы не успели пустить корни, да и город был нам совсем чужим, с очень холодным климатом. После похорон мы со-

брались и уехали в Новосибирск жить к бабушке (маминой маме), так как квартиры своей у нас уже не было.

Никаких богатств наша семья не накопила. Мы начали бедствовать...

Мои детские воспоминания. Себя я помню примерно с четырех лет только в Новосибирске. Папа по делам службы часто бывал в Москве и привозил нам очень красивые вещи. У него был прекрасный вкус, он сам выбирал и покупал для мамы платья, обувь, шубы. Чего о маме не скажешь. Она была одета прекрасно исключительно с его помощью.

Война... Мы жили в огромном многоэтажном кирпичном доме, который практически не отапливался. Может быть, только чуть-чуть, чтобы не лопнули трубы. За окном мороз. Мы все в пальто, валенках, и на голове платки. Вечер, все лежат одетые и укрытые одеялами, холод адский. Одна я летаю по комнате, танцую и пою: веселю всех. Все смеются, но я не совсем понимаю, почему. Очевидно, все это я делала комично, но жизнь во мне била ключом.

Первый мой выход в детский сад. Мне было 5 лет (1944 год). Через короткое время там была создана особая группа для ослабленных детей. Меня взяли в эту группу: среди всеобщего недоедания и голода я очутилась в «стране изобилия». Нам накрывали столы со всеми атрибутами культуры: вилки, ножи, салфетки, которые многие дети видели впервые. Да и нечего было есть с ножами и салфетками — кашу, что ли? На столе мы впервые увидели белый хлеб, сливочное масло. На праздники нам давали пирожное.

Так как этот детский сад был при авиационном заводе им. Чкалова, к нам на праздник приглашали боевых летчиков — Героев Советского Союза, а также летчиков-испытателей, которые, кстати, жили в нашем доме, и мы их всех знали.

Я очень быстро освоилась в детском саду и проявила некоторый талант, став «солисткой» как в исполнении танцев, так и в пении. Это было довольно приятно.

Помню, как в детском саду мне не давали какие-то подарки (небольшая помощь детям, чьи родители были на войне). Говорили: «Твой отец не воюет». Но я же знала, что он офицер и его дома никогда нет. Находясь в большой обиде, я решила, что надо спросить

у самого отца, чем он занимается. Мне было всего 6 лет, и я с подружками пошла напрямую через лес (откуда-то я знала, как его найти) и пришла на стройку, где он работал.

Я все рассказала папе, он засмеялся и сказал: «Я строю здесь гаражи... Иди домой. Все будет хорошо».

И действительно, мне стали все давать, да еще и перевели в особую группу... Видно, очень «хорошо» поговорил кто-то с директором детского сада и рассказал, чья я дочь и кто мой отец.

Когда на улице был мороз за 30 градусов и особенно холодно в квартирах, где мы жили, нас оставляли ночевать в детском саду, который отапливался. И вот однажды мне стало так тоскливо и одиноко без мамы и семьи спать ночью в чужом месте, что я встала, оделась и совершенно незамеченной ушла из детского сада. Ночью, в мороз и метель, я пришла домой. Когда мама открыла ночью дверь и увидела меня, ей стало плохо. Можно догадаться, что она устроила утром в детском саду воспитателям, а те — мне...

Недалеко от детского сада располагался знаменитый «Сиблаг» («Сибирский лагерь»). Своими глазами я видела заключенных этого лагеря. По пути домой мне нужно было пересечь ответвление от железной дороги, которая вела в этот лагерь.

Помню: идет колонна заключенных. Метель, мороз, колонну окружают конвоиры, тепло одетые, в валенках, шапках, белых теплых тулупах, а заключенные в тоненьких телогрейках. Конвоиры с автоматами наперевес и с огромными овчарками на поводке. По железной дороге несется маневровый состав, колонну останавливают. Крик конвоиров, лай собак, невероятный шум и суматоха!.. Заключенным приказывали сесть на корточки, руки — за голову, голову наклонить вниз, ни на кого не смотреть. Картина не для слабонервных...

Мы — дети и другие, кто должен был переходить железную дорогу, стояли и с ужасом наблюдали всю эту сцену. Тогда мы не знали еще о репрессиях, о которых расскажут после смерти Сталина, но инстинктивно нам было очень жаль этих людей. Да и вид у заключенных был совсем не бандитский.

В 1946 году в Новосибирске я пошла в 1-й класс 36-й средней школы, где училась и моя сестра Зина. Школы были раздельные — для девочек и мальчиков. Почему-то именно в том году жилось

особенно голодно и холодно. Не было бумаги. На уроках мы писали на газетных листах между строк карандашом. Однажды на уроке рисования выдали на весь класс одну коробочку цветных карандашей. И каждому по очереди разрешали разукрасить рисунок. Это было событие!.. Собирали старую одежду для одноклассниц, которым даже в школу было не в чем ходить.

В стране была карточная система, и хлеб нам давали по карточкам. Однажды, когда мама послала меня за хлебом, меня встретила какая-то женщина, обманом выманила у меня эти карточки и исчезла с ними. В результате на целый месяц вся семья осталась без хлеба. Это была трагедия.

Возвращались с фронта солдаты и офицеры. Мы бежали на станцию, где останавливались поезда, встречать приезжающих. А мимо проносились составы, груженные танками и пушками, с солдатами, которые бросали нам, детям, немецкие деньги, открытки, что-то кричали нам.

Поезда шли на Восток. Тогда мы еще не знали, что война еще не закончена. Она продолжалась на Востоке с японцами, и войска перебрасывались туда.

Однажды я была у бабушки в гостях. Стою на крыльце и вижу, что по переулку идет какой-то солдат с рюкзаком за плечом. Я крикнула бабушку посмотреть, кто́ это. Чем ближе он подходил к дому, тем, совершенно не объяснимо, было больше волнения. Оказалось, это был мой дядя Коля, младший сын бабушки. Ведь я его никогда не видела, но сразу, каким-то шестым чувством поняла, что это что-то родное.

Он поразил меня своей красотой, был очень похож своей ослепительной улыбкой на бабушку, такой же черноволосый, смуглый и голубоглазый. Я откровенно заглядывалась на него. Он понимал, что нравится мне, и снисходительно улыбался. Дядя был преподавателем русского языка и литературы, но чем он занимался после войны, не знаю. Дяде Коле было всего-то 34 года, на фронте он заболел туберкулезом и в 35 лет, в 1947 году, умер.

Второй и третий класс я проучилась в Бийске, а после неприятностей у папы на работе пошла в 4-й класс в Тюмени.

В Новосибирске я училась в 55-й средней женской школе. Окончила 7 классов. Дальше нужно было за обучение в школе

платить деньги. Их у нас не было, и мне пришлось идти в техникум.

В мое время, как я уже говорила, девочки и мальчики учились в разных школах. Один раз я видела, как в школу пришла группа мальчиков, они пригласили девочек из старших классов на праздничный вечер в свою школу. Скажу, что это было событие! Нравы были такие, что совершенно не приветствовалось ни общение, ни тем более дружба с мальчиками. Когда однажды моя классная руководительница шла по улице и увидела меня с подружкой, играющими с мальчиками, она сделала нам замечание типа «ай-яй-яй». Перепугались мы порядком.

До 6-го класса училась я без всякого интереса: просто надо — и все. Но в 6-м классе, когда мне было уже 12 лет, я неожиданно почувствовала интерес к учебе, и главное — проснулось самолюбие: я тоже кое-что могу. Я стала петь (до того стеснялась), и это всем понравилось. Меня стали просить петь, а это уже понравилось и мне.

В школу пришло много новых учителей, которые своим необычно привлекательным видом вызывали желание знать их предмет. Лучше всех была учительница английского языка. Она приехала из Москвы по распределению. Видная, с ярко накрашенными губами (чего не делал никто из наших местных), в красивом костюме и алым платочком в кармане — шок! Как с другой планеты. Короче, учитывая все перечисленное, я из середнячков рванула сразу почти в отличницы. Только по русскому языку письменно была «четверка».

После 7-го класса пошла учиться в техникум. К сожалению, мама не принимала в этом никакого участия. Это было только моей заботой: куда я буду поступать. Ну я и пошла, куда шли подружки. С ними веселее.

Поступили мы в техникум книжной торговли. Надо отдать должное, что давали там прекрасное литературное и эстетическое образование. Мне нравилось учиться. Там я впервые познакомилась с творчеством всемирно известных писателей и поэтов, композиторов и художников. Нам преподавали этику и эстетику. Я раньше даже и слов-то таких не знала.

Проучилась там я три года (до 17 лет). Никогда не пожалела об этом в плане общего развития, однако самолюбие мое было

очень задето тем, что я не окончила 10 классов и не поступила в институт, как того я заслуживала и очень хотела. Встречая своих бывших одноклассниц, я очень стеснялась. Поэтому, когда я в 1957 году встретила своего будущего мужа и оказалось, что мы оба хотим учиться дальше, это нас очень объединило.

Но кто такой Ильинский, я узнала гораздо раньше. Еще в детстве, во время летних школьных каникул, я ездила в пионерский лагерь при авиационном заводе им. Чкалова. Надо сказать, что это был особый лагерь в лучшем смысле, построенный в лучших традициях того времени — своего рода сибирский мини-«Артек» (во времена СССР — Всесоюзный пионерский лагерь в Крыму).

В лагере была своя форма: голубой верх и темно-синий низ. Прекрасные кружки: танцевальный, пения и, конечно, спортивные.

Вот самым заметным и знаменитым спортсменом и певцом и был Игорь Ильинский.

Он был в 1-м (самом старшем) отряде, а я на три года младше. Конечно, в возрасте 10–11 лет никаких мыслей, кроме гордости за свой пионерлагерь, не было. Игорь Ильинский не сходил с уст всех обитателей лагеря: все первые места внутри и в межлагерных соревнованиях занимал он. Во время спартакиад, на параде он нес знамя пионерлагеря завода им. Чкалова.

Когда в августе (это был третий сезон) проходил праздник Военно-воздушных сил СССР, в пионерлагере проводился праздничный парад. Нас выстраивали по отрядам в одну шеренгу вдоль широкой и длинной просеки в лесу, над которой на низкой высоте пролетали боевые самолеты и сбрасывали нам подарки в фанерных ящиках, прикрепленных к парашютам. На каждом ящике стоял крупными цифрами номер отряда, для которого он предназначен. Ящик ударялся о землю и обычно раскалывался. Из него высыпались подарки, и мы налетали, расхватывая их, и оттаскивали ящик в сторону. Надо было успеть, пока самолет делал следующий заход. Так получали подарки в этот день все отряды.

Но для Игоря Ильинского с самолета выбрасывали отдельный подарок, с его именем. Вот это была слава!..

Я выросла, перестала ездить в этот лагерь и забыла про Ильинского. Он жил далеко от меня, и я его не видела.

Но после смерти бабушки мы через некоторое время переехали жить в те же края, где жил Игорь (дома вокруг завода им. Чкалова назывались соцгородок).

Однажды, когда мне было 18 лет, я с подругами первый раз летом пошла на танцы (танцплощадка была летней на открытом воздухе), и около нее я увидела группу курсантов военных училищ, а среди них сразу узнала Игоря Ильинского.

Но теперь уже разницы в возрасте я не чувствовала никакой.

Когда я вскоре опять пришла на танцплощадку, то сразу увидела его, и мне захотелось с ним познакомиться. Он пригласил меня на танец, после которого мы уже ушли с танцев вместе.

Разговор завязался легкий и веселый. Мне было с ним очень просто. Никаких далеко идущих планов у меня не было. Я его совсем не стеснялась и от всей души хотела ему понравиться. Я перепела ему все, что знала из репертуара Клавдии Шульженко (знаменитой певицы того времени), танцевала перед ним, ну только что на голову не вставала. В общем, думаю, что посмешила его своей откровенностью от души. И мы начали встречаться...

Уже сейчас мало кто понимает, что представляло собой, в сущности, советское общество вообще, а тем более в предвоенные и военные годы. С позиций глубинного смысла (сущности) это было не общество, а государство, которое называлось обществом. Левиафан — чудовище, поглощающее людей и их отношения. Между государственным механизмом и «общественной» жизнью практически не было никакого зазора, никакой разницы. Два разных понятия «государство» и «общество», где второе понятие («общество») первично, неимоверно шире и «главнее» первого понятия («государство»), употреблялись в одинаковом смысле, а на практике человек всюду сталкивался с государством, за которым стояла партия большевиков.

Страна, ее народ еще с начала 30-х годов, задолго до 22 июня 1941 года, жили по формуле известной песни тех лет: «Если завтра война...» Жили в предчувствии войны. Уже тогда жили по законам военного времени.

Армия была народной не только в том смысле, что была призвана защищать народ. Задача состояла в том, чтобы военизировать все население, сделать солдатами весь народ.

Война была неизбежна. Речь шла только о сроках — когда?

Поэтому дети младшего возраста во всех школах СССР в обязательном порядке сдавали нормы БГТО («Будь готов к труду и обороне!»); пионеры, одетые в красные галстуки, на призыв пионервожатых «Пионер, к труду и обороне Советского Союза будь готов!» складным хором всегда и всюду отвечали: «Всегда готов!»

Юноши и девушки старших возрастов (от 14 лет и далее) сдавали нормы ГТО («Готов к труду и обороне!») первой, второй и третьей степеней, что предполагало соответствие не только определенным спортивным нормативам, но также умение стрелять из винтовки, бросать гранату и т. п.

И так — из года в год. Так поколения физически здоровых и прошедших некоторый курс начальной военной подготовки детей и молодежи вырастали в «народ», готовый к войне психологически, морально и физически.

Действовала всеобщая воинская повинность. Служба в армии понималась как гражданский долг.

Военная служба, как и труд, были в СССР делом чести, доблести и геройства, важнейшей частью духовной жизни нации. Свободное, ответственное и солдатское, безответственно-исполнительское «Есть!» в человеке взаимопроникали друг в друга. Коллективным Солдатом становился весь народ. И не только его «низы», но в той же, скорее даже в большей мере, «верхи», начиная с Главнокомандующего, одетого в скромный серый военный мундир.

С началом Великой Отечественной войны отношения в обществе еще более ужесточились. Фронт и тыл стали единым военным лагерем. Понятие «тыл», по сути дела, исчезло, хотя оно оставалось в словарном обиходе. Война проникла в каждую семью, превратив страну в «воюющий народ».

Неудача в выполнении боевых или тыловых задач была просто запрещена, исключена. Не выполнил задачу? Плати за это — должностью, званиями, свободой, а часто и жизнью.

Вынужденный быть одновременно гражданином и Солдатом, человек постоянно находился в тяжелом внутреннем конфликте с самим собой.

Да, это было ужасно, порой невыносимо. Но таковым было время — «Или мы их, или они нас».

Так жили и наши предки, наши отцы и матери.

Большинство, если не все руководители заводов, фабрик, строек и других предприятий, имели воинское звание. Судя по масштабам дел, поручений, которые получал мой отец от партийных органов — ЦК ВКП(б) в лице Сталина, Сиббюро в лице первого секретаря Эйхе, он имел высокий, возможно, генеральский чин.

Никто из нас, в том числе мама, никогда не интересовались такими вопросами. Но в данном случае я хочу подчеркнуть главное: он ощущал себя Солдатом и делал свое дело так, будто находился на передовой и перед ним — глаза в глаза — находились наши смертельные враги.

Когда я думаю об отце, в моей душе возникает чувство огромной гордости. Человек из поколения Сеятелей и Подвижников. Суровая, жестокая, но такая красивая жизнь!..

Силой духа и энергии людей такого рода, как мой отец, в СССР за два десятилетия были воздвигнуты сотни новых городов и тысячи заводов, создавших материальную основу нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Да, были миллионы строителей и миллионы солдат, отдавших свои силы и жизни Родине и народу. Но были Личности, которые возглавляли и вели за собой массы и без которых эти массы — как ноль без единицы. В Историю можно войти только Личностью. Мой отец, Петр Андреевич Морозов, безусловно, внес выдающийся вклад в строительство СССР, а значит, и нынешней России.

Так случилось, что много лет вплоть до 1965 года мы жили в Дзержинском районе г. Новосибирска, на территории которого расположены все три завода, которые строил мой отец: гигант военной авиационной промышленности — завод им. Чкалова; сверхсекретный завод п/я 80 и такого же разряда завод п/я 32, работавшие на оборонно-атомную промышленность. В годы «реформ» их почти загубили, но сейчас они вновь встают на ноги и, думаю, еще хорошо поработают на оборону России.

НАША СЕМЬЯ

Ильинская Светлана Петровна

Семья в собственном смысле слова состоит из родителей и их детей. В нашем случае — это я, моя жена Светлана Петровна, сын Олег и дочь Наталья.

Ильинская Светлана Петровна (в девичестве — Морозова) родилась 26 марта 1939 года.

Август 1957 года... Помню: вечер; чуть прохладно; недалеко, метрах в трехстах от нашего дома по улице Менделеева № 8, зазывно сверкает огнями, громыхает вальсами, фокстротами и танго духового оркестра танцплощадка на открытом воздухе. Я с моим другом тех лет Юркой Чубковым, оба курсанты — отпускники военных училищ, он — Ленинградского зенитно-артиллерийского, я — Омского танкотехнического; оба при полном параде, сверкая танками и пушками на погонах, спортивными значками на кителях, в надраенных до блеска хромовых сапогах, покупаем билеты, входим на танцплощадку и оценивающим взглядом обстреливаем стоящих девчонок.

Почти сразу невдалеке я увидел Ее. Она стояла в окружении нескольких парней и заливалась в хохоте; огромные глаза ее сверкали, и было в ее лице, движениях и смехе столько непосредственности, искренности, заразительности, что мне, не слышавшему из-за расстояния и гула сотен голосов ровным счетом ничего, стало тоже почему-то весело, тоже захотелось смеяться.

Заиграли вальс, я решительно шагнул в ее сторону, и через несколько мгновений мы закружились, вовсе не подозревая о том, что уходим в долгое круженье лет всей нашей жизни...

Вскоре стало понятно, что на танцплощадке нам делать нечего, мы ушли в парк и долго бродили по его темным аллеям.

Я узнал, что ее фамилия — Морозова, а зовут Светланой. Что она окончила Новосибирский техникум книжной торговли и некоторое время работала по распределению в г. Чите, но недавно вернулась в Новосибирск. Что она заприметила меня еще во времена, когда мы оба проводили школьные каникулы в пионерском

лагере от завода им. Чкалова: я — в старшем, первом, она — в младших отрядах.

Мне тоже припомнилась черноволосая, с толстенной косой скуластая девчонка, на которую я, конечно, никакого внимания и обратить не мог: она была почти на три года младше меня при моих-то четырнадцати-пятнадцати...

А потом, сидя на скамейке, рассказывали друг другу каждый о себе, изливали свои душевные волнения в песнях.

Оказалось, что у обоих хороший музыкальный слух и недурные голоса. Светлана была поклонницей Шульженко, я налегал на репертуар Утесова, Вертинского, Козина. Пели дуэтом. Получалось.

Так длилось целый вечер до глубокой ночи.

Все последующие вечера и выходные (днем Светлана работала) мы допоздна проводили вместе: иногда в кругу друзей, но чаще — вдвоем.

Во взгляде ее огромных раскосых глаз с лохматыми ресницами было что-то колдовское, а непосредственность, порывистость и грациозность в соединении с заповедной нетронутостью и открытостью души буквально ошеломили меня. Я был без ума, как говорится, «втюрился по уши» — влюбился. И мне казалось, что чувство это взаимное.

Август пролетел в один миг. Я уехал в Омск, в танковое училище. Прощаясь, мы клялись друг другу в любви и верности.

Впереди еще были два года учебы.

Из Омска в Новосибирск и в обратном направлении полетели письма, полные любовных признаний, первых ревнивых подозрений и упреков, но с каждым письмом, с каждым месяцем мне становилось все понятней: я хочу, чтобы эта слегка взбалмошная, задиристая, еще не вполне сформировавшаяся девчонка, в которой без труда просматривались ум, чудесная душа и черты быстро расцветающей красавицы, стала моей женой.

Судьба благоволила мне, хоть и странным образом. В ноябре того же года на одной из тренировок я порвал наружный мениск колена правой ноги. Можно было сделать операцию, продолжить учебу, стать офицером... Но захочет ли Светлана выходить замуж за танкиста, ехать с ним потом куда-нибудь в Забайкальские степи

или на Дальний Восток к границам с Китаем, где стояли танковые войска? Это был теперь главный вопрос.

В одном из писем я спросил ее, как она отнесется к тому, что я попытаюсь уйти с военной службы по болезни и начать гражданскую жизнь... Намек был понят: она согласилась и через несколько месяцев, в мае 1958 года, я вышел на «гражданку».

Через три месяца (4 сентября) мы зарегистрировали наш союз.

По всем понятиям нынешнего времени наша женитьба была отчаянной авантюрой: у нас не было никакой материальной базы: ни денег, ни жилья, ни поддержки родственников — оба мы росли без отцов, наши семьи жили в большой бедности.

Мама, Ирина и я ютились в комнатушке дома барачного типа; Светлана жила вместе с матерью, Анной Перфильевной, и двумя братьями Юрием (старший) и Владимиром (младший) тоже в одной комнате, площадью чуть больше, чем наша.

Работал я поначалу слесарем-монтажником башенных кранов и зарабатывал, как говорится, копейки, на которые и в одиночку нельзя было жить как следует. О подарках молодой жене только мечталось. Обручальные кольца купить в магазине было невозможно: их не продавали, а «доставали» по блату.

После армии я был разут-раздет, гол как сокол. Юра, брат Светланы, подарил мне свой пиджак в клеточку, один из моих друзей Андрей Морозов (однофамилец) — брюки; ботинки я купил на свои кровные. Осенью, когда похолодало, я вновь надел фуфайку, купленную мамой когда-то у зэков. Осеннее пальто (первое в жизни!) я приобрел уже к зиме.

Первые месяцы Светлана жила то у нас, то уходила к себе домой. Не заладились отношения с моей мамой... Благо, что дома наши находились в пятнадцати минутах ходьбы.

Через три месяца, выдержав испытательный срок в качестве слесаря и крановщика, я был назначен мастером, а еще через месяц — старшим мастером Главной конторы механизации п/я («почтовый ящик») № 53 — огромной военно-строительной организации, относившийся к Министерству среднего машиностроения, которое организовывало производство всех видов вооружений для Советской армии и Флота, включая атомное оружие. Наш «почтовый ящик» занимался строительством именно таких объ-

ектов. Поэтому зарплата на стройке была по тем временам вполне приличная. Жить стало легче.

Через несколько месяцев мне предложили перейти на освобожденную комсомольскую работу. Не вполне понимая, что это такое — «комсомольская работа», я согласился.

Вскоре нам выделили комнату — метров двадцать квадратных, чистую, светлую, в двухкомнатной квартире в отличном доме 36-го квартала нового соцгорода. Да еще с добродушной соседкой. Это было счастье!

15 июля 1959 года Светлана родила сына, которого мы по моей просьбе назвали Олегом. В память о моем брате и еще потому, что Игорь и Олег, как мне казалось и тогда, хорошие русские имена, особенно когда они в одной семье.

Светлане в марте исполнилось 20 лет. Она работала продавцом в магазине. Это значит — целый рабочий день на ногах и вечно чем-то недовольные покупатели. За день она уматывалась физически и психически. А после работы надо было бежать в детские ясли за сыном, в магазин — за продуктами. Пеленки, бессонные ночи...

В 1961 году меня выдвинули на должность первого секретаря Дзержинского райкома комсомола, и это повышение обошлось семье двойной потерей в моей зарплате. Жить стало опять туговато.

Светлана решилась на радикальную перемену в своей профессиональной судьбе — устроилась радиомонтажницей на завод п/я 23, а через несколько месяцев на такую же работу в Научно-исследовательский институт п/я 27. Оба «почтовых ящика» работали на оборону. Вскоре она стала одной из лучших работниц НИИ, зарабатывала больше меня в два-три раза, была основной кормилицей семьи на два с лишним последующих года.

В 1960 году стала учиться на заочном факультете Новосибирского института советской кооперативной торговли по специальности «экономист торговли». В доме появились учебники по политической экономии, истории экономических учений, экономической географии, статистике, финансам, бухгалтерскому учету, советскому праву, философии, высшей математике... Ко всем нагрузкам добавились лекции, зачеты, экзамены...

В 1964 году из Новосибирска мы переехали жить в Москву.

Это было почти сказочное событие: чтобы оказаться в Москве, любой из 250 миллионов жителей любой республики или области СССР должен был получить московскую прописку, или, как говорят ныне, регистрацию. Но для этого как минимум следовало иметь жилую площадь. А ее распределяли те же самые органы власти Москвы... Очередь на жилье в столице составляла сотни тысяч семей. И даже межгородской обмен квартирами должен был быть мотивирован желающим переехать в Москву, а с его мотивировкой должны были согласиться московские власти. А у них никакой нужды в мигрантах не было.

Получить жилье и прописку в Москве можно было без всяких препонов только в одном случае: если человека переводили из «глубинки» на работу в Центральный аппарат ЦК партии, ЦК комсомола, какого-либо министерства. Это были работники редких специальностей, талантливые ученые, спортсмены, писатели, артисты, управленцы. Таких счастливчиков за год на всю столицу СССР набиралось, может, тысяча, может — две...

Я был приглашен на очень престижную по тем временам работу в Центральном комитете комсомола. Семья тут же получила двухкомнатную квартиру площадью в 29 квадратных метров на улице 2-й Ново-Останкинской, дом 27, недалеко от ВДНХ СССР, в которой мы жили шесть лет.

Первое время (с августа 1965 по март 1966 года) Светлана работала мастером производственного обучения профессионально-технического училища № 2, которое располагалось в районе станции метро «Сокол». В марте 1966 года перешла на должность старшего инженера-экономиста Центрального конструкторско-экономического бюро по производству игрушек Министерства легкой промышленности СССР.

20 марта 1968 года Светлана родила дочь. Ее имя — Наталья — самодержавно определила Светлана.

Я сохранил «Медицинскую книжку ребенка», выданную родильным домом № 12 г. Москвы 29 марта 1968 года, о рождении Наташи. В книжке, естественно, еще нет имени. Написано: «Ильинская, родился — девочка; числа 19; месяца — III; года — 1968; родился доношенным; вес при рождении — 4000,0; рост 53 см, окр.... 37 см. Вес при выписке — 3760».

Как и при рождении сына, роды были трудными. Врачи опасались за сердце. Принесли щипцы... «Как только я увидела их и поняла, что может произойти с ребенком, если они потянут его щипцами, я так закричала, так натужилась, что все произошло как надо», — рассказывала потом Светлана.

С рождением Натальи забот и хлопот у Светланы намного добавилось.

В 1972 году Светлана окончила заочно институт, получив специальность экономиста.

В ноябре того же 1972 года Светлана сменила работу: ее пригласили на должность заведующей сектором Центрального научно-исследовательского института научно-технической и экономической информации Министерства торговли СССР. Здесь она трудилась до сентября 1974 года, а потом на целые десять лет окунулась в свою, книжную, стихию — стала заведовать отделом по координации научных, исследовательских и методических работ во Всероссийской государственной юношеской библиотеке имени 50-летия ВЛКСМ (ГРЮБ). В СССР действовали сотни библиотек для детей и юношества, десятки издательств литературы для детей. Что читают дети и молодежь? Что следует издавать для них? Изучение этих вопросов входило в круг обязанностей Светланы.

Свой трудовой стаж на государственном поприще Светлана завершила в 1987 году в должности заведующей отделом подготовки кадров на Выставке достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), где работали около 6000 человек. Кадров не только ВДНХ, но и работников аналогичных выставок, которые действовали во всех бывших союзных республиках СССР — на Украине, в Белоруссии, Казахстане и др.

Светлане доверяли должности, которые нельзя занять без наличия хороших знаний и неординарных способностей. Человек она, безусловно, с огромным умственным и духовным потенциалом и в принципе могла бы справиться с любым, самым сложным, делом.

Всюду, где трудилась Светлана, ее высоко ценили как специалиста и любили как человека. За то, что ничего не делала спустя рукава, старалась во всем докопаться до самой сути — и докапы-

валась. За то, что за ней не надо было ничего переделывать: все и сразу делала хорошо. За то, что предмет занятий («дело») не заслонял от ее взгляда людей, с которыми она работала, которыми руководила. В «награду» за эти и другие добродетели ей «доверяли» дополнительные обязанности. В ГРЮБе, например, где работали несколько сот женщин, ее несколько лет подряд избирали председателем профбюро. Должность эта предполагает заботливость, совестливость, человечность.

Недавно я «чистил» свою библиотеку от лишнего и ненужного мне и наткнулся на книгу Сомерсета Моэма «Луна и грош», а в ней — на приклеенную к титульному листу записку:

«Самой красивой женщине ГРЮБа (и не только ГРЮБа...).

Ты не представляешь, Света, какая пустота и брешь образуются после твоего ухода из нашего многострадального коллектива. Ведь уходить всегда легче, чем оставаться. Нам очень будет недоставать не только твоей порядочности, твоей человечности, твоей доброты (качеств, столь дефицитных в наше время), но самой тебя — очень милой, красивой женщины с приветливой улыбкой.

Очень, очень жаль с тобой расставаться.

19.IV.85 г.

Надежда, поклонница добра и Светы».

Жизнь пролетела так же быстро, как август 57-го... Позади 50 лет нашего совместного бытования и множество происшедших за это время событий, которые можно описать только в художественном романе. И роман этот, если хорошо написать, был бы весьма увлекательным. А тут — скороговорка о заботах и делах...

В жизни нашей было все: существенное и пустое, важное и незначительное; взлеты и падения, успехи и поражения; страсть, восторги, ссоры, примирения со слезами на глазах. Комическое, драматическое и трагическое соседствовало с радостным, торжественным и прекрасным.

Окончил школу, затем институт Олег — радость. Женился — радость. Родился внук Денис — радость. Родилась Наташа — радость. Окончила школу и институт, вышла замуж — радость. Родился внук Федор — радость. Умерла моя мама — горе. Похоро-

нили Анну Перфильевну — горе. Ушли из жизни оба брата Светланы: старший — Юрий, а затем младший — Владимир — горе, горе!.. Наташа родила сына Алешеньку, а через два года дочь Машеньку — радость, радость!..

Описáть нашу жизнь акварелью, в пастельных тонах никак невозможно: в ней было много мрачного, печального и жестокого, а эту часть картины надо живописать в суровых рембрандтовских красках.

Но каких красок — светлых или серых, радостных или печальных и какими мазками положить на полотно прошедших лет больше, не знаю: не существует приборов, способных измерить Добро и Зло, Любовь и Ненависть, Счастье и Беду. Тут все зависит от того, как человек воспринимает Жизнь вообще — как Тягость и Муку или как Чудо и Благо. Как глубоко он чувствует, как устроены его ум, душа, память, как много он знает и насколько способен понять то, что знает.

К тому же я хочу сказать сейчас не столько о жизни тех лет как таковой, а о том, какой была в этой жизни Светлана, как она скрашивала эту жизнь своей семье и всем окружающим, с кем эта жизнь сталкивала ее.

Сначала — о самом главном: о нашей Любви. Хотя рассуждать о любви, да еще «в нескольких строчках» — занятие безумное.

Рискуя не совпасть со Светланой во мнении о том, чем же была и есть наша с ней любовь, от которой родились двое детей и вот уже пятьдесят лет продолжается наш жизненный союз, я все же скажу...

«Теоретики любви» отводят на любовный союз двоих лет семь-восемь, не более. Нынче почти семьдесят процентов браков из ста расторгаются в течение года, а часть — через несколько месяцев.

А тут — золотая свадьба.

На мой взгляд, в нашей любви было и есть все, что должно быть в подлинной любви: влечение, страсть, ревность, восторги и разочарования, ссоры, упреки и прощения, примирения и мир. Но в основном все же властвовал и поныне царит Мир.

Полвека я живу с чувством волнения и тревоги: «А вдруг скажет: „Всё...“»

«Исчезни ты — и я умру», — закончил я одно из своих стихотворений лет тридцать назад... И живу с этим чувством поныне.

Мы видим и чувствуем друг друга с достаточной ясностью, чтобы понимать в другом даже тайное. Нас ничто уже не разлучит.

Чем же определен наш союз? Любовью. Я настаиваю на этом великом слове.

Наши души сошлись прежде, чем мы сблизились телами. Прижимая губы к губам в первых поцелуях, мы уже тогда обменивались прежде — душами.

В нашей любви с самого начала и всю жизнь не было расчета, а это значит, что любовь наша никогда не жила в головах, а только в сердцах.

В нашей любви никогда не было поиска разнузданного наслаждения и вообще — ничего скотского. Предметом нашей любви была чистая душа другого, а души у каждого из нас с юности были взыскательными.

Мы научились дорожить друг другом, а также тем, что с годами мало-помалу утрачивалось. Мы (во всяком случае — я) никогда не размышляли о том, что́ надо сначала любить, а что́ уважать друг в друге.

Нельзя любить, не уважая, а уважая — не любить. В большой душе любовь покрывает все, что достойно уважения.

Говорят, что любовь и дружба с годами меняются местами. И только. Это удобное объяснение, но слишком механическое. На самом деле, думаю, все гораздо тоньше и сложней, неимоверно глубже.

Любовь как духовное явление надо рассматривать на «молекулярном» и «клеточном уровне», хотя никто не видел даже самое душу, не то чтобы ее «молекулы» и «клетки».

Любовь, если она была, никуда не исчезает, у нее есть лишь превращения. В сущности своей, в высоком значении слова «любовь» и «уважение» выражают одно и то же чувство, имеют один и тот же смысл. Как душа и сердце.

То, что не ясно в юности, с годами становится понятным не потому, что «крепнет нравственность, когда слабеет плоть» (Мольер), а просто потому, что есть глубокие истины, до понимания которых нужно дорасти. Повзрослеть. Много пожить. Многое испытать и пережить.

Любовь — это битва двух полов, терпение и труд. В этой битве победа означает конец войне, а значит, как ни парадоксально это звучит, и всяким серьезным отношениям. Горе побежденному! Потому что победитель становится полностью свободным, для него отношения с побежденным становятся тоскливой канителью. Завоевывать друг друга, не побеждая и не стремясь к «окончательной» победе — вот в чем, по моим понятиям, есть логика любовной «войны».

В нашей непрекращающейся со Светланой борьбе мужского и женского начал жизни каждый совершенно неосознанно для себя боролся (и до сих пор борется) за свою правоту, за свое ви́дение жизни и за свое право видеть своего партнера таким, каким хочется его видеть. Борьба эта требует от каждого из нас больших душевных и нервных усилий. Но так мы — год за годом — выращивали и возвышали друг друга в глазах друг друга и каждый — в своих собственных глазах.

Человек становится лучше или хуже в зависимости от того, кто его любит, кто рядом с ним. «С кем поведешься...» Это ведь не просто присказка. Это истина, это мудрость. И если в этой жизни я — Ильинский Игорь Михайлович — кое-что значу, то во многом это случилось благодаря влиянию Светланы, хотя она никогда не ставила мне никаких целей: я и сам соображал...

Неряшливая баба старит и молодого. Красивая женщина, которую ты каждый день видишь рядом, не позволяет превратиться в старика и великовозрастному.

Надо видеть и знать, с какой яростью Светлана борется с натиском времени! И то и дело выигрывает бои, сохраняя свою красоту и очарование, а тем самым заставляя и меня поглядывать на себя в зеркало, держать осанку, менять костюмы и галстуки...

Кто-то скажет, что красота ее неклассическая, в ней нет идеальных пропорций. Прекрасно! Зато в ней нет следов хо́лодности и глупости, свойственных «совершенным» — кукольным красавицам!

В морозовском роду намешано столько разных кровей (русской, польской, турецкой, монгольской и еще бог весть каких), что в любой стране ее принимают за свою.

Если попытаться несколькими словами ответить на вопрос, ка́к удается ей всегда сохранять свою красоту и очарование, скажу так:

с годами в ней все ярче разгорается красота внутренняя, и это с лихвой возмещает разрушительную работу времени. Лицо ее светится добротой, а глаза — мудростью, которая не требует особого орнамента. Из души излучается нечто святая святых, озаряя всю ее внешность, а не только лицо. Все в ней просто, без крайностей и все на своем месте. Редкий случай.

Иногда можно слышать, будто истинно любят ни за что́, будто только в этом случае любовь настоящая — безоглядная и свободная, в ней есть неизбежная обреченность. Эту мысль я встречал, в частности, в дневниках И. А. Бунина.

Может быть, у кого-то все так и происходит. Для некоторых любовь — это только вожделение. Не болезнь ли это, не развращенность ли?.. В конце концов, каждый любит настолько, насколько способен испытывать чувство любви. А способности у всех очень разные во всех отношениях. В том числе в чувствах.

Да, любовь моя (и смею верить — наша) черпала силы не только в самой себе, не только в ответственности за судьбу наших детей, но подчас и в том, что, казалось бы, должно было ее убить: поначалу и долго — бедность, неимоверные нагрузки, которые переносила Светлана, занятая на работе, вечерних занятиях в институте, уходом за сыном, а потом, когда родилась Наташа, уже за двумя детьми, беготней по магазинам, кухней, стиркой и другими хозяйственными хлопотами.

Сент-Экзюпери писал, что «любовь — это когда двое смотрят не друг на друга, а в одну сторону». По-моему, это про нас. В буквальном смысле.

4 сентября 1958 года, уже по дороге в ЗАГС, мы «цапнулись». Как всегда, Светлана сказанула что-то «не так» (слова у нее с первых дней знакомства и поныне слетают с губ легко и густо, как шрапнель), а я с первых дней и поныне «непонятно на что́» обижаюсь.

В ЗАГС вела автомобильная дорога с тротуарами по обе стороны. Кто-то из нас, не помню, вгорячах, перескочил на параллельный тротуар... Так молча, лишь искоса наблюдая друг за другом, мы и двигались минут пятнадцать: на параллельных курсах, но — в одну сторону, в ЗАГС, вход в который имел одну дверь. И мы вошли в нее...

Нет, любят и «за что-то»: за то, за это, за третье, за четвертое... Другое дело, что понимаешь это не сразу. Сейчас я понимаю как никогда хорошо.

Мы оба — сначала в силу жизненной необходимости, по нужде, а теперь уже по природе и вызревшему пониманию смысла жизни — трудоголики. Как и я, Светлана не может и минуты находиться без дела. Я презираю праздно живущих, тех людей, для кого вся жизнь — сплошное воскресенье, не терплю пустоболтов и табакуров, вечно обсуждающих недостатки своих коллег, вечно собирающихся вот-вот начать что-то делать и потрясти мир своими достижениями, но так ничего и не начинающих, и не достигающих.

С брезгливостью, равновеликой моему презрению, Светлана смотрит на тех, у кого, как она выражается, «руки не из того места растут», кто, словно по замыслу Природы, создан только для того, чтобы пожирать пищу и унавоживать почву.

Бывает, мы не сходимся во взглядах на людей. Но главное для нас — кто́ этот человек: старатель и созидатель или потребленец и разрушитель. Общие принципы помогают избежать глубинных конфликтов, объединяют нас, легко возмещают расхождения в частностях.

Светлана — безусловно, Созидатель. Во всем. Она — архитектор, дизайнер, художник с особым чувством меры во всем — линий, красок, оттенков. Ее врожденное качество — Стремление к Красоте и Совершенству.

Самый наглядный пример — она сама, ее одежда. В любые, самые сложные в бытовом плане времена она и наши дети были одеты красиво, с большим вкусом.

Ну и конечно же, наша квартира, наш дом, наш сад. Особенно — дом и сад. Впервые в жизни лет десять назад у нее появилось некоторое пространство, в пределах которого Светлана могла позволить чуть разыграться своему буйному воображению. Появились и некоторые материальные возможности для осуществления хоть части ее фантазий.

Небольшое пространство, небольшие возможности. Небольшой дом, небольшой садик, который мы гордо именуем Садом не столько по размерам территории, а прежде всего по количеству вложенного в него труда.

Все деревья и кусты, все цветы в нем подобраны и посажены ею с замыслом. И — боже мой! — сколько же земли перевернуто ее лопатой, сколько тонн воды пролито, чтобы деревья и кустарники прижились и пошли в рост, чтобы семена травы проросли, цветы распустились. И как же радуется она им при каждой встрече после даже недолгой разлуки — вслух здоровается, благодарит и восхищается, что подросли, гладит ветви, целует цветы, хвалит за стойкость и красоту.

И кажется мне порой, когда вслед за ней иду по саду, будто слышу я, как деревья, кусты, цветы и трава благодарно шелестят ей в ответ: «Здравствуй, хозяюшка!..»

В саду беззаботно, в отчаянной близости от дорожек, по которым мы ходим, гнездятся разные пичуги, под крышей — ласточки, а в устроенных нами скворечниках каждый год селятся и выводят потомство скворцы.

Подобное творит подобное. Красота творит красоту. Не всегда, конечно, и не во всем. Но в отношении Светланы — это истинно.

Вокруг Светланы много людей, с кем она, начиная с юности, работала в различных организациях. Всех она помнит, всем, хоть и нечасто, шлет письма и подарки, два-три раза в году собирает девичники то на дому, то в каком-нибудь ею любимом кафе и угощает подруг напитками и кушаньями, которые в нынешней ситуации многим не по их пенсионным деньгам.

С добрыми делами она торопилась с юных лет, спешила на помощь другим, далеко не всегда (вот парадокс!) встречая при этом, казалось бы, столь естественное чувство благодарности. Напротив: порой ее упрекали и до сих пор упрекают за то, что в своей доброте и стремлении помочь она слишком настойчива, даже назойлива. Вот бы взять ей да и обидеться на это раз и навсегда!..

А ей не впрок никакие уроки: отплачет свою обиду на «обиженных» и опять, будто карета скорой помощи, мчится туда, где ее порой и не ждут... Главное из жизненных наслаждений для Светланы — творить добро, помогать другому, служить людям.

Окружающим, хотя бы близким, надо давно понять одну крайне важную вещь: мы имеем дело с существом, внутри которого помещено невидимое для нас солнце. Этот источник света и тепла не такой огромный и далекий, как то светило, которое люди

договорились называть солнцем, но выполняет он ту же функцию — светить и согревать. На этой грешной земле Светлана «работает» Солнцем. Имя Светлана — это иное, а может, первое и основное название Солнца. Всякий знает: людей, способных светить и согревать, на земле совсем немного.

Любит путешествовать по свету. Чехословакия, Болгария, Венгрия, Куба, Испания, США, Турция, Великобритания, Италия, Дания, Германия, Китай, Багамские острова, ну и, конечно же, Франция, куда ее тянет как магнитом — это страны, где она уже побывала. Охота к перемене мест? Отчасти. Главное все же — узнавание, понимание жизни, постоянная неудовлетворенность духа.

Прожив вместе пятьдесят лет, сейчас я спрашиваю себя: «За что ты прежде всего хотел бы поблагодарить эту женщину, ставшую спутницей твоей жизни?» Отвечаю: «За многое: за любовь и ласку, за рождение и воспитание детей, за заботу, когда мне было плохо, за способность прощать и благородство не корить... И еще за многое-многое. Но если „прежде всего“, то — за науку жить».

Моя голова была всегда забита думами о будущем и всяческими фантазиями, разговорами о долге, общественных делах и прочих «высоких» материях. Ее голова устроена не хуже моей. Все, что заботит меня, беспокоит и ее.

Но в ее философии жизни великие жертвы, великий долг и великие дела каким-то удивительным образом и, кажется, без особого труда соседствуют и уживаются с такими крошечными вещицами, как радостная улыбка навстречу гостю и даже незнакомому человеку, мелкая услуга, небольшие подарки родным и знакомым, которых они чаще всего даже и не ожидают.

Ее жизнь — это масса небольших обязанностей, которыми она обеспокоена с утра до вечера и ночи и которые создают вокруг нее особый душевный уют. Когда ее почему-то несколько часов нет дома, в квартире повисают тоска и печаль.

Конечно, она тоже вспоминает прошлое, все и всех, кто присутствовал в нем. Конечно, ее тревожит будущее, особенно детей и внуков. Но ей присущ редчайший талант по-настоящему жить сегодняшним днем, не погрязая в воспоминаниях и сожалениях об утраченном, не растворяясь в мечтах или опасениях по поводу завтрашнего дня.

Каждую свободную минуту, как и в юности, она куда-то стремится — то в театр, то на концерт, то в кино, то к подругам.

И нет таких причин, кроме болезни, которые могли бы остановить ее в этом движении.

О том, что каждая минута жизни — неповторимое чудо, знает каждый. Но лишь один человек из тысячи воспринимает каждую минуту именно так — как чудо.

Светлана — в числе этих редких единиц. И в этом ее великая наука жить, которой у нее учится каждый, кто с ней соприкасается, кто хочет и способен учиться. Неудивительно, что к ней тянутся, что ее обожают друзья и знакомые.

Мы получаем от жизни то, что вкладываем в нее.

Несколько лет назад я собрал наши письма 1957 и 1958 годов, летавшие по маршруту Новосибирск — Омск и обратно, издал их книжкой с названием «История любви в письмах и стихах» (2004), а потом вышли мои «Стихи и песни» (2006) — о нашей жизни и нашей любви. Среди них есть и такое:

Родная, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни сущим, ни грядущим.
Я — рядом до конца, всегда и всюду.
Был. Есть. И хочешь иль не хочешь — буду.
В чем смысл тужить? «Мир — вечен, жизнь — мгновенна...»
«Добро и красота владеют лишь Вселенной...»
«Бог дал — Бог взял...» Скажу его устами:
«Из ветра появились — ветром станем...»
Давай смиримся... Но я знаю, знаю, знаю —
Два ветра в космосе опять сольются в пламя!
И будет вновь Любовь... И вновь ответно
На свет родятся маленькие Ветры...
И сохранится в мире имя где-то,
В котором столько Доброты и Света.

Я говорю о Светлане только с хорошей стороны, и можно подумать, что я идеализирую ее, «засахариваю». Нет же! Я просто хочу сказать, что она — достойный человек, очень достойный.

Но достойным является не тот, у кого нет недостатков, а у кого есть достоинства. Речь сейчас о них, ибо они — основа нашего единения. Сейчас я говорю о том, за что́ и почему я люблю именно этого человека, именно эту женщину. Можно даже подумать, что

я пою хвалы самому себе: ведь мы ценим в других то, чем обладаем сами. И это не так. Мне хочется, чтобы по крайней мере эти достоинства продолжились в наших потомках. Будет жаль, если они их растеряют...

А наши недостатки и наши распри — это область тайны, их не следует тиражировать...

На Светлане держится весь наш Дом, вся наша семья — и малая, и большая.

Надо прямо сказать: воспитанием детей я занимался мало, наскоками. Эту тяжкую работу все годы вела Светлана. Для нее семья была и остается местом, где живет и сохраняется любовь.

Дети наши давно уже взрослые, но все они для Светланы остаются просто детьми, нуждающимися в опеке, помощи и совете. Разумеется, их это порой раздражает. Но если бы они прислушивались к ее советам, то многое в их жизни, нам кажется, было бы лучше. Увы... У Байрона есть такие невеселые строчки:

Мы знаем: легкомыслие детей —
Удел всеобщий, но удел печальный, —
Детей, в которых утро наших дней
На склоне лет мечтой сентиментальной.
Мы любим воскрешать, когда грустней
Нас греет солнце ласкою прощальной,
А дети беззаботно каждый раз
В кругу болезней оставляют нас!

К счастью, в нашей семье пока ничего подобного не случалось, хотя бывают обидные срывы. Посудачив и посетовав, мы приходим все же к одному и тому же выводу: дети у нас — прекрасные.

Говорят, что родители выдумывают своих детей, наделяют их теми достоинствами, которых не хватает самим. Такое случается, но это не про нас. Наши дети стали такими, какими мы хотели их видеть, какими воспитывали. Олег и Наталья давно состоялись как незаурядные личности. Хотя бывают случаи, когда мы должны их прощать. Иногда они вынуждены прощать нас.

В суждениях и поступках наших детей мы находим немало того, за что почитаем друг друга, хотя они обрели собственный жизненный опыт, во многом не похожий на наш. Это естественно: дети всегда похожи на свое время больше, чем на родителей. Глав-

ное, чтобы они не утратили те базовые ценности и жизненные принципы, которыми жили наши предки и мы — их отец и мать. Тогда можно быть спокойными за историю семьи и рода.

Говорить излишне подробно о детях не станем: это книга не **о них**, а **для** них, им ее продолжать, им и рассказывать о себе.

Мы же отметим только вехи из уже не столь малых, но еще, дай бог, долгих жизненных дорог.

Ильинский Олег Игоревич

Ильинский Олег Игоревич (родился 15 июля 1959 года в г. Новосибирске).

Рос здоровым, нормальным мальчишкой, как говорится, с характером.

Сохранилось мое неотправленное письмо одному из тогдашних друзей, Эдику, от 13 февраля 1963 года. Рассказывая о своем житье-бытье, упоминаю и о сыне, которому в тот момент было 3 года и 7 месяцев: «Это уже человек. Мужчина. Боксер. Космонавт. Певец. Все, что захотите. Эрудирован во всех вопросах лучше меня. Спорить уже не пытаюсь. Силен и упрям, как носорог. Меня одним пальцем валит. В общем, мужик — что надо».

Рос и взрослел Олег, как у большинства отцов и матерей советского времени, сначала в детских яслях, потом — в детском садике, попасть куда могли не все: не хватало мест.

Есть ярые сторонники исключительно домашнего воспитания, они — противники всяких коллективистских форм, в частности детских яслей и садов. У них есть свои резоны, с которыми можно согласиться, но лишь отчасти.

Мы же со Светланой считали, что только общение со сверстниками может быть противоядием от самонадеянности и глупой заносчивости, которые возникают в сознании ребенка под влиянием родителей, видящих в своем дитяти «вундеркинда» и с малых лет вдалбливающих ему в голову представление о себе как существе особого рода, а на самом деле торящих ему дорогу несчастья. Повседневное общение с равными себе по возрасту дает возможность детям, замордованным родителями, избавиться от

комплекса неполноценности, робости, поверить в собственные силы. Иными словами, жизнь в коллективе может возвысить, а может, наоборот, понизить ребенка в своих глазах. Тут все зависит от того, в какие ясли, в какой детсад он попадет, с какими детьми будет каждодневно встречаться, какие педагоги будут заниматься его воспитанием.

Одной из немногих моих привилегий с тех пор, как я стал комсомольским работником, была возможность получить для своих детей место в детских яслях и детском саду.

В Новосибирске Олег находился в самых обычных детских учреждениях, доступных для всех, но неплохих — мы жили в «новом соцгороде», где все было новым, только что построенным. В Москве, когда я работал в ЦК комсомола, наши дети воспитывались в ведомственных яслях и детском садике, принадлежавших издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Это были хорошо оборудованные учреждения с хорошим персоналом. Территориально они находились на ул. Юности, рядом с Высшей комсомольской школой.

Сначала Олега, а потом и Наташу мы «сдавали» на всю рабочую неделю — с утра понедельника до вечера пятницы. Летом детей отправляли в Подмосковье, под Звенигород, где рядом с домом отдыха ЦК комсомола «Елочка» на берегу Москвы-реки располагались загородные детясли и детсад. Это было большое благо — дети росли на свежем воздухе, нормально питались.

У Олега много способностей и дарований.

У него хороший, живой ум, который он использовал порывами. Как и многим в детстве, ему не хватало усидчивости, усердия. В школе учился, когда хотел — хорошо и отлично, а когда ленился — не очень.

В детстве и юности любил спорт: играл в футбол, занимался плаванием в «Динамо», тренировался в секции бокса ЦСКА, подавал большие надежды, но путь в большой спорт прервал.

Года три подряд мы вместе с ним почти ежедневно по вечерам, когда я возвращался с работы, бегали по пять километров по трассе Звездный бульвар — Проспект Мира — ул. 1-я Останкинская (около ВДНХ) — ул. Шереметьевская — Звездный бульвар и обратно к нашему дому на ул. 2-й Новоостанкинской, № 19, кв. 27.

Потом оба увлеклись хоккеем. Во дворе нашего дома стояла прекрасная хоккейная коробка, а в соседних домах жили трое парней из юношеской команды «Динамо» и двое взрослых, когда-то игравших в ЦСКА. Мы с Олегом и еще несколько любителей разбавляли это полупрофессиональное собрание, и поскольку в физическом плане были подготовлены хоть куда, довольно быстро освоили новый вид спорта, гоняли шайбу до полуночи, рубились насмерть, приходили домой в синяках и ссадинах, с трудом стаскивая с себя мокрую, хоть выжимай, одежду.

Занимался в музыкальной школе, учился играть на гитаре. Преуспевал. Учителя умоляли Светлану не допустить, чтобы Олег бросил учебу: у него был какой-то редкий, особой силы и точности хват пальцами струн на деке гитары, без которого из нее не извлечешь хорошего, полного звука. «Таких, как он, — говорили нам, — единицы из многих сотен».

Гитару он освоил, но учебу в музыкальной школе все-таки оставил. Стал петь под собственный аккомпанемент на школьных вечерах. Иногда устраивал музыкальные вечера у нас дома, куда приходили его одноклассницы. Девчонки слушали его и, когда он пел что-нибудь чувствительно-жалостливое, тихо плакали. Особенно под песню Берковского «Лошади в океане». Лошади тонули в океане, а наша комната — в море девичьих слез... Голос у Олега был чистый, гибкий, высокий, пел и играл он замечательно...

После школы, в 1976 году, Олег стал учиться в Краснознаменном военном институте иностранных языков, куда поступить было еще сложнее, чем в МГУ и даже МГИМО. Но он сдал все пять экзаменов на «отлично» и поступил.

Я в это время учился на третьем курсе Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР и в связи с этим находился на трехмесячной преддипломной практике в Посольстве СССР в Канаде, в Оттаве. Волновался: как там дела у Олега?

В октябре получил от него письмо, которое привожу с небольшими сокращениями.

«Здравствуй, папуля!

Пишу левой рукой на сапоге убитого товарища (правой отстреливаюсь). Это я, конечно, шучу. А вот как ты? — вот что меня интересует.

Что касается меня, то пока все хорошо. Живем отлично, едим хорошо, занимаемся много, так нам, дуракам, и надо.

Прошло уже почти полтора месяца после того, как мы приехали из лагеря в институт. Условия, безусловно, божественные. Кормят прилично, и, что самое главное, помногу дают. В первый день, когда мы только приехали и сели за столики, когда перед нами лежали вилки и ножи (вместо ржавых ложек), невольно вспомнился лагерь...

...Недавно стоял на знамени и видел Наталью Андреевну. Сказать или крикнуть ей что-нибудь, конечно, не смог: на посту разговаривать нельзя. Хочу обратить твое внимание на то, что на пост № 1, т. е. на знамя института, назначается курсант, рекомендуемый начальником факультета на год за отличную учебу. Каждый раз, когда наша учебная группа идет в караул, я „иду на знамя“, и так до нового года.

Много приходится уделять внимания своему культмассовому сектору. В лагере меня избрали членом комсомольского бюро курса (ответств. за культсектор). Очень часто вижу Пал Палыча. Сейчас политотдел проводит на нашем курсе проверку учебных групп, и П. П. сидел в нашей языковой группе на English lesson. П. П. говорил с учительницей по языку, она сказала, что у меня плоховато с письменными работами, все невнимательность. Насчет устной речи пока все хорошо. А что касается письменных работ, то я думаю одолеть их. Правильно?..

Ну вот вроде бы и все. Лекция по языковедению закончилась.

Я пошел. Пока!..»

Я написал ответное письмо, в котором были мои стихи.

СЫНУ

Не устань идти вперед —
не устань!
Если пуля грудь пробьет —
встань!
Встань, чтоб сделать шаг вперед —
пусть последний!
Этим же путем пойдет
твой наследник.

Будь неистов, вечно нов
будь!
Знай: для пуль и орденов —
грудь,
Для открытий иль петли —
голова,
Сердце — для любви,
душа — для добра.
...Добрым быть и всегда оставаться,
Это значит — другим раздаваться;
А собою дорожить — это значит
Самому себя всю жизнь переиначивать...
День встает. Ты раньше дня
встань.
Не устань идти вперед,
не устань!

Канада, Оттава, 1976 г.

Сейчас, когда я читаю письмо Олега, которое начинается с шутливых слов «пишу левой рукой на сапоге убитого товарища (правой отстреливаюсь)», и свои стихи, в которых есть строчка «если пуля грудь пробьет — встань!..», которую я выдумал как метафору, означающую упорство и настойчивость в движении по жизненному пути, не мысля ни о какой реальной стрельбе и пулях, пробивающих грудь моего сына, мной овладевает какое-то мистическое чувство: мы оба — и Олег, и я — предугадали его скорое будущее, в котором будет все то, о чем в шутку писал он и чисто символически воображал я: в его жизнь войдет война.

Вскоре Олега перевели на курсы по ускоренному изучению португальского языка и интенсивной военной подготовке. Через год присвоили звание младшего лейтенанта и отправили служить в Мозамбик.

70-е годы XX столетия — это время, когда СССР, увязший в навязанной ему Западом холодной войне, пытался расширить свое влияние в мире, в том числе на африканском континенте. Ряд африканских стран именно в эти годы обрели национальную независимость. Новые правительства нуждались в политической, экономической и военной поддержке. Мозамбик был одной из этих стран,

которой в 1975 году СССР предложил свою всестороннюю помощь в обмен на изменение идеологической и политической ориентации в сторону строительства социализма. Президент страны и председатель партии Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Самора Машел, обладавший всей полнотой власти, принял эту помощь. ФРЕЛИМО был преобразован в авангардную партию рабочих и крестьян, действующую на основе марксизма-ленинизма.

Однако в 1976 году возникла антиправительственная группировка — Мозамбикское национальное сопротивление (РЕНАМО), которая при поддержке спецслужб сначала Южной Родезии, а затем Южно-Африканской Республики развязала вооруженную борьбу с правящим режимом. В Мозамбике началась, по сути дела, гражданская война, которая в основном велась скрытыми, партизанскими методами.

Поддерживая ФРЕЛИМО, СССР направлял в Мозамбик оружие, группы военных «советников» и специалистов, состава и численности которых никто не знал. Если в Афганистане открыто действовал ограниченный военный контингент Вооруженных Сил Советского Союза и там шла открытая война, то действия наших военных в Мозамбике и Анголе были строго засекречены, они, выражаясь тарабарским языком, «выполняли интернациональный долг», хотя на самом деле косвенно, а иногда прямо и непосредственно участвовали в военных действиях на стороне обучаемых ими солдат ФРЕЛИМО, проливали кровь и погибали так же, как в Афганистане, но об этом не упоминали ни газеты, ни радио, ни телевидение. Не так часто, не в тех количествах, но — погибали. Однажды мы с ужасом узнали вдруг, что из Мозамбика самолетами доставляют цинковые гробы...

Первой жертвой войны становится правда...

Когда Олег в возрасте восемнадцати лет уезжал в Мозамбик, обо всем этом мы не имели ни малейшего понятия. И только потом по его редким письмам, в которых ничего не говорилось прямо и даже намеками, а читалось кое-что между строк, мы стали догадываться, что наш восемнадцатилетний сын оказался, мягко говоря, в непростой ситуации, увидал, пережил и узнал такое, что ломает многие представления о жизни, тем более юношеские.

Кое-что из страшного он рассказывал, когда через три года вернулся из первой командировки.

О том, как на его глазах юаровские вертолеты бомбили и расстреливали лагерь мозамбикских военных курсантов, которых наши военные советники подготовили к выпуску; как людей разрывало на части и их внутренности висели на ветках деревьев, как бомбы летели, казалось, прямо ему на голову...

О том, как однажды родезийские солдаты, проехав на бронетранспортерах полстраны, ворвались в помещение, где проходило заседание Лиги африканских государств, и расстреляли из автоматов десятки людей, а потом спокойно вернулись обратно, к себе. Все это происходило на глазах у Олега: он стоял невдалеке в карауле...

О том, как они тонули на военном катере в открытом океане и чудом спаслись.

О том, как несколько месяцев ему пришлось жить в джунглях в невыносимых условиях, питаясь в основном тем, что удавалось добыть самому, а то и кузнечиками...

Это только то, что я помню. Многое позабылось.

Все знают, что такое «вьетнамский синдром», от которого в свое время пострадали десятки тысяч американских солдат; что такое «афганский синдром» для тысяч оставшихся в живых, но искалеченных физически и психологически советских военнослужащих.

Но никто никогда ни слова не сказал о тех мальчишках, которые пережили все то же самое в Мозамбике и Анголе. Никаких синдромов... Словно ничего и не было.

У Олега нет никаких отрицательных медицинских диагнозов по поводу здоровья в связи с пребыванием в Мозамбике. Но очевидно, что он пережил там глубочайшее духовное и психологическое потрясение.

После возвращения из Мозамбика Олег ни разу не взял в руки гитару и перестал петь. Вот уж скоро тридцать лет, как я не слышал его пения...

Потом Олег четыре года доучивался в том же Военном институте (ныне — университете), который окончил в 1985 году, получив высшее профессиональное образование и специальность «пе-

реводчик-референт по английскому и португальскому языкам», которыми владеет свободно.

Затем снова была трехлетняя командировка в Мозамбик вместе с молодой женой Маргаритой и родившимся сыном Денисом. Олег работал с высшим комсоставом наших военных специалистов, участвовал в разного рода встречах и переговорах на высшем уровне: президент, премьер, министр иностранных дел, обороны и т. п.

Его избрали секретарем Объединенного комитета комсомола комсомольской организации (около 400 человек) военных и гражданских специалистов, находившихся в Мозамбике.

Выполнял и другие спецзадачи, рассказывать о которых он не имеет права и сейчас, по прошествии десятилетий.

Вернувшись в Москву, Олег получил назначение на работу на Высшие командные курсы «Вымпел» Генерального штаба СССР, где преподавал иностранный язык и другие спецдисциплины.

Работа была интересной, но курсы «Вымпел» находились около города Солнечногорск, в 120 километрах от улицы Федора Полетаева в Москве, где жил тогда со своей семьей Олег. На дорогу от квартиры до места работы по забитому автомашинами, полуразрушенному, крайне опасному для автомобилистов Ленинградскому шоссе уходило от двух с половиной до трех часов в одну сторону и столько же — в другую. Олег дважды попадал в тяжелые аварии, разбивал свою машину. Чтобы успеть к началу рабочего дня, вставать приходилось в пять утра. Возвращался домой не раньше чем в девять вечера. Поужинал, поспал пять-шесть часов — и снова в путь...

Так — три с лишним года...

Это было время, когда бушевали ельцинские «реформы»; когда под командованием тысяч американских советников в России властвовала команда «завлабов» — Гайдар, Чубайс, Шахрай, Бурбулис и множество им подобных странных, невесть откуда взявшихся людей со странными фамилиями; когда рушилась огромная страна во всем ее многообразии, и миллионы людей, служивших верой и правдой своему Отечеству, каждый на своем месте, не могли понять: почему все происходит именно так, а не иначе — не по законам логики и внятного замысла, а по воле трех пьяных мужиков,

собравшихся в Беловежской Пуще и решивших развалить СССР, полагая, что «так дальше жить нельзя». А как — не подумали.

Рушилась и одна из главных опор великой державы — Советская армия. Униженные уже Горбачевым и его «архитекторами» перестройки, при Ельцине военные люди всех родов войск и видов спецслужб были поставлены на колени прямо в грязь. Служить такой власти далее не имело смысла.

Олег решил покинуть ряды вооруженных сил и в феврале 1992 года в звании капитана, чуть не дождавшись майорской звезды, уволился по собственному желанию.

Надо было кормить семью.

Вскоре нашелся партнер из Греции Василие Костибас, с которым Олег создал совместное торговое российско-греческое предприятие «Ольва» и стал его генеральным директором. Костибас поставлял в Россию цитрусовые (апельсины, мандарины, лимоны), а также фруктовые соки. Задача Олега состояла главным образом в том, чтобы обеспечить их перевозку в Москву, хранение и реализацию.

На первый взгляд, дело обычное и не такое уж сложное: по формуле «купи-продай» жили миллионы.

«Перестройка» и «реформы» с неимоверной скоростью вырабатывали новый, «рыночный» тип человека, который, разумеется, вбирал в себя кое-что хорошее из прошлого, но в целом с каждым днем являл собой нечто все более омерзительное. Обман, ложь, воровство и даже убийство, еще недавно считавшееся в обществе и органах правопорядка настоящим ЧП, стали нормой. Люди меняли свой облик прямо на глазах...

Две фирмы поочередно обманули Олега на крупные суммы, бизнес стал вянуть и зачах.

Для Олега это был тяжелейший урок, потому что сам он — человек честный, порядочный, не способный на сознательный обман. За свое правдолюбие и честность ему и прежде не раз приходилось расплачиваться.

Когда Олег служил в Мозамбике, его не приняли в ряды КПСС, хотя он был секретарем Объединенного комитета комсомола. Причина? Откровенно рассказал на комсомольском собрании об известных ему безобразиях, которые творились в высшей командной среде

военного представительства. Мало того, что не приняли в партию, так отправили служить из Мапуту в такую тьмутаракань, в такие джунгли, будто надеялись, что живым оттуда он не вернется.

Но он вернулся и остался таким же, каким был прежде.

По большому счету — это нормально. Есть же понятие «офицерской чести», а проще сказать, правил поведения, которые не следует нарушать никому, тем более человеку в погонах, долг которого — защищать Родину. И если человек легко играет этими правилами, то он вовсе и не офицер, и не гражданин.

Я говорил Олегу, что правдолюбие обнаруживается не только в отыскании недостатков и способности резать правду-матку, несмотря ни на что, но и в умении во всем находить хорошее и ценить его. «Ничего слишком...»

Но у Олега свое представление о Правде и Чести, он оставался честным в те времена, когда служил в армии, когда вел свой бизнес, когда о человеке в «новой» России стали говорить «умеет жить», подразумевая, что ради выгоды он готов пожертвовать хоть совестью, хоть честью. Из всех грязных ситуаций Олег выходил чистым, сохраняя чувство собственного достоинства. За четыре года предпринимательской деятельности обрел такие необходимые для нынешних времен качества, как самостоятельность мышления и действий, жизнеспособность.

Олег стойко держится своих моральных принципов, остается человеком порядочным не ради того, чтобы демонстрировать свою порядочность на фоне непорядочности других. Нет. Он порядочен, потому что имеет чувство совести и чести от природы, усилил их самовоспитанием. Наблюдая его в разные годы и в разных ситуациях, утверждаю: он не был плутом ни при каких обстоятельствах. Честен не только в данный момент, а навсегда. В итоге иногда выглядит идиотом в глазах хитрецов или, напротив — хитрецом в глазах идиотов. В нынешнюю пору, полную лжи и обмана, никто не хочет верить в честность: истинно честный человек в наши дни обрекает себя на одиночество и вражду со многими из своего окружения.

Честь — это поэзия долга. Как глубоко живет это чувство в человеке, есть ли оно в его душе вообще — вот главный вопрос всех эпох и нашего времени. Если опустошение душ сопровождается

замещением образующихся пустот лишь материальным интересом и поиском выгоды — такой человек неизбежно деградирует как личность.

Вообще Олег — существо очень человечное, доброе, нежное. Внешняя суровость — это напускное, своего рода защита от злых и жестоких. Супругу свою Ритулю и сына Дениса любит самоотверженно. Бывали очень непростые ситуации и не раз, когда он доказал это...

Вот выдержка из Олегова письма от 6 октября 1985 года, которые он прислал из Мозамбика: «...Папуль, я очень тебя прошу, если это возможно, помоги Ритуле улететь с Денисом, ведь тебе этот полковник обещал... Очень прошу. Я себе представить не могу, что он останется там, а мы — здесь. **Я с ума сойду**. Прошел один месяц, а кажется уже год. Мамуль, помоги Ритуле собраться, а то ей одной тяжело. Ведь я уезжал, а она осталась без копейки денег. Я приеду — все отдам, с вызовом уйдет рапорт на 150 рублей, но ведь это для сборов копейки, ты же знаешь. Помогите, ведь она **кровинушка моя**, которую я очень люблю и жду. Хорошие мои, смотрю на фотографии, которые делали на даче, и слезы наворачиваются, как всем нам было хорошо. Было все, а теперь ничего, кроме работы и тоски после нее. Но я держусь. Скорей бы все это прошло. Больше не хочу никуда ездить. Эта романтика не для меня. Уж слишком **я домашний**. Пишите мне по тому же адресу: Москва-400, 515-М. Ильинскому О. И. До свидания, золотые мои. Олег. 6.10.85».

В октябре 1996 года Олег вместе с женой Маргаритой учредили негосударственную полную среднюю школу, в которой обучаются 100 учеников. Вот уже 12 лет она успешно функционирует и является одной из лучших в Москве. Педагогический талант Олега стал для нас со Светланой приятной неожиданностью: он трепетно и с большим пониманием относится к детям, а дети и их родители платят ему благодарностью и любовью.

В 2003 году Олег защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Социология».

С марта 2005 года по июнь 2008 года успешно работал проректором Московского гуманитарного университета. Теперь снова в бизнесе — заместитель Генерального директора крупного российского холдинга...

Ильинская Наталья Игоревна

Ильинская Наталья Игоревна (родилась 19 марта 1968 года в Москве).

Мы со Светланой мечтали о девочке в нашей семье. И вот это чудо случилось!

Сохранилась моя записка, которую я передал утром того же дня, 19 марта 1968 года, в палату № 4 родильного дома, где лежала Светлана.

«Светуленька, милая моя!..

Как ты там? Как наша долгожданная и невиданная доченька? Ты, наверное, всю ночь промучилась?.. Напиши, если можешь, хоть несколько слов.

Я несколько времени назад был у тебя, сразу, как только узнал все, но наткнулся на объявление „Прием с десяти часов".

Нам все сообщил Виктор Арсентьев. Мы с Олегом спускаемся вниз, чтобы позвонить (телефон наш так и не работает), а он навстречу. У Олега рот до ушей расплылся... Побежал оповестить бабушку...

Что нужно тебе купить? Как прошли роды? Напиши, если можешь.

Все поздравляют, шлют тебе пожелания здоровья.

Как я рад, милая ты моя! Любимый мой Светлячок, мужественная ты моя бабенка!..

Целую, целую. Твой.

На дочку — не дышу. Стерильно!.. Вечером я зайду!»

На оборотной стороне листа моей записки Светланиной рукой, едва способной удержать карандаш после перенесенного напряжения (слова вкривь и вкось, с сокращениями), буквально нацарапано:

«Игорек! Родила в 3 часа ночи. Почти сразу начались очень сильные схватки. Но об этом подробно буду звонить, когда разрешат встать. Разрывов нет, и все прошло благополучно.

Дочь толстая, щекастая, 4 кг, но тянули щипцами — это плохо. Пока не знаю, будут ли последствия. Пока ничего плохого не сказали. (В тот момент, когда Светлана писала эти строки, она еще не знала, что щипцы не потребовались: увидав их в руках врачей, она со страху так натужилась, так закричала в полубеспамятстве, что девочка появилась на свет естественным образом. Роды были очень тяжелыми, затяжными, врачи боялись за Светланино сердце... — *И. И.*)

Принеси 2 бутылки кефира, 4 сырка творожных, банку сливового компота.

Телефон почини (И-20561 — бюро ремонта).

Всё. Целую вас».

С того дня пролетели сорок лет!..

Я попросил Наташу написать о том, что больше всего запомнилось ей из своего детства, юности и взрослой жизни. Она легко откликнулась на мое предложение.

Вот подготовленный ею текст:

«У каждого человека из детства остается в памяти разное.

Далеко не каждый готов радостно заявить, что его детство было счастливым и беззаботным. Иногда осыпают упреками родителей, мол, они мне того не дали, этого не сделали и т. п. Меня такие слова удивляют. А может быть, мне просто очень повезло, что я родилась именно в моей семье. Да, конечно, это так. Мои родители такие красивые, яркие, добрые и щедрые люди, они всегда так любили меня и брата, так заботились о нас.

Я тоже иногда сожалею, например, о том, что почти не занималась спортом, что не училась в спец. школе, постеснялась ходить в кружок танцев, что не ездила в пионерские лагеря, что отказалась заниматься сольфеджио.

Но это никак не умаляет моего общего ощущения радости и спокойствия, которое я испытывала, когда прижималась к моей мягкой, вкусно пахнущей дорогой маме или от долгожданной встречи с папочкой, приехавшим навестить меня в санаторий в далекий Железноводск.

Мои родители дали мне огромную силу, которая помогает мне жить и сохранять надежду и оптимизм в любой ситуации.

Себя помню, начиная лет с пяти.

Помню, как шли с мамой в фотомастерскую: я была в коротком голубом платьице с вышитым белым пуделем, а на голове у меня была большая заколка.

Помню, как это платье и папины рубашки сгрызла белая мышь, которую принес домой мой брат.

Помню, что не любила спать в детском саду. Помню, что лет в семь влюбилась там же, в детском саду, в мальчика по имени Алеша Орел, который был младше меня на 2 года.

К большому сожалению, очень мало помню своего брата Олега. Наверное, сказывалась большая разница в возрасте и очень различный образ и график жизни: когда я пошла в 1-й класс, он был уже в 10-м, и к тому же в разных школах.

Но все-таки вспоминаю, как возвращалась с ним из детского сада, и я с чувством страха, боли и жалости увидела мертвого голубя на дороге.

Помню, как шли с Олегом по улице Цандера, и я упала, сильно разбив себе лоб, как оказалась на операционном столе, и мне зашивали рану под местным наркозом.

Помню, как по вечерам оставалась с Олегом дома, и он, кажется, не очень-то мною занимался.

Помню, как лежала под дверью и просила впустить меня, когда Олег работал (а может, это из маминых рассказов).

Хорошо помню общую фотографию его выпускного 10-го класса.

Помню, как ждали от Олега вестей из Мозамбика, как собирали посылки с колбасой и другими продуктами, а также магнитофонными записями нашего семейного пения. Романс Глинки „Сомнение“ в папином исполнении под мой аккомпанемент до сих пор ассоциируется для меня с Олегом и его тоской по дому и родным.

Я всегда считала маму и папу красивыми людьми и гордилась ими. Мне было с ними весело и интересно. Например, благодаря их стараниям я научилась играть на пианино, и, к их большой радости, мы часто с удовольствием вместе музицировали. Поющие родители — это еще одна радость, доставшаяся мне в жизни.

Я помню своих родителей молодыми, всегда активными, ищущими и любознательными.

Оба много и напряженно работали. А папина спина, склонившаяся над письменным столом, — это последняя картинка, которую я каждый день видела прежде чем заснуть, когда была маленькая, так как папин кабинет был одновременно и моей спальней.

Я, как мне кажется, росла тихой и скромной девочкой „без историй“, как говорят французы. Однако всегда старалась занять определенное место в своем окружении. Быть в иерархии не первой (слишком много ответственности), но „одной из“.

Любила нравиться и сама часто влюблялась в людей. У меня всегда было много друзей. Быть верным и интересным другом меня, без всякого сомнения, научили родители.

В школе училась хорошо. В 8-м классе была выдвинута второй по очереди для вступления в комсомол, что было большой честью, но в райкоме ВЛКСМ на вопрос „Какая дата считается днем рождения комсомола?“ я от волнения не ответила, и меня попросили прийти в другой раз. После чего я заявила папе, что больше в комсомол вступать не хочу.

Однако вскоре все же вступила, и меня даже выбрали комсоргом класса.

Меня любили и уважали учитель английского языка (моя классная руководительница), русского и литературы, истории и, конечно, домоводства.

В 1985 году я поступила в Историко-архивный институт, хотя мне гораздо больше хотелось учиться в инязе или на факультете истории искусств в университете. Эти несбывшиеся мечты преследуют меня до сих пор.

Учеба мне нравилась, училась я легко, с удовольствием.

Думала о вступлении в партию, необходимом для продвижения по служебной лестнице; о защите кандидатской диссертации, необходимой для того, чтобы когда-то стать старшим научным сотрудником в каком-нибудь НИИ. Такая служба обеспечивала женщине достойную по советским меркам зарплату и возможность спокойно воспитывать детей, имея всего 2–3 присутственных дня в неделю.

Но этому сценарию не было суждено сбыться. Во время моих первых летних студенческих каникул я встретила своего будущего мужа Николая, через год мы поженились, а еще через год родился

наш сын Федя. Мне только исполнилось 20, я была студенткой 2-го курса.

Это событие полностью перевернуло мое восприятие мира, планы на будущее, добавило к моему возрасту лишних 5–10 лет и отдалило от друзей.

Благодаря помощи моей отважной мамы, которая как раз накануне рождения Феди ушла с работы, я смогла вовремя сдать экзамены (сессия началась через 10 дней после моего выхода из роддома) и продолжить учебу, не теряя год.

Было непросто: после бессонных ночей — в институт, по вечерам — библиотека и снова пеленки. Степень ответственности выросла настолько, что несмотря ни на что, я стала учиться исключительно на „отлично“.

В том же 1988 году моему мужу — выпускнику Московского института международных отношений, окончившему вуз с отличием, — дали назначение в российское консульство в Париже. По тем временам это считалось очень завидной командировкой.

Это обстоятельство еще больше осложнило мои условия учебы — теперь мне предстояло досрочно сдавать сессии и учиться так, чтобы преподаватели и руководство института были согласны на то, чтобы я жила в Париже, но продолжала быть студенткой очного отделения.

В конце декабря 1988 года я вместе с 8-месячным Федей отправилась вслед за мужем во Францию. Мне было 20 лет, и как выглядят европейские города, я знала только по картинкам, так как никогда раньше не выезжала из СССР.

В 3 часа ночи (мой самолет очень сильно опоздал) Коля привез меня к собору Парижской Богоматери. Более чем приблизительно представлявшая, что такое готическая архитектура, я была тронута до слез грандиозным зрелищем, представшим перед моими глазами.

До сих пор помню мои первые шаги по Парижу на следующее утро. Тогда я еще не могла знать, что когда-то получу французское гражданство, что мне не хватит и 20 лет, чтобы полностью открыть для себя этот чудесный город, который станет мне родным, что здесь, в Париже, появятся на свет еще двое моих детей — Алеша и Маша.

Годы жизни в Париже были переполнены разного рода открытиями, поездками по Европе, новыми знакомствами.

Мне многому пришлось научиться: быть матерью и женой, хозяйкой дома.

Я принялась самостоятельно изучать французский язык. Пришлось овладевать также минимумом дипломатического этикета, необходимого для общения в дипломатической среде, с французами.

Когда Федюше исполнилось три года и его можно было отдать во французский детсад, я сразу пошла работать в Российское консульство.

В 1991 году срок командировки закончился, мы должны были вернуться в Москву. Обстановка в России была очень трудная: полки магазинов пусты, страна находилась в глубоком экономическом кризисе.

Мы вернулись в Москву, но прожили в ней всего один месяц, а затем снова очутились во Франции, на этот раз уже надолго и в другом качестве. Один из Колиных однокурсников помог ему устроиться на работу в крупную франко-американскую компанию „Дрейфус".

Наша новая жизнь на улице Коньяк-Жэ в 7-м округе Парижа резко отличалась в лучшую сторону от посольской: хоть и жили мы в однокомнатной квартирке, но зато в прекрасном османовском доме конца XIX века с красивым парадным и португальской консьержкой.

Я устроилась работать няней к своей русской подруге: Колиных денег все равно не хватало. Одновременно, естественно, приходилось заниматься и своим сыном, которого я забирала из детсада вместе со своей маленькой подопечной каждый день в четыре часа вечера и везла обоих на автобусе к себе домой. Родители маленькой Натальи приезжали к 19.30, и я сразу же убегала на курсы французского языка в знаменитую школу Альянс франсэз. Если к этому моменту Коли еще не было дома, приходилось оставлять 5-летнего Федю одного. Домой я возвращалась около 11 часов вечера.

Училась очень старательно. Все время, когда моя подопечная малышка спала, я посвящала выполнению домашних заданий и

чтению французских книг. Учителя и сокурсники меня ценили и уважали. Жаль, что не могла, как все, жить настоящей студенческой жизнью — надо было торопиться домой, а не рассиживаться после занятий в монпарнасских кафе.

Я очень далеко продвинулась в знании французского языка и стала подрабатывать гидом в музеях и на выставках Парижа. Русские туристические группы в то время буквально осаждали Париж, а все книги и буклеты были только на французском.

Вскоре мы сняли приличную квартиру. С подачи моего мужа я стала заниматься поиском партнеров и посредничеством для торговой компании одного нашего старого друга. Нужно было найти определенные продукты питания, выйти на их производителей, договориться о ценах и поставках, отслеживать последующие отношения с ними и организацию этих поставок. Занятие было для меня совершенно новое, но со временем у меня стало получаться. Времени это занимало не так много, а зарабатывала я очень хорошо.

Этому занятию пришел конец, когда в России начала свирепствовать налоговая инспекция, и нашему другу пришлось закрыть свою компанию.

Я, конечно, много занималась Федей — кроме всего прочего, на мне лежала ответственность за обучение его русскому языку, музыке. Но скоро заскучала и решила попробовать себя в журналистике. „А что,— подумалось мне,— разве я не дочь своего отца, разве я не была редактором школьных и домашних стенгазет?..“»

К сожалению, Наташа не смогла закончить свои воспоминания. В тот момент, когда я писал книгу, она с семьей снова перебралась в Москву: ее мужу Николаю предложили гораздо более денежную и престижную работу. Хотя квартиру в Париже они не сдали: в ней остался Федя, который учится в университете Пантеон-Ассас Париж-II. Не ясно также, как долго они задержатся в России...

Обустройство на новом месте, разного рода семейные треволнения день за днем отвлекали Наташу, а меня поджимали сроки — текст надо было отдавать в производство. Но главное она сделала — рассказала о том, что я, конечно, помнил гораздо хуже, а то и вовсе не знал.

Однако Наташа забыла, что в пионерский лагерь она все-таки ездила. В моих руках ее трогательное письмо от 12 августа 1976 года, т. е. когда ей было всего восемь лет, из пионерлагеря «Лесная республика», в котором она сообщает: «Папочка и мамочка! По ночам у нас холодно, но я с нашим командиром попросила второе одеяло, и нам стало тепло»; «один раз я заплакала со скуки, а потом взяла платок и успокоилась, ну, прямо как будто выпила успокоительное лекарство». А в конце письма восклицает: «Ой, забыла сказать, что вожатые у нас хорошие!..»

Не успела поведать Наташа о том, как любила она свою бабушку Анну Павловну и как та, в ответ на эту любовь, боготворила свою внучку. Когда Анна Павловна стала жить в Одессе у своей дочери Зины, то Наташа, совсем еще девочка, и Анна Павловна имели свою особую переписку, доверяя своим письмам те радости, обиды и печали, которые оставались неведомы остальной родне.

Еще упустила Наташа рассказать, как любила (и любит, конечно, до сих пор) музыку, чувство и понимание которой, несомненно, было предзаложено в ней от роду, генетически, в детском возрасте настойчиво прививалось нами, ее родителями, но в еще большей мере ее учительницей — Алисой Николаевной, которая много лет обучала Наташу игре на фортепьяно на дому. Обе они друг в друге души не чаяли.

Я говорил уже, что оба мы — я и Светлана, безумно любим музыку, восторгаемся теми, кто ее сочиняет и исполняет. В кругу наших нынешних друзей знаменитые композиторы А. Пахмутова, Е. Крылатов, М. Минков, Г. Мовсесян, В. Шаинский и др., эстрадные певицы и певцы В. Толкунова, Э. Пьеха, В. Трошин, Р. Ибрагимов. Когда я работал главным редактором журнала «Комсомольская жизнь», то часто общался с композитором и певцом Е. Мартыновым, который был музыкальным редактором этого журнала.

Естественно поэтому, что мы радовались музыкальным успехам наших детей: в них воплощались наши неосуществленные мечты...

Когда Наташа вполне овладела инструментом, мы были счастливы. Она играла с листа довольно сложные классические произведения и, конечно же, старинные романсы, народные песни.

Фортепьяно находилось в комнате, соседствующей с моим рабочим кабинетом. И порою случалось так, что, когда я садился по вечерам за письменный стол шкрябать очередную статью или брошюру, Наташа начинала играть.

Уже с первых аккордов душа моя вздрагивала, настораживалась, приходила в состояние волнения, а ум работал все хуже. И чем дольше она играла, тем труднее становилось мне писать: мысли путались, а слова, из которых состоят философские, социологические и разного рода подобные тексты, застревали где-то в мозгах и отказывались ложиться на бумагу. Изнутри меня наружу торкалось нечто совсем иное, живое, пленительное, чувственное. Музыка вымывала прочь из души пыль повседневности, мне хотелось воспарить над миром и оттуда, из-под высочайших небесных высот, петь гимны, осыпать счастьем землю и всех живущих на ней людей...

Я откладывал в сторону авторучку, закрывал глаза, замирал и цепенел, откидывался головой на спинку кресла и мог только одно: слушать музыку моей доченьки.

А когда вскорости Наташа начинала петь, когда раздавался ее высокий, чистый и такой проникновенный голосок, мне казалось, будто тысячи нежных ветерков начинают колебать все-все, даже самые тонкие струны моей души; будто с неба слетают белые ангелы, проникают в мое сердце и начинают рвать его больно, но так сладко... И сами собой из глубин моей души исторгались невольные сладкие слезы и катились по щекам моего омертвевшего от восторга лица. И мы плакали в эти мгновения — я, Природа и все человечество.

Звуки музыки, звуки голоса любимого существа — что может быть выше и могущественней в этом мире?

«Вот истинное откровение, недоступное никакой мудрости и философии», — думал я потом. И спрашивал себя: «Зачем ты корпишь над бумагой, сочиняешь какие-то тексты, которые, в конце концов, никому не нужны? И почему, черт возьми, почему это не ты бросаешь пальцы на клавиши, почему не ты извлекаешь эти волшебные звуки, которые значительней всякого слова, почему?..»

Урок заканчивался. Я успокаивался. И продолжал изводить бумагу так, будто ничего и не было: уроки Алисы Николаевны не были бесплатными...

Иногда в такие минуты я не выдерживал и приходил в комнату, где занималась Наташа, но, как правило, она вежливо выставляла: «Пап, подожди...» Это означало, что после урока мы будем петь.

Оставляла свои домашние дела Светлана, и мы пели на два, а то и три голоса старинные романсы, народные и современные песни. И это было лучшее утешение от всех печалей...

Кроме всего прочего, из сказанного следует, что не только родители воспитывают детей, но и дети облагораживают родителей...

Наташа закончила свой рассказ на том, что она решила попробовать себя в журналистике. Ей удалось и это: она была корреспондентом в Париже «Новой газеты», газет «Московские новости», «Комсомольская правда».

Признаться, поначалу я волновался: получится ли у нее? Какникак, а журналистика — профессия; умению писать обучаются годами. Поэтому просил Наташу, чтобы она присылала свои материалы сначала мне, а уж я буду переправлять их по адресу.

Но первые же статьи, хоть и немудреные, сказали мне, что я могу быть спокоен: она выражала свои мысли ясным, точным, хорошим русским языком. В редакциях ею были довольны, только вот была проблема с гонорарами — они были мизерными. Писать в газету — работать себе в убыток.

Это была главная причина, по которой Наташа рассталась с журналистикой.

Появились на свет: 10 апреля 2000 года — Алеша, а затем, 29 октября 2002 года — Машенька. Всю свою энергию, талант своей души и сердца Наташа вложила в семейную педагогику — занятие столь же благородное, сколь и неблагодарное. Но неизбежное для матери, обреченной на эту профессию уже самой природой и материнским инстинктом.

По мере того как подрастали дети (Феде уже 20, Алеше — 8, а Маше — 6), все острее вставали вопросы: Чем заниматься дальше? Как реализовать свой творческий потенциал?

Наташа решила осуществить свою юношескую мечту: получить специальное образование в области искусства. В 2006 году

она поступила в школу искусств «Кристис» — всемирно знаменитой французской фирмы, которая проводит аукционы, организует выставки по всему миру. Отбор в эту школу — жесточайший. Она поступила. И без «отрыва от производства» — от семейных дел, окончила ее с отличием.

Признаться, я не до конца понимаю, что побудило Наталью с таким рвением приняться за изучение французского искусства. Думаю, что не только оно само по себе. Причина, мне кажется, лежит глубже: тонким умом и чутким сердцем своим дочь наша рано заметила, как несовершенен реальный мир, как много в нем нелепого и безобразного. И душа ее стала проситься в какой-то иной мир, более человечный, возвышенный, чувственный, трепетный и чудесный. А это и есть мир искусства.

Но, боже мой, как же трудно, должно быть, одной душе существовать сразу в двух измерениях — средь ликов небытия, фантазий, разума и — подлинных чудовищ безумия и бесчувствия современного общества, находящих свое выражение в неустанном творении всевозможных форм зла,— как разрывается она, как больно ей!..

Мне кажется, что искусство стало для Натальи своего рода убежищем, куда она прячется время от времени, чтобы укрыться от накапливающихся обид и тягот жизни, дабы утешиться и набраться новой жизненной энергии. Ведь искусство — это своего рода религия, которая, как и любая религия, учит величайшему из искусств — искусству жить на земле.

У Наташи, как у ее матери, есть неистовая тяга к Прекрасному и Совершенному. Она не просто понимает искусство, она его чувствует.

Мудрость веков, скрытая в прекрасных картинах и совершенных скульптурах, биографиях их великих творцов, учит терпимости и великодушию, которые необходимы любому человеку. Тем более если это человек, в котором живет чувство светлое, чистое и возвышенное, неудержимо влекущее куда-то ввысь, к совершенству, абсолюту и идеалу.

Своей внешностью дочь во многом пошла в мать, хотя на лице ее нет тех ярких азиатских красок, которыми блещет Светлана. Наташа — северная, истинно русская красавица. Она и в самом

деле, как пишет сама, росла девочкой «без историй», была разумной, доброй, ласковой, с отзывчивой душой, распахнутой всему белому свету и каждому встречному человеку.

В марте 1986 года, когда Наташе исполнилось 18 лет, я написал стихотворение, назвав его «Молитва».

Ах, как годы летят! Будто в тройке несусь я...
Ах, как версты мелькают! Как кони несут!
Скоро встреча с тобою, о Боже Иисусе,
Скоро суд твой — всевышний и праведный суд.
Ты позволь говорить мне о детях о наших.
Тут я раб, тут я инок, Сизифу сродни...
Вот по грешной земле ходит ДЕВА НАТАША —
Возлюби ее, Боже, молю — охрани.
Сбереги мою дочь от недобрых напастей,
Упаси ее, Боже, от злых языков.
Дай ей счастья — негромкого долгого счастья.
Хоть никто не был счастлив на веки веков...
Я прошу не о том, чтоб жила без страданий:
Кто страданий не знал — тот и вовсе не жил.
Дай побольше ей счастья от долгих свиданий
После кратких разлук с дорогими людьми.
Будь всемилостив, Господи мой Иисусе!
Не себе ведь прошу, — за рабыню твою...
...Ах, как годы летят! Будто в тройке несусь я
И, в слезах умываясь, молитву творю...

Я молил и молю поныне Высшие Силы облегчить участь моей дочери, хотя ее, конечно же, не назовешь особенно тяжелой — по сравнению с великим множеством других особ женского пола дочь моя — счастливица. Есть здоровье, материальный достаток, дети, муж, способности и таланты. И даже родители еще живы...

А все-таки, все-таки... Жизнь устроена так, что вот именно тогда, когда кажется, что все получилось и ты можешь назвать себя счастливым, вдруг начинаешь понимать, что жизнь — штука весьма безрадостная, ибо именно тогда, когда все, казалось бы, сложилось, это «все» начинает рассыпаться. Вырастают и улетают из семейного гнезда дети. Куда-то исчезают друзья-товарищи. И ты остаешься один на один с самим собой, в сущности, никому

не нужный. Только человек-растение не понимает этого. Кто поумней — цепляется за жизнь, а мудрый и вовсе теряет интерес к жизни. Чем жить? — вот вопрос вопросов.

Но есть еще один вопрос, который буквально гнетет меня: останутся ли Наташа, Федя, Алеша и Машенька русскими по душе? Ведь все они имеют двойное гражданство — российское и французское. Наташа прожила во Франции более двадцати из сорока своих лет. Федя рожден в России, но с восьми месяцев — парижанин. Уже сейчас, в двадцать лет, хоть и изредка, но выражается не совсем по-русски. Французский язык для него роднее, чем русский. Хотя любит Россию, это видно, да и сам он порой говорит о ней со слезами на глазах.

Что ж до Алеши и Машеньки, то тут и рассуждать не о чем: они стрекочут по-французски меж собой, их друзья — французские мальчишки и девчонки. По-русски для детей говорят, кажется, хорошо, но, подозреваю, по-французски намного лучше...

Ильинский Игорь Михайлович

Ильинский Игорь Михайлович (родился 28 июня 1936 года, г. Ленинград).

Сложность повествования о самом себе состоит в том, что по замыслу книги основной упор в ней сделан на рассказ **о добродетелях и достижениях** предков и членов моей семьи. Они — «крылья»...

Воздавать должное своим способностям и успехам наедине с собой — дело нормальное. Человек должен иметь чувство собственного достоинства. Без этого чувства человек — не личность, в нем нет жизненной стойкости, он обречен на услужение и низкопоклонство другим. Но чтобы оно возникло, это великое чувство, необходимо как минимум, чтобы достоинства эти человек имел и осознал.

Самопознание предполагает выявление в себе не только достоинств, но и недостатков. Разумеется, есть во мне и то, и другое. Но пусть простит меня читатель, что поневоле — в этом замысел книги — должен и буду говорить о положительных сторонах своей

натуры, как делал это, рассказывая об отце и матери, о жене и детях. Хотя я не ангел во плоти, о нет...

На фотографии, где мама держит меня на руках, я толстощекий, с любопытством всматривающийся в мир, в котором мне предстоит жить. Мама же — после тяжелой болезни тифом, исхудавшая, с печальными глазами, с чернобуркой на шее и шляпкой на голове по моде тех времен. Единственная сохранившаяся ленинградская фотография 1939 года (месяц неизвестен), пожелтевшая, поломанная, над которой усердно поработал реставратор... Значит, мне около трех лет, и это было до войны.

А дальше была война, которая разорвала мое детство на несколько частей и заставила быстро взрослеть.

Блокадный Ленинград: проблески детской памяти

Чем старше возрастом Великая Победа, тем меньше остается на белом свете ее творцов — фронтовиков и героев тыла. В мае 1995 года, когда я впервые как ректор поздравлял ветеранов Великой Отечественной войны нашего вуза, их было 188. До 9 мая 2008 года дожили двадцать два...

Уходят люди... Все меньше тех, кто способен рассказать внукам и правнукам о войне так, как только может сделать это участник событий. Слова родного человека, ходившего в атаку, видевшего глаза в глаза своего смертельного врага в рукопашной схватке, пролившего свою кровь, но победившего, убедительней любой книги, любого фильма. Свои не соврут.

Но — уходят люди...

Настает время говорить о войне тем, кто видел и испытал на себе хоть часть ее ужасов. Однако и таких уже совсем мало. В Москве — на 12 миллионов населения — блокадников **менее тысячи**. В своем университете я — **единственный**.

Хочу рассказать о ленинградской блокаде обрывками собственных эмоций и чувств от виденного и пережитого в те далекие детские годы, а также услышанного из уст моей мамы — Аделии Ивановны.

Рано или поздно человек задает себе вопросы: чем жить? зачем жить? как выжить? где взять силы для этого? Человек, если хочет стать и оставаться человеком, должен иметь зрелую философию

жизни, в выработке которой ему могут помочь **духовные опоры наших предков**.

Блокада Ленинграда и то, как вели себя люди в страшных условиях, — это невиданный в истории человечества образец трагедии и триумфа, высочайшего героизма и силы духа, воли к жизни и способности находить способы и силы для выживания там, где их, казалось бы, и быть не может.

За долгие годы жизни война вроде бы заросла во мне многими слоями новых жизненных впечатлений и переживаний, ушла в глубины души, спряталась в подсознание, но иногда вдруг с бешеной силой вырывается из него и потрясает меня так, будто все случилось только-только, прямо сейчас.

Память — это не только хранилище прожитого человеком, но прежде всего способность сохранять **восприятие** пережитого.

Что может помнить ребенок в возрасте от пяти до шести лет? И может ли помнить происшедшее с ним десятки лет назад? Помнить образы, звуки, цвета, запахи, вкус? Кто-то обронил, что «по-настоящему хорошо мы помним только то, что с нами не происходило». Глупость. Ибо если отнестись к этим словам всерьез, то отчего же каждый год, когда 9 Мая в День Победы объявляется Минута Памяти и метроном начинает отбивать секунды, когда встает и молчит вся многомиллионная Россия, я буквально впиваюсь глазами в экран телевизора, а в горле — ком, а сердце сжимается до боли и, как ни силюсь, не могу сдержать своих слез? О чем они, мои слезы?..

Да, в эти мгновения память высвечивает лицо моего отца — Ильинского Михаила Федоровича — лейтенанта, командира взвода 884-го стрелкового полка 196-й стрелковой дивизии, погибшего в бою 4 августа 1944 года около безвестного для меня населенного пункта Клэскова некогда Латвийской ССР, а теперь — «независимой» Латвии, в которой фашистов возвеличивают, а наших ветеранов унижают, именуют оккупантами...

Да, я вспоминаю дядю Володю, брата моего отца, погибшего в первые недели войны на Пулковских высотах под Ленинградом... Вспоминаю бабушку мою, Татьяну Семеновну, тетушек моих, Валентину Федоровну и Нину Федоровну... Вспоминаю мою мамулю, Аделию Ивановну, брата своего Олега... Сестренку мою Ирину Михайловну...

Но в эти секунды я (честное слово!) чувствую, что вспоминаю о войне еще «что-то» такое, существующее в моей дальней памяти, глубоко-глубоко в подсознании... Это «что-то» касается только меня, происходило именно со мной — в моем уме, в моей душе. Я помню «мою» войну. Помню, помню!..

Когда в июле 1962 года первый раз после эвакуации из Ленинграда я пришел на улицу Профессора Попова, где наша семья жила во время блокады, то в первый момент меня будто молнией поразило: в голове — туман, сердце бешено бьется, ноги деревянные. Некоторое время я не мог двинуться с места. А потом, когда все же пошагал, из памяти фонтаном брызнули воспоминания: «Сейчас слева будет дом... справа — завод... слева — сад...» Иногда ошибался, но в основном угадывал.

Вдруг душу мою захватило страшное волнение. Я стал крутиться на месте, оглядываясь по сторонам, совершенно не понимая, что со мной происходит. Я ничего не узнавал, но «что-то» мне говорило: «Это именно то место, которое ты ищешь и ради которого ты приехал в Ленинград. Где-то здесь находится дом, в котором ты жил». Хотя знал, что дома нашего уже давно нет...

Стал смотреть номера зданий слева, справа. Ничего не получалось, все тут уже было не так, как двадцать лет назад... На улице появились новые строения, нумерация их изменилась, но люди, к которым я обращался с вопросами, говорили мне, что где-то именно в этой небольшой окружности стоял когда-то двухэтажный бревенчатый дом № 19, в котором и жила наша семья...

В ту поездку в Ленинград я вспомнил многое, а мама подтвердила правоту моих воспоминаний. Сама она в Ленинграде так и не побывала: боялась, что сердце не выдержит...

Когда-то я и сам не верил, что помню что-то из блокадных дней. Рассказывал маме о чем-нибудь и спрашивал: «Мама, а это было, это правда?..» Она горестно качала головой: «Правда, сынок, правда. Так и было...» Иногда досказывала о том, чего я не упомнил, уточняла.

Если память взрослого человека — это зеркало ушедшей жизни, то детская память — это разбитое зеркало, это калейдоскоп, в котором происходившее еще не имеет целостности, расколото на мелкие кусочки, каждый из которых расцвечен разными и

странными красками: горькие **потрясения и исключительные переживания, страхи, впечатления чего-то совершенно необычного**, зачастую непонятные обрывки событий. Детская память — это в основном **эмоциональная** память.

Для страны война началась 22 июня 1941 года. До моего пятилетия оставалось еще целых шесть дней. Какого числа война началась лично для меня, я не знаю, но помню...

...Полупросыпаюсь от чьего-то прикосновения к моей щеке. Вижу как в тумане близко мужское лицо. Нет, это не папа, но и не чужой. Кто? Не пойму. Слышу какие-то слова. Чувствую, что мне в рот положили что-то сладкое, начинаю сосать... «Ой, как вкусно!..» Вижу спину уходящего человека в зеленом. И вновь засыпаю...

Когда однажды, повзрослев, я рассказал маме об этом случае, она подтвердила: «Да, такое было».

В тот летний день было жарко и солнечно. Мою кроватку вынесли во двор дома, где жила наша семья. Я спал на свежем воздухе в тени деревьев. Мой дядя — старший брат папы Владимир Федорович — пришел попрощаться с нами: он добровольно уходил на фронт, принес кулек конфет «раковая шейка». Это и было то «вкусное», что так понравилось мне. Они были не только вкусные, но и такие красивые, эти конфетки: полосатые, блестят, переливаются, а когда обсосешь обливку, начинка — еще вкусней.

В тот день я, наверное, почувствовал какую-то необычную тревогу, почему-то, как говорила мама, часто и подолгу плакал, хотя «вкусное» мне давали много раз.

...Помню: ясный день. Мы, дети, играем в садике около дома. Кто-то кричит: «Смотри, смотри!..» И показывает вверх. В небе — высоко-высоко! — крутятся, будто играют в догоняшки, какие-то белые палочки. Потом одна из этих «палочек», быстро увеличиваясь в размерах, начинает стремительно нестись к земле, кажется, прямо на нас. И падает совсем недалеко. Взрыв. Все — малыши и взрослые — радостно кричат и бегут в ту сторону, где раздался грохот. Бегу, как все с восторгом, ору и я... А радоваться было нечему: мама говорила, что в тот день в Ботанический сад упал сбитый советский истребитель.

Я видел воздушный бой. Немецкий бомбардировщик случайно прорвался к Ленинграду. Поэтому воздушная тревога не объявлялась. В исторической литературе говорится, что до 6 сентября ни один немецкий самолет не мог пробиться к городу.

Почему Ленинград оказался в блокаде, люди узнали после войны. Что такое — «блокада»? Какую роль сыграл Ленинград в Победе, многим неизвестно и сейчас. А знать это надо!

В битве за Ленинград советские войска оттягивали на себя **до 20 процентов** вражеских сил на Восточном фронте и **всю финскую армию**. Сдача Ленинграда открывала врагу прямую дорогу на Москву. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал, что, отправляя его на Ленинградский фронт, 8 сентября 1941 года Сталин сказал: «Езжайте под Ленинград. Ленинград в крайне тяжелом положении... Вашей задачей является не допустить врага в Ленинград, **чего бы это вам ни стоило**».

8 сентября 1941 года немецко-фашистские войска овладели Шлиссельбургом (Петрокрепость) и **полностью** отрезали Ленинград от всей страны с суши.

Шел 79-й день войны... Началась **блокада города**, которая продолжалась **872 дня** — до 27 января 1944 года.

В подготовленных в ставке Гитлера тезисах доклада «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября 1941 года указывалось: «...Весной мы проникнем в город... **вывезем все, что осталось живое, в глубь России** или возьмем в плен, **сровняем Ленинград с землей**...»

Введенные в Ленинграде нормы продовольствия быстро снижались. Хлеб стал практически единственной пищей. **С 20 ноября по 25 декабря (5-е снижение) рабочие получали по 250 г хлеба в день, все остальные (иждивенцы, в том числе дети) — по 125 г.** Бывали дни, когда бомбежки срывали работу хлебозаводов, булочные так и не открывались. И матери возвращались домой с пустыми руками, где их ждали голодные дети. В такие дни люди не ели ничего. Ни-че-го... В качестве пищевых заменителей использовались целлюлоза, хлопковый и льняной жмых, технический альбумин; было налажено производство пищевых дрожжей из древесины, витамина С из лапок хвои. Варили и ели древесный

клей. Разрезали на куски и готовили «суп» из кожаных сапог и туфель. Начались цинга и дистрофия.

Иссякли запасы топлива. Остановился трамвай. В жилые дома прекратилась подача электроэнергии. 25 января 1942 года в Ленинграде перестала работать последняя водонапорная станция. Вышла из строя канализация.

Только за три месяца (сентябрь — ноябрь) 1941 года воздушная тревога объявлялась в городе 251 раз, т. е. 3–4 раза в день, а 4 октября 1941 года — 10 раз. Ежедневная продолжительность артиллерийского обстрела в ноябре 1941 года достигла в среднем 9 часов. 17 сентября 1941 года артобстрел длился 18 часов 33 минуты. Только за один день 13 октября 1941 года на Ленинград было сброшено 12 тысяч зажигательных бомб.

За время блокады **только от голода** в Ленинграде **умерло свыше 641 803 человек**. В 1943 году в городе осталось 887 тыс. жителей (до войны проживало 3 млн 421 тыс.).

Почему я говорю о блокаде Ленинграда как уникальном примере духовной стойкости во всей истории человечества? Ведь известно, что сухопутная блокада многократно использовалась в войнах. Блокада Трои в XIII веке до н. э., например, длилась более 10 лет. Однако она закончилась тем, что греки взяли город и разрушили его.

Ленинград выстоял и победил... Ленинградская блокада — это не только трагедия, но и триумф. Да, Ленинград защищали регулярные войска. Но и сам Ленинград стал городом-фронтом.

На территории города еле живые ленинградцы соорудили свыше 4100 дотов и дзотов, оборудовали в зданиях 22 тыс. огневых точек, на улицах установили 35 километров баррикад и различных противотанковых препятствий. Свыше 500 тыс. ленинградцев строили оборонительные рубежи. 130 тыс. человек — примерно 10 дивизий — ушли в армию народного ополчения. Заводы и фабрики работали круглосуточно. Тот, кто мог, стоял у станка до последнего. Многие умирали на своих рабочих местах. В самые страшные дни блокады на работу не выходило от 30 до 50 процентов обессилевших до конца рабочих и служащих.

Наша семья прожила в блокадном Ленинграде 323 дня — с самого ее начала, **всю самую страшную — холодную и голодную —**

зиму 1941–1942 годов до эвакуации 23 июля 1942 года. В 1942 году из каждой 1000 человек умерли 400...

О том, что такое война, блокада, пятилетний ребенок понять не может. Он просто переживает то, что несет с собой быт.

На всю свою жизнь я запомнил невероятно громкий, отвратительный вой сирены — знак начала очередного налета немецких бомбардировщиков и несущийся из черного репродуктора громовой мужской голос, от которого и сейчас, если закрою глаза и «включу» свою дальнюю память, становится жутко: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Сирена воет, голос громыхает, люди сломя голову несутся по улице в бомбоубежище, дети плачут. Бомбоубежище тесное, плотно набито человеческими телами. Душно. Пахнет сырым бетоном, мочой. Много детей и стариков. Полутемно. Потом все затихают — слушают, что происходит там, наверху. Тишина в бомбоубежище прерывается то детским плачем, то чьим-то стоном или шепотом. Где-то громыхает. Иногда совсем близко, так, что мы чувствуем сотрясение земли. Время тянется тревожно и долго... Сколько?.. И вот — все стихает. Что значит эта тишина наверху? Закончен налет или это просто перерыв перед новой волной атаки? Томительное ожидание... Наконец тот же мужской голос, с уже другим, не страшным, почти торжественным тоном, извещает: «Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги!..» Люди с облегчением от пережитого страха расходятся по квартирам... Чтобы вскоре снова услышать жуткий вой сирены и голос: «Воздушная тревога!..»

Мама рассказывала, что со временем, привыкнув, многие уже не прятались в бомбоубежищах: кто-то играл со смертью от храбрости или отчаяния, а многие — просто потому, что не было сил бегать туда-сюда. Голод делал свое дело: люди таяли на глазах.

Что такое голод? В принципе, каждый человек считает, что знает ответ на этот вопрос: «Голод — это когда есть хочется».

Наука подразделяет голод на три стадии: голод **неполный**, когда пищи в организм поступает недостаточно по отношению к общему расходу энергии; **полный**, когда в организм поступает только вода; и голод **абсолютный**, когда в организм не поступает ни пищи, ни воды. Предельным сроком жизни при голоде вообще считается 65–70 суток, при абсолютном — несколько дней. Зимой

1941–1942 годов житель Ленинграда получал в сутки не более 1300 ккал. При таком количестве получаемой энергии человек мог прожить около тридцати дней. Вот почему гитлеровцы считали, что через несколько месяцев Ленинград вымрет.

Голод вначале сопровождается повышенной раздражительностью, головными болями и плохим сном, затем — вялостью, апатией, сонливостью. После использования своих жировых запасов организм начинает расходовать белки мышц и внутренних органов, в том числе (в последнем периоде) мышцу сердца и центральную нервную систему. Пульс становится все реже, температура тела к моменту смерти понижается до 28 °С. Наукой доказано, что наиболее чувствительны к голоду дети.

Голодные, истощенные ленинградцы замерзали в своих неотапливаемых квартирах. Наладили производство «буржуек». Топили мебелью, паркетом, книгами, тряпьем, старой обувью, матрацами, всем, что может гореть. Спали не раздеваясь. Месяцами. Иногда — живые рядом с умершими. Те, у кого еще находились силы, старались отвезти своих покойных родственников на санках на кладбища, где вырывались огромные братские могилы. По пути, выбившись из сил, умирали сами.

Смертность среди детей в возрасте до 14 лет была ниже смертности взрослых. Многие дети выжили прежде всего, потому, что взрослые в каждой семье спасали в первую очередь детей. Особенно женщины — матери, бабушки. Последние крохи еды они отдавали малышам.

Так было и в нашей семье, которая состояла из пяти человек: мамы, которой в начале войны и в первый, самый смертный, год блокады было 38 лет, папы, которому было 35 лет, моего старшего брата Олега, которому было 14 лет, моей младшей сестры Ирины, которой было три года, и меня, которому 28 июня 1941 года исполнилось 5 лет.

Положение, как я уже говорил в одной из глав этой книги, усугублялось тем, что папа, работавший на Металлическом заводе им. И. В. Сталина начальником цеха, находился на заводе круглосуточно, появлялся дома крайне редко. Олег учился (хотя лучше сказать, работал) в ремесленном училище, часто там же и ночевал, болел цингой, ходил с трудом.

У мамы на руках оказались два малыша, которым невозможно было объяснить, что такое война и блокада, почему нет еды. Как и многие (не все! не все!) матери, она подкармливала нас за счет своего суточного иждивенческого пайка в 200, а потом — 125 граммов хлеба и оттого еще быстрее теряла силы. Скоро мама слегла и несколько месяцев, в том числе во время до эвакуации и первое время в деревне, совсем не вставала с кровати. Приходя домой, Олег отоваривал хлебные карточки, как мог ухаживал за мамой.

От той поры память сохранила несколько картинок.

...Помню, как мама, когда она еще ходила, положив на стол три 125-граммовых кусочка хлеба, резала каждый из них на три части и говорила: «Это — завтрак, это — обед, это — ужин». Кусочки были маленькие, а когда их делили на три части, то и совсем крошечные. Мама учила меня, что хлеб нельзя откусывать, его надо отщипывать по крошке, класть в рот и не глотать сразу, а сосать. Теперь я думаю, что ей казалось, будто так наступает ощущение сытости. Завтрак, обед и ужин происходили в строго определенное время, ожидание которого, наверное, и составляло смысл всей моей детской жизни. От этой привычки — отщипывать крошки и класть их в рот, а не откусывать хлеб — я не мог отвыкнуть очень долго, многие годы. Да и сейчас, по-моему, не избавился до конца. Иногда, когда у меня в руках хлеб и я вдруг о чем-то глубоко задумаюсь, ловлю себя на том, что я отщипываю махонькие кусочки, механически кладу их в рот и сосу...

...Помню, как наша семья встречала Новый, 1942 год... Помню это как факт, который, видимо, очень поразил меня: за долгие месяцы я видел своего папу. Хотя его лицо сейчас я знаю только по фотографиям. И никаких ощущений от отцовских объятий или поцелуев, никаких слов и запахов. Зато помню, что в тот раз он принес большой кусок «дуранды» (подсолнечный жмых), из которого сделал какую-то кашу, и она стояла на столе в штампованной алюминиевой тарелке, принесенной им с завода. Тарелка эта потом еще долго существовала в нашей семье.

Кроме того, папа приготовил «тюрю», т. е. накрошил хлеба в кастрюлю с горячей водой. Наверное, на столе была еще какая-то еда: работникам оборонных заводов было положено усилен-

ное питание, и отец, когда приходил домой, приносил что-то из сэкономленного им, чтобы подкормить Ирину, меня и маму. Но я запомнил «дуранду» и «тюрю». Может, потому, что, как потом говорила мама, когда уже близился Новый год, объявили воздушную тревогу. Папа почему-то решил, что мы не пойдем в бомбоубежище. Может, чтобы не оставлять лежащую в кровати маму.

Началась бомбежка.

Неожиданно раздался страшный взрыв: бомба упала у нас во дворе. В нашей комнате вылетели все стекла. «Коптилка» погасла. «Буржуйка» устояла. Но тарелки со стола полетели на пол, «дуранда» и «тюря» разлились. Из нас никто не пострадал, но я и Ирина, как говорит мама, очень долго орали от страха.

Наверное, после отбоя папа с Олегом чем-то заделали окна, зажгли «коптилку». Но я помню, как мы с Ириной слизывали с пола «дуранду», собирали крошки мокрого хлеба.

...Помню, как однажды я почему-то зашел в одну из квартир нашего дома, дверь в которую оказалась открытой. Как потом сказала мама, там жил очень добрый человек, врач по профессии. В первой комнате было очень холодно и пусто. В следующей комнате на кровати лежали два старых человека — мужчина и женщина. Они не шевелились. Я подошел и потрогал их. Мертвые.

...Помню, как человек, который жил в смежной с нами квартире, однажды начал стучать нам в стенку и страшным голосом кричать: «Дайте хлеба! Дайте хлеба! Дайте хлеба!..» Я и Ирина громко плакали. Мама тихим голосом пыталась успокоить нас и плакала сама. Человек кричал долго. Сначала громко, потом все тише, тише... На следующий день я зашел в эту комнату. Человек был мертв.

...Помню, как потом (через сколько дней, не знаю) этого человека и доктора с женой выносили из дома, а я почему-то оказался у выхода. Было холодно. Трупы побросали в грузовик и увезли.

Теперь из литературы я знаю, что это было обычное дело: ленинградцы вымирали целыми семьями и подолгу лежали в холодных квартирах.

По решению Ленинградского горисполкома **с 1 января 1942 года** стали открываться новые детские дома и ясли. За 5 месяцев

в Ленинграде было организовано 85 детских домов, приютивших 30 тысяч детей. Руководство города и командование Ленинградского фронта стремилось обеспечить детские дома усиленным питанием.

Папа сумел устроить меня в один из этих детских домов, а Ирину — в детские ясли. Благодаря этому, вероятней всего, мы и остались живы.

Навсегда запомнил я запах «очага»: смесь запахов чистого детского дыхания, детских тел и постельного белья с запахами кухни.

Зачем меня поместили в «очаг», я не понимал и все время старался сбежать из него домой. Мне удавалось это довольно часто. Всякий раз мама встречала одним и тем же вопросом «Зачем ты пришел?..», плакала, иногда давала мне немножко хлеба, отрывая крохи его от себя.

Наверное, я был разумным ребенком, потому что все-таки возвращался в «очаг». А может, меня уже и тянуло туда, потому что там нас хоть и плохо, но все-таки кормили.

Как бы там ни было, но, крайне истощенный до отправки в «очаг», я стал поправляться. Мама видела это, радовалась и, как потом говорила мне, очень боялась, что во время побегов из «очага» или на обратной дороге меня могут убить и съесть.

Да, да — той страшной голодной зимой 1941–1942 годов в Ленинграде были не только кражи продуктов, мародерство, но и людоедство. Знаю об этом не из книжек. Мама рассказывала мне (уже взрослому), что однажды, в самом начале зимы, может быть, в конце ноября — начале декабря, когда она еще была на ногах, пошла на продуктовый рынок, чтобы выменять на вещи каких-нибудь продуктов. Звучит это дико, но (особенно в начале зимы) такой рынок существовал, где за золото, бриллианты и иные ценные вещи можно было выменять хлеб и другие продукты. Не знаю, что такое ценное понесла она в тот раз на рынок, ибо жили мы небогато, но ей удалось выменять кусок холодца (мы говорили «студень»). Когда же дома она стала его делить на части, то нашла в нем ноготь с пальца человеческой руки. «Студень» этот она выкинула. И только после этого, расспросив кого-то, узнала, что делали этот «студень» из мяса более или менее упитанных людей,

обычно военных, которых ради этого убивали... Или вырезали мягкие места у мертвецов, например, из ягодиц...

Не знаю, как далеко от нашего дома находился «очаг», но, видимо, неблизко, потому что по дороге меня иногда заставали артобстрелы. Я прижимался к стене какого-нибудь дома, слушал жуткий вой снарядов, которые летели высоко в небе, но, как мне казалось, все до одного падали на наш дом. Несколько раз, когда прекращался артобстрел, я с полдороги с плачем возвращался к нашему дому и с радостью обнаруживал, что он цел, а значит, моя мама жива.

Большинство моих воспоминаний связаны с хлебом, взрывами, смертью.

...Помню: однажды в «очаге» нас усаживали обедать. Помню, что на столах стояли блюдечки с налитым в них тонюсеньким слоем подсолнечного (мама всегда говорила «постного») масла, а рядом лежал кусочек хлеба. Мне очень нравился запах «постного» масла, нравилось макать хлеб в масло и есть... Непередаваемое наслаждение, от которого кружилась голова... Мы еще только рассаживались по местам, как взревела сирена: «Воздушная тревога!..» Нас стали быстро-быстро уводить в бомбоубежище. Но я куда-то спрятался. И как только все ушли, подбежал к столу, буквально проглотил свой хлеб, выпил масло, вылизал блюдце, схватил чей-то кусочек хлеба и бросился бежать из «очага» домой — к маме.

Я помню то безумное чувство радости, которое охватило меня от мысли, что я не просто бегу домой и скоро увижу маму, но что в этот раз я несу ей хлеб, и на вопрос: «Почему ты опять сбежал?..» я скажу ей: «Мама, я принес тебе хлеба!», что она обрадуется и не прогонит меня обратно в «очаг». Я бежал, зажав хлеб в кулачке, но вскоре запыхался и пошел шагом.

Бомбежка еще не началась. Навстречу мне изредка попадались люди. Какой-то человек, уже пройдя мимо, окликнул меня: «Мальчик!» Я остановился. Человек (это был мужчина), наверное, спросил: «А что это у тебя?» — «Я несу маме хлеб!» — наверное, ответил я. «А ну-ка, покажи», — сказал, наверное, человек. Я разжал кулак. Человек — вот это помню наверняка — выхватил мой хлеб, в одно мгновение съел его и стал уходить. Я пытался бе-

жать за ним, кричал и плакал, а потом с ревом кинулся домой. Войдя в квартиру, долго рыдал на груди у мамы, прежде чем сумел рассказать о том, что же произошло. Обессиленной рукой она гладила меня по голове и тоже тихо плакала...

Думаю, это одно из самых сильных потрясений, которое я испытал за всю свою жизнь.

Возможно, своим детским умишком я понимал уже, что мама умирает еще и потому, что подкармливала нас с Ириной, отрывая крохи от своей несчастной пайки. Возможно, для меня тогда высшим счастьем было поблагодарить ее вот так — дать хлеба. Но я не смог...

Эвакуация

Из Ленинграда мы эвакуировались 23 июля 1942 года. Этот момент нашей жизни надо тоже рассматривать в пределах понятия «блокада»: люди страдали и умирали на пунктах эвакуации, в пути, по прибытии в места нового проживания. По имеющейся статистике, во время эвакуации из блокадного Ленинграда по дроге в тыл от истощения и болезней **умирал каждый четвертый**.

На Финляндский вокзал нашу семью вывозили на автомашине, прежде всего потому, что мама была еле живой, ее выносили из квартиры на носилках.

Выезд из квартиры и погрузку в грузовик помню очень смутно, и может быть, только потому, что взрослые (отец и еще кто-то) очень громко ругались, почти дрались. Как потом говорила мама, ссора разгорелась из-за того, что на каждого отъезжающего человека можно было взять только по одному чемодану с вещами. Нас было четверо (отец оставался в Ленинграде), значит, и чемоданов должно быть четыре, а их было девять. Отец довез нас до Финляндского вокзала. Вместе с Олегом они перенесли к железнодорожному составу маму, перетаскали вещи, потом куда-то исчезли.

Помню... Много-много людей, шум-гам... Какой-то незнакомый острый запах (запах паровоза, работающего на каменном угле). Сыро и серо, влажно. Тревожно. Мы с Ириной жмемся к лежащей на носилках маме и ждем папу с Олегом. И вот я вижу их с авоськами, в руках — буханка хлеба, кастрюля, из которой, когда они подошли, пахнуло мясом. Наверное, я испытал шок. Потому что

помню, как кинулся к отцу и Олегу, трогал буханку (помню, черную-черную) и не мог себе представить, что все «это» — наше, что я сейчас наемся до отвала.

Но получил я еды совсем ненамного больше, чем обычно. Почему — тогда я не понял, просил еще, но так и не выплакал ничего. Неслучайно. Мама говорила потом, что многие из тех, кто не сдержал себя от переедания, в страшных муках умирали от заворота кишок: желудок и кишечник не справлялись с резко увеличившимся объемом пищи. Ко всему прочему, хлеб был грубым, мокрым, тяжелым.

Помню... Ночь, темно, нас грузят на небольшой даже по детским представлениям военный катер. Именно грузят, напихивают как можно больше людей плотно-плотно. Никаких сидений. Все размещаются на своих чемоданах, сумках и узлах плечо к плечу, спина к спине. Я вижу военного человека, как теперь понимаю, у крупнокалиберного пулемета, ствол которого направлен вверх, в небо. Катер тяжело отходит от берега, громко тарахтит. Дует холодный ветер, летят и попадают на лицо крупные брызги.

Маму положили где-то в другом месте. Через какое-то время Олег решил проведать ее и, видимо, чтобы было легче пробираться сквозь плотно сбитую массу человеческих тел, снял со своего плеча противогазную сумку с продуктами, повесил ее мне на шею. Он ушел, а я тут же заснул. Когда Олег вернулся, на моей шее болтался только ремень, а сумки не было — ее кто-то срезал. Поднялся шум. Я был в ужасе.

Не знаю, сколько продолжались поиски сумки, но ее так и не нашли. А вскоре все, в том числе и мы, думали лишь об одном: остаться бы живыми.

Помню... Стало светать. Перегруженный катер тяжело тащился по Ладоге. И вдруг я увидел, как нас быстро догоняет белый-белый пароход. Мне и сейчас видится, как он быстро пролетает мимо нас — большой, красивый, стройный. Сидевшие в катере оживились, рассматривая эту сказочно-чудесную ладью и, думаю, позавидовали тем, кто находился в ней. Скоро пароход скрылся из виду. Кто-то крикнул: «Берег!» Все стали смотреть вперед...

И в это время налетели немецкие бомбардировщики... Бомбы падали впереди и сзади, слева и справа, близко и далеко от нас, по-

тому что, я думаю, по Ладоге в это время шли не только наш катер и белый-белый пароход, но и еще немало других катеров и барж.

Это был ад... Взрывы один за другим, катер рыскал из стороны в сторону, его бросало волной, вода заливала через борт... Пулеметчик строчил...

Наконец все стихло. Наш катер был уже совсем рядом с берегом. В этот момент всем, кто находился в нем, открылась страшная картина: мы увидели остатки белого-белого парохода, которые плавали в воде: трупы, чемоданы, вещи... Прямое попадание бомбы.

И был это, как потом говорила мама, вовсе не «пароход», и не «большой», и не «белый-белый», а тоже катер, только не военный, а гражданский, не зеленый, как наш, а серый, когда-то бывший белым. В детские годы все вокруг кажется большим, потому что ты маленький...

Как говорила потом мама, у папы было намерение эвакуировать нас в Башкирию. По его сведениям, там было сытно и тепло. Однако наш поезд тащился слишком медленно и долго. На подъезде к Башкирии стало известно, что в ней мест для эвакуированных больше нет. Путь продолжился еще на две с лишним недели, и в конце концов семья наша оказалась в деревне Петушиха Маслянинского района Новосибирской области.

Всего же наше железнодорожное мытарство, как говорила мама, длилось более сорока дней. Объяснение простое: состав то и дело загоняли на запасные пути для того, чтобы пропустить эшелоны с ранеными, шедшими с фронта; а навстречу нам неслись составы с солдатами, танками, пушками — на фронт.

Везли нас в «телятниках», т. е. в вагонах для скота. Если «телятник» утеплить изнутри, то получится «теплушка». В «теплушках» перевозили солдат.

Каждый «телятник» был набит до отказа женщинами, детьми, стариками. Устраивались кто как мог. Нам выделили угол, в котором лежала на сене и взятых из дома простынях мама, а рядом с ней размещались мы — Олег, Ирина и я.

Помню... Однажды я проснулся и обнаружил, что мамы нет. Не было рядом и Олега. Потом он вернулся и сказал, что наша мама умерла. Я горько плакал. Глядя на меня, ничего не понимая толком, ныла Ирина...

Прошло несколько дней. По-моему, я уже начал привыкать к мысли о том, что у меня больше нет мамы.

Но однажды на какой-то станции, где стоял наш эшелон, на соседнем пути остановился состав с ранеными. Помню, что Олег вдруг куда-то убежал, и вскоре принесли носилки с нашей мамой. Она была жива!..

Помню, как однажды от нашего эшелона отстал Олег. Дело в том, что никто точно не знал, на какой станции и сколько времени будет стоять наш состав и когда он тронется. Иногда мы стояли часами, иногда по нескольку суток. А иногда, не успев остановиться, паровоз давал гудок и отправлялся в путь. Но даже когда было ясно, что поезд остановился совсем ненадолго и посреди поля, люди кидались бежать подальше от вагонов: многие мучались животами, испражнялись прямо на ходу поезда, на виду у всех, выставив голые зады наружу. Это была ситуация, когда человек теряет чувство стыда...

На станциях, кто мог, сразу отправлялись за водой, особенно за горячей...

Чем дальше мы ехали к Уралу, тем сытнее становилась наша жизнь. На вещи, которые мы везли в своих чемоданах, Олег выменивал различные продукты, овощи, фрукты. Ему самому особенно необходимы были лук и чеснок: Олег страдал от страшной цинги, зубы его шатались, он не мог кусать ничего твердого, даже хлеб, с трудом говорил — настолько опухли и кровоточили десны.

Однажды, когда наш поезд остановился, Олег пошел по каким-то делам. Прошло всего ничего времени, как паровоз вдруг гуднул раз-другой и тронулся. Теперь мама и я убивались по Олегу. Но через несколько суток он догнал нас опять-таки на каком-то воинском эшелоне.

В начале сентября поезд остановился на станции Черепаново, примерно в девяноста километрах от Новосибирска. Здесь нас ожидал длинный караван телег, запряженных лошадьми. Сотни семей погрузили на эти подводы и развезли в разные стороны. Несколько телег двинулись в районный центр Маслянино, в стороне от Черепаново на двадцать пять километров.

По дороге из Черепаново до Маслянино маме было очень плохо. Как она говорила потом, это были сердечные приступы.

Голод, как и со многими блокадниками, сделал с ней свое дело: предельно истощенный организм частично «съел» сердечную мышцу и здоровое до войны сердце мамы сделалось больным.

Помню... В Маслянино маму увезли в больницу, и вскоре нам опять сообщили, что она умерла. Мы с Ириной снова ударились в рев. Но, к счастью, это опять оказалось неправдой. Маму привезли на телеге. На другую подводу усадили нас, погрузили чемоданы, и мы тронулись в путь.

Была ночь... Она запомнилась мне оглушительной тишиной, которую не нарушали ни скрип колес, ни храп лошадей, ни вскрики наших возниц: «Н-но-о!..», черным-черным небом, на котором, казалось, почти над самой нашей головой висели миллиарды больших-пребольших белых звезд... И запахи, запахи... О боже, какой букет совершенно незнакомых запахов обрушился на меня!..

Мы ехали по узкой лесной дороге посреди высоченных деревьев, верхушки которых терялись в темноте. Это была тайга — непроходимая, исконная глушь, сплошные дремучие леса. Сосны, ели, пихты, кедры, березы, осины — все сплошь и вперемежку непроходимо и непролазно завалено стволами упавших деревьев, сучьями, поросло травой выше головы... Все это я увидел, узнал и понял гораздо позже, а тогда вдыхал совершенно незнакомый мне дурман этих запахов от нагретого за день леса, парной земли, стоялых осенних трав, свежескошенного сена, на котором лежал в телеге и не мог надышаться...

Опоенные пьянящим воздухом, все мы — Олег, Ирина и я — быстро уснули. Уснул, видимо, и наш возница. Потому что лошадь свернула с дороги, телега попала в какую-то колдобину и мягко завалилась набок. Я очнулся от того, что меня чем-то больно ударило. Это был один из наших чемоданов. Никто не пострадал.

Вероятно, было решено заночевать в пути, потому что я помню костер и сидящих вокруг него незнакомых мне людей...

Помню чудное мгновение: солнце только-только всходило; вокруг море зелени — трава, цветы и высоченные деревья, деревья; и все те же запахи, и все та же тишина...

Мы въехали в деревню Петушиха, в которой прошли шесть лет моего детства...

... Я рассказал о нескольких сюжетах блокадной жизни, потрясших мое детское воображение. Конечно, это лишь ничтожная малость того, что происходило в течение 323 дней... Тысячи других событий я просто не помню — ведь мне шел всего шестой год. Но они были, были!.. А значит, так или иначе легли в мое детское сознание, которое тем и характерно, что жадно впитывает все, что приносит жизнь, по-своему, по-детски наделяет происходящее собственными смыслами, а потом эти смыслы становятся содержанием ума и души взрослеющего человечка, чертами его характера, его натурой, а в конечном счете — его судьбой.

Н. В. Гоголь заметил как-то, что «страданиями и горем определено нам добывать крупицы мудрости, не приобретаемой в книгах». Как же прав он, думаю я сейчас, осмысливая этапы и круги своей жизни!..

Жизнь с первых лет повернулась ко мне своей трагической стороной и дала понять, что она мгновенно-коротка и может длиться ровно столько, сколько ты слышишь свист летящей бомбы.

Страдания в ленинградской блокаде были первым сторожевым криком, предупредившим меня о том, что жизнь полна опасностей и идти по ней надобно с осторожностью и оглядкой, то и дело посматривая вперед — назад, влево — вправо и под ноги, неся свою голову гордо и высоко, но никогда не задирая слишком.

Нет, конечно же, в детские годы я ничего такого внятно не понимал, а уж сказать так, как говорю сейчас, тем более не мог. Но я почему-то убежден, что именно в ту пору в меня вошло безошибочное прозрение инстинкта глубокого понимания смысла жизни как стремления проживать каждый день так, как будто он — последний. Я знаю, что изрек банальную истину. Все дело в том, что я постиг эту истину самостоятельно и задолго до того, как услышал ее от других; я считаю ее одним из моих личных открытий. А оттого, что истину называют банальной, она не перестает быть истиной и нисколько не теряет в своей ценности.

С годами понимаешь, чтобы стать человеком, надо немало пострадать. И чем более жестоки страдания, тем более добродетельным становится человек, если он, конечно, сумел превозмочь их. Где нет страданий, там нет блаженства, мужества и мудрости.

Муки, пережитые мною в блокадном Ленинграде, пусть и не осознанные мною из-за детскости моего ума, навсегда отложились в моей натуре страхом перед голодом, ненавистью к насилию, отвращением в отношении злонамеренных людей. Словно дикий зверь, с юных лет я нюхом чую их на расстоянии...

Вероятней всего, именно потому, что с детства познал страдание, я люблю людей и добр к ним, хотя заметить это может не каждый и не сразу. Я с детства научился переносить свои страдания молча, не перекладывая их на плечи родных и близких. И мучаюсь, если даже по долгу службы вынужден принимать решения, доставляющие страдания другим.

Кто сильно страдал, тот меньше грешит, тот чище душой.

Я всегда гордился тем, что родился в Ленинграде, и каждому понятно — почему, хотя в этом нет никакой моей заслуги. Тихо гордился и тем, что я — «блокадный ребенок», «блокадник», но никаких документов по этому поводу не добывал. И только в 2000 году, когда меня об этом попросила сестра Ирина Михайловна, нуждающаяся в льготах от государства, положенных блокадникам, оформил ей и себе свидетельство «Житель блокадного Ленинграда».

И вдруг в январе 2004 года получил письмо от Президента Российской Федерации В. В. Путина, в котором говорилось:

«Уважаемый Игорь Михайлович!

60-я годовщина полного снятия блокады Ленинграда — святой праздник для всех россиян. 900 блокадных дней — это тяжкая боль и великая слава нашего Отечества. Это беспримерный подвиг защитников великого города и всех ленинградцев, чье мужество и стойкость не сломили тяжелейшие жертвы и лишения. Ваш героизм, воля к жизни и вера в Победу заслужили вечную благодарность народа России. Примите мои самые сердечные пожелания — здоровья и благополучия Вам и Вашим близким.

Президент
Российской Федерации *В. В. Путин».*

Вскоре мне вручили еще и медаль, учрежденную государством в связи с этой знаменательной датой.

В канун 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне я получил еще одно, очередное поздравление Президента России В. Путина.

Признаться, во всех случаях я испытал немалое смущение. Ну какое «мужество и стойкость», какой «героизм», какую «волю к жизни и веру в Победу», о которых говорилось в письме президента, мог проявить я, пятилетний мальчишка, волей судеб, а не по собственному выбору оказавшийся под бомбами и снарядами? Как множество других детей, я был лишь жертвой, терпел лишения и боль, голод и холод. Страдал. Это правда. Но это и все, на что я был способен, — страдать.

Однако с годами, по мере того, как тает слой людей, хотя бы страдавших от той страшной войны (уж я не говорю о Воинах и Победителях), во мне все сильнее разгорается чувство протеста... нет! — бешенства против бессовестных и бесстыдных людей, что на Западе, а тем более в России, изо всех сил пытающихся приумалить, принизить роль Советского Союза в победе над фашизмом, украсть нашу — именно **Нашу** Победу. И я понимаю, что должен говорить и за себя, и «за того парня»...

Однажды на мой вопрос «Почему Франция воевала с Гитлером всего 44 дня? Почему Париж был сдан немцам без боя?» — мой собеседник-француз (дело было в Париже совсем недавно) без тени смущения ответил: «Но ведь Париж — это самый красивый город мира! Это достояние мировой культуры! Представьте Париж в руинах...»

Но вот исторический факт: **Президент** Франции Петен Анри Филипп и **Премьер-министр** Франции Пьер Лаваль после войны были приговорены Верховным Судом Республики **к смертной казни за предательство**. За предательство!... Президенту смертную казнь позднее заменили на пожизненное заключение, где он и скончался, а Премьер-министр Лаваль был казнен **как изменник**... Париж-то сохранили. **А честь нации?..**

Тем не менее я встречал людей в России, которые, ссылаясь на «опыт» Парижа, говорят: «Ленинграду надо было сдаться. Это спасло бы сотни тысяч жизней». Нет же! Документы говорят, и я цитировал их: Гитлер предполагал уморить жителей, а Ленинград стереть с лица земли.

Но представим себе невозможное: Ленинград капитулировал. Несомненно, это имело бы катастрофические последствия для исхода Второй мировой войны, а значит, и всего человечества. Париж и Лондон, возможно, носили бы сейчас те же названия, но хозяйничали бы в них не французы и англичане, а немцы; Соединенные Штаты находились бы во внешнем управлении Германии, и страной руководил бы не Президент США, а какой-нибудь гауляйтер. Что тут фантастического? Если бы СССР проиграл войну, все было бы именно так: рука Великой Германской Империи дотянулась бы до США, ибо в ее владении уже была вся Западная, Восточная и Северная Европа, да практически полмира.

Именно под Ленинградом Гитлер расстался с иллюзией «блицкрига». Ему, а главное — всему миру, стало ясно, что «расправиться с Советами за пять-шесть недель» никак не удастся.

Битву за Ленинград (заметьте — не за Москву, не за Сталинград) многие военные историки называют ныне **главным и решающим моментом Великой Отечественной, а значит — всей Второй мировой войны** и последующей истории **всего человечества**.

Большая Победа складывалась из бесконечно малых побед отдельных людей на фронте и в тылу. **Наш Род** внес в нее **свой вклад** ценою трех жизней: моего отца — Ильинского Михаила Федоровича, его брата — Владимира Федоровича и отца моей жены Светланы Петровны — Морозова Петра Андреевича.

Человечество, Родина — среди неисчислимого множества других имен, не забудьте и эти! А вы, живущие и будущие, безвестные мне потомки рода нашего, — **заклинаю! — помните…**

Деревня Петушиха

В Петушихе прошла вторая часть моего детства — с сентября 1942 по август 1948 года — целых шесть лет.

Взрослому человеку — маме, Олегу — из центра советской цивилизации, каким был, несомненно, в советскую пору город Ленинград, вдруг оказаться в диком лесу среди полудиких людей было шоком. Для меня же, шестилетнего, это было великим благом. Никаких перемен к худшему для себя я, думаю, не заметил.

Все было только к лучшему: еды — завались, природа — чудо, и тишина... Ни сирен «Воздушная тревога!», ни взрывов бомб и снарядов, ни мертвецов на улицах.

Деревенька была небольшой, домов пятьдесят с населением (за вычетом ушедших на фронт мужиков) человек на двести, не более: бабы, старики, старухи да дети, которых тоже было совсем немного. На две сотни жителей было практически всего две фамилии: Пономарёвы и Татарниковы. Были еще Нопины, да мы, Ильинские. Может, были и другие, но я их не помню.

Пономарёвские избы стояли по одну сторону, татарниковские — по другую, а между ними пространство шириной метров пятьдесят с дорогой посередине. То, что называлось «дорогой», в жаркую летнюю пору под колесами телег, коровьих и овечьих стад, лошадиных копыт становилось толстенным, сантиметров в тридцать слоем пыли, которая, когда поднимался ветер, засыпáла деревню, проникала в окна и двери, а в весенние и осенние дожди эта пыль превращалась в такой же толщины слой черной грязи, в которой вязли телеги, овцы, гуси и куры, а люди, пытаясь перейти с одной стороны деревни на другую, оставляли в этой жиже свою «обужу».

Пономарёвы были основателями деревни, детьми, внуками и праправнуками пономарёвского рода. Поэтому село имело еще и второе название — Пономарёвка, или еще короче — Пономари. Хотя официально это был колхоз имени тогда еще живого Андрея Андреевича Жданова — секретаря ЦК КПСС и одновременно первого секретаря Ленинградского обкома партии, который вместе с маршалом Г. К. Жуковым организовывал оборону Ленинграда.

Находилась Петушиха посреди сибирской тайги, о которой большинство жителей западно-европейской части России знают меньше, чем об африканских джунглях. Не бывавшим в тайге можно сказать так: тайга столь же непролазна, как и джунгли, только в ней другие деревья и травы, другие птицы и звери — медведи, волки, рыси, змеи и множество другой живности, которая столь же опасна для человека, как тигры, пантеры, шакалы, удавы и прочая зловредная тварь. Но главный «зверь» по имени «мороз» поселяется в тайге зимой. Не знаю, как в нынешние времена, но

в ту пору зимняя температура в 30–40, а то и 45 градусов ниже нуля считалась нормальной, а глубина снега — от полутора и более метров.

Глядя на карту Новосибирской области, и ныне обнаружишь Петушиху в Маслянинском районе, а вокруг нее на расстоянии от 12 до 30 с лишним километров знакомые мне названия деревень: Талица (самая близкая в 12 км), Большой Калтай (15,3 км), Дресвянка (около 20 км), Верхняя Томка (30,6 км), Мамоново (25,5 км), Елбань (более 30 км). До железнодорожной станции Чепаново — 90 км, до Новосибирска по прямой на карте — 201 км.

Для современного человека, представляющего дорогу в виде асфальтированного шоссе, а самого себя — сидящего за рулем автомобиля, в названных мною цифрах ничего удивительного нет. Добавлю к сказанному: между этими населенными пунктами в ту пору не было никаких дорог. Никаких. Даже лесных. В непролазной гуще деревьев, кустов и трав в человеческий рост были тропы, по которым можно было пройти или проехать на лошади. Существовали также прорубленные сквозь тайгу просеки, которые можно было бы сделать дорогами, если выкорчевать пни от спиленных деревьев, пройтись бульдозером по буграм и канавам, но до этого дело не дошло. Поэтому просеки обозначали всего лишь направления в сторону той или иной деревни, по которым можно было двигаться пешком или на телеге, объезжая пни и колдобины, рискуя завалиться в какую-нибудь яму и сломать себе шею. Летом и осенью по этим «дорогам» и тропам шли и ехали часами. Зимой и до стаивания снега весной они становились практически непроходимыми. Жизнь в деревнях замирала.

Как я уже говорил, электричества в Петушихе не было. Жили при керосинке, пока имелся керосин. Когда он заканчивался, долгими зимними вечерами жгли березовую лучину. Радио и телефона тоже не было. Не было врача, санитарки или хотя бы ветеринара. Не было библиотеки. Было сельпо, но всегда на замке, поскольку его прилавки были пусты.

Была школа — длинное одноэтажное бревенчатое сооружение в три связки, в одной половине которого сразу у входа находилась

печь, обогревавшая здание, а за ней — класс, в котором шли занятия. В третьей части этой длиннющей избы жила учительница, ни лица, ни имени которой я, как ни стараюсь, вспомнить не могу. Судя по всему, она была украинка, потому что в тот год, когда я должен был пойти в первый класс, но почему-то не пошел, она чуть занималась со мной на дому, приносила книги исключительно Гоголя и Шевченко то на русском, то на украинском языке. Одни и те же тексты, только один — на русском, другой — на украинском. Зачем? Не знаю. Но я изучал сразу два языка. Русский мне нравился больше, но довольно скоро я почувствовал, что языки эти хоть и близкие, но стихи «Ревэ тай стогнэ Днипр широкый...» и некоторые другие слова перевести на русский с украинского с абсолютной точностью по смыслу и без потерь в окраске невозможно.

Читать я научился поразительно быстро, буквально за несколько месяцев. Поэтому когда на следующий год пришел в школу, где примерно пятнадцать мальчишек и девчонок занимались сразу кто в первом, кто в третьем, а кто в четвертом классах, то чтением мне заниматься было легко. Как наша учительница умудрялась учить всех сразу и разному, для меня и сегодня остается загадкой. Но как потом выяснилось (об этом пойдет речь позже), свою работу она делала хорошо.

В ту пору в школе обязательными были уроки пения. Мы разучивали «Гимн Советского Союза», разные патриотические песни, многие из которых я помню до сих пор.

Шла война, поэтому и пели мы чаще всего про войну.

Пролетают кони шляхом каменистым,
В стремени привстал передовой,
И поэскадронно бойцы-кавалеристы,
Натянув поводья, вылетают в бой.
В бой за Родину, в бой за Сталина!
Боевая честь нам дорога.
Кони сытые бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага.
Ордена недаром нам страна вручила,
Это помнит каждый наш боец.
Мы готовы к бою, товарищ Ворошилов,
Мы готовы к бою, Сталин, наш отец.

Или:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны:
В строю стоят советские танкисты —
Своей великой Родины сыны.
Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Идут машины в яростный поход,
Когда нас в бой ведет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас позовет...

Это — отрывки из двух песен, а мы пели десятки. Все они были в таком же боевом духе, в ритме марша, и когда мы орали их писклявым хором, то звучали они, как нам казалось, грозно. Конечно, разучивали народные и современные песни, особенно Дунаевского. Сколько ж чудесных мелодий и стихов породила война!..

В ту зиму я часто пропускал уроки: у нас в семье на троих были только одни пимы. Они стояли у порога. Их надевала мама, которой надо было управляться с хозяйством. Их обувал я, когда надо было наколоть дров, отгрести снег от дверей и от окна, чтобы выйти во двор, — сугробы в ту зиму в Петушихе были под крышу. Если мама уходила куда-нибудь, то из избы не мог выйти уже никто. Поэтому иногда, набравшись духу, я бежал в школу по лютому морозу в одних носках, а то и босиком. За две-три минуты ноги так коченели, что, когда я, влетев в класс, прислонял их к горячей печке, от них шел пар...

По ночам, особенно зимой, в Петушихе было очень страшно. В деревне не было ни одного ружья. Между тем волки резали овец. Их вой зимними ночами раздавался рядом с нашей избой, самой крайней в селе.

Избушка наша — бревенчатое строение примерно шесть на пять метров, крытое дерном, была убогой: одно оконце, под ним широкая скамья во всю стену, треть избы занимала русская печь, на которой спали я и Ирина. Мама устраивалась на скамейке, Олег, когда был дома, ложился на полу, сквозь щели которого несло холодом и проваливалось едва ли не все, что падало. Посреди пола — крышка в подпол, в котором хранился текущий запас еды. Вход в избу через сени, к которым примыкал коровник

с насестом для кур. Когда Манька отелилась, теленок всю зиму жил вместе с нами. А однажды еще и поросенок Борька.

Как водится всюду, жители деревни были людьми разными.

Пономарёвы — из староверов, сосланных в Сибирь еще в давние царские времена. В бога они, по-моему, не особо веровали, я не помню, чтобы в чьих-то избах были иконы, но унаследовали от предков некоторые обычаи и привычки, в том числе, прямо скажем, не лучшие. Например, скупердяйство. По весне из многих пономарёвских домов вываливали за задворки кучи сгнившей картошки, моркови, свеклы, редьки и других овощей. А зимой у них буквально снегу выпросить было невозможно.

Жили в селе две старушки-знахарки, наверное, сестры, которых все считали колдуньями. Ходили в черных платках. Их боялись: они могли навести порчу на человека, мор на скотину. К ним обращались ворожить, они же были единственными лекарями: приходили к больному, выгоняли всех из избы, шептали разные волшебные слова, клали какую-то траву в ноги или под голову. Иногда назначали пить настой из трав. За работу свою ничего не брали. Вот они были верующими, во всяком случае, крестились и шептали под нос молитвы.

Еще жил в деревне мужик, как я думаю теперь, лет сорока пяти, высокий, приятной внешности, резко выделявшийся из деревенской среды своей одеждой, сшитой когда-то давным-давно из хорошей ткани, хромовыми сапогами с высокими голенищами. Изба его в две связки была, наверное, самая большая в селе и самая ухоженная, крытая крепким тесом. Двор был огорожен высоченным забором или, как говорили деревенские, «заплотом» — доска к доске, даже щелочки нет, чтоб заглянуть вовнутрь. Была у него корова, овцы, гуси, куры. Жил он бобылем, ни с кем не общался, в дом никого ни при каких случаях не впускал. На людях появлялся крайне редко, будто его в деревне и не было вовсе, если б по ночам сквозь щели крепких ставней не пробивался лучик света от керосинки.

Звали мужика Василием Ивановичем, фамилию я никогда и не знал. А еще было у него прозвище «Лал-мотú-не надо». Такая у него была словесная заставка-паразит, которую он вставлял в свою ласковую и тихую речь так часто, что иногда было невоз-

можно долго понять, о чем же он говорит. Например: «Иду я к вам, лал-мотú-не надо, а по пути, лал-мотú-не надо, встречаю Ивана, который, лал-мотú-не надо...» И всё в таком роде.

Все считали, что он свихнулся умом, когда в сталинские годы участвовал в коллективизации — создавал колхозы и раскулачивал в округе богатых крестьян. Дело это было жестокое: ведь у кулаков не просто отбирали их добро, но, как правило, упрятывали в тюрьму, а если сопротивлялись, то и расстреливали. Кем был Василий Иванович в те времена, какая значилась за ним вина, от которой он помешался умом, никто не знал.

Но мне кажется, что был он вполне здоров, а сумасшествие свое изображал. Говорю так потому, что я, наверное, единственный из всей деревни, кто бывал у него дома и с кем он разговаривал. И был его говор и вполне понятен мне, и почти чист от «лал-мотú-не надо».

Когда умер Олег, а мама пошла по миру и никто ей уже ничего не подавал, однажды зимой, ближе к весне, поздней ночью в дверь нашей избы постучали, и вошел Василий Иванович. Он принес хлеба, картошки, молока. Немного. Сказал, чтобы я пришел через неделю.

Я стал наведываться к нему: сначала стучал в окно, он выглядывал, потом шел отпирать калитку.

Василий Иванович подкармливал нас примерно до середины мая.

А в середине мая его убили.

Я помню это страшное утро.

...Было еще рано-рано. Солнце, по-весеннему яркое, только взошло. Заморозки, молодая травка в инее, а я несусь босиком, будто по горящим углям, с крынкой в руках за молоком к Василию Ивановичу: к весне он почему-то перестал давать нам хлеб и картошку, наливал только молока. Бежать было метров семьсот — изба Василия Ивановича стояла на отшибе, около согры.

Подлетел к избе, стукнул в стекло, но в ответ только глухие удары в стену — бум-бум, а Василий Иванович не выглядывает... Постучал раз, два... Смотрю — калитка приоткрыта. Вошел во двор — дверь в избу нараспашку. Странно. Уже со страхом вошел в сени, открыл дверь в избу — и увидел Василия Ивановича: он

лежал на кровати ногами ко мне и судорожно бил ими в стену. А все вокруг — сам он, пол, стены в крови.

Я ахнул от ужаса, выронил крынку и с криком кинулся домой...

Через несколько месяцев все узнали, что убийц поймали, судили. Это были дети расстрелянного отца-кулака, которые, отсидев срок, отомстили Василию Ивановичу. А за что — никто так и не узнал.

Жить в Петушихе было не очень уютно, хотя с годами мы вроде бы стали уже «своими», деревенскими. Беда была в том, что Пономарёвы и Татарниковы недолюбливали друг друга всей массой каждого из родовых сообществ, часто переругивались друг с другом через дорогу, иногда дело и до драк доходило, хотя драться-то особо было некому — все мужики, кто мог воевать, ушли на фронт. Некоторых уже убили. В село приходили похоронки. Все понимали это, когда в какой-нибудь из изб раздавался бабий вой, а затем начинали голосить многие. Если кричали на той стороне деревни, где стояла наша изба, значит, убили кого-то из Татарниковых; если на противоположной, значит, беда у Пономарёвых.

Петушиха жила патриархальной жизнью, советская власть мало что изменила в образе мыслей и жизни людей, населявших деревню.

Многие жители Петушихи дальше соседних деревень никуда не выезжали, не видели даже паровоза. До нашего приезда из Ленинграда деревенские не знали, что такое нижнее белье.

Однажды, когда мы еще жили у Зойки-кривой, мама подарила ей нижнюю рубашку — шелковую, в кружевах. Каково же было удивление Олега, когда придя на «точёк» (место, где по вечерам парни и девушки под гармошку Петьки Татарникова пели частушки и плясали «матанечку»), увидел Зойку в этой ночной рубашке, надетой поверх холщового платья!..

Со временем ленинградские одежды износились и у нас, и мы, так же как деревенские, стали одеваться в холсты. Как и мама, я научился трепать лен, готовить и чесать кудель, прясть на прялке грубые и тонкие нитки, крутя правой рукой веретено. Умел ткать льняное полотно на ткацком станке, который кто-то из деревенских одалживал нам.

Цепляясь за гриву, я мог ездить верхом на лошади, завести ее в телегу и запрячь — надеть узду и хомут, затянуть супонь, взнуздать, закрепить оглобли; умел возить волокуши на быке, косить, ворошить и сгребать сено, подавать его вилами наверх стога и вершить его; копать огород, сажать картошку, собирать ее и другие овощи, готовить (протапливать) яму под овощи так, чтобы зимой они не погнили; выбирать в лесу нужные для топки деревья и в одиночку топором валить их, пилить и колоть чурки на поленья...

Как и все летом, мы стали ходить в основном босиком или в лаптях с холщовыми портянками и веревочными подвязками, осенью и весной — в галошах с более толстой подверткой, а зимой — в пимах. Чтобы дольше носились, я научился обтягивать носок и задник пимов кожей, а подошву, когда она продырявливалась, подшивал дратвой из голяшек старых пимов. Умел готовить вар, прясть нить дратвы, смолить ее, вырезать задники и подошву, подшивать пимы с помощью прямого и кривого шила.

Умел также изготавливать «серянки» (самодельные спички), сохранять в печи уголек на всю ночь до утра так, чтобы при этом не угореть; добывать огонь с помощью кресала и трута; определять время по солнцу, погоду — по приметам (полету и поведению птиц, закату солнца, туману и росе на траве); ориентироваться в лесу днем — по солнцу, а ночью — по звездам, наростам на деревьях... Многому меня научили деревенские мальчишки, многое я постиг своим горьким опытом. Несколько раз я подолгу блуждал в лесу, однажды — почти двое суток... Без пищи.

Я был, как тот самый «мужичок с ноготок», о котором писал Некрасов:

— Откуда дровишки?
— Из лесу, вестимо:
Отец, слышишь, рубит,
А я отвожу...

Только мой отец был на фронте, я был и за лесоруба, и за лошадь — возил дрова на санях сам. И сено тоже. Иногда забывался сделать работу в нужное время (ребенок все-таки!), и тогда приходилось уходить в лес — за дровами или за сеном — в поле

к вечеру, заведомо зная, что возвращаться придется затемно. И еще до выхода становилось страшновато: один, зимой, ночью, средь деревьев до небес, а откуда-то что-то как треснет, а кто-то как гукнет... Озноб по коже, орать от страха хочется, а выхода нет — надо тянуть сани, хоть ты сдохни.

Ни о каком сознательном «трудолюбии» в том возрасте, конечно, и речи быть не могло. Мама давала мне задания по дому, а я, как мог, выполнял их. Вряд ли — с удовольствием. Более того, помню множество случаев, когда я ревмя ревел от усталости и нежелания то вскапывать огород, то идти в лес по дрова, то колоть их и складывать в поленницу, то убирать навоз из коровника...

Помню, как однажды мама велела мне разжечь во дворе печку и поставить чугунок с картошкой, а сама куда-то ушла, сказав, что вот-вот ненадолго должен прийти с поля Олег.

Была уборочная пора. Олег пришел весь в замасленной одежде, в пыли, усталый, голодный и злой. А печка еще не затоплена, а картошка даже не намыта.

Олег, по-моему, впервые дал мне такую затрещину, что я улетел в куст крапивы. И ушел. Как ругала меня мама!.. Ведь Олег появлялся дома только изредка, жил на культстане.

Помню еще, как мы с мамой ходили в Дресвянку, что находится в двадцати километрах от Петушихи, за семенной картошкой...

Мама моя была небольшого росточка, сухонькая, а мне еще не исполнилось двенадцати... Сколько мы купили картошки? Может, пуда три, больше нам было не унести, а меньше брать не имело смысла — надо было засадить огород хотя бы глазка́ми.

Обратный путь, когда я тащил на своей шее мешок весом килограммов под двадцать и столько же, т. е. около двадцати километров, я запомнил на всю жизнь. Сначала было вроде ничего, но через пару километров мы уже еле плелись. Разделенный по весу на две равные части мешок болтался у меня на груди слева и справа, бросал в разные стороны. Чуть оступившись, мы падали. Лежали, отдыхали. Вставали, шли. Падали. Плакали. Вставали и шли...

Я оставался ребенком, мне хотелось играть, и мы, все деревенские дети, конечно же, как могли, так и играли, только игры наши,

когда смотришь на них теперь из далекой дали, были какими-то совсем необычными для детского возраста, в них присутствовало, как и во всей деревенской жизни, что-то первобытное, полудикарское, естественно-природное.

По весне, когда птицы начинали откладывать и выпаривать яйца, мы ходили разорять их гнезда. Собирались целыми ватагами, человек по пять-семь, а то и больше, и с шумом и гамом шли «зори́ть дристу́шек» — так называли мы дроздов, которых в лесу было видимо-невидимо.

Трогательную песню со словами «Вы слыхали, как поют дрозды...» я услышал уже совсем взрослым. Сказать про дроздов, что они «поют» да еще сказать с восторгом, — это, конечно, слишком... Дрозды кричат, верещат, трещат. Могут подражать другим птицам и животным, их можно даже научить выговаривать слова, если дрессировать. Но петь?!

Когда входишь в зону, где расположены их гнезда, дрозды отчаянно орут — зовут на помощь своих собратьев со всех концов леса, которые слетаются многими десятками, а то и сотнями. И наконец, когда ты лезешь по дереву к гнезду, начинается такой многоголосый ор, такой треск и грохот, такая какофония, что звенит в ушах и становится тошно... И в то же самое время дрозды, словно бомбардировщики, один за другим и целой тучей с разных сторон пикируют на тебя и, взмывая вверх, обдают струей помета. Вот за это мы и называли дроздов «дристу́шками». И естественно, не любили, «зори́ли» их гнезда.

Зачем мы это делали? Их яйца нам были не нужны, мы их разбивали. Просто была такая детская забава. Наступал весенний период, когда все знали, что надо идти зорить птиц, и не только дроздов. Такое вот почти ритуальное занятие, такая вот своего рода языческая детская игра.

Мы возвращались из леса с ног до головы в птичьем помете, но довольные собой, словно победители.

В тех местах, где мы жили, водится хищная царь-птица коршун — своего рода сибирский орел, только крылья у коршуна на концах, будто отрубленные под прямым углом и перья торчат стрелами. Огромный, одинокий коршун, выискивая добычу, может часами парить в небе высоко-высоко, а выбрав жертву, кам-

нем падает к земле, хватает ее своими мощными лапами, убивает острым клювом, а иногда, тяжело набирая высоту, добивает уже в воздухе.

Я любил наблюдать за тем, как коршун в воздушных потоках, не двигая крыльями, будто подвешенный на невидимой нити, то плавно опускается вниз, то взмывает ввысь, чуть ворочая головой вправо-влево, как летит на жертву черным комом вниз. Плохо было то, что коршун воровал наших и соседских кур, которые поднимали дикий переполох и неслись в лопухи или под навес, когда петух замечал хищника, но спрятаться удавалось не всем и не всегда.

Определив направление, куда улетал коршун с добычей, я решил разыскать его гнездо. И нашел.

Коршун свил гнездо на высокой, метров пятнадцать-двадцать, сосне, вершина которой почему-то обломилась. На дереве почти не было коры и сучков, только у самого верха. Когда-то в этом месте был пожар, поэтому вокруг торчали сухие стволы и пни, а новые деревья только начинали подрастать. Свой «дом» коршун видел отовсюду.

Гнездо показалось мне пустым, а коршуна в небе я не видел. Я полез наверх, хотя зацепиться было не за что. Но я был жилистым, умел забираться и по голым стволам... Когда же я почти достиг цели, в небе появился коршун, а из гнезда высунулся птенец.

И тут началось... Коршун бросил свою добычу и с клекотом налетел на меня, целя клювом в голову. Обдирая себе живот, я в панике стал... не сползать, нет, а практически падать вниз, защищаясь то левой, то правой рукой от взбесившейся птицы. Отлетев на несколько метров, коршун атаковывал меня вновь и вновь, пока я, наконец, не оказался на земле. Как я не сорвался с этой высоты, не пойму. Падение могло быть смертельным.

Домой я вернулся весь в крови, с ободранным животом, с шишками и глубокими ссадинами на голове, на руках и спине. Это был бой, который я проиграл вчистую.

А коршун продолжал таскать кур, налетал на уток и даже гусей.

С детства полюбил ласточек, скворцов и журавлей. Летом их было так много вокруг, что я относился к ним как к домашней птице — курам и уткам.

Ласточки вили по нескольку гнезд в коровнике и под стрешниной нашей избы. В деревне существовало поверье, что ласточка — священная птица, приносящая счастье. В коровнике гнезда ласточек находились так низко, что иногда я брал сидевшую на яйцах ласточку в руки, рассматривал ее, сизокрылую, красногрудую, ласкал, а потом усаживал обратно в гнездо и, бывало, что она даже не улетала или, чуть перепугавшись, тут же как ни в чем не бывало возвращалась.

Журавли жили в согре, километрах в двух от нашего дома, но частенько прилетали на опушку леса рядом с нашей избой, которая, как я говорил, была самой крайней в деревне. Зачем они прилетали? Ведь основной их корм — лягушки, и прочая живность такого рода водилась в согре. Здесь же, на опушке, рос малинник. Может, у птиц есть свое представление о десерте, и они лакомились свежей ягодой? Или им хотелось просто погулять в чистых лугах?

Я же, чтобы наблюдать журавлей поближе, осторожно пробирался в малинник, бревно-бревном замирал, лежа на животе, и рассматривал этих величественных птиц с расстояния трех-четырех метров.

Несколько раз я пытался поймать журавля. Мне казалось, что сделать это очень просто: ведь тяжелому журавлю, чтобы взлететь, надо разбежаться. Но ничего не выходило, хотя я был быстроногим. Однажды получилось: я схватил журавля за лапу, потом прижал оба его крыла, принес домой и привязал за лапу на длинной веревке к плетню.

Пока мамы не было, я наблюдал, как, пытаясь взлететь, птица отчаянно трепыхается, треплет клювом веревку. Но тут пришла мама, дала мне подзатыльник, что случалось редко, и я отпустил птицу на волю.

Зачем я поймал журавля? Может от любви и в надежде, что он станет жить с нами?..

Журавлей в таежных болотах было много. И когда осенью наступало время отлета, когда птицы сбивались в стаи, мы слышали журавлиные крики с разных сторон, а потом видели в небе не один, а сразу несколько курлыкающих клиньев, уходивших куда-то в неведомые дали, и такая тоска западала в душу...

Но были птицы, которые по весне и летом буквально окружали нашу избу, — это скворцы. И происходило это потому, что я обвешивал скворечниками все деревья рядом с домом и саму избу — по двадцать, а то и более.

Каждый март, когда устанавливался наст, я брал сани, пилу, топор и отправлялся в лес искать деревья (обычно это были трухлявые осины), в которых дятлы в поисках червяков выдалбливали большие углубления. В этих дуплах потом жили совы или белки, а по весне селились птицы.

Найдя дерево с дуплом, я валил его, выпиливал нужную мне часть и привозил домой. Дальше все было совсем просто: углубить дупло, сверху приколотить крышу, снизу — прикрыть дощечкой днище, сделать насест перед самой дыркой в дупло. Гнездо скворцы очень быстро сооружали сами.

И вот по утрам и вечерам наступал момент, когда, усевшись у своих домиков, скворцы начинали концерт. У них, конечно же, не было дирижера, и это не был ладный хор. Каждая птица пела о чем-то своем и по-своему, но это было так интересно! Кроме того, что скворцы отличные певцы, они еще и прекрасные подражатели. Мяукают, как кошки, лают, как собаки, блеют по-овечьи...

С детства я люблю насвистывать. Иногда предлагал им какую-нибудь мелодию и слышал в ответ что-то очень похожее...

Одной из наших любимых игр была стрельба из лука... Находишь хороший, достаточно толстый, но гибкий тальник, делаешь тетиву из прочной льняной дратвы, нарезаешь камышовых стеблей, изготавливаешь из консервных банок наконечники, затачиваешь их, натягиваешь плотно на камышину, и — стрела готова. Легкая, быстрая, точная, если камышина прямая, да стрелять умеешь.

Соревнование состояло в том, кто стрельнет выше или дальше. Стреляли также в цель.

Как-то раз я придумал пойти на охоту и убить глухаря, чтобы добыть мяса. Как убить? Из лука. Как это делают дикари.

Повадки глухарей мы знали хорошо. Нашел глухариное токовище, изготовил скрадок, залег до того, как птицы прилетели, и когда они стали токовать, подкрался поближе и выстрелил. Когда глухарь упал, остальные замолчали, но через некоторое

время танцы продолжились. Когда я подстрелил второго глухаря, стая всполошилась и улетела.

...С детства нам что-нибудь врезается в память такое, что потом остается на всю жизнь образом Родины. Конечно, потом этот образ расширяется, обогащается, но детские впечатления — самые острые и сильные. И для меня таким потрясением стала Петушиха — дикая, глухая и убогая деревенька в богом забытом сибирском краю.

Если Прекрасное есть манифестация сокровенных законов Природы, то наблюдать их действие надобно в самом раннем возрасте, когда краски ошеломляют, а запахи опьяняют, западая в душу человека на всю его жизнь.

Так случилось со мной. В Петушихе я увидел и почувствовал Прекрасное во всей его девственности, обнаженности и очаровании, и мне казалось порой, будто я соучаствую в его творении...

Здесь я научился слушать, чувствовать, понимать и любить Природу в ее великой первозданности.

В разное время года я мог часами наблюдать за восходом и закатом солнца, нарождением месяца, вглядываться в бездонное небо, следить за игрой туч, находя это занятие очень интересным: всегда голубые, в разное время небеса голубые по-разному. Иногда, глядя подолгу в беспредельную высь, мне казалось, что я соединяюсь с целым мирозданием. Моя нынешняя чувствительная душа — это роковой дар небес, который я обрел в те детские годы...

А золотые, в ребячий рост, пшеничные и ржаные поля, зеленые луга, очаровательные опушки леса и косогоры... А голубые волны моря цветущего льна... А таинственное и грозное молчание тайги...

Здесь, в Петушихе, в раннем детстве, живя в нищете, постиг я истину, что бедность — не грех, но быть бедным — тяжело и стыдно, ибо бедность унижает.

Здесь же родилось во мне презрение к сытым скупердяям.

Здесь привык я довольствоваться малым, жить в скромности, без излишеств.

Здесь понял, что такое труд, научился работать без устали до седьмого пота.

Здесь, в Петушихе, осознал, что если хочешь выжить — надейся только на себя; но здесь же приобрел привычку думать и отвечать за других.

Здесь, в Петушихе, зародилась моя любовь к чтению, к знаниям, к русскому языку, к пению.

Когда я думаю сейчас о том, почему я так безумно люблю Русь и русских, то нахожу, что это неискоренимое в моей душе чувство дала мне Петушиха.

Как ни странно покажется это прочитавшему то, что я написал выше об этой деревне и живших в ней людях.

Улица Нарымская

Встреча с городом Новосибирском состоялась у нас во второй половине октября 1948 года на главном вокзале, куда мы прибыли из Петушихи, со станции Черепаново. Огромный, с высоченными до туч потолками, весь в бело-зеленой лепнине, вокзал был невероятно красив, выглядел, как дворец, и произвел на нас ошеломляющее впечатление. Тысячи людей неслись с чемоданами в разные стороны, толкались, кричали, ругались и были похожи на огромную стаю галок или ворон, когда они сотнями собираются по осени в одном месте и все почему-то каркают изо всех сил, стараясь перекричать друг друга. Вот и тут — ну чего они так орали?.. Да к тому же на путях то и дело, пуская по сторонам клубы горячего белого пара, гудели паровозы.

Мы с Ириной помогали нести маме какие-то узлы с деревенским скарбом и жались к ней, с испугом оглядываясь по сторонам.

Мама купила у лотошницы нам и себе по большой белой булке, разрезанной пополам, а внутри — масло и большие слипшиеся красные крупинки, как потом нам сказала мама,— икра. Я свою сайку (так называлась эта булка) съел, а Ирине соленые крупинки не понравились, и она сбросила их на пол.

Помню, как ударил мне резко в нос уже знакомый по Финляндскому вокзалу запах сгоревшего каменного угля. Вокзал-красавец был насквозь пропитан этим паровозным запахом.

Мамин брат, Матвей Иванович, уступив нам свою комнатенку на улице Нарымской, дом 71, съехал куда-то в другое место. Нам досталось малюсенькое помещение, в которое были втиснуты железная кровать, крохотный столик у окна и табуретка.

В доме были еще две комнаты, обе большие, в одной из которых жила хозяйка — Глафира Ивановна, запечатленная на одной из

фотографий этой книги вместе с мамой, а другую комнату снимал дядя Юра — высокий симпатичный молодой человек, юрист. Это он на другой фотографии положил свою руку на плечо моей сестренки Ирины, а рядом еще одна девочка — Лиля.

Глафира Ивановна и Юрий были очень добры к нам. Но за комнатенку свою мы должны были тем не менее платить. Матвей Иванович сам еле-еле сводил концы с концами и поддержать нас особо не мог. Мама кинулась искать хоть какую-нибудь работу и стала устраивать меня в школу, что оказалось делом совсем не простым: учебный год был в разгаре, ближайшая школа № 41 была переполнена, директор не хотел меня принимать, тем более что у меня не было никаких документов из Петушихинской школы. Но в конце концов все утряслось.

Сохранился уникальный семейный документ: «Личное дело ученика мужской средней школы № 57 Дзержинского района г. Новосибирска Ильинского Игоря Михайловича» с моими табелями об успеваемости, характеристиками за четвертый, пятый, шестой и седьмой класс, но главное — с моим заявлением о принятии в школу № 41. Заявление написано, видимо, маминой рукой, но подпись — моя.

Директору школы № 41
от уч-ка Ильинского Игоря
прож. по ул. Нарымская, 71

Заявление

Прошу принять меня в школу в 4 класс. С 1 сентября по 15 октября я учился в 4 классе в сельской школе в дер. Пономари.

Прилагаю справку о том, что я учился в 4 классе.

23/XI-48 г. *Ильинский*

Резолюция: «Принять в 4 „А“ класс».

Тут и пришло время с благодарностью вспомнить петушихинскую учительницу, которая в совершенно необустроенных условиях учила нас все-таки хорошо. Об этом свидетельствует характеристика, написанная после окончания 4-го класса 41-й школы.

В те времена по итогам года характеристику составляли на каждого ученика.

«Характеристика
на ученика 4-го класса „А“ Ильинского И.

Игорь в 4-й класс прибыл в конце 2-й четверти без документов. Приехал он из сельской местности. В мой класс он был посажен на испытание, т. к. успеваемость его была известна только со слов. В первые же дни учебы он проявил себя грамотным и вполне успевающим. Таким образом, учебный год он закончил хорошо, а экзамены выдержал на „4“ и „5“. Домашние условия плохие, материально обеспечены плохо. Отец погиб на фронте, мать не работает.

Классный руководитель — подпись».

Имени и фамилии своей классной руководительницы я не запомнил.

Школа № 41 считалась одной из лучших в Новосибирске, но ничего особенного об учебе в ней в моей памяти не отложилось.

Важнейшим открытием моей жизни на улице Нарымской была сама улица во всем могуществе ее воздействия на детскую жизнь.

Застроенная деревянными одноэтажными домами, только крытыми железом или тесом, улица Нарымская была вполне схожа с петушихинскими избами и в этом смысле меня ничем не удивила. Сибирские города, как и большинство российских, только в центре, благодаря каменным застройкам, выглядят городами, а чуть в сторону от центральной улицы — и ты уже в деревне: деревянные избы, огороды...

Особенность улицы Нарымской была в том, что она прямо перпендикулярно выходила на улицу Челюскинцев, одну из самых значительных в городе — по ней по кольцевой от Оперного театра к вокзалу ходил трамвай. Но и пешком от нашего дома до вокзала было недалеко, ходьбы минут пятнадцать-двадцать.

Близость к вокзалу — вроде бы и хорошо: вокзал — это бурление жизни, средоточие лавок и магазинов. Но во все времена именно на вокзалах промышляет лихой народ. А сорок восьмой год — время послевоенное. Весь Новосибирск в ту пору представ-

лял собой один сплошной вокзал: тут тебе герои войны и труда, еще хмельные от Победы, вместе с их семьями и родственниками, готовые броситься в любую новую бучу, куда позовут их Сталин и партия; тут тебе тысячи горюющих вдов, безруких и безногих калек на каждом углу и в каждом трамвае, подыхающих с голоду и не знающих, чем и зачем жить дальше; ну и тут же, конечно, разный разбойный люд — ворье и бандюги большого и малого калибра, всяческая шпана — «щипачи», блатные и приблатненные.

«Для кого война, а для кого мать родна», — говорят в народе. Людей такого рода в стране и, естественно, в Новосибирске в те годы, хоть на самом «верху», хоть на «дне» было вдоволь. «Черная кошка» в знаменитом фильме С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли — это не режиссерская выдумка. Росписи и рисунки «черной кошки» я видел на стенах домов и заборах Новосибирска своими глазами, и помню, как по городу ползли слухи об ужасных убийствах и грабежах банды с таким названием.

Близость улицы Нарымской к Центральному вокзалу означала, что она фактически находилась в его зоне. И хотя грабить тут было некого — одна голь перекатная, да к тому же по другую сторону квартала Нарымской, где стоял наш дом, находился Сиблаг с вышками по углам и автоматчиками на них, воровской дух и блатная атмосфера на Нарымской чувствовались во всем. В поведении детей и подростков тоже. Понял это я буквально через несколько дней после приезда из Петушихи.

Два-три дня мама не позволяла нам с Ириной выходить из дома: надо было освоиться, обжиться. Поэтому мы наблюдали за жизнью на улице из окна.

Прямо перед нашим домом стоял высоченный метров в пять-шесть забор Сиблага с колючей проволокой, в котором, как объяснила нам Глафира Ивановна, отбывают наказание всякие преступники и враги советской власти. По улице проезжали машины, проходили люди. Совсем нечасто — наш квартал был тупиковым. Зато слева и вдалеке от дома, так, что из окна ничего не было видно, днем слышались детские голоса и выкрики.

Наконец я решился выйти на улицу. Но сначала приоткрыл калитку, глянул в щелку: что это там такое происходит? Увидел:

мальчишки бегают взад-вперед, туда-сюда, гоняют какой-то большой шар, кричат, гвалт стоит такой, будто драка...

Вышел, встал, прислонившись к деревянному электрическому столбу невдалеке от бегавших.

Вдруг беготня прекратилась, ко мне подошел один из мальчишек, весь мокрый от пота.

— Ты кто? — спросил.

— Я?.. Из Маслянино... — растерянно протянул я.

Почему я ответил именно так: «из Маслянино»? Не знаю. Можно ведь было сказать: «Я из Петушихи». Но это, наверное, было бы совсем обидно — ну кто знает, где такая деревушка? «А вот Маслянино, может, думал я, — это же райцентр, это ж всем известно!..»

— Понятно! Маслянин будешь!.. А я Фикса...

— Точно — Маслянин! — гоготнул кто-то еще.

Тут уж все загалдели: «Маслянин, Маслянин...»

— Все, перерыв закончился! — крикнул Фикса. — Будешь играть за нас, Маслянин, у нас одного не хватает. Вот этот, этот и этот — наши. И ты... И я...

И все снова стали носиться как угорелые, орать, пинать мяч, не подозревая, что двенадцатилетний мальчишка с только что присвоенной и надолго прилепившейся к нему кличкой «Маслянин», то есть я, впервые в своей жизни видел игру под названием «футбол», что он не знает никаких ее правил... Постояв некоторое время в растерянности, я начал тоже бегать, толкать «наших» и «ненаших», пытался колотить по мячу, но чаще попадал по ногам то «чужих», то «своих».

Это продолжалось совсем недолго. После того как я ударил по ноге самому Фиксе, а мяч при этом вкатился между двумя кирпичами, которые означали «наши» ворота, Фикса немножко поорал, постонал, потом встал, подошел ко мне, грязно выругался и двинул мне в скулу. Я чуть не упал, но устоял. И тут же залепил Фиксе по уху. Тот рухнул. Я отскочил назад.

Стало тихо-тихо. Только слышно было, как лает собака в Сиблаге.

Фикса поднялся, потрогал левое ухо, потом полез в карман, достал оттуда что-то блеснувшее в его руке, как-то по-особому, враз-

валочку, пошел на меня, бешено вращая глазами и шипя: «У-у, па́дла, распишу́ щас, всю рожу распишу!..»

Что означали его слова «падла», «распишу», я не знал, но понял, что на меня нападают и надо защищаться. Я ударил Фиксу в то же ухо с тем же результатом, схватил какую-то палку и закричал: «Подойдешь, башку расколю».

Драться я умел и научился этому в Петушихе, где была и такая «игра» — ходить то зимой, то весной стенка на стенку. Просто так, без злобы, а ради забавы, от нечего делать. Про боксерские приемы мы ничего не ведали, били по-русски — кулаком по голове, лучше — в ухо. Я бил не размашисто, но — резко...

Еще была такая «игра» — драка на батогах, т. е. на палках. Палки определенной длины и толщины мы изготавливали сами, привязывали к ним ремешки, которые надевали на правую руку, чтоб при ударе не потерять палку. Потом дрались: иногда один на один, когда остальные были зрителями, а иногда разделялись на группы и мутузили друг друга, загодя договариваясь бить не изо всех сил, ну а там уж как получалось...

Никто из взрослых в Петушихе нас этим «забавам» не обучал, но на то и существуют традиции, чтобы приходить в нашу жизнь как бы из ниоткуда...

Обо всем этом Фикса не знал, но понял, что голыми руками меня не возьмешь. С этого момента мы стали врагами...

Улица Нарымская подарила мне друга, за что я благодарен ей.

Через несколько дней к нам домой пришел мальчишка, который в тот день, когда я подрался с Фиксой, играл за «чужих», — Юрка Борисов. Он рассказал, что Фикса — приблатненный, шестерит у кого-то, а Фиксой его зовут потому, что он выдернул один передний зуб и вставил стальной — фиксу. Так заведено у блатных. Рассказал также историю своих отношений с Фиксой и его дружками, которых тот запугал, и теперь вся эта «отанда» его боится. Над Юркой они издеваются за то, что его мать — еврейка...

Для меня все, что рассказывал Юрка, было диковинно. Я не знал, что такое «блатные», с какой стати над Юркой можно издеваться потому, что его мать еврейка. По-моему, я к тому времени о евреях вообще ничего не слышал. В Петушихе воробьев

звали «жидами», но никто из детей смысла этого слова не понимал.

Лицом Юрка походил на своего русского отца, его полуеврейство выдавал лишь нос — вполне правильной формы, но какой-то и в самом деле не очень русский. Фикса и его «отанда» говорили, что у Юрки не нос, а «шнобель», а самого его называли не иначе, как «Жи́да», периодически для острастки несильно поколачивали, заставляя приносить из дома то еду, то деньги или какие-нибудь вещи.

Юрка сказал мне: «Давай дружить». Я согласился. Это был мой второй друг детства: первый — Илюша Нопин — остался в Петушихе...

Я стал бывать у Юрки Борисова. Его семья на соседней улице имела свой дом, в котором было так тепло, сытно и уютно, как еще нигде не бывало в моей жизни. Мама у Юрки работала в столовой, была красивая, добрая, ласкала меня, кормила. Своим детским умишком я пытался и никак не мог взять в толк, какая разница между тетей Розой-еврейкой и моей мамой? Или другими матерями и даже отцами, если они хорошие, добрые люди?

Совершенно изумительным было то, что в Юркином доме имелся патефон и горы пластинок с записями самых знаменитых арий из опер и оперетт, романсов, народных и советских песен. Я впервые видел это чудо — патефон! Слышал настоящую музыку, а не гармошку, на которой в Петушихе играл и пел матерщинные частушки Петька Татарников.

Мы заучивали арии и пели их, хотя у Юрки не было совсем слуха. Юркин дом стал моей музыкальной школой. Хотя стоит сказать, что в те годы жизнь советских людей с утра до ночи была наполнена беспрерывными маршами и красивыми песнями.

В шесть утра в черном репродукторе, который висел на стене нашей комнатушки, звучал Гимн Советского Союза, и это значило — страна встает к работе. Вот отгремела утренняя физзарядка. Вот звучат ненадоедаемые слова:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город —
Сердце Родины моей.
Кипучая, могучая,
Никем непобедимая,
Страна моя, земля моя,
Ты самая любимая.

Этих песен были десятки, все они были бодрые, взывали к подвигу.

На душе становилось радостно и знобко, аж мурашки по коже...

С Юрой Борисовым судьба нас вскоре разбросала, мы переписывались совсем редко, а потом и совсем перестали.

Однажды через много лет, когда я уже работал в ЦК комсомола, мне пришло письмо от Юркиной матери, в котором сообщалось, что с Юркой случилась беда. Уже окончив институт и будучи офицером (лейтенантом), Юрка почему-то был призван в армию, служил где-то на «точке» на Дальнем Востоке, в тайге. Оказалось, что Юркин старший командир — юдофоб, ненавистник евреев, все время унижал Юрку. А тот, я знаю, был очень вспыльчивым, соответственно отвечал ему резко. Отношения между этим юдофобом и Юркой были враждебными.

И вот однажды на «точку» к Юрке на три дня прилетела его жена. Какая радость! Но комроты — юдофоб в первый же день поставил Юрку на боевое дежурство, а на следующий придумал еще что-то, кажется, отправил в наряд. Юрка был в бешенстве.

А тут к нему на пост является комроты и начинает выкобениваться, нести что-то вроде: «Ну, как служба? А жена у тебя не такая уж недотрога...»

Юрка взбеленился, сказал что-то очень злое. Комроты завелся: «Ах ты, жид проклятый, ты еще запузыриваться будешь!.. Так вот...»

Договорить фразу он не успел. Юрка схватил автомат, и весь рожок всадил в комроты.

Юрку арестовали, отдали под суд. И в первой же инстанции приговорили к расстрелу.

Мать Юрки, Роза Иосифовна, просила меня в письме помочь. Ей, наверное, казалось, что если я работаю в ЦК комсомола, то все

могу... Я и делал все, что только мог: кому только не звонил, не писал, с кем только не встречался. Без толку.

К тому же общая ситуация была не в пользу Юрки: в Дальневосточном округе за ряд лет подобных случаев было уже несколько, но их спускали на тормозах, т. е. виновных судили, но не расстреливали. А тут кто-то «на верху» дал указание: устроить показательный суд с применением «В. М. Н.» — высшей меры наказания, т. е. расстрела.

И хоть решение было обжаловано, дело тянулось недолго: Юрку расстреляли...

И все-таки самое большое событие тех лет моей жизни на улице Нарымской — это открытие юношеской библиотеки им. А. П. Чехова на углу улицы Челюскинцев, ведущей к вокзалу, и улицы Нарымской, где мы жили. Ходьбы от нашего дома до библиотеки — минут десять.

Теперь я понимаю, что библиотека была небольшой, районного масштаба, но я никогда до этого не видывал столько книг сразу и потому, придя в библиотеку в первый раз, попросил разрешения походить между стеллажами. Мне позволили.

Я медленно брел по проходам, крутил головой налево-направо, заворожено смотрел на корешки, шевеля губами, читал фамилии писателей, радовался, встречая известные, и удивлялся, что большинства имен я не знал; трогал книги с трепетом и нежностью, будто это были живые создания. И сказал себе, что теперь я буду ходить сюда каждый день: на дом книги не выдавали, пользоваться ими можно было только в читальном зале.

И стал самым заядлым читальщиком.

В течение нескольких месяцев я знал только три основных места, где проводил свое время: дом, школа, затем библиотека до последней минуты ее закрытия.

Меня зачислили в разряд самых преданных активистов библиотеки: я помогал ее работницам делать все что угодно: протирал полки и книги, что-то подклеивал, подшивал, читал стихи, пел военные песни на концертах, которые библиотека устраивала для детей и их родителей. Первой из песен, помню, была «Летят перелетные птицы...».

Мне стали давать книги на дом. Это было такое счастье!.. Я читал на уроках, а после школы вместо выполнения домашних заданий опять погружался в мир героев все новых и новых книг.

Деревенская впечатлительность сыграла со мной и добрую, и злую шутку одновременно: я так глубоко сживался с книжными героями, что почти буквально исчезал из реального мира: не замечал, как ко мне подходила учительница, если я в это время читал книгу, опустив ее под крышку парты, не слышал, как меня окликает мама.

Читал я книги залпом, запоем, забывая про все на свете, в том числе про еду и сон. Когда мама и Ирина засыпали, я находил ночью в доме какое-нибудь укромное место, брал керосиновую лампу, накрывался одеялом и читал.

Дочитался до того, что переутомился — стал иногда разговаривать сам с собой, веки глаз моих стали красными. Мама отвела меня к доктору, и тот наказал ей строго-настрого следить за моим чтением, иначе можно и с ума свихнуться. Да и рановато, перечитав всю детскую прозу и поэзию, я погрузился в мир взрослых страстей: Бальзак, Золя, Мопассан, Куприн...

Чтение художественной литературы было моим многолетним увлечением и длилось до тех пор, пока я не поступил в строительный техникум и не начал изучать естественнонаучные и специальные технические науки, заниматься спортом. Любовь же к художественному слову окончательно закрепилась во мне навсегда именно там, в чеховской библиотеке.

На улице Нарымской, благодаря юркиному патефону и репродуктору в нашей комнатке, из которой неслись мелодии и песни одна другой краше, в душу мою навсегда вошла Высокая Музыка.

На улице Нарымской я познал магию Слова и, если б снова выбирать жизненный путь, наверное, посвятил бы себя служению этому Волшебнику. А может, все же Музыке. Ах, если бы да кабы... Но жизнь ставила мне жесткие ограничения...

На Нарымской мы жили около двух лет, но уже тогда мама нашла работу истопника-уборщицы далеко от дома, в рабочем общежитии авиационного завода им. Чкалова. Общежитие располагалось в другом районе города, Дзержинском, по адресу Объект № 9, дом № 6.

Добираться до работы маме приходилось долго — сначала пешком, потом на трамвае и опять пешком около трех километров. Вставала она рано-рано и, едва успев накормить нас с Ириной и отправить в школу, неслась на работу. Приезжала еле живая от усталости.

Однажды она пришла радостная: профком завода выделил ей путевку в пионерский лагерь им. Чкалова для ее сына, т. е. для меня, да еще сразу на три сезона, на все лето! Мама радовалась, а я понятия не имел, что это такое — пионерский лагерь. Да, в пионеры в школе меня приняли; да, красный галстук (шелковый!) я каждое утро наглаживал и носил с удовольствием. Проходили пионерские сборы и собрания, на которых говорились всякие речи, а то кого-то ругали... Что же — теперь целое лето будем ругаться?..

Ах, какое ж это было чудо — пионерский лагерь! В сосновом бору, на крутом берегу могучей сибирской реки Оби, посреди вековых сосен за простеньким деревянным забором располагался целый городок домиков из щитовых панелей, в которых все было просто и скромно, но все так чистенько и аккуратненько, все так необычно пахло смесью свежевыкрашенных стен и влажных простыней, которыми были заправлены ряды кроватей с шерстяными одеялами, что с первых же минут присутствия здесь я день за днем жил в ожидании чудес.

А чудесным было все, буквально все!

Ты спишь так сладко и глубоко... Вдруг — горн: «Подъем! На зарядку — становись!..»

В трусах, по пояс голые — к рукомойникам! Воздух — холодный, вода — ледяная, а ты плещешь ею себе в лицо, на грудь, так что она затекает в трусы; все вопят от холода и восторга, растираются докрасна...

Потом — завтрак в огромной столовой. Еда немудреная, но можешь есть до отвала, от пуза. Приезжаешь в лагерь — взвешивают. Уезжаешь — взвешивают. Поправился — значит, хорошо отдохнул.

Чудесным было то, что в лагере было множество разных кружков, в которых едва ли не все из 700 разновозрастных детей могли найти себе заделье по душе.

Я разрывался на несколько частей: учился играть в шахматы и освоил их быстро; ходил в драмкружок, кружок сольного пения и тренировался — бегал, прыгал, метал гранату. Вдобавок ко всему во втором сезоне меня избрали председателем совета 1-го отряда.

Вот это была жизнь! С утра до вечера — как белка в колесе, но все — новое, все такое интересное! И люди, работавшие с нами, были удивительные — словно отцы и матери.

Помню нашего физрука Петра Петровича Дорошенко... Во время войны он был матросом-черноморцем. Был он богатырского телосложения — высокий, широкоплечий, грудь колесом, носил тельняшку и флотские брюки клеш, ходил, как и положено, вразвалочку. Бегать и прыгать меня он не учил, а просто хвалил или ругал. Но на перекладине и брусьях он показывал такие номера, что у нас дух захватывало. Вес-то у него килограммов под сто двадцать... Когда он делал на перекладине простенькую «склёпку» (подъем разгибом), то перекладина уже прогибалась, а когда начинал крутить «солнце», то мы разбегались в разные стороны: казалось, что перекладина вот-вот вырвется из земли и вместе с Петром Петровичем улетит в небо...

А вечерами Петр Петрович рассказывал нам главную историю своей жизни о том, как немцы потопили его корабль и все, кроме него одного, погибли. А он держался в море трое суток... Без всяких плавсредств и пищи. То плыл, то лежал на спине, теряя сознание. Не знаю, возможно ли такое, но тогда, глядя на Петра Петровича, я понимал: этот — может...

Поскольку в пионерский лагерь им. Чкалова я ездил три года подряд, а потом, когда уже учился в техникуме, один сезон работал там пионервожатым, то историю эту я выслушал несколько раз, помню в деталях. Петр Петрович всегда говорил одно и то же, ни прибавить, ни убавить...

Там, в пионерлагере, вдруг обнаружились мои спортивные дарования, которым, мне кажется, я обязан не столько природе, сколько деревне Петушихе, где мне с малых лет приходилось выносить совсем не детские физические нагрузки.

В бору, где находился наш пионерский лагерь, вдоль Оби были расположены еще десятка полтора лагерей. Здесь отдыхали

летом около десяти тысяч детей работников других крупных заводов Новосибирска. Городской комитет физкультуры ежегодно проводил в августе кустовые спортивные соревнования, приурочивая их обычно к закрытию лагерного сезона. Это были очень престижные детские соревнования, на которые приезжали руководители городских властей, заводов, собирались до тысячи болельщиков из всех лагерей «куста». Открытие было торжественным: президиум, речи, парад участников со знаменами. А потом начинались сами соревнования, в программу которых входили бег на 60 метров, прыжки в длину и высоту, метание гранаты. Это не было многоборье. Кто хотел, мог участвовать только в одном виде, где наиболее силен. Меня Петр Петрович заявлял на все четыре вида, и все три года подряд я выигрывал все первые места.

Сохранилась одна из грамот, свидетельствующих о моих пионерских победах. Результаты, конечно, скромные, но один удивляет меня и сейчас: я зашвырнул гранату весом в 500 граммов на 54 метра. Неслабо! Ведь мне было тогда 15 лет, и ни в каких спецшколах я не занимался, меня никто не тренировал...

И верно сказала Светлана в главе о своем роде: апофеозом праздника, когда награждали победителей, были коробки с подарками, которые сбрасывали нам с самолетов У-2 летчики Чкаловского завода. И на одном из них — одиннадцатом (отрядов было десять) надпись: «Игорю Ильинскому». Конечно, мы съедали содержимое всем отрядом, но это был «мой» подарок, «мое» угощение...

А какими чудесными были на Оби вечера!.. Пионерский костер — это истинное чудо для ребенка, если он не лишен воображения, а даже если и без фантазии, то все равно невозможно не испытать наслаждения, когда вокруг огня сидят улыбчатые мальчишки и девчонки, слышат, как трещат в огне и вкусно пахнут сосновые сучья, зачарованными глазами смотрят, как летят в небо, прямо к звездам, из костра искры и поют под баян:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы — пионеры, дети рабочих!
Близится эра новых годов,
Клич пионера: «Всегда будь готов!..»

Потом баянист берет другую песню, которую знали все, потому что ее как раз про наш, про чкаловский, лагерь написал уже тогда на весь Союз знаменитый композитор Анатолий Новиков:

Над широкой Обью
Бор шумит высокий,
Над широкой Обью
Чайки день-деньской...

Потом наступал мой черед: баянист, ничего не говоря, а просто кивнув мне головой, заводил какую-нибудь из тех песен, что мы разучивали с ним в вокальном кружке. Почти все они были про войну...

И вот посреди мертвой тишины, меж уходящих в небо сосен от высокого пламени костра вместе с искрами его и жаром улетал к звездам звонкий мальчишеский голос и печальные слова песни «Грустные ивы»:

Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над рекой...
Там у границы стоял на посту
Ночью боец молодой.
В темную ночь он не спал,
не дремал —
Землю родную стерег.
В чаще лесной он шаги услыхал
И с автоматом залег...

Боец этот, который — по песне, как отец мой — по правде, погиб. И я пел про бойца, как про своего отца. Пел и плакал. И сверстники мои, пионеры, опускали глаза в огонь и многие роняли слезы: едва ли не в каждой семье кто-нибудь да погиб: отец или мать, братья, сестры, родные, а у кого-то и по нескольку человек...

Пионерские костры... Вы распалили в моей детской душе жар любви к моей Отчизне до такого накала, что мне хватило его на всю жизнь, хоть другим в долг без возврата занимай...

Было бы странным, однако, представлять пионерлагерь собранием детей-ангелов в то время, когда страна только-только вставала из послевоенных руин, когда нормой жизни большинства

были нищета и бедность, когда лихих людей и их прихлебателей было более чем...

Были «нехорошие ребята» и в нашем пионерлагере, в том числе и в отряде № 1, где я был председателем совета. Имени одного из них я не помню, а прозвище у него было странное — Кыла. Второй «нехороший» был, в общем-то, довольно обычный и внешне даже симпатичный мальчишка (он есть на одной из фотографий книги) — Толя Дроздов с прозвищем Дрозд, но находился под каблуком у Кылы, боялся его. Кыла был во многом похож на Фиксу — тоже небольшого росточка, плюгавенький, но, как потом я узнал (и еще расскажу об этом), подлючий и свирепый.

Особо разгуляться в пионерлагере заблатненные ребята не могли, хотя был момент, когда начали угрожать мне, не исполнять поручений и все такое: Кыла молчал, когда отряд шел строем в столовую и пел песни, специально сбивал шаг колонны, хотя по росту находился в ее хвосте. Я пожаловался Петру Петровичу. Тот позвал Кылу к себе вместе со мной, послушал его лепет, потом взял за шиворот правой рукой, поднял, как щенка, на уровень своего лица и медленно сказал: «Ходить надо в ногу со всеми! Понял?» Потом бережно поставил на землю.

Надо сказать, однако, что Кыла и Дрозд великолепно «бацали», т. е. танцевали вдвоем чечетку и степ, имели большой успех на концертах. В любую свободную минуту и где угодно, хоть в лесу, хоть на пляже, они отрабатывали па, станцовывались.

Улица Менделеева

Был момент, когда, съехав с улицы Нарымской, мы некоторое время жили по адресу Объект № 9, дом 3, квартира 6, комната 4, т. е. в том общежитии, где и работала мама. Совсем недолго. Вскоре нам дали комнату в доме № 8 по улице Менделеева — метрах в трехстах от общежития.

Объект № 9 стал гражданским адресом всего несколько лет назад. До этого он был своего рода концлагерем, в котором жили пленные немцы, строившие тот самый завод «почтовый ящик» № 80, нулевой цикл которого закладывал Петр Андреевич Морозов, отец моей жены, Светланы Петровны. Объект представлял собой десятка два длиннющих одноэтажных бараков. Каждый

барак имел примерно двадцать комнат, разделенных коридором. В конце каждого барака находились туалеты и умывальники с холодной водой. В комнате можно было разместить пять-шесть кроватей. Именно так, видимо, и жили пленные немцы. Совсем неплохо...

Теперь здесь размещались рабочие двух близлежащих заводов, в каждой комнате — семья, которая обустраивалась как могла. Сказать короче, здесь жила одна голытьба. К этому же разряду относилась и наша семья, которой повезло: наш барак по тем временам можно было назвать коттеджем — он был двухэтажным, по две трехкомнатных квартиры с кухней и туалетом на каждом этаже. Говорят, что прежде в этих «коттеджах» проживало начальство Объекта № 9. Наша семья занимала комнату № 3 на первом этаже с верандой. Повезло нам и в том, что дом наш стоял в стороне от основной массы бараков, через дорогу, которая шла от «старого соцгорода», принадлежавшего авиационному заводу им. Чкалова, к «новому соцгороду», который строился на наших глазах и был местом проживания работников только что вводимых в строй оборонных заводов п/я 80 и п/я 32.

Объект № 9 стоял на невысоком, но крутом бугре между «старым» и «новым» городками, и от этого бугра в обе стороны лежали две лощины длиной метров по триста, а посреди каждой из них протекало не неширокому ручью, и оба назывались «Вонялов-ками»: откуда-то куда-то текла какая-то жидкость со специфическим запахом, в основе которой, конечно, была вода, но которую никто не осмеливался назвать водой. Вероятней всего, это был сброс с завода п/я 80... Так вот, промежуток дороги между «старым» и «новым» соцгородками назвали улицей великого химика Д. И. Менделеева. Возможно, по нечаянности.

Смысл этой топографической зарисовки, однако, совсем в другом.

В «новый соцгород» со всех концов страны, и прежде всего из Москвы и Ленинграда, приезжали отборные инженерно-технические кадры. В «старом соцгороде» людей такого уровня было тоже много. Достаточно сказать, что на чкаловском заводе создавались и испытывались первые в СССР реактивные самолеты. И все же это был уже «старый» завод со «старыми» кадрами, устоявшимися

правилами жизни в местах проживания, сложившимися отношениями. Два мира, в том числе, и блатных...

Вот тут я подошел к сути того, о чем хочу рассказать.

Поскольку мама работала в рабочем общежитии чкаловского завода, то меня направили учиться в школу № 57, находившуюся в зоне «старого соцгорода».

Каково же было мое удивление, когда я увидел в 7 «Б» классе, куда меня определили, Кылу и Дрозда. Кыла зло рассмеялся: «Ну что, директорский сынок, теперь поговорим!..»

Словам «директорский сынок» я не придал никакого значения и только лет через пять, когда после окончания первого курса Омского танкотехнического училища приехал в отпуск и мы, уже взрослые, случайно встретились с Кылой, я спросил: «Скажи, из-за чего мы дрались и чуть не поубивали друг друга?», он ответил: «Мы ненавидели тебя за то, что твой отец — директор завода».

Кылу, как он сказал мне, «расстраивало» во мне многое. То, что я всегда был аккуратно одет: отутюженные (хоть и штопаные-перештопаные) брюки, белый воротничок на пиджачке (хоть и перелицованном); красный шелковый пионерский галстук. Даже то, что зеленая фуфайка, в которой я ходил осенью, зимой и до тепла, была чистой и с пуговицами, потому что блатные пуговицы срывали и носили фуфайки взапах. «Огорчало» Кылу и то, что в пионерлагере я занимал все первые места в спорте, был председателем совета отряда, а когда пел, то мне аплодировали больше, чем Кыле и Дрозду, когда они «бацали». Поэтому, когда кто-то пустил слух, будто я «директорский сынок», Кыла и его компания с готовностью подхватили его, даже не поинтересовавшись, правда ли это.

«Классовая ненависть», замешанная на зависти, — так можно было понять объяснение Кылой причин той нешуточной войны, которая завязалась с моим приходом в школу № 57. Войны, в которую с обеих сторон было вовлечено человек пятьдесят мальчишек; войны, которая длилась около пяти лет и закончилась, к счастью, без жертв, но ран — десятки, а синяков — не пересчитать.

Мы разговаривали с Кылой в сквере им. В. П. Чкалова около Дома культуры им. В. П. Чкалова, стоя друг против друга в неко-

тором напряжении. Я был готов к тому, что, не закончив фразы, Кыла неожиданно выхватит бритву или нож, но был уверен, что вот тут-то и поставлю точку в этой так и не окончившейся войне: несколько месяцев назад я стал чемпионом Западно-Сибирского военного округа по боксу в полутяжелом весе. Сила так и перла из меня. Временами мне хотелось тюкнуть Кылу в челюсть, чтобы лег и не встал... Но разговор шел мирно. Кыла подрос, окреп, только что во второй раз отсидел за что-то год, «завязал» и говорил нормальным языком.

Криво улыбнувшись друг другу, мы расстались.

Это было в августе 1957 года.

А в 7 «Б» класс школы № 57 я пришел в сентябре 1952-го.

Учителя посадили меня на одну из первых парт. И уже на следующий день мне по затылку одна за другой ударили две металлические «пульки». Я вскрикнул от боли, обернулся — класс безмолвствовал как ни в чем не бывало. Кыла и Дрозд сидели позади и слушали учительницу с показным вниманием. В те времена была такая забава в школах: стрелять из резинки по затылкам впереди сидевших одноклассников свернутыми из обрывка газеты или другой бумаги «пульками». Но иногда «пульки» нарезали из алюминиевой или медной проволоки...

Я понял — Кыла мстит мне за пионерлагерь.

На одной из перемен кыловская «кодла», как называл сам Кыла группу своих дружков, со смехом затеяла со мной якобы борьбу, несколько раз меня больно ударили. И это повторялось изо дня в день. Я рассказал обо всем классной руководительнице. Было разбирательство. Кылу предупредили...

Однажды один из кыловских тайно шепнул мне: «Сегодня тебя после школы бить будут». Я не поверил, а зря. Едва я спустился с крыльца и завернул за угол, на меня бросились несколько незнакомых мне мальчишек, приперли к стене. Подошел Кыла, вынул финку: «Ну что — хочешь „перо“ в бок получить?..» Но бить не решился, спрятал нож в карман. И началось... Я дрался как мог, но силы были слишком неравные. В тот раз они меня избили.

Дня три в школу я не ходил, но времени зря не терял: стал искать на Объекте № 9 мальчишек, с кем можно было бы объединиться против Кылы. Так я познакомился с Гариком Кузнецовым,

который был моим другом до конца дней своих. Нашлось еще несколько хороших мальчишек: Юрка Косоруков, Славка Ветров, всего человек до десяти. Это была уже сила.

Выменял себе финку с наборной ручкой, острую, как бритва: на чкаловском заводе их, прячась, изготавливали сотнями.

Заткнув финку за ремень и спрятав под пиджак, я явился в школу. Классная руководительница, не поверив моим вракам (синяки и царапины на лице оставались), потребовала, чтобы в школу пришла мама. Через час это стало неизбежным: на первой же перемене кыловцы атаковали меня, я упал, финка вылетела из-под ремня, и Кыла с торжествующим и злорадным видом передал ее классной руководительнице. Меня вызвал директор: речь шла о моем исключении из школы. И как ни умоляла мама, меня все же исключили — на две недели. В порядке предупреждения.

Кыла был доволен. И когда я вновь появился в классе, он даже снисходительно улыбнулся: «Ну, понял, чья сила?..»

Было ясно, что за свои обиды в пионерлагере Кыла будет мне мстить и дальше. Возникла мысль перейти в какую-нибудь другую школу. Но в какую? Школы тогда делились на мужские и женские. В «старом» соцгородке мужская школа была одна — № 57.

Кылу боялись даже старшеклассники.

Небольшого роста и хлипкий на вид, на самом деле Кыла был жилистый и упругий. И не только потому, что всякую свободную минуту «бацал», иначе говоря, тренировал свое тело. Он был переросток, лет шестнадцати, ему следовало учиться в девятом, а не в седьмом классе. И был он по характеру бешеный и свирепый.

Однажды на четвертом этаже, где находились 9-й и 10-й классы, я видел, как он с воплем «Да я тебе сейчас „шнифты“ повыкалываю!» налетел на парня куда крепче его, ткнул ему растопыренными пальцами в глаза и как тот, закричав от боли, схватился за лицо и убежал в уборную. Стоявшие рядом старшеклассники не тронули Кылу, он спокойно удалился... Видно, верховодство свое он завоевывал не один год, и всем было известно о Кыле что-то такое, чего не знал я.

Мои новые товарищи Гарик Кузнецов и Юрка Косоруков рассказали, что Кыла не просто приблатненный, а «шестерит» у кого-то из взрослых бандитов, и еще несколько историй, которые сви-

детельствовали об одном и том же: Кыла и его компания «правят бал» не только в школе № 57, но также на чкаловском стадионе, в сквере, в клубе и всюду, где собираются подростки — отбирают у них вещи, деньги и просто колотят. Так, ради забавы, и чтоб боялись, для страха. Обиженных и побитых кыловской «кодлой» оказалось довольно и среди друзей Гарика и Юрки.

Кыловская «кодла» стала наведываться в «новый соцгород» и устанавливать здесь свои порядки. Здесь жили Славка Ветров, Андрей Морозов и еще несколько ребят, с которыми я подружился (они рядом со мной на фотографиях).

Посоветовавшись, мы решили дать Кыле бой.

Возможно, кто-то из наших предал, и Кыла опередил нас.

Это было поздней осенью и поздним вечером. Я шел домой через лог. И в самой низине лога, когда уже не было видно ни огней домов «старого соцгорода», ни от бараков Объекта № 9, в кромешной темноте меня встретили человек шесть пацанов, и безо всяких слов началась драка. Я бился, как мог, пока не почувствовал тупой удар в правое бедро. Нога занемела, я вскрикнул и упал.

Через несколько мгновений встал, но вокруг не было уже никого. Дохромал до дома. Это был удар ножом, который, слава богу, пришелся не в живот...

Мама плакала, кричала:

— Отстань от них! Они убьют тебя!..

А у меня не было никаких доказательств, что это сделал Кыла: все было исполнено чужими руками. Участковый милиционер, хороший, добрый дядька, выслушав меня и маму вполне сочувственно, сказал: «Поищем», но никакого дела заводить не стал.

Кыла делал вид, что не знает, почему я хожу с тросточкой (я никому не рассказал в школе о случившемся), только один раз вдруг сожалеючи протянул: «А ведь могли и кишки выпустить...»

Я с Гариком и Юркой все строил планы, как отомстить Кыле, а он не выпускал меня из виду. И снова подловил, совсем неожиданно. В школе № 23, тоже мужской, но на территории «нового соцгорода», проводили какой-то вечер, и я (почему-то) участвовал в концерте, чувствуя себя в полной безопасности.

И когда уже все расходились по домам, ко мне подошли четверо моего возраста и моей комплекции ребят. Кто-то шепнул мне

на ухо: «Тихо! Шагай к выходу. Пикнешь — конец...» Двое пошли сквозь редкую толпу впереди, двое, приставив сквозь карманы своих пиджаков ножи к моей спине, повели меня на выход через черный ход. Стало жутко. В темноте я нащупал в кармане «складешёк», который носил после того, как у меня отобрали финку, наощупь открыл одно лезвие... Как только мы вышли на улицу, прыгнул в сторону и ударил одного из тех, что шел сзади с ножом. Тот охнул, схватился за шею, а я кинулся бежать...

Всю ночь я не спал, меня трясло: а вдруг я убил человека? Кто этот парень? Что с ним?

Ранним утром пришел все тот же участковый милиционер. Я рассказал ему все, как было, и даже «складешёк» показал. Он сказал: «Хорошо, что ты его не убил. Рана пустяковая...» Помолчал и добавил удивительные слова: «Но всю эту сволоту изводить надо... А ты живи спокойно, я тебя и мать твою знаю. Вы хорошие люди». Забрал «складешёк» и ушел...

Учеба в седьмом «Б» классе школы № 57 была для меня сплошным кошмаром. Не в смысле учебы самой по себе — учился я легко, играючи.

Вот документ, который свидетельствует об этом:

«Характеристика

уч-ка 7 „Б“ 57 м. ср. шк. Ильинского Игоря Михайловича — 1936 г. рожд. проживает по ул. Менделеева № 8 кв. 3 г. Новосибирск.

Мальчик способный, но недостаточно много работает при подготовке к урокам, а иногда ограничивается только тем, что прослушает объяснение материала на уроке. Большую часть времени уделяет чтению художественной литературы, читает очень много, хорошо умеет передать прочитанное. Речь развита. Неоднократно в течение года делал хорошие, содержательные доклады для учащихся. Комсомолец. Принимает активное участие во всех проводимых мероприятиях, к даваемым поручениям относится серьезно, любит общественную работу, имеет хорошие организаторские способности, пользуется авторитетом среди уч-ся, увлекается спортом.

Кл. рук. *В. У. Кузьмина*».

Как явствует из этой характеристики, все-то у меня в том далеком 1952 году было замечательно. Валентина Ульяновна Кузьмина, классный руководитель, почему-то даже не отметила, что меня на две недели исключали из школы. Что мы дрались на переменах.

Уличная жизнь и у детей, и у матерей, а тем более учителей, стояла особняком от домашней и школьной, была областью тайн для взрослых. Но она-то мне и запомнилась главным образом. Каждый день того 1952 учебного года я решал две главные задачи: как дойти утром до школы так, чтобы кыловцы не подловили и не отмутузили меня по дороге, но главное — как ускользнуть из школы: подкарауливали меня через день, да каждый день. Однажды я даже выпрыгнул зимой со второго этажа в снег, чтобы обмануть своих недругов.

Кыла знал, что у меня есть «команда», ему известны были многие из тех, кто входил в ее состав. Так же как и мы знали по именам и в лицо большинство кыловской «кодлы». Случались схватки между кем-то из кыловцев и моих ребят. Но вопрос «кто в доме хозяин?» оставался открытым.

«А что — слабó сойтись „мои“ на „твоих“? Кто кого, а?» — спросил как-то Кыла. Я опешил: «Что — стенка на стенку?..» — «Да, — ответил Кыла. — Надоел ты мне, Ильинский...» Я сказал, что подумаю.

Собралась почти вся моя «команда», человек тридцать. Долго спорили, стоит ли принимать вызов. Пришли к выводу, что другого выхода нет. Но надо, чтобы драка была «по чести» и без ножей.

Я передал наши условия Кыле. Он согласился с ними, добавив: «Без ножей, но свинчатки, кастеты, шланги... Иначе что за бой?»

Назначили день, место — Чкаловский сквер, по двадцать человек с каждой стороны под командой с одной стороны — Кыла, с другой — я.

И был бой... Описывать его я не стану. Было много ран и крови. Дрались, будто смертельные враги. А почему и за-ради чего, мне и сейчас ответить непросто.

Но вот факты: Кыла и Дрозд, я это знаю точно, дважды отсидели в лагерях, хоть и небольшие сроки. «Кодла» была им под

стать. Дальнейшая судьба Кылы и Дрозда, а тем более судьба остальных кыловцев мне неизвестна.

Из тех же, кого водил против Кылы я, вышло немало замечательных людей. Гарик Кузнецов был прекрасным конькобежцем, призером СССР на дистанции 1500 метров; потом работал тренером. Юрка Лепёшкин тоже был конькобежцем, чемпионом СССР на 500 метров. Эмиль Орловецкий, с которым мы вместе занимались в вокальном кружке Дома культуры завода имени В. П. Чкалова (он на одной из фотографий), стал солистом Театра оперетты сначала в Новосибирске, а потом в Москве, исполнял ведущие партии со знаменитой певицей Татьяной Шмыгой. Леня Фролов окончил театральный институт, был актером Театра им. В. В. Маяковского, снимался в кино. Славка Ветров был рекордсменом РСФСР по штанге в тяжелом весе. Юрка Косоруков блестяще играл на баяне, Андрюша Морозов — на фортепиано и аккордеоне...

Все-таки кажется мне, что в нашей войне было что-то символическое. Уже в детстве человек по природе или по наитию, но выбирает вектор своей жизни и судьбы. И выходит, что мы дрались не «просто так», а почти по идейным соображениям, хоть и слова-то такого — «идея», а тем более его смысла, еще не знали.

Тем страшным боем, который состоялся весной 1952 года, война с Кылой не завершилась, хотя я, окончив седьмой класс, ушел из школы № 57. И дело было не в Кыле и его «кодле».

Мне исполнилось 16 лет, и небольшую пенсию, которую нам выплачивали за погибшего на фронте отца, отменили. Была она совсем небольшая, может, с тысячи полторы нынешних рублей. Столько же платили и на Ирину, да мама зарабатывала около общей суммы наших пособий. Представьте жизнь троих ныне живущих людей на 5–6 тысяч рублей в месяц... Мой завтрак состоял из двух кусков черного хлеба, намазанного гидрожиром (или компожиром, один черт — это какие-то искусственные жиры) слоем толщиной в палец и стакана горячей воды с сахаром, которого было намешано столько, что ложка почти стоймя стояла...

Я сказал маме, что пойду работать, но она умоляла: «Учись, сынок, пожалуйста, учись!» Решили так: поступлю в техникум, чтобы поскорее начать зарабатывать.

Я рассказал о своем детстве, конечно, далеко не все, но много. Продолжать и дальше в таком же духе — значит писать целую повесть. Приторможу бег своего пера и о дальнейшей жизни — скороговоркой.

Новосибирский строительный техникум

В техникум-то я поступил сначала не в строительный, а в геологоразведочный, что расположен на Красном проспекте Новосибирска. Романтика? Наверное. Главное, однако, было в том, что геологоразведчикам платили вообще «огромные» деньги. Но, сдав три первых экзамена на «отлично», я схватил «пару» на последнем — Конституции СССР... По дороге в техникум на проспекте Дзержинского меня подкараулили кыловцы, была драка, я отбился, догнал трамвай, вспрыгнул на «колбасу» и — был таков. Но на повороте у базара хвост трамвая проходил буквально в десятках сантиметров от электрического столба, и я так грохнулся об него затылком, что слетел наземь. На экзамене я был в полубессознательном состоянии...

Забрав документы, кинулся в авиационный техникум, но там набор был завершен. В строительном мне зачли оценки геологоразведочного, разрешили досдать Конституцию, приняли на отделение «Строительно-дорожные машины и оборудование» (СДМО).

Учили в техникуме очень хорошо, требовательность была высочайшая, особенно по специальным дисциплинам — «Сопромат», «Детали машин», «Металловедение», «Теория механизмов и машин», «Резание металлов» и прочим. Но больше всех других преподавателей мне запомнился «математик» Василий Иванович Сенников. Он утверждал, что высшую математику на «пятерку» знают только авторы учебников и даже себе он ставит «четверку». Поэтому для нас, учащихся, остались только «тройки» и «двойки». И был беспощаден. А когда все же ставил кому-то «четверку» (это был не я), то в техникуме об этом знали все. Таких в группе было двое: Иван Фишер и Боря Ломакин.

Как и в школе, учился я легко, без напряжения. Вообще я никогда не хотел быть отличником во что бы то ни стало. Безудержно-маниакальное стремление к **внешнему** успеху (деньги,

должности, стремление **непременно быть первым**, побеждать всех и всегда) рано или поздно оборачивается большим **несчастьем**. Комплекс «отличника» столь же опасен, как и комплекс неполноценности.

В техникуме меня захватили в охапку спорт и художественная самодеятельность. Я быстро освоил беговые коньки, но особенно серьезно занимался лыжами — получил первый взрослый разряд, вошел в сборную юношескую команду Новосибирска, выступал в Красноярске на первенстве РСФСР. Каким-то образом умудрялся заниматься в секции самбо и парашютном кружке. Пел, играл в оркестре народных инструментов на домбре «прима», в спектаклях драмкружка. Боже, чем я только не увлекался!.. Мало того, меня избрали группкомсоргом (в комсомол я вступил еще в школе). В записной книжке 1952 года, сохранившейся до сих пор, список группы с номерами комсомольских билетов, пометками «обсудить», «побеседовать», наброски плана работы... Может, с той поры в мою жизнь стало входить чувство ответственности за других, чувство долга...

При этом продолжалась война с Кылой и его дружками, они никак не хотели отставать от меня. И хотя война приняла вялотекущий характер, периодически мы схлестывались все четыре года, пока я не окончил Новосибирский строительный техникум.

Учась в техникуме, уже на преддипломной практике на кирпичном заводе № 10, производительность которого мне, согласно заданию, надо было увеличить раз в десять, я встретил человека, который, сам того совершенно не подозревая, разбудил творческое начало моей натуры, а с этого момента и трудолюбие — любовь к труду. Именно — любовь.

Человек этот по фамилии Захаров был главным механиком завода, имел способности к техническому делу от бога, хотя не окончил даже десятилетки.

Мы нашли «узкое место» в технологическом процессе и придумали, как решить мою дипломную задачу с реальной пользой для завода: надо было изготовить полуавтомат для резки кирпича-сырца. Это тянуло на изобретение.

За мной были расчеты и чертежи, за Захаровым — изготовление полуавтомата. На все про все у нас было три месяца. Но я

видел совсем небывалую цель, эта цель была реальной и требовала от меня напряжения всех моих знаний и сил.

Вот это была работа!.. Я забросил спорт, забыл про сон: с утра до глубокой ночи я работал с логарифмической линейкой, справочниками и чертил, чертил... А параллельно Захаров изготавливал вал за валом, шестеренку за шестеренкой, деталь за деталью. И наконец полуавтомат был готов! Более того — он работал! Захаров оформил в ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов) заявку на изобретение. Я был в полном восторге. Защита диплома прошла на ура, на ней присутствовали Захаров и директор завода. Для техникума это было событие, а я в глазах сверстников стал героем. Эпоха «реальных проектов» только начиналась...

Омское танкотехническое училище

Душа тянулась к литературе, к музыке и песне... Хотелось одного, а приходилось делать другое: быт и жизнь ставили свои ограничения.

Окончив техникум, я должен был идти в армию. «Косить» от службы, как это сплошь и рядом происходит сейчас, мне и в голову не приходило... Армию любили. Стать офицером мечтали многие. Я тоже: «Буду офицером, как папа». Хотя мы с мамой и грустили оттого, что я не могу пойти работать и помочь семье поскорее выбраться из нужды, но деваться было некуда. «Стану летчиком», — решил я, вспомнив, как с завистью наблюдал в Петушихе за пролетавшими иногда высоко-высоко самолетами. К тому же все в Новосибирске знали о летчике — трижды Герое Советского Союза А. И. Покрышкине, памятник которому стоял на Красном проспекте, гордились тем, что Покрышкин — новосибирец.

Прямо из техникума я отнес диплом в райвоенкомат и попросился в авиационное училище. Но мне не повезло: остались места только в Ленинградскую военно-медицинскую академию и Омское танкотехническое училище. Я выбрал танковое.

Первый разряд по лыжам, второй — по конькам, десяток разрядов по легкоатлетическим видам спорта, художественные способности... Абитуриентов такого сорта в танковом училище были

единицы. Физрук и завклубом училища заприметили меня еще при сдаче вступительных экзаменов. Каждый тянул в свою сторону, но оба говорили одно: «Только не соглашайся ни на какие сержантские лычки!.. Тогда тебе „капут“: будешь сидеть в казарме, и никаких поездок на соревнования и концерты».

Почти два года жизни в училище — это отдельный сказ. Министром обороны СССР в ту пору был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а потому дисциплина в училище — железная, распорядок дня — на выживаемость. Два курсанта в училище застрелились — не вынесли жесткого режима и физических нагрузок. Мне (с моим-то вольнолюбием!) тоже досталось... Но именно танковое училище, где я научился стрелять из всех видов оружия — от пистолета до пушки, водить мотоцикл, автомобиль, трактор, БТР, танки Т-54 (средний) и Т-10 (тяжелый), несколько укротило мою излишнюю вольнолюбивую натуру. Здесь я научился подчиняться...

Кормили нас словно на убой. На казенных харчах (запомнил гречневую кашу и вареную свинину с салом) я так разжирел, что командир взвода лейтенант Каллистов — прекрасный командир! — однажды на вечерней поверке скомандовал: «Курсант Ильинский, выйти из строя!» Я сделал два шага вперед. Вытянулся, стою, жду... Каллистов выдержал длинную паузу и, едва сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, сказал: «Курсант Ильинский, у вас сало с ушей капает!.. Встать в строй!» Взвод грохнул...

Физрук училища и начальник клуба по-прежнему тянули меня каждый к себе, и я старался поспевать всюду. Выступал сразу по нескольким видам спорта: зимой бегал за училище на лыжах и коньках на гарнизонных и окружных соревнованиях, тренировался в секции бокса. С весны физрук стал готовить меня к окружным соревнованиям по десятиборью. На удивление всем, за год выполнил норму первого разряда. Это — десятиборье!.. При этом занимался в вокальном кружке.

Капитан Вайнштейн, руководивший оркестром, вполне похожим на симфонический,— в нем были скрипки, трубы, флейты, гобой, тромбон, ударные и, конечно же, фортепьяно — воздевая руки к небу, кричал на меня: «Курсант Ильинский! Плюньте на эти дурацкие лыжи и бокс! Бегать и махать кулаками может

любой из тысячи курсантов! А вам Бог дал голос! Поете с оркестром из тысячи только вы один! Вы это понимаете?..»

Да, это было чудо: я пел с оркестром!.. Мы ездили с концертами по заводам и фабрикам Омска, я пел без всяких микрофонов, срывая особые аплодисменты на песне композитора Терентьева «Почему?..». Несколько раз выступал на омском телевидении, эпоха которого тогда только начиналась, стал получать на адрес училища письма первых поклонниц. Но при этом буквально бредил спортом. И не понимал капитана.

Вайнштейн вообще считал, что я должен уйти из танкового училища в музыкальное и показывал меня однажды специалистам музыкального училища. Те сказали, что «материал» неплохой, они готовы ходатайствовать о переводе перед армейским начальством, если я этого хочу. Но я в тот момент (дурак?..) отказался.

«Ты потеряешь голос! — кричал Вайнштейн. — Связки надо беречь! Нельзя бегать по три часа на двадцатиградусном морозе на этих проклятых лыжах!»

Но лыжи — это не все. Капитан не знал, что не очень благоволивший ко мне старшина роты иногда вдруг командовал: «Рот-та!.. С пес-ней — ша-а-гом арш!.. Курсант Ильинский — за-а-пе-е-вай!..» И я заводил: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе-горева-а-ать!..» или «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спале-о-о-ная пожаром, фра-а-нцузу от-да-на, фра-а-нцузу от-да-на!..» А мороз в Омске в ту зиму бывал и под тридцать, и за тридцать...

Все случилось так, как и говорил капитан Вайнштейн, который, кстати, впоследствии стал полковником и руководил Военным оркестром Советской армии: меня начали мучить ангины, фарингиты, с голосом творилось что-то плохое — иногда я говорил еле слышно. Диагноз (попросту говоря) «несмыкание связок». Потом голос восстанавливался, я все же пел, даже получил Диплом на городском конкурсе в связи с Всемирным фестивалем молодежи, но явно хуже. Вайнштейн (с сожалением) плюнул на меня.

Тот голос, которым вначале пел в училище, я «потерял». В августе 2004 года руководитель Отделения фониатрии и микрохирургии гортани знаменитой Боткинской больницы профессор Ю. С. Василенко, главный шеф Большого театра, удалял мне полип на голосовой связке. Между делом он сказал: «У вас связки

хорошего тенора. Вы поете?» Я рассказал ему свою историю, но заметил, что у меня — баритон. «Да, такое бывает, — сказал он. — Вам не „поставили“ голос в свое время. Вы и говорите не своим голосом...»

Зато успехи в боксе были ошеломляющими — почти все бои я выигрывал нокаутом, стал чемпионом по боксу в полутяжелом весе Омского гарнизона, а на следующий год — Западно-Сибирского военного округа. Спорт был для меня каким-то сумасшествием.

В танковом училище мне предлагали вступить в партию, но я отказался, искренне полагая, что не достоин этого: слова «партия», «правительство», имена Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин имели для меня в ту пору сакральное значение. Помню, как 5 марта 1953 года, когда я еще учился в техникуме, в аудиторию, где занималась наша группа, вошел преподаватель русского языка и литературы, казах с седой жиденькой бородкой и, воздев руки к небу, со слезами на глазах, рыдающим голосом почти прокричал: «Дети мои!.. Мы осиротели — умер Иосиф Виссарионович Сталин!..» Вся группа дружно захлюпала носами.

В марте 1958 года я решил уйти с армейской службы и подал рапорт. Формальной причиной увольнения из армии был разрыв мениска коленного сустава правой ноги, который я получил на одной из тренировок. Можно было сделать операцию. Но я серьезно разочаровался в армейских порядках. Дисциплина — вещь необходимая. Но самодурство... А я наблюдал его почти ежедневно, испытал и на себе не раз. К тому же в тот момент я был смертельно влюблен в Светлану — мою нынешнюю жену, и мне хотелось одного — скорей в Новосибирск, к моей любви, к маме...

Почтовый ящик 53

В мае 1958 года я пришел в отдел кадров стройки п/я 53, показал свой техникумовский диплом, но мне сказали: «Руководящих должностей нет». Некоторое время работал в бригаде по монтажу башенных кранов, а затем — крановщиком («Майна!..» «Вира!..») в зоне, где зэки строили жилые дома «нового соцгорода».

Через несколько месяцев меня назначили старшим мастером Главной конторы механизации п/я 53, и у меня, 22-летнего

парня, оказалось в подчинении более пятидесяти взрослых работяг — токарей, фрезеровщиков, слесарей, сварщиков. Они учили меня уму-разуму по-разному: чаще по-хорошему, а иногда и зло: я был «начальник», мальчишка, «зеленый». Руководитель конторы Салазков ставил задачу: ремонт автокранов, бульдозеров и другой строительной техники делать быстро и хорошо, но закрывать наряды так, чтобы рабочий зарабатывал не больше начальника. А начальник — между двух огней — это я, с окладом в 1300 рублей.

Осенью я поступил на заочное отделение Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта по специальности, схожей с той, что получил в техникуме. Снова высшая математика, сопромат, теория механизмов и машин, металловедение, теория резания металлов, расчеты, чертежи, чертежи... Сейчас мне даже не верится, что все это я когда-то знал, что это я **двенадцать лет** изучал естественнонаучные и технические науки.

В сентябре 1958 года меня срочно вызвали к секретарю парткома п/я 53 Н. И. Ильину. На попутном грузовике я залетел домой, умылся, переоделся и явился в партком в назначенное время, не ожидая ничего хорошего... Почтовый ящик 53 был военно-строительной дивизией, строившей секретные промышленные объекты. За всеми работникам, тем более частью гражданских, приглядывали спецорганы. «Может, что-нибудь не то сделал?» — думал я.

Но мне было предложено перейти на освобожденную комсомольскую работу, заместителем секретаря комитета стройки. Не вполне понимая, что это такое — «комсомольская работа», которой надо заниматься изо дня в день, я согласился: Ильин был в форме полковника, в кабинете присутствовали еще двое офицеров. Это действовало на меня, недавнего курсанта, гипнотически. К тому же Ильин сказал, что нам со Светланой, уже ставшей моей женой, дадут комнату.

Через год меня избрали секретарем комитета, но прежде приняли кандидатом в члены КПСС.

Помню то незнакомое прежде чувство, которое я стал испытывать, работая в комитете. Приезжая на трамвае из дома на работу и обратно по улице Богдана Хмельницкого, разделявшей на две

части «новый соцгород», в котором проживало много работников и нашего «почтового ящика», я часто думал: «Теперь я имею право постучать в дверь любой квартиры и сказать: „Здравствуйте, я секретарь комитета комсомола. Чем могу помочь вам?..“» А что? Мой кабинет был рядом с кабинетом секретаря парткома и невдалеке от кабинета начальника стройки...

Мне очень хотелось помогать людям и защищать их!.. В этом видел я смысл своей новой работы.

Дзержинский райком комсомола

В феврале 1961 года меня избрали первым секретарем Дзержинского райкома комсомола, и я трудился в этой должности более трех лет. Районная организация была самой крупной в Новосибирске — 30 тысяч комсомольцев.

Чем я занимался эти три года? Сказать одним словом — молодыми людьми. Помощью. Защитой. Воспитанием. Даже тем, чем, по моему и тогдашнему убеждению, заниматься не следовало. И все делал на совесть. Райком был лучшим в городе. Две трети различных переходящих знамен горкома комсомола стояли в моем кабинете.

60-е годы — борьба за научно-технический прогресс. «Физики» — в почете, «лирики» — в загоне...

Помню звонок секретаря горкома комсомола Михеева:

— А какие резцы используют токари Чкаловского завода?.. А угол заточки?.. А охлаждающая эмульсия?..

Упираюсь, спорю, возмущаюсь, но разговор завершает Михеев:

— Имей в виду: горком объявил борьбу за качество продукции. Спросим!..

И вот я собираю в своем кабинете начальников отделов технического контроля заводов и фабрик района (а их человек тридцать), людей взрослых, профессионалов, и читаю им нотацию по материалам рейдов «Комсомольского прожектора». Слушают, что-то помечают в своих блокнотах. И я начинаю думать, что, наверное, не совсем прав в своих сомнениях: Михеев Михеевым, но есть еще решения горкома и ЦК комсомола, а главное, люди — вот они: сидят смирно, воспринимают...

Были моменты, когда я не просто взбрыкивал, а шел до конца...

Летом 1963 года Новосибирск готовился к приезду Н. С. Хрущева: красили дома, чистили и подметали улицы. По программе Хрущев должен был приехать на авиационный завод им. Чкалова, а путь к нему один — проспект Дзержинского. Меня вызвал зав. организационным отделом райкома партии: надо вывести на субботник комсомольцев и очистить проспект от грязи и пыли. Я вздыбился: вдоль проспекта сплошь научно-исследовательские институты! Инженеры и ученые с метлами и лопатами строят «потемкинскую деревню»?! Отказался. Но — нашла коса на камень.

Собрали бюро райкома. Чистили меня до седьмого пота, пока первый секретарь райкома Петр Прокопьевич Овчинников, молча слушавший всех до этого, не сказал:

— Да прав он, прав!..

Были попытки сделать меня вторым секретарем горкома; третьим горкома; первым горкома; вторым сельского обкома; вторым промышленного обкома. «Тормозила» карьерный рост в новосибирском комсомоле «объективная» причина: у меня не было законченного высшего образования. Требование это в те годы было жесткое. Но главное все-таки заключалось не в этом: я был ершист, хотел, чтобы все происходило «по справедливости», резал правду-матку с любой трибуны. Кому-то в обкоме партии это очень не нравилось...

Однажды поздним вечером по дороге домой, голодный и до смерти усталый, я на ходу сочинял стихи. В них есть такие строчки:

...В этой работе — вся жизнь моя.
И если подруга изменит,
Мне радостный гул комсомольской работы
Жену и друга заменит...

Про жену я, конечно, подзагнул, но в комсомольской среде в ту пору было модно не обедать и работать до полуночи. В двадцать три года, еще на п/я 53, я заработал гастрит и холецистит, провалялся около месяца в больнице. Глупо, конечно, но — так было!..

Комсомольская работа была для меня радостью.

Высшей школой образования человека является общение. Тем более если это общение с выдающимися людьми, умами сильными

и ясными; если это общение близкое, когда один час стоит больше, чем годы обыденных отношений.

Я имел счастье видеть, как работают десятки директоров заводов и других предприятий. Среди них были такие «зубры», как Салазков, директор завода им. Чкалова, Королев, директор завода п/я 23, Власов, директор завода п/я 80. В районе было 13 заводов, которые работали на «оборонку». Все руководители этих заводов прошли жестокую чистку сталинских времен, были высококлассными специалистами и самоотверженными служаками. Большинство директоров имели прямую телефонную связь с Москвой. Завод был судьбой каждого из них, а план определял программу личной жизни. Это были могучие личности, думавшие, однако, не только о плане, но и о работниках своих предприятий.

Вот Власов, директор завода п/я 80, рядом с которым и строился «новый соцгород» (в той же зоне был и завод п/я 32, но масштабом и значением поменьше). За строительство стадиона «Химик» Власову обком партии объявил партийный выговор: значительно перерасходовал деньги по статье «социальные нужды». На следующий год — строгий выговор за то, что отгрохал Дом культуры им. М. Горького — лучший в Новосибирске. Через год строгий выговор с занесением в учетную карточку — за строительство первого в городе и в Сибири крытого ледового Дворца спорта «Сибирь». За такого рода самоуправные действия во благо работников завода Власов получил от обкома подряд семь партийных взысканий. Райком партии Власовым не занимался. Притом что П. П. Овчинников, первый секретарь райкома, был человеком крутым, к Власову, Салазкову, Королеву даже не подступался: Москва, ЦК партии поставили перед ними задачи и дали все полномочия, перед которыми пасовал и Ф. И. Горячев, первый секретарь обкома партии. К тому же Власов был в союзе с жестокой Правдой и Справедливостью — ведь все, кто работал на его, как мы говорили, «атомном», заводе, рисковали своим здоровьем и жизнями, уходили на пенсию в 30–40 лет с диагнозом «лейкемия» и онкологическими заболеваниями...

В конце июня 1964 года я окончил учебу в НИИЖТе, получив специальность «инженер-механик»...

Завод п/я 23

В канун своего 28-летия я попросил направить меня начальником цеха на завод п/я 23, который делал ракеты типа «земля–воздух». Директор завода, Николай Николаевич Королев, Герой Социалистического Труда, знал меня, предложил механосборочный цех № 3. Я согласился.

Приступив к своим обязанностям, я понял, что крепко влип. В цехе было около 600 работников, он не выполнял план. Только заместителей у начальника цеха было семь, пятеро из которых один за другим были сняты с работы за пьянство: в цехе был участок гражданской продукции, где происходила сборка магнитофона «Комета» и для этих целей выделялся спирт...

Набрал разных технических справочников и книг, читал их, восстанавливая забытое и узнавая то, чего просто не знал. Поскольку цех работал круглосуточно, поставил в своем огромном кабинете кровать и оставался в цехе практически круглые сутки... Прошел месяц — цех не выполнил план. Прошел второй, заканчивался третий месяц — положение стало меняться к лучшему. На планерках Королев и главный инженер Гутман уже не щадили меня.

В конце третьего месяца меня вызвал к себе Королев: «Звонили из обкома партии. Пришла телеграмма: ЦК комсомола отзывает тебя на работу в аппарат, в Москву. Обком не возражает. Что думаешь?..»

Думал недолго: Москва! ЦК!.. За пять лет на работу в ЦК взяли всего двоих — Владимира Коваля и Бориса Владимирова, обоих — с должности первого секретаря обкома. Из райкомов в ЦК вообще никогда не брали!..

Но цех остался в моей памяти: здесь я снова, как и на стройке, имел возможность в упор наблюдать рабочий класс как он есть. Загнанные нуждой, в массе своей трудяги совестливые, честные люди, достойные лучшей доли...

Судьба постепенно двигала меня по служебной лестнице, давая возможность сначала на некоторой дистанции, потом все ближе и, наконец, в упор рассмотреть многих из тех, кто управлял не только заводами и областями, но также отраслями народного хо-

зяйства, комсомолом, государством, партией. Жизнь сталкивала меня с людьми, встречи с которыми изменяли мою жизнь и глубину ее понимания, укрепляя тем мой ум, внося покой в мою душу.

Аппарат ЦК комсомола

Молодые уже сегодня не знают, что такое комсомол и что такое — секретарь ЦК комсомола, да еще — первый. Скажу только одно: у подъезда ЦК комсомола иногда стояли сразу по нескольку автомобилей министров СССР: они приезжали на Бюро ЦК или совещание к «первому» ЦК и уезжали очень расстроенные нагоняем, который он мог им устроить.

В декабре 1964 года меня принимал в своем кабинете **Борис Николаевич Пастухов** — тогда еще второй секретарь ЦК ВЛКСМ. Это были «смотрины»: брать меня в аппарат ЦК или отправить обратно, в Новосибирск. В моем «Деле», заведенном по этому поводу, было уже несколько доброжелательных отзывов, но все решали «да» или «нет» Пастухова.

В памяти осталась концовка нашей беседы. Пастухов вдруг спросил: «Как относитесь к решению Пленума ЦК КПСС об освобождении Хрущева?..» Я пробормотал что-то вроде «членам ЦК КПСС виднее», а про себя отметил: «А вопросик-то на засыпку...» Пастухов издал неопределенный звук «ха!..», махнул рукой представлявшему меня Ю. П. Белову: «Подходит!..»

Огромную роль в моей судьбе сыграл **Евгений Михайлович Тяжельников** — «первый» ЦК с 1968 по 1978 год.

Это ему, Е. М. Тяжельникову, принадлежит идея создания на базе ЦКШ Высшей комсомольской школы — полноценного высшего учебного заведения первой категории. Отвечал за подготовительную работу по созданию нового вуза в целом Б. Н. Пастухов, а каждодневно и конкретно заниматься было поручено мне. Шел сентябрь 1968 года...

Мог ли я даже подумать тогда, что, участвуя в общей работе, я строю свое будущее **личное** счастье? «Рисую» на бумаге Научно-исследовательский центр, в котором проработаю более четырнадцати с половиной лет, из них десять лет — директором?.. Университет, в котором вот уж скоро пятнадцать лет я — ректор? В котором работают ныне мой сын и внук, многие мои друзья?..

Где Е. М. Тяжельников, Б. Н. Пастухов, В. М. Мишин и Л. И. Швецова станут Почетными профессорами?..

Более четырех лет я работал в ЦК ответорганизатором, заведующим сектором, заместителем заведующего организационным отделом. Но оказалось, что аппарат ЦК комсомола — «не мое». Почему? Ответ в самом слове «аппарат» — механизм, машина, состоящая из узлов, частей, винтиков... В любой стране, во все времена аппарат есть аппарат, задача которого — обеспечить функционирование организации. Неважно, как она именуется: завод, партия, государство. Социальная структура состоит из людей-функционеров, назови их царедворцами, аппаратчиками, чиновниками. В аппарате кроме тех, кто им управляет, ты — функция, «винтик», «шестеренка». «Заржавел», «износился», что-то «заедает»? Заменяем! Аппарат должен работать четко. А я не способен вообразить себя «винтиком», а уж быть им... Безотцовщина, улица сделали меня предельно вольнолюбивым. Армия усмирила меня, научила подчиняться. Но дрессировке я не поддавался. Угодничество, интриги, подковерные игры — не по мне. Я человек дела.

С юности свято веровал в идею коммунизма. С этой верой работал в райкоме, с нею же пришел в ЦК. Да и отчего ж не веровать? Слова-то какие: «равенство», «братство», «справедливость», «солидарность», «мир», «дружба народов». Святые слова! И вдруг увидел, что здесь у многих на устах не эти слова, а совсем другие: «должность», «зарплата», «вертушка» (кремлевский телефон), «авоська» (кремлевский паек)...

Повзрослев, побывав в других странах, понял: не все у нас в СССР уж так хорошо, как принято говорить. Стал размышлять пошире, поглубже. Почитал кое-что из трудов Бердяева, Вышеславцева, Лосского, Ильина и других до того неизвестных мне философов. Более трезво посмотрел на наших бывших и здравствовавших вождей, узнал, какого ума и какой морали люди готовили им доклады и речи, которые они потом озвучивали с высоких трибун. Задумался еще более.

И стал пописывать очень скромные, на мой взгляд, статейки в газеты и журналы, где они тщательно редактировались. Но и того немного, что оставалось в них не совсем обычного, нового, «острого», было достаточно, чтобы вокруг меня «заштормило».

После выхода моей первой статьи в журнале ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист» в 1964 году, где я писал о необходимости развития внутрикомсомольской демократии, меня вызвали на ковер к первому секретарю ЦК комсомола Сергею Павловичу Павлову. Был устроен такой разнос, что я ушел из его кабинета на ватных ногах в полной уверенности, что моя песенка спета — из ЦК меня выгонят. Но не выгнали. Через месяц (с задержкой) была опубликована вторая часть этой статьи.

Года через полтора «баню» с голыми вениками мне устроил новый «первый» — Евгений Михайлович Тяжельников. Теперь уже — за статью в «Комсомолке». О снятии с работы, правда, речи не было. Более того, в начале 1971 года Е. М. Тяжельников предложил мне стать его помощником, но, как выяснилось позднее, в результате аппаратных интриг, это назначение не состоялось.

Разного рода «выволочек» за «неправильные» мысли в комсомольских, партийных органах и КГБ наберется с десяток.

Надо заметить при этом, что аппарат ЦК комсомола был самым демократическим из тех, которые я знал до и после него, позволял желающим значить больше, чем быть только «шестеренкой» или «винтиком». Работа в аппарате ЦК неимоверно расширила горизонты понимания мира и происходящего в стране. По тем временам, благодаря работе в ЦК, я ежегодно раз-два выезжал за границу: Германия, Швеция, Франция, Ирландия, США... И все же мне было душно, я попросился «на другую работу».

Журнал «Комсомольская жизнь»

В мае 1971 года Бюро ЦК ВЛКСМ утвердило меня в должности главного редактора журнала «Комсомольская жизнь».

Журнал этот был не самым важным в комсомоле. Но, честно говоря, с какой стати я мог претендовать на какой-нибудь «самый важный»? Я ведь не имел журналистского образования, опыта работы в печати. По статусу этот был общественно-политический журнал, выходил два раза в месяц общим объемом около десяти печатных листов и разовым тиражом около миллиона экземпляров. Это — когда я принял его. Когда через четыре с половиной года уходил — тираж вырос до двух с половиной миллионов.

Но это было новое и — что для меня самое главное! — **самостоятельное** дело. Относительно самостоятельное, конечно... Новая, престижная сфера деятельности — журналистика. Не говорю уж о том, что это было служебное повышение, заметный рост в зарплате, персональный автомобиль, практически свободный график труда... В этом смысле мне все нравилось.

Но в освещении советской действительности журнал не мог выпрыгнуть за рамки «комсомольской жизни». Ограниченность темы определяла известную ограниченность его сотрудников, хотя среди них были люди не просто способные, а талантливые — Валерий Катков, Алла Ляшенко... А Галина Семенова, работавшая моим заместителем более четырех лет, в «эпоху перестройки» стала секретарем и членом политбюро ЦК КПСС.

Мои попытки «творить» в заданных рамках то и дело натыкались на волю цензора. Несколько раз я висел на волоске — могли снять с работы. Исчерпав основную тематику, журнал и я начали ходить по кругу.

Такая обреченность меня не устраивала. Можно было «высиживать» или искать какую-нибудь иную работу. Я решил уйти на учебу в Академию внешней торговли, при поступлении в которую, кстати, необходимо было высшее техническое образование. Но «кто-то» в ЦК КПСС посчитал, что я достоин лучшей доли — стать дипломатом. По линии «партийного набора» я прошел конкурс (одиннадцать человек на место) и с 1 сентября 1974 года стал слушателем Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР.

Дипломатическая академия

Дипломатия — самая таинственная и так влекущая многих сфера: приемы, обеды, фраки, декольте, бриллианты, важные лица... Дипломаты предрешают судьбы стран и мира. Но сколько же в них шарлатанства и напускной важности! Искусство говорить скверные вещи с улыбкой на устах, обманывать других, не верить никому и ни во что — даже в правду... Я уже знал немало таких дипломатов и понимал, на что иду.

Но понимал и другое: дипломатия — тончайшее из искусств. Как и политика в целом. Другое дело, кто как владеет этим искусством.

В Дипакадемии я встретил немало интереснейших личностей: Игорь Васильевич Остоя-Овсяный, зав. кафедрой истории дипломатии, Владимир Алексеевич Карпушин, зав. кафедрой философии. Оба — кладезь знаний, энциклопедисты, острословы. Зоя Николаевна Зарубина, зав. кафедрой иностранных языков, одна из переводчиц И. В. Сталина на переговорах в Тегеране... Игорь Андропов, сын Генсека ЦК КПСС, преподавал дипломатический протокол, и мы с ним дружили. На разных кафедрах преподавали десятки Чрезвычайных и Полномочных послов СССР — отставных и находящихся на пересидке.

На первом курсе меня избрали заместителем секретаря парткома академии, и три года я выполнял эти обязанности.

Весь наш курс — шестнадцать человек. Учебная языковая группа — два человека: слушатель из партнабора и слушатель от «конторы глубокого бурения» — КГБ. Мой напарник, Игорь Зиновьев (28 лет, капитан КГБ), не скрывал, что у него есть задача не только хорошо учиться, но и приглядывать за мной. Не только «хорошо учить» была задача и у нашей преподавательницы: она характеризовала обоих.

Нагрузка была бешеная. Каждый день — две пары английского и такой же объем (на 4 часа) — задание на дом. За три года нам преподали в интенсивном режиме пятилетний курс настоящего кембриджского английского языка. На третьем курсе я полгода занимался еще немецким, который изучал прежде — в школе, техникуме, институте.

Каждый день — «пара», а то и две других дисциплин, преподавание которых велось совсем на другом, намного более высоком, уровне, чем в обычных вузах СССР. В Дипакадемии были свои учебники по всем предметам, и лекции читали их авторы. Они порой настолько критически подходили к догматам марксизма-ленинизма, что некоторые «партнаборцы» затевали скандалы, шли с жалобами в партком. Практические занятия, деловые игры вели работники МИДа. Со мной один на один занимался зам. министра МИД СССР Земсков. Стоит заметить: «студенту» Ильинскому было уже сорок лет...

В январе 1974 года «без отрыва от производства» защитил кандидатскую диссертацию, которую три года готовил в заочной ас-

пирантуре Экономической академии им. Г. В. Плеханова на кафедре истории.

На преддипломной практике в посольстве СССР в Канаде (г. Оттава) столкнулся с контрразведкой этой страны. Как только я оказывался за территорией посольства, где жил, два здоровенных парня, совершенно не скрывая, следовали на расстоянии за мной всюду. А когда однажды с занятий по английскому языку на курсах Берлица я вышел не через ту дверь, в которую вошел, и они меня «потеряли», то на следующий день один из этих парней подошел ко мне и предупредил, что этого делать нельзя, иначе они меня накажут. Я рассказал об этом советнику — посланнику Н. А. Макарову. Тот сказал мне, что после того, как канадцы в августе объявили персонами нон грата 7 советских дипломатов, обвинив их в шпионаже, теперь они каждого вновь прибывающего в Посольство СССР «обнюхивают»: ведь кто-то должен занять место высланной из страны «семерки»?..

Жизнь «под колпаком» угнетала меня. Возможно, я все же остался бы на дипломатической службе. Но помог (действительно — помог!) случай. В отдел кадров МИД СССР зашел генконсул в Калькутте (Индия) Абдурахман Халилович Везиров — он собирался покинуть свой пост и искал преемника. Ему показали список выпускников академии. Увидев мою фамилию, он сказал: «Вот то, что надо!» — Везиров прежде был секретарем ЦК ВЛКСМ и хорошо знал меня.

В отделе кадров тут же сделали перестановку: «Ильинского — вице-консулом в Калькутту с перспективой на должность генерального консула». Когда я узнал об этом, изменить ничего уже было нельзя. А мне не особо и хотелось. К тому же имелся формальный повод расстаться с дипслужбой: аллергия на влажность у Светланы и «букет» желудочно-кишечных заболеваний у Наташи. А что такое Калькутта в этом смысле — понять нетрудно.

Зимой 1977 года в Дипакадемию для выступления перед слушателями приехал Е. М. Тяжельников. Рассказал ему о ситуации. Он предложил мне перейти на работу в Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы для начала — заведующим отделом.

Окончив с отличием Дипломатическую академию, в 1977 году я снова вернулся в систему комсомола.

Научно-исследовательский центр (НИЦ)

Наука была для меня пятой и (по тем временам) одной из самой престижных сфер деятельности (в одном ряду с дипломатией, журналистикой, партийной работой и государственной службой). Вот это было мое: думать, писать и организовывать других для реализации своих идей. У меня уже были опубликованы несколько книг, десятки статей, я имел степень кандидата исторических наук.

НИЦ достался мне в эмбриональном состоянии (ему от роду было всего три года) и уже деморализованным: прежний директор был снят с должности, внутри коллектива нарастали склоки.

Меня избрали секретарем партбюро НИЦ, поручив «навести порядок». Выполнил эту задачу... Через год меня назначили заместителем директора НИЦ. В этой должности отработал три года, заведуя одновременно отделом. По сути дела, я исполнял и обязанности директора НИЦ, должность которого по-прежнему оставалась вакантной. Все у меня в работе ладилось. Но мне казалось, что во главе НИЦ — единственного в стране научного подразделения, изучавшего вопросы комсомола и молодежного движения, должен стоять непременно доктор наук, непременно ученый «с именем», которого у меня тогда еще не было, как не было и докторской степени. И я сделал все, чтобы посадить в пустовавшее три года кресло директора НИЦ другого человека, хотя, если б постарался, то мог занять его сам. Против этой кандидатуры были ректор ВКШ Н. В. Трущенко, первый секретарь ЦК комсомола Б. Н. Пастухов, заместитель заведующего отделом науки ЦК КПСС Р. Г. Яновский: они знали, что это за «фрукт». Но я настойчиво и долго убеждал и убедил их, одного за другим, что они ошибаются. Как мне это удалось — и сейчас не пойму. Ошибся, и жестоко — только я: это действительно был шарлатан, мерзавец.

Парадоксально, но факт: этот человек, знавший все о моей роли в его назначении на должность директора, затеял против меня «мышиную возню». Совсем не безобидную.

Партийный комитет ВКШ

Осенью 1982 года меня избрали секретарем парткома ВКШ, в которой насчитывалось более 1200 коммунистов. Партком имел права райкома партии. По тем временам это была вторая фигура после ректора: ст. 6 Конституции СССР устанавливала право контроля партийных органов за деятельностью администрации. Глупость, конечно, но так было. А поскольку у руководства ЦК комсомола существовали претензии к ректору ВКШ Н. В. Трущенко, то личность секретаря парткома становилась особо важной. На этот же момент приходится резкий конфликт между Н. В. Трущенко и первым проректором ВКШ Ю. Н. Афанасьевым (будущим соратником Б. Н. Ельцина в борьбе против М. С. Горбачева и за власть).

Решающую роль в моем избрании сыграл В. М. Мишин, в тот момент «первый» ЦК комсомола.

О партийной (так же как и о комсомольской) работе рассказывать сложно, а коротко — просто невозможно. Это работа с людьми и ради людей, если понимать свое дело правильно и делать его хорошо. Это поиск баланса интересов работников и руководства, администрации.

Первым делом «развязал» узел конфликта с Н. В. Трущенко и Ю. Н. Афанасьевым, который на работу являлся как «красно солнышко» — к обеду и крепко выпивши. До этого у нас были товарищеские отношения. Я посоветовал ему уйти «по собственному желанию» или — на партком. И тогда — снятие.

За полтора года работы в парткоме сделано немало полезного. Но главное, чем дорог мне этот период жизни — обретение дружбы с **Николаем Владимировичем Трущенко**. Несмотря на заметную разницу в возрасте (13 лет), мы задружили по-настоящему. Хотя еще в 1968 году нас свела идея создания Высшей комсомольской школы. То в моем кабинете на третьем этаже ЦК, то в Центральной комсомольской школе мы проводили тогда «мозговые атаки» по поводу совершенно необыкновенного — комсомольского вуза, начиная с его названия и статуса: институт? академия? университет? Чем закончились эти дискуссии, известно: ВэКаШа... Но это был сюжет наших биографий, не более.

Теперь мы находились в официальных служебных отношениях, но у меня, как секретаря парткома, было конституционное

право контроля за его ректорской деятельностью. Как осуществить на практике это право, не поступясь совестью, честью и долгом с моей и с его стороны?.. Выполнение этой задачи требовало филигранной точности. Кажется, мы сумели. Работали слаженно и эффективно, хотя в ЦК партии и ЦК комсомола (я это чувствовал и знал) ждали иного...

Трущенко был очень капитальным человеком, натурой героического склада. В 17 лет попросился добровольцем на фронт. Прошел путь от Москвы до Берлина; от рядового — до капитана. Два боевых ордена и пять медалей. Два тяжелых ранения. Вернулся на «гражданку» инвалидом первой группы. Стал доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой Горьковского (ныне — Нижегородского) университета. Чтобы говорить на лекциях громко и ясно, набивал рот мелкой галькой и часами ходил по берегу Волги, произнося специальные скороговорки.

Классический профессор: блестяще знал свой предмет, любил тех, кого учил, был требователен и щепетилен во всем, начиная с одежды.

Не всех он жаловал, но все его любили за волю и своенравность, которая иногда переходила границы, это было...

Забегая вперед, скажу, что когда в 1984 году меня (с подачи Н. В. Трущенко и согласия В. М. Мишина) назначили директором НИЦ, я поставил вопрос о придании Центру статуса юридического лица (и добился самостоятельности), несмотря на яростное сопротивление Трущенко, наши отношения разладились. А когда из-за атак анонимщиков Николая Владимировича сняли с должности «по собственному желанию» и он перешел на работу в другой вуз, и вовсе оборвались. На целые десять лет...

Став ректором Института молодежи в феврале 1994 года, я вскоре позвонил Трущенко. Трубку взяла Екатерина Ивановна — Николай Владимирович был в Волынской больнице. Я поехал к нему, и мы говорили о текущих делах так, словно расстались только вчера.

Договорились, что Николай Владимирович станет профессором-консультантом Института молодежи — дорогой его сердцу ВКШ, где он был ректором 17 лет. Учредили стипендию Н. В. Трущенко «Надежда института». Аудиторию, в которой он

читал первую актовую лекцию при открытии ВКШ, назвали его именем.

Трущенко был счастлив, а еще больше — Екатерина Ивановна: красивая и веселая даже в старости — она просто сияла от радости.

В июне 1995 года, чувствуя, что силы покидают его, Николай Владимирович написал мне объемистое письмо на семь страниц, в котором размышлял о прошлом, объяснял свой взгляд на причины нашей долгой размолвки и, на всякий случай, прощался... Приведу две выдержки.

«...Я пошел на существенную ломку своего жизненного уклада, разрыв с родным городом в 45 лет и трудным привыканием к тяжелой столичной жизни, взглядам москвичей, косившихся на приезжих варягов, занимавших „их“ высокие должности, „их“ благоустроенные квартиры.

И не будь рядом „новосибирца“ (речь обо мне. — *И. И.*), трудно сказать, сколько раз и с какой мерой успеха поднимал бы на четвертый этаж ЦК проекты предложений о создании необыкновенного вуза. Сколько в них было неординарных предложений, рожденных совместно с тобой!.. И мы, Игорь, кое-что сотворили! И Школу мы открыли! И были вместе весь тот благоденственный день от начала и до поздней ночи!..»

«...Нельзя словами оценить все внимание и заботу обо мне с твоей стороны, как друга и ректора. Ты напомнил мое имя всему коллективу, восстановил затухающую под тяжестью времени память о своем бывшем руководителе. Это твое душевное дело, благородное... Спасибо тебе, Игорь. Это благородство увидели все: и друзья, и недруги...

Спасибо тебе за символ моего причастия к Институту молодежи и далеко не символическую оценку этой причастности. Когда я писал для тебя картину „Осень. Старые клены“ (Трущенко очень хорошо рисовал. — *И. И.*), я все время думал о тебе, размышляя о наших комсомольских годах, сегодняшних днях — твоем закономерном взлете, моем неизбежном угасании...»

Дважды в году — 9 мая, в День Победы, и 15 сентября, в день своего рождения, Николай Владимирович собирал в своей, как писали анонимщики, «шикарной» квартире, где главная комната

была площадью не более двадцати квадратных метров, широкое застолье. Здесь я впервые познакомился со многими космонавтами, композитором А. Пахмутовой, поэтом Н. Добронравовым, певцом И. Кобзоном и многими другими знаменитыми людьми. Постоянными участниками этих встреч были Николай Иванович Масленников, первый заместитель председателя Совета министров СССР; Геннадий Иванович Янаев, тогда председатель Комитета молодежных организаций СССР, ставший при Горбачеве вице-президентом СССР; летчик-испытатель, Герой Советского Союза Георгий Константинович Мосолов.

Овдовев в 1997 году, Екатерина Ивановна вернулась на родину, в Нижний Новгород, где живут ее дочь с детьми, где похоронен Николай Владимирович...

Научно-исследовательский центр

Это было серьезное назначение: зарплата директора, доктора наук (а в 1983 году я защитил докторскую диссертацию) — 600 рублей, уровень союзного министра, персональная машина, социальный статус.

Первые два года работы ушли на то, чтобы центр от исследований организации с названием «комсомол» перешел к исследованию молодежи. Убедил в этом руководство ЦК. Смена объекта изучения привела к тому, что количество секторов, лабораторий и отделов выросло в несколько раз, сотрудников — в пять раз: с 40 до 240. Надо было резко усилить интеллектуальный потенциал. Подобрал несколько талантливых исследователей, которые составили творческое «ядро» центра.

Научная «машина» работала. Центр проводил десятки научных исследований, в том числе совместных сравнительных — с Болгарией, Польшей, Чехословакией, Венгрией, а позднее — с Японией, США, Великобританией. Выполняли заказы ЮНЕСКО и ООН. Меня избрали вице-президентом Исследовательского комитета «34» Всемирной социологической ассоциации. В СССР назначили главным ученым секретарем Координационного совета по исследованию проблем молодежи при ЦК ВЛКСМ, Академии наук СССР и Академии педагогических наук СССР.

Нужна была, однако, идея «из ряда вон», идея, которая интегрировала бы интеллектуальные возможности всего центра. И я нашел ее: это была идея о разработке в СССР государственной молодежной политики, создавшая единое исследовательское поле для философов, историков, социологов, юристов.

29 октября 1986 года в докладе на юбилейной научной сессии НИЦ я обосновал и представил эту идею исследователям и обществу. С группой ученых разработал первую концепцию закона СССР и первый вариант самого закона «О молодежи», который впоследствии обрел иное название — «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР».

Сначала она не понравилась никому: работникам ЦК КПСС, руководителям ЦК комсомола, сотрудникам НИЦ. Одни видели в **государственной** молодежной политике угрозу всевластию партийной политики; другие усматривали в появлении государственных органов по делам молодежи наступление на функции комсомола и понижение его роли в обществе; третьи утверждали, что политику невозможно взять в рамки каких-либо юридических норм. О самой молодежи, ее интересах, нуждах и бедах никто говорить не хотел... Как и все неожиданно и действительно новое, идея государственной молодежной политики прошла три известные стадии: «Этого не может быть!», «В этом что-то есть...», «Ну, кто же этого не понимает!..»

Борьба за осуществление этой идеи, подготовка проекта закона до его принятия Верховным Советом СССР в мае 1991 года заняли четыре с половиной года моей жизни. Это мое главное дело тех лет. Несмотря на яростное и длительное сопротивление со стороны партийных и комсомольских функционеров, в том числе руководства ЦК комсомола, которое с некоторых пор вроде бы стало поддерживать эту идею, и тех, кто стоял за ней, т. е. меня, на самом деле это было не так. По большому счету всем было наплевать и на идею, и на закон о молодежи. По-настоящему горел этой идеей, считал его своим личным делом, своей судьбой, только я. Десятки раз выступал на телевидении, по радио, в газетах и журналах, проводил множество круглых столов, совещаний.

Да, с каждым днем и каждым годом у меня появлялось все больше сторонников, были помощники. Но это — потом, со време-

нем. А поначалу и долго даже они были яростными оппонентами, а то и противниками. Убедил и завоевал их не кто-нибудь, а я.

Мне трижды удавалось разными способами «забрасывать» идею молодежной политики М. С. Горбачеву, но лишь после того, как 28 июня (в день моего рождения) он «озвучил» ее в докладе на XIX Всесоюзной партконференции, дело резко сдвинулось с мертвой точки. С этого момента из носителя «сумасшедшей» и «никому не нужной идеи» я превратился в «новатора» и «настоящего перестройщика». Годы предшествовавшей работы и неимоверных нервотрепок обрели смысл.

В государстве — «вверху» и на местах — были созданы органы управления новой отраслью — молодежной политикой. Но рухнул Советский Союз...

Можно сказать, что и эта работа, на которую ушло почти пять лет моей жизни, море энергии и куча нервов, пошла прахом. Но это не так. Во-первых, я сделал то, что хотел! С небольшой группой соратников я **убедил в своей правоте целую страну**! Во-вторых, и сегодня идея и даже многие старые положения закона работают, а значит, миллионы молодых людей имеют помощь в своей жизни, которой могли бы не иметь...

Можно говорить, что независимо от моей инициативы рано или поздно это случилось бы все равно. Не факт. Скорее нет, чем да. Вот уже лет пятнадцать в Госдуме РФ идут разговоры о подготовке закона о государственной молодежной политике, работали несколько комиссий, но ни один законопроект не принят.

В 1991 году пять человек — Ильинский, Алешёнок, Луков, Поллыева, Пугинский (за исключением последнего — все сотрудники НИЦ) получили премию Ленинского комсомола, которая по своему статусу приравнивалась в СССР к Государственной премии. Высокая награда! Я горжусь ею.

Я сам, работники НИЦ сделали много для того, чтобы комсомол, который нас «кормил» и которому мы служили, стал более человечной, заботливой и полезной организацией. Нас не слушали... Если прежде комсомолом руководили люди умные, идейные, полагавшие, что истина исходит прежде всего из их уст и потому пренебрежительно относившихся к науке, то в закатные годы комсомолом управляли функционеры, в сознании которых высо-

кие идеи и цели просто отсутствовали. При дележе собственности и денег наука не нужна.

Без ложной скромности скажу: именно под моим руководством Научно-исследовательский центр стал **знаменитым в СССР и известным в мире**.

Основные результаты моей научной деятельности тех лет изложены в книге «Молодежь и молодежная политика».

О самороспуске ВЛКСМ я узнал 1 октября 1991 года, находясь в Социальном центре Организации Объединенных Наций (Австрия, г. Вена): представлял подготовленный мною и работниками НИЦ доклад Генеральному секретарю ООН «О положении молодежи в мире: прогноз до 2000 года».

От миллиарда рублей на счету ЦК ВЛКСМ, равных, наверное, миллиарду нынешних евро, НИЦ досталось 237 тысяч рублей — на полгода существования. Сотрудники увольнялись десятками: каждый искал свой способ выживания. Вскоре в центре остался десяток работников, из заместителей один — Борис Александрович Ручкин.

Как мы спасали НИЦ — отдельный разговор. Но мы его спасли. Более того, уже в «новой» России центр подготовил два уникальных доклада Правительству РФ «О положении молодежи» (1993, 1995). Второй доклад (о проблемах воспитания) обсуждался на очном заседании правительства, был признан «очернительским» и запрещен для рассылки в регионы...

Московский гуманитарный университет

В феврале 1994 года мы сместили с должности ректора Института молодежи (так назывался нынешний университет) Г. С. Головачева. «Мы» — это (в порядке погружения в процесс) Б. А. Ручкин, В. А. Приступко, С. А. Агеев, Г. Я. Кулиш, В. А. Родионов, В. Г. Никулин, Н. С. Слепцов. Они подписали в адрес учредителей Института молодежи письмо о том, что Головачева надо освободить от занимаемой должности и назначить ректором меня. Учредители согласились.

Идея «дворцового переворота» была моей. Но как она могла возникнуть в голове человека, который никогда не рвался к власти, у которого не было ни «длинной», ни «лохматой» руки, кото-

рому должности «доверяли» за упорный труд? Который дважды отказывался от служебного повышения по сугубо моральным соображениям?..

Тут случай совершенно особый: я видел, что Институт погибает. Это понимали многие и бежали из него. Остальные жили по формуле «куда кривая вывезет». Меня такая жизнь не устраивала. Дело в том, что НИЦ, имея статус юридического лица, тем не менее функционировал «при» институте, использовал его материальную базу и территорию. Гибель института означала гибель НИЦ. А я погибать вместе с Г. С. Головачевым, совершенно растерявшимся в новой ситуации и пьяным с утра до ночи, не хотел.

В моих намерениях не было никакой материальной корысти: в новых условиях я быстро нашел способы «делать деньги» (стал одним из учредителей Международной продовольственной биржи, продавал акции и быстро заработал несколько миллионов рублей, начинал торговать отходами цветных металлов и т. п.), уже строил загородный дом. То есть в материальном плане был вполне благополучен. И если бы целью жизни моей были деньги, богатство, то сегодня я был бы очень богат, не сомневаюсь. Но просто «делать деньги» — это абсолютно не мое. Я хотел заниматься тем, что мне было по душе, — продолжать научную деятельность. Все упиралось, однако, в одного человека — Г. С. Головачева, попытки поговорить с которым заканчивались на второй рюмке... Печально, но факт.

Тогда я однажды сказал Б. А. Ручкину: «Не уберем Головачева — погибнет все: институт, НИЦ, пострадают ты, я и сотни других сотрудников, которые тоже хотели бы и дальше заниматься своим делом». Один за другим проректоры были посвящены в тайну. Некоторые проректоры, которым я не доверял (В. Г. Никулин, Н. С. Слепцов), узнали обо всем из текста письма, который я предложил им подписать, буквально за тридцать минут до того, как я поехал на встречу с учредителями. Стоит заметить, что более всех был полезен С. А. Агеев, с которым мы обдумывали все детали.

Институт был в крайне плачевном состоянии: три здания без крыш и окон, остальные — восемь лет без ремонта. Зимой бесконечные аварии: то трубы прорвало, то туалеты не работают, то ба-

тареи разморозило, в аудиториях и кабинетах холодрыга, невозможно ни учиться, ни учить, ни работать. Черным вороньем уже кружили над институтом разного рода «приватизаторы»...

Позади — почти четырнадцать с половиной лет ректорства. В 2000 году наш **негосударственный** вуз получил статус «академия», а в 2003 году — «университет». Теперь (уже давно) — один из лучших в России.

Есть много формальных свидетельств признания того, что наш университет успешен. Приветствия вузу направляли Президент РФ Б. Н. Ельцин (1999), Председатели Госдумы РФ Г. Селезнев (1999) и Б. Грызлов (2004), Председатель Совета Федерации РФ С. Миронов (2004). Дважды мэр Москвы Ю. М. Лужков вручал грамоты Правительства Москвы... В своем послании университету в 2006 году премьер-министр РФ М. Е. Фрадков сказал: «Московский гуманитарный университет — **флагман негосударственного образования в России**». И это признают как негосударственные, так и государственные вузы; 12 лет я возглавляю Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области, вхожу в состав Президиума государственных вузов этих регионов.

В 1999 году в Институт молодежи приезжали Генеральный директор Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры Федерико Майор и мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, подписавшие Декларацию о провозглашении нашей территории «Территорией культуры мира», — случай уникальный, в своем роде единственный.

Недвижимость университета оформлена в собственность университета, зарегистрирована в специально для этих целей существующей государственной структуре — Москомрегистрации. Все здания отремонтированы. Территорию в 54 гектара в 2006 году Московское правительство передало университету в аренду на 49 лет. Она ухожена и выглядит чудесно. В университете на 6 факультетах, в колледже и аспирантуре обучается около 11 тысяч человек — в 14 раз больше, чем в 1994 году.

Другой вопрос — как нам удалось все это сохранить и оформить по закону на глазах у многочисленных шакалов, рвавших от государства не то что отдельные организации — заводы, фабрики, но целые отрасли хозяйства... Некоторое представление об этом

дают 14 моих докладов на ежегодных августовских совещаниях преподавателей и сотрудников, собранных в книге «Путь к успеху». Сказать одним словом — потрачено неимоверно много сил, здоровья, нервов, бессонных ночей.

Расскажу только две истории. Две — из многих десятков...

Через неделю после вступления в должность, 20 февраля 1994 года, открыв папку с документами, принесенную из канцелярии, я увидел распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 февраля 1994 года № 194-р, в котором говорилось, что «в целях обеспечения выполнения распоряжения Совета министров — Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1993 года № 722-р Институт молодежи должен передать Российско-Арабскому университету корпус „А“ и корпус № 1 общей площадью 8,9 тыс. кв. метров; Госкомимуществу России оформить в установленном порядке передачу этих зданий в пользование Российско-Арабскому университету». И подпись — «Председатель Правительства Российской Федерации В. Черномырдин».

Я ошалел. Прочитал бумагу раз, два...

Собрал совещание. Мои замы (проректоры) сообщили, что вопрос тянется уже несколько месяцев, что это второе распоряжение Правительства; что Президентом Российско-Арабского университета является заместитель Председателя Совета Федерации России Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов, до недавнего времени — министр по вопросам национальностей РФ, человек влиятельный.

Что делать?.. Позвонил хорошо знакомым людям в «верхах». Те говорили одно и то же: «Против лома нет приема. Ты видишь по телевизору, как это делается? Приезжает ОМОН, одних выбрасывают, а за их столы усаживаются новые хозяева».

Не спал всю ночь. Начинать спасение института, ради чего сам напросился в ректоры, с того, чтобы отдать в первый же день два из семи его корпусов?!. Решил идти ва-банк. Переговорил кое с кем в тех же «верхах» и буквально через день выступил в программе «Утро» с Инной Ермиловой, тогда очень популярной телеведущей.

Вскоре встретились с Абдулатиповым. В начале беседы он предложил прочитать один документ. Это было письмо Абдула-

типова за № 6-616 от 13 сентября 1993 года Президенту РФ Б. Н. Ельцину, в котором сообщалось, что указания Ельцина о выделении Российско-Арабскому университету необходимых помещений не выполняются. В связи с этим Абдулатипов просил Ельцина поручить председателю Госкомимущества РФ Чубайсу А. Б., мэру Москвы Лужкову Ю. М. и губернатору Московской области Тяжлову А. С. ускорить решение этого важного вопроса. Рукой президента на этом письме было написано: «А. Б. Чубайсу — сбор, Ю. М. Лужкову, А. С. Тяжлову, А. И. Войкову. Доведите в конце концов вопрос до конца!» Слова «до конца» подчеркнуты. И подпись — «Ельцин».

И все же разговор состоялся. По-моему, Абдулатипов понял, что перед ним не простой «фрукт», что я действительно способен всерьез испортить его политическую физиономию. Мне удалось убедить Абдулатипова сесть за стол переговоров, искать компромисс. Долгое время никак не могли договориться. Тогда обратились в арбитражный суд. Дело тянулось несколько месяцев. Ни одна из сторон не была уверена, что выиграет. Буквально за несколько часов до заседания суда подписали согласительный договор. Закончилось тем, что мы отдали РАУ в корпусе «А» 700 кв. м в аренду на льготных условиях сроком на 5 лет. И всё. Абдулатипов написал письма Черномырдину и Чубайсу. 10 июня 1994 года по распоряжению Чубайса вопрос был закрыт.

В собственности института остались два корпуса общей площадью почти в 9 тысяч квадратных метров, в которых расположены теперь три факультета: юридический, социальной работы и культурологии, а также административно-хозяйственные службы.

Когда я рассказываю эту историю бывалым людям, они не верят: выкрутиться из ситуации, когда есть распоряжение Госкомимущества, два распоряжения Председателя Правительства и предельно жесткая резолюция Президента России?.. Фантастика!.. Сейчас порой и самому не верится. Но все так и было: передо мной документы.

В моем «Ежедневнике» за 1995 год среди вопросов, которые мы обсуждали 29 сентября на ректорате, последним стоит вопрос № 7 — «Killer. Парфенов». Это — второй сюжет.

Утром этого дня мой секретарь сообщила: «Пришел какой-то парень с двумя милиционерами, хочет с вами поговорить». Заходит молодой человек. Представился: «Парфенов». Говорит: «Наша фирма арендует у вас спортзал. Два раза в неделю мы играем в футбол. Мне нужен пропуск и на два автомобиля — моего и охраны — для въезда на территорию до спорткомплекса. Без вашего разрешения мне пропусков не дают. Но идти пешком от стоянки по вашим зарослям мне нельзя — опасно. Просьба: решите вопрос. Пользуясь случаем, хочу предупредить: вас „заказали“. Мы установили „подслушку“ у одного из наших конкурентов (бывшего компаньона) и случайно узнали, что вас хотят „убрать“. Это вполне серьезно». Спрашиваю: «За что? Я не банкир, не бизнесмен, а ректор разрушенного вуза... Посоветуйте, что делать?» Отвечает: «Кому-то мешаете. Совет? Возьмите охрану. У меня, например, два мента с автоматами в моей машине и два — в машине сопровождения». Говорю: «Вы представляете: ректор ходит по территории с автоматчиками?.. И какая разница: если захотят убить, то убьют». Говорит: «Если без охраны, то убьют за тысячу долларов. Если будет просто охранник, то за 5 тысяч. А если милиционер с автоматом, то уже не менее 15 тысяч. Может остановить простая жадность».

Эту информацию я и сообщил ректорату в тот день: «Что делать?» Судили-рядили. Все были за то, чтобы нанять охрану, хотя понимали, что смысла в этом нет. Некоторое время понервничал, да и успокоился.

Прошло несколько месяцев... Снова звонит Парфенов: «Приглашаю приехать срочно на фирму: очень важная информация». Приезжаю (фирма расположена в помещении Перовского рынка). Парфенов говорит: «Вас могут „убрать“ на днях. Киллер известен, он местный. Оружие везут из другого города поездом. Сейчас я покажу вам киллера: мы давно знакомы, но он не знает, что нам известна его новая „специальность“. Недавно был у нас в магазине, есть запись на видеокамере». Показал запись. Спрашиваю: «Может, есть телефон киллера?» Парфенов дал мне телефон, назвал фамилию. Я передал информацию своему заместителю по безопасности, подполковнику ФСБ В. А. Локтеву, он проверил ее. Спецслужбы подтвердили: человек под такой фа-

милией существует, есть сведения, что он — киллер, но пока нет фактов.

Снова собрал ректорат. Снова судили-рядили. Ничего нового не придумали.

Созвонился с одним из дружески относившихся ко мне генералов ФСБ, объяснил ситуацию. Он предложил обратиться с письмом на имя руководства ФСБ России с просьбой о защите. Формальный повод для этого был: в это время я баллотировался кандидатом в депутаты Госдумы России. На этом основании ФСБ взяла меня под свой присмотр... Я видел и чувствовал: меня прикрывают. А теперь у меня на руках есть даже справка из архива ФСБ «В отношении угроз в адрес Ильинского И. М.».

Вскоре раздается телефонный звонок: «Здравствуйте, это майор (фамилию не помню) из РУБОП (Региональное управление по борьбе с организованной преступностью в Москве и Московской области). У нас для вас срочная информация». Приезжаю в здание из красного кирпича на Шаболовке. Майор говорит: «Вас собираются убить». Говорю: «Мне это известно. Откуда информация? Кто заказал? Чем можете помочь?» Ответ: «Информация от нашего „источника“. Заказчик уточняется. Помочь ничем не можем. Принимайте меры сами».

Выхожу из кабинета — навстречу хорошо знакомый мне полковник Анатолий Петрович Батуркин, заместитель начальника РУБОП (начальником тогда был небезызвестный генерал Рушайло (впоследствии министр МВД РФ): «Вы что у нас делаете?» Рассказываю историю. «Странное дело, — говорит он. — Мне такая информация не поступала. Без моего разрешения вызывать по такому случаю майор не имеет права. Разберусь».

Через несколько дней позвонил: «Мой майор как-то связан с Парфеновым...»

Так прошло несколько месяцев. ФСБ охрану уже сняла.

Однажды случайно сталкиваемся в спортзале Института с Парфеновым. Спрашивает: «Как дела?» Отвечаю: «Да вот — пока жив». Говорит: «Не расслабляйтесь. Киллер попал в автокатастрофу. Ищут другого. Но вас по-прежнему хотят „убрать“». Я попросил Локтева уточнить насчет киллера. Оказалось, все правда — в больнице.

И вдруг узнаю: Парфенов — владелец 17 магазинов по торговле запчастями для автомобилей — арестован...

Начиная с января 1994 года и до 1998 года я жил в большом психологическом напряжении. Мне было известно, что, как только пошли разговоры о моем возможном ректорстве, всполошились некоторые арендаторы, которых было много. Пустили слух: «Если Ильинский станет ректором, он всех вас из института повыгоняет». А некоторые из «братанов», между прочим, собирались обосноваться на нашей территории надолго, приглядывали, нельзя ли что прикупить. Люд был очень разный. Впоследствии стало известно, что фирма «Каменный пояс» была связана с торговлей оружием, другая занималась наркотиками, третью возглавлял один из руководителей чеченской мафии в Москве, который впоследствии был арестован. На своем собрании «братва» решила: «Допустить назначение Ильинского ректором нельзя...» Недели две за моей машиной всюду следовал «хвост». Приезжали «люберецкие», «перовские». Подстраивали автомобильные аварии. Угрожали по телефону.

Об этом и говорить-то вроде неловко: не убили же и даже не ранили. Но жить, зная, что тебя **собираются** и в любой момент **могут** убить очень непросто. Тем более когда в ту пору чуть ли не каждый день по телевизору сообщали: «Убит губернатор», «Убит депутат», «Убит президент банка»...

С годами бандиты стали появляться реже. Осточертели «свои» — работники органов госконтроля. То прокуратура, то налоговая инспекция, то налоговая полиция, то экологическая полиция, то управление по борьбе с экономическими преступлениями, то пожарная инспекция... Россия — страна «наездов», но никто не приезжает по звонку заранее. Являются в кабинет неожиданно, с наглым видом в верхней одежде: «предоставьте», «расскажите», «покажите»... Делаем, о чем просят. Ничего плохого не находят, уходят недовольные: не для того приходили, чтоб обнаружить... порядок.

А именно порядок на всех участках, забота о том, чтобы в вузе работали порядочные люди и сам он в целом имел репутацию порядочного — предмет каждодневной моей работы с утра до ночи

уже в течение четырнадцати с половиной лет. Порядка просят студенты и их родители, которые платят немалые деньги за обучение в университете. Порядка хотят сотрудники университета. Но строить порядок, но жить по порядку умеют, увы, далеко не все. А я — обязан.

Университет — мой «последний редут».

ИСТИНЫ И МАКСИМЫ

Об истине

Часто встречаю людей, оголтело твердящих: «Не согласен! Я думаю иначе», «У меня свое мнение!» И готовы сжечь на костре тех, кто с их мнением не согласен. Но сколько людей, столько и мнений. Я же говорю об истине, т. е. таком уровне понимания любого предмета обсуждения, который (предмет) таков, каков он есть сам по себе, независимо от того, что думает о нем тот или иной человек, а то и целое собрание.

Истина добывается не горлом и криком, не большинством голосов, а познанием и практикой, на что уходят порой столетия. Смешно и стыдно отвергать в угоду тщеславному мнению истины, добытые умом, опытом, потом и кровью предков. Именно потому, что заурядные умы ставят впереди истины свое мнение и строят на нем, а не на истине жизнь свою, а будучи во власти, жизнь целых народов, на нашем маленьком земном шаре так много разных бедствий. Плохо, когда человек вообще не имеет своего мнения, очень плохо! Но люди, игнорирующие истину ради торжества своего мнения, опаснее чумы и землетрясений.

Есть истины вечные, и речь в этой книге — о них. Важно понять, почему они — вечные; почему следовать им — необходимо, если хочешь быть счастливым. Рано или поздно нормальный человек начинает понимать, что без этих вечных истин и норм морали общество превращается в зверинец — в джунгли, где сильный охотится на слабого и пожирает его. Но на этом пути нет счастья... Я же своим детям, внукам и правнукам ничего, кроме счастья, и пожелать не хочу.

О смысле жизни

На вопрос «В чем цель жизни?» у каждого свой ответ. Если, конечно, ты вообще ищешь цель и смысл жизни. Мой ответ: найти готовый смысл жизни невозможно, ибо никто его для тебя не готовит. Вне нас, вне конкретного человека, вне человечества смысла нет. Когда-то жизни не было и когда-то ее не будет: все в этом мире имеет свое начало и свой конец. С этой точки зрения жизнь есть бессмысленный процесс рождения, цветения, вызревания, плодоношения, увядания и смерти. Жизнь дана для жизни. Тут человек ничем не отличается от любого животного или растения. А может случиться так, что из этой троицы первым исчезнет именно человек: он так старательно изводит свой род.

Но пока мы живы и разумны (?), мы должны придавать нашей жизни смысл, вносить смыслы и бессмыслицу, а для этого должны стремиться и искать эти смыслы. В конечном счете смысл жизни состоит в том, чтобы сохранить жизнь. Высший смысл жизни в самой жизни. Вторая задача — сделать жизнь лучше, чем она была прежде и есть ныне. Смысл жизни — в развитии. А главным источником развития является человек. Конкретный человек. Но что такое — лучше? И за счет чего? За счет самосовершенствования. Таким образом, смысл жизни в нас самих, внутри нас. Жизнь надо о-смысливать, т. е. вносить в нее смыслы. Неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать. Если человек всей своей напряженной жизнью, несмотря на все лишения, боли и мучения, сохраняет себя живым и живет все лучше за счет развития и реализации своих способностей, его жизнь исполнена смысла.

Когда-то в юности, в пору бушевавшего в моей душе своеволия, мне понравился услышанный случайно девиз «Быть самим собой». Тогда, мне казалось, он очень подходил к моей натуре: «А я вот такой, и „кушайте“ меня таким, каков я есть. Изменяться не собираюсь — остаюсь самим собой». И лишь с годами понял: чтобы «быть самим собой», надо чем-то быть, что-то значить в этом мире, иметь многие добродетели, а не просто скверную привычку стоять, как осел, на своем. В стихотворении «Мой путь» я говорю о том, как это трудно — «быть самим собой». Но я сумел...

О Совести и Чести

В гербовнике древнерусских фамилий, изданном в конце XIX века, я нашел герб и девизы фамилии Ильинских: «Светя другим, сгораю сам», «Доброе имя превыше всего». Эти девизы мне по душе.

Но мир изменяется, изменяя мораль и нравы. «Служа другим, сгораю сам». А кто они, эти самые «другие», сегодня? Очень много идиотов, эгоистов, невежд, хамов. Сжигать свою единственную жизнь ради них?.. «Доброе имя превыше всего»... Но зайди в какой-нибудь замок на Рублевском шоссе (а нынче в каждой области свои «рублевки») да скажи его обитателям эти слова: «честь», «совесть», «долг», «справедливость»... Не то что засмеют, собак спустят: «Сумасшедший! Сейчас дом подожжет или гранату бросит!..» Они слов-то таких не знают. Они им для чего? Они убеждены, что совесть — это утеха слабых; что сильные духом, энергичные люди овладевают совестью как насильник девкой, порабощая ее своим желанием, что совесть — помеха для деятельных натур. То же скажут и о чести. «Как быть честным в лживом обществе? Как достичь достатка, будучи честным? Честность соседствует с глупостью». Честность — тщеславие бедняков! Без обмана ни вчера, ни сегодня не достичь ни власти, ни денег. Без подхалимства не сделать карьеру.

Честь сокращается по мере того, как карман наполняется деньгами, чем ближе день выборов в президенты или депутаты. Пятнадцать лет существует Госдума в России, а закон о борьбе с коррупцией так и не принят. Честь и выгода сегодня противостоят друг другу. В честной борьбе побеждает жулик. «**Быть честным невыгодно**», — утверждают многие.

Утверждаю обратное: **быть честным — выгодно**, уж если на то пошло; быть честным интересно, потому что это сложно и трудно, когда вокруг ложь и обман. Хотя есть немало людей, которые полагают, что если бы это было так, то мир не знал бы воров и мошенников. Уточняю: честным быть особенно выгодно именно в мире жуликов. Добиться устойчивого успеха можно, только

оставаясь порядочным человеком. Иначе тебя рано или поздно постигнет судьба «олигархов» типа Березовского, Гусинского, Ходорковского и иже с ними. У тебя миллиарды, а ты в бегах или в тюрьме — это успех? Тебе деньги некуда девать, а ты каждую минуту живешь с мыслью о том, что можешь оказаться в тюрьме, — это счастье?..

Честь нельзя подарить, честью нельзя наградить. Честь надо заслужить. Честь добывается, завоевывается в труде или в бою, потом и кровью.

Честь — это косвенный нравственный результат успеха или победы, но не удачи. Успех, победа, в свою очередь, — это торжество добрых сил над злом и благо для тех, кто его достиг. В этом смысле успех имеет не только прагматическое (материальное, денежное и пр.), но также сакральное, духовное значение.

Честь — результат борьбы, а борются всегда ради чего-то. Победителя возвышает цель, ради которой он боролся и победил. Величие цели предопределяет меру чести, и, в свою очередь, возможность достижения великой чести есть самый мощный мотив борьбы и движения к цели.

В России с первых дней «реформ» изобретались разного рода способы ухода от госналогов, «серые» и «черные» схемы выплаты зарплаты, написано множество пособий, проводились семинары, до сих пор существуют конторы, зарабатывающие на этом «бизнесе». Предложения «помочь» поступали не раз и ко мне. И, чего греха таить, иногда возникало искушение: может, попробовать? Все же так делают! И не случайно: государство налогами душит малый и средний бизнес, в разряде которого находятся и негосударственные вузы.

Но я следовал древнему принципу: «Закон плох, но это закон». И от этого университет только выигрывал. Как и ко всем, на нас десятки раз налетали с проверками различные контрольные органы: налоговая инспекция, налоговая полиция, прокуратура, работники по борьбе с экономическими преступлениями. Приходили, как правило, будучи уверенными, что вот сейчас они нас «нагреют» и получат «отступные», проще говоря, взятку. А уходили злые от неудачи, иногда с удивлением и даже похвалами: «Молодцы!.. Не как все!..»

Когда в 1994 году я стал ректором, то в разрухе были не только здания и территория — разруха жила в головах и душах людей. Их «ремонтом» прежде всего и приходилось заниматься. Тогда я написал «Общие правила поведения сотрудников и преподавателей», «Кодекс чести сотрудников и преподавателей», «Кодекс чести студентов». Мы выставили в самом людном месте огромные стенды с текстами правил и кодексов. Я не знаю, как они работают, но я декларировал свои взгляды и следую им на практике.

О Служении

Служение Отечеству «и другим» — это расплата за жизнь. Нет иного величия, кроме величия исполненного долга, нет и иной радости, кроме служения Отечеству и другим людям. Служение как образ жизни в качестве нечаянного продукта приносит человеку самую главную награду — психологическое, эмоциональное и духовное равновесие, внутреннее спокойствие и мир в душе. Служение имеет верховенство над всеми иными добродетелями в том смысле, что для того, чтобы служить другим, надо что-то представлять собой. Если человек не добр, не умен, не силен, то что может дать он другому?.. Служение — это привилегия избранных личностей, одаренных особым талантом любить других людей и быть в своей любви самоотверженными. Служение — это в сути своей самоотречение. Служение — это Любовь в рабочей одежде. В 2004 году в университете учрежден орден «Служение и Честь», которым награждаются выдающиеся работники, которые десятилетиями приходят в него не «на службу» от сих и до сих, а именно служат ему.

Кто-то из умных заметил: **«Все великое в нашем мире случается только потому, что кто-то делает больше, чем обязан»**. Верные слова! В будничных житейских делах самоотверженность способна сотворить все, на что способен гений. А если принять во внимание, что гений — всего лишь человек, а значит, существо ограниченное и многого не знающее и не умеющее, то самоотверженность иногда значит больше, чем природные задатки.

Однажды я посчитал и вздрогнул: 100-летняя жизнь — это всего 36 500 дней! А плодотворная? Лет пятьдесят — всего 18 250 дней.

Из них 2400 — выходные дни, да плюс 750–800 дней — различные праздники. Итого около 3200 дней. Вот это и есть мое личное, только мне принадлежащее время. Эти дни можно проспать, пролежать на пляже, просидеть у телевизора, одним словом — профукать. В эти «свободные» дни я пишу. Мое глубокое убеждение: если хочешь что-то успеть, надо «гореть». **Немного стоит жизнь того человека, которому ничто не дороже жизни.** Тот, кто только и делает, что день изо дня боязливо заботится потерять жизнь, и выглядит забавно, и радоваться жизни не будет никогда.

О символах

В Древней Греции символом называли камень, который разбивали и по частям раздавали членам группы, чтобы потом, когда они соберутся вместе, сложить части и таким образом обнаружить, кто «свой», а кто «чужой».

С тех пор понятие «символ» значительно изменилось. Символы государства — это герб, флаг, гимн.

В университете пять знамен: Центральной комсомольской школы, Высшей комсомольской школы, Института молодежи, Московской гуманитарно-социальной академии, Московского гуманитарного университета. «Возраст» нашего вуза ведет счет с момента создания ЦКШ.

Сохраняя эти знамена, одному из которых (ЦКШ) скоро уже 65 лет, мы тем самым говорим ветеранам, нынешним работникам и студентам: «Мы — вместе!..» Конечно, о знамени можно сказать — тряпка на палке; а можно полагать, что знамя — свидетель успехов, достижений и побед, добытых потом и кровью; хранитель памяти о жизни и деятельности предшествующих поколений. Все зависит от того, как мы условимся понимать наши символы — знамена, гимны, ордена, медали и др., какие смыслы внесем в них. Если память жива и свята, значит, знамена, как и любой символ, — это наши святыни.

В 1995 году, когда надо было как-то поднять дух работников вуза, я написал стихи «Наша звезда» и попросил знаменитого композитора Марка Минкова: «Сочини музыку, чтобы она звучала

как гимн!» После аранжировки, сделанной А. Приступко, слова и музыка слились и стали гимном, который поют студенты и работники вот уже 13 лет...

Мои звания, ордена, медали, грамоты... Они **заслужены** мною. Если они только лично мои, то и цена им такая: не станет меня — выкинуть в мусорный ящик. А если это **родовое достижение**, то стоит показывать наследникам, а те уж пусть поразмыслят, как им жить, что добавить к достижениям предков.

О богатстве

Потому что с малых лет рос и до зрелой молодости жил в нищете и бедности, я ненавижу это состояние. Быть бедным — унизительно, обидно. Но еще в ранней юности понял, что если у тебя есть руки-ноги и нормальная голова, то обеспечить себе достойное существование вполне возможно.

В советские времена я неплохо подрабатывал пером — писал статьи в газеты и журналы, сценарии для радио- и телеспектаклей, публиковал брошюры и книги. Гонорары тогда платили хорошие. За книгу «Василий Алексеев» (серия «Жизнь замечательных людей») в 1986 году я получил 36 тысяч рублей: 60 месячных зарплат директора НИЦ, которая была равна зарплате министра. На эти деньги можно было построить небольшой домик в деревне, купить автомобиль «Волга» и еще тысяч семь-восемь положить на сберкнижку...

Ежемесячно я зарабатывал публикациями еще одну зарплату. Именно поэтому, как вспоминает Наташа, она постоянно видела из своей кроватки только мою спину и голову, склонившуюся над письменным столом. Писал я не только в выходные дни, но часто по вечерам и до глубокой ночи, оставляя на сон четыре-пять часов: здоровье позволяло.

Но давно понял: быть богатым не значит быть счастливым. Богатство — несчастье, а больше богатство — большое несчастье. Среди моих знакомых немало богатых людей. Я вижу, как богатства подчиняют человека, лишают его действительной свободы, управляют им. Быть рабом вещей и денег — это счастье?! Пору-

чать управление своими богатствами другим людям, которые на твоих же глазах обворовывают тебя? И зло берет, и обидно, а поделать ничего нельзя. Кроме как отказаться от богатств. Но таких я не знаю.

Нынешнее благополучие мы со Светланой **заработали своим горбом**. Сегодня живем в материальном достатке, позволяющем нам удовлетворять разумные бытовые желания. Всю жизнь я учился и учусь по сей день. Не просто работал, а вкалывал и пахал, вкалываю и пашу до сих пор так, словно завтра надо идти с сумой по миру. А вот этого я себе не могу позволить никак...

О власти и карьере

Я никогда не стремился к власти «любой ценой» и потому не сделал сногсшибательной карьеры. Должность ректора университета — это моя вершина. Но мне и не хотелось забраться куда-нибудь повыше. Зачем? Я рано понял, в том числе и потому, что «летал» достаточно высоко, что на вершинах власти ничего не растет. Зато там очень холодно, ураганные ветры и нечем дышать. Количество дураков там, может, и меньше, но их качество выше. Крысиная грызня не по моей душе. Недостаток крысиных гонок в том, что даже в случае успеха ты остаешься крысой. Очень плохо — быть крысой!.. А не быть ею в обществе крыс невозможно — загрызут.

Сказать, что я не желал карьерного роста, было бы неправдой. Но во мне всегда присутствовали какие-то внутренние «тормоза» — может, скромность, самолюбие или гордость: «заметят — отметят». Так все и происходило.

В советские времена были правила — «не высовываться». Люди не могли выдвигать сами себя; кадры «выращивали» и «выдвигали». И весь этот процесс был под контролем партии. Существовала система работы с кадрами. В этом был большой смысл. Другое дело, как эта система функционировала. На верхние этажи часто попадали те, у кого была «длинная» или «лохматая» рука — действовала система «блата». Добивались успеха также подхалимы, умельцы влезть начальству, вовремя лизнуть кому надо

и где надо. Я обладал только «деловыми и политическими качествами», но никакой «руки» не имел, прогибаться не хотел и не умел. Люди такого сорта, как правило, застревали в среднем управленческом слое.

Не думаю, что обо мне можно сказать — «всего лишь ректор». Быть ректором высшего учебного заведения, да еще университета — мечта тысяч профессоров и многих из тех, кто пока находится «наверху». Образование — это благороднейшая и сложнейшая сфера, работать в которой — лучший дар судьбы. ЮНЕСКО относит должность ректора к одной из самых сложных. И это так. Хороший ректор должен быть универсалом и эрудитом: управленцем, ученым, педагогом, хозяйственником, стратегом, тактиком и так далее. Я горжусь своим положением. Что может быть интересней и важней, чем образовывать человека?..

Да, многие стремятся на самые «верхи» и даже добиваются своего. Ну и что? Гайдар, Чубайс и им подобные... Десятки миллионов ненавидят их. Это — счастье?

Немало повидав и передумав, скажу так: людей, стремящихся к власти любой ценой, надобно бояться как бешеных собак. **Вершины власти вовсе не вершины ума и добродетели**, напротив, сплошь и рядом средоточие пороков.

Об уме

В жизни вообще, а в критической ситуации особенно необходимы интуиция, вера, воля. Но прежде всего — ум, а в нем — воображение.

Когда все вокруг уныло опускают головы, я обычно начинаю фантазировать: «А что станет, если попробовать так...» Перебираю один за другим варианты, мучаюсь днями, ночами, неделями, иногда — месяцами, и вдруг — озарение. Часто я останавливаюсь, казалось бы, на самом невероятном варианте. Обычно мне говорят: «Это невозможно», но я гну свою линию, завоевываю сторонников, вместе с которыми иду к цели...

Вот 1994 год: наш вуз на краю банкротства. В общем-то положение дел было типичным: рушилась вся страна, а в ней — мил-

лионы различных предприятий и организаций. Особенность ситуации состояла в том, что в такой момент я сам вызвался возглавить институт. Сам! Значит, поддержавшие и окружавшие меня люди имели право думать, будто я знаю, как поставить его на ноги. А в моей душе, кроме веры в себя, кроме ощущения «я смогу!», а в голове моей, кроме фантазий, не было ничего. Ни-че-го. Так, какие-то общие, абстрактные представления о том, как бы все в институте быть **должно** и может быть, **если**... Вот вокруг этих «если» и крутились все мои мысли: «А что, если вот так?.. Нет!.. А если вот этак?.. Не выходит. Тогда, может быть, совсем наоборот?..» Я читал разную подходящую для данного случая литературу, но главное — днем и ночью думал о том, как эти сотни «если» перевести на язык логики, рациональности, облечь в форму стратегии, плана и конкретных задач.

Наконец, месяца через три после вступления в должность ректора, все сложилось в довольно внятную картину, и я решил представить Ученому совету доклад, в котором изложил свои соображения. В «свернутом виде», они звучали примерно так: «В скором будущем мы приведем в порядок территорию, здания и сооружения; у нас будет много студентов; работники будут получать хорошую зарплату; институт станет **известным**, одним из лучших вузов России — **элитным** университетом... Формула, по которой мы достигнем желаемого состояния: **„выживание через развитие“**».

Мои коллеги уныло опустили головы. За спиной слышалось: «Фантазер! Мечтатель!» В самом деле, ну о каком развитии можно было говорить, если не было денег на зарплату, а территория была практически оккупирована сотнями арендаторов, среди которых, как потом выяснилось, были торговцы «паленой» водкой, наркотиками, оружием?

В своем кабинете за спиной я повесил табличку с надписью: **«У нас нет денег. Мы должны думать».** Стали приходить с предложениями: «сдаться государству»; «создать акционерную компанию»; «продать часть собственности».

Это были примитивные, самые простые и легкие решения.

Мы пошли тем путем, который я предложил в докладе: открывали новые специальности, создавали новые факультеты, увеличивали набор студентов на платной основе, наращивали объем

различных образовательных услуг и, получая все больше денег, тут же вкладывая их в восстановление разрушенных зданий, еще более увеличивали набор, получали еще больше денег. И шаг за шагом вытесняли арендаторов, освобождая помещения для образования... Схема тоже не бог весть какая мудреная, но она заставляла всех, кто остался в вузе, вкалывать до глубокой ночи, без выходных, принося очевидный результат. Благодаря «мечтам» и «фантазиям» мы развивались!..

В институт вернулись многие из тех, кто два-три года назад в панике бежал из него. Оглядываясь вокруг, с удивлением спрашивали: «Как это удалось?» — «Да все очень просто, — отвечал я. — Удача — это гостья, которая не любит посещать ленивых. Надо хорошо думать и много работать!» Мы действовали рационально и прагматично, но выше логики и расчетов были воображение, вдохновение и воля. Воображение правит миром! «Фантастическое составляет сущность действительности», — заметил как-то Ф. М. Достоевский. Все, что ныне есть на свете, когда-то было неведомым, неизвестным, непонятным, а значит, было мечтой. Слово «мечтатель» звучит отрицательно только в том случае, если человек ставит цели, вовсе не задумываясь о средствах их достижения. Делать иногда проще, чем мечтать. Желание, хотение — это начало любого дела. Чего не хочешь, того и не достигнешь. Кто не верит в победу, тот уже потерпел поражение.

О душе

Что такое душа, не знает никто, хотя написано об этом за тысячелетия немерено. Одно ясно: душа не является врожденным качеством человека, она воспитывается, развивается, увеличивается или умаляется. Душа — связка способностей, ума и воли. Не каждый человек чувствует угрызения совести, не в каждом присутствует чувство чести и долга перед другими. Сообразно этому такие люди и поступают: ведут себя бессовестно, бесчестно, эгоистично. И не надо спорить: есть ли у таких людей душа... Ибо душа проявляется в поступках в отношении к другим. «Душевный человек», — говорим мы. И в этом определении — всё.

Когда я вижу, как ведут себя нынешние богатеи в до предела обнищавшей России, я говорю: это люди бездушные. Им наплевать на будущее и на вечность, в направлении которых повелевает двигаться человеку его душа. Если люди такого сорта будут и далее хозяйничать в стране и управлять ею, у России нет будущего. Как нет будущего в памяти людской у людей, вся жизнь которых сконцентрирована только на сиюминутном, сейчастном. Спешите о-смыслить свою жизнь, открыть в себе душу...

О воле

Все, чего достигает человек, есть усилие не только ума, но и воли. Сколько воли, столько и человека. Особенно если речь идет о руководителе. Многие представляют лидера дирижером. Но дирижировать — не руками размахивать, а подчинять других своей воле.

Воля не там, где «я хочу», а там, где «я должен». Необходимо сознание долга и внутреннее усилие для достижения должного. Независимо от того, какие силы противостоят тебе. Если я «должен», то я могу отдать все, в том числе жизнь, ради исполнения долга. Долг — это мотив. Но и у долга есть мотив: должен «ради чего?» Я воспринимаю свой долг как обязательства перед своими внутренними принципами, перед своими ближними и «другими», конечно, перед теми, кто достоин того, чтобы я жертвовал.

На что направлена воля — вопрос. «Сила есть — ума не надо». Воля не избавляет от сомнений... Но если в душе твоей нравственный порядок, если твое отношение к миру доброжелательно, то все твои усилия в конце концов направлены против зла. Сила воли в том, чтобы после размышлений в ситуации крайней неопределенности преодолеть свои сомнения и колебания.

«Волеть» — значит ломать волю других, ссориться, делать больно. И тут ничего не поделаешь: добро нередко достигается через зло, а часто даже не поймать тот момент, когда они переливаются друг в друга — добро в зло, зло — в добро. Не понимающие этой тонкой диалектики люди могут сказать: «Это

злой человек». А все наоборот: причиняя боль, хирург спасает жизнь.

Когда я вижу, что возникает неодолимое препятствие, в душе моей из ниоткуда возникает ярость, сила которой, знаю, способна на невероятное. Но что-то сгорает внутри...

О роли личности

Советуюсь часто и со многими. Но на совет, как правило, выношу свои суждения, свои идеи. Иногда в результате дискуссий корректирую их, иногда и вовсе отказываюсь. В этом смысл коллегиальности. Бывает — ошибаюсь. И вот тут вдруг чувствую, что оказываюсь в одиночестве: «У победы много родителей, и только поражение — сирота».

Был такой лозунг в советские времена: «Нет предела силе человеческой, если эта сила — коллектив». Однако во всем нужна мера. Слишком много «коллектива» было в прошлом. На самом деле вся история человечества есть **история идей и личностей**. Да и в любом конкретном деле, если глянуть на него беспристрастно, личность выпирает.

Н. А. Некрасов писал:

> Попробуй, усомнись в твоих богатырях
> Доисторического века,
> Когда и в наши дни выносят на плечах
> Всё поколенье **два-три человека**...

Когда меня спрашивают: «Как вам все **это** удалось?», я отвечаю: «**Это** результат работы многих». Надо быть идиотом, чтобы сказать: «Это сделал я. Я один». Но когда мне начинают делать комплименты, то я возражаю умеренно: хочешь не хочешь, а моя личность весьма заметна. И если б развитие событий в 1994 году и далее пошло не по задуманной мною схеме, все риски принял бы на себя прежде всего, а точнее — только я... Зачем лукавить? Миссию и стратегию университета, формулу «выживание через развитие» придумал я. Мои доклады на ежегодных августовских совещаниях, в которых корректируется стратегия развития, цели

и задачи на год, — это авторские труды. Идеи и философия развития вуза — это моя работа. Кое-что, а поначалу многое, я делал не так, как мне предлагали, а вопреки, через борьбу. Пришлось уволить немало «несогласных»... «Мы» имеет очень изменчивое содержание. Дело не только в том, кого «ушли», а кто остался. Ка́к человек работал и работает — вот главный для меня вопрос.

Как в любом спектакле, в жизни организации у каждого своя роль. И каждый должен исполнить ее лучшим образом. Тогда — овации и аншлаг. Различие в том, что руководитель организации — не только главный герой, но сценарист и режиссер-постановщик. Если какая-то из ролей (даже не одна) будет неудачной, «спектакль» не рухнет. Но если во главе бесталанный «главный», тушите свет — зал опустеет... В истории нашего вуза такое случалось.

О зависти и предательстве

Подмечено, что если у человека нет врагов, значит, счастье отвернулось от него... Понимаю — в своих врагах я сам и виноват: в глазах зависти всякий успех незаслуженный, несправедливый. Завистники (они же в большинстве и враги) сопровождают меня всю жизнь. Но это меня никогда не огорчало. Напротив — зависть и враждебность лишь укрепляют меня в мысли, что я на правильном пути. Зависть — удел слабаков и несчастных. В зависти я вижу скрытую дань уважения тех, кто не может сделать то, что делаю я. Я же никому не завидую и отвечаю враждой только на откровенно враждебные действия. И в этом тоже нахожу элемент счастья. У меня есть враги, которые были моими друзьями. Их немного. И есть друзья, которые были врагами. Есть достаточно скрытых и явных, заклятых врагов, которые ненавидят меня всю жизнь. О некоторых из них я вспоминаю с удовольствием, потому что их уже нет на этом свете.

Сам я человек, честное слово, независтливый. Когда встречаю воистину талантливого и (что очень важно!) добропорядочного, не кичливого человека, меня охватывает чувство благоговения. Чужие достоинства пробуждают во мне единственное желание — попробовать стать лучше.

До прихода в ВКШ я не особо задумывался о своих завистниках, хотя понимал и чувствовал, что они имеются. ВКШ для меня в этом смысле стала адом... Было немало способных, талантливых, честных и добропорядочных людей. Много середняков, а то и откровенной дряни. Сплетни, слухи, анонимки преследовали меня все настойчивее и больнее по мере того, как я добивался успеха. Выход моих книг, брошюр, статей, радио- и телеспектаклей всегда сопровождался письмами в «верха»: «Когда он пишет? Если сам, то надо проверить, как он исполняет свои служебные обязанности!» Защита докторской диссертации и дрязги вокруг этого события стоили мне больничной койки — «скорая помощь» увезла меня из рабочего кабинета с диагнозом инсульт и инфаркт одновременно. На самом деле это был гипотонический криз на фоне крайнего переутомления. Более месяца провалялся в 15-й больнице.

За шесть лет в связи с анонимками мое «дело» проверяли 18 комиссий из всех вышестоящих органов, которые только существовали при советской власти. Ни одна комиссия ни по какому доносу не вынесла мне даже какого-нибудь устного замечания. Ни од-на!

Тогда три мерзавца решились на крайний шаг: поставили свои подписи под заявлением в ВАК (Высшую аттестационную комиссию) СССР, где в тот момент находилась на утверждении моя докторская диссертация. Главный мотив доноса — «низкий методологический уровень диссертации». Проще говоря, «мало марксизма-ленинизма», много «отсебятины», нового, о чем ничего не говорится в трудах ни Маркса, ни Ленина, ни одного из генеральных секретарей ЦК партии...

И ВАК, чтобы не брать на себя ответственность, назначила повторную защиту моей докторской, которая состоялась в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Голосовали, как и в первом случае, тайно: 18 — «за», 1 — «против». Вскоре ВАК утвердила мою докторскую.

Меня не раз предавали. Год назад опять случилось — на работе. И грустно, и противно. И снова — зависть, алчность, лживость. Об этом есть стихи.

ПРО ИУДУ

В ту ночь все спали. Даже Бог.
А я томился в диком гневе —
Понять не в силах, кто же мог
Меня предать, кто эта стерва?

И я взмолился и воззвал:
«В чем грешен я, о Боже правый?!.»
И Бог проснулся и сказал:
«Уймись! В предательстве нет правды.

Чужой не может изменить:
Где тайны нет, там нет и нерва.
Сдают свои. Им есть что мстить.
Ищи измену в круге первом.

И знай: иудин поцелуй —
Тебе награда за мытарства,
Им был и будет тот холуй,
Кому ты обещал полцарства.

У каждого в сей жизни есть
Свои мечты, задачи, злости:
Один несет к Голгофе крест,
Другие — молотки и гвозди...

Христы приходят в тыщу лет,
Иудам несть числа и края.
Христос — Мессия и Обет,
Иуда — должность менова́я.

Спаситель — первый кандидат
На казнь распятием. В день судный
Узнаешь ты: в раю — свой ад,
А средь апостолов — Иуды.

И душу ты себе не рви:
Ноль не предашь; сдают великих.
Как жизнь прошел, так и живи.
Иуда ж проклят мой навеки».

Умолк Господь. И я уснул.
Мне снились детство, мама, ивы,
Вечерний деревенский гул,
Я, маленький, — такой счастливый!..

Это было в июле 2007 года...

Мое убеждение: **жить надо так, чтобы у тебя появились апостолы, а среди них — Иуда, и не один**... Предательство надо заслужить.

О политике

В 1996 году я пытался пробиться в Государственную Думу. Мотив был не личный, а коллективный: время было лихое — институт нуждался в политической защите. В момент, когда я регистрировался кандидатом в депутаты, закон позволял совмещать штатную должность и депутатство, а когда «гонка» уже началась, вышел запрет. Ректорство я не собирался оставлять, даже если бы выиграл выборы. Но — не вышло. Хотя у меня есть много оснований думать, что я победил. И это не фантазии, а факты. Никаких сожалений!..

Меня буквально тащили в разные партии, которых в условиях политического плюрализма развелось множество, причем сразу — в разряд «вождей».

В депутаты Госдумы РФ я шел от блока И. Рыбкина, бывшего тогда председателем этой самой Думы. Мне сообщили вдруг, что я избран в Политбюро партии, которую возглавлял И. Рыбкин. Но я не был членом этой партии!.. Сейчас и названия ее не помню, что-то про демократию. Потом собрали съезд в доме отдыха «Отрадное», недалеко от нашей дачи. Обсуждали устав и программу партии. Я прочитал оба документа и был потрясен: оказывается, через три-четыре года мы («наша партия») должны взять власть в России!.. В зале сидели человек двести никому неведомых личностей... Попросил слова, разнес в пух и прах оба документа и покинул зал.

Потом был момент, когда я помогал движению «Отечество» проводить курсовую подготовку кадров из регионов России. Лидером «Отечество» был мэр Москвы Ю. М. Лужков, секретарем — В. М. Мишин, бывший 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, а секретарем по оргделам — А. П. Владиславлев, бывший министр иностранных дел РФ и друг моего друга В. Б. Ломейко... В «Отечество» тоже не вступал.

«Момент истины» наступил, когда на выборах Президента РФ 2000 года кандидата в президенты от блока «Отечество — Вся Россия» бывшего премьер-министра РФ Е. М. Примакова власти провалили.

Собрался политсовет движения. Председательствовал Лужков. Обсуждался вопрос: «Как жить дальше?» Владиславлев просил меня выступить. «Для завязки» я рассказал притчу, в которой весь смысл произнесенной речи: «Святой Августин пас овец. Вдруг прилетел ангел с сообщением, что через три дня конец света. Ангел спросил Августина, что собирается делать он в оставшиеся три дня. Августин ответил: „Пасти овец...“» Вот и я посоветовал руководителям «Отечества» не отходить от своих планов, продолжать «пасти овец». Больше на заседания меня не приглашали...

Еще на стадии зарождения «Единой России» меня приглашали в Кремль на «узкое» совещание «питерских».

Лет пять назад приезжал ко мне Сергей Николаевич Бабурин, приглашал войти в состав руководства партии «Народная воля». Я отказался. Кстати, в тот раз «Народная воля» прошла в Думу, и Бабурин четыре года был заместителем ее председателя.

Можно сказать, что я несколько раз промахнулся.

Ни разу! Притом что всей сутью своего ума и души погружен в политику и много размышляю о ней в самом широком смысле — о политике мировой, российской, о политике в сфере политики, всякий раз я следовал уже сделанному мною выбору — быть вне всяких партийных привязанностей. У меня есть собственное научное мнение. В своих суждениях я беспристрастен, в них нет предвзятости. Такие люди партиям нужны. Но, попав в ряды, они оказываются в каземате или золотой клетке — их свобода мысли ограничена «генеральной линией партии»... Партийная политика пожирает всех, кто не может разгадать ее загадки, а разгадка для меня в том, что **партийная политика имеет целью не избранных, а «массу»**, толпу, в которой много идиотов. Я в этом ряду себя не вижу...

О дружбе

Дружба в детстве, в молодости — это романтизм, наивность, оптимизм. Но когда с годами поймешь, что за противоречивое существо — человек, иллюзии испаряются. Интерес и выгода — вот что движет человеком. Дружба из-за интересов — это обмен обманами. Есть мудрость, истинность которой становится все более очевидной с годами: существует всего три верных друга — старая книга, старая собака и наличные деньги. В этих словах много правды. С приходом успеха у тебя внезапно появляется множество друзей. А когда оказываешься не у дел, в беде или просто стареешь, вокруг образуется пустота...

Дружба — тонкая материя! Дружба дана не каждому. Все хотят иметь друзей, но не все умеют быть друзьями. Дружба — это обязанности, это ответственность, особенно когда друг в беде. Дружить — это скорее любить, чем быть любимым, помогать, чем рассчитывать на помощь. Я помогал и помогаю не только открытым друзьям, но и многим из тех, кто просто настроен ко мне дружелюбно.

Чем дольше живу, тем больше чувствую: поговорить можно с каждым, а выговориться, почитай, некому. Все чаще посещает меня чувство одиночества... С годами и дружба утрачивает свое очарование.

А все же потребность в дружбе неистребима. И только тот имеет друзей, кто ищет их, кто ценит дружбу. Я отношусь к разряду таких людей, хотя никакой войны за дружбу ни с кем никогда не вел. Своих друзей я всегда избирал себе сам. И в этом не было никакого прагматизма, расчета. В самом простом смысле друг для меня тот, кто приятен моей душе, моему уму и сердцу взглядом, улыбкой, своим отношением ко мне, даже если этот человек не сделал для меня ровным счетом ничего.

Близких и дорогих мне людей, которых я своевольно назначил себе в друзья и которые не отказывали мне в этом праве, у меня по жизни были и есть сотни.

И все же в дружбе есть свои круги — круг первый, второй, третий.

По большому счету (круг первый) друг для меня — это человек, с которым я могу, как с самим собой, говорить буквально обо всем — радостном и печальном, будучи уверен, что заветное или тайное умрет в нем и не станет достоянием других, источником слухов и сплетен.

Таких друзей за всю мою жизнь у меня было только двое: с ранней юности и до спелых лет — Гарри Сергеевич Кузнецов, мой дорогой Гарька, которого уже нет на белом свете. Когда мне было уже под сорок, т. е. с того возраста, когда обычные знакомства и полезные связи люди вдруг начинают именовать дружбой, а она, за редчайшим исключением, испаряется при первом же напряжении в отношениях, мы задружили с Юрием Дмитриевичем Поройковым. Сейчас встречаемся редко, да и созваниваемся нечасто. Но вот уже более трех десятилетий каждый из нас видит в другом то ценное, чем наделила его природа, — вроде все такое же, как у себя, а все же иное и влекущее.

Поэт, писатель, журналист, издатель... Но главное — огромного ума и бездонной глубины чувств человек, по которому я часто тоскую, сидючи в Федоровке...

А я люблю, когда дожди,
Когда гроза и ветер с юга...
Когда ты знаешь — жди не жди,
А не дождешься в гости друга.

Ах, дождь! — небесная вода,
Ах, тучи! — божье покрывало...
Мой друг исчезнул без следа,
А ведь заезживал бывало...

И были мы одной душой,
Лишь поделенной на две части.
Иль возгордился друже мой?
Иль у него так много счастья?

Вода небес, омой мой лик,
Пади потоком очищенья!
С дере́в в саду слетает лист,
Как с уст моих слова прощенья.

Дружу с композитором Марком Минковым, что удивительно само по себе — мы встретились пятнадцать лет назад и поверили друг в друга. Дружу с писателем и издателем Владимиром Десятериком, поэтом Андреем Дементьевым. Друг нашей семьи — Людмила Ивановна Швецова, первый вице-мэр Москвы. Любит Светлану, а мы оба обожаем ее. Она бывает в гостях у нас, а мы — у нее. Я не раз обращался к ней с житейскими просьбами, и всегда она помогала. Каждый год я получаю поздравления с днем рождения, написанные ее рукой... Если что-нибудь «вдруг» — я знаю, что могу, минуя всех ее помощников и секретарей, взять да и позвонить Людмиле Ивановне по домашнему телефону... В этом жестоком мире уже только сознание такой возможности значит очень много.

О семье

Без работы моя жизнь была бы бессмысленна и несчастна. Но счастье мое не только в ней. У меня есть красивая, умная, добрая, благородная жена, которая давно поняла, что без дела я и ей только в тягость. Она терпит меня всю жизнь и изредка говорит, что, несмотря ни на что, все-таки любит. У меня есть умные, красивые и вполне успешные дети: сын и дочь. Есть трое внуков и внученька. Моя семья.

Построить и сохранить семью — это великий труд, это наука и искусство. Люди перестают любить не потому, что стареют; они стареют потому, что устают любить.

Конечно, мы — не идеальная семья. Абсолютно счастливых пар я не знаю. Случались ссоры и разлады... Как может быть иначе? Все люди — разные и все несовершенны. Но главное — мы уважаем, продолжаем любить и прощать друг друга. Так проходили год за годом... Жизнь семьи — как живое растение: семя, росток, бутон, цветок, семя... Каждый день и каждый год все начинается заново...

Но как быстро летят наши дни!..

Поймите: любимые — смертны.
Бессмертна лишь Смерть, и она
Стоит в карауле бессменном
У каждой двери и окна.

От мыслей таких не бегите:
Куда убежишь от себя?
Любимых своих берегите.
А вдруг... Уходите, любя.

Любимых любить торопитесь!
А вдруг, если с ними... Молю:
Вы им потихоньку шепните
Сакральное слово «Люблю».

И Смерть задрожит и отступит —
У ней есть своя слабина:
«Люблю» — это крест в ваши руки;
Знаменья боится Она.

У Смерти беда: нелюбима,
Страшна, одинока она.
У Смерти судьба пилигрима —
Средь мрачных надгробий стенать.

Любовь же весельем грохочет,
Над Миром и Смертью парит,
Лукавит, ревнивит, хохочет,
Хранит, плодоносит — царит.

Поймите: любимые — смертны.
Пусть страх не хладит вашу кровь:
У Смерти победы несметны,
Но Смерти сильнее — Любовь.

Порою мной овладевает вдруг странное чувство некоторой растерянности, возникает странная мысль: мне кажется, что я не знаю, каким отцом я был и являюсь для своих детей: хорошим, посредственным, плохим? Мне кажется иногда, что я мог быть лучше, что дети недовольны мною. Пред всеми виноват... Может потому, что я рос без отца и знаю о том, что значит отец в жизни ребенка чисто теоретически; что у меня нет даже фотографий моих дедов и я не испытал за всю жизнь ни мужского взгляда, ни мужской руки предков, я не знаю ответа на этот вопрос.

Признаться, у меня не было особого педагогического рвения проводить свое свободное время с детьми, и не только в силу слабой осознанности своей отцовской ответственности по молодости

лет, но прежде всего потому, что свободного времени, с тех пор как появилась семья, у меня просто не было. С этого момента я был занят одной мыслью: как прокормить и достойно содержать жену и детей. Приходя домой с работы и едва перекусив, тут же усаживался за письменный стол, ибо был постоянно повязан договорами с издательствами, обязательствами перед газетами и журналами. При этом (надо понять) я не имел журналистского образования, был абсолютным самоучкой с неплохой головой, но совершенно безобразным стилем изложения своих мыслей. Каждый материал я переписывал по нескольку раз, пока получалось нечто похожее на то, что от меня ожидали редакторы.

В семейный воспитательный процесс я вмешивался только в критические моменты, когда становилось ясно, что необходима «тяжелая артиллерия». Я снимал с сына и дочери груз проблем, которые они не смогли бы решить самостоятельно или, в удачном случае, потратили бы на это неимоверное количество сил и времени. Разве я не могу рассчитывать на то, что они понимают это, и, стало быть, разве не должны были зародиться в их душах добрые ответные чувства, которые стали теперь свойствами их личностей? И разве это было не воспитание?.. А все же мысль о том, что что-то делал не то и не так, угнетает меня...

Вот был юбилей, 70 лет... Десятки людей говорили мне добрые слова, и только дети отмолчались. В праздничном пылу я как-то и не заметил этого. А ночью вдруг с горечью подумал: «Как же так?!.»

Утром на письменном столе увидел письмо моей доченьки:

«Папочка, любимый мой, самый дорогой!

Хочу написать тебе о том, что осталось несказанным...

Я люблю тебя очень-очень, горжусь тобой страшно! Какой же ты был вчера красивый, умный, душевный, веселый, трогательный. И мне кажется, что все приглашенные тоже смотрели на тебя с восторгом и любовью, а может, и с легкой завистью.

Ведь ты, добившись так многого в своей профессиональной жизни, сумел собрать и удержать вокруг себя таких верных и любящих друзей, коллег. Даже, если все в жизни относительно, это все-таки здорово!

Знаешь ли ты, что ты и мама, мои дорогие родители, вы — та сила, которая помогает мне жить. А ты понимаешь, что это — „жить“. Иногда нужно за что-то зацепиться, ухватиться... Есть дети. Они, конечно, тоже моя сила, но они сами такие хрупкие, так нуждаются в поддержке, опеке.

Поэтому, когда трудно, достаточно подумать о вас, услышать ваши голоса в телефоне, и тогда можно даже не рассказывать о том, что на душе. И так полегчает. Папуля! Ты всегда был и остаешься моим идеалом в жизни, в делах и просто „идеальным мужчиной“.

Не говори о том, что ты чего-то там нам с Олегом недодал. Это неправда! От тебя мы получили бесконечно много и до сих пор ты даешь, даешь и даешь нам всем.

Я, действительно, считаю себя глубоко счастливым человеком потому, что у меня есть ты и мамочка.

Родные мои, любимые, дорогие, простите меня за то, что бываю дурной дочерью. Я люблю вас двоих больше всего на свете! Храни вас бог!..

Наташа».

Ну что тут скажешь?..

О поэзии

Я пишу стихи. Зачем? Чтобы понять, как **это** делается, что я тоже могу делать **это**. Еще потому, что люблю русский язык. Поэзия позволяет выразить в нескольких строчках эмоции, которые иным способом не передашь. Стихотворение — это мука и радость, сходные, наверное, с рождением ребенка. Я не считаю себя поэтом, хотя есть вполне приличные стихотворения. Звания «поэт», как и звания «философ», достойны единицы. И это даже не те, кто всю жизнь просыпается и ложится спать с мыслью, что он призван писать стихи, получает литературные премии. Для меня стихосложение — занятие чрезвычайно редкое, урывочное и совершенно необязательное. Делаю это только тогда, когда хочется или очень необходимо. Когда душа просит.

О песне

Я записал несколько дисков с песнями ретро, сочинил стихи, а на них такие знаменитые композиторы, как Марк Минков, Евгений Крылатов, Владимир Шаинский, Георгий Мовсесян и другие, написали музыку. Неплохие песни вышли, кстати. Делаю это с той же целью: чтобы понять, что и **это** могу. А еще потому, что люблю музыку, с детства пою и не могу не петь. Я сохранил свой дневник 7-го класса 57-й средней школы г. Новосибирска. Классная руководительница сделала в нем запись для моей мамы: **«Плохо ведет себя на уроках: поет».** Для меня песня — лекарство, особенно наша, русская, отечественная. Когда я пою, я счастлив. А диски записал, чтоб сохранить для родных и близких прекрасные старинные песни, особенно военных лет. Знаменитые композиторы, написавшие мелодии на мои стихи, сделали это вовсе не потому, что я их друг-товарищ. Это разборчивые парни, себе цену знают. Им понравились мои стихи.

Еще Платон заметил: «...Песня может созидать, песня может разрушать, песня может исцелять, а может ввергать в безумие! Ряд изменений в песнопении влечет за собой изменение государственного устройства». Развалу Советского Союза немало поспособствовали наши «барды»...

Песня задает строй чувств, строй языка, строй мышления, строй ценностей и соответственно строй жизни. Песня задает вектор развития общества.

Государства начинали разрушаться тогда, когда в репертуаре певцов появлялось преобладание развлекательных тем. Во II веке новой эры философ Лукиан предрекал: «...Рим движется к неминуемой гибели, потому что **певцы перестали воспитывать**, а **только развлекают**». Результат общеизвестен. Сегодня в России сплошные шоу. Пора понять: певец — это образователь и воспитатель общества...

О патриотизме

Люблю Россию, она — мое мировоззрение, моя религия.

Чувство Родины проснулось во мне благодаря шестилетнему общению с дикой и суровой, но потрясающе красивой в своей пер-

возданности природой Западной Сибири, точнее сказать, забытой богом и властями деревни Петушихи, с ее оглушительной тишиной, упоительным воздухом, настоянном на смеси ароматов кедра и сосны, ели и пихты, березы и осины, луговых трав и цветов, пшеницы и ржи... Это чувство зацвело во мне со вкуса свежеиспеченного в русской печи домашнего хлеба и топленого молока; с ранних петушиных криков, кудахтанья кур, мычания коров и блеянья овец, криков пастуха Петьки Татарникова, который, обходя дом за домом, выгонял скотину в поле; с распевок огромных оркестров птиц у крыльца нашей избушки, когда каждая из птах, потихоньку попробовав спросонья голос, вскоре входила в раж, а вместе они творили такую удивительную музыку, что, слушая ее в полудреме, я никак не хотел просыпаться и иногда плакал от счастья.

Но начинался новый день. И каждый был как целая жизнь маленького человечка по имени Игорь. И было мне так хорошо, что в конце дня я не хотел засыпать, боясь ночи как смерти: усну — и не проснусь. И каждое новое пробуждение было как мое новое рождение. И снова начинался день, и снова был он как целая жизнь...

Так я жил да был, как все живое, «что пришло процвесть и умереть», просыпаясь утром и засыпая вечером, не предназначая себя ни для каких целей, не задаваясь никакими сложными вопросами. Просто бытовал. Природа сменяла на сцене жизни свои неизменные декорации — весну, лето, осень и зиму, на которых играли ее вечные актеры — солнце, луна и звезды, дождь, снег, град да ветер. А посреди этого великолепия и вечного круговорота неумолимых сил до поры до времени я был одним из огромного множества восхищенных зрителей, в котором больше тайно, чем открыто происходили постепенно важные перемены: год за годом я все больше влюблялся в сказочные и мифические русские образы, легендарные имена, в чудесную русскую природу и живопись, в русскую музыку и русские песни, в русский язык, русскую поэзию и литературу; я влюблялся и безумно влюбился в Русь.

Пусть другие любят свою страну, как я люблю Русь. Но пусть никто не навязывает мне своих обычаев и пристрастий, не пытается очаровать меня заморским хламом, своими традициями, песнями и мелодиями. Мой хлеб — слаще, мое небо — выше, мои

песни — чище, и в них вся душа моя и вся моя сила. На алтаре моей души единственное божество — моя Русь.

И во мне живет болезненная враждебность ко всему дурному, что есть в нашей стране и ее народе, и что (это надо понимать) неизбежно присутствует в каждой земле, в каждом государстве, в каждой нации. Ради того, чтобы изжить скверну, пишу я статьи и книги, работаю до седьмого пота и напрягаю других. Но не горячечная злость определяет мое умонастроение, дает мне энергию труда, а чувство боления за неустроенность жизни миллионов соотечественников, сострадания к слабым и обездоленным, веры в то, что жизнь может стать много лучше, что «последние могут стать первыми», если и я, как многие, не стану жалеть сил и времени для труда на общее благо. Я знаю, как больно и горько быть на дне, ибо был там, и долго...

Мне верится, что свет рассеет тьму,
А ветер северный все ж повернет на южный.
Я ничего с собою не возьму,
И потому мне лишнего не нужно.

Мне не нужны заморские края,
И золото, текущее рекою.
Мне до́роги лишь родина моя,
Да сад, взращенный милою рукою.

Ах, если было мне дано велеть,
Чтоб саду вечно цвесть и плодоносить!
Чтоб в гуще сада птицам вечно петь,
А в сентябре не наступала осень!..

Увы, всему на свете свой черед,
Своя пора живому, всякой вещи.
Родится род, потом уходит род...
И только смерть и перемены вечны.

«Мне ничего не нужно!» — говорю,
А только б видеть в просвет тучи узкий,
Как стая журавлей летит в зарю,
Уходит вдаль, курлыкая по-русски...

Когда-то давно англичанин Сэмюэл Джонсон сказал, что «патриотизм — последнее прибежище негодяя». Сказал про

Англию и про себя. Я же — русский. Мы — разные люди, живем в разных странах, у нас разные взгляды на жизнь, страну и мир. Почему я, Ильинский, должен так же плохо относиться к моей России, как Джонсон к своей Англии? Кто не понимает этого простого умозаключения — глупец. Кто понимает, но клянет Россию вместе с заезжими иностранцами, — тот подлец и негодяй. У каждого — свой бог. Будем каждый молиться своим богам и веровать в них.

О русских

Люблю русских. И только их. Остальные мне малоинтересны, так же как, думаю, и мы, русские, для них. Это нормально, по-моему.

Говорят, что когда человеку нечем гордиться, он гордится нацией. «Мы первыми полетели в космос», «у нас лучший в мире балет»... Но в космос первым полетел один русский — Гагарин; но лучших в мире русских балерин можно пересчитать по пальцам: Павлова, Уланова да еще трое-пятеро. Остальные 140 с лишним миллионов граждан России в космос не летали, в Большом театре не танцуют... Зато из века в век — нищета, бедность, дураки и не дороги, а направления... Никто не умеет жить так, как не умеем мы...

И все же я люблю русских. А кого прикажете любить? Американцев, французов, немцев, евреев, эстонцев?.. Если речь заходит о «крови» и генетике, о том, что «русские — лучшие в мире», что «русские — спасут мир» и тому подобном, то тут я скажу, что в мире есть единственная высшая нация — человечество, и единственная подлинная национальность — человек... Но пока вокруг все — американцы, евреи, украинцы, французы и даже чеченцы с эстонцами орут, что они соль и цвет человечества, я буду стоять на том, что русский человек может все, что могут другие, а еще способен на такое, о чем многие народы не знают, а некоторые даже подумать не могут. Я — русский и люблю русских. Назовете меня националистом — не обижусь.

О романтизме

Иногда мне говорят: «Зачем тебе жизненные передряги, забота о „других“? Живи в свое удовольствие!» Но я — романтик. Нет, не наивный. Я думаю и о результате. Романтический прагматик, прагматичный романтик — так сказал бы я о себе. Я романтик по Александру Блоку, который определил романтизм как «жадное стремление жить удесятеренной жизнью». По себе знаю: вполне возможно соединить выгоду с честностью и добродетельностью. Вполне. Вырабатывай чувство меры, учись контролировать себя, не желай того, без чего можно обойтись...

Об оптимизме

Я — оптимист. Если понимать оптимизм как знание, понимание, веру и волю. Все иные определения — игра в слова, каламбуры, попытка понять человека через настроение, которое может меняться по десять раз в день. В этом случае и я часто бываю пессимистом. Но важна жизненная установка — быть реалистом. Я люблю чувствовать, но больше — знать и понимать, быть там, где истина, а еще лучше — там, где она должна быть. Тут нужны интуиция, ум, опыт. Но только в этом случае ты и не «правый», и не «левый», и не «центрист», тебе сопутствует успех. Невозможно быть вечно «левым» или вечно «правым». Это против логики жизни, которая изменчива и непредсказуема. В этом — один из секретов успеха.

Об общении

Французский писатель Сент-Экзюпери произнес знаменитую фразу: «На свете есть одна настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения». Я уже говорил, что судьба подарила мне возможность в разные годы, но особенно в годы ректорства, общаться со множеством выдающихся, знаменитых людей, имена

которых невозможно даже перечислить — так много их. Лица некоторых из них запечатлены на фотографиях в этой книге. Из этих встреч я почерпнул невероятно много для своего ума и души, понимания, что есть политика, литература, искусство, человек и жизнь вообще. Некоторые из них потрясли меня, как та, о которой расскажу несколькими фразами.

Это было 7 июля 2008 года, в Берлине, в отеле «Regent» на Charlottenstrasse, 49. Я встречался с Эгоном Кренцем, бывшим Генеральным секретарем Социалистической единой партии Германии, председателем Народного собрания — последним руководителем ГДР — Германской Демократической Республики.

Мы сидели в саду отеля, ужинали и беседовали. О книге Кренца «Осень 1989», которую готовил к изданию на русском языке наш университет, а я писал вступительную статью к ней. О ситуации в мире. О России. О Горбачеве и Ельцине. О Путине и Медведеве. О положении дел в Германии, где Кренца, как бывшего руководителя ГДР, упрятали на четыре года в тюрьму, а теперь травят по телевидению и в печати. О демократии и диктатуре. О Великой Отечественной войне. О Сталине и Гитлере.

И вдруг меня как молнией пронзила мысль: «Парень, стоп!.. Ты понимаешь, с кем ты разговариваешь на „ты“, кто внимательно слушает твою речь? Это же глава немецкого государства! Да, не всего государства, а части того, которое пошло войной на СССР и которое возглавлял Гитлер!.. Но это — Германия!.. Ты понимаешь, где ты находишься? Это — Берлин!.. Город, в котором жил Гитлер, откуда началась война и раздавались команды „сравнять Ленинград с землей“, „уморить его жителей голодом“... А в это время ты, пятилетний мальчик, жил в Ленинграде, и это тебя среди других миллионов людей должны были уморить... В Берлине тысячи старых зданий, где жили фашисты, мостовых, по которым они маршировали, в живых еще немало тех, кто воевал под Ленинградом, орал „Хайль Гитлер!..“, „Зиг Хайль!..“

В нескольких сотнях метров от места, где ты сидишь, главная улица Берлина Unter den Linden. На том же расстоянии Бранденбургские ворота... Чуть дальше — рейхстаг... А позади — Ленинград и 67 лет...»

Эти и другие мысли и эмоции вдруг обрушились на меня и захлестнули с такой силой, что я едва сохранял нить разговора и опомнился, когда Эгон, может быть, что-то почувствовав, на некоторое время удалился...

Потом шофер такси прокатил меня по Унтер-ден-Линден, сфотографировал на фоне Бранденбургских ворот и Рейхстага... Я смотрел на это известное всему миру здание, а видел тех, кто штурмовал его, видел красное знамя Победы над куполом, видел надписи на колоннах «Мы дошли!», «Победа!»... Слышал пальбу из всех видов оружия, салют на Красной площади в Москве и себя — в деревне Петушихе, и папу, уже неживого, и смертельно бледную маму, лежащую в кровати, и заснеженный, заледенелый, голодный Ленинград... Видел и слышал все сразу... А что — неслабо: я же выжил! Я тоже дошел до Берлина! Я — ленинградский, блокадный заморыш — беседую с выдающимся немцем, который смотрит на меня умными и грустными, всепонимающими глазами...

Роскоши в этом общении не было вовсе, но в эти мгновения Жизнь торжествовала над Смертью, Добро — над Злом...

О связи успеха и смысла жизни

Стремиться надо сначала к тому, чтобы жизнь твоя имела смысл, а не успех. Осмыслишь жизнь — будешь счастлив.

«О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будет привлекать человека на земле», — говорил Достоевский.

Это — животный образ жизни. Вот в этом и есть бессмыслица, с которой надо бороться. Вносить логику в абсурд, учиться жить в аду, как в раю. Не брать и иметь, а отдавать и быть, иначе говоря, служить людям, творить добро — вот смысл и восторг жизни.

Банально? Да, вокруг сплошная гонка за вещами, деньгами и развлечениями посреди бомбежек, взрывов в метро, проституции, пьянства и наркомании... Пир во время чумы, абсурд и хаос... Человек бежит от действительности, ему не за что в ней ухватиться.

Да, сегодня зеркала всех светлых идеалов разбиты вдребезги, торжествует звериное начало жизни. И насмерть борются меж

собой не только отдельные особи, а целые страны: сытые и богатые против голодных и бедных, сильные против слабых. Стремление сильных выжить за счет слабых достигло космической силы.

Говорят: «А стоит ли страдать по этому поводу?.. Неведомо где, в одном из уголков космического пространства, летает комочек космической грязи под названием Земля, на нем копошатся миллиарды живых существ под названием „люди“, вообразивших себя центром Вселенной, господами Природы... Суетятся, о чем-то хлопочут, дерутся за корм, пожирая и разрушая все вокруг, да при этом еще ищут во всем этом высший смысл... Ни единичная личная, ни общечеловеческая жизнь не имеет смысла».

Это — проповедь самоубийц. Нет смысла быть Шекспиром, Бетховеном, Пушкиным, Гагариным?.. Тогда умрите! Звериная философия «сильных», желающих подмять под себя все живое. Но они неизбежно напорются на духовное сопротивление «слабых», и Дух явит свою победу Добра над Злом, Мира над войной. Быть может, это будет победа на кресте... Но — Победа!..

Успех — это не только результат, но и путь от беды к беде, от катастрофы к катастрофе без потери духа, веры в себя и надежды на победу. Кто не хочет победить, тот никогда не победит. Успех — это путь преодоления. Обстоятельств. Себя самого. Бывали такие ситуации, когда жить не хотелось... Где-то я вычитал и запомнил мысль одного умного человека, который сказал: **«Я измеряю успех человека не по тому, как высоко он поднялся по лестнице успеха, а по тому, насколько он поднялся после того, как упал».** Еще в юности я писал:

Десятки раз я упаду.
И сотни — встану.
Мне хватит сил на все бои,
на все пути.
Я больно падаю, но,
сдерживая стоны,
Я вновь встаю, чтобы
вперед идти.
Так жизнь пройдет.
Не знающий покоя,
Я встречу смерть —
придет и мой черед.

И я спрошу ее:
«Жизнь — что это такое?»
И сделаю последний шаг —
Вперед.

Один из итогов прожитых лет — моя собственная формула успеха. Конечно, тут есть момент игры. Но как говорили древние, «игра — это серьезно». О формуле успеха размышляли великий психолог Зигмунд Фрейд, великий математик Альберт Эйнштейн, американские ученые.

Моя формула успеха выглядит так:

У = (И + Р + Ч + В + С) + (Л + Д + И),

где:

У — успех;	**Ч** — честность;	**Л** — любовь;
И — интеллект;	**В** — воля;	**Д** — друзья;
Р — работа;	**С** — связи;	**И** — игра.

Первые пять составляющих — **(И + Р + Ч + В + С)** — определяют успех **профессиональный**, целиком все восемь составляющих — **(И + Р + Ч + В + С)** + **(Л + Д + И)** — **жизненный** успех.

Написал брошюру «Формула успеха», где обосновал свои взгляды, которые здесь излагать не стоит: проверены опытом на себе.

О вере

«Удивительно, как это жрецы-прорицатели, взглянув друг на друга, могут еще удерживаться от смеха», — заметил еще Цицерон. Он имел в виду, что религия — это великая выдумка, самый большой, самый старый миф, который необходим как тем, кто его изобрел, — властителям, так и тем существам, над душами которых они властвуют, — народу (все население минус властители).

Новым поколениям людей, принимающим на себя ведение духовных дел с целью улучшения дел земных, не остается ничего иного, кроме как поддерживать старые мифы и созидать новые. Мир становится все сложнее, и его все труднее уразуметь. Многие отказываются понимать и полагают, что не остается ничего иного, как верить и веровать. Так спокойней и проще. Не надо доказа-

тельств. Пусть будут чудеса. Если человек верит в Бога, значит, для него Бог есть. Оставим их наедине друг с другом...

Хорошо известно, что христианство на Руси вводилось насильственно, военно-полицейскими методами. И прежде всего потому, что новая «греческая» вера сулила княжеским теремам очевидные выгоды в управлении подданными на основе единобожия. Старая вера («многобожие») была растоптана, языческие идолы свергнуты с пьедесталов дружинниками. Упорствовавших забивали плетьми и батогами, четвертовали, колесовали. Так было не только на Руси, а во всех странах мира. Еретиков сжигали на кострах, гноили в тюрьмах, разоряли целыми городами и деревнями... И это тоже объяснимо: религия — это одна из основных форм управления народами.

«Чья власть — того и вера!» — вот принцип, которого под страхом насилия была вынуждена придерживаться в веках и православная церковь.

Священнослужители — не ангелы, а только люди. Они отпускают грехи других, но и сами грешат, поддаваясь земным соблазнам. Святым Духом желудок не наполнишь. Чтобы служить Богу, надо оставаться живыми.

Несомненно, однако, что Православная церковь сыграла огромную роль в собирании земель русских вокруг Москвы, в развитии российской государственности.

Несомненно, что Русская православная церковь предлагает обществу такие принципы социальной и личной морали, без которых Россия, пережившая множество потрясений и разломов, не смогла бы сохранить свою целостность и остаться той таинственной силой, которую веками не могут одолеть никакие супостаты.

Несомненно, что большинство священнослужителей ведут напряженную духовную жизнь, истово исповедуют и искренне проповедуют добро, долг, честь, справедливость, патриотизм, святость брака, любовь к семье, обязанность воспитывать детей, заботиться о слабых, сирых и нищих, а также многие другие ценности, в которые свято веровали канувшие в Лету и поколения предков моего рода.

Пастве нет дела до того, что пастырь — сам всего лишь человек. Что у него есть свои заботы, свои болезни и страдания. Что услышанные им откровения исповедующихся об их грехопадениях, а то и преступлениях, многократно умножают его печали. Отче должен быть светел лицом и душой, ласков и милостив, возвышен и благороден.

Такова судьба священнослужителя, какой она видится мне — «религиозному неверующему» (А. Эйнштейн).

И я представляю своих предков-священнослужителей именно такими. В моем воображении мои деды и прадеды были Сеятелями и Хранителями, Подвижниками и Духовными учителями наподобие Сергия Радонежского, наставлявшего Дмитрия Донского, Серафима Саровского, моего покровителя, как сказала мне одна гадалка, или Ильи-пророка, от имени которого образовалась фамилия нашего рода.

Я верю в то, что силы моих предков направляла идея Служения на благо России, своей семьи и всего рода человеческого. Что словами и делами своими они укрепляли дух и мужество своих прихожан. Что их истовое служение Богу и их Вера были добровольными и сознательными. И потому они не отступались от них ни в какие, даже самые лихие времена. Что отдавание своей психической энергии другим людям было им не в тягость, а в радость, ибо отдавание — есть истинно божественный признак. Они шли по пути Великого Служения, и в конце их ждали людская благодарность и память.

...Разве этого мало, если через многие десятки лет случайно встретившийся в лесу человек говорит: «Заблудились? Ильинских ищете? Так это ж поповичи... Откуда знаю? Да, говорят, служил когда-то в Батюково поп такой, Ильинский. Хороший мужик был».

О счастье

Говорят, что идея счастья не может быть верховным смыслом жизни: сколько людей, столько и целей жизни, столько и представлений о счастье. Итог? Хаос в головах и как следствие — хаос в жизни... Говорят, что идея счастья ведет к войне всех против

всех, что счастье одного достигается за счет счастья другого, строится на его несчастии.

Но что поделать, если я — счастлив?

Жизнь не может быть абсолютно счастливой, не все дела удаются. Счастье не во внешнем — не в должностях и званиях, не в том, что о тебе говорят другие. Счастье — внутри тебя самого, в гармонии твоих представлений о том, каким должен быть мир и каков ты в этом мире, что значишь в нем с точки зрения должного: что́ я сам по себе, что́ я в себе имею, иначе говоря, какими достоинствами обладаю в сравнении с окружающими, — вот единственно настоящее условие счастья, да и само счастье тоже. Счастлив тот, кто зависит только от себя, а не от внешних обстоятельств. Идеал — в тебе самом. Счастлив тот, кто может довольствоваться тем, что имеет, кто считает себя счастливым.

Я проживаю жизнь в сознании, что желание богатства, власти и славы должно иметь нравственные ограничения.

Счастье — в способности довольствоваться необходимым, немногим.

Счастье — в исполнении нравственного долга.

Счастье — в служении другим, в самосовершенствовании на пути к идеальному представлению о человеке — существе, похожему на лучшие экземпляры нынешнего человека, но превосходящему их в главном — в духе и нравственности.

Счастье для меня — Ильинского Игоря Михайловича — вырывать сорняки, высаживать цветы, выращивать сады там, где раньше их не было.

Счастье — строить и созидать. Выговорить: «цель всякой жизни есть смерть» (Фрейд) — трудно, но можно. Однако поможет ли это жить? Нет и нет. Я — педагог, и мой долг — учить жизни, а не смерти. Будем философами, исполненными жажды жить и быть счастливыми.

Я счастлив тем, что появился на свет в могучей стране с названием СССР, горько сожалею о том, что ее развалили враги внешние и внутренние, которых я презираю всем своим существом.

Я горд тем, что я — советский человек, что прожил жизнь так, как хотел.

Максимы

Есть **максимы**, в которых выражены постигнутые мною истинная житейская мудрость и здравый смысл. На этих истинах держатся жизнь и мир. Человек, желающий счастья себе и другим, должен знать их.

Да, люди неразумны, непоследовательны,
эгоистичны, а часто просто злы.
И все же — люби их!
Если ты делаешь добро, люди обвинят тебя в
затаенной корысти и себялюбии. Добро, сделанное
тобой, вероятней всего, будет завтра же позабыто.
И все же — твори добро!
Если тебе сопутствует успех, ты наживаешь
завистников, скрытых и действующих врагов.
И все же — преуспевай!
Искренность и открытость делают
тебя уязвимым.
И все же — будь искренен и открыт!
То, что ты в трудах и муках строил годами,
может быть разрушено в одно мгновение.
И все же — строй!
Люди нуждаются в помощи и просят о ней, но
они же часто упрекают за нее своих благодетелей,
а то и мстят за свою слабость.
И все же — помогай людям!
Отдавая миру весь свой ум и все свои силы,
ты можешь получить в ответ жестокий удар.
И все же — отдавай миру все
самое лучшее, что есть у тебя!
Так строится Счастье...

РОДСТВЕННИКИ

В книге упомянуты практически все родственники с обеих сторон — моей и Светланы. Скажу теперь о них чуть подробнее.

Ильинская (по мужу Ше́пелева) Ирина Михайловна — моя сестра (родилась 17 мая 1939 года в Ленинграде). Окончила

10 классов 36-й средней школы г. Новосибирска, затем курсы медицинских сестер. Работала на заводе им. В. П. Чкалова сборщицей, на заводе п/я 63 заварщицей, в медицинских учреждениях. От замужества с А. А. Шепелевым родились дочь Лариса и сын Юра, у которых, в свою очередь, есть дочери Ира и Юля.

Натура открытая, жизнерадостная, музыкальная. В молодости увлекалась народными танцами. С любовью и нежностью относилась к маме, заботилась о ней в старости, как о малом ребенке. Сейчас ухаживает за маминой могилкой. Я помогаю ей деньгами, чтобы не знала нужды, которой мы вместе нахлебались прежде...

...Самая большая радость в жизни — это внуки (конечно, не считая любимой работы и пр.).

С внуками нам повезло благодаря в основном дочери Наташе: она подарила нам троих внуков. Олег, к сожалению, — только одного.

Ильинский Денис Олегович — внук (родился 3 сентября 1981 года в Москве). **Прямой наследник рода Ильинских**.

В 2004 году окончил юридический факультет Московского гуманитарного университета (диплом ВСБ 0076314). В 2007 году в этом же университете защитил диссертацию «Прокуратура Российской Федерации в механизме реализации общеправового принципа законности» и получил ученую степень кандидата юридических наук.

С детства увлекается спортом. В 1995–1996 годах становился призером чемпионатов г. Москвы по плаванию среди юношей. В 1998 году — чемпион Москвы. Параллельно занимался тхэквондо и в 1998 году занял 4-е место среди взрослых на первенстве России.

С 2006 года работает юрисконсультом Московского гуманитарного университета; одновременно занимается малым бизнесом.

«Дениска родился в 1981 году, когда мне было всего 42 года, и полностью ощущать себя бабушкой не получалось[1]. Но мы любили его, а он нас. Это был очень добрый и общительный мальчик. Вокруг него всегда было много друзей. Никаких хлопот он не доставлял. Все у него получалось. Дома — это очень ласковый, неж-

[1] Здесь и далее — текст Светланы Петровны.

ный человек. Так приятно смотреть, как он общается со своей мамой Ритой, настоящий джентльмен.

Ермошкин Федор Николаевич (родился 22 апреля 1988 года), Алеша (2000 г. р.) и Маша (2002 г. р.). С этими детьми в связи с обстоятельствами мы больше общались с маленькими. И первые слова, ими произнесенные, и первые шаги запомнились хорошо.

Все разные, хоть и одна семья: характеры, привычки, даже любят совсем разную еду.

В детстве большой шалун и непоседа. В отрочестве — фантазер. Всегда и поныне — безмерно добрый человек. Все хватает налету. Друзей — масса. Говорить по-французски начал с 4 лет. И хотя в семье всегда говорят на русском, на дом приходила учительница русского языка, живя в Париже, Федя иногда очень смешно коверкал русский. Глядя на горящие в костре ветки, он говорил: „Смотрите, кусты жарятся...“ Нечаянно ударил мальчика. Я ему говорю: „А если бы он тебя ударил?“ Немного подумав, Федя ответил: „Тогда я ему сделал бы крофф“.

В школе его любили очень, все: и учителя, и дети. Очень хорошо учился в младших классах. В его аттестате учитель даже написала: „Браво, Федор! Спасибо за хорошую учебу“. Последние четыре года старших классов обучался в закрытой школе-интернате под Парижем. Теперь — студент Университета Пантеон-Ассас Париж-II. Что будет дальше, не знаем... Но очень хотелось бы, чтобы все у него получилось. Мы очень переживаем за Федю. Кроме всего прочего, он не только необыкновенно добрый и общительный, но отчасти и в чем-то беззащитный человек. Его легко обидеть, слишком он открытый.

Ермошкин Алексей Николаевич (родился 10 апреля 2000 года). С большим перерывом родился Алешенька. Сразу показал свой сильный характер. В этом смысле абсолютно не рядовой ребенок. В нем столько трогательного, хорошего и трудного одновременно! Каждый год летом Наташа и Коля с детьми приезжали в Москву и один месяц жили у нас на даче. Это было чудесное время общения. Как и у Федечки, у Алеши хороший вкус: очень радостные краски на рисунках, необычные смелые сочетания красок. Уже давно свободно болтает по-французски и выражается тоже некоторыми смешными оборотами. Ест суп: „Я не могу его

есть, некоторые кусочки горячие, и вообще там жарко“. Очень любит роботов собирать и говорит: „Я люблю с этим другом потараторить“.

Ермошкина Мария Николаевна (родилась 29 октября 2002 года). Маша — это радость, которую мы долго ждали. Всё мальчики и мальчики, и вот наконец — девочка. 2002 год оказался счастливым в этом смысле. Девочка наша нежная, послушная, добрая, не доставляет никаких проблем. Очень старательная. Всегда умеет себя занять. Как и у Алеши — отличный вкус. Хорошо рисует. До безумия любит лошадей и „принцесс“. Уже ясно — это маленькая женщина. Тоже выражается по-русски специфически. Когда Маше было 3 года, она сказала своей няне Гале: „Дай мне сок, пожалуйста, а если его нет, тогда будет большая тревога“.

Дети занимаются плаванием, музыкой, танцами, борьбой. Все время в труде. Вместе им, конечно, веселее и интереснее. Алеша — терпеливый учитель, а Маша — послушная ученица. Но отпор готова дать ему в любую минуту. Спуску не дает. Очень редко хнычет или жалуется на него, чаще — он на нее, что ударила его.

Оба с удовольствием, но не очень усердствуя, занимаются музыкой, русским языком. Родители делают все, что можно, для их образования.

Все наши внуки нас радуют, хотя порой и огорчают, вызывают чувство тревоги за их будущее. Однако все это меркнет перед тем счастьем и смыслом, которыми они наполнили нашу жизнь своим существованием...

Нам, как и любым бабушкам и дедушкам, хочется закрыть их „большим крылом“ от всех невзгод, охранить от всех жизненных перипетий, чтобы они чувствовали как можно больше любви и внимания, что дает веру в себя, спокойствие и надежду на понимание и защиту.

Храни их всех наша любовь!»

Говорилось, что у моего отца был младший брат — Владимир Федорович, погибший под Ленинградом. От него остался сын — Лев Владимирович, которого я попросил кратко написать о себе.

Ильинский Лев Владимирович (родился 22 февраля 1938 года в с. Батюко́во Зубцовского района Калининской (ныне — Тверской) области). Вот текст, написанный его рукой:

«Отец — Ильинский Владимир Федорович (1908 г. р.). Мать — Ильинская Анастасия Ивановна (1915 г. р.).

По рассказам моей матери, отец в канун войны служил в армии в звании младшего лейтенанта в г. Выборге.

Примерно в ноябре или декабре 1941 года немцы пришли в Батюко́во, и нас оттуда эвакуировали. Помню, было очень холодно, меня везли на саночках, и с меня немцы сорвали шерстяное одеяло. Остановились мы в д. Безгачево под Ржевом. Жили в землянке. Нас было, по моей памяти, вместе со мной 4 человека: моя мать, **пра**бабушка Наталья и бабушка Таня.

Весной бабушка Наталья ходила на картофельное поле и собирала гнилой картофель, из которого пекли лепешки. Тогда они мне казались очень вкусными. Бабушка Наталья тогда говорила, что картофель собирать пойдет она, так как „ей не страшно". „Я, — говорит, — уже свое отжила". Дело в том, что мы находились чуть ли не на нейтральной территории, которая простреливалась как нашими, так и немцами (наши стояли в лесу в 1 км).

Вернувшись в свои края, мы обнаружили, что деревня Батюко́во была полностью разрушена, а жители ее — часть погибли, а часть была рассеяна в другие области, в основном в Ленинград. Я с матерью и бабушкой Натальей поселились в деревне Боло́тово в 4 км от Батюко́во у бабушки Саши Кононовой, дочери Натальи Осиповны. Ее дом находился на краю села. Он сохранился и сейчас в полуразрушенном состоянии. В 1946 и 1947 годах у нас был сильнейший голод. В деревне даже крапивы не хватало на всех. Вот в этот период и умерла от голода бабушка Наталья. Похоронена она позади нашего дома. Могильный холмик сохранился до сих пор.

В то время мы получили извещение, что мой отец пропал без вести в 1942 году под Ленинградом.

После войны моя мать вышла замуж за вернувшегося с фронта односельчанина. Они построили дом в Боло́тово, и мы переехали туда. В 1945 году учился в начальной школе в соседней деревне, которую окончил в 1949 году. Работал на каникулах в колхозе. Я этот период сейчас называю „советским крепостным правом". В 1954 году поступил в Торжокский политехникум, который окончил в 1958 году. Был направлен на работу в Свердловскую

область, ст. Баженово. В тот же год женился. Жена — Галя, с которой я познакомился во время преддипломной практики в Харьковской области. В 1959 году уволился с работы по семейным обстоятельствам и переехал в Харьковскую область. Устроился в г. Харькове на завод „Свет шахтера“ в качестве выбивщика литья. Через 2 года перешел инженером-конструктором в отдел главного механика. Последние 10 лет работал в качестве начальника конструкторского бюро.

В 1960 году родился сын Юра, в 1963 году — Игорь.

Так называемую „самостийность“ Украины в 1991 году воспринял очень болезненно. Я увидел чудовищную несправедливость: шахтеры, работая в ужасных условиях и рискуя каждый день жизнью, дают нам тепло, свет, а вновь испеченные „нувориши“ купаются в роскоши...

Об Игоре Михайловиче Ильинском узнал, когда он ехал на молодежный фестиваль в Хельсинки и оставил письмо в Ленинграде у тети Нины. Она переслала его мне, в Харьков. До этого я знал, что у меня был брат, но все считали всю его семью погибшей.

Заключение: производственный стаж — 52 года, на одном заводе — 47 лет. В этом году 10 ноября у нас с Галей „Золотая свадьба“».

«Незалежность» Украины обернулась бедой для миллионов жителей, в том числе для сыновей моего двоюродного брата Льва Владимировича: Юрий и Игорь уже около 10 лет назад расстались с Харьковом, нашли себе работу в Москве, но живут в общежитии университета. Стоит заметить, что, как и отец, оба его сына богатырского телосложения — ростом за 190 сантиметров, широкоплечие, грудь колесом, весом под 130 килограммов, жизнерадостные, улыбчивые, честные и — работяги. Примерно таким обрисовывала мне тетушка Нина Федоровна моего деда Федора Федоровича. По моей просьбе каждый из них также написал краткую историю своей жизни.

Ильинский Юрий Львович (родился 29 февраля 1960 года в селе Ракитное Нововодолажского района Харьковской области). «Семья наша поначалу состояла из четырех человек: папа, мама, бабушка Вася (мамина тетя) и я. В феврале 1963 года родился брат Игорь. Жили мы в старом бараке в одной комнате, но, тем не менее, эти годы были самые счастливые в моей жизни. Нас с дет-

ства учили уважать старших, приучали к труду, что в жизни в дальнейшем очень пригодилось.

В 1967 году я пошел в школу. Учеба давалась мне легко: до 6-го класса я был отличником. Любимые предметы: математика, физика, физкультура. Очень любил игровые виды спорта, особенно футбол. Позже играл за команду Харькова.

В 5-м классе меня приняли в кружок юных железнодорожников, где обучали разным специальностям. Занятия проводились в выходные и праздничные дни. За время обучения (3 года) освоил специальность машиниста и мечтал по окончании школы поступить в училище. Но школа, в которой мы учились, давала неполное среднее образование (восьмилетка), и мне в поступлении в училище отказали.

Это было в 1974 году. Новый учебный год уже начался. Пришлось идти на завод к отцу. Год отработал слесарем-сборщиком в ламповом цехе, после чего снова пошел в школу доучиваться — получать среднее образование. По окончании школы меня призвали в армию. Служил в Венгрии, в ракетных войсках тактического назначения в городе Секешфехервар по специальности механик-крановщик.

После армии поступил в Харьковский институт радиоэлектроники, но по глупости бросил учебу, о чем сейчас очень жалею.

В 1982 году пошел работать на завод „Коммунар“ в 31-й цех, специализировавшийся по выпуску черно-белых телевизоров „Березка“. Освоил специальность регулировщика радиоаппаратуры, занимался ремонтом и настройкой телевизоров. Эта профессия мне еще долго в жизни помогала: занимался ремонтом различной аппаратуры вне работы.

Там же, на заводе, я встретил свою первую любовь. С Ирой мы поженились в 1983 году, но через 3 года поняли, что сделали ошибку, и по обоюдному согласию расстались. Детей от этого брака у нас не осталось.

В 1987 году выпуск черно-белых телевизоров прекратили и цех расформировали. Друзья пригласили меня на другую работу. Так я оказался на предприятии „Медтехника“, где занимался обслуживанием и ремонтом медицинской аппаратуры в больницах и поликлиниках города и области. В одной из больниц я и познако-

мился со своей нынешней женой Ирой. В 1989 году мы поженились. 18 сентября 1990 года у нас родился сынишка, которого мы назвали Димой.

Начало 90-х было нелегким временем — развал государства, которое казалось несокрушимым, появление кооперативов, обесценивание денег и т. д. С работы пришлось уйти — платили мало, а надо было думать о семье. За время с 1990 по 1995 год я поменял несколько работ. Некоторые фирмы закрывались, не успев начать работать, некоторые разорялись. В 1995 году я устроился на работу в салон „Европейские гардины“, откуда меня направили на учебу в Киев осваивать специальность монтажника французских натяжных потолков. Они тогда только появились в России и на Украине.

Обучали нас мастера из Франции. Были теоретические и практические занятия. До 2000 года я работал в Харькове. Потом уехал в Москву, обучил своего брата Игоря этой специальности, и по сей день занимаемся установкой натяжных потолков».

Ильинский Игорь Владимирович (родился 10 февраля 1963 года в поселке Ватутино Нововодолажского района Харьковской области Украинской ССР).

«Поселок назван был в честь героя Великой Отечественной войны, генерала армии Ватутина, освобождавшего Восток Украины от немецких захватчиков.

Я очень признателен своим родителям за удивительный период моего детства. Как и мой брат Юра, я был окружен лаской и любовью с их стороны, правда, за провинности и шалости нас, бывало, и наказывали.

В 1970 году пошел в первый класс Ольховатской восьмилетней школы № 2. В памяти еще свежи — перо, чернильница и тетрадки с промокашкой.

До четвертого класса был хорошистом. Любимые предметы: история, география. Математика и физика — так, посредственно.

Летом, в период летних каникул, часто отдыхали с братом в пионерских лагерях, если у отца или у мамы отпуск — ездили с ними. С отцом — на его родину в Калининскую область либо к его сестре в Карелию. С мамой — обычно на Черное море, в Крым, либо на Азовское море, в город Жданов.

Но нельзя думать, будто мы с братом вели только праздный образ жизни. Обычно первые два месяца каникул по собственной инициативе работали либо в колхозе на прополке сельскохозяйственных культур, либо на тарном складе — сбивали ящики, на элеваторе — сушили зерно.

В четырнадцать лет по направлению райкома комсомола удалось поработать у отца на предприятии. Осваивал специальность слесаря-сборщика, собирать приходилось в основном шахтерские головные светильники.

В 1977 году отцу на заводе вручили ордер на квартиру (благодаря Вашему содействию, Игорь Михайлович!). В восьмой класс я пошел в Харьковскую школу № 122. Принимал активное участие в спортивных соревнованиях на первенствах школы, района, города.

Любил зимние виды спорта: лыжи, хоккей. Занимал призовые места по бегу на лыжах в городских соревнованиях, наградой за что были десять рублей и трехлитровая банка яблочного сока.

В 1980 году окончил школу. С выбором профессии не определился. Родители говорили, чтобы шел учиться в медицинское училище. Поступить туда мне не составило бы труда, так как я был обладателем 1-го разряда по лыжам. Тогда это поощрялось.

После трех месяцев учебы на зубопротезиста я понял, что это не для меня, и поэтому покинул стены заведения.

Пошел работать на оборонный завод „Коммунар“ в качестве слесаря-инструментальщика.

Апрель 1981 года... Самолет ТУ-154 приземлился в городе Музыковешт Венгерской Народной Республики. Нас отправили в город Эстергом на севере Венгрии — в этом городе дислоцировалась Николаево-Будапештская, ордена Суворова танковая дивизия и мой будущий отдельный гвардейский батальон связи.

Карантин, подъем-отбой 45 секунд, марш-броски в полной амуниции, всевозможные учения, в том числе стран Варшавского договора „Щит-81“, „Щит-82“. Я гордился тем, что служу в рядах Советских Вооруженных сил. Как говорится, „не то, что нынешнее племя“...

Было смешно видеть, как отбывают службу венгры, чехи. Кто заслуживал признания, так это немцы. Вот у них — дисциплина.

Как и сейчас, в те времена была „дедовщина“. Редко, но попадал на гауптвахту.

Были и приятные знакомства. Так, у меня завязалась дружба с Эльвирой Шевчик, которая в то время заканчивала гимназию. Она проживала в красивейшем городке Варпалота в 15 км от озера Балатон.

По окончании службы мы с ней еще два года вели переписку, строили планы. Но не суждено было им сбыться, так как я по незнанию устроился работать на оборонное предприятие, а когда получил приглашение посетить Венгрию, мне было в этом отказано. Теперь только одни воспоминания...

В 1984 году поступил в Харьковский политех на вечернее отделение на факультет „Обработка металла давлением“. И снова не то. Глядя на грошовую зарплату моего отца (ведущего инженера-конструктора) и размышляя о своем будущем, я понял, что не стоит продолжать учебу. Ушел со второго курса.

Для справки: оклад инженера в то время составлял максимум 150 рублей, плюс премиальные, различные надбавки, в итоге выходило 220–250 рублей. А я, работая водителем 5-тонного погрузчика, мог заработать до 1000 рублей в месяц.

А тут еще появилась семья. Женился я в 1987 году в возрасте 25 лет. Женился, наверное, потому, что, как говорят, „уже пора“. Затрудняюсь сказать, что по любви.

В 1989 году на свет божий появилась Кристина. Я в ребенке души не чаял. Работал сутками. Приходилось по ночам грузить вагоны. Все для семьи, все в семью.

После развала Советского Союза фабрика, на которой я работал, еще какое-то время существовала, как и ряд других предприятий города, но всех ожидал один финал. Если при Советском Союзе на наше предприятие поставляли шерсть такие государства, как Уругвай, Австралия, Новая Зеландия, Аргентина, то после крушения СССР эти поставки в одночасье прекратились. До поры до времени работали с местными колхозами, но и те начали резать скотину на мясо, потому что содержать овец для шерсти стало нерентабельно. Поэтому украинская отрасль легкой промышленности и загнулась.

Передо мной стоял выбор — идти на базар торговать либо ехать в Россию искать работу. Я думал, что найти в России прилично оплачиваемую работу проблемы не будет, но оказалось совсем не так. Уже хотел было возвращаться в Харьков, но после звонка к Вам, Игорь Михайлович (а Вы были последней надеждой), все изменилось. Вы дали надежду не только мне, но и моему брату, а главное, что у меня появилась возможность выучить свою дочурку Кристину, которая учится в Национальном институте бизнеса, где Вы — Президент...»

Морозов Юрий Петрович (29 апреля 1929 года — июль 1987 года). Его сестра, Светлана Петровна, пишет: «Мой старший брат — самый близкий мне по духу человек. Объединяли нас многие общие черты характеров, отношение к людям и жизни.

Юра много читал, все в мире ему было интересно. Уже будучи в годах, он не стеснялся спрашивать обо всем, чего не знал, что ему был непонятно.

Доброе и уважительное отношение к людям позволяло ему иметь массу друзей из самых разных слоев общества. Его верный друг — известный детский хирург Новосибирска Зинаида Романова, начальники из сферы строительства, хотя он был рангом ниже — работал бригадиром. К сожалению, Юра не получил достойного его ума и способностей образования: война искалечила всю его жизнь... А учился он прекрасно! Но в 14 лет был вынужден пойти работать на оборонный завод. Специалист был отличный — „золотые руки“. Имел множество специальностей и в каждом деле был настоящим мастером».

Первая жена Юры умерла в возрасте 35 лет. От этого брака осталась дочь — Морозова Елена Юрьевна, 1959 года рождения, которая окончила университет в бывшей Германской Демократической Республике, свободно владеет немецким языком. Живет в Санкт-Петербурге, защитила кандидатскую диссертацию. Вышла замуж. Детей нет.

От второй жены у Юры в 1965 году родилась дочь — Морозова Наталья Юрьевна. У Натальи есть дочь — Ксения (23 года). Обе живут в Новосибирске.

Морозов Владимир Петрович (3 февраля 1942 года — 2004 год). Володя был младшим ребенком в семье. Окончил 7 классов и тех-

ническое училище. Так же, как и Юра, был мастеровым человеком, хорошо разбирался в технике и умел делать все. Работал на оборонных заводах «нового соцгорода» в Новосибирске.

Имел очень добрый, мягкий характер и прекрасный голос — хорошо пел. Свой дар передал старшему сыну Косте, который в тридцатилетнем возрасте трагически погиб в автомобильной катастрофе. Осталась и живет в Новосибирске его дочь Мария.

Также в Новосибирске живет второй сын Володи — Вячеслав.

Морозова Зинаида Петровна (родилась 3 июля 1932 года в г. Алейске Алтайского края).

После 9 классов вынуждена была пойти работать. Окончила курсы техников-геологов при Институте «Сибгипротранс» (проектирование железных дорог в Сибири). Ездила на изыскания по всей Сибири, участвовала в инженерно-геологических работах по проектированию железных дорог: Абакан–Тайшет, Сталинск–Абакан. Несколько раз по 6 месяцев жила в тайге в палатках, сплавлялась по горным рекам на плотах и лодках.

Проработав три года геологом, пошла учиться в строительно-монтажный техникум в г. Новосибирске, окончив который стала работать инженером. В 1967 году переехала работать в Кишинев, где вышла замуж. Через два года семья переехала жить в Одессу, где в 1969 году родилась дочь Нина.

Морозова Нина Борисовна (родилась 13 июля 1969 года в г. Ильичевске Одесской области) — дочь З. П. Морозовой. С 1976 по 1986 год училась в школе в Одессе. В 1986 году поступила в Московский институт инженеров транспорта, который окончила в 1992 году. С 1993 по 2001 год работала продавцом-консультантом в ООО «Петр Привалов» в бутике гостиницы «Шератон-Палас», г. Москва. С 2001 по 2003 год — управляющий ювелирным салоном «Vanity Fair» в Петровском пассаже; с 2003 по 2006 год — генеральный директор ювелирного дома «Привилегия» на Кузнецком Мосту; с 2006 по 2007 год — директор по рекламе выставки «Moscow Fashion Expo» Крокус-Москва; с 2007 по настоящее время — директор бутика «Montblane» в торговом центре «Времена Года».

Николай Николаевич Ермошкин — муж Н. И. Ильинской (родился 1 июля 1966 года в Москве). Отец — Николай Иванович Ер-

мошкин — известный в СССР журналист-международник и востоковед. Мать — Ермошкина (Жмуйда) Ирина Викторовна — кандидат наук, востоковед.

В 1988 году с отличием окончил МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) МИД СССР по специальности «Международные отношения». С 1988 по 1992 год работал в Консульском отделе Посольства СССР, а затем — России во Франции. С 1993 по 1998 год отвечал за развитие бизнеса одного из филиалов группы «Луи Дрейфус» в России и стран СНГ (Луи Дрейфус — один из крупнейших в мире трейдеров продовольственных товаров и сырья).

Затем — год обучения в бизнес-школе № 1 Европы (ИНСЕАД) в г. Фонтенбло (с получением степени MBA) и работа в лидирующей консалтинговой компании «Бостон Консалтинг Групп» в Париже.

С 2000 по 2007 год — сотрудник группы интернет-бизнес решений американской транснациональной корпорации Cisco Systems — одного из пионеров использования информационных технологий и Интернета в работе крупных организаций. Консультировал такие организации, как «Франс Телеком», Министерство связи РФ, Сберегательный банк РФ, Лукойл, МТС, ТНК, «Евраз», «Электронная Москва», по вопросам внедрения информационных технологий и интернет-решений.

В настоящее время — вице-президент по стратегии группы «Промышленные инвесторы».

Автор и соавтор нескольких книг, вышедших в России и США по вопросам внедрения информационных технологий в бизнесе и госорганах, корпоративному управлению и управлению кадрами, а также эссе об истории и культуре русской водки.

В 2006 году получил ученую степень кандидата экономических наук.

Ильинская (Агапова) Маргарита Михайловна — жена О. И. Ильинского (родилась 31 октября 1957 года в Москве). Окончила 10 классов. Работала в разных организациях. Вышла замуж. Находилась в Мозамбике вместе с мужем. В 1981 году родила сына Дениса. С момента создания школы «Ирида» занимает в ней должность заместителя директора. Отец — Агапов Михаил

Дмитриевич (1928–1997) — «Почетный энергетик РФ», мать — Коновалова Тамара Георгиевна (родилась в 1928 году).

В генеалогии — вспомогательной исторической дисциплине, изучающей происхождение и родственные связи исторических лиц, родов и фамилий, — отношения родства определяются не только по крови (хотя это главное), но также по близким неродственным, духовным связям. Бывает такое, что духовные связи дороже кровных, увы...

Нашему роду через Нину Федоровну Ильинскую, вышедшую замуж за Михаила Алексеевича **Глаголевского**, эта фамилия духовно близка.

Уже говорилось, что Нина Федоровна всю жизнь не могла надышаться на своего Мишулю. Это был достойный человек, я помню его.

Но в этой книге **Михаила Алексеевича Глаголевского** следует вспомнить еще и потому, что по воле случая, а лучше сказать — в силу ситуации, сложившейся в результате Октябрьской революции, он стал одним из невольных участников всемирно известной и трогательной истории... Весной 1918 года в Петрограде, где жила семья Глаголевских, начались голод и болезни. Плохо было всем, но особенно страдали дети.

Петроградская областная организация союза городов сумела организовать эвакуацию из Петрограда детей. В школах, гимназиях и реальных училищах было объявлено о возможности отправить детей на лето в более благополучные районы России в составе так называемых детских **питательных** колоний.

В мае 1918 года две колонии (около 1000 детей в возрасте от 3 до 16 лет) были отправлены на Урал, где они неожиданно оказались в зоне военных действий в связи с начавшимся чехословацким мятежом и продвижением линии фронта на запад. В числе этой тысячи оказались два брата — Михаил и Владимир Глаголевские, один из которых (Михаил) впоследствии и стал мужем Нины Федоровны. Их имена можно найти в Интернете в списке колонистов (http://colonia.spb.ru/index.htm.).

Оба брата уже умерли. Нина Федоровна тоже. Но жена моя, Светлана Петровна, так близко к сердцу приняла рассказ Михаила Алексеевича, когда он еще был жив, о тех мытарствах, которые

пришлось перенести ему за 919 дней кругосветной одиссеи, что я решил найти материалы об этой истории, а также фотографии, что Михаил Алексеевич показывал нам, но которые мы не смогли найти в альбомах умершей Нины Федоровны. Неожиданно я наткнулся в записи нашей беседы с ней от 3 октября 2001 года, в которой она говорила, что отдала фотографии Михаила и Владимира, которые были сделаны в Екатеринбурге, племяннику Михаила Алексеевича — **Юрию Владимировичу Глаголевскому**, который родился в 1932 году в Ленинграде, окончил институт, стал доктором физико-математических наук и до сих пор работает в специальной астрофизической обсерватории в поселке Архыз Зеленчугского района Карачаево-Черкесской Республики, изучая происхождение и эволюцию магнитных звезд. У меня был его телефон. Он переслал мне обе фотографии, на обороте которых рукой Михаила Алексеевича написано, где среди других детей находится он. Теперь эти фотографии в нашем семейном архиве.

Но вернемся к одиссее...

На помощь детям пришел Красный Крест, который сформировал несколько железнодорожных составов, собрал детей из обеих колоний и отправил их во Владивосток. Там дети провели почти целый год. Но Владивосток оккупировали японцы. И тогда руководителю отделения Красного Креста Райли Аллену пришла в голову «сумасшедшая» идея: отправить детей домой, в Петроград, единственно возможным путем — морским. Он добился выделения средств для того, чтобы переоборудовать один из военных кораблей под пассажирское судно и обеспечить всем необходимым для долгого морского путешествия более чем тысячи человек, большинство из которых были дети.

В течение двух месяцев корабль был для них домом.

Владивосток — японский порт Мураран — Сан-Франциско — Панамский канал — Нью-Йорк — Бордо (Франция) — порт Койвисто (Финляндия) — таков был маршрут этого невероятного морского путешествия.

Финляндия предоставила детям возможность провести несколько месяцев до отправки в Россию на территории санатория «Халила» (в настоящее время санаторий «Сосновый бор», Ленинградская область).

Два океана, Китай, Япония, Америка, Европа — таков путь Ковчега Детей из Петербурга в Петербург.

После двух с половиной лет скитаний, к январю 1921 года, все дети были возвращены в Петроград, совершив при этом самое настоящее кругосветное путешествие.

История эта уникальна, и я рассказываю о ней потому, что наш род имеет к ней отношение, хоть и косвенное. А еще потому, что в истории этой схвачено то время, в котором жили наши предки и в котором, несмотря на его жестокость, море ненависти и крови, оставалось место состраданию, благородству и любви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проходит горячка молодости, и человек понимает, что все меньше у него с каждым днем остается будущего, все живее становится прошлое. И уже невозможно думать о настоящем вне связи с минувшими днями. И начинает он интересоваться древностями своего отечества и рода, всяческими знаками былого, именами и делами своих предков, которые они оставили на земле.

Такая пора наступила для меня давно: ящики моих домашних шкафов, письменных столов в рабочих кабинетах на улице Тверской и в деревне Федоровке забиты фотографиями, альбомами, записными книжками, различными документами, а стены увешаны портретами наших со Светланой дедов и бабок, отцов и матерей, детей и внуков. Занятому бесконечными делами, вечно куда-то торопящемуся, мне казалось, что этого уже достаточно: собрано едва ли не все, что может представлять интерес для рода. Откуда взялась эта с детства живущая во мне на уровне инстинкта страсть к сбережению старины? Не знаю.

Но однажды дочь моя Наташенька спросила: «Пап, а что мне рассказывать своим детям о нашем роде? Написал бы что-нибудь...» Было это года четыре назад. Я принялся за работу. Решил написать очень краткую, на двадцать-тридцать страниц историю о роде Ильинских, наполнив ее обильно фотографиями, однако проблемы на работе и другие причины заставили меня бросить начатое...

А когда летом 2008 года снова взял в руки перо, то понял, что историю нашего рода надо о-смыслить, подойти к ней и философски, одушевить и хоть самую малость обрисовать и раскрасить образы присутствующих в тексте близких людей.

Говорю это к тому, что книга вышла большой и необычной: внутри нее мой текст перемежается с текстами Светланы, Наташи, делаются философские отвлечения, непосредственного отношения к рассказу вроде бы не имеющие, но служащие к нему общим фоном. По объему материала сильно выпирает в книге персона автора, чему есть объяснения, но заниматься ими не стану. Получился, конечно же, не семейный альбом, скорее семейная летопись, «кусочная» повесть. Говорят, такого рода произведения ныне входят в моду.

Книга предельно правдива, в ней нет вымысла. Все, что можно было за короткое время узнать, — узнал. Все, что следовало проверить, — проверено; все, что в силах был увидеть, — увидел собственными глазами.

Вот этот полет на вертолете 23 июля 2008 года в Тверскую область, в родные края: в Батюко́во к бывшему храму, где служил мой дед, Федор Федорович, к его и Татьяны Семеновны дому, где родился мой отец, его брат и сестры; к бабушкиной избе в Асу́жнево, где она жила после войны и где мы бывали со Светланой и сыном Олегом; к жасминовому кусту на задах огорода в Боло́тово, выросшему из праха Натальи Осиповны; к могилке бабушки Татьяны Семеновны в Орехово... Такого потрясения души и ума, мне кажется, я не испытывал за всю жизнь. Сюда — в эту пустошь и убогость — из самого центра Москвы, из уюта, красоты и цивилизации я прилетел почти через полвека. Но здесь — в несуществующем, стертом с лица земли Батюко́во, в осиротелых, брошенных Асу́жнево и Боло́тово, где сохранилось по нескольку изб, но нет ни одного крестьянина, ни одной овцы и даже курицы, а приезжают на лето только десятка полтора нищих московских пенсионеров, — сердце мое ныло, а душа стонала, как никогда прежде... Так душа болит лишь там, где корни рода, где родина твоя...

И когда со слезами на глазах гладил иссушенные солнцем и ветрами, иссеченные ливнями, едва ли не до середины ствола рас-

трескавшиеся от старости сосновые бревна бабушкиной избы, будто прикасался я своими пальцами к морщинкам ее красивого лица, будто слышал ее ласковый благодарный голос, будто чувствовал ее нежные ответные прикосновения... И запахи, эти неповторимые, дурманные запахи русской избы, исходящие от множества предметов крестьянского быта, разной утвари и живности, копошащейся в доме и около него: кошек, собак, коров, овец, кур, гусей, уток и бог знает чего еще. Изба была мертва, а запахи — живы!.. Я стоял посреди избы, и, закрыв глаза, почти наяву видел и чуял — бабушка вынимает из русской печи румяные шанежки на противне и шарит ухватом крынку топленого молока... И будто слышал в эти секунды вечерние деревенские звуки в звенящей тишине: тихое мычание подоенных коров, блеяние гонимых в загон овец, о чем-то на сон грядущий бормочущих меж собой кур на насесте, девичьи голоса и смех, плывущие по Черной речке от Асу́жнево до Батюко́во и обратно... И все это сразу, в одно мгновение — в одну душу... Обвал. Невыносимая боль. И какая-то небывалая радость: было время, когда здесь русские были русскими, жили по своим обычаям, говорили русским языком и по своему сердцу...

Я писал эту книгу для детей, внуков и их наследников. В ней повесть о том, как мы жили-были, в ней Истины вечные и те, что обретены нашим, совместным со Светланой, порою горьким жизненным опытом.

Был момент, когда мы со Светланой вдруг почувствовали, что книга эта нужна и нам самим. Захотелось хоть штрихами обозначить трудные, но во многом и прекрасные времена, в которые мы жили, лучше познать и понять себя самих — вчерашних и нынешних... Ведь «сей-час» несет в себе отпечаток всех бесчисленных мгновений, благодаря которым это «сейчас» стало возможным, оставив в настоящем нестираемые следы прошлого.

Разговор с самим собой о самом себе в нынешние времена — дело странное, для многих — более чем странное... А ведь еще тысячи лет назад древнегреческий философ Диоген Синапский бродил по Афинам с зажженным фонарем среди бела дня, и когда встречные недоуменно спрашивали его: «Что ищешь, Диоген?», отвечал: «Ищу человека!..»

Наши души все еще велят нам: «Ищи в себе человека!», чтоб оставить лучшее из найденного своим потомкам. Вот и бродим мы по их закоулкам и всюду, где еще теплятся хоть угольки памяти, встречаем себя, вчерашних, и множество родных лиц и, казалось бы, уже забытых людей... Сравниваем настоящее с прошлым, оцениваем, переоцениваем... Ищем смыслы и истины.

Верим, потомки наши прочитают эту книгу и извлекут из сказанного пользу для себя. Думаем, сказанное будет небезынтересно для каждого, кто задается вопросами: откуда я? зачем я в этом мире?..

Воистину:

Счастье не в том, чтобы жить под защитой чьего-то крыла.

Счастье — иметь свои крылья и знать, куда лететь.

Без Корней не вырастешь, без Крыльев — не полетишь.

Ильинский И. М. Корни и Крылья. Повествование о родословной. М., 2008.

ИЛЬИНСКИЙ О ВОЙНЕ И МИРЕ

(Послесловие к тому)

1

Бóльшая часть тома, последнюю страницу которого перевернул читатель, посвящена истории — демифологизации истории России и проблеме мировых войн; в последнем случае главное место (и это вполне понятно) отведено Второй мировой войне (для нас — Великой Отечественной), плавно перетекшей в глобальную холодную войну. Проблемно-тематически историческую часть тома можно представить следующим образом:

1) стихийное и проектное в историческом процессе (на примере советской «перестройки»);

2) Великая Отечественная война в контексте мировых войн;

3) холодная война, противостояние СССР и США;

4) террор и терроризм в современном мире;

5) русский вопрос — подходы к изучению особенностей исторического развития (пути) России.

Проблему стихийного («событийного») и проектного («заговор») И. М. Ильинский рассматривает на примере перестройки, довольно быстро окончившейся уничтожением Советского Союза. Он убедительно оспаривает ту версию разрушения СССР, согласно которой этот процесс и результат был якобы предопределен, якобы исторически необходим из-за утопизма коммунистической идеи, исчерпанности возможностей плановой экономики, бремени гонки вооружений и т. п. Не надо лишний раз объяснять, что эту точку зрения продвигали и продвигают «прорабы перестройки», мародеры постперестройки и их западные подельники. Все они дружно отрицают какие-либо тайные механизмы истории. В противовес этому И. М. Ильинский методологически исходит из наличия двух

пластов исторического процесса — явного и скрытого. Последний, во-первых, затушевывается сознательно в определенных интересах, во-вторых, как верно отмечает автор, *«мы много не знаем только потому, что не хотим знать, а тем более понимать»* (здесь и далее ссылки даны на страницы данного тома. С. 210); иными словами, как писал Пушкин, «мы ленивы и не любопытны», и это одна из причин, по которой заинтересованным лицам удается спрятать важнейший пласт истории как якобы несуществующий, заярлычив любые попытки исследовать его как конспирологию.

Именно этот пласт стал объектом пристального внимания И. М. Ильинского. Приведенные им документы, в том числе, что особенно ценно, свидетельства самих «перестройщиков», позволяют согласиться с финальным выводом статьи: «*...все трое* (Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе. — *А. Ф.*) *так много сказали о своих помыслах и делах (особенно Яковлев) в собственных публикациях, что прочитав их книги, можно с полной уверенностью утверждать: нет никаких сомнений, что „перестройка" была заговором»* (с. 220). И задумывалась она как государственно-политический заговор с целью уничтожения СССР, как контрреволюция. Заговор этот реализовывался частью высшей и средней советской номенклатуры и представителями Запада, прежде всего США. И. М. Ильинский цитирует посла США в СССР времен перестройки Дж. Мэтлока, который писал о том, что Горбачев, Рейган и американские союзники горбачевской «бригады» заслуживают признательности за вклад в процесс разрушения советской системы и СССР, в одиночку никто такой процесс не вытянул бы. И далее: *«Однако сценарий был написан в Вашингтоне, и сомнительно, чтобы он мог писаться в Москве — даже таким искусным руководителем, как Михаил Горбачев»* (с. 390).

Вывод о том, что большие исторические события — это часто заговор имеет не только значение как фиксация конкретного исторического факта позднесоветской истории, но важен методологически. Он ориентирует исследователей на анализ скрытых пластов и механизмов истории и сам развивает его в предисловии к исключительно важному и потрясающе интересному сборнику документов «Главный противник». Говоря об обоснованности взгляда на историю как на заговор тех сил, которые контролируют

власть, собственность и информационные потоки, И. М. Ильинский иллюстрирует это документами, которые тайно принимались руководством США в послевоенный период и в которых расписывались планы сначала ядерного уничтожения СССР, а затем «мирного», информационно-политического разгрома нашей страны.

И. М. Ильинский убедительно показывает, что главный «зачинщик» холодной войны — не британец Черчилль с его фултонской речью, а американец Трумэн, воспитанный в духе американской «культуры войны» и идей «богоизбранности Америки». Главный противник этой «богоизбранности» — историческая Россия, как бы она ни называлась. С окончанием холодной войны борьба США против России не окончена. Сегодня ясно, что в 1991 году, да и вообще в 1990-е годы, несмотря на разгул ельцинщины, США не удалось достичь в отношении России тех целей, которые они ставили. Чтобы понять, как реализовывался курс США по отношению к СССР времен Горбачева и к РФ времен Ельцина, надо, как подчеркивает автор, знать не только лицевую сторону, но и стоящих за ней субъектов, так сказать, тайную субъектную «подкладку» Истории.

Такой подход работает в изучении не только перестройки, но и других масштабных событий — И. М. Ильинский хорошо показывает это как на примере возникновения Второй мировой войны, ставшей для нас Великой Отечественной, и холодной войны, так и на примере фальсификации их причин, хода и результатов, особенно это касается Великой Отечественной.

2

Фальсификация Великой Отечественной войны, ее истории — это тоже заговор. Разоблачению враждебных России и русским мифов по этому вопросу посвящена значительная часть 4-го тома. И. М. Ильинский убедительно с цифрами в руках и со ссылкой на документы и работы историков развенчивает мифы:

— о неготовности СССР к войне;

— об отсутствии из-за «сталинских репрессий» у Красной армии опыта и необходимых руководящих кадров;

— о недоверии Сталина к собственным разведчикам и излишнем доверии к Гитлеру;

— о растерянности и недееспособности Сталина в первые дни войны;

— о случайности победы СССР над Третьим рейхом, о том, что победа одержана вопреки Сталину;

— о том, что Великая Отечественная стала для **каждой** семьи, для **каждого** человека личным делом;

— о том, что забросали противника трупами, т. е. о несоразмерности (не в нашу пользу) военных потерь;

— о том, что во Второй мировой Германию победили США.

Отдельное место занимает разоблачение И. М. Ильинским, ребенком пережившим блокаду Ленинграда (323 дня самого страшного и голодного ее периода), мифов о блокаде Ленинграда — о том, что Сталин якобы отдал приказ сдать Ленинград; о том, что ленинградцы хотели, чтобы город сдали немцам. Кроме того, в разделе работы «Великая Отечественная: Правда против мифов», посвященном дефальсификации битвы за Ленинград, значительное место уделено важным и интересным аспектам военной истории.

Кого-то может удивить, что почти половина указанной работы посвящена ленинградской битве. Но дело здесь, разумеется, не только в личном опыте И. М. Ильинского как блокадника и как сына лейтенанта М. Ф. Ильинского, погибшего на Ленинградском фронте в 1944 году; автор прав в том, что значение битвы за Ленинград и само по себе, и с точки зрения общего хода войны недооценивается. Отсюда — внимание к указанной теме и очень важно, что И. М. Ильинский ее поднимает — как и вообще вопрос о памяти о войне. *«Искажение исторического сознания*, — пишет он, — *утрата исторической памяти — это факт, который уже нельзя не признать. Рушится связь времен, преемственность поколений. Явление это пагубно для нашей страны...»*. Одна из линий, один из разломов разрушения — память о Великой Отечественной, о решающей роли СССР в победе над Третьим рейхом. *«Для тех, кто знает действительную историю Второй мировой и Великой Отечественной, кто в ладах со своей совестью и способен смотреть на вещи честно и непредвзято, этот вывод не подлежит сомнению*, — пишет И. М. Ильинский. — *Однако за 60 лет в мире и в нашей*

стране произошло множество разительных перемен, народились новые поколения, которые живут, учатся и воспитываются в совершенно новых социально-экономических условиях, совершенно иной духовной и нравственной атмосфере». Результат — 34% опрошенных в канун юбилея Победы 18–35-летних россиян не знают, с каким событием связана дата 22 июня 1941 года, еще 8% ошибаются в ответе на этот вопрос.

Автор с сожалением констатирует, что школа, учебники, учителя несут свою долю ответственности за такие результаты и приводит конкретные примеры: маршалу Жукову не нашлось места в учебнике А. Кредера, в нем (а также в учебнике И. Долуцкого) акцентируются поражения Советской армии, победам уделено лишь несколько строк; Долуцкий вообще не пользуется термином «Великая Отечественная война», для него существует только «Вторая мировая». В учебнике А. Данилова Великая Отечественная война даже не выделена в отдельную тему, а растворена в теме «Формирование и сущность советского строя. 1921–1945».

Нельзя не заметить, что такие подходы и оценки совпадают с позицией тех сил на Западе, которые ведут информационную войну против СССР, важнейшим элементом которой является очернение, принижение и даже забвение нашей победы в войне. По тому же Долуцкому, это СССР присоединился к войне Англии против Германии, став ее вторым фронтом. Так главный фронт Второй мировой и ее главный компонент — наша Великая Отечественная — становится «вторым фронтом».

Примеры перлов подонков от квазиобразования можно было бы множить, однако цель настоящего послесловия иная — мы говорим о работах И. М. Ильинского, в которых четко фиксируется: наш народ — народ-победитель (одна из публикуемых работ — текст выступления на торжественном собрании коллектива МосГУ, посвященном 70-летию Победы, так и называется: «Российский народ — это народ-победитель»), а главной силой победы во Второй мировой был СССР, причем только взятые в совокупности военная и политическая победы делают нашу Победу великой. Помимо прочего, именно эта Победа сделала мир намного более безопасным, чем раньше — и так вплоть до разрушения СССР, после чего уже некому было сдерживать агрессора, двинувшегося от Югославии

на Ближний Восток, но споткнувшемуся на Сирии и решившего отыграться на Украине. Еще и поэтому — прав И. М. Ильинский — мы должны вспоминать о войне. И не только из-за прошлого — из-за настоящего и будущего. А будущее — XXI век — сулит нам и новые вызовы, и старого главного противника — США. Этой проблематике посвящена вторая часть 4-го тома.

Автор убедительно показывает, что цели США по отношению к РФ как правопреемнице СССР в принципе не изменились по сравнению со временем советско-американского противостояния: ослабление, дестабилизация, при благоприятной возможности — расчленение России; все осталось по-прежнему или почти по-прежнему. Документы сегодняшнего дня, в которых говорится об американском курсе по отношению к РФ, не столь многим отличаются от документов, например, 1950 года («Задачи и программа национальной безопасности США»), где речь шла об СССР. И. М. Ильинский разбирает, в частности, нынешний доклад Госдепартамента США «Поддержка США прав человека и демократии в мире». О его содержании знают специалисты, но очень важно, чтобы об этом узнала молодежь. Именно к ней с выступлением «Вызовы XXI века» обратился автор тома на конференции «Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков». Охарактеризовав основные вызовы в историческом плане, И. М. Ильинский абсолютно верно заметил, что необходимое условие адекватного ответа на вызовы — поправить наши внутренние дела, вернуть национальную целостность и национальную мощь.

3

Среди вызовов XXI века ректор МосГУ особо выделяет международный терроризм, обращая внимание на такие его компоненты, как финансовое обеспечение и идейное оформление. В своем анализе он не ограничивается перечислением тех негосударственных организаций, которые объявлены террористическими, но обращает внимание на то, что *«международный террор в течение многих десятилетий являлся неотъемлемой составляющей внешней политики США. Одним из главных инструментов его*

осуществления было Центральное разведывательное управление США» (с. 319). В подтверждение данного тезиса автор приводит несколько документов. Из того, что происходит сегодня, мы прекрасно знаем, какую роль в усилении исламистских организаций, именуемых на Западе «террористическими», сыграли МИ-6, ЦРУ и Моссад. В связи с этим становится ясно, что сегодня международный терроризм — это не столько самостоятельная сила, сколько средство управления глобальными процессами в рамках стратегии управляемого хаоса.

К сожалению, большинство людей не только не понимают, но и не видят глобально-хаотического управления с помощью и под маской «международного терроризма». Как раньше не видели и не понимали, что холодная война — самая настоящая война, а потому у нас было принято писать это словосочетание в кавычках (якобы не настоящая война) и с маленькой буквы — «холодная война». А вот на Западе писали правильно — с большой буквы и без кавычек, т. е. относились как к самой настоящей войне, и это стало одной из причин того, что западные верхушки, североатлантические элиты заставили горбачевское руководство капитулировать; впрочем, эта публика не особо сопротивлялась, скорее напротив — подыгрывала, но это отдельная тема, которая интересно освещена в настоящем томе, и мы уже об этом говорили.

И. М. Ильинский значительное внимание уделяет холодной войне — прежней, той, что велась между США и СССР, и новой холодной (с маленькой буквы, поскольку речь не идет о глобальном противостоянии двух различных систем и идеологий), активно развернувшейся после крымской реакции РФ на американо-бандеровский переворот в Киеве в феврале 2014 года. Поскольку о холодной войне речь уже шла выше, имеет смысл обратиться к выводу, сделанному автором о новой холодной войне в недавно написанной статье «Холодная война: новый этап». Принятую в феврале 2015 года в США новую Стратегию национальной безопасности И. М. Ильинский квалифицирует как по сути объявление новой холодной войны — Россия прямо объявляется угрозой безопасности США. В условиях новой холодной войны, пишет автор, *«России нельзя забывать, что враг намного сильнее нас, что численность и мощь разнородной „пятой колонны“ много-*

кратно увеличилась и гнездится на всех этажах политической и государственной власти, бизнес-элиты как в центре, так и на местах; что основная масса либеральных русофобов, ненавистников России — потенциальных предателей — бытует и ждет своего часа в этой среде, не говоря уже о „зомби" в СМИ, для части которых солнце всходит на Западе. И — главное! — что холодная война — это самая настоящая война» (с. 397).

4

Упоминание русофобии, ненависти к России в контексте проблематики новой холодной войны не случайно: стратегия Запада по отношению к России вообще, т. е. как бы она ни называлась, направлена на решение русского вопроса. Как заметил один из руководителей советской разведки генерал-лейтенант Л. В. Шебаршин, *«Западу от России нужно одно — чтобы ее не было»*. Неудивительно, что в томе, посвященном в основном исторической и международно-политической тематике, И. М. Ильинский обращается к русскому вопросу. Свое одноименное выступление на 24-м заседании Русского интеллектуального клуба (21 декабря 2011 г.) он начинает так: *«Русский вопрос (для меня, по крайней мере) заключается в удивительной способности, казалось бы, установившейся русской власти к вырождению во власть чужеземщины»* (с. 199). Интересный мыслительный ход: русский вопрос сразу же увязывается с большой ролью чужеземцев в системе русской (в таком случае русской ли? полностью ли русской?) власти.

Иллюстрацию своего тезиса И. М. Ильинский начинает с самодержавной России, в которой, начиная с Петра II, правили нерусские или далеко не чисто русские — немцы. После Октябрьской революции *«подавляющее большинство партийного, советского и комсомольского аппарата с первых лет советской власти и долгое время составляли нерусские, и прежде всего, евреи»* (с. 200). Чувствительно-истеричные к еврейской тематике лица, нередко трактующие каждое упоминание слова «еврей» как проявление антисемитизма, могут напрячься от таких слов. Словно предвидя такую реакцию, автор чеканит: *«Сразу же отрекаюсь от ярлыка*

„махровый шовинист“ и ему подобных. Но я трепетно отношусь к понятию „мера“. Мера должна быть во всем, крайности чреваты бедой» (с. 200).

К сказанному автором можно добавить, что, во-первых, из песни слов не выкинешь, есть статистика, причем наша статистика 1920-х годов очень похожа на таковую 1990-х (и на украинскую — 2014–2016 годов); как тут не вспомнить афоризм Л. В. Шебаршина: *«Россия — это страна, где живут русские, а управляют ими россияне»*. Либералам же советую «200 лет вместе» их любимого А. Солженицына. Во-вторых, у нас нет запрета на серьезное научное обсуждение любых вопросов, включая национальный. Вот как ставит этот вопрос И. М. Ильинский: *«Я русский и говорю о праве русских обсуждать наши отношения с кем бы то ни было: с татарами, французами, евреями без смущения, что тебя обзовут „шовинистом“, „националистом“, а то и фашистом. Чушь какая-то. Пусть малые народы и их представители опасаются клеить ярлыки русским, ибо мы — главная нация, главный народ России по численности и вкладу в историю и нынешнюю жизнь»* (с. 201–202). И далее автор высказывает мысль, которая не может вызвать здравых возражений — мысль о необходимости принять закон о русофобии и активном его применении.

В своем выступлении И. М. Ильинский предложил несколько интерпретаций того, в чем состоит русский вопрос сегодня:

1) *«...русский вопрос сегодня... состоит в том, что в момент развала СССР Правительство России по своему высшему составу вновь стало еврейским»* (с. 202);

2) *«А нужны ли нынешней России русские в том виде, с тем национальным характером, который сложился исторически»* (там же);

3) *«...а нужна ли Россия самим русским. Ведь это мы — русские — практически без всякого сопротивления со всеми потрохами сдали внутренним и внешним оккупантам тот образ бытия, ту могучую супердержаву, на создание которой были положены десятки миллионов жизней»* (с. 203);

4) *«Либеральная реформа в России уже давно потерпела крах [...] Реформы не принимаются самой культурой русского народа. Но остается вопрос социальной модели дальнейшего развития России: куда идти? И это тоже русский вопрос»* (с. 203–204).

Жесткие, неприятные — прежде всего для русского самосознания, но честные вопросы, на которые необходимо дать честный ответ. Неприятные, поскольку определенная часть русских, точнее, российской интеллигенции с большим удовольствием готовы вести разговоры о «загадочной русской душе» (по ее поводу А. Зиновьев высказался так: русская душа — это русский бардак, помещенный в отдельную голову), о русской духовности, о русском всетерпении (не благодаря ли этому терпению мы имеем чубайсов и прочих захребетников у себя на шее?).

Самая серьезная проблема русского вопроса заключается, по мнению автора, в том, *«что российская власть не хочет даже слышать, что такой вопрос существует»* (с. 204), а громадное большинство русских людей не осознает, что такой вопрос вообще существует. С горечью отмечает И. М. Ильинский неконсолидированность русского народа и его неготовность ***«последовательно и жестко бороться*** *за то, чтобы занять в своей стране — в России положенное ему по историческим заслугам и доле в населении страны место, за отстаивание своей* ***первенствующей*** *роли в жизни российского общества во всех его сферах и на всех уровнях управления обществом и государством — снизу и до самого верху»* (с. 204–205). Отсюда — призыв автора: *«Русские — очнитесь! Возвысьте национальное самосознание! [...] Довольно апатии, ожидания и терпения. [...] Впереди — борьба»* (с. 207). А как известно, без борьбы нет побед.

5

Работы И. М. Ильинского, собранные в 4-м томе и посвященные истории — нашей страны и мировой, — это, безусловно, продуманные научные исследования, которые написаны на большом фактическом материале — на материале, осмысленном в широкой исторической перспективе с высоких гражданских и патриотических позиций. Эти работы, основные тематические блоки и концептуальные ходы которых я попытался зафиксировать в небольшом послесловии, важны не только в научном плане, это само собой, тем более что написал их не кабинетный ученый, а практи-

ческий человек с богатым созидательным опытом работы в различных социальных средах. Тем более что за текстами ректора МосГУ — правота человека, пережившего войну, участвовавшего в строительстве державы, не предавшего ни ее, ни ее идеалы, а после ее крушения нашедшего силы успешно сопротивляться хаосу. Но есть еще два момента, не менее, на мой взгляд, важных.

Во-первых, значение воспитательное. Работы И. М. Ильинского крайне важны для молодежи — для ее знания, понимания и умения разбираться в сложной социально-политической обстановке, когда *«век вывихнут»*, когда *«рвется связь времен»*, когда Родина в опасности.

Во-вторых, значение с точки зрения психоисторической войны. Последняя ведется на трех уровнях: информационном (поток фактов), концептуальном (пакетирование фактов) и метафизическом (смыслы). Тексты, представленные в настоящем томе, работают на всех трех уровнях, рассеивая то, что «мудрецы» из Римского клуба именуют «неосознанностью происходящего». Сегодня много пишут о сетевых структурах, сетевом обществе. Одна из особенностей этого социума заключается в том, что в нем если не полностью стерта, то пунктирна грань между состояниями войны и мира. Общество войномира или мировойны — на вкус. Психоисторическая война и есть войномир, в котором предстоит жить нам, нашим детям и внукам. Работы И. М. Ильинского — это одновременно оружие этой странной войны и боеприпасы к ней — «кто предупрежден, тот вооружен». Знание — сила. Но нужно помнить, что знание обязывает к действию, и эта мысль проводится в текстах, в частности, в призыве автора: *«Русские! Довольно заниматься лишь собой! Пора спасать нашу Родину!»* Исследования И. М. Ильинского работают на решение этой задачи.

А. И. Фурсов,
кандидат исторических наук,
академик Международной академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

Великая Отечественная: Правда против мифов *(2015)* 7

Русский вопрос *(Вступительное и заключительное слово на 24-м заседании Русского интеллектуального клуба, 21 декабря 2011 г.)* 199

История: стихия и заговор *(2015)* 208

II. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ: УРОКИ ИСТОРИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

История учит *(Вступительная статья к книге «Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». 2006)* 223

США как главный противник России: заблуждения и понимание *(Выступление на 15-м заседании Русского интеллектуального клуба, 25 апреля 2007 г.)* 286

О терроре и терроризме *(2001)* 297

Мир — это война *(2007)* 359

Тихая холодная гражданская война *(Из заключительного слова на 18-м заседании Русского интеллектуального клуба, 23 апреля 2008 г.)* 369

Линия фронта в войне с Россией проходит через Украину *(Выступление на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ по теме «Состояние российско-украинских отношений и выполнение обязательств по Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», 1 апреля 2008 г.)* 375

Холодная война: новый этап *(Доклад на 29-м заседании Русского интеллектуального клуба, 9 июня 2015 г.)* 381

III. ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Корни и Крылья. Повествование о родословной *(2008)* 401

Фурсов А. И. Ильинский о войне и мире *(Послесловие к тому)* 667

Игорь Михайлович
ИЛЬИНСКИЙ

Собрание сочинений в пяти томах

Том 4

Война и мир: история и современность

Художественный редактор
Е. Поляков
Технический редактор
Г. Шитоева
Корректор
С. Иванченко
Компьютерная верстка
И. Понятых

Подписано в печать 25.04.16. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ №

ООО «Терра» издательство»
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra. su